

**РОССИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ
В КОНТЕКСТЕ РАДИКАЛЬНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**Сборник научных трудов
XXI российской
научно-практической конференции
(с международным участием)
12–13 апреля 2019 года**

Екатеринбург
Гуманитарный университет
2019

УДК 30
ББК 87.6
Р 76

Редакторы

Л. А. Закс,
д-р филос. наук, проф.,
АНО ВО «Гуманитарный университет»;
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия (*гл. редактор*)

С. А. Мицек,
д-р экон. наук, доцент,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия

С. Д. Балмаева,
канд. филос. наук, доцент,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия

Н. В. Хмелькова,
д-р экон. наук, доцент,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия

А. П. Семитко,
д-р юрид. наук, проф.,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия

О. Ю. Зотова,
чл.-корр. РАО, д-р психол. наук, доцент,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия

А. В. Дроздова,
д-р культурологии, доцент,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия

С. А. Рамзина,
канд. социол. наук, доцент,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия

Г. А. Ямалетдинова,
д-р пед. наук, доцент, АНО ВО «Гуманитарный университет»;
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия

Р 76

Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сборник научных трудов XXI российской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – 610 с.

ISBN 978-5-7741-0372-0

«Кто мы, откуда, куда мы идем?» – таков один из ключевых исследовательских вопросов в современном гуманитарном знании. Радикальные изменения в социокультурных практиках, смыслах социальной жизни и властных моделях вовлеченности требуют осмысления и новых подходов.

В центре обсуждения круг проблем: российский человек и социальные перемены; особенности модернизационных процессов и консервативных тенденций развития российского общества; болевые точки взаимоотношения человека и власти в разных ее проявлениях; теории и практики обоснования справедливого общественного устройства.

Рекомендуется ученым и специалистам в области социально-гуманитарных наук, представителям правительственных, общественных и правовых организаций, а также аспирантам, магистрантам и бакалаврам гуманитарных направлений.

ISBN 978-5-7741-0372-0
<https://doi.org/10.35853/UfH-RMP-2019>

© Сборник. Гуманитарный ун-т, 2019
© Оформление. Гуманитарный ун-т, 2019

Статьи распространяются
на основе свободной лицензии
Creative Commons

**Russian Man and Power
in the Context of Dramatic Changes
in Today's World**

Collection of academic papers from the
21st Russian scientific-practical conference
(with international participation)
(Yekaterinburg, April 12–13, 2019)

Yekaterinburg
Liberal Arts University – University for Humanities
2019

Editors

Lev A. Zaks,
Dr. Sci. (Philosophy), Professor,
Liberal Arts University – University
for Humanities; Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia (*Editor-in-Chief*)

Sergey A. Mitsek,
Dr. Sci. (Economics), Ass. Prof.,
Liberal Arts University – University
for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Svetlana D. Balmayeva,
Cand. Sci. (Philosophy), Ass. Prof.,
Liberal Arts University – University
for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Natalya V. Khmelkova,
Dr. Sci. (Economics), Ass. Prof.,
Liberal Arts University – University
for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Alexey P. Semitko,
Dr. Sci. (Law), Professor,
Liberal Arts University – University
for Humanities,
Yekaterinburg, Russia

Olga Yu. Zotova,
Corresponding Member, Russian Academy
of Education; Dr. Sci. (Psychology), Ass. Prof.,
Liberal Arts University – University
for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Alla V. Drozdova,
Dr. Sci. (Cultural Studies), Ass. Prof.,
Liberal Arts University – University
for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Snezhana A. Ramsina,
Cand. Sci. (Sociology), Ass. Prof.,
Liberal Arts University – University
for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Galina A. Yamaletdinova,
Dr. Sci. (Pedagogy), Ass. Prof., Liberal Arts University – University for Humanities;
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019). Editors L. A. Zaks, A. P. Semitko, S. A. Mitsek et al. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities, 2019. 610 p.

ISBN 978-5-7741-0372-0

“What are we, where do we come from, where are going?” – this is one of the key research questions of contemporary liberal arts studies. Drastic changes in socio-cultural practices, social life narratives and power models of involvement demand reflection and new approaches.

This collection is focused on discussing a range of problems – the Russian man and social changes, features of modernization processes and conservative trends in the development of the Russian society; sore spots of individual / authorities relations in various manifestations; theories and practices of substantiating a just social order.

It is recommended for academics and experts in social science and humanities, representatives of governmental, public and legal organizations, as well as PhD students, graduate students and undergraduate students of humanities.

ISBN 978-5-7741-0372-0
<https://doi.org/10.35853/UfH-RMP-2019>

© Liberal Arts University – University
for Humanities, 2019

The articles are distributed
under a free license of Creative Commons

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	16
Приветственное слово на открытии конференции Уполномоченного по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзляковой	21
1. Философско-культурологическая секция	25
<i>Закс Л. А.</i> Технологическая революция наших дней – вызов российской власти	27
<i>Злотникова Т. С.</i> Власть в России: <i>modus vivendi</i> и <i>artis imago</i>	38
<i>Оводова С. Н.</i> Постколониальный и пространственный повороты в теории культуры: дискурс «подчиненных» локальностей	49
<i>Фан И. Б.</i> Свобода или безопасность в России: мнимый выбор	59
<i>Зайцев П. Л.</i> Феноменологический подход к анализу общества потребления: Э. Гуссерль и Ж. Бодрийяр	68
<i>Еремин А. В.</i> Религиозные детерминанты государственной власти в эпоху глобализации	75
<i>Кныш Е. В.</i> Формирование новой российской церковности: общество, власть, право	83
<i>Сердюкова А. С.</i> Ценностные ориентации и граждане будущего	94
<i>Брандт Г. А.</i> Театр как социокультурный институт: переопределение базовых конвенций	101
<i>Вдовина Т. Ю., Дудина М. М.</i> Исследование реализации государственных требований к профессиональной подготовке студентов вуза в области хореографии	109

2. Экономическая секция	119
<i>Мицек С. А., Мицек Е. Б.</i> Макроэкономический анализ экономики России в 2018 году	121
<i>Крутько И. С., Чаликова О. С.</i> Личностные корреляты организационной лояльности персонала	129
3. Правовая секция	141
<i>Семитко А. П.</i> Человек и власть: принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства	143
<i>Семякин М. Н.</i> Принцип пропорциональности в зарубежной правовой доктрине и практике и его интерпретация в России в контексте обеспечения защиты прав и законных интересов субъектов	159
<i>Рундквист А. Н.</i> Комплексный метод оценки соответствия законодательства принципу справедливости на примере налоговых отношений	168
<i>Незнамова З. А.</i> Криминализация и декриминализация как индикатор отношения человека и власти	177
<i>Филипповская Т. В.</i> Цифровизация образования в правовом и социально-экономическом контексте	187
<i>Глушкова С. И.</i> Идеи прав и свобод человека, гражданственности в правовых идеалах российских либералов	196
<i>Дмитриев А. В.</i> Истоки государственно-правовых идей русских масонов конца XVIII – первой четверти XIX века	207
<i>Шипицин О. А.</i> С. С. Алексеев о праве и правах человека в эпоху радикальных перемен	216

4. Социально-психологическая секция	225
<i>Зотова О. Ю., Тарасова Л. В.</i> Содержательные, процессуальные и дискурсивные характеристики трансформации этнической идентичности в условиях межнациональных отношений	227
<i>Донцов А. И., Зотова О. Ю., Мостиков С. В.</i> Трансформация ценностных ориентации при международной миграции	238
<i>Шабас С. Г.</i> Обучение кибербезопасности при взаимодействии с родителями в детском саду	246
<i>Пермякова М. Е., Виндекер О. С., Сморкалова Т. Л.</i> Удовлетворенность жизнью и счастье россиян зрелого возраста	254
<i>Сюткина Е. Н., Тарасова Л. В., Солодухина О. С., Белоусова Н. А.</i> Архетип дома в контексте проблем безопасности и этнической идентичности	268
<i>Путилова О. В., Виндекер О. С., Сморкалова Т. Л.</i> Исследование психологической разумности в связи с разными типами рефлексии	276
<i>Зотова О. Ю., Перельгина Е. Б., Мостиков С. В.</i> Изменения Я-образа в результате эмиграции	286
5. Секция журналистики, рекламы и связей с общественностью	295
<i>Балмаева С. Д.</i> Внимание, доверие и власть в российских «новых медиа»	297
<i>Дроздова А. В.</i> О власти визуальных образов в эпоху новых медиа	305
<i>Гилязова О. С.</i> Роль, возможности и ограничения социальных сетей в выстраивании диалога между населением и властью: русская практика	313
<i>Булатова Э. В.</i> Особенности смысловой структуры политических предвыборных PR-публикаций	326
<i>Калганова С. О.</i> Развертывание дискурса в условиях дефицита информации	335

<i>Архипова Ю. В.</i> Как бренды продвигают идеи феминизма (на примере рекламных кампаний Gillette и Reebok)	346
<i>Голубкова Е. А., Грунт Е. В.</i> Ambient media как новый тренд в социокультурном пространстве российского города	355
<i>Шматов Г. А.</i> О планировании периодической рекламы	364
<i>Мясникова М. А.</i> Телевидение глазами цифрового поколения: к проблеме медиапотребления	374
<i>Аликперов И. М., Ахьямова И. А.</i> Разработка коммуникационной политики современного русского театра в новых институциональных условиях	386
<i>Антонова Н. Л., Хафизова В. Р.</i> Профессиональные ценности будущих журналистов	398
6. Секция социально-культурного сервиса и туризма	407
<i>Погорельская Е. Ю., Чернов Л. С.</i> Социальные логики туризма	409
<i>Рамзина С. А.</i> Идеология клиенториентированного сервиса: институционально-общностные основания	418
<i>Мясникова Л. А., Голомидова О. Ю.</i> Потребитель – государство – бизнес – культура: проблема, тенденции, новации в развитии туризма	428
<i>Базаров Е. Ю.</i> Проблема развития минералогического туризма на Урале	441
7. Секция информационных технологий	451
<i>Агеносов А. В., Хмелькова Н. В.</i> От рекламной интеграции к кобрендингу: развитие маркетинговых альянсов в цифровой среде	453
<i>Грибовод Е. Г.</i> Цифровизация и ее воздействие на политическое медиапространство: теоретический аспект	464
<i>Ковба Д. М.</i> Цифровые технологии в образовании: история, проблемы и возможности	472

<i>Шитова Т. Ф.</i> Использование ERP-систем для эффективного управления бизнесом	481
<i>Белоусова В. И., Ермакова Г. М., Поторочина К. С., Чуксина Н. В., Шестакова И. А.</i> Организация самоконтроля студентов при обучении математике средствами информационно-образовательной среды	490
<i>Исаев А. П., Пьянзина Е. П.</i> Новые возможности для совершенствования систем управления качеством образования в вузах	499
<i>Куликова О. В., Кныш А. А.</i> Формирование прикладных математических компетенций студентов вуза с использованием информационных технологий	510
8. Секция физической культуры и спорта	521
<i>Гайл В. В., Чудиновских А. В., Фаттахов А. П.</i> Компетентностно ориентированная технология подготовки юных легкоатлетов-спринтеров	523
<i>Гернет И. Н., Пушкина В. Н.</i> Изменение физического и функционального состояния женщин молодого возраста, занимающихся калланетикой	532
<i>Зюрин Э. А., Петрук Е. Н., Бобкова Е. Н.</i> Исследование активности взрослого населения в физкультурно-спортивной деятельности	541
<i>Макеева В. С., Бруй К. Е.</i> Организационно-педагогическое сопровождение физической активности родителей учащихся общеобразовательной школы	549
<i>Полиевский С. А., Цой Е. В.</i> Обоснование экспресс-методов восстановления работоспособности студентов-спортсменов в динамике учебно-тренировочного дня	557
<i>Резер Т. В.</i> Особенности восприятия учебной информации современными студентами высшей школы	566
<i>Рогалева Л. Н., Малкин В. Р., Буркова А. М., Вичужанин Р. А.</i> Есть ли различия в стилях деятельности тренеров в индивидуальных и командных видах спорта?	576

<i>Рогалева Л. Н., Малкин В. Р., Лукманова Э. И., Гумерова А. А.</i> Реализация проекта «Теория и практика достижения превосходства в спорте» в подготовке магистрантов Сетевого университета СНГ	584
<i>Ямалетдинова Г. А., Белых С. И., Коляда М. Г., Олейник О. С.</i> О подготовке и переподготовке преподавателей для физического воспитания студентов	592
<i>Ямалетдинова Г. А., Семенов С. Е.</i> Показатели развития профессиональных компетенций у тренеров по чирлидингу	602

CONTENTS

Foreword	16
Salutatory address of T. G. Merzlyakova, The Human Rights Ombudsman in the Sverdlovsk region	21
1. Philosophy & Culturology	25
<i>Lev A. Zaks</i> Contemporary Technological Revolution – A Challenge for Russian Authorities	27
<i>Tatyana S. Zlotnikova</i> Power in Russia: <i>Modus Vivendi</i> and <i>Artis Imago</i>	38
<i>Svetlana N. Ovodova</i> Post-Colonial and Spatial Turns in Theory of Culture: Discourse of “Subordinate” Localities	49
<i>Irina B. Fan</i> Freedom or Security in Russia: The False Choice	59
<i>Pavel L. Zaytsev</i> Phenomenological Approach to Consumption Society Analysis: E. Husserl and J. Baudrillard	68
<i>Alexander V. Yeremin</i> Religious Determinates of State Power in Globalization Era	75
<i>Evgeny V. Knysch</i> Shaping a New Russian Ecclesiasticism: Society, Power, Law	83
<i>Anna S. Serdyukova</i> Value Orientations and Citizens of the Future	94
<i>Galina A. Brandt</i> Theater as a Socio-Cultural Institution: Overcoming Basic Conventions	101
<i>Tatyana Yu. Vdovina and Marina M. Dudina</i> Study of Implementation of State Requirements to College Students’ Professional Training in Choreography	109

2. Economics & Economy	119
<i>Sergey A. Mitsek and Elena B. Mitsek</i> Macroeconomic Analysis of Russian Economy in 2018	121
<i>Inna S. Krutko and Olga S. Chalikova</i> Personality Correlates of Personnel Organizational Loyalty	129
3. Law	141
<i>Alexey P. Semitko</i> Individual and Authorities: Principle of Sustaining Citizens' Trust to the Law and Actions of the State	143
<i>Mikhail N. Semyakin</i> Principle of Proportionality in Foreign Legal Doctrine and Practice and its Interpretation in Russia in the Context of Providing Protection of Subjects' Rights and Legal Interests	159
<i>Anton N. Rundkvist</i> Comprehensive Method of Assessing Legislative Compliance with the Principle of Equity as Exemplified by Tax Relations	168
<i>Zinaida A. Neznamova</i> Criminalization and Decriminalization as an Indicator of Individual / Authorities Relations	177
<i>Tatyana V. Filippovskaya</i> Digitization of Education in Legal and Socio-Economic context	187
<i>Svetlana I. Glushkova</i> Ideas of Human Rights and Freedoms and Civic Consciousness in Legal Ideals of Russian Liberals	196
<i>Alexey V. Dmitriyev</i> Origins of State and Legal Ideas of Russian Freemasons in the Late 18 th – First Half of the 19 th Century	207
<i>Oleg A. Shipitsyn</i> S. S. Alexeyev on Law and Human Rights in the Era of Drastic Changes	216
4. Social Psychology	225
<i>Olga Yu. Zotova and Lyudmila V. Tarasova</i> Content-Based, Procedural and Discursive Features of Ethnic Identity Transformation under Conditions of Cross-National Relations	227
<i>Aleksandr I. Dontsov, Olga Yu. Zotova and Sergey V. Mostikov</i> Transformations of Value Orientations when Migrating Internationally	238

<i>Svetlana G. Shabas</i> Training in Cybersecurity in Interaction with Parents in Kindergarten	246
<i>Margarita E. Permyakova, Olga S. Vindeker and Tat'yana L. Smorkalova</i> Life Satisfaction and Happiness of Russians at a Mature Age	254
<i>Elena N. Syutkina, Lyudmila V. Tarasova, Olga S. Solodukhina and Nataliya A. Belousova</i> The Archetype of the Home in the Context of Ethnic Identity and Security Issues	268
<i>Olesya V. Putilova, Olga S. Vindeker and Tat'yana L. Smorkalova</i> A Study into Psychological Mindedness in Relation to Different Types of Reflection	276
<i>Olga Yu. Zotova, Elena B. Pereyagina and Sergey V. Mostikov</i> Changes in self-image resulting from migration	286
5. Journalism, Advertising & Public Relations	295
<i>Svetlana D. Balmayeva</i> Attention, Trust and Power in Russian “New Media”	297
<i>Alla V. Drozdova</i> On Power of Visual Images in the Era of New Media	305
<i>Olga S. Gilyazova</i> Social Media’s Role, Opportunities and Limitations in Building a Dialogue between the Population and the Authorities: The Russian Practice	313
<i>Elina V. Bulatova</i> Features of Sense-Bearing Structure of Political Pre-Election PR Publications	326
<i>Svetlana O. Kalganova</i> Discourse Deployment under Conditions of Shortage of Information	335
<i>Yulia V. Arkhipova</i> How Brands Promote Feminist Ideas (Case Studies of Gillette and Reebok Promotional Campaigns)	346
<i>Ekaterina A. Golubkova and Elena V. Grunt</i> Ambient Media as a New Trend in Socio-Cultural Space of Russian City	355
<i>Georgy A. Shmatov</i> On Planning Periodic Advertising	364

<i>Marina A. Myasnikova</i> Television from Digital Generation's Perspective: Concerning the Problem of Media Consumption	374
<i>Igor M. Alikperov and Inna A. Akhyamova</i> Development of Contemporary Russian Theater's Communication Policy under New Institutional Conditions	386
<i>Natalya L. Antonova and Viktoria R. Khafizova</i> Professional Values of Future Journalists	398
6. Hospitality & Tourism	407
<i>Elena Yu. Pogorel'skaya and Leonid S. Chernov</i> Social Logics of Tourism	409
<i>Snezhana A. Ramsina</i> An Ideology of Client-Oriented Service: Institutional and Commonality-Based Foundations	418
<i>Lyudmila A. Myasnikova and Olga Yu. Golomidova</i> Consumer – State – Business – Culture: The Problem, Trends, and Novelties in Tourism Development	428
<i>Evgeny Yu. Bazarov</i> Problem of Mineralogical Tourism Development in the Urals	441
7. Information Technologies	451
<i>Alexander V. Agenosov and Natalya V. Khmelkova</i> From Advertisement Integration to Co-Branding: Marketing Alliances Development in Digital Environment	453
<i>Ekaterina G. Gribovod</i> Digitization and its Impact on Political Media Space: Theoretical Aspect	464
<i>Darya M. Kovba</i> Digital Technologies in Education: History, Problems and Opportunities	472
<i>Tatyana F. Shitova</i> ERP Systems Application for Efficient Business Management	481
<i>Veronika I. Belousova, Galina M. Yermakova, Ksenia S. Potorochina, Nataliya V. Chuksina and Irina A. Shestakova</i> Organization of Student's Self-Control during Mathematical Classes Delivered Through Information Educational Environment	490
<i>Alexander P. Isayev and Elena P. Pyanzina</i> New Opportunities for Education Quality Management Systems Improvement at Higher Education Institutions	499

<i>Olga V. Kulikova and Alla A. Knysk</i> Shaping Applied Mathematical Competences of College Students Using Information Technology	510
8. Physical Culture & Sports	521
<i>Viktor V. Gayl, Anatoly V. Chudinovskikh and Anton P. Fattakhov</i> Competence-Oriented Technology of Young Sprint Athletes Training	523
<i>Irina N. Gernet and Valentina N. Pushkina</i> Changes in Physical and Functional Condition of Young Women Doing Callanetics	532
<i>Eduard A. Zyurin, Elena N. Petruk and Elena N. Bobkova</i> Researching Adult Population's Activity in Physical and Sports Activities	541
<i>Vera S. Makeyeva and Kseniya Ye. Bruy</i> Organizational and Pedagogical Physical Activity Support for General Education School Students' Parents	549
<i>Sergey A. Poliyevskiy and Elena V. Tsoy</i> Substantiation of Express Methods of Restoring Student Athletes' Working Capacity within Academic and Training Day	557
<i>Tatyana M. Rezer</i> Features of Academic Information Perception by Contemporary Higher School Students	566
<i>Lyudmila N. Rogaleva, Valery R. Malkin, Anastasia M. Burkova and Roman A. Vichuzhanin</i> Are There Differences in Styles of Coaches' Work in Individual and Team Sports?	576
<i>Lyudmila N. Rogaleva, Valery R. Malkin, Elnara I. Lukmanova and Alfiya A. Gumerova</i> Implementing "Theory and Practice of Achieving Excellence in Sport" Project for Graduate Students Training at CIS Network University	584
<i>Galina A. Yamaletdinova, Sergey I. Belykh, Mykhailo G. Kolyada and Olga S. Oleynik</i> On Training and Retraining Teachers for Students' Physical Education	592
<i>Galina A. Yamaletdinova and Stepan Ye. Semenov</i> Indicators of Professional Skills Development in Cheerleading Coaches	602

Предисловие

Сборник научных трудов конференции состоит из докладов, представленных на XXI российской конференции Гуманитарного университета «Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире», которая проводилась 12–13 апреля 2019 года.

XXI конференция стала для Гуманитарного университета одним из самых масштабных научных событий за последние несколько лет: ведущие российские ученые, преподаватели и студенты университета, эксперты из других вузов обсудили междисциплинарные проблемы взаимоотношения человека и власти в самых разных ее проявлениях. В конференции приняли участие более 260 преподавателей и студентов из ведущих университетов Екатеринбурга, Москвы, Омска, Перми, Челябинска, Ярославля, а также зарубежные участники из Китая и Казахстана. Организаторами и партнерами конференции выступили Ельцин Центр и Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва).

В фокусе внимания конференции находились анализ современной российской социально-политической реальности и поиск новых подходов к осмыслению радикальных изменений в российских социокультурных практиках, стратегиях действия, смыслах социальной жизни и властных моделях вовлеченности современного человека. В рамках проведения конференции состоялись пленарное и секционные заседания, тематические симпозиумы, мастер-классы, тренинги, круглые столы по тематике научных секций конференции.

Пленарное заседание открыли ректор Гуманитарного университета Л. А. Закс и Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова. Концептуальное осмысление темы конференции было представлено в пленарных докладах Э. А. Паина (НИУ ВШЭ, г. Москва), К. К. Мартынова (НИУ ВШЭ, г. Москва), С. А. Мицека (ГУ, г. Екатеринбург), З. А. Незнамовой (ГУ, г. Екатеринбург).

Доклад известного российского политолога и этнографа, доктора политических наук, профессора Эмиля Абрамовича Паина «Особенности популизма и элитизма в России» был посвящен этим ключевым объектам изучения политической науки, их спорным трактовкам в научной литературе, особенно применительно к российским условиям.

Проблеме влияния новых технологий на культуру, социальное развитие и структуру общества был посвящен доклад «После модернизации: готова ли Россия к эпохе искусственного интеллекта?» Кирилла Константиновича Мартынова, кандидата философских наук, редактора отдела политики «Новой газеты». Основной тезис докладчика заключался в том, что модернизация не может сводиться только к использованию гаджетов и технологий. По мнению К. Мартынова, модернизация – это прежде всего развитие социальных институтов современного образования, судебной системы, современной экономики, которые поддерживают стратегию трансформации общества.

Анализ российской экономики и прогноз ее динамики были сделаны в докладе «Экономика России: текущее положение и перспективы» Сергеем Александровичем Мицеком, доктором экономических наук, деканом факультета бизнеса и управления Гуманитарного универ-

ситета. Докладчик затронул вопрос о развитии цифровой экономики в России, подчеркнув как ее сильные, так и слабые стороны.

Правовым аспектам взаимодействия человека и власти был посвящен доклад «Криминализация и декриминализация как индикатор отношений человека и власти» Зинаиды Александровны Незнамовой, доктора юридических наук, профессора, проректора по учебной работе Гуманитарного университета. Докладчик отметила, что в современном российском уголовном законодательстве такие процессы, как криминализация и декриминализация, являются тем индикатором, который говорит об актуальном состоянии отношения человека и власти в лице государства, поэтому только сбалансированное использование уголовно-политических инструментов криминализации и декриминализации деяний способно обеспечить эффективную защиту важнейших социальных ценностей.

Научный анализ развития России в условиях цифровой и социокультурной глобализации, проблемы диалога власти и общества, власти и свободы заняли важное место не только на пленарном заседании, но и в работе секций конференции. В течение двух дней работали 11 секций, мастер-классов, круглых столов. Тематическими фокусами которых стал научно-теоретический анализ властных стратегий от макроуровня государственно-политического управления до микропроцессов в повседневной жизни людей и их сообществ; отношений человека и власти в условиях экономических реалий современной России; состояния права и прав человека в эпоху радикальных перемен; психологической безопасности как мобилизатора ресурсов человеческой психики в ситуациях неопределенности и кризисов; проблем власти и свободы в современных медиа, взаимоотношений человека и государства в условиях цифровой цивилизации; потребителя, государства и бизнеса в современном российском туризме, гостеприимстве и событийном сервисе.

На секции «Физическая культура и спорт в контексте радикальных изменений в современном мире» с докладом «О реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта в Свердловской области» выступил министр физической культуры и спорта Свердловской области Леонид Аронович Рапопорт. На дискуссионных площадках секций участвовало более 20 спикеров-практиков из разных сфер бизнеса, IT-технологий, известных городских медиа.

Второй день конференции начался открытой лекцией Э. А. Паина «Иерархия ксенофобии в России: давние стереотипы в новых условиях» и завершился круглым столом на тему «Власть и общество в России перед лицом реалий XXI века», на котором обсуждались вопросы: Россия – власть – человек в новой системе координат XXI века; «несовременная страна», или новый консервативный поворот: Россия между прошлым и будущим; адаптирована ли российская власть к трансформационным вызовам развивающегося мира; человек и власть: политическое участие и гражданские свободы, стратегии жизни и тактики сопротивления, симуляции власти в эпоху новой информационной прозрачности; право и права человека в современном российском обществе; современное состояние судебной власти.

Все статьи, включенные в сборник трудов конференции, прошли **процедуру двустороннего анонимного рецензирования 2 внешними экспертами** в соответствующей области научных знаний. В результате рецензирования в сборник трудов вошло 59 статей из 188 тезисов, представленных участниками конференции.

Главный редактор

Л. А. Закс

Foreword

This collection of conference scholarly papers consists of speeches delivered at the 21st Russian conference by University for Humanities, *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World*, held on April 12–13, 2019.

The 21st conference became one of the largest-scale academic events for the University for Humanities over the past several years: leading Russian scientists, teachers and university students, as well as experts from other higher education institutions discussed interdisciplinary problems of relations between the individual and the authorities in their most varied manifestations. More than 260 teachers and students from leading universities of Yekaterinburg, Moscow, Omsk, Perm, Chelyabinsk, Yaroslavl, as well as foreign participants from China and Kazakhstan took part in the conference. Yeltsin Center and Higher School of Economics National Research University (Moscow) were conference organizers and partners.

The conference focused on analyzing contemporary Russian social and political reality and looking for new approaches to conceptualizing the drastic changes in Russian socio-cultural practices, action strategies, social life narratives and power models of contemporary individual's involvement. The conference included plenary sessions and sections, theme-specific symposiums, master classes, trainings and round tables on subjects of the conference's academic sections.

The plenary session was opened by L. A. Zaks, Rector of University for Humanities, and T.G. Merzlyakova, Commissioner for Human Rights in the Sverdlovsk Oblast. The conference theme was conceptualized in plenary speeches by E. A. Pain (Higher School of Economics National Research University, Moscow), K. K. Martynov (Higher School of Economics National Research University, Moscow), S. A. Mitsek (University for Humanities, Yekaterinburg) and Z.A. Neznamova (University for Humanities, Yekaterinburg).

The speech on *Features of Populism and Elitism in Russia* by Emil A. Pain, a famous Russian political scientist and ethnographer, D.S. in Political Science and Professor, was devoted to these key objects of research in political science and their controversial interpretations in academic literature, particularly as applied to Russian conditions.

The problem of new technologies' impact on culture, social development and the structure of society was handled in the speech titled *After Modernization: Is Russia Ready for the Artificial Intelligence Era?* by Kirill K. Martynov, Ph.D. in Philosophy, Political Section Editor in Novaya Gazeta. The speaker's main argument was that modernization should not be reduced only to using gadgets and technologies. According to K. Martynov, modernization is primarily about developing the social institutions of contemporary education, judicial system and contemporary economy that support the strategy of social transformation.

An analysis of the Russian economy and a forecast of its trends were presented in the speech titled *Russian Economy: Current State and Prospects* by Sergey A. Mitsek, D.S. in Economics, Dean of Business and Management Faculty, University for Humanities. The speaker mentioned the issue of digital economy development in Russia, emphasizing both its strengths and weaknesses.

The legal aspects of the relations between the individual and the authorities were considered in the speech titled *Criminalization and Decriminalization as an Indicator of Individual / Authorities Relations* by Zinaida A. Neznamova, D.S. in Law, Professor, Vice Rector for Academic Affairs, University for

Humanities. The speaker noted that processes like criminalization and decriminalization were an indicator within the contemporary Russian criminal legislation that demonstrates the current state of relations between the individual and the authorities represented by the state, so only a well-balanced application of criminal and political tools of actions criminalization and decriminalization could ensure efficient protection of the most important social values.

A scientific analysis of Russia's development under the conditions of digital and socio-cultural globalization, problems of a dialogue between the authorities and the society, between power and freedom were prominent not only in the plenary session but also at conference sections. 11 sections, master classes and round tables ran for two days. Their theme-specific focus was the scientific and theoretical analysis of power strategies: from the macro level of state political governance to micro processes in everyday lives of people and their communities; relations between the individual and the authorities under conditions of the contemporary Russian economic reality; the condition of law and human rights in the era of drastic changes; psychological security as a driver mobilizing human mind's resources in uncertainties and crises; problems of power and freedom in contemporary media, relations between the individual and the state under conditions of a digital civilization; consumer, state and business in contemporary Russian tourism, hospitality and event service.

The section devoted to *Physical Culture and Sport in the Context of Drastic Changes in the Contemporary World* featured a speech titled *On Implementation of State Policy for Physical Culture and Sport in the Sverdlovsk Oblast* that was delivered by Leonid A. Rapoport, Minister of Physical Culture and Sport of the Sverdlovsk Oblast. The section's discussion venues welcomed more than 20 practitioner speakers from various businesses, IT and well-known municipal media.

The second day of the conference started with a public lecture by E. A. Pain on *Hierarchy of Xenophobia in Russia: Long-Time Stereotypes under New Conditions* and finished with a round table, *Authorities and Society in Russia Facing 21st-Century Reality*, where the following issues were discussed: Russia – authorities – individual in the new 21st-century coordinate system; “a non-modern country”, or a new conservative turn: Russia between the past and the future; are Russian authorities adapted to transformational challenges of the developing world; individual and power: political participation and civil freedoms, life strategies and resistance tactics, simulation of power in the era of the new informational transparency; the law and human rights in the contemporary Russian society; current condition of the judiciary.

All papers included in the conference proceedings were **subject to double-blind review process by 2 external experts** in the relevant academic field. After the review, 59 papers out of 188 abstracts submitted by conference participants were included in the collection.

Editor-in-Chief

L. A. Zaks

Организаторам и участникам
XXI Российской научно-практической конференции
«Российский человек и власть
в контексте радикальных изменений в современном мире»

Уважаемые коллеги!

Рада приветствовать Вас на XXI Российской научно-практической конференции «Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире»!

Тематика конференции актуальна и востребованна. Важно осмыслить современные процессы взаимодействия общества и государства, взаимоотношений человека и власти, выявить общие закономерности, новые тенденции, направления сотрудничества, перспективы развития.

Думаю, что в ходе пленарного заседания, работы тематических секций, дискуссий и неформального общения состоится эффективный диалог и плодотворное обсуждение насущных проблем современности, которые волнуют каждого из нас.

Надо отметить, что 2019 год для нашего региона особенный, мы отмечаем 85 лет Свердловской области, которая поистине является опорным краем России, одним из сильнейших регионов нашей страны, и это во многом благодаря эффективному взаимодействию гражданского общества и власти, умению услышать друг друга как в печали, так и в радости.

Для многих стран мира 2019 год – это прежде всего год 30-летия Конвенции о правах ребенка, принятой ООН 20 ноября 1989 года. Этот юбилей также важен для России, которая одной из первых подписала и ратифицировала данный международный стандарт по защите прав ребенка и прав человека в целом.

Немало юбилеев было и в ушедшем 2018 году, который, как и каждый новый год, принес нам новые уроки и неоценимый опыт. Так, ключевыми юбилеями стали 70-летие Всеобщей декларации прав человека и 25-летие Конституции РФ. И Декларация, и Конституция подчеркивают важность и ценность достоинства человека.

Хотя позиции Декларации все еще не реализованы, но то, что этот документ выдержал испытание временем, говорит за себя – равенство, справедливость и человеческое достоинство и сегодня являются для человека той нравственной опорой, которая помогает жить.

Запрос на социальную справедливость, как в прошлом году, так и в новом 2019 году чувствуется особенно остро.

Каждый человек нуждается в социальной защите, заботе государства, хочет быть защищенным от произвола и нарушений прав и свобод. И есть руководители, которые хорошо понимают свой долг перед населением, но есть, к сожалению, и такие, кто знает только слова – «стандарты», «услуги», «нормы»... И за ними они порой не видят самого человека. Эта проблема не нова, однако пока нет успешных путей, надежных рецептов ее разрешения.

Каждый ежегодный доклад Уполномоченного написан не без боли за человека, которому мы порой бессильны помочь, поскольку занавес из неправильного толкования нормативно-правовых докумен-

тов так прочен, что пройти сквозь него бывает сложно, а то и совсем невозможно. Так быть не должно, ибо высшая ценность – достоинство человека.

И 25 лет жизни Конституции РФ показали, что для многонационального и многоконфессионального российского общества и государства всенародно принятая Конституция стала основой общественного согласия по ключевым вопросам развития страны через установление основных, объединяющих всех принципов, норм, идей о Конституции как основном законе, как своде основных прав и свобод человека и гражданина и их гарантий, как декларации основополагающих ценностей нашего общества и государства.

Юбилейные даты 2018 года, многие события уже нового 2019 года дали нам повод подумать о цене жизни. Знать правду, наказать виновных в нарушениях прав человека, не допустить произвола и грубых нарушений прав и свобод человека впредь. Всё это и есть – право на жизнь. Берегите себя, помогайте другим.

Каждый новый год несет новые даты, новые приоритеты, но ценности остаются прежними.

Уполномоченный
по правам человека
в Свердловской области

Т. Г. Мерзлякова

To the participants and organizers
of the 21st Russian scientific conference
“Russian man and power in the context of dramatic changes in today’s world”

Dear colleagues!

I am pleased to welcome you to the 21st Russian scientific conference “Russian man and power in the context of dramatic changes in today’s world”!

The conference topics are relevant and of great demand. It is important to gain insights into current processes of interactions between society and the state, identify general patterns, new tendencies, lines of collaboration, and prospects of our development.

I think that in the plenary meeting, thematic sections, and informal contacts an effective dialogue and fruitful discussions addressing pressing issues of concern to each of us will take place.

It is worth noting that the year of 2019 is special for our region, we celebrate 85 anniversary of the Sverdlovsk region which is, indeed, a stronghold of Russia, one of the most powerful territories of our country, and this is largely the result of effective collaboration between civil society and the authorities, their ability to make real efforts to communicate both in joy and sorrow.

For many countries, this year is the year of the 30 anniversary of Convention on the rights of the child adopted by the UN on 20 November 1989. This jubilee is definitely important for Russia that was one of the first to sign and ratify this international standard on protection of the rights of the child and human rights on a whole.

Last year was also rich in remarkable dates. The year of 2018, like every coming year, equipped us with invaluable experience and new lessons. We marked the 70 anniversary of the Universal Declaration of Human Rights and the 25 anniversary of the RF Constitution. Both the Declaration and Constitution highlight the importance and value of human dignity.

Although the positions of the Declaration have not been realized yet, the fact that this document has stood the test of time speaks for itself – equality, justice and human dignity help us live today.

Like last year, this year a request for social justice is particularly acute.

Every person needs social assistance and protection of his rights and freedoms. There are leaders who fulfill well their duty to the public, and unfortunately, there are others who know only words – “standards”, “services”, “norms” and do not see the man behind these words. This problem is old, and we still have to settle it.

Every annual report of the Ombudsman is written with pain for the person whom we cannot help as the curtain of misinterpretation of legal documents is so solid and rigid that it is difficult, or next to impossible, to penetrate. This is not the way to be, since the highest value is human dignity.

And 25-year life of the Constitution have shown that for multinational and multi-confessional Russian society and state the Constitution adopted by the entire people has become a pillar of public social agreement on key issues of the country development through establishing basic, nation-unifying principles, norms ideas of the Constitution being a fundamental law, a set of key human and citizen’s rights and freedoms and their guarantees wide, as a declaration of underlying values of our society and state.

The commemorative events of the last and this year make us think about the value of the life. To know the truth, to punish those responsible for human rights violation, avoid arbitrary actions and grave human rights abuses in future. All this is the right to life. Take care of yourselves, help other.

Every coming year brings about new dates, new priorities but values remain the same.

The Human Rights Ombudsman
in the Sverdlovsk region

T. G. Merzlyakova

1. Философско-культурологическая секция

Philosophy & Culturology

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC01
УДК 330.341.1:323(470)

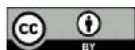
Технологическая революция наших дней – вызов российской власти

Лев А. Закс,
АНО ВО «Гуманитарный университет»;
Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0003-1219-3404, e-mail: rectorgu@r66.ru

Аннотация. В статье обсуждается тема реагирования российской власти на реалии и последствия современной технологической революции. Раскрывается ее содержание, дающее принципиально новый уровень овладения веществом, энергией и информацией. Технологическая революция рассматривается как важнейший по своему существу, масштабу, влиянию на настоящее и будущее всех сфер общества, общественной жизни в целом вызов, т. е. проблема, государственной власти. В России этот вызов имеет особо актуальное значение в связи с растущим технологическим отставанием страны. Приводятся статистические данные и факты, подтверждающие это растущее отставание. Подчеркивается, что адекватный ответ на сложнейший вызов не может быть частично-локальным, а требует системного характера и связан со всеми ключевыми аспектами государственной политики. Показывается несоответствие устремлений, императивов и практики современной российской власти логике и потребностям технологической революции. Ее политика не отвечает интересам инновационного развития, не создает для него и его субъектов необходимых условий. В результате основные возможные субъекты технологических инноваций (статья выделяет основные группы таких субъектов) объективно не могут реализовать создание и внедрение новых технологий и не имеют субъективной заинтересованности (стимулов/мотивации) для этого.

Ключевые слова: современная технологическая революция, российская власть, технологическое отставание России, субъекты и условия технологической революции, противоречия логики российской власти и логики инноваций.

Для цитирования: Закс Л. А. Технологическая революция наших дней – вызов российской власти // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мишек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 27–37. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC01.

Contemporary Technological Revolution – A Challenge for Russian Authorities

Lev A. Zaks,

Liberal Arts University – University for Humanities;
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-1219-3404, e-mail: rectorgu@r66.ru

Abstract. The paper explores the subject of Russian authorities' reaction to realities and effects of the current technological revolution. The content of this response is outlined, yielding a fundamentally new level of mastery over substance, energy and information. The technological revolution is considered as a challenge to public authorities, i.e. a problem – the most important one by its essence, scale, impact on the present and the future of all society's areas and the public life in general. In Russia, this challenge is particularly relevant due to the country's growing technology gap. Statistical data and facts confirming this widening gap are provided. It is emphasized that an adequate response to this emerging challenge cannot be partial or local; it needs to have systemic nature and connection with all key aspects of the state policy. A misalignment of current Russian authorities' aspirations, imperatives and practice with the technological revolution's logic and needs is demonstrated. The state policy does not match the interests of innovative development, does not create the necessary conditions for this development or its subjects. As a result, the main potential subjects of technological innovations (the paper identifies the main groups of such subjects) objectively cannot create or implement new technologies and have no subjective interest (incentives / motivation) for that.

Keywords: current technological revolution; Russian authorities; Russia's technology gap; subjects and conditions of technological revolution; contradictions between logic of Russian authorities and logic of innovations.

For citation: Zaks LA. Contemporary Technological Revolution – A Challenge for Russian Authorities. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 27–37. Available from: [doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PC01](https://doi.org/10.35853/UfH-RMP-2019-PC01).

Введение

Технологическая революция началась не сегодня. Всю вторую половину прошлого века, по крайней мере начиная с 1960-х гг., она набирала обороты. Тогда же, еще многого о ней не зная, не представляя ее возможных направлений, заговорили о ее последствиях. Потому что, по крайней мере в передовой мировой науке (в том числе и Марксу благодаря), утвердилось понимание, что технологии и связанная с ними техника – основа материального производства и всей цивилизации. И сегодня сомневаться в истинности этого положения нет никаких оснований.

Но если это так, то перед претендующей на эффективность и современность властью стоят три взаимосвязанные задачи: понимать характер происходящих технологических изменений и их множественные социокультурные последствия; способствовать освоению-внедрению порождаемых революцией технологических инноваций; адекватно практически отвечать на «логику» технологических перемен изменениями в государственной политике, во всей системе организации и управления общественной жизнью. Понятно, что каждая из этих обоб-

ценно сформулированных больших задач включает целые гнезда более конкретных, непосредственно или косвенно диктуемых реальностью технологической революции задач: научно-исследовательских, ресурсных и кадровых, экономических, практически-политических, правовых, социопсихологических, идеологических, ценностно-мировоззренческих. Передовые и развивающиеся страны, кто лучше, кто хуже, заняты ответами на серьезнейшие вызовы технологической революции и ее уже зримых последствий. При этом мы видим, что в современных обществах и их элитах наряду с ответами «pro» растет тенденция ответов «contra», что обобщенно именуют «консервативным поворотом». И это верно, так как существо ответов «contra» – при всем разнообразии вариантов – как раз и заключается в стремлении «заморозить» и удержать от изменений/утраты старое, повернуть вектор развития вспять, помешать осуществиться если не самим технологическим инновациям, то их последствиям, прежде всего в социальной и духовно-культурной сферах.

Методология

Проблема статьи – ответ российской власти на технологический вызов времени. Ее методология исходит из видения России (как и любой страны) как социокультурной системы, где каждая сфера и аспект жизни также системно детерминированы (экономически, политически, юридически, мировоззренчески, этически и т. п.). Можно говорить о системном социокультурном подходе междисциплинарного характера с применением аналитических и герменевтических (интерпретационных) процедур, статистики и экспертных оценок.

Результаты и обсуждение

Россия на «карте» мировой технологической революции занимает очень далекую от передовых позиций [4; 2]. Хотя, казалось бы, имеет ряд неплохих предпосылок для успеха: исторический опыт «догоняющей модернизации», научные традиции и школы, в том числе в прикладных науках и инженерии (что позволило России стать в послевоенное время сверхдержавой), высококвалифицированных компьютерщиков-программистов, природные ресурсы. Даже имеющихся финансовых средств при разумном их распределении могло бы хватить. Однако дело почти не движется. Качество НИОКР и их практической (производственной) реализации низко. Примеры неудач и провалов, например, в освоении космоса, хорошо известны, как и во многих других областях: биотехнологиях, медицине, фармакологии, производстве компьютерной и в целом информационной техники (современные гаджеты), робототехнике, нанотехнологиях, производстве высокоточной аппаратуры для науки, медицины и т. д.; мы отстаем и в более традиционных отраслях: станкостроении, автомобилестроении, самолетостроении и т. д. Россия не производит конкурентоспособных сотовых телефонов, компьютеров, автомобилей, самолетов, медицинской аппаратуры и много другой востребованной наукоемкой продукции. Растущая изоляция России все больше ставит под вопрос ее доступ не только к новейшим технологиям, но и к наукоемким «вещам», без которых уже невозможно не только творчество, инновации и развитие, но и просто

комфортная жизнь и удовлетворение потребностей современного человека.

Технологическая революция, напомним, отнюдь не сводится к производству, обывательски говоря, современных вещей. Или, выражаясь «философским» языком, к овладению веществом. Революционное развитие включает радикальное обновление процессов и результатов работы людей с двумя другими компонентами-ипостасями материального мира: энергией и информацией [10; 9; 5; 7].

Передовые страны мира ускоренными темпами осуществляют поиск-создание и внедрение новой энергетики, основанной не только и не столько на дополнительных вариантах использования полезных ископаемых (вроде сланцевого газа), сколько на освоении так называемых возобновляемых источников энергии (ветра, воды, солнца, химических реакций и даже биологических процессов). Использование нефти и угля в качестве обычного топлива (материала для сгорания) уходит в прошлое. Например, в декабре 2018 года в Германии закрылась последняя каменноугольная шахта (еще некоторое время уголь будет закупаться в Восточной Европе, а потом и эти закупки прекратятся). Эти инновационные процессы связаны и с тем, что в условиях ускоренного развития техногенной цивилизации XXI века самостоятельное значение и, что важно, срочность получают радикально новые решения глобальных экологических проблем: загрязнения воздуха, запасов питьевой воды, состояния озонового слоя Земли, климатических изменений (мировое потепление), сохранения флоры и фауны планеты, состояния земной коры и мирового океана и многое другое. Мы и тут «не в тренде». Продолжаем сжигать нефть и газ, загрязняем атмосферу множющимися автомобильными выхлопами и заводскими дымами, не продвигаясь в разработке более экологичных возобновляемых источников энергии. Вырубаем великие российские леса (для себя и на экспорт). Загрязняем реки и озера, продаем на сторону питьевые ресурсы Байкала. Не в состоянии решить практически решенную в развитых странах проблему мусора и отходов жизнедеятельности. Тут предел наших «высоких технологий» – тоже пока весьма дефицитные фабрики по сжиганию мусора (абсолютно антиэкологичный и устаревший метод!). Екатеринбург тут тоже дает грустные примеры технологического отставания и небрежения экологией. Воду из водопровода здесь давно никто не пьет и в пищу не употребляет. Гигантские мусорные свалки множатся. Экологически важный и выгодный проект завода по производству топлива для цементных заводов из содержимого канализационных стоков анонсирован с 2010 года, но к стройке так и не приступили [11].

О технологических процессах в сфере работы с информацией можно долго не распространяться. Ее прогресс стремителен и ошеломляющ. Влияние на все сферы, включая повседневную жизнь, упрощенно обозначаемое словом «цифровизация», превосходит все ожидания (интернет вещей, блокчейн, компьютерная медицина, онлайн-образование, медиаискусство, освоение технологий big data и т. п.). Экономическая эффективность поражает воображение. И здесь, кажется, наше отставание не столь пугающе. Но оно есть (начиная со слабостей отечественной компьютерной техники и кончая распространением Интернета и сетевой системы в российской провинции). И к нему сегодня добавляется стремление государства контролировать и регулировать исполь-

зование этой сферы, противоречащее не только нормам демократической жизни, но и самой функциональной сущности IT-технологий. А это не способствует инновациям. «Выдавлен» из страны создатель ресурса *Telegram* Павел Дуров; за границей этот предприниматель-инноватор начал новый проект, уже собравший 2 миллиарда долларов инвестиций, что, по данным ТК «Дождь», больше всех зарубежных инвестиций в Россию, и обещающий 30 млрд прибыли.

Фактическую (количественную) картину нашего технологического отставания недавно представил Rambler [6], и эти несколько цифр впечатляют, они существенны:

«Россия официально взяла курс на создание цифровой экономики, но в реальности технологическое развитие страны все больше затормаживается. Так, например, количество патентных заявок на изобретения в прошлом году упало до 36 454 – это самый низкий показатель с 2006 года, сообщил “Интерфакс” со ссылкой на “Единый депозитарий результатов интеллектуальной деятельности” (ЕДРИД). И беда не в том, что российская земля оскудела талантами, просто они все чаще ищут лучшей доли в других землях, сетуют эксперты.

Второй серьезный сигнал – сокращение уровня инновационной активности в российской промышленности. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, он падает третий год подряд. Если в 2004 году доля компаний крупного и среднего бизнеса, внедряющих в своей работе высокие технологии и принципиально новые решения, составляла 10,5 %, в 2012-м – 9,9 %, в 2015-м – 9,5 %, то в прошлом году она сократилась до 9,2 %. Это минимальный показатель с 1999 года.

По динамике инновационного развития российская промышленность в 4–6 раз отстает от ведущих индустриальных стран, пишет *Finanz.ru*. Например, в Швейцарии 60,2 % компаний используют инновации, в Германии – 58,9 %, во Франции – 46,5 %, в Великобритании – 45,7 %.

Даже в странах Центральной и Восточной Европы дела с инновациями обстоят лучше: в Польше ими занимаются 18,6 % промышленных предприятий, в Венгрии – 18,8 %. Из 33 стран, которые анализировала ВШЭ, лишь в Румынии инновационная активность ниже российской – 6,4 %.

И хуже всего ситуация как раз там, где теоретически научные разработки должны быть востребованы больше всего – на высокотехнологичных производствах, в отраслях высоких переделов, связанных с производством “сложных непродовольственных товаров”, отмечают эксперты Центра стратегических разработок. По их подсчетам, седьмая часть всех производственных мощностей в России устарела морально и технически и не может использоваться для производства конкурентной продукции» [8].

Недавно высшие представители российской власти выразили беспокойство нашим технологическим отставанием и декларировали необходимость его ликвидации, подтвердили решающую роль новейших технологий в развитии современного общества. Однако правильные декларации и некоторые материальные усилия – не гарантия успеха. Сложный мир современных технологических инноваций предполагает целую систему многих социокультурных предпосылок. Нужны целенаправленные усилия по созданию и обеспечению эффективной работы такой системы. Нужна, коротко говоря, адекватная государствен-

ная политика. И это не может быть, как у нас принято, какая-то отдельная от других сфер «инновационная» политика. Так, инвестиции в инновации, попадая в нынешнюю систему власти и управления, неизбежно частично разворовываются (взятками, откатами, псевдопосредничеством), а большей частью оказываются малоэффективными. И даже отдельные выдающиеся менеджеры тут не в состоянии что-то изменить к лучшему (вспомним «Роснано» во главе с А. Б. Чубайсом, получившее гигантские вложения и не совершившее предполагавшегося прорыва в сфере разработки и внедрения нанотехнологий). Но для проведения прогрессивной инновационно-технологической политики нужна соответствующая система организации и управления обществом, иначе говоря, адекватная потребностям развития социально-политическая система. Именно сюда сегодня сходятся все проблемы и возможности/невозможности их решения. Здесь узел, в котором проверяется системная состоятельность российской государственной власти.

Первопричиной нарастающего технологического отставания видится принципиальная ориентация российской власти – что бы она на словах ни декларировала – на самосохранение, на неизменность тех базовых политических механизмов на всех уровнях общества, которые (под лозунгом так называемой «стабильности») обеспечивают сохранение власти и всех ее «преференций» за нынешними политическими лидерами. Задача сохранить свои позиции любой ценой ведут к консервирующей *status quo* политике всесторонних (во всех сферах) ограничений демократии, прав и свобод субъектов всех уровней и масштабов: от граждан как избирателей и субъектов экономической и общественной деятельности до муниципального и регионального уровней властных структур, до собственно федерального уровня (избирательное законодательство: ограничения на создание избирательных блоков, муниципальные фильтры; административный ресурс на выборах, манипуляции с голосами избирателей). К этому добавляется растущая непрозрачность власти, жесткий контроль за СМИ и нарастающее стремление к контролю за Интернетом. «Распределительная» и «запретительная» доминанты властвования (тотальный контроль за деньгами, ресурсами, институциональным процессом, бизнесом), закрытость и жесткое «саморегулирование» верхними уровнями власти нижних, репродуцируемые на всех ее «этажах», отсутствие реальной оппозиции и независимого суда (т. е. реальной защиты от беззакония) и другие особенности создают условия для коррупции, «падения нравов» (повсеместного цинизма, снижения роли личной моральной ответственности, нравственной нечистоплотности). Примеры знает и обсуждает вся страна, хотя уровень политической культуры и субъектности масс не позволяет «электорату» делать из этих фактов и тенденций адекватные практические политические выводы.

Какое все это имеет отношение к технологическому отставанию? Самое непосредственное, но также и многостороннее опосредованное. Возьмем, несколько упрощая реальность, субъектов, которые могут и должны выступать участниками инновационно-технологического «движения», его заинтересованными агентами. Логика тут простая: чтобы двигать дело, надо иметь тех, кто его будет двигать, – заинтересованных людей. Интерес людей питается условиями и создаваемыми

ими возможностями: нет условий/возможностей – нет и интереса/мотивации к определенной деятельности и результату (странно или, наоборот, закономерно, что эту очевидную, давно доказанную историческим опытом логику у нас игнорируют).

Итак: 1) непосредственные субъекты НИОКР: ученые и проектировщики технологий (изобретатели, инженеры передовых производств и т. п.); 2) институциональные субъекты специальных инновационных структур, не только разрабатывающие, но и активно «продвигающие» новые технологии на рынке (стартапы; технопарки, опытно-конструкторские бюро и т. п.); 3) бизнесмены, руководители производств, выступающие и как инвесторы НИОКР, и как «получатели» прибыли от их внедрения; 4) специальные инвесторы, отечественные и зарубежные, в частности венчурные компании, вкладывающие средства в долгосрочные исследовательские и технологические проекты.

В свое время в статье «Общество для творчества: социально-организующая культура как основание креативности» [3] я показал, что характер организующих общественную жизнь «механизмов» (= социально-организующей подсистемы культуры) непосредственно влияет на способ связи субъектов со своей деятельностью. Там, где государство создает условия для свободного характера такой связи, где люди непосредственно заинтересованы в достижении целей своей деятельности, мотивируется/стимулируется и рождается творческое отношение к процессам и результатам своего труда, появляется заинтересованность в их совершенствовании и развитии. Речь идет об обеспечении общественно-политическими, юридическими и экономическими институтами так называемого «достижительного» принципа в функционировании общества, о чем писали все виднейшие идеологи либерализма от Бенджамина Франклина до Айн Рэнд, от Джона Локка и Алексиса де Токвиля до Карла Манхайма и современных экономистов, правоведов, политиков, социологов и культурологов. Даже творческий человек без соответствующих стимулов (как и условий) тратить силы на высокоэффективный труд, в том числе на инновационные усилия, не будет. Рабство негативным образом это подтверждает. Опыт передового капитализма – позитивным. Например, для оформления собственного бизнеса итальянцу требуется заполнить несколько бумажек и до получаса на одобрение последних чиновниками. В США в годы информационной и в целом технологической революции на первые позиции в инновационном бизнесе выдвинулись, опередив гигантские старые корпорации (такие, как Дженерал моторс, Крайслер, Боинг, Дженерал Дайнемикс и т. п.), многие молодые образованные предприниматели (создатели Майкрософт, Гугл, Эппл, Фейсбук, Амазон), в инновационное автомобиле- и ракетостроение ворвался неудержимый и дерзкий Илон Маск. Сходные процессы идут в Израиле, Франции, Германии, Финляндии и других Скандинавских странах, в странах Юго-Восточной Азии и, само собой, в еще коммунистическом Китае. На одной из прошлых конференций ГУ я приводил впечатляющую цифру: ежемесячно в США создается 500 тысяч (!) стартапов. Не все они, понятно, заняты технологическими инновациями. И не все успешно выживают и становятся высокоприбыльными. Но цифра говорит о массовой включенности дееспособного населения США в творческую продуктивную работу. Наша статистика (см. выше) дает обратную картину

уменьшения даже очень скромных цифр прошлых лет по полученным патентам, по числу использующих передовые технологии предприятий. А вот данные по российским стартапам. По данным spark.ru, на этом специализированном портале в 2017 году было зарегистрировано 6 422 стартапа. Из них реальными можно назвать только 1 448. Это 23 % от их общего числа (Удручающая статистика стартапов, 2017). Данные опубликованы под выразительным заголовком! А как наши стартапы финансируются? По данным портала «Прайм» на 28 июня 2018 года, «около 71 % технологических стартапов в РФ созданы на собственные средства основателей, – говорится в исследовании рынка технологического предпринимательства, проведенного при поддержке ЕУ и ФРИИ, “Стартап Барометр 2018”. – ... т. е. в венчурной терминологии они не “venture baked” – не финансируются инвесторами. Только у 11 % есть непрофильный инвестор, у 5 % – “бизнес-ангел”, а у 3 % – венчурный фонд [1]. При этом, как сказано в том же материале, «самыми важными ресурсами для развития своего бизнеса фаундеры назвали деньги – так ответили 40 % опрошенных». Таким образом, отсутствует одно из важнейших условий инновационной деятельности. В результате «подавляющее большинство стартапов (50 %) находится на стадии разработки продукта. До стабильных продаж добралось только около 20 % всех респондентов». О психологическом настрое инноваторов-стартаперов свидетельствуют следующие данные Прайма: «На рынке все еще не хватает амбициозных основателей, многие успокаиваются, построив бизнес с выручкой 2–5 миллионов долларов в год. Российскому же рынку нужны супермотивированные предприниматели, которые будут строить крупный бизнес из стартапа, – отметил директор Акселератора ФРИИ Дмитрий Калаев». Правильно говорит Дмитрий Калаев. Но ведь понятно, что «супермотивированность» не падает с неба, она как раз и создается (воспитывается, стимулируется) условиями ведения бизнеса.

А это не только отсутствующие деньги. Это простота и свобода ведения дел. Чего у нас нет, потому что имеет место не только бюрократизация делопроизводства и волокита, но и постоянное вмешательство в деятельность предпринимателей, бессмысленные проверки, стимулирующие коррупцию, искусственные препятствия, наконец отъем эффективного или подающего надежды бизнеса (истории с «Евросетью», «Магнитом», бизнесом Павла Дурова и многие другие). Тут можно говорить об отсутствии – наряду с важными финансовыми и организационными предпосылками – предпосылок политических (призыв власти перестать «кошмарить» бизнес остался пустым звуком) и правовых (отсутствие юридически закрепленных преференций предпринимателям-инноваторам и разработчикам технологий; юридическая незащищенность бизнеса от незаконных посягательств, прежде всего, коррумпированных чиновников). В результате отсутствует и такая ныне признанная необходимой во всем мире социопсихологическая предпосылка, как доверие. Откуда же взяться супермотивированности? Тут действуют обратные векторы мотивации, организующие опасную для России «утечку мозгов». На что власть – как и на многие иные негативные последствия собственной ошибочной политики – реагирует с демонстративным равнодушием: обойдемся! незаменимых нет!

Примерно те же процессы мы видим в сфере науки и образования – там, где должны рождаться новые фундаментальные и прикладные знания – основа новейших технологий и сами технологии (сегодня уже нельзя провести четкой границы между прикладными знаниями и технологиями). Общественная ценность этих областей многолетними усилиями власти заметно девальвирована (от медиакампаний об избыточности высшего образования в стране, ненужности такого количества образованных людей до закрытия частных и даже государственных вузов, борьбы с их филиалами, за соблюдение «профильности» вуза, выхолащивание аспирантского обучения и многое другое – это в образовании; в науке: ликвидацией многих уважаемых научных институций, сокращением финансирования, неэффективным вторжением в экономические основы научных исследований, унижительными зарплатами многих исследователей и бюрократизацией условий их карьерного роста). Благие намерения вывести российские университеты на мировой уровень в кривом зеркале бюрократизации и показухи оборачиваются своей противоположностью. Критерии формальной публикационной активности пока реальных результатов (кроме роста затрат институций и самих вузовских ученых на публикацию в «престижных» зарубежных базах данных и замены реальных критериев качества результатов исследований на «пиарные», никакого отношения к существу дела не имеющие, да растущих затрат времени на «продвижение» публикаций, отнимающих последнее от реальной работы, познания) не дают и не дадут: они не «заточены» на реальный результат.

Крупный бизнес, большие предприятия также не имеют стимулов для технологических инноваций. При отсутствии реального роста производства и, отсюда, необходимых прибылей компаний и предприятий (затяжной и углубляющийся промышленно-экономический кризис) руководство не рискует инвестировать средства (нужного объема на значительное время) в собственный или сторонний НИОКР. Венчурного капитала необходимого масштаба в России нет по тем же причинам. Политико-правовых стимулов для НИОКРа и внедрения инноваций в промышленности и других сферах экономики государство тоже не создает, хотя об этом говорится годами с «самых высоких трибун». Ни налоговая система, ни банковская, ни правовая в России потребностей технологического прогресса не учитывают (что и понятно – они обслуживают совсем иные цели, новых технологий отнюдь не требующие). А некоторые технологии (информационные, прежде всего) так и просто представляют угрозу и системе власти, и порожденному ею коррумпированному и бюрократизированному чиновничеству, так как объективно ведут к прозрачности и демократической подконтрольности властных субъектов и процедур.

Выводы

Следовательно, внешняя политика нынешнего Российского государства привела к искусственной и тупиковой (если не сказать сильнее) для страны в условиях глобализации и технологической революции ее изоляции от передового мира и его научно-технологических достижений. Синхронно с этим уменьшаются инвестиции в Россию, лишая ее еще одного источника финансирования инноваций. По этому поводу уместно вспомнить слова, кажется, принадлежащие Талейрану: «Это

больше, чем преступление, – это ошибка». Ее цена – не только глупое, не вынужденное изгойство великой страны, но и ее нарастающее отставание от быстро уходящих вперед развитых стран и его неизбежные следствия: самоконсервация, архаизация, политическая, духовная и военная конфронтация с миром новых цивилизаций недалекого будущего, нарастание внутренних проблем, включая серьезное падение жизненного уровня и качества жизни большинства россиян.

Информация об авторе

Лев Абрамович Закс, доктор философских наук, профессор, ректор АНО ВО «Гуманитарный университет»; заведующий кафедрой истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Департамента философии Уральского гуманитарного института, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Lev A. Zaks, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Rector, Liberal Arts University – University for Humanities; Head of Chair of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Department of Philosophy, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Более 70 % IT-стартапов в РФ созданы на средства основателей // Прайм : агентство экономической информации. 28.06.2018. URL: https://1prime.ru/telecommunications_and_technologies/20180628/828977923.html (дата обращения: 11.02.2019).
2. Владимиров В. Способна ли Россия преодолеть технологическое отставание? // Голос Америки. 11.01.2019. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/russia-technological-slide/4738864.html> (дата обращения: 21.06.2019).
3. Закс Л. А. Общество для творчества: социально-организующая культура как основание креативности // Институциональная культурология : сборник статей. СПб. : Эйдос, 2013. С. 6–23.
4. Иноземцев В. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М. : Альпина Паблишер, 2019. 404 с.
5. Росс А. Индустрии будущего. М. : АСТ, 2017. 287 с.
6. Россия наращивает технологическое отставание // Рамблер. 27.03.2018. – URL: <http://news.rambler.ru/scitech/39457868-rossiya-naraschivaet-tehnologicheskoe-otstavanie/> (дата обращения: 10.02.2019).
7. Сидорович В. Мировая энергетическая революция: Как возобновляемые источники энергии изменят наш мир. М. : Альпина Паблишер, 2015. 208 с.
8. Удручающая статистика стартапов // Spark.ru. 8.03.2017. URL: <http://spark.ru/startup/debaka-ru/blog/27991/udruchayuschaya-statistika-startapov> (дата обращения: 10.02.2019).
9. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. М. : Эксмо, 2018. 320 с.
10. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Издательство «Э», 2017. 208 с.
11. Шлыков Д. Деньги нашли, технику купили, но строить не стали. Конфликт вокруг «Водоканала» на примере одного проекта // 66.ru. 30.01.2019. URL: <http://66.ru/news/politic/219069/?fbclid=IwAR3A621DJe7L1-aY4C0J790auJOY-Kq60tGAu2O MenL6cSYyDN6duaKtzK4> (дата обращения: 02.02.2019).

*Статья поступила в редакцию: 08.07.19
Принята к публикации: 22.08.19*

References

1. Prime: Economic Information Agency. *Bolee 70 % IT-startapov v RF sozdany na sredstva osnovatelei [Over 70% of IT Startups in the Russian Federation are Created on Founders' Funds]*. 28.06.2018. Available from: https://1prime.ru/telecommunications_and_technologies/20180628/828977923.html [Accessed 11.02.2019]. (In Russ.).
2. Vladimirov V. *Sposobna li Rossiya preodolet' tekhnologicheskoe otstavanie? [Is Russia Capable of Overcoming the Technology Gap?]*. *Golos Ameriki [Voice of America]*. Website. 11.01.2019. Available from: <https://www.golos-ameriki.ru/a/russia-technological-slide/4738864.html> [Accessed 21.06.2019]. (In Russ.).
3. Zaks LA. *Obshchestvo dlya tvorchestva: sotsial'no-organizuyushchaya kul'tura kak osnovanie kreativnosti [Society for Creativity: Socio-Organizational Culture as Foundation of Creativity]*. In: *Institutsional'naya kul'turologiya [Institutional Cultural Studies]: Collection of Articles*. Saint Petersburg: Eidos; 2013. p. 6–23. (In Russ.).
4. Inozemtsev V. *Nesovremennaya strana: Rossiya v mire XXI veka [Non-Modern Country: Russia in the 21st-Century World]*. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 404 p. (In Russ.).
5. Ross A. *Industrii budushchego [Industries of the Future]*. Moscow: AST; 2017. 287 p. (In Russ.).
6. Rambler: website. *Rossiya narashchivaet tekhnologicheskoe otstavanie [Russia's Technology Gap is Widening]*. 27.03.2018. Available from: <http://news.rambler.ru/scitech/39457868-rossiya-narashchivaet-tehnologicheskoe-otstavanie/> [Accessed 10.02.2019]. (In Russ.).
7. Sidorovich V. *Mirovaya energeticheskaya revolyutsiya: Kak vozobnovlyaemye istochniki energii izmenyat nash mir [Global Power Revolution: How Renewable Energy Sources will Change our World]*. Moscow: Alpina Publisher; 2015. 208 p. (In Russ.).
8. Spark.ru: website. *Udruchayushchaya statistika startapov [Deplorable Startup Statistics]*. 08.03.2017. Available from: <http://spark.ru/startup/debaka-ru/blog/27991/udruchayushchaya-statistika-startapov> [Accessed 10.02.2019]. (In Russ.).
9. Schwab K, Davis N. *Tekhnologii Chetvertoi promyshlennoi revolyutsii [Shaping the Fourth Industrial Revolution]*. Moscow: Eksmo; 2018. 320 p. (In Russ.).
10. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution]*. Moscow: "E" Publishing House; 2017. 208 p. (In Russ.).
11. Shlykov D. *Den'gi nashli, tekhniku kupili, no stroit' ne stali. Konflikt vokrug «Vodokanala» na primere odnogo proekta [Found the Money, Purchased the Machinery but Never Started Building. Conflict around Vodokanala Exemplified by One Project]*. *66.ru*. Website. 30.01.2019. Available from: http://66.ru/news/politic/219069/?fbclid=IwAR3A621DJe7L1-aY4C0J790auJOY-Kq60tGA_u2OMenL6cSYYDN6duaKtzK4 [Accessed 02.02.2019]. (In Russ.).

Submitted 08.07.19 Accepted 22.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC02
УДК [316.462:316.75](470)

Власть в России: *modus vivendi* и *artis imago*

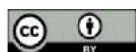
Татьяна С. Злотникова,

Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия
ORCID: 0000-0003-3481-0127, e-mail: cij_yar@mail.ru

Аннотация. В современных российских социально-культурных, культурфилософских, социопсихологических и художественно-эстетических практиках актуализируется российская традиция неприятия, критики, нескрываемой ненависти и страха перед властью. Однако сегодня власть перестала быть предметом одномерного отрицания или осуждения, превратившись в предмет междисциплинарного научного дискурса, где интегрированы культурология, философия, социальная психология, семиотика, искусствоведение, история (история культуры). В статье теоретически обоснованы и эмпирически подкреплены две грани представлений о власти. Первая грань: уникальная, не только политическая, но ментальная детерминанта проблемы власти в России, своего рода отражение *modus vivendi*. Вторая грань: художественно-образная детерминанта проблемы власти в России, обозначенная как *artis imago*. Теоретические основания разрешения поставленных проблем найдены в суждениях Ф. Ницше о бинарной оппозиции властитель – масса, Г. Лебона о «вожаке», К.-Г. Юнга о механизмах мотивации человека на власть. Сказано о «семиозисе власти» в фокусе суждений А. Ф. Лосева, П. А. Сорокина, Р. Барта. С опорой на представления З. Фрейда о бессознательном и представления Г. В. Плеханова, Ж. Маритена о тоталитарной власти обоснован концепт «имперское бессознательное». Обращено внимание на значимость мотива свободы художественного творчества (Д. Дидро, В.Г. Белинский как теоретики, С. Ю. Юрский как практик искусства). Власть как субъект воздействия и объект анализа русских творцов исследована на материале суждений и творческого опыта А. С. Пушкина (в контексте творчества многих создателей произведений о российских «самозванцах»). Специальное внимание уделено телесериалам начала XXI в. о советских властителях (Сталин, Хрущев, Брежнев, Фурцева). Сделан вывод об актуальности для современной России пушкинской реплики о «живой власти», для «черни ненавистной».

Ключевые слова: власть, Россия, культура, *modus vivendi*, *artis imago*, имперское бессознательное, творческая личность.

Для цитирования: Злотникова Т. С. Власть в России: *modus vivendi* и *artis imago* // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 38–48. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC02.

Power in Russia: *Modus Vivendi* and *Artis Imago*

Tatyana S. Zlotnikova,

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University,
Yaroslavl, Russia

ORCID: 0000-0003-3481-0127, e-mail: cij_yar@mail.ru

Abstract. Contemporary Russian socio-cultural, cultural and philosophical, socio-psychological, artistic and aesthetic practices actualize the Russian tradition of rejection, criticism, undisguised hatred and fear of power. Today, however, power has ceased to be a subject of one-dimensional denial or condemnation, becoming the subject of an interdisciplinary scientific discourse that integrates cultural studies, philosophy, social psychology, semiotics, art criticism and history (history of culture). The article provides theoretical substantiation and empirical support for the two facets of notions of power. The first facet is the unique, not only political, but also mental determinant of the problem of power in Russia, a kind of reflection of *modus vivendi*. The second facet is the artistic and image-based determinant of problem of power in Russia designated as *artis imago*. Theoretical grounds for solving these problems are found in F. Nietzsche's perceptions of the binary "potentate-mass" opposition, G. Le Bon's of the "leader", K.-G. Jung's of mechanisms of human motivation for power. The paper dwells on the "semiosis of power" in the focus of thoughts by A. F. Losev, P. A. Sorokin, R. Barthes. Based on S. Freud's views of the unconscious and G. V. Plekhanov's and J. Maritain's views of the totalitarian power, we substantiate the concept of "the imperial unconscious". The paper focuses on the importance of the freedom motif in art (D. Diderot and V. G. Belinsky as theorists, S. Y. Yursky as an art practitioner). Power as a subject of influence and object of analysis by Russian creators is studied on the material of perceptions and creative experience of A. S. Pushkin (in the context of works devoted to Russian "impostors" by numerous authors). Special attention is paid to the early twenty-first century television series on Soviet rulers (Stalin, Khrushchev, Brezhnev, Furtseva). The conclusion is made on the relevance of Pushkin's remark about "living power" "hated by the rabble" for contemporary Russia.

Keywords: power, Russia, culture, *modus vivendi*, *artis imago*, imperial unconscious, creative personality.

For citation: Zlotnikova TS. Power in Russia: Modus Vivendi and Artis Imago. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 38–48. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PC02.

Введение

Философия жизни в России тесно интегрирована в философию (скорее, правда, мировосприятие) власти. В современных российских социально-культурных, культурфилософских, социопсихологических и художественно-эстетических практиках, по сути дела, нет ничего нового по сравнению с тем, что наблюдалось и осуществлялось в России других эпох. По «мотивам» правления Петра I появилась народная драма «Царь Максимилиан», в которой исследователи видели как аллюзии на русскую историю, так и отголоски также народной драмы о царе Ироде, утверждая буквально следующее: «В драме, вероятнее всего, отражен известный конфликт между Петром I и его сыном Алексеем» [6, с. 116]. В России что ни художественный либо публицистический текст –

то воплощенное неприятие, критика, даже нескрываемая ненависть и, конечно, страх перед властью. Массовое сознание, бросая рефлекс на индивидуальное авторское, становится исходной позицией для появления полотен, масштабных по физическому объему и камерных по напряженности психологического состояния персонажей: Н. Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе», И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (другое название «Иван Грозный убивает своего сына»). Пьесы-обвинения, создававшиеся классицистами (А. П. Сумароков, Я. Б. Княжнин), А. С. Пушкиным, А. К. Толстым, пьесы-панегирики как дань страху и отражение социального заказа, создававшиеся советскими авторами об Иване Грозном (чего стоит известная по устным воспоминаниям история создания получивших впоследствии Сталинскую премию разных степеней дилогии А. Н. Толстого, стихотворной трагедии И. Л. Сельвинского «Ливонская война» и патетической драмы В. А. Соловьева «Великий государь»).

Методология

С прежнего времени (по крайней мере, можно говорить о полувековом и более отдаленном прошлом) изменилось только одно, но важное обстоятельство: власть перестала быть предметом одномерного отрицания или осуждения, превратившись в предмет междисциплинарного научного дискурса, который мы далее и попытаемся представить. Культурология и социальная психология, философия и семиотика, искусствоведение и история (история культуры) – вот те **методологические аспекты**, в которых осуществляется **междисциплинарный дискурс власти**.

Результаты и обсуждение

В качестве материала для **дискуссии** мы предлагаем две грани проблемы власти, детерминированные отечественным культурным опытом и современными, подчас противоречивыми, трактовками этого опыта, представляемого все в том же горизонте – горизонте культуры.

Одна грань дискуссии — дискурс власти: власть в России всегда персонифицирована, эмоционально воспринимается жителями, которые могут проявить и бесстрашное и наивное вольнодумство, как пушкинские мужики, желающие продемонстрировать слезы, – кто с помощью луковицы, кто с помощью слюней. . .

И это – уникальная, прежде всего ментальная, детерминанта проблемы власти в России, своего рода отражение *modus vivendi*.

Вторая грань дискуссии – дискурс искусства: именно потому, что в России всегда была сильна тенденция образного осмысления и эмоционального переживания любых жизненных коллизий, значит – в том числе – и взаимоотношений частного человека с властью, здесь приобретает особое значение художественно-эстетический опыт, который к концу XX и началу XXI в. дополняется еще и опытом публицистическим (художественно-публицистическим), предъявляемым не традиционными видами искусства, а новыми СМИ, особенно – телевидением. Здесь мы имеем художественно-образную детерминанту проблемы власти в России, которую обозначаем как *artis imago*.

***Modus vivendi*: имперское бессознательное и «вожак»**

Власть как модус присутствия человека в социуме немислима без коммуникации, в горизонте которой интегрируются субъект и объект воздействия. Мы находим намеки и полноценное обоснование нравственно-психологического, а не только политического аспекта проблемы в репликах, суждениях великих исследователей прошлого, смотревших на проблему в фокусе культуры.

Полагаем, что исходным для эпохи тоталитарных тенденций можно считать ход мыслей *Ф. Ницше*, для которого, как известно, эстетическая детерминанта присутствовала в понимании многих проблем человечества (его патетическое именование обладателя власти – «кормчий страстей»). Напомним, что именно Ницше обозначил логичную для него бинарную оппозицию властитель – масса: «Толпа должна иметь впечатление, что перед ней могучая и даже непобедимая сила воли; или, по крайней мере, должно казаться, что такая сила существует. <...> Такой человек <...> будет тем более популярен. Итак, пусть он будет насильником, завистником, эксплуататором, интриганом, льстецом, пролазой, спесивцем – смотря по обстоятельствам». Дискурс власти для философа был связан не с социально значимой деятельностью, а с эмоциональным воздействием на среду: «Благодеянием и злодеянием упражняются в своей власти над другими», причем первое можно адресовать уже подчиненной части массы, а второе (несущее страдание) – неопитам [10, с. 257, 261, 357–358].

Чуть позднее, чем Ницше, в своей социопсихологической парадигме мало сегодня вспоминаемый великий *Г. Лебон* набросал портрет «вожака». Среди признаков последнего: причастность к массе («он так же был загипнотизирован идеей, апостолом которой сделался впоследствии»), преобладание деятельностного начала над интеллектуальным («не принадлежат к числу мыслителей»), полное отсутствие интуитивного, в том числе пробабалистического, мировосприятия («так как пронизательность ведет обыкновенно к сомнениям или бездействию»), психическая неуравновешенность и вытекающая из нее готовность приносить в жертву все, что угодно («полупомешанные, находящиеся на границе безумия»), отсутствие инстинкта самосохранения («единственная награда, к которой они стремятся, – это мученичество»), наконец, обладание недюжинной силой внушения. Особое свойство, которое названо, совершенно неакадемически, обаянием («род господства какой-нибудь идеи или какого-нибудь дела над умом индивида»). По мысли Лебона, свойства «вожака» – суть свойства толпы, в силу чего сила воздействия первого на вторую и оказывается непреодолимой. Причем это самое воздействие осуществляется тремя способами, которые исследователь определил так: «утверждение, повторение, зараза» [7, с. 71–79].

Полагаем, что упомянутая выше междисциплинарность дискурса власти родилась из сочетания философских (идущих от *Ф. Ницше*) и социопсихологических (идущих от *Г. Лебона*) идей относительно персональных и в то же время социально значимых свойств носителя власти в сочетании со свойствами объекта ее воздействия. Интеграцию двух подходов видим у *К.-Г. Юнга*, которого более всего интересовали механизмы мотивации человека на власть. Используя понятие «влияние» и отсылая к семейным (мужчина – женщина, мать – сын) отно-

шениям, апеллируя к З. Фрейду и А. Адлеру, Юнг ставит рядом два природных инстинкта: «эрос» и «жажду власти». Недаром, повторим, Юнг апеллировал к Адлеру, поскольку говорил, по сути дела, о происхождении жажды власти из комплекса неполноценности («из-за социальной неудовлетворенности имеется потребность в признании и власти») [17, с. 26, 65, 205–206, 255].

Междисциплинарный дискурс власти в XX веке включает в себя значимые, но мало востребуемые при изучении социально-культурной проблематики семиотические аспекты, которые мы могли бы назвать «семиозисом власти».

Во-первых, сошлемся на А. Ф. Лосева, отметившего тенденцию символизации жизненных явлений: фата невесты и кольцо – символы брака, клобук, мантия, сутана – символы духовенства, корона, держава, скипетр – символы верховной/самодержавной власти. Власть в разных сферах имеет и разные символы, к числу которых Лосев отнес город – воплощение «и тупой власти собственников» [8, с. 185].

Во-вторых, сошлемся на П. А. Сорокина, который власть и символы власти, как материальные, так и нематериальные, упоминал многократно, однако, что особенно интересно, придавал власти значение либо сугубо политическое (вслед за Г. Спенсером, обозначая «власть» как «чувство сообщества», рядом с которым упоминается «воля деспотов»), либо сугубо экономическое («проблему власти и господства»). Для Сорокина существовал комплекс «фетишизированных» символических проводников представлений о власти: звуки (заклинания, заговоры, молитвы), люди (Папа, император). Все символы и знаки власти приводят Сорокина к негативной оценочной шкале, куда вписано и представление о власти: он называет в одном ряду «человеческую алчность, жадность, страсть власти, борьбу за существование» [14, с. 129, 170, 324, 347].

В-третьих, сошлемся на Р. Барта, который, разумеется, учитывал идеи своих российских предшественников, обращая особое внимание на важную для массового сознания процедуру визуализации как символизации знаков/символов власти. Отмечая принятые на быденном уровне символы, к примеру мужественности («трубка, собака, очки, каминная доска за спиной»), Барт иронизировал по поводу американских исполнителей ролей римских властителей и противопоставлял вполне «римского» по хабитусу, в медицинском, а не социологическом смысле, М. Брандо – Марка Антония с «правильной» челкой и далекого от визуального образа римского властителя Л. Кэпхерна – Юлия Цезаря, «толстомордого англосаксонского адвоката» [1, с. 70–71, 74].

Кто бы из исследователей ни обращался к власти как *modus vivendi*, контекстуально присутствуют две стороны проблемы: субъект (обладающий властью или стремящийся к ее обретению) и объект (толпа, масса, население, электорат). Не требуется специальных пояснений на тот счет, что объект в данном случае – это носитель коллективного бессознательного. Но требуется напоминание о том, что бессознательное может являться не только объектом, но и субъектом; это особенно важно, когда речь идет о властных интенциях и порождаемых ими проблемах.

Бессознательное – и у первобытного стада, и у древней орды, следовательно, у любой массы, – по З. Фрейду, «производит на отдельного

человека впечатление неограниченной мощи и непреодолимой опасности» [15, с. 85].

Следуя за великими предшественниками, мы ввели в научный оборот понятие «имперское бессознательное» [3], полагая, что оно имеет субъектом не аморфную массу, а государство – в частности, империю в традиционном значении или тоталитарную систему, рассматриваемую по аналогии с империей. ИмPLICITно сформировавшийся в культурных практиках и, отчасти, в исследовательских штудиях, этот концепт находится в бинарной оппозиции к творческому самосознанию, но в то же время органично интегрирован в обыденное сознание. Мы видим в качестве основания для названного концепта предложенное Г. В. Плехановым понятие «государственные музы»; они существовали и в России, в крупных европейских странах, а имелись в виду «музы художников, подчинившиеся их (императора и корпуса жандармов. – Т. З.) влиянию» [11, с. 330].

Выстроенную социокультурными реалиями логическую цепочку «*власть–масса/толпа*» мыслители последних ста с лишним лет видели как в дихотомическом, так и в конформном проявлении. Так, Ж. Маритен, отчасти варьируя мысль Плеханова, отмечал тенденцию, в соответствии с которой тоталитарное государство может не только уничтожать, но и «приручать» творцов [9, с. 187]. Следует попутно отметить, что в современном мире властные интенции поддерживаются множеством известных возможностей и требований массовой культуры, которая позволяет проявляться имперскому бессознательному в силу торжества потребностей массовой культуры в новизне и простоте впечатлений.

Но для понимания смысла *имперского бессознательного* важно обратить внимание и на традиционно болезненную для России вторую логическую цепочку, примыкающую к первой: «*власть – творец*». Где власть, там ограничение свободы творчества или самой возможности творчества. Вот почему в контексте имперского бессознательного в нашей стране, как бы она ни именовалась в разные периоды своей жизни, отношение к свободе творчества (как свободе от воздействия власти) всегда было болезненным. В басне И.А. Крылова «Кошка и соловей» рождается метафора несвободы творчества, а реплика императора Николая I о готовности самому стать цензором А. Пушкина стала символом имперского (в широком смысле) давления на творца. Причем важно: если для европейцев свобода в основном имеет эстетическое измерение (Д. Дидро о свободе драматурга и несвободе актера), если же переходит в социопсихологическое измерение, то укладывается в игровую парадигму (Э. Берн), то для российских творцов и представителей власти свобода имеет измерение политическое, в лучшем случае социокультурное.

Среди поистине трагического множества жертв имперского бессознательного – убитых, репрессированных, высланных, лишенных возможности творить – упомянем С. Юрского, прошептавшего в начале своего сценического пути слова Чацкого об отсутствии уголка для «оскорбленного чувства». В противоборстве с имперским бессознательным выдающийся актер, режиссер и писатель С. Юрский воплотил «имперскую» проблематику во многих своих работах, включая литературные произведения. В 1970-х годах – в «Избраннике судьбы» Б. Шоу, где

в его собственной постановке и исполнении Наполеон был не столько военным гением, сколько сомневающимся и испытывающим страхи человеком; главное же – булгаковским «Мольером», легковесным и тягостным, театральным и политическим высказыванием о великой империи и лижущем шпоры великом художнике. В 1980-х, став изгнанником из «имперского» города Ленинграда, Юрский поставил в Москве спектакль-притчу «Похороны в Калифорнии» (по пьесе Р. Ибрагимбекова), вызов, адресованный империи, с пародийным звучанием голосов и драматическим «цирком» как местом нелепой жизни и столь же нелепой смерти. Полагаем, что судьба этого художника в значительной степени есть реализация бинарной оппозиции творец – имперское бессознательное [5, с. 728–752].

***Artis imago*: образ власти в русской культуре от драмы Пушкина до телесериалов начала XXI века**

И в мировой, и в российской культурной практике нелюбовь к власти – как со стороны массы, так и со стороны одинокого творца – имеет альтернативу, согласно которой осуществляется компенсаторная функция: совершается попытка спустить власть с высот «трона» в обыденно-близкое пространство, а представителя власти превратить в понятное и подчас даже забавное существо (так работает знаменитый принцип «очуждения», сформулированный и реализованный Б. Брехтом).

Одним из главных механизмов легитимизации власти в обыденном пространстве во все времена была игра: она может вестись и на коммуникативном уровне, и на художественно-эстетическом.

Коммуникативный уровень игры власти с публикой и игрового отношения населения к власти отмечал Й. Хёйзинга, поскольку, говоря словами русской классики, для него и «вся жизнь» была «игра». Недаром он называл спортивными атмосферу и нравы парламентской жизни в Англии, видя в игре регулятор властных интенций и считая, что «игровые формы более или менее сознательно используются для утаивания общественных или политических намерений...» [16, с. 230, 233].

Развивая идею Хёйзинги, можно предположить, что игра как коммуникативный модус становится инвариантом художественного творчества, образы которого формируют определенное представление о власти.

Власть как субъект воздействия и объект анализа русских творцов воплощена в художественной практике весьма разнообразно, о чем мы писали специально [4]. Власть в ее социально-политических, отчасти нравственно-психологических аспектах была предметом постоянного внимания русских классиков. Правда, в одних случаях это была власть максимально высокого уровня (исторические пьесы А. С. Пушкина, А. К. Толстого), в других – так сказать, обыденного уровня, представленная не царями, а помещиками, купцами, чиновниками и отраженная не в трагических или драматических, а в юмористических, часто сатирических коллизиях (В. В. Капнист, Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, А. Н. Островский, А. В. Сухово-Кобылин, М. Е. Салтыков-Щедрин).

Обратим внимание на прозрение Пушкина, наблюдавшего в юности из окон приятеля Михайловский замок (кружок «Зеленая лампа») с его историей смерти/убийства Павла I. Мы обнаружили у Пушкина, прежде всего в «Борисе Годунове», да и во множестве других художе-

ственных, эпистолярных текстов, мотив, который назвали «тихим самозванством»: смена, захват власти не с боями, а со множеством обыденных, на первый взгляд простодушных разговоров, подчас без выстрелов и криков. В. Г. Белинский точно отметил размах и многозначность решения этой темы в «Борисе Годунове»: «Из всех страстей человеческих, после самолюбия, самая сильная, самая свирепая – властолюбие <...> Ни одна страсть не стоила человечеству столько страданий и крови, сколько властолюбие» [2, с. 577].

В драме А. С. Пушкина и в трилогии А. К. Толстого пьесы о Годунове названы его именем. У многих других авторов, как русских, так и зарубежных, писавших о коллизии «смутного времени» в России, начиная с практически неизвестных, хотя и переведенных у нас сочинений Лопе де Вега «Великий князь Московский» и Ф. Шиллера «Дмитрий Самозванец» и заканчивая пьесами А. С. Хомякова, Н. А. Чаева, А. С. Суворина, – в центре сочинений был близкий к романтической парадигме молодой претендент на трон. Движение к власти могло вызывать сочувствие или сожаление о судьбе исторического персонажа, обладание же властью – всегда и только повод для критики, осуждения. Пушкин зеркально критичен и одновременно милосерден, сближая царя на троне и претендента: Борис называет себя царем «законным, назначенным, избранным всенародно»; Самозванец считает себя избранныком «суда мирского», уничтожающего «злодея» Бориса.

Полагаем, что даже на фоне множества сочинений о власти и ее бесчеловечности, от античных трагедий до «Тамерлана Великого» К. Марло, с учетом всех вариаций судеб и характеров властителей у В. Шекспира, понимание психологии власти у Пушкина – уникально. Молодой автор, завершив работу над «Борисом Годуновым» менее чем за полгода до восстания декабристов, сетовал в сентябре 1825 года на то, что своего заглавного героя воспринимал лишь «с политической точки зрения, не замечая поэтической его стороны» [13, с. 182]. Уже зрелый литератор писал А. Х. Бенкендорфу, видимо считая, что этот представитель власти способен его понять: «Все смуты похожи одна на другую» (письмо от 16 апреля 1830 г. писано по-французски, дословно так: «Tous les troubles se ressemblent») [13, с. 281, 807]. В дневнике 1831 года он подводил итог осмыслению власти как части жизни, а не отдельной от жизни, иррациональной субстанции: «Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестает скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими отношениями с государем» [12, с. 23].

Наследниками, но явно не «по прямой» по отношению к отечественным классикам стали создатели многочисленных телесериалов начала XXI века о представителях отечественной высшей власти.

Телевизионная продукция становилась то данью календарным точкам, то отражением интеллектуального, художественно-творческого уровня и вкуса руководства каналов. «Политические» телесериалы охватывали время от XVIII до XX в., вернувшись затем к древнерусским эпизодам. Везде власть отражена в откровенно построенных мифах. Политиков XX века через архетипические обобщения стремятся сделать родными, близкими, причем неважно, позитивные или негативные коннотации заложены в характеристики. Среди заметных не только и не столько своими художественными достижениями, сколько выражением подходов массового сознания к персонам власти, отметим по-

литический «приговор» Сталину («Дети Арбата», реж. А. Эшпай, 2004). Глубокий старик, бессильная развалина (вопреки реалиям, поскольку действие происходит в начале 1930-х годов), самый страшный носитель власти в России XX века был сыгран гротесковым актером М. Сухановым как существо, которое самим фактом своего существования, а не реальными действиями влияет на судьбу страны. В том же 2004 году недавний автор сатирической телепередачи «Куклы» В. Пичул создал в документальном проекте историческую «куклу» – Хрущева.

Стремление не просто оправдать власть в конкретных лицах, но придать этим лицам «теплинку», как говорили журналисты эпохи «застоя», было сверхотчетливым в «Легенде о Екатерине» (реж. С. Попов, 2011) и «Брежнев» (реж. С. Снежкин, 2005). Оба сериала стали прибежищем бытовых мифов; их признаки – невкусная пища, странная убогая одежда, невнятная речь присвистывающего престарелого правителя, разъезжавшего в «членовозе», наивные интриги и безобидные измены. На смену присущим русской классике аналитическим, а не просто критическим тенденциям пришел неожиданный эффект постсоветской ностальгии. Вот почему представляется, что главным достижением постсоветских телесериалов о советской власти стал безошибочный подбор актеров-типажей: И. Розанова – Фурцева с ее беззащитностью и В. Сухоруков – Хрущев с его задумчивым обаянием, горестно состарившийся (блестяще состаренный гримерами) С. Шакуров – Брежнев.

Эти и другие телесериалы превратились в своего рода анамнез в полном, медицинском смысле слова, но не смогли стать диагнозом в смысле политическом. Для тех, кто в детстве застал Хрущева и немалый кусок жизни прожил при Брежнев, кто знал множество деталей общения Фурцевой с людьми искусства, – все было сглаженно и приблизительно; для тех, кто родился в конце брежневского периода или позднее, – непонятно, неважно в политическом и наивно в психологическом плане.

Вывод

Наши многоаспектные междисциплинарные исследования власти в культурологическом дискурсе приводят к неизбежному **выводу**: пушкинская реплика о «живой власти», которая «для черни ненавистна», остается актуальной для современной России так же, как это было без малого 200 лет назад...

Информация об авторе

Татьяна Семеновна Злотникова, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии, научный руководитель Национального исследовательского центра «Мир русской провинции» Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль, Россия).

Information about the author

Tatyana S. Zlotnikova, Dr. Sci. (Art Criticism), Professor, Professor at Department of Cultural Studies; Academic Director, *World of Russian Province* National Research Center, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Yaroslavl, Russia.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии / вступ. статья и комментарии С. Н. Зенкина. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.
2. Белинский В. Г. Собр. соч. : в 3 т. М. : ГИХЛ, 1948. Т. 3. 927 с.
3. Злотникова Т. С. Имперское бессознательное – контекст творческого самосознания личности // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1 (Гуманитарные науки), № 2. С. 213–217.
4. Злотникова Т. С. Субъект культуры и субъект власти (русские творцы – интерпретаторы коллизий власти в России) // Вопросы культурологии. 2014. № 9. С. 44–53.
5. Злотникова Т. С. Философия творческой личности. М. : Согласие, 2017. 918 с.
6. История русского драматического театра : в 7 т. Т. 1 : От истоков до конца XVIII века / сост. В. Н. Всеволодский-Гернгросс. М. : Искусство, 1977. 485 с.
7. Лебон Г. Психология масс / под ред. Д. Я. Райгородского. Самара : Изд. дом БАХРАХ-М, 1998. 592 с.
8. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / ред. А. А. Тахо-Годи. Изд. 2-е, испр. М. : Искусство, 1995. 320 с.
9. Маритен Ж. Ответственность художника // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе : сборник. М. : Политиздат, 1991. 366 с.
10. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость: афоризмы и изречения / пер. С. Л. Франк, К. А. Свасьян. Минск : Попурри, 1997. 704 с.
11. Плеханов Г. В. Искусство и общественная жизнь // Эстетика и социология искусства : в 2 т. М. : Искусство, 1978. Т. 1. 631 с.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. М.-Л. : Издательство Академии наук СССР, 1949. Т. 8. 580 с.
13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. М.-Л. : Издательство Академии наук СССР, 1949. Т. 10. 899 с.
14. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
15. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет : в 2 кн. Тбилиси : Мерани, 1991. Кн. 1. 398 с.
16. Хейзинга Й. Homo ludens: В тени завтрашнего дня / ред., авт. послесл. Г. М. Тавризян ; пер. с нидер. В. В. Ошис. М. : Прогресс, 1992. 458 с.
17. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени / пер. с нем. А. М. Боквинова ; предисл. А. В. Брушлинского. М. : Изд. гр. «Прогресс» : Универс, 1996. 336 с.

Статья поступила в редакцию: 08.07.19
Принята к публикации: 20.08.19

References

1. Barthes R. *Mifologii [Mythologies]*. Moscow: Sabashnikov Publishing House; 1996. 312 p. (In Russ.).
2. Belinsky VG. *Sobranie sochinenii v 3 t. [Collection of Works: in 3 vol.]*. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury; 1948. Vol. 3. 927 p. (In Russ.).
3. Zlotnikova TS. Imperskoe bessoznatel'noe – kontekst tvorcheskogo samosoznaniya lichnosti [Imperial Unconscious – Context of Individual's Creative Self-Awareness]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogy Bulletin*. 2014;1(2): 213–217. (In Russ.).
4. Zlotnikova TS. Sub"ekt kul'tury i sub"ekt vlasti (russkie tvortsy – interpretatory kollizii vlasti v Rossii) [Subject of Culture and Subject of Power (Russian

Creators – Interpreters of Power Collisions in Russia)]. *Voprosy kul'turologii = Issues of Cultural Studies*. 2014;9: 44–53. (In Russ.).

5. Zlotnikova TS. *Filosofiya tvorcheskoi lichnosti [Philosophy of Creative Individual]*. Moscow: Soglasie; 2017. 918 p.

6. Vsevolodsky-Gerngross VN. (ed.) *Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra v 7 t. T. 1 : Ot istokov do kontsa XVIII veka [History of Russian Dramatic Theater in 7 vol. Vol. 1: From Origins to the End of the 18th Century]*. Moscow: Iskustvo; 1977. 485 p. (In Russ.).

7. Le Bon G. *Psikhologiya mass [The Crowd: A Study of the Popular Mind]*. Samara: Bahrah-M Publishing House; 1998. 592 p. (In Russ.).

8. Losev AF. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The Problem of Symbol and the Realistic Art]*. Moscow: Iskustvo; 1995. 320 p. (In Russ.).

9. Maritain J. Otvetstvennost' khudozhnika [The Responsibility of the Artist]. In: *Samosoznanie evropeiskoi kul'tury XX veka: mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshchestve [Self-Awareness of 20th-Century European Culture: Western Thinkers and Writers on Culture's Place in Contemporary Society]: Anthology*. Moscow: Politizdat; 1991. 366 p. (In Russ.).

10. Nietzsche F. *Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe; Veselaya nauka; Zlaya mudrost': aforizmy i izrecheniya [Human, All Too Human; The Gay Science; The Wicked Wisdom: Aphorisms and Quotes]*. Minsk: Potpourri; 1997. 704 p. (In Russ.).

11. Plekhanov GV. Iskustvo i obshchestvennaya zhizn' [Art and Public Life]. In: *Estetika i sotsiologiya iskusstva v 2 t. [Aesthetics and Sociology of Art in 2 vol.]*. Moscow: Iskustvo; 1978. Vol. 1. 631 p. (In Russ.).

12. Pushkin AS. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. [Complete Works in 10 vol.]*. Moscow: Publishing House of USSR Academy of Sciences; 1949. Vol. 8. 580 p. (In Russ.).

13. Pushkin AS. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. [Complete Works in 10 vol.]*. Moscow: Publishing House of USSR Academy of Sciences; 1949. Vol. 10. 899 p. (In Russ.).

14. Sorokin PA. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [Human. Civilization. Society]*. Moscow: Politizdat; 1992. 543 p.

15. Freud S. Massovaya psikhologiya i analiz chelovecheskogo «Ya» [Group Psychology and the Analysis of the Ego]. In: Freud S. «Ya» i «Ono»: *Trudy raznykh let v 2 t. [The Ego and the Id: Works of Various Years in 2 vol.]*. Tbilisi: Merani; 1991. Vol. 1. 398 p. (In Russ.).

16. Huizinga J. *Homo ludens: V teni zavtrashnego dnya [Homo ludens: In the Shadow of Tomorrow]*. Moscow: Progress; 1992. 458 p. (In Russ.).

17. Jung C-G. *Problemy dushi nashego vremeni [Modern Man in Search of a Soul]*. Moscow: Progress; 1996. 336 p. (In Russ.).

Submitted 08.07.19 Accepted 20.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC03
УДК 008.316.72

Постколониальный и пространственный повороты в теории культуры: дискурс «подчиненных» локальностей

Светлана Н. Оводова,
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского», г. Омск, Россия
ORCID: 0000-0003-3408-1913, e-mail: sn_ovodova@rambler.ru

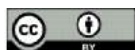
Аннотация. В статье анализируется дискурс глобального и локального в социально-гуманитарных науках. Выявляются и описываются модели понимания глобального. Предпосылками данного исследования является критика модерна и понимаемая в рамках модерна модель глобального, которая осуществляется в постмодерне, постпостмодерне, а также исследовательских программах: postcolonial studies, trauma studies, decolonial turn. В статье рассматриваются методологические возможности применения пространственного, постколониального и деколониального поворотов к анализу репрезентаций локальных культур и локального опыта. «Локальное» вынуждено подчиняться глобальным трендам, дабы не быть маргинальным, однако необходимость вписываться в глобальный контекст нивелирует самобытность региональной культуры. Результатами исследования являются предложенные автором статьи 3 модели понимания глобального. Во-первых, глобальное может пониматься как масштабирование ценностей и норм одной культуры, которая признается в качестве доминирующей по отношению ко всем иным культурам, которые воспринимаются как незначительные локальности, отстающие в развитии (условная «имперская» модель глобального). Во-вторых, модель глобального можно понимать как «объединенное всеобщее», где умозрительно создается модель единого мира, объединяющая разные культуры и нивелирующая различия между ними. В-третьих, глобальное можно понимать как пространство, где одновременно сосуществуют разные локальности, каждая из которых сохраняет свою уникальность. В статье предлагается понятие транзитной культуры, которое соотносится с идентичностями, признаваемыми в рамках деколониального поворота. Выявляются различия между идентичностями, формируемыми в рамках транзитной культуры, и гибридными идентичностями.

Ключевые слова: культура, постколониальный поворот, пространство, пространственный поворот, локальность, глобальное.

Благодарности: исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-6373.2018.6.

Для цитирования: Оводова С. Н. Постколониальный и пространственный повороты в теории культуры: дискурс «подчиненных» локальностей // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 49–58. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC03.

© С. Н. Оводова, 2019

Post-Colonial and Spatial Turns in Theory of Culture: Discourse of “Subordinate” Localities

Svetlana N. Ovodova,

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia
ORCID: 0000-0003-3408-1913, e-mail: sn_ovodova@rambler.ru

Abstract. The paper analyzes the discourse on the global and the local in social sciences and humanities. Models of understanding the global are identified and described. This research was triggered by criticism of the modern and the model of the global understood within the modern context and realized in post-modern, post-post-modern, as well as research programs on postcolonial studies, trauma studies and decolonial turn. The paper explores methodology opportunities of applying spatial, post-colonial and de-colonial turns to analyzing representations of local cultures and the local experience. “The local” has to submit to global trends not to be marginal; however, the need to fit itself into the global context neutralizes the regional culture’s distinctiveness. The research resulted in 3 models of understanding the global proposed by the author. Firstly, the global can be understood as scaling values and conventions of a single culture that is recognized as dominant in relation to all other cultures, while the latter are perceived as insignificant localities falling behind in development (the conventional “imperial” model of the global). Secondly, the model of the global can be understood as “the united universal” where a model of a single world is created, bringing together various cultures and neutralizing differences between them. Thirdly, the global can be understood as a space where various localities exist simultaneously, and each of them preserves its uniqueness. The article proposes the notion of a transit culture aligned with identities recognized within the decolonial turn. Differences between identities shaped within the transit culture and hybrid identities are distinguished.

Keywords: culture, post-colonial turn, space, spatial turn, locality, the global.

Acknowledgments: the research was supported by Presidential Grant: project MK-6373.2018.6.

For citation: Ovodova SN. Post-Colonial and Spatial Turns in Theory of Culture: Discourse of “Subordinate” Localities. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today’s World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 49–58. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PC03.

Введение

Диалектика дискурса «глобального» и «локального» и его отражение в современных философских концепциях культуры демонстрируют борьбу за возможность репрезентации в дискурсе своей пространственной локальной идентичности. Посредством дискурса происходит вписывание локальных смыслов в глобальные тренды. Дискурс «глобального» и «локального» одновременно демонстрирует отказ от пространственности и возвращение к пространственной локальной идентичности, жесткую привязанность культуры к смыслам территории и транзитную, сетевую, текучую идентичность.

Нарастающий темп «текучей» современности провоцирует человека на разрыв с культурно-историческим опытом территории, на превращение в номада, теряющего укорененность в традициях, превра-

щение в путешественника, покидающего локальное и погружающегося в глобальное, дабы там отыскать новые основания своей идентичности.

Методы исследования

Дискурс глобального и локального в данном исследовании анализируется сквозь призму пространственного поворота, актуализировавшего внимание к осмыслению культуры через пространственные понятия и метафоры [5].

Postcolonial studies и decolonial turn позволяют увидеть в концепциях глобального мира разные уровни восприятия единого и единичного, универсального и уникального, общего и конкретного.

Результаты и обсуждение

Теоретически можно выделить несколько моделей соотношения глобального и локального: во-первых, глобальное может пониматься как масштабирование ценностей и норм одной культуры, которая признается в качестве доминирующей по отношению ко всем иным культурам, которые воспринимаются как незначительные локальности, отстающие в развитии. При таком подходе глобальный мир воспринимается как единое унифицированное пространство. Вследствие этого борьба за доминирование в глобальном дискурсе представляет собой борьбу за возможность задавать глобальные тенденции. Власть над дискурсом увеличивает политический и экономический капитал отдельно взятой локальности, что создает впечатление эффективности и предпочтительности не только реализуемой экономической модели, но и всей культуры в целом. В данном случае понимание глобального мира воплощается в модели единого унифицированного пространства, выстроенного по «идеальному» образцу. Доминирующая культура задает темп и направление движения, формирует ключевые тенденции развития глобального, а также определяет критерии оценки эффективности развития локальностей, которые должны репрезентировать смыслы доминирующей культуры. По сути, такая модель понимания представляет собой условный «имперский» вариант глобального. Культуры делятся на образцовые (доминирующие) и другие культуры. Другие в свою очередь подразделяются на «своих», «чужих» и «иных» [8]. Модель восприятия других культур как «своих» предполагает, что культуры воспринимаются как сходные и, несмотря на отличия, понимают друг друга. Модель понимания других культур как «чужих» реализуется в отказе признавать ценность данной «чужой» культуры, в непризнании моделей поведения, формируемых в рамках «чужой» культуры, как чего-то самодостаточного. «Чужой» воспринимается как то, что необходимо подавить или перевоспитать. Модель понимания других культур как «иных» – это диагностирование принципиального отличия между культурами, отличие еще более разительное, чем отличие, возникающее в модели восприятия культуры как «чужой». «Иная» культура непонятна, она не разделяет ценностей доминирующей культуры, но при этом и ее не удастся колонизировать. В рамках понимания глобального как транслирования доминантных образцов (имперское глобальное) «свои» – это культуры, разделяющие главенствующие ценности; «чужие» – это подчиняемые и условно колонизируемые посредством распространения единых культурных образцов; «иные» – это те, кого не удастся ни

ассимилировать, ни подчинить, «иные», как и «чужие», воспринимаются как маргинальные, не соответствующие общим тенденциям развития, «выпадающие» из модели глобального, не участвующие в ее построении.

Во-вторых, модель глобального можно понимать как «объединенное всеобщее». Данное понимание глобального может быть реализовано как создание единого мира, в котором различия между локальностями стираются, вырабатывается общий язык (мета-дискурс). Данная модель умозрительна и возможна как теоретический конструкт. В действительности полного нивелирования различий не было достигнуто, единые, универсальные формы договоренности, учитывающие всех, не разработаны.

Постколониальный и пространственный повороты в социально-гуманитарных науках поставили под сомнение возможность адекватного конструирования единого глобального мира. Исследователями признается невозможность выстраивания единства ни по основанию первой, ни по основанию второй модели. Единство невозможно, возможна множественность. Однако данная рефлексия осуществляется только в теоретическом пространстве, в реальности мы наблюдаем иные принципы функционирования дискурса «глобального», где «глобальное» понимается как «имперское глобальное», которое провозглашается как «объединенное всеобщее» (хотя мы отметили, что это разные модели). Результатом постколониального и пространственного поворотов можно считать третий вариант трактовки глобального.

В-третьих, глобальное можно понимать как пространство, где одновременно сосуществуют разные локальности, каждая из которых сохраняет свою уникальность. Реализацию данной модели понимания глобального можно увидеть в исторических, антропологических, философских и культурологических исследованиях, где реконструируется «неевропейская» история, где деконструируются понятия «третьего мира», ставится под сомнение система мышления и различения, привычная для «европейского» человека. Например, Э. В. де Кастру, создавая проект постструктуралистской антропологии, акцентирует внимание на необходимости отказаться от «европейской» рамки мышления при изучении иных народов: «сам вопрос уже содержит в себе форму ответа, а именно форму Великого Разделения, того самого жеста исключения, который превращает человека как вид в биологическое подобие антропологического Запада, смешивая все другие виды и другие народы в общей отрицательной инаковости. В действительности спрашивать себя о том, что делает “нас” отличными от “других” – других видов и культур, и неважно, что “они” собой представляют, поскольку важны тут только “мы”, – значит уже ответить на этот вопрос» [4, с. 12]. Для Кастру в рамках его междисциплинарного исследования, объединяющего антропологию и философию, важным является признание наличия иных, отличных от западноевропейского типов рациональности или, точнее было бы сказать, типов постижения мира. Само представление о «глобальной» истории деконструируется, признается наличие множества историй, из которых путем выбора субъекта нарратива возможно легитимизировать и конструировать разные модели истории. Рассматривая концепцию модерна, Т. Митчелл также акцентирует внимание на том, что быть «современным» – означает

быть «западным»: «сама “современность” производится как Запад. Это “сейчас” модерна, его культура одновременности» [6]. «Не замечать все эти “другие” силы помогает непрерывное репрезентирование гомогенного единства пространства и времени модерна. Говоря более точно, опыт “современности” и конструируется в качестве отношения между пространством и временем» [6]. «Незападные» цивилизации и культуры играют роль Другого, колониальный опыт которого повлиял на формирование модерна Запада, но при этом данный опыт Другого нивелируется и игнорируется при создании образа модерна и образа «современности», которые ассоциируются неизбежно только с опытом Запада. В рамках модерна «Запад» признается центром «современности», задающим тенденции развития, которые воспроизводятся подчиненными локальностями. Игнорирование иных культур проявляется в нивелировании ценности их опыта развития, что сопровождается уничижающим отношением к моделям поведения представителей данной культуры. Представители иных, других, не доминантных, «несовременных неЗападных» культур со своими ценностями оказываются исключенными из дискурса современной культуры модерна.

Postcolonial studies фиксируют, что в современной культурной практике существует дисбаланс в коммуникации между глобальными и локальными культурами, заключающийся в сложности репрезентации региональных смыслов в глобальном мире. Отстаивание сообществом своей культурной самобытности на постимперском пространстве осмысляется в postcolonial studies как борьба за идентичность в политическом и дискурсивном поле. При столкновении с явлениями глобального мира представители локальности приобретают субъектность, начинают осмыслять и репрезентировать свою идентичность. Вне контекста процессов глобализации локальность не осознает своей самости. Однако репрезентация уникальных смыслов локальной культуры осуществляется в пространстве глобальной культуры, а следовательно, осуществляется с применением универсальных, глобальных, стандартизированных выразительных средств, что находит отражение, в том числе, в массовой культуре. Локальные региональные культуры оказываются подчинены общему механизму встраивания в капиталистическую логику глобального мира. Отказ от следования по общему пути глобального мира превращает локальность в маргинала.

Переход от осмысления гибридных идентичностей, зажатых между властной и подчиняющейся культурами (которые исследовали postcolonial studies), к осмыслению экзистенциальной колониальности, колониальности мышления демонстрирует деколониальный поворот, который, по нашему мнению, представляет собой синтез пространственного и постколониального поворотов на новом уровне.

Представители decolonial turn говорят о различии колониализма как исторического факта и колониальности как схем мышления, продолжающих воспроизводить доминирование и подчинение в культуре. Несмотря на то что колониализм как факт остался в прошлом, властные механизмы угнетения продолжают действовать. Представители decolonial option критикуют postcolonial studies за то, что те обозначили проблему угнетения и доминирования, но для описания этой проблемы используют западные интеллектуальные образцы. В частности, postcolonial studies представляют собой развитие идей о власти и дискурсах

М. Фуко [13], где используется также метод деконструкции, разработанный Ж. Деррида [3]. Применение указанных европейских схем мышления мы находим в работах G. Spivak [16], где она рассуждает о возможности или невозможности дискурса Subaltern. Невозможность Subaltern говорить проявляется как раз в отсутствии ресурсов и символической власти, что затрудняет доступ к публичному дискурсу. Идеи Деррида напрямую продолжает Н. Bhabha [14; 1; 2], который даже в названиях своих работ делает прямые отсылки к Деррида [1]. Bhabha использует метод деконструкции при исследовании концепта «нации».

Деколониальный поворот ставит вопрос о категориях восприятия культурной реальности, акцентируя внимание на том, что привычные теоретику культуры понятия и категории в большинстве порождены западной наукой [12]. Освобождение от привычных методологических схем и ходов системы знания аргументировано тем, что знание контекстуально, что, используя модерновую логику, постколониальные исследователи продуцируют западное знание. «Деколониальный поворот отказывается от универсализма постколониальных штудий, которые свой локальный англо-французский опыт выдают за “путешествующую теорию”. <...> Они воспроизводят колониальность знания, т. е. глобальную систему продуцирования, легитимации и распространения знания, существующую вот уже пять столетий и прочно связанную с возникновением и изменениями современного/колониального мира» [12]. Деколониальный взгляд позволяет увидеть в культуре не только гибридность, но и транзитность, т. е. не только процессы формирования культуры на стыке двух самостоятельных культур, но и процессы расшатывания привычных категорий, осуществляющиеся между глобальным модерным знанием и локальностью. Использование «западных схем» для объяснения проблем третьего мира или для анализа идентичностей мигрантов, диаспор и т. п. демонстрирует колониальность мышления и, с точки зрения представителей деколониального поворота, не позволяет понять опыт таких культур и людей. Деколониальная оптика делает акцент на уникальности опыта, переживаемого отдельной территорией, страной, нацией, человеком. Совмещение деколониальной оптики и пространственного поворота наглядно демонстрирует статья E. Tuck, M. McKenzie, K. McCoy [17], где анализируются отличия в отношении к земле (территории, пространству) коренного населения от иных взглядов «извне» и направления влияния типа отношения на экологическое воспитание. В данной работе ее авторы, как исследователи, пытаются реконструировать локальное отношение к пространству, являющемуся общим для некоторого локального сообщества.

Для устранения ситуации подавления и подчинения представители деколониального поворота пытаются создать внеиерархичные пространства, диалоговые площадки, конференции, где бы любой человек не чувствовал притеснения и угнетения. Они в своих работах даже отказываются от фиксации деколониальности как исследовательской практики (studies), ибо это есть деление на субъект и объект, а следовательно, формирование оптики надзирателя и исследуемого [11; 10; 12; 15]. Можно зафиксировать, что проектируемые ими ценности порождают культуру вне иерархии, мы предлагаем для обозначения такой культуры термин «транзитная культура». Это культура вне системы, вне подчинений, вне доминант. Используя термин М. Оже, можно сказать,

что это культура в пространстве «не-места» [9], в нефиксируемом пространстве, не принадлежащем никому, поэтому нам видится адекватным для обозначения этой культуры применить предикат «транзитная». Деколониальный поворот разворачивает исследователя к слепым зонам в культурах, давая возможность зафиксировать интеллектуальные «не-места», ускользающие от западной теории, но еще не схваченные в локальных категориях, а также позволяет осуществлять контекстуальный анализ локальностей вне их позиции «угнетенного». Идентичности, формируемые в транзитной культуре, отличаются постоянной неукорененностью, сомнением, изменчивостью и текучестью, они находятся в непреходящем становлении. Пространства, в которых осуществляется репрезентация идентичности, легитимизируют множественность, что с точки зрения деколониального поворота позволяет человеку открыто и искренне манифестировать свои ценности. Обратной стороной данной идентичности является отсутствие нормативных образцов поведения.

Нам видится, что *trauma studies* является также вариантом критики модерна в русле постколониальных и деколониальных оптик. В рамках *trauma studies* внимание нацелено на способы репрезентации травмы как личного пережитого опыта и как социального конструкта, репрезентируемого в культурной памяти (места памяти, культурные ритуалы, призванные заставить общество «не забывать» о произошедшей трагедии). Феномен культурных травм демонстрирует, как в обществе работают механизмы признания за отдельными событиями их травмирующего характера и как данные события репрезентируются в дискурсе, в практиках, в местах памяти [7]. Совмещение указанных методологий позволяет увидеть в сообществах, порой лишенных права репрезентировать свою позицию, механизмы конструирования собственной идентичности. Столь разные сообщества и методологические парадигмы объединяет единая исследовательская тема – внимание к механизмам формирования и репрезентации идентичностей «исключенных». Репрезентация голосов «неуслышанных» осмысливается в разных методологиях по-своему, однако общим является интерес к уникальному опыту, невозводимому на уровень глобального, этот опыт локален и всегда контекстуален.

В социально-гуманитарных исследованиях XX–XXI вв. начинает акцентироваться внимание на практиках, ранее не попадавших в поле зрения изучения в связи с отсутствием оптик видения, приемов фиксации и методологий осмысления личного опыта людей, переживших травмирующие события. Данный опыт до середины XX века не был зафиксирован в официальном дискурсе культуры (политическом, бюрократическом, юридическом, медийном и т. п.), не был описан, а следовательно, и осмыслен. Такие темы, как подчинение и угнетение, травмирующий опыт колониализма и трагедий в истории культуры, вытеснялись из области науки, они мыслились в качестве локального частного опыта, который не может быть осмыслен.

Выводы

Использование оптики пространственного поворота позволяет увидеть наложение образов представляемого пространства на объективное физическое пространство. Символически преобразованное пространство репрезентируется в нарративах о локальности.

В современной культурной практике существует дисбаланс в коммуникации между глобальными и локальными культурами, заключающийся в сложности репрезентации локальных (в том числе региональных) смыслов в глобальном мире. Отстаивание сообществом своей культурной самобытности на постимперском пространстве осмысляется в *postcolonial studies* как борьба за идентичность в политическом и дискурсивном поле. При столкновении с явлениями глобального мира представители локальности приобретают субъектность, начинают осмыслять и репрезентировать свою идентичность. Вне контекста процессов глобализации локальность не осознает своей самости. Однако репрезентация уникальных смыслов локальности осуществляется в пространстве глобальной культуры, а следовательно, осуществляется с применением универсальных, глобальных, стандартизированных выразительных средств, что находит отражение, в том числе, в массовой культуре. Локальные региональные культуры и локальный опыт оказываются подчинены общему механизму встраивания в капиталистическую логику глобального мира. Отказ от следования по общему пути глобального мира превращает локальность в маргинала.

Вопросы о многообразии и единстве культур в современной теории культуры рассматриваются с оглядкой на глобальные проблемы. Локальная культура анализируется сквозь призму глобальных трендов, что одновременно стирает границы между культурами и еще в большей степени подчеркивает несводимость локальной культурной специфики к глобальным тенденциям.

Применение постколониальной, пространственной и деколониальной оптики к анализу культуры позволяет отойти от географического детерминизма, сместить акцент с прямолинейных корреляций между культурой и пространством и осмыслить глобальные и локальные (региональные) культурные процессы с позиций властного и символического подчинения, «жестких» и «текучих» пространственных идентичностей.

Информация об авторе

Светлана Николаевна Оводова, кандидат философских наук, ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» (г. Омск, Россия).

Information about the author

Svetlana N. Ovodova, Cand. Sci. (Philosophy), Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Список литературы

1. Баба Х. Диссеминация: время, повествование и края современной нации / пер. с англ. И. Борисовой // Синий диван. 2005. № 6. С. 68–118.
2. Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского приграничья. 2005. № 3-4. С. 161–191.
3. Деррида Ж. Диссеминация. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 608 с.
4. Кастру Э. В. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.

5. Макогон Т. И. «Пространственный поворот» и возможность новационных подходов в социально-философском дискурсе // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6. С. 167–172.
6. Митчелл Т. Сцена «современности» // Неприкосновенный запас. 2014. № 6 (98). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/6/9m.html> (дата обращения: 03.02.2019).
7. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.
8. Оводова С. Н. Трансформация понимания идеи «Другого» в теории и философии культуры как отражение дискурса «глобального» и «локального» // Вестник Омского университета. 2019. № 1. С. 118–121.
9. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А. Ю. Коннова. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.
10. Глостанова М. В. Деколониальность знания и преодоление дисциплинарного декаданса // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 27, № 1. С. 84–100.
11. Глостанова М. В. Деколониальные гендерные эпистемологии. М. : ООО ИПЦ «Маска», 2009. 386 с.
12. Глостанова М. В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизиса // Человек и культура. 2012. № 1. С. 1–64. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_141.html (дата обращения: 01.02.2019).
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
14. Bhabha H. K. The Location of Culture. London and New York : Routledge Classics, 2004. 440 p.
15. Mignolo W. D. Epistemic Disobedience and the Decolonial Option: A Manifesto // Transmodernity. 2011. Vol. 1, № 2. P. 44–66.
16. Spivak G. C. Can the Subaltern Speak? // Colonial Discourse and Post-Colonial Theory: A Reader / P. Williams, L. Chrisman. N. Y. : Columbia University Press, 1994. P. 66–111.
17. Tuck E., McKenzie M., McCoy K. Land education: Indigenous, post-colonial, and decolonizing perspective on place and environmental education research // Environmental education research. 2014. Vol. 20, № 1. P. 1–23.

Статья поступила в редакцию: 01.07.19

Принята к публикации: 20.08.19

References

1. Bhabha H. DissemiNatsiya: vremya, povestvovanie i kraya sovremennoi natsii [DissemiNation: Time, Narrative and the Margins of the Modern Nation]. *Sinii divan = Blue Sofa*. 2005;6: 68–118. (In Russ.).
2. Bhabha H. Mestonakhozhdenie kul'tury [The Location of Culture]. *Perekrestki: zhurnal issledovaniy vostochnoevropейского prigranich'ya = Crossroads: Journal of East European Border zone Studies*. 2005;3-4: 161–191. (In Russ.).
3. Derrida J. *Disseminatsii [Dissemination]*. Yekaterinburg: U-Faktoriya; 2007. 608 p. (In Russ.).
4. Castro EV. *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststrukturalnoi antropologii [Cannibal Metaphysics. For a Post-Structural Anthropology]*. Moscow: Ad Marginem Press; 2017. 200 p. (In Russ.).
5. Makogon TI. «Prostranstvennyi povorot» i vozmozhnost' novatsionnykh podkhodov v sotsial'no-filosofskom diskurse [“Spatial Turn” and the Opportunity of Novel Approaches in Social and Philosophical Discourse]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta = Tomsk Polytechnic University News*. 2012;321(6): 167–172. (In Russ.).

6. Mitchell T. Stsena «sovremennosti» [The Stage of Modernity]. *Neprikosnovennyi zapas = Emergency Reserve*. 2014;6(98). Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/6/9m.html> [Accessed 03.02.2019]. (In Russ.).

7. Nora P. Problematika mest pamyati [Problems of Memory Spaces]. In: Nora P, Ozuf M, Pyuimezh Zh, Vino M. *Frantsiya-pamyat' [France – Memory]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press; 1999. p. 17–50. (In Russ.).

8. Ovodova SN. Transformatsiya ponimaniya idei «Drugogo» v teorii i filosofii kul'tury kak otrazhenie diskursa «global'nogo» i «lokal'nogo» [Transformation of Understanding the Idea of “Other” in Theory and Philosophy of Culture as a Reflection of the Discourse of “The Global” and “The Local”]. *Vestnik Omskogo universiteta = Omsk University Bulletin*. 2019;1: 118–121. (In Russ.).

9. Auger M. *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna [Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity]*. Moscow: New Literary Review; 2017. 136 p. (In Russ.).

10. Tlostanova MV. Dekolonial'nost' znaniya i preodolenie distsiplinarnogo dekadansa [Decoloniality of Knowledge and Overcoming Disciplinary Decadence]. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and Philosophy of Science*. 2011;27(1): 84–100. (In Russ.).

11. Tlostanova MV. *Dekolonial'nye gendernye epistemologii [Decolonial Gender Epistemologies]*. Moscow: Maska; 2009. 386 p. (In Russ.).

12. Tlostanova MV. Postkolonial'naya teoriya, dekolonial'nyi vybor i osvobodzenie estezisa [Post-Colonial Theory, Decolonial Choice and Freeing the Aesthesis]. *Chelovek i kul'tura = Individual and Culture*. 2012;1: 1–64. Available from: http://e-notabene.ru/ca/article_141.html [Accessed 01.02.2019]. (In Russ.).

13. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]*. Moscow: Ad Marginem Press; 2016. 416 p. (In Russ.).

14. Bhabha HK. *The Location of Culture*. London: Routledge Classics; 2004. 440 p.

15. Mignolo WD. Epistemic Disobedience and the Decolonial Option: A Manifesto. *Transmodernity*. 2011;1(2): 44–66.

16. Spivak GC. Can the Subaltern Speak? In: Williams P, Chrisman L. *Colonial Discourse and Post-Colonial Theory: A Reader*. New York: Columbia University Press; 1994. p. 66–111.

17. Tuck E, McKenzie M, McCoy K. Land education: Indigenous, post-colonial, and decolonizing perspective on place and environmental education research. *Environmental education research*. 2014;20(1): 1–23.

Submitted 01.07.19 Accepted 20.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC04
УДК 323.2:342.7

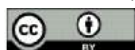
Свобода или безопасность в России: мнимый выбор

Ирина Б. Фан,
Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0003-1816-9245, e-mail: Irina-fan@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является исследование проблемы усиления в мире и России тенденции ограничения основных прав и свобод граждан со стороны государства, которое обосновывается необходимостью обеспечения безопасности. В публичном дискурсе России выделяются два основных подхода к соотношению свободы и безопасности – неоконсервативный и либерально-демократический. С помощью концепции социального конструктивизма как методологической основы исследования автор анализирует содержание и способы конструирования этих подходов. Противоречие между правом человека на свободу и стремлением к безопасности существует всегда. Однако конкретный способ его разрешения зависит от типа политической системы и роли политической элиты. Получены следующие результаты. Базовая потребность людей в безопасности используется российской политической элитой в качестве оправдания любых мер государственной политики, включая ограничение конституционных прав и свобод граждан и сворачивание институтов и практик демократии. Это осуществляется путем установления государственного контроля над СМИ, манипуляции общественным мнением с помощью пропаганды, а также посредством неподконтрольного обществу финансирования силовых структур. Безопасность вместо свободы – это мнимый выбор, навязываемый населению властью. Достижение безопасности и свобода не противоречат одно другому, а взаимно детерминируют в условиях правового государства.

Ключевые слова: свобода, национальная безопасность, государственная безопасность, угрозы безопасности, неоконсерватизм, либерализм, демократия.

Для цитирования: Фан И. Б. Свобода или безопасность в России: мнимый выбор // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 59–67. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC04.

Freedom or Security in Russia: The False Choice

Irina B. Fan,

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia.

ORCID: 0000-0003-1816-9245, e-mail: Irina-fan@yandex.ru

Abstract. The paper aims to study the problem of enhanced tendency of the state to limit citizens' fundamental rights and freedoms, globally and in Russia, justifying it with the need to provide security. Two major approaches to the ratio of freedom and security can be identified in the Russian public discourse – neo-conservative and liberal-democratic. The author uses the concept of social constructivism as a methodology basis for the research to analyze these approaches' content and ways of constructing them. A contradiction has always exists between the individual's right for freedom and pursuit of security. However, the specific way of solving it depends on the type of political system and the role of the political elite. The following results were obtained. People's basic need for security is used by the Russian political elite as a justification for any state policy measures, including limitation of citizens' constitutional rights and freedoms and curtailing democratic institutions and practices. This is implemented by establishing the state control of mass media, manipulating the public opinion through propaganda, as well as funding the security apparatus in ways not controlled by the society. Security instead of freedom is a false choice imposed on the population by the authorities. Achieving security and freedom is not mutually contradictory; it is mutually determining under conditions of an effective rule-of-law state.

Keywords: freedom, national security, state security, threats to security, neo-conservatism, liberalism, democracy.

For citation: Fan IB. Freedom or Security in Russia: The False Choice. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 59–67. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PC04.

Введение

Мир сотрясают информационные войны, массмедиа представляют публике все большие «угрозы» и «вызовы» с разных сторон. Сложно разобраться в действительных масштабах этих угроз, поскольку современные технологии манипуляции общественным мнением позволяют менять местами причины и следствия, факторы, силы и риски. Обратной стороной ощущаемой полуправды или прямой лжи о политике становится всеобщее недоверие, подрывающее не только легитимность государственной власти, но и социальную ткань обществ. Особые опасения вызывают усиливающиеся ограничения основных прав и свобод граждан «в целях противостояния международному терроризму и экстремизму» во имя «безопасности граждан». Экстраординарные меры по обеспечению безопасности предпринимаются в разных государствах. «Свобода граждан все больше выхолащивается. Мы становимся свидетелями и в то же время жертвами ползучей эрозии основных прав» [2, с. 9]. Противоречие между правом человека на свободу и стремлением к безопасности существует повсеместно, но в политиях, где принципы демократии, конституционализма, прав и свобод человека и гражданина не вполне реализованы, оно порождает консервативные тенденции. Система государственного управления в них вос-

производит архаичные способы подчинения населения под лозунгом защиты порядка, стабильности и безопасности.

Почему в общественных настроениях россиян приоритетными являются ценности порядка и безопасности? Как произошло вытеснение ценностей свободы из сознания людей и распространение антилиберальных и антизападных настроений? Был ли это сознательный и самостоятельный отказ граждан от свободы во имя безопасности? Ведь такой отказ означает подчинение государству, передачу ему конституционных прав – от свободы собственности, договора и экономической инициативы до права участия в политике. Это отказ от свободы выбора и политической субъектности [12, с. 287]. Произошло ли это незаметно для большинства путем молчаливого согласия с решениями элиты? Наша гипотеза состоит в том, что если это и был выбор, что вызывает сомнения, то вынужденный, выбор в условиях безальтернативности, посредством пассивного подчинения навязанному решению. На самом деле свобода и безопасность – не взаимоисключающие категории, а взаимосвязанные, детерминирующие друг друга. Их противопоставление и подмена одного другим – конкретная политическая технология. Безусловно, российское общество фрагментировано, большинство населения всегда подчиняется доминирующему влиянию государства, оно инертно, его настроения во многом традиционны, консервативны. Однако государство и не дает возможности публичного звучания альтернативного голоса оппозиции. Отсутствуют и другие способы артикуляции потребностей и интересов основных групп населения; при существующем политическом порядке каналы «обратной связи» обрублены.

Методы исследования

Концепция социального конструктивизма позволяет проанализировать не только содержание разных идеологических подходов, воплощаемых в теоретических суждениях, политических мифах, стереотипах мышления и т. п., но и способы их конструирования из разных компонентов, а также формы трансляции их массовому потребителю. С помощью данной концепции мы исследуем основные подходы к проблеме.

Результаты и обсуждение

Сопоставление свободы и безопасности не происходит открыто, однако, на наш взгляд, их неявное противопоставление играет значительную роль в российской политике. В публичном дискурсе России существует два основных подхода к соотношению данных категорий. В настоящее время доминирует позиция государственников, сторонников приоритета ценностей порядка, стабильности, безопасности. Она представлена людьми, состоящими на военной и гражданской государственной службе. Формально-декларативная сторона данной позиции опирается на положения Концепции общественной безопасности (2013 г.), национальных проектов, указов Президента РФ. Однако в текстах ее представителей выявляются и неформальные моменты, раскрывающие их реальный корпоративный интерес и мотивацию.

В качестве основной угрозы безопасности России называется гибридная война, ее катализатором считается цветная революция [1]. При-

чины данной угрозы связываются с геополитической дестабилизацией мировой периферии, возникшей вследствие глобального экономического и политического кризиса [9, с. 73]. Угроза глобального ядерного конфликта сменилась системой множества распыленных угроз, обусловленных глобальными изменениями, в том числе демократизацией. «Демократизация в современном мире является одной из причин выхода разведки из тени в сферу публичной политики, лишая ее традиционной привилегии – быть неподотчетной общественному контролю» [3, с. 18]. Существуют и проблемы в стратегическом планировании в сфере безопасности: секретность, препятствующая объективному анализу степени угроз и «представления заказчика» о той или иной политической проблеме [4, с. 16]. Наиболее открыто этатистскую позицию военной элиты высказывает А. В. Картаполов. Он считает, что Вооруженные силы РФ являются не только военно-силовым, но и политическим институтом, предназначенным поддерживать «законно избранную народом власть». В целях обеспечения военной безопасности «требуется на систематической основе переходить к формированию у личного состава Вооруженных сил (да и всего российского социума в целом) политического сознания... иммунитета к чуждым нашему обществу идейным и культурным ценностям». Основу политического сознания личного состава ВС РФ должны составлять государственность как оплот суверенитета, гражданственность, патриотизм, воинский долг, жертвенность, святость и соборность [8].

В условиях глобальной информационной борьбы, по мнению А. В. Железняка, плюрализм мнений, автономия СМИ и другие свободы есть нечто иллюзорное. За деятельностью СМИ чаще всего стоит государство, олигархия или иная политическая сила. Наиболее предпочтителен вариант СМИ как орудия в руках государства [6, с. 41]. Однако государственный контроль над СМИ недостаточен, необходимо формирование политической психологии и правосознания населения. Автор одобряет целенаправленную политику по выдавливанию либерально-оппозиционной прессы и массмедиа в маргинальную нишу и считает, что эффективность информационного воздействия зависит от его соответствия ожиданиям целевой аудитории. Задаваясь вопросом, что делать, если информация, транслируемая массам, выходит за рамки морали, А. Железняк рассматривает технологию «The Overton Window» – постепенного навязывания общественному мнению идеи, нужной элите. Проецируя негативную пропагандистскую технологию на «врага», обвиняя США в информационной войне и оправдывая подобные действия со стороны России, автор применяет «двойные стандарты». Понятие безопасности у него означает несменяемость власти.

Другой позицией по поводу соотношения безопасности и свободы является подход представителей политической науки, приверженцев либерально-демократических ценностей. Понятие безопасности нуждается в конкретизации, иначе оно превращается в идеологему. В качестве субъектов безопасности выделяются нации, группы, личности, международное сообщество. Содержание понятия национальной безопасности включает выживание, благополучие и развитие нации, это не только состояние защищенности, но и поддержание способности нации к самосохранению, самовоспроизводству и самосовершенствованию.

ванию [5, с. 130]. Несмотря на возрастание взаимозависимости национальной, региональной и международной сфер безопасности, внимание российской элиты сконцентрировано на национальном механизме обеспечения безопасности. В этом проявляется консерватизм в представлении о национальной безопасности – понимание ее не как развитие всех социальных структур, а как безопасность в военной сфере. Национальная оборона отождествляется с национальной безопасностью [5, с. 131]. Однако национальная оборона – лишь тактический проект, конкретизирующий национальную безопасность как стратегический проект. Наиболее эффективной могла бы стать глобальная система противодействия современным угрозам и вызовам. Акцент на национальной безопасности скорее разделяет, чем объединяет разные государства в рамках системы международных отношений, этот акцент превращается в источник угрозы для личности и общества, поскольку подрывает региональную и международную безопасность. И угрозы, и потенциальный противник конструируются военным и политическим руководством. Обеспокоенность вызывает отсутствие нового механизма обеспечения международной безопасности в условиях неуправляемого характера миропорядка, а также четких критериев оценки степени опасности транснациональных проблем. О необходимости анализа изменений в статусе государств в контексте глобализации пишет Г. Сёрренсен. Пока именно национальные государства обеспечивают необходимые условия для защиты личности и общества. Но существуют различия между сильным и слабым государством: первое способствует защите личности и общества, второе формирует условия, угрожающие их безопасности [15, р. 385]. Слабость Российского государства приводит к тому, что в современных условиях приоритетным объектом безопасности оно считает не личность, не общество, а себя [5, с. 136]. Это связано с отождествлением понятий «национальное», «государственное» и «военное». В Стратегии национальной безопасности РФ (2009) отмечается, что «основными приоритетами национальной безопасности РФ является национальная оборона, государственная и общественная безопасность». Из приоритетов исчезли безопасность личности, общества и нации. Искусственное сдерживание демократизации в России, сворачивание демократических институтов приводит к возрастанию угроз для личности и общества. Существует особая схема обеспечения безопасности государственной элиты, но от защиты прав рядовых граждан – на жизнь, свободу и собственность, государство отстраняется.

В сфере национальной безопасности, как и в других сферах жизни общества, проявляется неоконсервативный политический курс. Широко распространены представления о России как особой цивилизации, у которой «особый путь развития» и которая оказалась перед лицом угроз со стороны внешних и внутренних врагов. Общество должно сплотиться вокруг государства ради сохранения суверенитета и территориальной целостности. В массовых настроениях отмечается апатичное согласие на ограничения свобод ради безопасности, но это во многом продукт массивированной государственной пропаганды. Неоконсервативная идеология и формирует данные представления, и стимулирует их распространение. Один из ее компонентов – тезис о неприемлемых идеологических и ценностных противоречиях между сво-

бодой как идеалом западного ядра стагнирующей мировой системы и справедливостью как идеалом поднимающегося «не-Запада» [11, с. 32]. Анализируя причины обращения власти, элиты и масс к неоконсервативной идеологии, А. Ю. Мельвиль пишет, что главным приоритетом власти является сохранение своего статуса любой ценой, в том числе посредством снижения рисков и вызовов со стороны иных элитных групп. В неоконсерватизме заинтересованы чиновничество, все группы населения, зависящие от бюджета, и даже российский «средний класс».

Причины, по которым в государственной политике вопросы государственной безопасности оттеснили проблемы прав и свобод граждан, связаны с реальной социальной базой и структурой власти. Главный тренд политических реформ эпохи В. Путина – уменьшение стратегической роли экономической элиты и увеличение роли военной элиты, установление милитократии. Это и рост числа силовых министерств и служб, и увеличение численности военных в структурах власти, не связанных с безопасностью страны. Военные пришли на должности заместителей министров или начальников ключевых направлений экономического блока правительства. «Наиболее массовый приток военных в экономические ведомства происходит из органов безопасности (ФСБ, СВР) – 45,2 % от числа военных, назначенных замминистрами в невоенные ведомства; из армейских структур пришло 38,7 % новых замминистров; из МВД – 16,1 %» [10, с. 274]. Военные стали ответственными за усиление контрольной функции власти в экономике. Не приученные ценить собственную свободу, «силовики» подозрительно относятся к свободолюбию других. Военная элита, сохранившая идеологию государственности и великодержавности, быстро овладела навыками обогащения путем установления административного и финансового контроля над бизнесом. Силовой контроль подчинил государству СМИ (ТВ), гражданское общество, выборы, парламент, политическую систему.

Однако повышают ли такие институциональные и идеологические меры степень безопасности личности, общества, нации в России? Начальник Генштаба ВС РФ В. Герасимов считает, что Пентагон разработал стратегию «Троянского коня» против России: «Используя протестный потенциал “пятой колонны”, США дестабилизируют обстановку, например в РФ, и одновременно наносят удары высокоточным оружием по наиболее важным объектам». В ответ он представил «стратегию активной обороны» – «комплекс упреждающих мер по нейтрализации угроз безопасности государства». Формально Военная доктрина РФ носит оборонительный характер. Но призыв «обеспечить техническое, технологическое, организационное превосходство над любым потенциальным противником» означает, что ВС РФ должны превосходить объединенные силы остального человечества. В новой доктрине В. Герасимов усилил обоснование безудержной милитаризации России, в десятки раз преувеличивая нынешние угрозы. Истинная цель таких заявлений – преобладание над экономическим блоком правительства и увеличение финансирования армии [13]. К тому же упреждение потенциальных угроз чревато провокацией конфликта и превращением в реальную угрозу международной и национальной безопасности. Любые чрезвычайные ситуации, реальные или воображаемые угрозы, о которых говорят на ТВ, служат увеличению полномочий

спецслужб и укреплению центральной власти. В гибридных автократиях «торговля угрозами» может стать основным инструментом внутренней политики, поскольку в них отсутствуют самостоятельные политические субъекты, кроме спецслужб [14].

Заключение

Безопасность – безусловная ценность, основанная на бессознательном чувстве самосохранения. Однако в государственной пропаганде она служит эффективным инструментом оправдания любых политических мер. Безопасность вместо свободы – это мнимый выбор, навязанный населению властью. Отсутствие государственной защиты личной свободы, жизни и частной собственности граждан со стороны правоохранительных органов означает угрозу личной безопасности. Отсутствие общественного контроля над финансированием бюджетных расходов на армию и спецслужбы ставит под сомнение направление этих средств на внешнюю безопасность или внутренний правопорядок. Право призвано ограничивать и обеспечивать и свободу, и безопасность личности, общества и нации. Роль правового государства – осуществлять Право в виде конституционных прав граждан. Но Российское государство управляет, опираясь не на Право, а на силу, неоконсервативную идеологию и манипуляцию информацией с помощью медиа, т. е. посредством поддержания или внушения страха и «продажи» угроз. Внешние угрозы нынешняя политическая элита преувеличивает или даже провоцирует их в целях ликвидации внутренней «угрозы» – конкуренции ей со стороны любых потенциальных субъектов политики. Систематическая работа государства по поддержанию планки страха порождает оппортунизм и конформизм в людях, страх за безопасность как горизонт мышления и поведения [7]. В осуществлении властью постоянного контроля и пропаганды проявляется механизм переноса ее собственной моральной и управленческой несостоятельности на других – оппозицию или «западных партнеров». Транслируя на массы идеологемы о внешних угрозах и врагах, действующая власть и элита не только отвлекают население от социальных, экономических, политических проблем, вызванных неэффективностью государственного управления, но и скрывают свой страх перед возможными конкурентами.

Информация об авторе

Ирина Борисовна Фан, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Irina B. Fan, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Бартош А. А. Разведка России в противостоянии гибридным угрозам // Независимое военное обозрение. 06.10.2017. URL: nvo.ng.ru/spforces/2017-10-06/1_968_scouting.html (Дата обращения: 04.07.2019).
2. Баум Г. Спасти права граждан. 2-е изд., доп. М. : Сектор, 2015. 156 с.
3. Власова М. Г. Разведка в начале XXI века: основные вызовы эпохи // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. Вып. 2 (6). С. 17–21.

4. Власова М. Г. Стратегическая аналитика в сфере национальной безопасности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. Вып. 4 (12). С. 11–17.

5. Гуторов В. А., Радиков И. В. Концепции национальной безопасности в политическом дискурсе современной России: проблемы теории и методологии анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6 : Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 4. С. 130–139.

6. Железняк А. В. Механизмы влияния на политическую психологию и правосознание людей через СМИ // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. Вып. 2 (6). С. 39–42.

7. Идет систематическая работа по поддержанию страха // Левада-центр. 03.07.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/07/03/idet-sistematicheskaya-rabota-po-podderzhaniyu-straha/> (дата обращения: 17.08.2019).

8. Картаполов А. В. Наша цель – формирование воина – государственника // Красная звезда. 15.05.2019. URL: https://www.redstar.ru/nasha_tsel-formirovanie-voina-gosudarstvennika/ (дата обращения: 4.07.2019).

9. Костин А. И. Глобальные тренды и противодействие международному терроризму // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 70–76.

10. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. 384 с.

11. Мельвиль А. Ю. Неоконсервативный консенсус в России? Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии // Полития. 2017. № 1 (84). С. 29–45.

12. Фан И. Б. Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы. Екатеринбург : Урал. ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2018. 332 с.

13. Фельгенгауэр П. Добиться превосходства над остальным человечеством // Новая газета. 2019. 11 марта (№ 26). URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/09/79808-dobitsya-prevoshodstva-nad-ostalnym-chelovechestvom> (дата обращения: 16.08.2019).

14. Шульман Е. Торговля угрозами, – почему Турция серьезный противник для России? // NatPress. 30.11.2015. URL: <https://natpressru.info/index.php?newsid=10051> (дата обращения: 16.08.2019).

15. Sorensen G. Individual Security and National Security. The State Remains the Principal Problem // Security Dialogue. 1996. Vol. 27 (4). P. 384–385.

Статья поступила в редакцию: 29.07.19
Принята к публикации: 30.08.19

References

1. Bartosh AA. Razvedka Rossii v protivostoyanii gibridnym ugrozam [Russian Intelligence Countering Hybrid Threats]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie = Independent Military Review*. 06.10.2017. Available from: nvo.ng.ru/spforces/2017-10-06/1_968_scouting.html [Accessed 04.07.2019]. (In Russ.).

2. Baum G. *Spasti prava grazhdan [Saving Citizens' Rights]*. 2nd ed. Moscow: Sector; 2015. 156 p. (In Russ.).

3. Vlasova MG. Razvedka v nachale XXI veka: osnovnye vyzovy epokhi [Intelligence in the Early 21st Century: Major Challenges of the Era]. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie = National Security and Strategic Planning*. 2014;2(6): 17–21. (In Russ.).

4. Vlasova MG. Strategicheskaya analitika v sfere natsional'noi bezopasnosti [Strategic Analytics in the Field of National Security]. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie = National Security and Strategic Planning*. 2015;4(12): 11–17. (In Russ.).

5. Gutorov VA, Radikov IV. Kontseptsii natsional'noi bezopasnosti v politicheskom diskurse sovremennoi Rossii: problemy teorii i metodologii analiza [National Security Concepts in Contemporary Russia's Political Discourse: Problems of Theory and Analysis Methodology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6 : Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya = Saint Petersburg University Bulletin. Series 6: Philosophy. Cultural Studies. Political Science. Law. International Relations*. 2010;4: 130–139. (In Russ.).

6. Zheleznyak AV. Mekhanizmy vliyaniya na politicheskuyu psikhologiyu i pravosoznanie lyudei cherez SMI [Mechanisms of Impacting Political Psychology and People's Legal Consciousness Through Mass Media]. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie = National Security and Strategic Planning*. 2014;2(6): 39–42. (In Russ.).

7. Levada Center. *Idet sistematicheskaya rabota po podderzhaniyu strakha [Systemic Work on Maintaining Fear is Ongoing]*. 03.07.2019. Available from: <https://www.levada.ru/2019/07/03/idet-sistematicheskaya-rabota-po-podderzhaniyu-straha/> [Accessed 17.08.2019]. (In Russ.).

8. Kartapolov AV. Nasha tsel' – formirovanie voina – gosudarstvennika [Our Goal is Shaping the Strong-State-Proponent Warrior]. *Krasnaya zvezda = Red Star*. 15.05.2019. Available from: https://www.redstar.ru/nasha_tsel'-formirovanie-voina-gosudarstvennika/ [Accessed 4.07.2019]. (In Russ.).

9. Kostin AI. Global'nye trendy i protivodeistvie mezhdunarodnomu terrorizmu [Global Trends and Countering International Terrorism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Moscow University of Russian Ministry of Internal Affairs Bulletin*. 2014;9: 70–76. (In Russ.).

10. Kryshchanovskaya O. *Anatomiya rossiiskoi elity [Anatomy of Russian Elite]*. Moscow: Zakharov; 2005. 384 p. (In Russ.).

11. Melville AY. Neokonservativnyi konsensus v Rossii? Osnovnye komponenty, faktory ustoichivosti, potentsial erozii [Neo-Conservative Consensus in Russia? Main Components, Sustainability Factors, Erosion Potential]. *Politiya = Polity*. 2017;1(84): 29–45. (In Russ.).

12. Fan IB. *Politicheskaya ontologiya rossiiskogo grazhdanina: sodержание protiv formy [Russian Citizen's Political Ontology: Content Versus Form]*. Yekaterinburg: Ural Institute of Management – Branch of RANEPa; 2018. 332 p. (In Russ.).

13. Felgenhauer P. Dobit'sya prevoskhodstva nad ostal'nym chelovechestvom [Achieving Dominance over the Rest of Humanity]. *Novaya gazeta = Novaya Gazeta*. 11.06.2019. Available from: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/09/79808-dobitsya-prevoshodstva-nad-ostalnym-chelovechestvom> [Accessed 16.08.2019]. (In Russ.).

14. Shulman E. Torgovlya ugrozami, – pochemu Turtsiya ser'eznyi protivnik dlya Rossii? [Trading Threats – Why is Turkey a Serious Opponent for Russia?]. *NatPress*. Website. 30.11.2015. Available from: <https://natpressru.info/index.php?newsid=10051> [Accessed 16.08.2019]. (In Russ.).

15. Sorensen G. Individual Security and National Security. The State Remains the Principal Problem. *Security Dialogue*. 1996;27(4): 384–385.

Submitted 29.07.19 Accepted 30.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC05
УДК 165.62:316

Феноменологический подход к анализу общества потребления: Э. Гуссерль и Ж. Бодрийяр

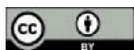
Павел Л. Зайцев,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия
ORCID: 0000-0003-3296-9839, e-mail: zaitsevpl@rambler.ru

Аннотация. Авторство понятия «общество потребления» принадлежит Ж. Бодрийяру, в 1970 г. выпустившему книгу с названием, столь полюбившимся исследователям. Сегодня наряду с понятием «общество потребления» все чаще употребляется понятие «общество впечатлений» или «общество потребления переживаний». Потребление впечатлений предполагает и определенную индустрию производства впечатлений. Цель настоящей работы – выявить связь концепции «общества потребления» Ж. Бодрийяра с ключевыми объяснительными концепциями в области общественного производства и потребления, существовавшими в его время. В статье ставится и решается вопрос о возможных источниках исследовательского подхода Бодрийяра. Обосновывается позиция, что, несмотря на «левацкую» эстетику, Ж. Бодрийяр достаточно далек от К. Маркса. Его взгляд на назначение потребительской стоимости обоснован с позиции феноменологической методологии Э. Гуссерля. Внимание к контексту современных экономических связей мы находим в работах Г. Зиммеля, в частности в его произведении «Большие города и духовная жизнь». Завершает работу вывод о том, что если общество, современное К. Марксу, при всей значимости процессов производства, при своей яркой товарной ориентированности, масштабных кризисах, вызванных перепроизводством товаров, предполагало лакуны, напрямую с миром капитала не связанные: семью, религию, этничность, образ жизни, то «общество потребления» захватывает и их.

Ключевые слова: Ж. Бодрийяр; Э. Гуссерль; общество потребления; дифференциация; узнавание.

Для цитирования: Зайцев П. Л. Феноменологический подход к анализу общества потребления: Э. Гуссерль и Ж. Бодрийяр // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 68–74. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC05.

© П. Л. Зайцев, 2019

Phenomenological Approach to Consumption Society Analysis: E. Husserl and J. Baudrillard

Pavel L. Zaytsev,

Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russia.
ORCID: 0000-0003-3296-9839, e-mail: zaitsevpl@rambler.ru

Abstract. The notion of “consumption society” was introduced by J. Baudrillard in 1970, when he published the book of this name, so well-loved by researchers. Today, “impression society” or “experience consumption society” is getting more and more widespread along with the “consumption society” concept. Consumption of impressions means a certain industry producing impressions. This paper aims to identify the link between J. Baudrillard’s concept of “consumption society” and key explanatory concepts in the sphere of public production and consumption that existed in his time. The paper poses and answers the question of potential sources of Baudrillard’s research approach. It is argued that, despite his “leftist” aesthetics, J. Baudrillard was pretty far from C. Marx. His view of the purpose of consumer value is explained from E. Husserl’s perspective of the phenomenological methodology. We find attention to the context of contemporary economic ties in works by G. Simmel, specifically, in his *The Metropolis and Mental Life*. The paper ends with the conclusion that while C. Marx’s contemporary society, with all the significance of production processes, with its obvious commodity orientation and large-scale crises caused by commodities overproduction, still included lacunae not directly associated with the world of capital – family, religion, ethnicity, lifestyle – the “consumption society” seizes these, too.

Keywords: J. Baudrillard, E. Husserl, consumption society, differentiation, recognition.

For citation: Zaytsev PL. Phenomenological Approach to Consumption Society Analysis: E. Husserl and J. Baudrillard. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today’s World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 68–74. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PC05.

Введение

Согласно определению К. Маркса, «товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей – порождаются ли они, например, желудком или фантазией, – ничего не изменяет в деле» [7, с. 13]. Если общество потребления в любых определениях базируется на производстве и потреблении продуктов труда как внешних предметов, то общественные свойства последних будут вытекать из их вещественных свойств. Даже назначение потребительской стоимости, возникающее только в процессе потребления и вне его, не зависит от произвола человека. По Марксу, потребительская стоимость «не висит в воздухе», а зависит от полезности вещи и осуществляется в пользовании или потреблении. Подход, согласно которому товар как вещь, предназначенная к потреблению, потребительские свойства которой определяют ее потребительскую стоимость, можно, с достаточной долей условности, считать онтологическим. Вещь как товар нечто значит сама по себе, и именно эта присущая ей значимость, а не какая иная раскрывается в потреблении. Этот подход находит своих

сторонников и сегодня. Как предупреждают нас современные апологеты марксизма, «конец XX – начало XXI в. со всей очевидностью обозначают необходимость “левого поворота”» [6, с. 127], поэтому учение Маркса по-прежнему верно, всеильно, и в обществе потребления даже отношения между людьми принимают форму отношения между вещами.

Методы исследования

Развитие и одновременно кризис марксистской методологии проявил себя в представлениях о проблеме взаимоотношения человека и товару Ж. Бодрийяра, которому принадлежит термин «общество потребления» и одноименная работа, увидевшая свет в 1970 году. Как и многие левые французские интеллектуалы, духовно связанные со студенческим движением в 1968 году, поставившим крест на 30-летней эпохе экономического роста руководимой генералом де Голлем Французской республики, Бодрийяр, безусловно, испытал влияние марксизма, но его работы, на наш взгляд, более созвучны творческим установкам Г. Зиммеля, нежели К. Маркса. Поясним это на примере. Говоря о мире производства и потребления товаров, Бодрийяр замечает связанность людей в большом городе. Эта мысль достаточно хорошо проанализирована Г. Зиммелем в работе «Большие города и духовная жизнь»: «Обстоятельства и жизнь жителя большого города бывают обыкновенно чрезвычайно разнообразны и сложны, и, что особенно важно, благодаря скоплению такой массы людей со столь дифференцированными интересами, их жизнь и деятельность слагается в такой многочисленный организм, что без самой пунктуальной точности договоров и выполнения их все обратилось бы в полнейший хаос. Если бы все часы в Берлине внезапно стали неверно или разно показывать время, хотя бы в продолжение одного часа, то вся хозяйственная и прочая жизнь этого города была бы надолго расстроена...» – пишет Зиммель [5, с. 4]. Взгляд Зиммеля обращен на улицы больших городов, полные людей, движение которых только на первый взгляд кажется хаотичным. Большие улицы и проходящие по ним потоки людей невозможны без обеспечивающих ориентацию во времени и пространстве указателей. Бодрийяр начинает свое исследование общества потребления со взгляда на витрины больших городов. «На самых оживленных улицах Лондона теснятся магазины, в витринах которых сверкают все богатства мира...» – цитирует он труд «К критике политической экономии» К. Маркса и замечает, что только неопытный взгляд может увидеть в этом разнообразии нагромождение: «Сегодня мало предметов предлагается в одиночку, без контекста говорящих о них других предметов. И отношение потребителя к предмету вследствие этого изменилось: он не относится больше к предмету, ориентируясь только на его специфическую пользу, а рассматривает ансамбль предметов в их целостном значении. Стиральная машина, холодильник, посудомоечная машина и так далее имеют в совокупности иной смысл по сравнению со смыслом каждого из них, если его взять как отдельную вещь. Витрина, рекламное объявление, фирма-производитель, фирменный знак, который здесь играет существенную роль, навязывают тем самым связанное, групповое видение предметов как почти неразделимого целого, как цепи, которая в таком случае не является больше рядом простых предметов, но сцеплением значащих предметов в той мере, в какой

они обозначают один другого в качестве суперпредмета, комплексного и вовлекающего потребителя в серию усложненных мотиваций. Видно, что предметы никогда не предлагаются потребителю в абсолютном беспорядке...» [1]. Подход, предложенный К. Марксом, является онтологическим еще и в том смысле, что он может быть противопоставлен подходу Ж. Бодрийяра как подходу феноменологическому. Методологически Ж. Бодрийяр достаточно близок Э. Гуссерлю. Попытаемся это доказать.

Результаты и обсуждение

Организацию потока непрерывно протекающих многообразий восприятия в вещь как отдельность Э. Гуссерль именовал «схватыванием». Рассуждая о «схваченной» вещи, он отмечал, что нечто, подлежащее схватыванию, еще не может считаться вещью – это нечто, выделяющееся из фона, заявляющее этим о себе, но еще не вещь: «Необходимо никогда не забывать вот о чем: то, что суть вещи, – вещи, о каких мы только и можем делать высказывания, о бытии и небытии каких, об определенности и инаковости каких мы только и можем спорить, вопрос о каких мы только и можем разумно решать, – то, что суть вещи, они суть как вещи опыта. Нечто – либо иное, но лишь опыт предписывает им их смысл, причем, поскольку речь идет о фактических вещах, это актуальный опыт с его определенным образом упорядоченными взаимосвязями опыта» [2, с. 88]. Мир эмпирически дифференцирован для появления вещи, сознание, способное к дифференциации, готово к назначению «вещами» выявленных им отдельностей, однако до «схватывания», вне «схватывания» вещи нет. Это разрушающее кантовскую идею трансцендентального единства апперцепции утверждение Гуссерля можно полагать феноменологическим основанием идеи общества потребления Ж. Бодрийяра. Есть только то, что нами схвачено, умом ли, чувствами ли, для общества потребления не столь уж важно, главное – товар должен быть приобретен. Здесь мы видим определенное созвучие между прочитанным через Бодрийяра понятием из философской доктрины Гуссерля и популярными советскими словечками, характерными для эпохи товарного дефицита: «схватить», «нахватать», «ухватить», «достать». По отношению к вещи, которая приобреталась путем сложных переговоров с посредником или владельцем, а не просто «выбрасывалась» на прилавок, имело хождение уважительно-ремесленное «сделать»: «я ему достал ковер, он мне сделал холодильник». В более поздней концепции «общества впечатлений» Г. Шульце именно переживание, рожденное даже не обладанием, а переживанием вещи, чувственное схватывание переживаемого состояния станет визитной карточкой очередного этапа развития мира потребления, тем, что сам автор связывает с метаморфозами «Subjektive und objektive Wirklichkeit als Verweisungszusammenhang» (референтного контекста субъективной и объективной реальности) [11, р. 238], описывая его как переход от внешне ориентированной к внутренне ориентированной семантике.

Перетекание общества производящего в общество переживающее имеет свое культурологическое измерение. Именно переживание культурных явлений (куда мы включаем и те, что по-прежнему производятся в сфере материальной культуры) делает мир глобальным. Эту идею, в частности, продуктивно разрабатывают Л. А. Закс [3; 4]; С. Н. Оводова [8; 9; 10].

Общество потребления представляет собой разнообразные товарные связи, товар получает свою потребительскую стоимость только в определенном контексте и в определенный момент, для которого также уместно понятие «схватывание». Почему оно происходит – загадка, над которой бьются и на которой пытаются заработать гуру современного маркетинга. Контекстные связи смещают внимание субъекта с самого товара на его место. Собственно, и сам субъект становится контекстуальным. Конечно, эта находка Бодрийера идет вразрез с классическим марксизмом. В «Капитале» Маркс замечает: «Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости всегда образуют его содержание, вначале безразличное к этой форме. По вкусу пшеницы нельзя определить, кто ее возделал: русский крепостной, французский мелкий крестьянин или английский капиталист. Потребительная стоимость, хотя и является предметом общественных потребностей и потому включена в общественную связь, не выражает, однако, никакого общественного производственного отношения» [7, с. 14]. Но в обществе потребления, как оно представляется Бодрийеру, «русский крепостной, французский мелкий крестьянин или английский капиталист» определяют контекст производства пшеницы; общество потребления, будучи внимательным к назначению различий, определит различную потребительскую стоимость их товару. По крайней мере, буханка хлеба из печи Германа Стерлигова стоит в несколько раз дороже аналогичных буханок даже из частных фермерских пекарен именно потому, что она вышла из печи Германа Стерлигова, да и «выхвачена» была не из контекста хлебобулочных изделий, куда отнесли бы ее товароведы, а из контекста толстовского опрощения, австралийского дауншифтинга и культа Земли-Матушки.

Бодрийер описывает этот процесс следующим образом: «Логика персонализации та же самая: она одновременно является натурализацией, функционализацией, культурализацией и так далее. Общий процесс может быть определен исторически: монополистическая индустриальная концентрация, *уничтожая реальные различия* между людьми, делает однообразными личности и продукты и *одновременно освящает царство дифференциации*. Это почти как в религиозных и социальных движениях: именно вследствие *оттока* их первичного импульса устанавливаются церкви и институты. Здесь также именно *вследствие утраты различий устанавливается культ различия*. Современное монополистическое производство никогда не является, таким образом, только производством благ, оно всегда также представляет собой производство (монополистическое) отношений и различий. Всё это, некогда различное, сегодня произведено одним и тем же способом и поэтому одинаково обречено быть потребленным» [1].

Выводы

Анализ концепции Бодрийера, учитывающий методологический и культурный контексты, может быть обобщен следующим образом: сначала капитализм провел массовую процедуру обезличивания, стирая этнические, культурные, сословные, религиозные различия, отменяя историю, затем занялся их назначением, представляя собой производство не столько благ как товаров, сколько производство (монополистическое) отношений и различий, воспринимаемых потребителями в качестве конечных благ. В обществе потребления всё есть потребление.

Его законы узнавания и дифференциации носят универсальный характер. То, что влияет на позиционирование блага, оказывает влияние и на потребителя, даже когда он находится вне процесса потребления. В обществе зарождающегося капитализма есть то, что потребляется, и то, чего нельзя потребить (по крайней мере индивидуально). Это религия, образ жизни, это и сложные вещи, производство которых требует значительных трудозатрат и которые потребляются не индивидуально: их заказчиком выступает общество, община (если речь идет о строительстве храма), отдельная семья (если речь идет о строительстве дома). В обществе потребления – обществе глобального капитализма – таких лакун нет. Индивидуальный потребитель не готов ждать, «постигающий опыт сознания» (снова вспомним терминологию Э. Гуссерля) актуализирует вещи из контекста окружающего мира, идентифицируя их и себя; именно в этом смысле общество потребления тотально. Механизмы идентификации, отработанные в сфере экономической жизни, в различении брендов, проецируются в сферы религии, культуры, власти и гражданственности.

Информация об авторе

Павел Леонидович Зайцев, доктор философских наук, профессор, декан факультета теологии, философии и мировых культур, заведующий кафедрой теологии и мировых культур, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, Россия).

Information about the author

Pavel L. Zaytsev, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Dean, Faculty of Theology, Philosophy and World Cultures, Head of Department of Theology and World Cultures, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М. : Республика, 2006. URL: https://royallib.com/read/bodriyuar_gan/obshchestvo_potrebleniya.html#0 (дата обращения: 01.01.2019).
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. первая : Общее введение в чистую феноменологию. М. : Академический Проект, 2009. 489 с.
3. Закс Л. А. Пространство и культура. Концепт границы // Социальные и культурные процессы в российском приграничье : сб. науч. статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / редкол.: П. Л. Зайцев, Л. А. Закс [и др.]. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. С. 12–27.
4. Закс Л. А. Современная революция / эволюция культуры и формирование культуросентрической парадигмы сознания (на примере философии и социогуманитарных наук) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. 2019. Т. 14, № 1 (185). С. 154–166.
5. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3 (34). С. 23–34.
6. Купаршвили М. Д., Ветров С. А. Учение Маркса всеильно, потому что оно верно // Вестник Омского университета. 2018. Т. 23, № 4. С. 126–131.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13 (январь 1859 – февраль 1860). 2-е изд. М. : Изд-во политической литературы, 1959. 771 с.
8. Оводова С. Н. Слово и визуальный образ в современной культуре // Вестник Омского университета. 2013. № 1 (67). С. 151–153.
9. Оводова С. Н. Проектирование антропокультурной реальности посредством дизайна // Вестник Омского университета. 2014. № 1 (71). С. 136–142.
10. Оводова С. Н., Чупин Р. И. «X, Y-матрицы» в урбанистическом дискурсе локальных городских сообществ // Визуальные образы современной

культуры. Изучая локальность: фундаментальные схемы и исследовательские практики : сб. науч. статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции / редкол.: П. Л. Зайцев [и др.]. Омск : Изд-во Омского ун-та, 2018. С. 21–28.

11. Schulze G. *Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart*. Frankfurt/Main : New York : Campus-Verl., 1992. P. 765.

Статья поступила в редакцию: 01.07.19

Принята к публикации: 20.08.19

References

1. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury [The Consumer Society: Myths and Structures]*. Moscow: Respublika; 2006. Available from: https://royallib.com/read/bodriyyar_gan/obshchestvo_potrebleniya.html#0 [Accessed 01.01.2019]. (In Russ.).

2. Husserl E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kn. pervaya : Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu [Ideas for a Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy: First Book: General Introduction to Pure Phenomenology]*. Moscow: Academic Project; 2009. 489 p. (In Russ.).

3. Zaks LA. Prostranstvo i kul'tura. Kontsept granitsy [Space and Culture. Concept of Border]. In: Zaytsev PL, Zaks LA. (eds.) *Sotsial'nye i kul'turnye protsessy v rossiiskom prigranich'e [Social and Cultural Processes in Russian Trans-Border Region]: proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference with International Attendance*. Yekaterinburg: University for Humanities; 2017. p. 12–27. (In Russ.).

4. Zaks LA. Sovremennaya revolyutsiya / evolyutsiya kul'tury i formirovanie kul'turotsentristskoi paradigmy soznaniya (na primere filosofii i sotsiogumanitarnykh nauk) [Contemporary Revolution / Evolution of Culture and Emergence of Culture-Centric Paradigm of Conscience (Exemplified by Philosophy, Social Sciences and Humanities)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3 : Obshchestvennye nauki = Ural Federal University News. Series 3: Social Sciences*. 2019;14(1): 154–166. (In Russ.).

5. Simmel G. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' [The Metropolis and Mental Life]. *Logos = Logos*. 2002;3(34): 23–34. (In Russ.).

6. Kuparashvili MD, Vetrov SA. Uchenie Marksa vsesil'no, potomu chto ono verno [Marx' Teaching is Omnipotent Because it is Correct]. *Vestnik Omskogo universiteta = Omsk University Bulletin*. 2018;23(4): 126–131. (In Russ.).

7. Marx C, Engels F. *Sochineniya. T. 13 (yanvar' 1859 – fevral' 1860) [Works. Vol. 13 (January 1859 – February 1860)]*. 2nd ed. Moscow: Political Literature Publishing House; 1959. 771 p. (In Russ.).

8. Ovodova SN. Slovo i vizual'nyi obraz v sovremennoi kul'ture [Word and Visual Image in Contemporary Culture]. *Vestnik Omskogo universiteta = Omsk University Bulletin*. 2013;1(67): 151–153. (In Russ.).

9. Ovodova SN. Proektirovanie antropokul'turnoi real'nosti posredstvom dizaina [Engineering Anthro-Cultural Reality Through Design]. *Vestnik Omskogo universiteta = Omsk University Bulletin*. 2014;1(71): 136–142. (In Russ.).

10. Ovodova SN, Chupin RI. «X, Y-matritsy» v urbanisticheskome diskurse lokal'nykh gorodskikh soobshchestv [X, Y Matrices in Urbanism Discourse of Local Urban Communities]. In: Zaytsev PL, et al. (eds.) *Vizual'nye obrazy sovremennoi kul'tury. Izuchaya lokal'nost': fundamental'nye skhemy i issledovatel'skie praktiki [Visual Images of Contemporary Culture. Studying Locality: Fundamental Patterns and Research Practices]: Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference*. Omsk: Omsk University Press; 2018. p. 21–28. (In Russ.).

11. Schulze G. *Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart*. Frankfurt am Main: Campus-Verl.; 1992. p. 765.

Submitted 01.07.19 Accepted 20.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC06
УДК 322+930.85

Религиозные детерминанты государственной власти в эпоху глобализации

Александр В. Еремин

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия
ORCID: 0000-0002-4139-8962, e-mail: a.eremin@yspu.org

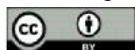
Аннотация. На рубеже XX–XXI вв., несмотря на необратимую интеграцию мирового культурного пространства, являющуюся составной частью процесса глобализации, очевидной становится глокализация национальных культур. Борьба цивилизаций [14] выражается в стремлении актуализировать традиционные, архетипичные, свойственные культуре начала, что находит подтверждение во всех сферах жизни, в том числе в сфере государственной власти. В статье предпринимается попытка начать научную разработку данного вопроса. Автор анализирует обращения и заявления официальных лиц, нормативно-правовую базу вероисповедной сферы, материалы публичных акций Церкви и власти, изучая существующий дискурс. Используя компаративистский метод, исследует происходящие явления в контексте исторического опыта России. В работе утверждается, что процесс усиления религиозных императивов во властных проявлениях усиливается в период обострения отношений с Европой и США после 2014 года, ставшего рубежом актуализации императива «врага», в основе которого находится свойственный для России императив вызов – ответ [10]. Власть активно использует религиозные образы для своей легитимизации и общественной поддержки. В контексте культурологического подхода автор делает вывод о том, что в культурном поле России формируются образы, укорененные в архитектурных представлениях о Святой Руси, основанные на традициях исихазма, об особой миссии России, существовавших, в том числе, в концептуализированной идее «Москва – Третий Рим». Данные императивы становятся актуальными в новых формах, а Церковь выполняет роль своеобразного культуртрегера современности, усиливая новые/старые образы, тем самым развивая парадигму «симфонии» духовной и светских властей, что свидетельствует об усилении традиционных начал русской культуры и сакрализации власти на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: власть, Церковь, сакрализация, религия, цивилизация, культура.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания на НИР (№ 33.7591.2017/8.9).

Для цитирования: Еремин А. В. Религиозные детерминанты государственной власти в эпоху глобализации // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мишек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 75–82. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC06.

© А. В. Еремин, 2019

Religious Determinates of State Power in Globalization Era

Alexander V. Yeremin,

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
ORCID: 0000-0002-4139-8962, e-mail: a.yeremin@yvspu.org

Abstract. At the turn of the 21st century, despite the irreversible integration of the global cultural space, which is an integral part of the globalization process, the process of national cultures' glocalization is becoming obvious. The clash of civilizations [14] manifests itself in the aspiration to update traditional, archetypal foundations inherent to a culture, which is represented in all areas of life, including the state power. The paper attempts to begin scientific research on this subject. The author analyzes officials' addresses and declarations, regulatory and legal framework of the faith system, materials of public campaigns by the Church and the authorities, studying the existing discourse. He uses the comparative method to study the occurring phenomena in the context of Russia's historical experience. The paper argues that the process of enhancing religious imperatives in authorities' manifestations grows stronger during increased animosity with Europe and the USA after 2014, which marked the border of actualizing the "enemy" imperative based on Russia's characteristic "challenge and response" imperative [10]. The authorities are actively using religious images for their legitimation and public support. Within the context of cultural studies approach, the author makes a conclusion that images are generated in Russia's cultural field that are rooted in archetypal notions of the "Holy Rus" based on traditions of hesychasm, Russia's special mission, that existed specifically in the conceptualized idea of "Moscow as the Third Rome". These imperatives are becoming relevant in new shapes and the Church plays the role of a certain contemporary Kulturtrager, enhancing new / old images and thus developing the paradigm of a "symphony" between religious and secular authorities, which evidences the enhancement of traditional foundations of the Russian culture and sacralization of power at the turn of the 21st century.

Keywords: power, Church, sacralization, religion, civilization, culture.

Acknowledgments: the paper is prepared with support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within State R&D Assignment (No. 33.7591.2017/8.9).

For citation: Yeremin AV. Religious Determinates of State Power in Globalization Era. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 75–82. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PC06.

Введение

Проблема исследования роли религии в практиках государственной власти затрагивает большой и хорошо разработанный в отечественной и зарубежной науке аспект, связанный с понятиями «цивилизация», «цивилизационная специфика», «цивилизационная идентичность». Данному направлению были посвящены работы многих известных ученых прошлого и настоящего: зарубежных ученых – Ф. Броделя [2], А. Тойнби, О. Шпенглера [15], С. Хантингтона и др.; отечественных ученых – Н. Я. Данилевского [5], И. В. Кондакова [6], С. А. Панарина [7], Г. П. Федотова [12] и др. Однако наработки ученых о специфике ци-

визации, в том числе в контексте властных проявлений, относятся к процессам, не связанным с современной глобализацией, что требует, на наш взгляд, раскрытия данной проблемы, которую можно обозначить коротко следующим образом: влияние глобализационной парадигмы на актуализацию религиозных детерминант во властных проявлениях как составляющей цивилизационной специфики России. Материалом для исследования являются эмпирические данные об акциях власти и Церкви, заявления государственных лидеров и высшего духовенства, официальные документы, характеризующие государственно-церковные отношения и позволяющие определить и изучить дискурс сакрализации власти как механизма актуализации архетипических начал культуры.

Методы исследования

В исследовании автор опирается на труды ученых, изучавших особенности развития русской цивилизации (А. Тойнби, О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский и др), а также подходы теоретиков транс- и междисциплинарности в науке: В. А. Бажанова, Л. П. Киященко, В. Г. Буданова, А. П. Огурцова, Р. В. Шольца, В. Н. Поруса и др. [11]. Исследование требовало интеграции научного аппарата нескольких гуманитарных наук. Подчеркнем, что современные события изучаются в контексте компаративного анализа актуальных событий и явлений прошлого, через категоризацию цивилизационных парадигм, актуализировавшихся на рубеже XX–XXI вв.

Результаты и обсуждение

Сознательное использование архетипических императивов особенно свойственно социокультурным системам, в основе которых лежат самобытные религиозные представления, которые являются частью их коллективной идентичности. Россия в этом плане, как страна-цивилизация [10], в историко-культурном развитии которой религия играла большую роль в процессе развития государственности, – локальная культура, в которой традиционные основания, укорененные в религиозных детерминантах, используются властью с целью определенной легитимации своей деятельности. В условиях обострения отношений с Западом происходит актуализация механизма вызов – ответ [10], что приводит к стремлению к консолидации общества на основе традиционных представлений, укорененных в религии. В качестве «вызова» воспринимается попытка давления на Россию, в качестве ответа – политика изоляционизма, опирающаяся на традиционные представления о роли власти, религии, миссии России, национальном самосознании.

На рубеже XXI века в России мы можем наблюдать усиление ритуализации во властных проявлениях, что фиксируется в многочисленных акциях с участием представителей Церкви и государства. Прежде всего, своеобразным трендом становится участие представителей федеральной и региональной власти в богослужениях, крестных ходах, молебнах. На рубеже XX–XXI вв. Президент России и председатель правительства присутствовали на всех рождественских и пасхальных службах. В. В. Путин часто выбирал для посещений храмы в регионах.

Среди масштабных акций выделим организованную и широко освещаемую СМИ панихиду в храме Христа Спасителя по первому Пре-

зиденту Б. Н. Ельцину (24.04.2007). Первого Президента России похоронили по православным канонам, публично, впервые в постсоветской России, что символизировало связь первого главы нового Российского государства с православной традицией.

Важным, на наш взгляд, является факт благословения президентов Российской Федерации Патриархом Русской православной церкви на всех без исключения церемониях вступления в должность. Более того, после инаугурации в XXI веке появилась традиция посещения В. В. Путиным молебнов в Благовещенском соборе.

В XXI веке молебны перед важными событиями государственного значения становятся частым явлением. Молебны совершались по случаю начала Олимпиады в 2014 году, по случаю событий на Украине и др. Участие представителей власти в церковных акциях свидетельствует о стремлении задействовать религиозные императивы, что усиливает детерминанты сакрализации власти благодаря легитимации Церковью действий власти. Данная особенность прослеживается в представлениях Церкви о симфонии двух властей, которая была обоснована в Социальной концепции Русской православной церкви [9]. В данном документе, который стал первым официальным опубликованным документом, формулирующим позицию Церкви по основным вопросам современности, власть светская и власть духовная – равноправные партнеры (как «тело и душа»). Более того, действия власти, по мнению Церкви, должны быть в русле духовно-нравственных основ и христианских ценностей, в противном случае Церковь может призвать народ к неповиновению [9, с. 57]. В такой модели взаимодействия с государством РПЦ видит свою миссию в формировании коллективных образов бытия, которые усиливаются, в том числе, через действия государственной власти.

В историко-культурном опыте России такой механизм был традиционным во взаимодействии Церкви и государства. Религиозное мировоззрение составляло и основу идеологии, что нашло отражение, например, в идее «Москва – Третий Рим», ставшей со временем социокультурной парадигмой. Представление об особой миссии России как оплота христианской веры нашли отражение и в традиции исихазма, методологическим основанием которого является концепт Святой Руси, которая выполняет историческую миссию – нести свет веры, преобразуя мир. В этом контексте задача власти была ясна – защита православного мировоззрения. Правитель, выполнявший данную миссию, обеспечивал себе необходимую легитимность через поддержку Церкви. В некоторых ритуалах, таких как крестоцеловальная запись, «хождение на осляти» и др., можно фиксировать тесную связь религиозных представлений и идеологических оснований власти.

В постсоветский период, несмотря на стремительное утверждение западных идеалов демократического общества, на длительный советский период борьбы с Церковью, практически разрушенный к концу 80-х гг. XX в. церковный институт, сакральные императивы власти с новой силой актуализируются, возрождается Церковь. Мы наблюдаем своеобразный религиозный ренессанс, Церковь становится важнейшим институтом, к которому вновь апеллирует власть, ища поддержки. Уже первая инаугурация демонстрирует близость Патриарха Алексия II к Президенту Б. Н. Ельцину, личные отношения которых были дружес-

кими. Дискурс «Бориса-царя» получил развитие в широко тиражируемом и показанном по всем тем каналам фильме «Царь Борис».

В XXI веке сакрализация власти усилилась. Православная ориентация Президента, развитие и использование им таких понятий, как русский мир, цивилизация, исторические корни, традиции, вера, подчеркивание своей воцерковленности лидером России запускали механизмы актуализации сакральных начал власти. Призывы к единству на основе исторического прошлого и цивилизационного кода способствовали повышению популярности Президента.

Анализ эмпирического материала, относящегося к действиям первого лица государства, позволяет сказать, что религиозный дискурс восприятия власти усиливался в XXI веке. Отметим визит В. В. Путина в Иерусалим 27 апреля 2005 года. Посетив храм Воскресения Господня, высказав намерение поддержки «хранителям веры православной и интересов государства Российского на Святой Земле», Президент актуализировал представления о России как о новом Иерусалиме, что в исторической традиции мы усматриваем в обряде «хождения на ослиати».

Особое значение власти в религиозном контексте проявилась в процессе объединения РПЦ и РПЦЗ. Начиная с 2003 года координатором развития диалога между двумя церквями и его основным инициатором выступил Президент, организуя встречи с предстоятелями. Объединение церквей в 2007 году произошло во многом благодаря участию светской власти, что, безусловно укрепляло механизм ее сакрализации [1]. Многочисленные факты поддержки Президента Патриархом, взаимное награждение власти и духовенства, частые встречи лидера государственной власти и предстоятелей РПЦ, содействие В. В. Путина деятельности Церкви в социокультурной сфере формировали представление о Президенте как о православном лидере страны. Выбранный властью курс на возрождение цивилизационных основ и традиций, подчеркивание православной ориентации является своеобразным сигналом для преференций Церкви в социокультурном поле. Повышение активности Церкви в обществе, которое фиксируется в многочисленных социокультурных проектах, инициируемых РПЦ и властью, в обращениях предстоятеля Церкви с трибун политической власти (Федеральное собрание) с конкретными предложениями по изменению общественной ситуации (отмена государственного финансирования аборт, развитие социального патронажа, духовного образования, поддержка института семьи и др.) свидетельствуют о развитии так называемой кооперационной системы взаимодействия государства и Церкви, начавшей формироваться после принятия Закона «О свободе совести и религиозных объединениях» в 1997 году, которая предполагает приоритет в сотрудничестве с одной наиболее значимой и масштабной конфессией, что, в свою очередь, воспринимается Церковью как модель близкая к «симфонии», когда два института действуют неразрывно, как тело и душа [9, с. 52].

Актуализация сакрализации способствует и развитию мессианского универсума. Особенно это начинает проявляться вместе с развитием дискурса защиты русского мира в официальном поле СМИ. В 2013 году В. В. Путин отметил, что основой идентичности народа является православие (заседание клуба «Валдай») [4]. В день 1025-летия Крещения Руси президент отметил: «Духовное единство является настолько проч-

ным, что не подвержено никаким действиям властей – ни государственных, ни, позволю себе даже сказать, церковных, потому что, какая бы власть над людьми ни была, но крепче, чем власть Господа, ничего быть не может» [3].

Патриарх Кирилл развивает этот дискурс в многочисленных речах об особой миссии России в эпоху глобализации, употребляя словосочетание «остров Россия». По мнению Патриарха, нравственный кризис личности требует выполнить главную миссию – создать культуру, которая будет иметь в своей основе христианские основания [8]. «Вызволить человеческую личность из объятий антикультуры, антихристианства, вернуть ее к Богу – вот та неотложная задача, которая стоит сегодня перед нами» [8]. Определение культурной миссии властью и Церковью в современной России совпадают, что доказывает общий вектор их взаимодействия.

Выводы

Таким образом, в современной России мы можем наблюдать ревитализацию религиозных детерминант в политике власти, которая усиливает цивилизационный дискурс. Данная тенденция объясняется стремлением задействовать механизмы легитимации, которые основываются на архетипических императивах, свойственных русскому культурному опыту и укорененных в ментальных основаниях общества. Этот процесс сопровождается и усилением традиционного института – Русской православной церкви, которая поддерживает и развивает образы, актуализированные властью. Отметим, что развитие традиционных образов становится возможным в условиях глобализационной парадигмы, которая запускает процессы глокализации локальных культур. Россия, как страна с богатым имперским прошлым, с многовековой традицией представлений об особой миссии, имеет в своем культурном опыте и механизм вызова – ответа, который часто актуализировался, в том числе благодаря власти, с целью единения перед внешними и внутренними угрозами. Нечто подобное мы можем наблюдать и в начале XXI века.

Информация об авторе

Александр Владимирович Ерёмин, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, начальник отдела научных исследований ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (г. Ярославль, Россия).

Information about the author

Alexander V. Yeremin, Dr. Sci. (Cultural Studies), Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor at Department of National History, Head of Research Department, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.

Список литературы

1. Акт о каноническом общении // Русская православная церковь : официальный сайт Московского патриархата. 01.11.2006. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/155920.html> (дата обращения: 10.01.2019)
2. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность [1958] // Философия и методология истории. М. : Прогресс, 1977. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Brod/ (дата обращения: 12.02.2019).

3. В Киеве проходят торжества по случаю 1025-летия Крещения Руси // Российская газета. 27.07.2013. URL: <https://rg.ru/2013/07/27/putin-anons.html> (дата обращения: 17.11.2019).
4. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 19.09.2013. URL: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 17.01.2019).
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 576 с.
6. Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и историко-социологический аспекты. М. : Прогресс-Традиция, 2011. 1014 с.
7. Панарин А. С. Православная цивилизация / сост., предисл. В. Н. Расстригуев ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с. URL: http://royallib.ru/book/panarin_a/pravoslavnaya_tsivilizatsiya.html (дата обращения: 03.03.2019).
8. Патриарх Кирилл. Благовестие и культура. 2019. URL: <https://mission-center.com/missiya/34-materiali/13528-missiy-patriarh-kirill-culthe> (дата обращения: 17.02.2019).
9. Основы социальной концепции Русской православной церкви. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2000. 176 с.
10. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М. : Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
11. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. А. Бажанова, Р. В. Шольца. М. : Навигатор, 2015. 564 с.
12. Федотов Г. П. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 10 : Русская религиозность. Ч. 1 : Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М. : Мартис, 2001. 400 с.
13. О свободе совести и религиозных объединениях : Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. 29 сент. С. 7666–7678.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : Издательство АСТ, 2003. 603 с.
15. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. М. : Мысль, 1998. 606 с.

Статья поступила в редакцию: 08.07.19
Принята к публикации: 20.08.19

References

1. Russian Orthodox Church: official website of Moscow Patriarchy. *Akt o kanonicheskom obshchenii [Act on Canonical Communion]*. 01.11.2006. Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/155920.html> [Accessed 10.01.2019]. (In Russ.).
2. Braudel F. *Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost' [1958] [History and Social Sciences. Historical Duration [1958]. In: *Filosofiya i metodologiya istorii [Philosophy and Methodology of History]*. Moscow: Progress; 1977. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Brod/ [Accessed 12.02.2019]. (In Russ.).*
3. Rossiyskaya Gazeta. *V Kieve prokhodyat torzhestva po sluchayu 1025-letiya Kreshcheniya Rusi [Kiev is Holding Celebrations on Occasion of the 1025th Anniversary of Christianization of Rus']*. 27.07.2013. Available from: <https://rg.ru/2013/07/27/putin-anons.html> [Accessed 17.11.2019]. (In Russ.).
4. Rossiyskaya Gazeta. *Vystuplenie Vladimira Putina na zasedanii kluba «Valdai» [Vladimir Putin's Address at Valdai Club Meeting]*. 19.09.2013. Available from: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> [Accessed 17.01.2019]. (In Russ.).
5. Danilevsky NY. *Rossiya i Evropa [Russia and Europe]*. Moscow: Kniga; 1991. 576 p. (In Russ.).

6. Kondakov IV, Sokolov KB, Khrenov NA. *Tsivilizatsionnaya identichnost' v perekhodnyu epokhu: kul'turologicheskii, sotsiologicheskii i iskusstvovedcheskii aspekty* [*Civilizational Identity in Transitional Era: Aspects of Culture Studies, Social Science and Art Criticism*]. Moscow: Progress-Tradition; 2011. 1014 p. (In Russ.).
7. Panarin AS. *Pravoslavnaya tsivilizatsiya* [*Orthodox Civilization*]. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2014. 1248 p. Available from: http://royallib.ru/book/panarin_a/pravoslavnaya_tsivilizatsiya.html [Accessed 03.03.2019]. (In Russ.).
8. Patriarch Kirill. *Blagovestie i kul'tura* [*Evangelism and Culture*]. 2019. Available from: <https://mission-center.com/missiya/34-materiali/13528-missiy-patriarh-kirill-culthe> [Accessed 17.02.2019]. (In Russ.).
9. Moscow Patriarchy. *Osnovy sotsial'noi kontseptsii Russkoi pravoslavnoi tserkvi* [*Fundamentals of Social Concept of the Russian Orthodox Church*]. Moscow: Moscow Patriarchy Press; 2000. 176 p. (In Russ.).
10. Toynbee AJ. *Postizhenie istorii* [*A Study of History*]. Moscow: Airis-Press; 2008. 521 p. (In Russ.).
11. Bazhanov VA, Scholz RV. (eds.) *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [*Trans-Disciplinary Approach in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects*]. Moscow: Navigator; 2015. 564 p. (In Russ.).
12. Fedotov G. P. *Sobranie sochinenii : v 12 t. T. 10 : Russkaya religioznost'. Ch. 1 : Khristianstvo Kievskoi Rusi. X–XIII vv.* [*Collection of Works: in 12 Volumes. Vol. 10: Russian Religious Feeling. Part 1: Christianity of Kievan Rus. 10th – 13th Centuries*]. Moscow: Martis; 2001. 400 p. (In Russ.).
13. Federal Law of 26.09.1997 No 125-FZ. O svobode sovesti i religioznykh ob'edineniyakh [On freedom of conscience and religious associations]. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 29.09.1997. p. 7666–7678. (In Russ.).
14. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [*Clash of Civilizations*]. Moscow: AST Publishing; 2003. 603 p. (In Russ.).
15. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. T. 2 : Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [*The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History. Vol. 2: Perspectives of World History*]. Moscow: Mysl'; 1998. 606 p. (In Russ.).

Submitted 08.07.19 Accepted 20.08.19

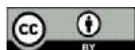
DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC07
УДК [130.2+322+348]:(281.93:27)

Формирование новой российской церковности: общество, власть, право

Евгений В. Кныш,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»,
г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0001-5294-3797, e-mail: gratamor@gmail.com

Аннотация. С одной стороны, популярность в России религиозных учений и практик, высокий процент самоидентификации населения с православием говорят об устойчивости так называемых постсекулярных тенденций; с другой – отрицательный информационный фон последних лет вокруг православной церкви ставит вопрос о начале нового секулярного этапа по отношению к традиционным религиозным институтам. Очевидно, что активным участником этих процессов является Российское государство. При этом вопросы церковной дореволюционной собственности, законодательные рамки осуществления религиозной деятельности различными сообществами до сих пор не отрегулированы, а власть не только поддерживает привычные религиозные институты, но и препятствует деятельности таких периферийных движений, как «Свидетели Иеговы», и других. Для осмысления данных процессов в статье кратко рассматривается генезис христианских практик, учитывающий их диалектическую двойственность, влияние на церковь государственной власти и общества. Выделены семь условных исторических этапов развития христианских практик от зарождения до наших дней, обосновывается особая значимость для современности такого модуса христианских практик, который направлен на реализацию сущности учения. При этом в каждом историческом периоде суть христианского учения воплощается по-разному. Исходя из вызовов времени, автор выделяет актуальную модель церковности, определяет принцип функционирования религиозности, обозначает возможность для оптимизации правоприменительной деятельности в сфере религиозных практик.
Ключевые слова: постсекулярность, постсекулярная культура, православие, история христианства, право.

Для цитирования: Кныш Е. В. Формирование новой российской церковности: общество, власть, право // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 83–93. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC07.

Shaping a New Russian Ecclesiasticism: Society, Power, Law

Evgeny V. Knysch,

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0001-5294-3797, e-mail: gratamor@gmail.com

Abstract. On the one hand, the popularity of religious teachings and practices in Russia, as well as the high percentage of population's self-identification as Orthodox evidence the sustainability of so-called post-secular trends; on the other hand, negative media coverage of the Orthodox church over the past years poses the question of the beginning new secular stage in relation to traditional religious institutions. The Russian state is obviously an active participant of these processes. At the same time, neither issues of pre-Revolution property of the church, nor the legal framework of various communities' religious activity is properly regulated yet, while the authorities not only support conventional religious institutions but also impede the activity of peripheral faiths like Jehovah Witnesses and others. To conceptualize these processes, the paper briefly explores the genesis of Christian practices, taking into account their dialectic duality, and the impact of state power and society on the church. Seven provisional historical stages of Christian practices development from their origins to our times are identified; the special significance of the Christian practices' modus aimed at implementing the essence of its teaching for the contemporary age is substantiated. However, the essence of Christian faith is embodied in a different way in every historical period. Based on the current challenges, the author identifies a relevant model of ecclesiasticism and highlights the opportunity to optimize law enforcement in relation to religious practices.

Keywords: post-secularism, post-secular culture, Orthodox faith, history of Christianity, law.

For citation: Knysch EV. Shaping a New Russian Ecclesiasticism: Society, Power, Law. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 83–93. Available from: doi:10.35853/UH-RMP-2019-PC07.

Введение

Начиная с памятных событий 11 сентября 2001 года, религиозные вопросы постоянно присутствуют в общественной повестке и, более того, все чаще становятся предметом острых дискуссий [19]. Для обозначения такой социокультурной ситуации в гуманитарное знание был даже введен отдельный термин – постсекулярность, или постсекуляризм [14], в этимологии которого просматривается признание научным сообществом потери былой актуальности секулярного дискурса с характерным дихотомическим противопоставлением веры и разума, научного прогресса и религиозной архаики и т. д., поскольку ни длительная политика секуляризации, ни естественное ослабление религиозных институтов, ни другие, связанные с Просвещением процессы, не привели к исчезновению феномена религиозности, повлияв главным образом только на форму ее выражения [6, с. 139–154]. Более того, поскольку данный феномен присутствует в самых разных культурах и в различные периоды времени, постсекулярная философская установка отводит религиозности значимую для идентичности человека роль, подчеркивает ее универсальный характер. Поэтому закономерным вы-

глядит такой, например, факт: в идентичности современных европейцев неизменно присутствуют христианские ценности, пусть и на неосознанном уровне, но генетически обусловленные многолетним существованием христианских регулятивов в культуре [11, с. 115]. Подобным образом, у выходцев из мусульманских стран, живущих во внешне секулярной Европе, в качестве идентификации отчетливо прослеживается исламский компонент. Поэтому постсекулярная исследовательская оптика видится наиболее релевантной для объяснения современной социокультурной действительности применительно к религиозной и окологрелигиозной проблематике.

Применение постсекулярного подхода позволяет убедительно объяснить такие процессы последних десятилетий, как рост религиозного экстремизма, массовое появление и существование различных религиозных, квазирелигиозных сект и симулякров религии, а говоря о России – массовое обращение к религиозным практикам православия и протестантизма (крещение) в девяностых годах прошлого века. Говоря о нехристианских постсекулярных явлениях, можно выделить Исламскую революцию 1979 года в Иране, рост популярности происламских политических сил в Турции в последние десятилетия, которые можно рассматривать как варианты своеобразного постсекулярного реванша в социально-политической сфере. Социологические опросы жителей стран Восточной Европы, выявляющие отношение к религии, фиксируют устойчивую самоидентификацию населения с традиционными конфессиями (в России – с православием) [5, с. 4]. Конечно, за внушительными цифрами (порядка 70 %) скрывается, скорее, символическое приобщение к наследию предков, традиционной культуре, берущей начало в христианских нормах, ценностях и смыслах. Это демонстрирует сравнительно низкий процент активно участвующих в церковной жизни [5, с. 13]. Однако в целом тенденции, которые мы можем определить как постсекулярные, остаются значительными.

Однако не все так гладко. Как известно, непосредственно на религиозные процессы влияет государство. Так, в XX веке активное противодействие, оказанное советской властью православной церкви и всякому проявлению религиозности, привело, в конце концов, к деградации традиции до практик эпизодического посещения населением храмов «по необходимости», восприятию богослужения, в основном, на уровне обряда («поставить свечку» перед иконой, тайное крещение младенцев, участие в службах «по большим праздникам» и т. д.). Жесткая секуляризация не могла не вызвать соответствующую реакцию: постсекулярный всплеск интереса людей к разного рода учениям в семидесятых–восемидесятых годах [8], а в девяностых – массовое крещение, строительство храмов, рост числа священнослужителей, прихожан. Российская власть в своей новейшей истории активно способствовала укреплению православия как общенациональной религии. Такая поддержка порождает в общественном сознании восприятие церкви и государства как существующих в единой связке. Эта идея озвучивается и на официальном церковном уровне [16]. Соответственно, претензии к одному из институтов порождают неудобные вопросы и к другому.

Более того, в последние годы в России сама православная церковь все чаще становится негативным ньюсмейкером, подвергаясь критике,

в частности, со стороны либеральной части общественности по самым различным поводам. Сюда можно отнести нарушение привычного «имиджа» священнослужителями разного ранга: отдельные инциденты, связанные с демонстрацией благосостояния, пренебрежением нормами закона. Есть негативная реакция на экспансию церкви в публичное пространство: попытки цензурировать сферу искусства через запрет дискриминирующих христианскую веру театральных постановок, выставок, фильмов [18], постепенное возвращение в светскую образовательную систему (введение уроков по основам православной веры в школах, открытие теологических кафедр в вузах, наконец признание теологии научной специальностью, открывающее путь к защите светских диссертаций в области, максимально близкой к богословию). Для многих болезненными становятся процессы, связанные с реституцией дореволюционной собственности (самый яркий пример: события вокруг Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге). Особняком здесь стоит правоприменительная деятельность, касающаяся законов об оскорблении чувств верующих, ограничениях в осуществлении религиозной деятельности. В первом случае доминирующая православная церковь невольно ассоциируется со своеобразным карательным органом, неким вариантом современной инквизиции, во втором – с выгодоприобретателем запрещения околехристианских движений, таких как «Свидетели Иеговы». Наконец, даже такая само собой разумеющаяся для девяностых годов позитивная деятельность, как строительство храмов, все чаще встречает активное сопротивление горожан (например, противостояние местных жителей и церкви в московском парке Торфянка, в сквере возле драматического театра Екатеринбурга и др.), настаивающих на сохранении светского облика и назначения той или иной локации, отведенной для строительства. Возникает закономерный вопрос: не является ли все это признаками наступающей в России новой волны секуляризации с оппозицией религиозных практик современному активному городскому образу жизни и просыпающемуся гражданскому самосознанию населения? Учитывая, что в России в ситуации волнений граждан по тем или иным религиозным поводам приходится вмешиваться даже высшей исполнительной власти [15], этот вопрос является весьма актуальным. Кроме того, поскольку постсекуляризм как термин принимается далеко не всеми современными мыслителями, необходимость описания происходящего в религиозной сфере в координатах досекулярное – секулярное – постсекулярное [7, с. 51] не выглядит очевидной и требует дополнительной верификации. Применительно к современной российской действительности также возникают вопросы, связанные с вышеперечисленными проблемами соотношения прав верующих и неверующих, переопределением статуса дореволюционной церковной собственности.

Методы исследования

Для осмысления этих вопросов целесообразно применение разных методов. В первую очередь это общелогические методы и приемы познания. Мы полагаем, что для наиболее полного погружения в обозначенную нами социально-религиозную проблематику необходимо понять, каким образом развивалось православие во взаимодействии с обществом и государством. Поэтому при теоретическом воссоздании

такого генезиса стоит особо выделить метод абстрагирования. Для этого нами также применяются историко-культурный и философско-типологический методы, а также авторский подход, выделяющий два типа практик, которые составляют диалектическое единство любой религиозной (и не только) активности. Первый тип связан с наличием идеального смыслового центра учения, на соответствие личного бытия которому направлены различные усилия участников практик. Эти усилия предполагают, прежде всего, большую внутреннюю работу человека. Второй тип отражает внешнюю, формальную сторону жизни того сообщества, которое складывается вокруг учения, его вдохновителя, и направлен на успешную организацию деятельности, количественный рост, авторитет в социуме и т. п. – показатели, характерные для участников рынка, конкурирующих между собой. Предлагается использование наименований: интенсивный (для первого типа) и экстенсивный (для второго). Оба типа практик составляют известное единство и борьбу противоположностей. При доминировании интенсивного типа практик реальна опасность отрыва от реальности, замыкания сообщества на себе, вырождения в секту, если речь идет о традиционных учениях, противопоставление себя общественной среде вплоть до экстремистских проявлений. Перекося в сторону экстенсивных практик грозит превращением сообщества в бюрократический институт с жестко выстроенной системой власти, идеологизацией учения, стремлением участников к использованию своего пребывания в сообществе как средств для достижения личной выгоды. При таком подходе развитие учения и связанных с ним сообществ предстает сложным процессом противостояния и попеременным ростом значимости каждого из типов практик. Нам представляется целесообразным осмыслить влияние государства на современные религиозные процессы, учитывая состояние экстенсивных и интенсивных практик православия. Используя метод прогнозирования, мы можем предположить тенденции развития ситуации.

Осмысление действительности в координатах досекулярное – секулярное – постсекулярное [7, с. 51] требует обращения к концепту постсекуляризма, который описан в трудах немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса [14] и получил подробное осмысление в трудах различных мыслителей (см., напр., в русскоязычных публикациях [3, с. 64–66; 17, с. 222–240]). Однако мы предпочитаем использовать термин постсекулярной культуры, отражающий специфический подход к явлениям, свидетельствующим о росте значимости религии в современном обществе. Он связан с определением религиозности как некоего ядра индивидуальной духовности, обуславливающего извечный поиск человеком смыслов, трансцендентного начала бытия. При этом социально-политическая активность религиозных групп, институций, их многообразие и эклектичность вторичны. Первичен именно сам этот духовный запрос. Это обуславливает и особое отношение к постмодернистской интеллектуальной матрице. В то время как многие мыслители подчеркивают родственную связь постмодернизма и постсекуляризма, в чем-то отождествляя их [10, с. 57–62), нами постмодернизм осмысливается как подготовительный этап своеобразной расчистки общественной мысли от стереотипов восприятия традиционных религиозных учений, институтов, а также рост усталости от

бесконечных игр, симуляций, релятивизации смыслов, а следовательно, появление экзистенциальной потребности в «твердой почве под ногами», в том числе и в старой доброй религии. Несомненно, постмодернизм привел к многообразию религиозных форм, появлению причудливых симулякров и в этой сфере, но мы полагаем целесообразным онтологическое отделение этих явлений, непосредственно с ним связанных и основной причиной которых он является, от феноменов постсекуляризма, вызванных поиском людьми трансцендентных начал бытия, на актуализацию которых, в числе прочих факторов, постмодернизм повлиял. Кроме того, релевантность использования понятия постсекулярной культуры обусловлена также тем, что, в первую очередь, на духовный общественный запрос, причем уже на той стадии, когда он еще не был явным, реагирует традиционно более чувствительная художественная среда, деятели искусства [4, с. 14]. В качестве дефиниции постсекулярной культуры нами предлагается следующая формулировка: форма культуры, движущей силой развития которой становится переопределение после секулярного разрыва с религией роли и места религиозных институтов, процессов, ценностей в жизни людей, затрагивающее, прежде всего, внутриличностные процессы поиска человеком смыслов, духовно-нравственных ориентиров [4, с. 14].

Для осмысления правовых аспектов нашего исследования применяются такие методы, как сравнительный и аналогии.

Результаты и обсуждение

Как известно, православие прошло сложный путь развития. В русле нашего исследования предлагается выделить несколько условных этапов с учетом отношения государства, общества к церкви, общего состояния интенсивных и экстенсивных практик, при этом абстрагируясь от ряда несущественных для данного контекста исторических обстоятельств. При этом в хронологические рамки важно включить общехристианскую предысторию, византийский опыт, его восприятие отечественной культурой и дальнейшее развитие православия на Руси и далее в России. Для удобства восприятия объединим результаты этого осмысления в общую таблицу.

Таблица
Генезис христианских практик (Рим–Византия–Русь–Россия)

№ этапа	Датировка	Государство	Общество	Степень развития экстенсивных практик	Релевантная форма выражения интенсивных практик
1	I век	Отриц.	Отриц.	Слабая	Мученичество
2	II–IV вв.	Отриц.	Полож.	Средняя	Монашество
3	IV–XVIII вв. (в России)	Полож.	Полож.	Высокая	Монашеское подвижничество
4	XVIII – начало XX в.	Нейтр.	Нейтр.	Высокая	Старчество, сообщества
5	СССР	Отриц.	Отриц.	Высокая	Исповедничество
6	90-е годы XX в.	Полож.	Полож.	Высокая	Монашеское подвижничество, сообщества
7	Современность	Полож.	Нейтр.	Высокая	Сообщества

На первом этапе (I век) государство в лице римской императорской власти осуществляет враждебную политику по отношению к носителям христианской веры. Нет у молодой веры и явной общественной поддержки. Интенсивные практики предполагают мученичество, экстенсивные еще не выражены, поскольку церковная структура только начинает формироваться [2].

Второй этап (II–IV вв.) является переходным: власть по-прежнему препятствует христианству, которое постепенно получает общественное признание, церковная структура активно развивается и усложняется. Ответом сторонников «чистой веры» становится монашество [12, с. 44].

Третий этап (IV–XVIII вв.) знаменуется резкой переменой отношения государства к религии. Христианство становится идеологической скрепой, обеспечивающей духовное единство нации [2]. В Византии, а затем и на Руси и в России складывается вариант союза, в котором ведущую роль, в основном, играет монархическая власть, а церковь подкрепляет ее решения своим авторитетом (так называемая симфония). Структура церкви становится сложной, напоминающей большую корпорацию с развитой системой управления. Монашество институционализируется, а интенсивный модус жизни церкви представлен отдельными подвижниками, чей опыт привлекает людей и демонстрирует возможность святой жизни в условиях всеобщей христианизации (яркий пример – Сергей Радонежский). Этот этап получается длительным: его начало обозначено нами еще периодом существования Римской империи, окончание же выбрано отчасти условно и отмечено для России введением синодальной системы управления церковью в 1721 году, т. е., фактически, прямого контроля со стороны государства, секуляризацией земель в 1764 году и т. д. Отмечается негативное отношение к церкви образованной части общества (четвертый этап). Творческий поиск воплощения интенсивных практик представлен старчеством [12, с. 46], а к концу XIX и особенно в начале XX в., вплоть до 20-х годов, широкое развитие получили братства – православные религиозные сообщества, воплощающие на практике различные евангельские принципы [1, с. 432]. Что касается интенсивных практик в советский и постсоветский периоды, то антирелигиозная политика, репрессии против священства и верующих, по сути, породили феномен нового мученичества и исповедничества (пятый этап). В девяностых годах становится востребованным опыт подвижников, возрождаются братские общины.

Таким образом, при любых социальных условиях, в любую историческую эпоху движущей силой развития христианства остаются интенсивные практики, которые не вырождаются, а реагируют на те или иные внешние вызовы, предлагая обществу наиболее релевантную форму воплощения евангельского учения, иначе говоря актуальный для конкретной исторической эпохи образ святости. Эта форма воплощения со временем может стать неактуальной, переродиться в экстенсивный тип практик, как это произошло, например, с монашеством в Византии, а может, наоборот, стать востребованной спустя продолжительное время. Это не означает, что экстенсивные практики не нужны. Именно они способствовали формированию христианской культуры на огромном пространстве, в том числе и в России. Однако на современном этапе, учитывая проблемы, обозначенные нами во введении, наблю-

дается перекося в сторону экстенсивных практик. Постпостмодернистский запрос подлинного, проверенного временем актуализирует новый образ святости, который порождается именно интенсивным типом практик. Мы можем обозначить его контуры.

Заключение

Мы полагаем, что воплощение евангельских начал бытия сегодня не связано с ростом числа храмов, особенно больших, реституцией дореволюционной собственности, ростом благосостояния церкви, ее проникновением в публичное пространство. Все это относится к экстенсивным практикам, чрезмерное развитие которых снижает лояльность населения. Дальнейшее наступление грозит ростом секулярных настроений. При этом мы поддерживаем идею маятника секулярности [13, с. 7–45], подразумевающей, что при неизменном ядре религиозности потребность в ее выражении может меняться от демонстрации веры до приватизации. В условиях, в основном, символической самоидентификации российского населения с православием и существовании постсекулярного запроса в подлинной духовности видится актуальной солидаризация верующих, их объединение в малые общности – крепкие религиозные общины, выражающие идею «монастыря в миру» [9, с. 290], под руководством опытных пастырей, образованных, внимательных к людям. Поэтому развитие ситуации теоретически зависит от самой православной церкви. Поддержка государства, особенно явная и настойчивая, скорее, активизирует секулярные тенденции, а значит, воплощение религиозности в иных формах, чем традиционная церковность.

Что касается вопросов, касающихся прав верующих, в целом законодательного регулирования религиозной сферы, то нам, исходя из логики выделения интенсивных и экстенсивных типов практик, видится целесообразным проведение, в случае необходимости, правоохранительными органами дополнительного анализа относительно непосредственного содержания определенного учения (интенсивный тип) и того, как оно воплощается на практике (экстенсивный). Данный подход позволяет достигать большей объективности и ясности при определении возможности осуществления деятельности конкретными религиозными сообществами, выявлении нарушений прав граждан, что крайне важно в текущей непростой социальной ситуации. Безусловно, такой подход обладает в этом отношении определенным правоприменительным потенциалом.

Информация об авторе

Евгений Викторович Кныш, старший преподаватель кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Evgeny V. Knysh, Senior Teacher, Department of Philosophy and Sociology, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Антонов В. В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее. 1994. № 15. С. 424–445.
2. Гзгзян Д. М. Христианство в истории : учебное пособие для студентов гуманитарных, теологических и религиоведческих направлений и специальностей. М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2015.
3. Зайцев П. Л. Постсекулярная коммуникация в идентификационных стратегиях современности // Вестник Омского университета. 2017. № 3 (85). С. 64–66.
4. Кныш Е. В. Христианские практики соборности в постсекулярной культуре : автореферат дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2018. 26 с.
5. Куперман А., Сайгал Н. Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. Pew Research Center, 2017. 51 с.
6. Лукман Т. Дополнение к третьему немецкому изданию «Невидимой религии» // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 1. С. 139–154.
7. Минченко Т. П. Кризис идей секуляризма и религиозности в постсекулярном обществе // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 51–53.
8. Панченко А. А. Двадцатый век: новое религиозное воображение // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2620> (дата обращения: 12.09.2015).
9. Свенцицкий В. П., прот. Монастырь в миру : проповеди и поучения. М. : Артос-Медиа, 2008. 684 с.
10. Степанова Е. А. Постсекулярная религиозность: индивид *versus* институт // Религиоведение. Благовещенск, 2015. № 3. С. 57–62.
11. Степанова Е. А. Религия в США и Западной Европе: исключение или правило? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 59.
12. Уэр К. Православная церковь : пер. с англ. М. : Издательство ББИ, 2012. 376 с. (Серия : Современное богословие).
13. Фурман Д. Е., Каарийнен К. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании постсоветской России. М.-СПб. : Летний сад, 2000. 248 с.
14. Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? Часть 1 // Российская философская газета. 2008. № 4 (18).
15. «Храм должен объединять людей, а не разъединять»: Владимир Путин предложил провести опрос на тему строительства храма в Екатеринбурге // Комсомольская правда. 16.05.2019. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26977/4036075/> (дата обращения: 16.06.2019).
16. Чаплин В., священник. Из выступления на конференции «Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы» (Москва, 20.04.2010) // Сайт Московской Патриархии. 2010. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1142982.html> (дата обращения: 12.05.2019).
17. Штекль К. Постсекулярные конфликты и глобальная борьба за традиционные ценности // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2016. Т. 34, № 4. С. 222–240.
18. Шустрова М. Стояние против «Матильды»: сотни православных помолились за запрет фильма // РИА Новости. 02.08.2017. URL: <https://ria.ru/20170802/1499584866.html> (дата обращения: 15.06.2019).
19. Berger P. L. The desecularization of the world: a global overview // The desecularization of the world: Resurgent religion and world politics / Ed. by P. L. Berger. Michigan : William B. Eerdmans Publishing Company, 1999. 135 p.

Статья поступила в редакцию: 13.08.19

Принята к публикации: 16.09.19

References

1. Antonov VV. Prikhodskie pravoslavnye bratstva v Petrograde (1920-e gody) [Parochial Orthodox Fraternities in Petrograd (1920s)]. *Minuvshee = Bygone Years*. 1994;15: 424–445. (In Russ.).
2. Gzgzyan DM. *Khristianstvo v istorii [Christianity in History]*. Moscow: Saint Philaret Orthodox Christian Institute; 2015. (In Russ.).
3. Zaytsev PL. Postsekulyarnaya kommunikatsiya v identifikatsionnykh strategiyakh sovremennosti [Post-Secular Communication in Contemporary Identification Strategies]. *Vestnik Omskogo universiteta = Omsk University Bulletin*. 2017;3(85): 64–66. (In Russ.).
4. Knysh EV. *Khristianskie praktiki sobornosti v postsekulyarnoi kul'ture [Christian Practices of Conciliarism in Post-Secular Culture]*. Yekaterinburg; 2018. 26 p. (In Russ.).
5. Kuperman A, Saigal N. *Religiya i natsional'naya prinadlezhnost' v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope [Religion and National Identity in Central and Eastern Europe]*. Pew Research Center; 2017. 51 p. (In Russ.).
6. Luckman T. Dopolnenie k tret'emu nemetskomu izdaniyu «Nevidimoi religii» [Addition to the Third German Edition of “Invisible Religion”]. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Sociological Review*. 2014;13(1): 139–154. (In Russ.).
7. Minchenko TP. Krizis idei sekulyarizma i religioznosti v postsekulyarnom obshchestve [Crisis of Secularism and Religiousness Ideas in Post-Secular Society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Bulletin*. 2013;368: 51–53. (In Russ.).
8. Panchenko AA. Dvadtsatyi vek: novoe religioznoe voobrazhenie [Twentieth Century: A New Religious Imagination]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*. 2012;5(117). Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/2620> [Accessed 12.09.2015]. (In Russ.).
9. Svetsitsky VP. *Monastyr' v miru: propovedi i poucheniya [Monastery in Secular World: Sermons and Exhortations]*. Moscow: Artos-Media; 2008. 684 p. (In Russ.).
10. Stepanova EA. Postsekulyarnaya religioznost': individ versus institut [Post-Secular Religiousness: Individual Versus Institution]. *Religiovedenie = Religious Studies*. 2015;3: 57–62. (In Russ.).
11. Stepanova EA. Religiya v SShA i Zapadnoi Evrope: isklyuchenie ili pravilo? [Religion in the USA and Western Europe: Exception or Rule?]. In: *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk [Scientific Annual of Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of Russian Academy of Science]*. 2012. Vol. 12. p. 59. (In Russ.).
12. Ware K. *Pravoslavnaya tserkov' [The Orthodox Church]*. Moscow: BBI Publishing House; 2012. 376 p. (In Russ.).
13. Furman DE, Kaariainen K. Religioznost' v Rossii v 90-e gody [Religiousness in Russia in the 1990s]. In: *Starye tserkvi, novye veruyushchie. Religiya v massovom soznanii postsovetskoi Rossii [Old Churches, New Believers. Religion in Mass Consciousness of the Post-Soviet Russia]*. Moscow: Letniy sad; 2000. 248 p. (In Russ.).
14. Habermas Y. Postsekulyarnoe obshchestvo – chto eto? [A Post-Secular Society – What Does That Mean?]. *Rossiiskaya filosofskaya gazeta = Russian Philosophy Newspaper*. 2008;4(18). (In Russ.).
15. Komsomolskaya Pravda. «Khram dolzhen ob'edinyat' lyudei, a ne raz'edinyat'»: Vladimir Putin predlozhit provediti opros na temu stroitel'stva khrama v Ekaterinburge [“A Church Should Bring People Together, not Drive Them Apart”: Vladimir Putin Suggested a Poll on Construction of Church in Yekaterinburg]. 16.05.2019. Available from: <https://www.ural.kp.ru/daily/26977/4036075/> [Accessed 16.06.2019]. (In Russ.).

16. Chaplin V. Iz vystupleniya na konferentsii «Gosudarstvo, Tserkov', pravo: konstitutsionno-pravovye i bogoslovskie problemy» (Moscow, 20.04.2010) [Speech at “State, Church, Law: Constitutional, Legal and Theological Problems” conference (Moscow, April 20, 2010)]. *Official website of Moscow Patriarchy*. 2010. Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1142982.html> [Accessed 12.05.2019]. (In Russ.).

17. Steckl K. Postsekulyarnye konflikty i global'naya bor'ba za traditsionnye tsennosti [Post-Secular Conflicts and Global Struggle for Traditional Values]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, Religion, Church in Russia and Abroad*. 2016;34(4): 222–240. (In Russ.).

18. Shustrova M. Stoyanie protiv «Matil'dy»: sotni pravoslavnykh pomolilis' za zapret fil'ma [Stand off Against “Matilda”: Hundreds of Orthodox Christians Prayed for Ban on the Film]. *RIA Novosti*. Website. 02.08.2017. Available from: <https://ria.ru/20170802/1499584866.html> [Accessed 15.06.2019]. (In Russ.).

19. Berger PL. The desecularization of the world: a global overview. In: Berger PL. (ed.) *The desecularization of the world: Resurgent religion and world politics*. Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company; 1999. 135 p.

Submitted 13.08.19 Accepted 16.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC08
УДК 17.022.1+316.75+37.017+373.1

Ценностные ориентации и граждане будущего

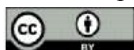
Анна С. Сердюкова,

Российский государственный профессионально-педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0003-1135-8609, e-mail: serdiukova01@gmail.com

Аннотация. В статье определяется понятие «ценность» через анализ исторического наследия прошлого как объективного источника понимания сущности данной категории. Представлена авторская гипотеза определения наивысших ценностей и их связи с формированием у молодежи навыков самооценки и их отражения в соотносимости реальных действий с аксиологическими константами. Применен метод сравнительного анализа в оценках эволюции «духовного воспитания» в Западной Европе и России, сделан обобщающий вывод о том, что сейчас современное западное и российское общества находятся на этапе осмысления парадигмы «духовного воспитания» при отсутствии четких норм, которые могли бы регулировать именно духовные отношения, а также некоего абсолютного идеала, к которому стремился бы каждый человек и общество в целом. Автор считает, что через педагогические технологии развития критического мышления обучаемый сам сможет научиться осмысливать свои ценностные ориентиры. Для этого важно сегодня создать реальные условия образования нравственного базиса каждой личности. Этим базисом является национальный духовный потенциал, который не должен быть утрачен. Таким образом, автор приходит к выводу, что необходимо детерминировать понятие «ценность», не только теоретически понимая его истинную суть, но и на практике анализируя индивидуальный ценностный потенциал. Новизна авторского подхода связана с инновацией в осмыслении навыков разделения абсолютной и относительной ценности, установления связи между ними. Различения истинной ценности и псевдоценности обеспечат умение учащихся размышлять и анализировать, прежде чем реагировать на любую информацию из современности и прошлого, строить индивидуальный ценностно-ориентированный опыт, понимая, какая ценность пройдет сквозь время, а какая уйдет в небытие.

Ключевые слова: ценность, абсолютные и относительные ценности, воспитание ценностей, гражданин, гражданственность, гражданско-правовые ценности.

Для цитирования: Сердюкова А. С. Ценностные ориентации и граждане будущего // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 94–100. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC08.

Value Orientations and Citizens of the Future

Anna S. Serdyukova,

Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0003-1135-8609, e-mail: serdiukova01@gmail.com

Abstract. The paper defines the notion of “value” through analysis of the historical heritage of the past as an objective source of understanding the essence of this category. Author’s hypothesis is presented, defining highest values and their relation to building self-assessment skills among young people and their reflection in real actions’ alignment with axiological constants. The method of comparative analysis is applied to assess the evolution of “spiritual upbringing” in Western Europe and Russia; a summarizing conclusion is made to the effect that today, the contemporary Western and Russian society finds itself at the stage of conceptualizing the “spiritual upbringing” paradigm lacking clear standards that could regulate specifically spiritual relations, or an absolute ideal that every person and the society in general could strive towards. The author believes that a student can learn to conceptualize and assess their value orientations independently, through pedagogical technologies of developing critical thinking. To this end, it is important to create real conditions of shaping every individual’s moral basis. This basis is the national spiritual potential that must not be lost. The author therefore arrives at the conclusion that the notion of “value” needs to be determined – not only by understanding its true essence theoretically, but also by analyzing the individual value potential in practice. The novelty of the author’s approach is connected with the innovation in conceptualizing the skills of dividing the absolute value and a relative value, establishing a link between the two. Distinguishing between true value and pseudo-value will enable students to reflect and analyze before reacting to any information from our times or from the past and build an individual value-oriented experience, while understanding which value will pass the test of time and which one will sink into oblivion.

Keywords: value, absolute and relative values, fostering values, citizen, civic consciousness, civil law values.

For citation: Serdyukova AS. Value Orientations and Citizens of the Future. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today’s World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 94–100. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PC08.

Введение

В научном поле педагогики, философии, политологии и социологии рассматриваются перспективы развития человечества в условиях агрессивной информационной среды. Задача автора не в том, чтобы описать ее специфику, ведущих и ведомых субъектов, а в осмыслении значимости ценностного потенциала каждого индивида в противостоянии любому внешнему разрушительному воздействию. Ведущая роль в формировании навыков самосохранения принадлежит образовательному пространству. Это пространство зависит от самой личности и социокультурного контекста, сформированного нравами, устремлениями, мировоззренческими константами. В то же время не случайно S. Perfect, B. Ryan и K. Aune [9, p. 11] констатируют, что в современном образовательном пространстве именно университеты становятся «микрокосмом» широких дискуссий, формирующих лидеров и граждан будущего. Это предопределило актуальность задачи современного ос-

мысления сущности ценностных понятий Истина, Добро, Благо, Красота, лежащих в основе гражданской позиции индивидов.

Методология

На основе метода сравнительного анализа рассмотрены аксиологические основы категории «гражданско-правовое образование». Общеизвестны труды Э. Дюркгейма, М. Вебера, А. де Токвиля, Н. А. Бердяева, А. С. Алексеева, В. А. Ядова, В. П. Сальникова, Т. И. Заславской и других ученых. Авторский анализ позволил принять за основу выводы Н. А. Асташовой о том, что каркасом здесь неизменно выступает «потенциальная сила ценностей как феномена гражданско-правового образования в разных формах их выражения» [2, с. 7]. К ним ученый предлагает отнести: общественный вкус (с античных времен принимался личностью интуитивно, так как понятие о Красоте прививалось человеку с детства); логическое оформление понятия Добро через действия, приносящие окружающим Пользу и Благо; критическое мышление, позволяющее разделять абсолютные и относительные ценности, устанавливая связи между ними. Эти навыки позволяют различать истинные ценности и псевдоценности, обеспечивают умение людей размышлять и анализировать, прежде чем реагировать на любую информацию из современности или прошлого, строить индивидуальный ценностно-ориентированный опыт, понимая, какая ценность пройдет сквозь время, а какая уйдет в небытие.

Результаты и обсуждение

Проявление ценностей в реальном обществе связано с универсальными нормами, стандартами человеческой жизни, такими как Истина, Добро, Красота, Благо, Польза. Это и есть те самые установки, которые должны быть основополагающими в науке, политике, праве, экономике, педагогике и других сферах жизни общества. Ценностные парадигмы могут обеспечить и обеспечивают жизнедеятельность общества любого масштаба (от семьи до всего человечества), а также любой национальности и конфессиональности. Правда, сегодня налицо подмена истинных ценностей на парадигму экономико-политических ориентиров, таких как рынок, деньги, конкуренция, а также бесконечной погоней за трендом с жизненной установкой «бери от жизни все» и др.

Как видим, важно четко понимать сущность категории ценности. Проведя сравнительный анализ понятия «ценность» в российской и европейской традициях, мы обнаруживаем, что различия отразились только в исконных значениях. Так, в русском понятийном аппарате слово «цена» («цена», «сена») происходит от слова «timi» (timi), понимаемое как «оценка, почет, цена» [6], а в европейском понятийном аппарате слово «ценность» («value») [8] происходит от слова «wal» в значении «быть сильным». То есть в первом значении речь идет о «цене» и «оценке» как таковой, а во втором значении – о «силе». В классическом смысле понятие «ценность» совпадает как в русском, так и европейском его толковании. Здесь можно выделить базовое соотношение понятия «ценность»: это важность и оценка, где под словом «оценка» подразумевается «придавать значение» (количественное или качественное), производное от слова «цена». Думается, важно отметить и этимологическое значение слова «важность», происходящее от прилагательного

«важный», а далее из польского слова «wazny» – т. е. «важный; действительный» – идет своеобразная трансформация в «waga» – «весы; вес».

Сказанное позволяет высказать предположение о том, что «ценность» можно рассматривать как нечто взвешенное (сравненное с какими-то образцами) и оцененное человеком в соответствии с рангами индивидуальной значимости. Для того чтобы понять, что именно ценно для человека, общества, сначала нужно «взвесить» предмет или явление, сравнить с абсолютным и/или относительным образцом и далее дать оценку [4, с. 169].

Для исследования проблем, связанных с пониманием общечеловеческих, абсолютных ценностей, на одну чашу весов можно поставить проблемы, несущие угрозу самому существованию современного мирового сообщества [5], а на вторую – абсолютные ценности. Какая «чаша» окажется тяжелее – зависит от самого человека и человечества. Таким образом, можно приблизиться к восприятию истинных ценностей человека как некоему «определителю тяжести-весомости» сравниваемых данностей и таким способом можно показать, как «взвешивать» на «весах жизни» псевдоценности и истинные высшие ценности. Из обозначенного логично следует принятие автором позиции П. Е. Матвеева о сущности приведенных ниже понятий:

- абсолютные ценности как идеальные (совершенные) ценности (те ценности, которые нематериальны, относятся к духовным, проверены на истинность временем и тщательно «взвешены», а потом оценены). Здесь можно выделить такие ценности, как Жизнь, Здоровье, Благо, Истина, Прекрасное, Добро;

- относительные ценности как предметно воплощенные и связанные с предметом ценности, т. е. то, «что связано с реально-историческими, конкретно-предметными значениями данных понятий» [3, с. 102].

Также следует согласиться с В. М. Филипповым и Е. О. Крыловой, считающими, что к абсолютным ценностям можно отнести еще одну ценностную категорию – Совесть, которая «связывает людей разных национальностей и в этом смысле является государствообразующим понятием. Совесть выступает в качестве некоего внутреннего голоса, свидетельствующего о том, что есть Добро, а что – Зло. «Совесть имеют все люди (разных национальностей, разного происхождения, разной образованности и т. д.). Все знают, что честно и что нечестно, что хорошо и что плохо, и потому стыдятся плохое перед людьми делать» (Святитель Тихон Задонский). «Умение слушать голос Совести делает людей единокорными, так как Совесть каждому говорит одно и то же» [7, с. 5]. Однако во многих иностранных языках эта категория понимается только через христианский контекст, дистанцируясь от светских практик повседневности.

Таким образом, если рассматривать ценности как фундаментальную основу эффективной организации процесса гражданско-правового образования современных школьников, студентов, то можно увидеть, что абсолютные ценности представляют собой некий Идеал и являются продуктом культурного развития общества. Абсолютные ценности нематериальны, они являются некой формой социального чувства и значения. Если рассматривать культурное развитие народностей и народов, то можно увидеть, что абсолютные ценности у них сходны, близки, но не всегда тождественны.

Важно здесь отметить и анализ духовного воспитания в представлении О. Л. Янушкявичене. Ученым проведен сравнительный анализ эволюции духовного воспитания в Западной Европе и России и сделан обобщающий вывод, в котором «были выделены следующие парадигмы: дохристианская (в греческой традиции духовное воспитание велось путем создания Идеала, а в ветхозаветной культуре было нормативным); христианская (духовное воспитание идеально-нормативно); модернистская (духовное воспитание нормативно); постмодернистская (характеризуется отсутствием как норм, так и идеалов)» [10, с. 402].

Как видим, современные западное и российское общества находятся на этапе осмысления парадигмы «духовного воспитания» в отсутствие четких норм, которые могли бы регулировать именно духовные отношения, а также некоего абсолютного идеала, к которому стремились бы человек, общество. Однако без этого связующего фундаментального духовного материала гражданственность и ее формирование оказываются под большим вопросом. Иными словами, формирование гражданственности без аксиологических констант невозможно.

Выводы

Основным авторским выводом является положение о том, что без воспитания ценностных констант формирование граждан может стать процессом технологической цепочки создания человеко-роботов. Именно это, вероятно, имел в виду Ш. А. Амонашвили, когда утверждал, что чем дальше система образования будет отдаляться от воспитания, как и семья, тем больше «государство будет вынуждено плодить законы, принуждающие граждан под страхом закона вести себя нравственно» [1].

С учетом сказанного выше гражданственность нами понимается как:

- чувство национального достоинства;
- осознание обязанностей и ответственности перед своим народом;
- высокие духовные ценности (Жизнь, Здоровье, Благо, Истина, Прекрасное, Справедливость, Добро).

Следовательно, гражданин – это не просто член гражданского общества, имеющий гражданские права и обязанности, но и духовно сформированный человек, осознающий смысл и сущность абсолютных и относительных ценностей, помнящий и ценящий национальную и духовную идентификацию как некий код, записанный историческим наследием социума.

Информация об авторе

Анна Сергеевна Сердюкова, соискатель кафедры права Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Anna S. Serdyukova, Graduate Student, Department of Law, Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Амонашвили Ш. А. Полюби Будущее – крылья вырастут! 2017. URL: http://www.gumannajapedagogika.com/gumannajapedagogika.com/dainis.ozols%40jodo.lv/Shalva/Polubite_buduscee_krilja_virastut_2017.pdf, свободный (дата обращения: 20.03.2019).

2. Асташова Н. А. Гражданско-правовое образование: аксиологический подход // Вестник Брянского государственного университета. 2008. № 1. С. 6–16.

3. Матвеев П. Е. Религиозная этика : курс лекций : в 3 ч. Ч. 1 : Основы общей теории морали. Владимир : Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2009.
4. Сердюкова А. С. Формирование ценностей и педагогическая практика их введения в образовательный процесс: архаика и современность // Народное образование. 2019. № 1. С. 168–172.
5. Таланов В. М. Общечеловеческие ценности : монография. М. : Академия естествознания, 2010. URL: <https://monographies.ru/ru/book/view?id=97> (дата обращения: 25.04.2019).
6. Фасмер М. Цена // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. 2006. URL: <https://vasmer.lexicography.online/ц/цена> (дата обращения: 23.04.2019).
7. Филиппов В. М., Крылова Е. О. О духовно-нравственном воспитании студентов в многонациональных коллективах // Духовно-нравственная культура в высшей школе: нравственные ценности и будущее студенческой молодежи : материалы V Международной научно-практической конференции в рамках XXVI Международных Рождественских образовательных чтений. Москва, 23 января 2018 г. М. : РУДН, 2018. С. 4–12.
8. Cambridge Dictionary. Cambridge University Press, 2019. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/value_1 (дата обращения: 10.04.2019).
9. Perfect S., Ryan B., Aune K. Faith and Belief on Campus: Division and Cohesion Exploring student faith and belief societies. Coventry University, 2019. 180 p.
10. Yanushkeviciene O. The history of moral upbringing. Lambert Academic Publishing, 2011.

Статья поступила в редакцию: 13.08.19
Принята к публикации: 16.09.19

References

1. Amonashvili Sh. A. *Polyubi Budushchee – kryl'ya vyrastut!* [Love the Future and Grow Wings!]. 2017. Available from: http://www.gumannajapedagogika.com/gumannajapedagogika.com/dainis.ozols%40jodo.lv/Shalva/Polubite_buduscee_krilja_virastut_2017.pdf [Accessed 20.03.2019]. (In Russ.).
2. Astashova NA. Grazhdansko-pravovoe obrazovanie: aksiologicheskii podkhod [Civil Law Education: Axiological Approach]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bryansk State University Bulletin*. 2008;1: 6–16. (In Russ.).
3. Matveev PE. *Religioznaya etika : kurs leksii : v 3 ch. Ch. 1 : Osnovy obshchei teorii morali* [Religious Ethics: Lecture Course: in 3 parts. Part 1: Fundamentals of General Theory of Moral]. Vladimir: Vladimir State University Press; 2009. (In Russ.).
4. Serdyukova AS. Formirovanie tsennostei i pedagogicheskaya praktika ikh vvedeniya v obrazovatel'nyi protsess: arkhayka i sovremennost' [Shaping Values and the Pedagogical Practice of Introducing them into Educational Process: Antiquity and Modernity]. *Narodnoe obrazovanie = Popular Education*. 2019;1: 168–172. (In Russ.).
5. Talanov VM. *Obshchechelovecheskie tsennosti* [Universal Human Values]. Moscow: Academy of Natural Science; 2010. Available from: <https://monographies.ru/ru/book/view?id=97> [Accessed 25.04.2019]. (In Russ.).
6. Vasmer M. Tsena [Price]. In: *Etimologicheskii onlain-slovar' russkogo yazyka Maksa Fasmera* [Max Vasmer's Etymological Online Dictionary of Russian Language]. 2006. Available from: <https://vasmer.lexicography.online/ц/цена> [Accessed 23.04.2019]. (In Russ.).
7. Filippov VM, Krylova EO. O dukhovno-nravstvennom vospitanii studentov v mnogonatsional'nykh kollektivakh [On Spiritual and Moral Upbringing of Students in Multi-National Groups]. In: *Dukhovno-nravstvennaya kul'tura v vysshei*

shkole: npravstvennyye tsennosti i budushchee studencheskoi molodezhi [Spiritual and Moral Culture at Higher School: Moral Values and Future of Student Youth]: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference within the XXVI International Christmas Educational Readings. Moscow, January 23, 2018. Moscow: RUDN University; 2018. p. 4–12. (In Russ.).

8. *Cambridge Dictionary*. Cambridge University Press, 2019. Available from: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/value_1 [Accessed 10.04.2019].

9. Perfect S, Ryan B, Aune K. *Faith and Belief on Campus: Division and Cohesion Exploring student faith and belief societies*. UK: Coventry University; 2019. 180 p.

10. Yanushkevichiene O. *The history of moral upbringing*. LAP Lambert Academic Publishing; 2011.

Submitted 13.08.19 Accepted 16.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC09
УДК 792.01

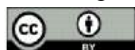
Театр как социокультурный институт: переопределение базовых конвенций

Галина А. Брандт,
АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-0601-5081, e-mail: gbrandt@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению процесса переопределения институциональных конвенций театрального искусства. После описания ряда современных феноменов-спектаклей, автор, основываясь на концепте «институт» теории социального конструирования реальности и методах деконструкции, выявляет отличительные особенности нового театра, или «постдраматического театра», или театра «после перформативного поворота». Прежде всего изменение, как показывается в статье, связано с отказом театра от своей миметической базовой установки, установки на подражание/изображение реальности, т. е. отсылки к чему-то, что не есть он сам, а спектакль в связи с этим перестает быть текстом, носителем определенной фабулы, сюжета и, в конце концов, заложенного смысла, сообщения, месседжа зрителю. Данный отказ продиктован повсеместным наступлением эпохи медийности, которая всё превращает в «театр», в связи с чем театр – в своих современных проявлениях – все больше стремится стать «не-театром». Он стремится основываться прежде всего на том, что есть *только* у него: на живой энергии взаимодействия – прежде всего актера со зрителем, или определенным образом организованных участников действия (которые оказываются и актерами, и зрителями), или энергии самого пространства спектакля, или энергии движения его участников. В заключение делается вывод, что современный театр, как, впрочем, и любой переопределяющий свои базовые конвенции институт, представляет собой своеобразный антропологический вызов: он, во-первых, апеллирует к другой парадигме восприятия и, во-вторых, предполагает более высокую степень субъектности воспринимающего искусство человека.

Ключевые слова: театр, институт театра, институциональные конвенции, постдраматический театр, эпоха медийности, антропологический вызов.

Для цитирования: Брандт Г. А. Театр как социокультурный институт: переопределение базовых конвенций // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 101–108. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC09.

Theater as a Socio-Cultural Institution: Overcoming Basic Conventions

Galina A. Brandt,

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-0601-5081, e-mail: gbrandt@bk.ru

Abstract. The paper is devoted to exploring the process of reinventing institutional conventions of theatrical art. After describing a series of contemporary performance phenomena, the author uses the “institution” concept from the theory of social construction of reality and methods of deconstruction to identify the distinguishing features of the new theater and/or “postdramatic theater” / or “post-performance turn” theater. The change, as demonstrated in the paper, is primarily connected with the theater’s abandoning its basic mimetic aim, the aim of simulating / depicting reality, i.e. referencing something other than itself, while the performance accordingly ceases to be a text, a carrier of a certain narration, plot and, eventually, an intrinsic sense, a message to the viewer. This abandonment is made necessary by the universal emergence of the media prevalence era that turns everything into a “theater”, so the theater, in its contemporary manifestations, is striving more and more to become “non-theater”. Its strives to be based primarily on what *only* the theater has: a vital energy of interaction; first of all, interaction between the actor and the viewer, or action participants (who turn out to be both actors and viewers) organized in a certain way, or the energy of the performance space itself, or the energy of its participants’ motion. In conclusion, the author argues that contemporary theater – in fact, just like any institution reinventing its basic concepts – presents a certain anthropological challenge: firstly, it appeals to a different paradigm of perception; secondly, it requires a higher level of agency of the individual perceiving the art.

Keywords: theater, theater institution, institutional conventions, postdramatic theater, era of media prevalence, anthropological challenge.

For citation: Brandt GA. Theater as a Socio-Cultural Institution: Overcoming Basic Conventions. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today’s World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 101–108. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PC09.

Введение

Наряду со многими понятиями современной социальной философии понятие института претерпело в последние десятилетия существенное изменение. Оно расширило свои границы и стало пониматься не только и даже не столько как то или иное конкретное «учреждение» или «организация», сколько как совокупность определенных норм и установок, «правил игры», регулирующих ту или иную сферу человеческой деятельности (см. [2]). В данном понимании института как формы социального контроля обнажилась, конечно, его властная природа, формирующая через «нормы» и «установки» представления людей о правильном, нормальном положении вещей в той или иной сфере жизни. Данная трансформация понятия возникла на рубеже последних веков не случайно. Наступила эпоха тотального кризиса культуры, т. е. той системы представлений, значений, смыслов, которыми люди руководствовались на протяжении многих столетий. Когда, как утверждают социальные философы, началось «массовое срывание масок при-

родного с историко-культурных образований» [5, с. 57], т. е. обнажилась институциональная природа даже таких, казалось бы, непреложных природных феноменов, как «пол», «возраст», «нация» и т. п. Именно методология социального конструктивизма, рассматривающая явления через призму их институциональной природы, и, соответственно, методы деконструкции, позволяющие увидеть «театр» как полифонию концептов, легли в основу данной статьи.

Результаты и обсуждение

Понятно, что и в искусстве, как социокультурном институте, началось брожение, многие его базовые конвенции оказались под вопросом. Причем наиболее радикальные изменения наметились, как может быть, это ни покажется странным, в институте театра. Дело в том, что, например, в изобразительном искусстве конвенциональные основы были поставлены под вопрос еще на рубеже предыдущих столетий (этому способствовало появление и бурное развитие фотографии). Модернизм уже тогда коренным образом изменил представление о том, что представляет собой изображение действительности как вид художественной деятельности. Не узнавание изображаемой действительности оказывается в фокусе художественного восприятия, а собственная немиметическая реальность цвета, формы, объема, насыщенности мазка, игры световых оттенков и переходов. Сходные процессы происходили в музыке, менее, может быть, заметные в других искусствах. Что же касается театра, то при всех новаторских поисках в области эстетики театрального представления Мейерхольда, Вахтангова и других революционеров театрального действия, сам принцип мимезиса (подражания реальности) оставался базовой институциональной конвенцией этого вида искусства.

Сегодня появляется все больше художественных феноменов, которые идентифицируют себя как театральные спектакли, ставятся театральными режиссерами, участвуют в театральных фестивалях, но которые ставят под вопрос представление о театральности как таковой. Приведем, чтобы не быть голословными, несколько примеров.

Спектакль «В гостях. Европа» театрального коллектива Rimini Protocol, вызвал большой резонанс за рубежом и в ряде крупных российских городов (Москва, Петербург, Петропавловск-Камчатский, Красноярск, Магадан... , Екатеринбург, где и присутствовала автор этих строк). Спектакль происходит на квартире одного из участников спектакля (он единственный не покупает билет). Актеров нет, зрителей по сути тоже. Все участники (их не больше 15 человек) сидят за общим столом и обсуждают по заданному специальной машинкой алгоритму вопросы общеевропейского масштаба, природу демократии, ее проявления/непроявления в своей стране – причем разговоры, благодаря задаваемым вопросам, носят совершенно конкретный характер. Попутно выясняется, есть ли среди участников бывшие старосты класса, кто чувствует себя гражданином мира, а кто нет, где познакомились их бабушка с дедушкой, приходилось ли кому-то за последние десять лет драться, и про зарплату, и про любовь. В результате этого полуторачасового действия ты не просто много узнаешь про историю Европы, нынешнего Евросоюза, ты оказываешься в совершенно новой позиции: принятия тех или иных решений, касающихся жизни твоей страны, Европы

или... дальнейшей судьбы в спектакле-игре того или иного ее участника. Наконец, есть много открытий про самого себя – насколько ты закрытый/открытый человек, насколько готов к диалогу с другой точкой зрения, можешь ли пойти на компромисс, когда возникает возможность бонуса...

В спектакле «Questioning / Кто ты?» питерской театральной площадки «Скорострел» тема самопознания вообще оказывается центральной. Здесь в течение часа мы, сорок человек, сидели по двое друг напротив друга за узкими столами и отвечали на вопросы трех развернутых анкет. Простые, сложные, неудобные, странные, базовые, интимные, повседневческие, психологические вопросы про своего визави. Вы с ним незнакомы, разговаривать категорически запрещается, только взглядывание. Спектакль проходит в полной тишине. В конце происходит обмен анкетами. Только после окончания спектакля вы можете вступить в вербальный контакт с собеседником.

Спектакль «Школа» Государственного центра современного искусства (ГЦСИ) в Екатеринбурге не такой радикальный. Здесь есть актеры и зрители. ГЦСИ недавно получил новую прописку, ему отдали старое, к счастью не особенно перестроенное за 100 лет существования здание школы. Сотрудники Центра провели большую работу по восстановлению и пространственного, и документально-архивного материала – на стендах объявления и фотографии тех лет, приказы по школе и классные сочинения, обрывки листков с личными записками и районные грамоты, обычные тетрадки и распоряжения правительства... В спектакле, разыгранном профессиональными актерами, перед нами как будто оживает школа тех времен: вот девочка пишет сочинение, вот учительница, прежде чем войти в класс, поправляет прическу и чулки, урок, линейка, школьный спектакль, танцы. Но зритель, гуляя вслед за артистами по этим залам, волен выбирать – рассматривать ли документы и фотографии, ощущать реконструированное реальное школьное пространство или следить за действием спектакля, а может быть, стараться успевать и то и другое. И в каждый момент самому определять доминанту своего внимания, своих переживаний.

Такие спектакли сейчас становятся все более распространенным явлением. Театр активно вырывается из традиционного пространства – определенного здания, где есть все соответствующие атрибуты: сцена, зрительный зал, закулисы, фойе, буфет. Пространством современных спектаклей нередко оказываются промышленные зоны, вокзалы, квартиры, улицы, дворы-колодцы, подвалы и т. д. Театр, где определяющим оказывается место действия, получил название «сайтспецифик». Описанная «Школа» – это, конечно, и сайтспецифик-театр, и, одновременно, то, что сегодня носит название «променад-спектакль» (или спектакль-бродилка). Есть еще одно новое понятие – это «иммерсивный театр» (от англ. to immerse – погружать), создающий в своих спектаклях «ситуацию, когда зритель, попадая в специфическую среду, получает максимальную свободу передвижения, включается в игру, в ходе которой монтирует на основе увиденного собственный сюжет» [11, р. 116]. Все эти новые понятия и, конечно, стоящие за ними явления, тесно связанные между собой, часто (но не всегда) пересекающиеся, показывают, что традиционная система представлений о том, что такое театр,

театральность, требует существенного пересмотра, раздвижения границ.

В современном значении представления о театре сформировались в Новое время, не случайно XVIII век называют золотым веком театра. «Нация собирается только в партере», – провозглашал Вольтер [4, с. 194]. Очевидно, что это был прежде всего литературный театр, поскольку письменный текст завоевал к тому времени лидирующее положение в культуре. Начало XX века уже было ознаменовано смещением акцентов, именно эстетика театральности, т. е. игры, зрелищности, воплощенной метафоричности, все больше стала заявлять о своих правах. И на протяжении всего столетия европейский театр, оставаясь по преимуществу литературоцентричным, старался вырваться из оков миссии «представления литературного текста» (в России, активно начавшись в 20-х годах, эти процессы уже в 30-х, по идеологическим причинам, заглохли, вплоть до конца XX века). Однако, несмотря на самые иногда далеко идущие эксперименты, театр, в отличие, как уже упоминалось, от живописи не порывал с принципом удвоения реальности – он всегда «рассказывал» зрителю что-то о жизни, которая протекает в стороне от театральных подмостков. Именно этот «рассказ», разыгранный живыми актерами, долгое время был его главной козырной картой. Не случайно развитие кинематографа стало угрожать самому факту его существования – с 60-х годов идея «скорой смерти театра» (стоит хотя бы вспомнить произнесенную героем из культового фильма «Москва слезам не верит» в конце 50-х годов расхожую фразу: «Театр действительно скоро отомрет...») заняла вполне прочную позицию в публичном дискурсе. Однако, как показало время, ни кинематограф, ни телевидение не смогли «убить» театр. Его спасал акцент на все большей театральности разыгрываемого действия, но все равно большую часть своей аудитории – причем преимущественно молодой – он к концу XX века потерял. Самые последние десятилетия отмечены еще одним, и гораздо более могущественным, конкурентом театрального искусства – повсеместной медийностью, которая все превращает в «театр». Ее игровая, зрелищная, помноженная обилием технических и технологических возможностей, «захватывающая» в свой нарратив человека природа, кажется, просто уже не оставляет места никаким театральным изыскам, ухищрением, придуманным сценическим средствам. И тем не менее именно в последнее десятилетие театр все больше становится искусством молодых и для молодых. «Пыльные ассоциации, которые возникают у потенциального зрителя при слове “театр”, означают только одно – слишком давно он туда не ходил... Театр не просто не умер, он совершенно переродился», – свидетельствует на молодежном сайте Анна (URL: <https://listim.com/posts/18>).

Это случается во многом потому, что театр начал отказываться от своего базового принципа – изображения, «рассказа», удвоения, отсылки к чему-то (истории, событию, жизнеописанию), что не есть он сам. Новый театр базируется прежде всего на том, что есть только у него. На живой энергии взаимодействия – либо актера со зрителем, либо определенным образом организованных участников действия, которые оказываются и актерами, и зрителями, либо энергии самого пространства спектакля или энергии движения его участников. Поэтому Ж. Лиотар называет его «энергетическим театром» – это театр

«сил, интенсивностей, аффектов в их реальном присутствии» [10, s. 12]. Таким образом, этот театр порывает с самой своей семиотической природой. То есть речь здесь идет не только о том, что театр перестает базироваться на литературном тексте – этот процесс, как уже упоминалось, протекает давно. Спектакль сам перестает быть текстом, сообщением, меседжем, который посылает театр (прежде всего, в лице режиссера) зрителю и который, соответственно, зритель должен «прочитать». В спектакле меняется сам тип отношений театр – зритель.

По сути данная ситуация напоминает ту, которую в свое время описал применительно к литературному творчеству Р. Барт, ёмко определив ее как «смерть автора» [1, с. 235–238]. Как чтение в новой парадигме оказывается авторством не столько писателя, сколько читателя, так и в театре определяющая художественную коммуникацию роль от коллективного автора спектакля (режиссера, актеров, художника и др.) передается собственно зрителю, причем не как коллективному субъекту, а как индивидуальному (ведь ассоциации, ощущения, опыт переживаний у каждого свои). Это происходит потому, что театр уже ничего не «рассказывает», не «представляет», он просто пребывает, просто предъясняет себя в своем самобытии. Конечно, у нового театра тоже есть свои исследователи. Назовем хотя бы два имени – Х.-Т. Леман с его теорией постдраматического театра [6] и Э. Фишер-Лихте с концепцией перформативного поворота, который переживает сегодня театр [9]. Леман обосновывает идею, что постдраматический театр – это не столько театр действия, к которому Леман прежде всего относит «нарративное сюжетное отражение мира средствами мимезиса», сколько театр состояний: «та категория, которая соответствует новому театру – это не действие, но состояния» [6, с. 110]. Фишер-Лихте в своей системе понятий говорит, по сути, о том же самом: новый «театр должен был быть основан не на изображении и репрезентации какого-то “другого”, вымышленного мира, а конституироваться в особых взаимоотношениях, возникающих между актерами и зрителями» [8, с. 93]. Она утверждает идею, что спектакль этого вида театра является не только и не столько репрезентацией, сколько событием, со-бытием создателей и воспринимающих.

Выводы

В заключение заметим, что чуть ли не главной проблемой, как всегда в тектонических сдвигах тех или иных институциональных конвенций, оказывается сложность сопротивления властному дискурсу с его привычной иерархией распределения ролей, пространственно-временной определенности, а также способа отправления значений и смыслов. Поэтому один из основных сюжетов теоретиков нового театра оказывается «развитие нового “искусства видеть” у зрителя», «новый потенциал восприятия» [6, с. 54, 50]. Новый театр, как, впрочем, и любой переопределяющий свои базовые конвенции институт, представляет собой своеобразный антропологический вызов. Он апеллирует, во-первых, к другой парадигме восприятия, которую Леман называет «искусством непонимания»: «Акт понимания, попадаясь на удочку дискурсивных структур, именно потому все обязательно и недооценил, что структурирование рассуждений происходит по центру и раме, переднему и заднему плану, главным вещам и мелочам. Оно есть следст-

вие цензуры...» [7, с. 89]. Непонимание же «обусловлено плавающим/ непостоянным вниманием, которое не позволяет манипулировать собой из центра, а открывается для периферии, окраин, сносок, полей и не бросающихся в глаза побочных эффектов дискурса...» [7, с. 89]. Во-вторых, и это, конечно, неразрывно связано с первым, этот театр предполагает более высокую степень субъектности воспринимающего. Который уже «не попадает на удочку дискурсивных структур» спектакля, не поддается «структурированию рассуждений» в нем, т. е. «цензуре» восприятия, осуществляемой авторами спектакля.

Как пишет театровед Марина Давыдова, «театр вторгается в нашу жизнь, мимикрирует, сливается с нею. Он больше всего боится показаться театром в привычном смысле слова, где есть начало и конец, главное и второстепенное, сцена и зал. Он пытается не противопоставить себя хаосу, а эстетизировать его. Ведь если нет центра, значит, нет и периферии. Если нет иерархии, значит, нет и субординации. Значит, все существующее уравнивается в правах. В броуновском движении лишенной координат жизни каждый из нас рано или поздно найдет свой отсек» [3]. Найти «свой отсек», расположиться там и творить свой, по сути, спектакль – вот что, в пределе, предлагает новый театр своему зрителю.

Информация об авторе

Галина Андреевна Брандт, д-р филос. наук, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Galina A. Brandt, Dr. Sci. (Philosophy), Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич ; Моск. филос. фонд. М. : Academia-Центр : Медиум, 1995. 323 с.
3. Давыдова М. Театр без начала и конца // Театр. 2016. № 26. URL: <http://oteatre.info/teatr-bez-nachala-i-kontsa-2/> (дата обращения: 02.07.2019).
4. Егошина О. В. Эпоха Просвещения. Французский театр // Западноевропейский театр от эпохи Возрождения до рубежа XIX–XX вв. М. : Изд-во РГГУ, 2001. 436 с.
5. Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. М. : Аспект-пресс, 1996. 214 с.
6. Леман Х.-Т. Постдраматический театр. М. : ABCdesign, 2013. 312 с.
7. Леман Х.-Т. О желательности искусства непонимания // Театроведение Германии: Система координат / сост. Э. Фишер-Лихте, А. А. Чепуров. СПб. : Балтийские сезоны, 2004. 319 с.
8. Фишер-Лихте Э. Перформативность и событие // Театроведение Германии / сост. Э. Фишер-Лихте, А. А. Чепуров. СПб. : Балтийские сезоны, 2004.
9. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / пер. с нем. Н. Кандинской ; под общ. ред. Д. В. Трубочкина. М. : Международное театральное агентство «Play & Play» : Канон+, 2015. 376 с.
10. Lyotard J. F. Essays zu einer affirmativen Asthetik. Berlin: Merve Verlag, 1982. 123 p.

11. Machon J. *Immersive Theatres: Intimacy and Immediacy in Contemporary Performance*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2013. 344 p.

Статья поступила в редакцию: 04.07.19

Принята к публикации: 20.08.19

References

1. Barthes R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected Works. Semiotics. Poetics]*. Moscow: Progress; 1989. 616 p. (In Russ.).
2. Berger P, Luckman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]*. Moscow: Academia-Tsentr; 1995. 323 p. (In Russ.).
3. Davydova M. *Teatr bez nachala i kontsa [Theater Without Beginning or End]*. *Teatr = Theater*. 2016;26. Available from: <http://oteatre.info/teatr-bez-nachala-i-kontsa-2/> [Accessed 02.07.2019]. (In Russ.).
4. Egoshina OV. *Epokha Prosveshcheniya. Frantsuzskii teatr [Age of Enlightenment. French Theater]*. In: *Zapadnoevropeiskii teatr ot epokhi Vozrozhdeniya do rubezha XIX–XX vv. [West European Theater from Renaissance Era to the Turn of the 20th Century]*. Moscow: Russian State University for Humanities Press; 2001. 436 p. (In Russ.).
5. Kemerov VE. *Vvedenie v sotsial'nuyu filosofiyu [Introduction to Social Philosophy]*. Moscow: Aspekt-press; 1996. 214 p. (In Russ.).
6. Lehman H-T. *Postdramaticheskii teatr [Postdramatic Theatre]*. Moscow: ABCdesign; 2013. 312 p. (In Russ.).
7. Lehman H-T. *O zhelatel'nosti iskusstva neponimaniya [Preferable Art of Non-Understanding]*. In: Fischer-Lichte E, Chepurov AA. (eds.) *Teatrovedenie Germanii: Sistema koordinat [German Theater Studies: Coordinate System]*. Saint Petersburg: Baltic Seasons; 2004. 319 p. (In Russ.).
8. Fischer-Lichte E. *Performativnost' i sobytie [Performativity and Event]*. In: Fischer-Lichte E, Chepurov AA. (eds.) *Teatrovedenie Germanii [German Theater Studies]*. Saint Petersburg: Baltic Seasons; 2004.
9. Fischer-Lichte E. *Estetika performativnosti [Aesthetics of Performativity]*. Moscow: Play & Play International Theatrical Agency; 2015. 376 p.
10. Lyotard J-F. *Essays zu einer affirmativen Asthetik*. Berlin: Merve Verlag; 1982. 123 p.
11. Machon J. *Immersive Theatres: Intimacy and Immediacy in Contemporary Performance*. Basingstoke: Palgrave Macmillan; 2013. 344 p.

Submitted 04.07.19 Accepted 20.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC10
УДК 378:793.3

Исследование реализации государственных требований к профессиональной подготовке студентов вуза в области хореографии

Татьяна Ю. Вдовина¹,

ORCID: 0000-0002-6900-1728, e-mail: butikova.eliz@mail.ru

Марина М. Дудина²,

ORCID: 0000-0002-8284-018X, e-mail: dudinamm@gmail.com

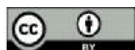
^{1,2} МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства», г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Актуальность исследования связана с переходом высших образовательных учреждений на новые образовательные стандарты ФГОС 3++, в основе которых лежат требования профессиональных стандартов к уровню овладения профессией, требует осмысления роли государства в регулировании содержания высшего образования. В статье рассматриваются вопросы реализации требований федеральных образовательных стандартов в области хореографического образования. Методами исследования в ходе изучения проблемы выступили анализ научных статей и требований ФГОС 3++ к компетенциям выпускников, а также опрос студентов вузов о перспективах будущего трудоустройства. Студентам была предложена анкета с целью ранжирования по 10-балльной шкале перспективных, на их взгляд, видов профессиональной деятельности, в которой они планируют себя реализовывать и выстраивать профессиональную карьеру. В результате методологического анализа литературы и учебно-нормативной документации обозначены проблемные вопросы, связанные с квалификацией выпускников, содержанием образования и технологиями в учреждениях высшего образования, осуществляющих профессиональную подготовку в сфере хореографического искусства. Опрос студентов выявил наиболее привлекательные виды профессиональной деятельности, освоение которых целесообразно включить в учебные планы, хотя бы на уровне факультативов или предметов по выбору. Создание условий для профессиональной самореализации выпускников в разнообразных видах деятельности позволит не только расширить профессиональную подготовку, но и создать условия для формирования индивидуальной траектории обучения студентов. Практическое значение имеют выводы и рекомендации, сделанные в целях формирования образовательных программ профессиональной подготовки в области хореографии.

Ключевые слова: хореографическое образование, уровни образования, образовательные стандарты, государственные требования, балет, танец, современный танец.

Для цитирования: Вдовина Т. Ю., Дудина М. М. Исследование реализации государственных требований к профессиональной подготовке студентов вуза в области хореографии // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 109–118. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PC10.

© Т. Ю. Вдовина, М. М. Дудина, 2019

Study of Implementation of State Requirements to College Students' Professional Training in Choreography

Tatyana Yu. Vdovina¹,

ORCID: 0000-0002-6900-1728, e-mail: butikova.eliz@mail.ru

Marina M. Dudina²,

ORCID: 0000-0002-8284-018X, e-mail: dudinamm@gmail.com

^{1,2} Yekaterinburg Academy of Contemporary Art, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The relevance of this research is associated with higher education institutions' transitioning to new educational standards, FGOS 3++, based on professional standards' requirements to the level of professional learning, since it requires comprehending the role of the state in regulating the content of higher education. The paper focuses on the issues of implementing federal educational standards' requirements to choreography education. Research methods used to study this problem were as follows: analysis of academic papers and FGOS 3++ requirements to graduates' skills and surveying students of higher education institutions on the prospects of their future employment. Students were offered a questionnaire and asked to rank the types of professional activity they found promising, considered to be fulfillment opportunities and planned to build their professional career in, on a scale of 1 to 10. The methodology analysis of literature and learning regulation documentation revealed problematic issues connected with graduates' qualification, content of education and technologies at higher education institutions providing vocational training in choreography art. Students' survey identified the most attractive types of professional activity that it would make sense to include in curricula, at least at the level of optional courses or electives. Creating conditions for graduates' professional fulfillment in various activities will not only expand their vocational training but also create conditions for shaping the individual paths of students' learning. Conclusions and recommendations concerning shaping of educational programs of vocational training in choreography possess practical significance.

Keywords: choreography education, educational levels, educational standards, state requirements, ballet, dance, contemporary dance.

For citation: Vdovina TYu, Dudina MM. Study of Implementation of State Requirements to College Students' Professional Training in Choreography. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 109–118. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PC10.

Введение

Исторически профессиональное образование в области хореографии в России всегда было тесно связано с государственной властью, начиная с указов Петра I о внедрении европейских танцев в светскую жизнь и обязательном обучении им дворянской молодежи и императорского указа 1731 г. об обучении профессиональному балетному танцу [10]. Танцевальную школу Её Императорского Величества, созданную по указу императрицы Анны Иоанновны в Санкт-Петербурге 4 мая 1738 года, рассматривают как первое в России образовательное учреждение хореографической направленности [2]. Революционное Советское правительство, декларативно начав с отрицания балетного искусства как проявления буржуазности, с 1930-х гг. также сделало его сферой госу-

дарственных интересов. Долгое время танцевальная подготовка относилась к элитарному, престижному образованию, пользующемуся исключительной поддержкой власти. Это было вызвано тем, что в наследство новой власти достался необычайно высокий уровень хореографического образования и балетного искусства, которые являлись одним из катализаторов поступательного развития не только отечественного балета, но и мирового искусства в целом. Это, наряду с другими факторами, объективно повышало прогрессивный статус политического режима.

Образовательные учреждения в советское время осуществляли строгий отбор абитуриентов для подготовки танцовщиков, обслуживающих театры оперы и балета страны, работая на национальные интересы, создавая свою школу и добывая славу русскому балету.

Тем не менее уже в то время обозначились проблемные тенденции, связанные с соотношением интересов власти и интересов субъектов образовательного процесса, обусловленные узким спектром профессиональной подготовки в хореографическом образовании. На проблему расширения спектра хореографической подготовки перед государственными структурами не раз обращала внимание А. Я. Ваганова, признанный авторитет отечественного хореографического образования, ратуя за введение новых вузовских специальностей – педагогики балета, искусства хореографа, балетоведа [3]. С ее точки зрения, расширение хореографических специальностей позволило бы минимизировать проблему выпускников, не нашедших работу танцовщиков в театрах страны.

Однако ввиду косности образовательной системы того времени, ориентированной на доминантное сохранение традиций, расширить спектр подготовки удалось только после 1990-х гг., когда образовательной системе России со стороны власти был дан импульс инновационного развития. Плюсы и минусы этого процесса в развитии образования в целом и хореографического в частности еще требуют своего осмысления, но, несмотря на это, в настоящее время система хореографического образования представляет собой сложное сочетание различных по своим задачам и уровню учебных заведений, удовлетворяющих потребности в танцевальном обучении [3].

Вместе с тем исследователи указывают на появление новых проблем в реализации государственных требований к современному хореографическому образованию. Среди таких проблем рассматривается качество хореографической подготовки, связанное с квалификационными требованиями выпускников, уровнем образования, технологиями обучения и др. [3; 4].

Методы исследования

В процессе исследования были использованы следующие методы, позволившие выявить дисбаланс в сформулированных государственных требованиях и условиях их реализации: теоретический анализ статей, посвященных профессиональной подготовке в хореографических вузах и вузах культуры в современных условиях, а также эмпирические методы – опрос для выяснения перспектив профессиональной деятельности выпускников, анализ профессиональных стандартов и учебных планов.

Экспериментальной базой исследования явилось Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Екатеринбургская академия современного искусства (институт)». В опросе приняли участие 28 студентов, обучающихся по направлению подготовки 50.03.01 Искусства и гуманитарные науки, профиль «Танец и современная пластическая культура», с 1-го по 4-й курс, из них 2 студента мужского пола, 26 – женского, в возрасте от 18 до 22 лет. Опрос проводился анонимно, так как установление связей между возрастом и полом с перспективами будущей профессиональной деятельности не предусматривалось. Интерес представляли исключительно виды деятельности, с которыми студенты связывали свою профессиональную деятельность после окончания вуза.

Исследование проблемы проводилось в несколько этапов:

1-й этап – изучение требований Государственного образовательного стандарта ФГОС 3++, требований к профессиональной подготовке выпускников вузов с хореографической направленностью;

2-й этап – составление анкеты, проведение опроса студентов и анализ полученных результатов;

3-й этап – сопоставление государственных требований и результатов опроса студентов.

Результаты и обсуждение

Анализ научных статей, посвященных изучению профессиональной подготовки в сфере хореографии, показал, что в настоящее время к занятиям танцами привлекаются широкие слои населения, от детей дошкольного возраста до пожилых людей. В крупных городах представлены как государственные (муниципальные) танцевальные (балетные) школы, так и частные. Хореографическое обучение осуществляется как на любительском, так и на профессиональном уровне. Поэтому хореографическое образование набирает свою популярность, а выпускники хореографических отделений и образовательных учреждений востребованы на рынке труда. Обеспечение учебного процесса квалифицированными педагогами требует изменений в профессиональном хореографическом образовании.

В нашей стране длительное время функционировали четыре основные системы обучения хореографическому искусству: художественное образование, дополнительное образование, предпрофессиональное и профессиональное (Никитин, 2014). Однако, по мнению ряда исследователей, эта система в настоящее время модифицируется и разрушается во многом из-за коммерциализации процесса обучения и из-за реформ, которые инициировали соответствующие министерства и ведомства [11; 3; 4].

В частности, признаки упадка в высшем хореографическом образовании связываются с введением слаборазработанных образовательных стандартов и отсутствием логики в учебных планах. Особенно это касается обучения современному (contemporary) танцу [5].

В настоящее время высшее образование, в том числе хореографическое, в России регулируется различными правовыми и регламентирующими документами. Основным документом, регламентирующим содержание и требования к высшему образованию, является Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Феде-

рации», который устанавливает уровни образования и предписывает реализацию основных образовательных программ в соответствии с требованиями федеральных образовательных стандартов. Впервые Федеральные образовательные стандарты были введены в 1992 году законом РФ «Об образовании», где было указано, что федеральные государственные образовательные стандарты представляют собой совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ.

Введение новых образовательных стандартов всегда вызывает множество вопросов и проблем в любом направлении образования [9]. Не является исключением и образование в области хореографии. Наряду с положительными моментами введения образовательных стандартов, авторы статей отмечают, что «складывается впечатление, что разработчиками стандартов являются люди, совершенно не знакомые ни с направлениями современной хореографии, ни с техникой того или иного направления, ни вообще с современными танцами» [5, с. 287]. Кроме того, опора на неразработанные профессиональные стандарты во вновь вводимых ФГОС 3++, а также противоречия в квалификационных документах, характеризующих профессиональную деятельность в области танца и хореографического искусства, не позволяют адекватно подойти к формированию компетенций в вузе [2]. Следовательно, создается ситуация, при которой невозможно качественно выполнить государственные требования к подготовке специалистов в области современного танца.

Получив разные уровни профессионального хореографического образования, выпускники имеют практически одинаковую квалификацию и формально могут руководить танцевальными коллективами [5]. При переходе на новые образовательные стандарты «3++» вузы поставлены в условия поиска профессионального стандарта для определения профессиональных компетенций, а в случае его отсутствия – самостоятельно вести работу по их определению. Таким образом, данная ситуация не позволяет контролировать профессиональную подготовку студентов, получающих высшее хореографическое образование.

Опрос студентов Муниципального бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Екатеринбургская академия современного искусства (институт)» показал, что студенты выстраивают достаточно разнообразную перспективу своего карьерного развития. Студентам предлагалось проранжировать по десятибалльной шкале привлекательность конкретных видов деятельности. Привлекательные виды оценивались в 6 и более баллов.

В каждом из предложенных видов будущей профессиональной деятельности студенты видят собственные перспективы. На выбор были предложены следующие виды и возможности профессиональной деятельности: исполнительская, постановочно-балетмейстерская, педагогическая, проектная, авторская проектная деятельность, работа в области хореографии с людьми с ограниченными возможностями здоровья, экспертная деятельность в области танца и хореографических постановок, научная деятельность.

Также студентам, не удовлетворенным представленными в анкете вариантами выбора направлений профессиональной деятельности, было предложено обозначить собственные варианты, как в области хорео-

графии, так и в сфере профессиональной деятельности, с ней не связанной.

Практически все студенты связывают свою будущую профессиональную деятельность со сферой танца и хореографии. Два респондента (7 %) предложили собственное видение профессиональной деятельности. Однако и они были связаны с танцевальными движениями (хореография в спорте, в частности у гимнастов и фигуристов, а также мастер по сценическому движению в театре). То есть обучающиеся высоко мотивированы к построению своей профессиональной карьеры именно в области танца и хореографии.

Несмотря на усиленную и разнообразную исполнительскую подготовку в вузе, в среднем только 50 % студентов связывают свою будущую карьеру с исполнительством. Из них наиболее часто этот вид деятельности студенты связывают с карьерой в различных театрах, шоу-балетах, исполнительством в области современного (contemporary) танца. При этом никто из них не исключает в будущем реализации себя в других видах деятельности.

Наиболее часто студенты видят приложение своих сил в проектной деятельности (75 % – 21 чел.). При этом участие в проектной деятельности предполагает как традиционные формы (организация коммерческих и социальных танцевальных конкурсов и фестивалей, волонтерская, меценатская, другая социально значимая деятельность в области хореографии) – 50 % (14 чел.), так и авторские (создание собственных театров танца, танцевальной компании, деятельность в сфере шоу-бизнеса, создание авторских танцевальных коллективов для людей различного возраста и т. п.) – 68 % (21 чел.).

При этом деятельность в области авторского сочинительства любых хореографических форм непритягательна для студентов – только 36 % (10 чел.) планируют реализовать себя в сфере постановочной деятельности. Экспертная деятельность в качестве критика или эксперта в области хореографии, например члена жюри конкурса, также недостаточно привлекательна для большинства студентов – 32 % (9 чел.). Педагогическую деятельность считают перспективной 8 человек – 29 %. Еще меньше среди опрошенных считают привлекательной занятия научной работой – 14 % (4 чел.). Только один человек считает для себя перспективным занятием хореографией с людьми, имеющими ограниченные возможности здоровья.

Интересным представляется тот факт, что большое количество студентов планируют свою профессиональную деятельность за границей – 71 % (20 чел.). На наш взгляд, это говорит о желании студентов осваивать инновационные формы в области хореографии, современного танца, где сложилась аудитория любителей contemporary dance, а новые танцевальные замыслы, формы, приемы и движения уже не шокируют публику, а рассматриваются как оригинальные и альтернативные.

Таким образом, сфера профессиональной деятельности, рассматриваемая как перспектива построения карьеры студентами профиля «Танец и современная пластическая культура», достаточно разнообразна, что должно найти отражение в подготовке студентов в вузе. Идея подготовки студентов к различным видам профессиональной деятельности в области хореографии и танца уже высказывалась исследователями [12;

8]. В учебные планы должны войти дисциплины, позволяющие расширить спектр профессиональных возможностей студентов после окончания вуза. Тем не менее ФГОС3++ ориентирует на подготовку к конкретным видам деятельности и компетенций, обозначенным в профессиональных стандартах или должностных инструкциях.

Насущной проблемой является выстраивание такого учебного плана, в котором должны быть соблюдены принципы преемственности и логики профессионального образования. Основные образовательные программы обучения часто выстроены без учета требований и компетенций будущего специалиста в сфере хореографического искусства [5]. Действительно, неопределенность профессиональных компетенций ведет к волюнтаризму в построении основных образовательных программ, учебных планов и рабочих программ дисциплин и практик.

В системе высшего хореографического образования большинство преподаваемых дисциплин связано с освоением различных танцевальных направлений и жанров. Данная подготовка является необходимой, базовой для будущих специалистов. Тем не менее, слабо учитываются современные тенденции развития танцевального искусства, особенно это касается современного (contemporary) танца, а также художественно-проектной деятельности в сфере хореографии [1].

Выводы

Технологии обучения также являются несовершенными в реализации требований государственного образовательного стандарта. В настоящее время выбора и возможностей создать собственную траекторию обучения у российского студента нет, так как образовательный процесс детерминируется образовательным стандартом. И программа обучения также у всех одинаковая. ФГОС не учитывает диапазона индивидуальных способностей студента, не позволяя ему стать квалифицированным специалистом в конкретной сфере хореографического искусства, освоить азы той профессиональной деятельности, которая для него наиболее привлекательна. И в результате творческая личность «закована» в рамки усредненных методик, которые были разработаны десятилетия назад и совершенно не учитывают индивидуальности студента.

Таким образом, несмотря на сформулированный государственный заказ в сфере высшего хореографического образования, остается еще много нерешенных проблем, которые невозможно решить без взаимодействия и диалога государственных структур управления образованием и образовательных учреждений.

Информация об авторах

Татьяна Юрьевна Вдовина, доцент кафедры актуальных культурных практик, МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства», руководитель танцевального театра «Лемниската Бернулли (г. Екатеринбург, Россия).

Марина Михайловна Дудина, доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры актуальных культурных практик, декан факультета творческих индустрий, МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Tatyana Yu. Vdovina, Associate Professor, Department of Current Cultural Practices, Yekaterinburg Academy of Contemporary Art; Head of Lemniscate of Bernoulli Dance Theatre (Yekaterinburg, Russia).

Marina M. Dudina, Associate Professor, Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Department of Current Cultural Practices; Dean, Creative Industries Faculty, Yekaterinburg Academy of Contemporary Art (Yekaterinburg, Russia).

Список литературы

1. Вдовина Т. Ю., Дудина М. М., Шерман М. В. Художественно-проектная деятельность как основа подготовки студентов в области хореографического искусства // IV Вагановские чтения : материалы Международной научно-практической конференции (23–24 мая 2018 года). СПб. : Академия Русского балета им. А. Я. Вагановой, 2018. С. 50–57.
2. Гинкевич И. В. Современное состояние хореографического образования в Российской Федерации: нормативные аспекты // Вестник МГУКИ. 2018. № 5. С. 166–178.
3. Исаков В. М., Фомкин А. В. Балетное образование: от ремесленной школы к нетиповому вузу // Высшее образование в России. 2007. № 7. С. 145–149.
4. Никитин В. Ю. Актуальные проблемы хореографического образования // Культура и образование. 2016. № 2 (21). С. 17–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-horeograficheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 30.01.2019).
5. Никитин В. Ю. Хореографическое образование и обучение: тенденции и перспективы // Вестник МГУКИ. 2014. № 2 (58). С. 282–287. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/horeograficheskoe-obrazovanie-i-obuchenie-tendentsii-i-perspektivy> (дата обращения: 30.01.2019).
6. Об образовании : Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1. URL <http://base.garant.ru/10164235/#ixzz5xsXxG0qm> (дата обращения: 29.01.2019).
7. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273. – URL: <https://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/> (дата обращения: 29.01.2019).
8. Подина Н. В. Сущностные характеристики профессионального мышления будущего педагога-хореографа и возможности его формирования в образовательном процессе вуза // Грани познания : электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ. 2018. № 3 (56). Июнь. С. 86–90. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1530866897.pdf> (дата обращения: 29.01.2019).
9. Рукавишников В. А., Халуева В. В., Тазеев И. Р. Проблемы реализации образовательных стандартов в высшем образовании // Инновационные технологии в инженерной графике: проблемы и перспективы : сборник трудов Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета. 27 марта 2015 г. / отв. ред. К. А. Вольхин. Новосибирск : Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, 2015. С. 200–205.
10. Филановская Т. А. Становление системы хореографического образования в России: XVIII – начало XIX вв. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 3 (16). С. 129–132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-horeograficheskogo-obrazovaniya-v-rossii-xviii-nachalo-xix-vm> (дата обращения: 30.01.2019).
11. Фомин А. С. Проблемы танцевального образования // Сибирский педагогический журнал. 2005. № 3. С. 184–194.
12. Юрьева М. Н. Содержание и направленность профессиональной подготовки студентов-хореографов в вузах культуры и искусств // Гаудеамус. 2015. № 1 (25). С. 95–106.

*Статья поступила в редакцию: 10.07.19
Принята к публикации: 20.08.19*

References

1. Vdovina TY, Dudina MM, Sherman MV. Khudozhestvenno-proektnaya deyatelnost' kak osnova podgotovki studentov v oblasti khoreograficheskogo iskusstva [Artistic Project Activity as Foundation for Student's Training in Choreographic Art]. In: *IV Vaganovskie chteniya [4th Vaganova Readings]: Proceedings of International Scientific and Practical Conference (May 23–24, 2018)*. Saint Petersburg: Vaganova Russian Ballet Academy; 2018. p. 50–57. (In Russ.).
2. Ginkevich IV. Sovremennoe sostoyanie khoreograficheskogo obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii: normativnye aspekty [Current Condition of Choreography Education in the Russian Federation: Regulatory Aspects]. *Vestnik MGUKI = Moscow State Institute of Culture Bulletin*. 2018;5: 166–178. (In Russ.).
3. Isakov VM, Fomkin AV. Baletnoe obrazovanie: ot remeslennoi shkoly k netipovomu vuzu [Ballet Education: From Craft School to Non-Standard Higher Education Institution]. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2007;7: 145–149. (In Russ.).
4. Nikitin VY. Aktualnye problemy khoreograficheskogo obrazovaniya [Current Problems of Choreography Education]. *Kultura i obrazovanie = Culture and Education*. 2016;2(21): 17–24. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-horeograficheskogo-obrazovaniya> [Accessed 30.01.2019].
5. Nikitin VY. Khoreograficheskoe obrazovanie i obuchenie: tendentsii i perspektivy [Choreography Education and Training: Trends and Prospects]. *Vestnik MGUKI = Moscow State Institute of Culture Bulletin*. 2014;2(58): 282–287. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/horeograficheskoe-obrazovanie-i-obuchenie-tendentsii-i-perspektivy> [Accessed 30.01.2019]. (In Russ.).
6. Law of the Russian Federation of 10.07.1992 No. 3266-1. *Ob obrazovanii [On education]*. Available from: <http://base.garant.ru/10164235/#ixzz5xsXxG0qm> [Accessed 29.01.2019]. (In Russ.).
7. Federal Law of 29.12.2012 No. 273. *Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii [On education in the Russian Federation]*. Available from: <https://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/> [Accessed 29.01.2019]. (In Russ.).
8. Podina NV. Sushchnostnye kharakteristiki professional'nogo myshleniya budushchego pedagoga-khoreografa i vozmozhnosti ego formirovaniya v obrazovatel'nom protsesse vuza [Essential Features of Professional Thinking of Future Choreography Teacher and Opportunities of Shaping it Within Educational Process at Higher Education Institution]. *Grani poznaniya = Facets of Knowledge: online academic and educational journal of Volgograd State Sociology and Pedagogy University*. 2018;3(56): 86–90. Available from: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1530866897.pdf> [Accessed 29.01.2019]. (In Russ.).
9. Rukavishnikov VA, Khalueva VV, Tazeev IR. Problemy realizatsii obrazovatel'nykh standartov v vysshem obrazovanii [Problems of Educational Standards Implementation in Higher Education]. In: Volkhin KA. (ed.) *Innovatsionnye tekhnologii v inzhenernoi grafike: problemy i perspektivy [Innovative Technologies in Engineering Graphics: Problems and Prospects]: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Devoted to the 85th Anniversary of the Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering. March 27, 2015*. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering, 2015. p. 200–205. (In Russ.).
10. Filanovskaya TA. Stanovlenie sistemy khoreograficheskogo obrazovaniya v Rossii: XVIII – nachalo XIX vv. [Establishment of the System of Choreography Education in Russia: 18th – Early 19th Century]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) = Society. Environment. Development (Terra Humana)*. 2010;3(16): 129–132. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-horeograficheskogo-obrazovaniya-v-rossii-xviii-nachalo-xix-yy> [Accessed 30.01.2019]. (In Russ.).

11. Fomin AS. Problemy tantseval'nogo obrazovaniya [Problems of Dance Education]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Journal of Pedagogy*. 2005;3: 184–194. (In Russ.).

12. Yuryeva MN. Soderzhanie i napravlenost' professional'noi podgotovki studentov-khoreografov v vuzakh kul'tury i iskusstv [Content and Purpose of Choreography Students' Professional Training in Higher Education Institutions of Culture and Arts]. *Gaudeamus = Gaudeamus*. 2015;1(25): 95–106. (In Russ.).

Submitted 10.07.19 Accepted 20.08.19

2. Экономическая секция

Economics & Economy

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-E01
УДК 330.101.541

Макроэкономический анализ экономики России в 2018 году

Сергей А. Мицек¹,
ORCID: 0000-0001-9503-9132, e-mail: sergey.mitsek@gmail.com
Елена Б. Мицек²,
ORCID: 0000-0001-9407-581X, e-mail: emitsek@yandex.ru
^{1,2} АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия

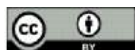
Аннотация. В статье дан макроэкономический анализ экономики России в 2018 году, основанный на стандартных методах макроэкономического анализа и опирающийся на результаты авторской эконометрической модели. Показано, что основным двигателем роста экономики страны был рост объема экспорта, вызванный преимущественно повышением экспортных цен, а также обесценением рубля. При этом темпы роста экономики России оставались ниже темпов мировой экономики.

Рост производства, макроэкономическая стабильность, смягчение денежной политики и консервативная фискальная политика страны позволили усилить положительное сальдо платежного баланса и добиться профицита бюджета. Тем не менее темпы роста остаются невысокими вследствие недостаточного объема инвестиций и стагнации совокупной производительности. Причиной последнего являются, среди прочих причин, недостаток иностранных инвестиций и слабое финансирование исследований и разработок.

Развитие цифровой экономики России наряду с экономическими реформами могло бы послужить решением этих проблем. Последние годы были отмечены быстрым ростом цифровой экономики в России, в том числе ростом экспорта продукции ИКТ. Однако доля цифровой экономики в ВВП России пока отстает от этого показателя у развитых стран.

Ключевые слова: экономика России, экономический рост, денежная политика, совокупная производительность, цифровая экономика.

Для цитирования: Мицек С. А., Мицек Е. Б. Макроэкономический анализ экономики России в 2018 году // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 121–128. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-E01.

Macroeconomic Analysis of Russian Economy in 2018

Sergey A. Mitsek¹,

ORCID: 0000-0001-9503-9132, e-mail: sergey.mitsek@gmail.com

Elena B. Mitsek²,

ORCID: 0000-0001-9407-581X, e-mail: emitsek@yandex.ru

^{1,2}Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The paper provides a macroeconomic analysis of the Russian economy in 2018 based on standard macroeconomic analysis methods and relying on the results of authors' own econometric model. It is demonstrated that the main driver of the country's economic growth was the growing export volume primarily caused by increased export prices, as well as ruble depreciation. However, the rates of Russian economic growth stayed lower than the global economic rates.

Production growth, macroeconomic stability, easing monetary policy and country's conservative fiscal policy enhanced the positive balance of payments and achieved budget surplus. Nevertheless, growth rates stay quite low due to insufficient investment volume and total productivity stagnation. The latter is caused, among other reasons, by lack of foreign investment and poor funding of research and development.

Development of the Russian digital economy along with economic reforms could solve these problems. Recent years saw quick growth of Russia's digital economy, including growing export of ICT products. However, the share of digital economy in Russian GDP is still lower than that of developed countries.

Keywords: Russian economy, economic growth, monetary policy, total productivity, digital economy.

For citation: Mitsek SA, Mitsek EB. Macroeconomic Analysis of Russian Economy in 2018. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 121–128. Available from: doi:10.35853/UH-RMP-2019-E01.

Введение

Результаты деятельности экономики России в 2018 году еще мало анализировались, и это неудивительно: итоговые данные за истекший год в официальных источниках обычно поступают в апреле – мае следующего календарного года. Это обстоятельство обуславливает актуальность выбранной темы.

В нашей статье будет проанализирована динамика основных макроэкономических переменных России за прошедший год и дана попытка ее объяснения. Другая наша задача состоит в оценке взаимосвязи этих показателей и определении их роли в дальнейшем развитии нашей страны.

Темпы роста экономики России вновь повысились в 2018 г. после нескольких лет стагнации. Что послужило тому причиной? Изменение международной конъюнктуры? Рост внутреннего спроса? Изменение структуры цен? Результаты внедрения технических инноваций? Было ли это результатом успешной политики или просто благоприятным стечением обстоятельств? Мы попытаемся ответить на эти вопросы.

Подобный анализ был бы полезен, во-первых, лицам, принимающим решения в области экономической политики. Во-вторых, он облегчит работу бизнеса, успешность которой зависит от правильности прог-

нозов. Наконец все, кто интересуется положением дел в экономике России, найдет в нашей работе, будем надеяться, полезный материал.

Методы исследования

Методологией исследования является традиционный макроэкономический анализ, используемый, например, такими изданиями, как труды Всемирного банка, посвященные экономике России [6; 5; 3; 4; 2]. Мы также будем ссылаться на результаты наших макроэкономических и эконометрических исследований [8; 9; 17] и на труды других авторов в области макроэкономики. Основными источниками статистических данных для нас служили сайты Федеральной службы государственной статистики [10] и Банка России [1]. Также были использованы данные Всемирного банка [5; 3; 4; 2; 20] и ООН [19].

Результаты и обсуждение

Рост экономики России, определяемый динамикой ее валового внутреннего продукта в неизменных ценах (ВВП), в 2018 г. составил 2,3 %. Этот показатель свидетельствует о заметном ускорении экономического развития страны по сравнению с периодом 2014–2017 гг.

Тем не менее, это ниже темпов роста мировой экономики (2,8 % в год в среднем в 2014–2017 гг.) и, однозначно, ниже среднегодового роста экономики Китая, превышающего 6 % в год.

Чем было вызвано относительное ускорение экономики России в 2018 году? Структура роста ВВП позволяет сделать вывод, что главным его двигателем был экспорт, индекс роста которого составил 6,3 % в неизменных ценах. С учетом благоприятной ценовой динамики экспорт занял рекордно высокую за последние десять лет долю ВВП России (30,9 %).

Рост доли экспорта в ВВП в последнее время имел место и в других странах со средним и низким уровнем дохода [15], и, как показывают исследования, это может оказать положительное влияние на совокупную факторную производительность экономики [12].

Причиной успешного роста российского экспорта послужил, в первую очередь, быстрый рост экспортных цен, рублевый индекс которых вырос за год на 25,5 %. Быстрее всего росли цены на энергетические товары (сырую нефть, природный газ и уголь), а также на металлы (алюминий и медь). Рост цен на нефть был определен, главным образом, продолжающимся уверенным ростом экономики Китая, ростом всей мировой экономики, а также нестабильностью в Венесуэле и санкциями США против Ирана. Заметный рост мировых цен показала также пшеница, как следствие повышения спроса на продовольствие со стороны развивающихся стран [20].

Росту российского экспорта и, одновременно, замедлению импорта способствовало также обесценение рубля (на 20,6 % по отношению к доллару и на 15,4 % к евро (декабрь к декабрю)). Причинами послужили как санкции, так и валютные интервенции Банка России, пополнявшего международные резервы (составившие 468,5 млрд долл. на 1 января 2019 г. против 432,7 млрд долл. годом ранее).

Обесценению рубля способствовало и некоторое смягчение денежной политики Банка России. Денежная масса за год выросла на 11,0 %, ключевая ставка несколько раз снижалась. Это вызвало дополнитель-

ный эффект в виде роста валового накопления основного капитала на 2,3 % в неизменных ценах, чувствительного к ликвидности и процентным ставкам [8; 17]. Есть свидетельства того, что монетизация экономики способствует как росту совокупной производительности [18], так и экспорта [11].

Отток капитала из России, составивший примерно 77 млрд долл. в 2018 году, также способствовал обесценению рубля. Данный отток был вызван как снижением прямых иностранных инвестиций, так и возвратом внешних долгов российским бизнесом, в результате чего совокупный внешний долг России снизился за год с 518,1 млрд долл. до 454,0 млрд долл., т. е. примерно до 29 % ВВП, что гораздо ниже среднего уровня этого показателя для стран ОЭСР.

Были, однако, и долгосрочные причины падения курса рубля. По сравнению с 2013 г., цены на большинство наших экспортных товаров по-прежнему остаются на более низком уровне, равно как и стоимость экспорта в долларовом эквиваленте [20; 19].

Наконец, рост мирового спроса, вызванный подъемом мировой экономики, и хороший урожай 2017 г. также способствовали росту нашей экономики. Рост добычи нефти, при почти неизменном ее внутреннем потреблении, способствовал экспорту, в результате чего российский экспорт нефти и нефтепродуктов превзошел уровень Саудовской Аравии. Рекордных объемов достигли также производство и экспорт природного газа [4, с. 18]. Россия также является сегодня крупнейшим экспортером пшеницы [5, с. 42].

Рост мировых цен на нефть и другие товары усилил профицит текущего счета России с 2,1 % ВВП в 2017 г. до 7,0 % в 2018-м, что способствовало притоку валюты и пополнению международных резервов. Последние обеспечивают 16 месяцев импорта, что считается хорошим уровнем по международным критериям.

Макроэкономическая стабильность, рост ВВП и твердая фискальная политика привели к тому, что дефицит консолидированного бюджета сменился профицитом, составившим в 2018 г. 3,8 % ВВП, а не-нефтегазовое первичное сальдо федерального бюджета сократилось с минус 7,1 % ВВП в 2017 г. до минус 5,3 % ВВП в 2018-м [2, с. 27].

Несмотря на достигнутые в 2018 г. успехи, положение в экономике России остается сложным. Во второй половине 2018 г. вновь имело место падение цен на многие наши экспортные товары. Зависимость от мировых цен на сырье, в первую очередь на нефть, – слабое место экономики России, наряду с ее зависимостью от импорта. При этом росту мировых цен на нефть препятствует рост ее добычи в США и в странах ОПЕК. Россия занимает менее 1,5 % в мировом экспорте товаров и услуг, а их качество нередко отстает от зарубежных аналогов [6, с. 110–111].

Такие факторы, как рост цен на бензин, более низкий, чем в 2017 г., урожай и рост внешнеполитической напряженности способствовали усилению инфляции во второй половине 2018 г., что вынудило Банк России дважды поднимать ключевую ставку. Рост задолженности граждан России по ипотечным кредитам также создает угрозу для финансовой стабильности [4, с. 37].

Согласно прогнозу Всемирного банка [2, с. 35] рост экономики России составит 1,2 % в 2019 г. и 1,8 % в среднем в 2020–2021 гг. Базовый вариант прогноза по нашей модели [8; 17] определяет среднегодовой рост экономики России в 2019–2021 гг. 2,0 % в год. Это невысокие темпы, если учесть, что прогноз мировой экономики на этот период составляет в среднем 2,8 % в год [2, с. 34].

Препятствием росту экономики России является низкий объем инвестиций в основной капитал и стагнация совокупной факторной производительности (СФП). Так, среднегодовой темп роста валового накопления основного капитала в неизменных ценах за последние пять лет составил 1,2 %, их отношение к объему основного капитала 12 % и 21–22 % к объему ВВП. С учетом того, что по объему основного капитала относительно ВВП мы отстаем от развитых стран примерно в два раза [4, с. 60], этот уровень инвестиций совершенно недостаточен.

Стагнация совокупной производительности могли способствовать международные санкции: как показывает мировой опыт [16], для большинства стран 90 % роста СФП дают иностранные источники технологий и знаний. Слабое финансирование исследований и разработок – еще одна причина. Россия на эти цели тратит 1,13 % ВВП (из них 26 % приходится на долю бизнеса), тогда как Канада 1,61 % (бизнес 45 %), Китай 2,09 % (бизнес 75 %), Германия 2,88 % (бизнес 66 %), Израиль 4,30 % (бизнес 37 %) [3, с. 37].

Повышению СФП могло бы способствовать развитие цифровой экономики России. Исследование СФП российских регионов [9] показало, что использование компьютеров и Интернет являются существенными положительными факторами, влияющими на этот показатель. Тот же результат показывают другие исследования по России [14] и по другим странам [7]. На сегодняшний день Россия добилась заметных успехов в развитии цифровой экономики, выйдя по некоторым направлениям на одно из ведущих мест в мире [3, с. 34–44; 14, с. 34–64]. Особо следует отметить быстрый рост российского экспорта ИКТ [3, с. 35].

По оценкам экспертов, удельный вес цифровой экономики в ВВП России в ближайшие годы будет расти быстрыми темпами [14, с. 7–10; 3, с. 34–35]. Но пока мы еще заметно отстаем от развитых стран по этому показателю [3, с. 36–37; 13, р. 5–6]. Для усиления ее развития требуются внушительные инвестиции и подготовка кадров.

Заключение

Несмотря на ускорение экономического роста в 2018 г., Россия отстает от темпов мирового развития. Рост экспортных цен и объемов экспорта, макроэкономическая стабильность, снижение внешнего долга, улучшение платежного баланса и бюджетного сальдо – все это предпосылки для устойчивого роста в будущем. Но все это лишь краткосрочные факторы. Для уверенного долгосрочного роста необходимо повышение нормы накопления и совокупной факторной производительности. Успешное развитие цифровой экономики будет способствовать этим изменениям, но требуются также глубокие социально-экономические реформы, нацеленные на защиту частной собственности, развитие конкуренции, поощрение инвестиций и снижение налогов, лучшее финансирование образования и науки.

Информация об авторах

Сергей Александрович Мицек, доцент, доктор экономических наук, декан факультета бизнеса и управления АНО ВО «Гуманитарный университет», почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Екатеринбург, Россия).

Елена Борисовна Мицек, доктор экономических наук, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Sergey A. Mitsek, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Dean, Business and Management Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia.

Elena B. Mitsek, Dr. Sci. (Economics), Professor, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Банк России : официальный сайт. 2019. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 08.06.2019).
2. Всемирный банк. Умеренные темпы роста экономики; в центре внимания – неформальный сектор : доклад об экономике России № 41 // Всемирный банк : сайт. 10 июня 2019. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/908421560108417755/ger-41-russian.pdf> (дата обращения: 11.06.2019).
3. Всемирный банк. Умеренное продвижение вперед : доклад об экономике России № 39 // Всемирный банк : сайт. 2018 (май). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29913/127254RU.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (дата обращения: 01.06.2019).
4. Всемирный банк. Как сохранить стабильность, удвоить темпы роста и наполовину сократить бедность : доклад об экономике России № 40 // Всемирный банк : сайт. 2018 (декабрь). URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/970371543924414355/RER-40-Russian.pdf> (дата обращения: 10.06.2019).
5. Всемирный банк. Восстановление экономики России: насколько устойчивы признаки роста? : доклад об экономике России № 38 // Всемирный банк : сайт. 2017 (ноябрь). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/28930/121802RU.pdf?sequence=8> (дата обращения: 10.06.2019).
6. Всемирный банк. Российская Федерация, комплексное диагностическое исследование экономики: пути достижения всеобъемлющего роста // Всемирный банк : сайт. 2016 (декабрь). URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/477441484190095052/Russian-Federation-Systematic-country-diagnostic-Pathways-to-inclusive-growth> (дата обращения: 09.06.2019).
7. Всемирный банк. Цифровые дивиденды : доклад о мировом развитии Всемирного банка 2016 // Всемирный банк : сайт. 2016. URL: https://data.gov.ru/sites/default/files/presentation/vsemirnyy_bank_2016_god.pdf (дата обращения: 10.06.2019).
8. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Экономический рост, инфляция, инвестиции и доходы в Российской Федерации: анализ и прогноз на основе эконометрической модели // Экономический анализ: теория и практика. 2018. Т. 17, вып. 1. С. 18–29.
9. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Региональное развитие и совокупная факторная производительность в регионах России // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 4 (23). С. 6–32.
10. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : официальный сайт. 2019. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
11. Amiti M., David E. Weinstein Exports and financial shocks // The Quarterly Journal of Economics. 2011. Vol. 126, No. 4 (November). P. 1841–1877.
12. Aw Bee Yan, Roberts M. J., Yi Xu D. R&D Investment, Exporting, and Productivity Dynamics // American Economic Review. 2011. Vol. 101, No. 4 (June). P. 1312–1344.

13. Boston Consulting Group. Russia online? Catch up impossible to fall behind. 2016. URL: http://image-src.bcg.com/Images/Russia-Online-ENG_tcm26-152058.pdf (дата обращения: 09.06.2019).
14. Digital/McKinsey. Цифровая Россия: новая реальность. 2017. URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> (дата обращения: 09.06.2019).
15. Hanson G. H. The Rise of Middle Kingdoms: Emerging Economies in Global Trade // *Journal of Economic Perspectives*. 2012. Vol. 26, № 2. P. 41–64.
16. Keller W. International Technology Diffusion // *Journal of Economic Literature*. 2004. Vol. 42, No. 3 (September). P. 752–782.
17. Mitsek S. A. Econometric model of Russian Federation: analysis and forecasts for 2018–2019 // *IFAC-PapersOnLine*. 2018. Vol. 51, Issue 32. P. 395–400.
18. Moll B. Productivity Losses from Financial Frictions: Can Self-Financing Undo Capital Misallocation? // *American Economic Review*. 2014. Vol. 104, No. 10 (October). P. 3186–3221.
19. UN Comtrade Database. United Nations, 2019. URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 11.06.2019).
20. World Bank. Commodity Price data. 2019. URL: <http://www.worldbank.org/en/research/commodity-markets> (дата обращения: 09.06.2019).

Статья поступила в редакцию: 19.06.19

Принята к публикации: 12.08.19

References

1. *Bank of Russia*. Official website. 2019. Available from: <https://www.cbr.ru/statistics/> [Accessed 08.06.2019]. (In Russ.).
2. World Bank. *Umerennye tempy rosta ekonomiki; v tsentre vnimaniya – neformal'nyi sektor [Moderate Rates of Economic Growth; Focus on Informal Sector]: Report on Russian Economy No. 41*. 10.06.2019. Available from: <http://pubdocs.worldbank.org/en/908421560108417755/rer-41-russian.pdf> [Accessed 11.06.2019]. (In Russ.).
3. World Bank. *Umerennoe prodvizhenie vpered [Moderate Movement Ahead]: Report on Russian Economy No. 39*. 2018 (May). Available from: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29913/127254RU.pdf?sequence=4&isAllowed=y> [Accessed 01.06.2019]. (In Russ.).
4. World Bank. *Kak sokhranit' stabil'nost', udvoit' tempy rosta i napolovinu sokratit' bednost' [How to Preserve Stability, Double Growth Rates and Reduce Poverty by Half]: Report on Russian Economy No. 40*. 2018 (December). Available from: <http://pubdocs.worldbank.org/en/970371543924414355/RER-40-Russian.pdf> [Accessed 10.06.2019]. (In Russ.).
5. World Bank. *Vosstanovlenie ekonomiki Rossii: naskol'ko ustoichivy priznaki rosta? [Restoring Russian Economy: How Sustainable are Signs of Growth?]: Report on Russian Economy No. 38*. 2017 (November). Available from: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/28930/121802RU.pdf?sequence=8> [Accessed 10.06.2019]. (In Russ.).
6. World Bank. *Rossiiskaya Federatsiya, kompleksnoe diagnosticheskoe issledovanie ekonomiki: puti dostizheniya vseob'emlyushchego rosta [Russian Federation, Complex Diagnostic Economic Study: Ways of Achieving Comprehensive Growth]*. 2016 (December). Available from: <http://documents.worldbank.org/curated/en/477441484190095052/Russian-Federation-Systematic-country-diagnostic-Pathways-to-inclusive-growth> [Accessed 09.06.2019]. (In Russ.).
7. World Bank. *Tsifrovye dividendy : doklad o mirovom razvitii Vsemirnogo banka 2016 [Digital Dividends: World Bank Global Development Report 2016]*. 2016. Available from: https://data.gov.ru/sites/default/files/presentation/vsemirnyy_bank_2016_god.pdf [Accessed 10.06.2019]. (In Russ.).

8. Mitsek SA, Mitsek EB. Ekonomicheskii rost, inflyatsiya, investitsii i dokhody v Rossiiskoi Federatsii: analiz i prognoz na osnove ekonometricheskoi modeli [Economic Growth, Inflation, Investments and Income in the Russian Federation: Analysis and Forecast Based on Econometric Model]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2018;17(1): 18–29. (In Russ.).
9. Mitsek SA, Mitsek EB. Regional'noe razvitie i sovokupnaya faktornaya proizvoditel'nost' v regionakh Rossii [Regional Development and Total Factor Productivity in Russian Regions]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = University for Humanities Bulletin*. 2018;4(23): 6–32. (In Russ.).
10. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki (Rosstat) [Federal Service for State Statistics (Rosstat)]*. Official website. 2019. Available from: <http://www.gks.ru/> [Accessed 10.06.2019]. (In Russ.).
11. Amiti M, David E. Weinstein Exports and financial shocks. *The Quarterly Journal of Economics*. 2011;126(4): 1841–1877.
12. Aw BY, Roberts MJ, Yi XD. R & D Investment, Exporting, and Productivity Dynamics. *American Economic Review*. 2011;101(4): 1312–1344.
13. Boston Consulting Group. *Russia online? Catch up impossible to fall behind*. 2016. Available from: http://image-src.bcg.com/Images/Russia-Online-ENG_tcm26-152058.pdf [Accessed 09.06.2019].
14. Digital McKinsey. *Tsifrovaya Rossiya: novaya real'nost' [Digital Russia: a new reality]*. 2017. Available from: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> [Accessed 09.06.2019]. (In Russ.).
15. Hanson GH. The Rise of Middle Kingdoms: Emerging Economies in Global Trade. *Journal of Economic Perspectives*. 2012;26(2): 41–64.
16. Keller W. International Technology Diffusion. *Journal of Economic Literature*. 2004;42(3): 752–782.
17. Mitsek SA. Econometric model of Russian Federation: analysis and forecasts for 2018–2019. *IFAC-PapersOnLine*. 2018;51(32): 395–400.
18. Moll B. Productivity Losses from Financial Frictions: Can Self-Financing Undo Capital Misallocation? *American Economic Review*. 2014;104(10): 3186–3221.
19. United Nations. *UN Comtrade Database*. 2019. Available from: <https://comtrade.un.org/data/> [Accessed 11.06.2019].
20. World Bank. *Commodity Price data*. 2019. Available from: <http://www.worldbank.org/en/research/commodity-markets> [Accessed 09.06.2019].

Submitted 19.06.19 Accepted 12.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-E02
УДК 331.1:331.108.26

Личностные корреляты организационной лояльности персонала

Инна С. Крутько¹

ORCID: 0000-0001-6464-7493, e-mail: busygina@rambler.ru

Ольга С. Чаликова²

ORCID: 0000-0001-5858-9987, e-mail: o-chalikova@mail.ru

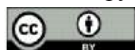
^{1,2}Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Аннотация. Рассмотрение феномена организационной лояльности персонала в качестве ключевого актива организации ведется с точки зрения ее уровней, условий развития, коррелят. Проблема лояльности рассмотрена в контексте следующих компонентов: эмоционального, когнитивного, поведенческого. Использован метод фокус-группы, в результате описано поведение контингента, характерное для различных уровней лояльности, и получена модель компетенции. Далее оценивался общий уровень лояльности методиками OCS «Шкала организационной лояльности», «Лист наблюдения проявления лояльности» К. В. Харского, который в организациях разного профиля признан средним. Описаны корреляции с личностными особенностями персонала через индивидуальный типологический опросник Л. Н. Собчик, УСК Д. Роттера, «Командные роли» Р. М. Белбина. Определены некоторые черты личности, которые могут претендовать на роль универсальных личностных коррелятов лояльности. Доминирующими мотивами для сотрудников определены «Удовлетворение от достижения цели, результата деятельности», «Общение с коллегами». Выявлен единственный коррелят лояльности, имеющий отношение к внедрению инноваций, – готовность следовать за лидером. Чем выше лояльность, тем менее проявлены соревновательный мотив и мотив ощущения собственной полезности. В плане инноваций в организации выявлены типы «Готовность на основе позитивного эмоционального восприятия всего нового» и «Готовность при условии личностной и профессиональной самореализации», следовательно, персонал поддерживает изменения, но только на первых этапах внедрения. Предположительно, существует несколько психологических механизмов формирования лояльности на основании таких черт, как агрессивность, ригидность и тревожность (сенситивность, лабильность). Выявлено, что корреляты лояльности обусловлены скорее типом предприятия и его кадровой политикой, чем универсальными характеристиками. Однако тенденция взаимосвязи агрессивности как личностной черты и лояльного отношения к организации прослеживается на предприятиях разных направлений.

Ключевые слова: лояльность персонала, личностные корреляты, организационная лояльность.

Для цитирования: Крутько И. С., Чаликова О. С. Личностные корреляты организационной лояльности персонала // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 129–140. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-E02.

© И. С. Крутько, О. С. Чаликова, 2019

Personality Correlates of Personnel Organizational Loyalty

Inna S. Krutko¹,

ORCID: 0000-0001-6464-7493, e-mail: busygina@rambler.ru

Olga S. Chalikova²,

ORCID: 0000-0001-5858-9987, e-mail: o-chalikova@mail.ru

^{1,2}Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The phenomenon of personnel organizational loyalty as a key organizational asset is considered from the perspective of its level, conditions of development and correlates. The problem of loyalty is viewed in the context of the following components: emotional, cognitive and behavioral. The focus group method was used to describe the cohort behavior characteristic of various loyalty levels and obtain the competence model. General loyalty level was subsequently assessed with Organizational Commitment Scale (OCS) and K. V. Kharsky's Loyalty Manifestation Observation Sheet methods recognized as the average one in organizations of various profiles. Correlations with employees' personal features are described through the individual typological questionnaire by L. N. Sobchik, J. Rotter's I-E Scale, and R. M. Belbin's Team Roles. Certain personality traits are identified that can be viewed as universal personality correlates of loyalty. Employees' dominant motives are identified as "Satisfaction from Achieving a Goal, an Outcome" and "Communication with Colleagues". The only loyalty correlate related to implementation of innovations is identified – readiness to follow a leader. The higher the loyalty, the better competitive motive and the motive of feeling one's usefulness are manifested. In terms of innovations, the following types are identified at the organization: "Readiness Based on Positive Emotional Attitude to Everything New" and "Readiness on Condition of Personal and Professional Fulfillment"; consequently, employees support changes, but only at the first stages of implementation. Presumably, several psychological mechanisms shaping loyalty based on traits like aggressiveness, rigidity and anxiety (sensitivity, lability) exist. It is proven that loyalty correlates are conditioned rather by the enterprise type and its HR policy than universal characteristics. However, the trend of a dependency between aggressiveness as a personal trait and one's loyal attitude to the organization is manifested at enterprises from various fields.

Keywords: personnel loyalty, personality correlates, organizational loyalty.

For citation: Krutko IS, Chalikova OS. Personality Correlates of Personnel Organizational Loyalty. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 129–140. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-E02.

Введение

Особенности отношений в диаде человек – организация вызывают интерес исследователей всего мира. Конкуренентоспособность и эффективность деятельности организации связаны с лояльностью персонала, а нелояльность выступает потенциальной угрозой организационной безопасности [2].

Лояльность персонала организации как социально-психологическая и управленческая категория активно обсуждается международным научным сообществом последние десятилетия [7; 14; 16; 5; 12; 17; 15]. Единый и однозначный подход в понимании данного термина до сих пор отсутствует. Западные коллеги изучают феномен организационной

лояльности давно и успешно. Отечественные авторы при рассмотрении этой темы опираются в основном на подходы западных коллег.

В западной психологии выделим два ключевых тренда в понимании лояльности. Первый – «установочный» подход Л. Портера, при котором лояльность рассматривается как преданность, приверженность, верность организации (*organizational commitment*). В основе – установка сотрудника прилагать больше усилий в интересах организации, чем от него непосредственно требуется. Это состояние, в котором человек идентифицирует себя с организацией, ее целями и желает поддержать принадлежность к ней. В этой модели подчеркивается наличие тесной связи в диаде человек – организация: люди добровольно берут на себя обязательства, находятся в состоянии вовлеченности в деятельность организации [1].

Второй подход рассматривает лояльность как психологическое явление (*employee loyalty*). Так, концепция аффективной лояльности объясняет ее как форму психологической привязанности к организации, как вклад эмоциональных переживаний сотрудника в свою профессиональную деятельность, что проявляется в чувстве гордости за организацию и желании «присоединиться» к ней [16]. К этому же подходу относится моральная (ценностная) лояльность, которая определяется как убеждение в правильности организационных целей и когнитивной готовности проявить значительные усилия от имени организации. Данный вид лояльности основан на интернализации норм и идентификации с организационным авторитетом [4].

Общим моментом в обсуждении природы лояльности в западной психологии является прикладной аспект: именно лояльность снижает вероятность ухода работника. Различия касаются механизмов обеспечения подобного поведения.

Большинство авторов настаивает на том, что лояльность представляет собой многокомпонентный конструкт, учитывающий различные вклады в итоговый результат. Наиболее известна трехкомпонентная концепция лояльности Д. Мейера и Н. Ален, согласно которой лояльность персонала определяется как психологическая связь между служащим и организацией, проявляющаяся на трех уровнях: 1) аффективная лояльность: идентификация и вовлеченность, эмоциональная привязанность к организации; 2) пролонгированная лояльность: осознание работниками затрат, связанных с уходом из организации; 3) нормативная лояльность как осознание обязательств по отношению к организации [14].

Влияние на эффективность организации различных аспектов лояльности неравнозначно: аффективный компонент максимально влияет на производительность труда, в то время как продолженная лояльность может приводить даже к негативным последствиям.

Отечественные исследователи внесли некоторый вклад в изучение феномена лояльности. М. И. Магура рассматривает лояльность как вариант приверженности организации [7], И. Г. Чумарин указывает, что степень лояльности сотрудников определяется степенью добровольности их следования требованиям организации [13], К. В. Харский выделяет уровни лояльности (уровень внешних атрибутов, уровень поступков и поведения, уровень способностей, уровень убеждений и уровень идентичности) [12].

Комплексно проблема лояльности представлена в работах В. И. Доминьяка. Автор выделяет три компонента лояльности: эмоциональный, когнитивный, поведенческий и рассматривает понятие «лояльность» в контексте внутренней безопасности организации [4].

Организационная лояльность рассматривается практически всеми исследователями как медленно формируемое, но устойчивое образование. Многие авторы подчеркивают, что лояльность зависит, в первую очередь, от внешних факторов, определяющих деятельность людей (личности руководителя, инноваций в организации, баланса ценностей организации и сотрудников, др.) [1; 3; 8; 9; 10].

К внутренним факторам относятся личностные особенности сотрудников (опыт работы, ощущение безопасности и др). Согласно социально-психологическому подходу, лояльность – это установка на поведение, заключающаяся в соблюдении существующих правил, норм, а также в выполнении своих обязанностей. В контексте данной статьи нас интересует организационная лояльность как воспринимаемая и осознаваемая человеком сила связи между ним и работой в конкретной организации. Это субъективный психологический конструкт, созданный самим работником, его опытом и конкретными условиями. В этом случае смысл организационной лояльности преломляется в смысловых структурах личности, которые функционируют как внутренние регуляторные механизмы, воздействующие на протекание процессов деятельности и психического отражения [11]. В субъективном образе мира сотрудника предметные конструкты лояльного отношения к организации составляют конгломераты смыслов, проявляющиеся, например, через систему ценностных ориентаций, жизненную позицию, общую направленность интересов личности, т. е. в виде различий смысловых конструктов сотрудников [9].

Личностные черты, не являясь прямыми предикторами, выполняют роль опосредствующих звеньев в формировании компетентности и достижении успеха деятельности [6]. Определенные качества могут ускорять или тормозить формирование ряда необходимых функциональных свойств персонала предприятия, что необходимо учитывать при организации обучения и принятии кадровых решений. Начальным этапом решения данного вопроса является выявление универсальных и отраслевых коррелятов лояльности как организационно-ценного свойства.

Методы исследования

Цель – выявить личностные корреляты организационной лояльности, свойственные персоналу различных предприятий. Задачи исследования: разработать систему оценки лояльности как компетенции работников, применить ее в качестве экспертной оценки лояльности в организации; провести диагностику лояльности; определить потенциальные личностные корреляты лояльности, выявить универсальные и специфические личностные корреляты лояльности для предприятий разного типа.

Проведение фокус-групп с руководителями имело целью получить комплекс представлений руководителей о структурных компонентах лояльности. Для диагностики лояльности сотрудников использованы методика «Шкала организационной лояльности» (ОСЛ) Дж. Мейера и Н. Аллен и методика «Лист наблюдения проявления лояльности»

К. В. Харского. Для оценки личностных особенностей сотрудников были использованы методики: Индивидуальный типологический опросник (ИТО) Л. Н. Собчик, «Уровень субъективного контроля» (УСК) Д. Роттера, «Командные роли» Р. М. Белбина. В качестве дополнительных задействованы результаты диагностики по опросникам «Возможность реализации мотивов» В. И. Доминьяка, «Тип готовности к инновациям» И. О. Загашева, тест-опросник К. Томаса на поведение в конфликтной ситуации. Базой исследования выступили предприятия производственного профиля, сферы обслуживания, торговли, коммунальной сферы, общественного питания¹.

Результаты и обсуждение

Результаты фокус-группы: на первом этапе было описано поведение персонала, характерное для различных уровней лояльности. Была получена модель «Компетентность – Лояльность» (табл. 1).

Участники фокус-группы сформулировали достаточно универсальные поведенческие маркеры, что позволяет использовать полученную модель как основу экспертной оценки лояльности каждого сотрудника на очередном этапе исследования.

Далее была проведена диагностика лояльности сотрудников предприятий, составивших выборку. Результаты самооценки организационной лояльности (OCS) в целом по выборке представлены в таблице 2. Общий уровень лояльности сотрудников изучаемых организаций находится в пределах статистической нормы.

Таблица 1
Уровневая модель «Компетентность – Лояльность»

Уровни	Поведенческие проявления
А. Уровень мастерства	Идентичность. Не мыслит себя без организации. Отсутствуют разговоры о пенсии, отпуске, выходных, материальном вознаграждении. С удовольствием выполняет сложные и важные задачи. Горд оказанным доверием. Проявляет недоумение, если слышит о желании сменить работу
Б. Уровень высокой компетентности	Убежденность. Призывает к выполнению правил других, является «помощником» в проведении мероприятий, задает вопросы по существу профессиональной деятельности, охотно инструктирует молодых специалистов, искренне огорчается недочетам в деятельности коллег, стремится помочь. Проявляет инициативу
В. Уровень базовой компетентности	Поступки. Дисциплинирован, не нарушает временных и формальных регламентов. Инструкции исполняет четко и правильно сразу, без повторения. Может выполнить сверхурочную работу после разъяснения ее необходимости
Г. Уровень ограниченной компетентности	Внешние атрибуты. Соблюдает принятые ритуалы взаимодействия, внимателен к форменным атрибутам, выполняет распоряжения руководства, игнорирует просьбы, не связанные с должностными обязанностями («это не входит в мои обязанности», «в инструкции написано»). Не выполняет рекомендаций, только указания
Д. Уровень некомпетентности	Нулевая лояльность и нелояльность. Опаздывает на занятия, высказывает недовольство мероприятиями, задает вопрос «для чего все это надо?», обсуждает с коллегами недостатки работы, явно заинтересовывается жалобами, демонстрирует безразличие к форме

¹ n = 208. Исследование проводилось в марте – апреле 2019 г.

Таблица 2

**Уровень организационной лояльности персонала
и ее компонентов по методике «ОС» Дж. Майер и Н. Аллен
(n = 208)**

Сферы исследования	Общий показатель	Аффективная лояльность (АЛ)	Продолжительная лояльность (ПЛ)	Нормативная лояльность (НЛ)
Общая выборка	3,9	4,4	3,8	3,7
Производство	4,0	4,4	3,9	3,8
Обслуживание	3,8	4,3	3,8	3,9
Кемпинг	3,9	4,5	3,5	3,8
Торговля	3,9	4,5	4,0	3,7
Коммунальная	3,9	4,3	3,7	3,7
Общепит	4,0	4,4	3,7	3,6

Несмотря на различия сфер деятельности и форм собственности предприятий, составивших выборку исследования, показатели лояльности сотрудников, в целом, не отличаются, что позволяет рассматривать конструкт «лояльность» в качестве универсального, минимально обусловленного спецификой деятельности. Кроме того, сходство структуры организационной лояльности исключает объяснение различий в коррелятах лояльности ее уровневymi показателями. С высокой долей вероятности данные различия будут обусловлены спецификой сферы деятельности.

Как видно из таблицы 2, наиболее ярко выражен аффективный компонент организационной лояльности, что совпадает с нормативами, полученными на российской выборке [4]. Возможно, данная особенность характеризует собственно механизм проявления отношения к месту и условиям работы, основанный на иррациональных оценках, что подтверждает необходимость изучения личностных черт, способствующих формированию лояльности.

Результаты комплексной диагностики лояльности: сотрудники с явно низким уровнем лояльности составляют порядка 10 %, средним – 68 % и высоким – 33 %. Нелояльные сотрудники в выборке отсутствуют. Это подтверждает категоричность тезиса о нелояльности как невозможности присутствия работника в организации. То есть, если человек продолжает ходить на работу, он уже проявляет лояльность, пусть и в низкой степени, что бы он ни декларировал.

Соотнесение результатов диагностики с моделью компетенции «Лояльность» выглядит следующим образом. Низкий уровень демонстрируемой лояльности соответствует первому уровню компетенции – нулевой лояльности, средний – второму и третьему, высокий – скорее, четвертому – лояльности на уровне убеждений. Мастерский уровень лояльности выявить с помощью стандартизованных методик проблематично. На наш взгляд, данный уровень представляет собой, скорее, эталонный образ лояльного сотрудника, соответствуют которому управленцы максимально высокого уровня и собственники компаний.

Таблица 3

Значимые коэффициенты корреляции между показателями самооценки организационной лояльности (ОС) и экспертными оценками лояльности (n = 208)

	Показатели организационной лояльности		
	Аффективная лояльность	Продолженная лояльность	Нормативная лояльность
Оценка по К. В. Харскому	0,30	0,21	0,19
Компетентностная оценка	0,21	0,25	0,26

При соотнесении результатов самооценки лояльности сотрудниками и экспертных оценок обнаружена высокая степень конгруэнтности оценок, что свидетельствует в пользу высокой диагностической валидности методики ОС в адаптации В. И. Доминьяка на отечественных выборках и позволяет использовать ее для скрининга лояльности. Высокий уровень взаимосвязи всех компонентов организационной лояльности с данными экспертных оценок свидетельствует, с одной стороны, о пригодности разработанной нами модели для оценки персонала и об отсутствии необходимости дублировать обозначенные методы в реальной деятельности при работе с группами – с другой.

На третьем этапе исследования были проведены диагностика предполагаемых личностных коррелятов лояльности, выявление значимых коэффициентов корреляции между лояльностью и рядом личностных характеристик, а также описание личностных черт высоколояльных сотрудников разных предприятий.

Как видно из таблицы 4, в качестве коррелятов лояльности выступают такие характеристики, как агрессивность, ригидность, сенситивность, тревожность и лабильность. Причем все эти качества являются своего рода катализаторами лояльности и характеризуют разные механизмы ее формирования, в том числе на предприятиях разного типа.

Таблица 4

Значимые корреляции между показателями лояльности по всем методикам и методики ИТО Л. Собчик²

Сферы исследования	Экстраверсия	Спонтанность	Агрессивность	Ригидность	Интроверсия	Сенситивность	Тревожность	Лабильность
Общая выборка	-	-	-	0,38	-	-	-	0,40
Производство	-	-	0,28–0,3		-	-	-	-
Обслуживание	-	-	0,28	0,33–0,59	-	-	-	-
Кемпинг	-	-	0,33–0,39	0,45–0,49	-	0,49–0,59	0,45–0,46	
Торговля	-	-	-	-	-	-	-	0,80
Коммунальная	-	-	0,25	-	-	-	-	-

Агрессивность и ригидность в качестве наиболее часто встречающихся коррелятов вероятно объясняют два разных механизма формиро-

² В таблице указан диапазон значимых корреляций между личностной чертой и разными показателями лояльности.

вания лояльности в соответствии с преобладающими личностными чертами. Агрессивность содействует становлению, преимущественно, нормативной лояльности и проявляется в «праведном гневе», вызванном условиями деятельности, не соответствующими идеалам, наряду с активным желанием отстаивать эти идеалы и внедрять их в практику работы в компании. Ригидность обеспечивает более пассивный вариант лояльности, основанный на потребности в стабильности, что особенно хорошо для сферы обслуживания, где требуется стабильное качество услуги.

Лабильность, тревожность и сенситивность сотрудников в разных организациях, на наш взгляд, являются предпосылкой своего рода компенсаторной лояльности организации, цель которой – решить свои внутренние психологические проблемы за счет принадлежности к организации. Это свойственно, скорее, небольшим компаниям с семейной корпоративной культурой и мягкими требованиями.

Экстраверсия, спонтанность и интроверсия не являются коррелятами лояльности ни в одной из наших подвыборок. Степень социальной смелости не связана с лояльностью, скорее такие люди формируют или не формируют лояльность ситуационно, в зависимости от личных задач.

Обратимся к результатам корреляционного анализа показателей лояльности и более узкоспециализированных свойств личности. Полученные результаты представлены в описательном формате. Значимые корреляции между показателями лояльности и методиками УСК, «Командные роли» и «Стратегии поведения в конфликте» показывают, что интернальность как основа ответственности не является очевидным коррелятом лояльности во всех подвыборках. Значимые коэффициенты корреляции выявлены для ряда субшкал: интернальности в сфере производственных отношений и интернальности в области неудач.

Значимый интерес представляют командные роли и стратегии поведения в конфликте в связи с лояльностью. Так, одни и те же стратегии на разных предприятиях могут как содействовать, так и препятствовать лояльности. Например, командные роли «оценщик» и «мыслитель», стратегия «сотрудничество», образуют как прямые, так и обратные корреляции. А такие стратегии, как «миротворец» и «координатор», сопряжены с невысокой лояльностью.

Наблюдаемая картина обусловлена совокупностью микрофакторов организационной среды, имплицитно формирующей приоритет определенных коммуникативных стратегий. И если лица с преобладанием стратегии «избегание» очевидно мало лояльны, то в отношении работников со стратегией «сотрудничество» необходимо целенаправленно управлять лояльностью для повышения их эффективности. То же утверждение справедливо в отношении желаемых командных ролей. Сама по себе командная роль не является фактором, обеспечивающим лояльность.

Результаты корреляционного анализа параметров лояльности с методиками «Возможность реализации мотивов» и «Тип готовности к инновациям» показывают, что из 15 предполагаемых к реализации мотивов только два образуют корреляционные связи с лояльностью, причем чем выше степень реализации мотивов, тем ниже лояльность. На

наш взгляд, оценка степени удовлетворенности мотивов необходима в индивидуальной работе с сотрудниками с целью выяснения личных причин неудовлетворенности. Тип готовности к инновациям, несмотря на теоретически существующую вероятность, не может считаться коррелятом организационной лояльности. Исключение составляет готовность следовать за лидером как коррелят аффективной лояльности. Но данный результат необходимо проверить на более расширенной выборке.

Выводы

В ходе исследования нами были адаптированы инструменты комплексной оценки лояльности на достаточно большой выборке, включающей в себя сотрудников шести предприятий разного типа. Управленческая модель оценки лояльности как компетенции не противоречит психометрической модели оценки лояльности как личностной черты. Методики, полученные в рамках вышеуказанных моделей, не только взаимно дополняемы, но и взаимозаменяемы в зависимости от задач исследования.

Базовые черты личности, представленные Л. Н. Собчик в качестве ведущих тенденций, могут претендовать на роль универсальных личностных коррелятов лояльности. Предположительно, существует несколько психологических механизмов формирования лояльности на основании таких черт, как агрессивность, ригидность и тревожность (сенситивность, лабильность). На предприятиях разного типа сложились условия, благоприятствующие тому или иному типу личности со свойственной ему особенностью протраивания отношения с внешним миром, в том числе с организацией.

Черты, характеризующие коммуникативные стратегии работников, не являются личностными коррелятами лояльности в чистом виде. Корреляции отражают, в первую очередь, специфику организационной культуры, элементы которой содействуют или препятствуют формированию лояльности для разных стратегий и ролей. Данные корреляционного анализа полезны для составления общей картины и целенаправленного управления лояльностью.

Мотивы и предпочтения являются не столько опосредствующим звеном формирования лояльности, сколько индивидуальными особенностями, проясняющими особенности лояльности конкретного человека. Такие корреляты мы рассматриваем в качестве ситуационных микростратегий, тенденции которых в группе отследить невозможно.

В целом полученные данные не только проясняют психологический аспект лояльности, но и являются источником гипотез для дальнейших исследований. Изучение личностного аспекта лояльности – необходимое условие повышения эффективности работы кадровых служб и основа пересмотра кадровой политики с учетом постоянных изменений.

Информация об авторах

Инна Сергеевна Крутько, доктор психологических наук, профессор кафедры организации работы с молодежью, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Ольга Сергеевна Чаликова, кандидат психологических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Inna S. Krutko, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department of Youth Management, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Olga S. Chalikova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Youth Management, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Агатова Л. А., Смолян Г. Л., Солнцева Г. Н. Нелояльность персонала как угроза безопасности организации // Труды Института системного анализа РАН. 2007. Т. 31. С. 216–230.

2. Андрищенко О. В. Лояльность в организациях: теоретико-методологический аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М. : НИУ ВШЭ, 2011. 20 с.

3. Бусыгина И. С. Корпоративная безопасность и «самость» организации: акмеологический подход // Мир психологии. 2010. № 5. С. 240–251.

4. Доминяк В. И. Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации : дис. ... канд. психол. наук. СПб. : СПбГУ, 2006. 281 с.

5. Доценко Е. Л. Измерение приверженности персонала компании с помощью опросной методики // Психология бизнеса: управление персоналом в государственных организациях и коммерческих структурах : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 2. СПб. : ГП «Иматон», 2001. 211 с.

6. Легостаева Е. С., Чаликова О. С., Архипова В. А. Взаимосвязь особенностей интеллекта и академической успеваемости у студентов различных психологических типов // Педагогическое образование в России. 2019. № 6. С. 138–143.

7. Магура М. И., Курбатова М. Б. Современные персонал-технологии. Гл. 9 : Организационная приверженность // Управление персоналом. 2001. № 6 (60). С. 45–50.

8. Овчинникова О. Г. Лояльность персонала. М. : Управление персоналом, 2006. С. 96–101.

9. Сидоренко Е. В. Развитие организационной приверженности : материалы семинара-тренинга. М. : Школа менеджеров «Арсенал», 2004. 42 с.

10. Ставропольцева Е. А. Формирование организационной лояльности студентов вузов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург : УрГПУ, 2013. 24 с.

11. Стародубцева Г. А. Психосемантические составляющие организационной лояльности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2012. 26 с.

12. Харский К. Благонадежность и лояльность персонала. СПб. : Питер, 2003. 496 с.

13. Чумарин И. Г. Люди и организации: деструктивное противодействие // Люди и организации : сборник тезисов Третьей Всероссийской конференции. СПб. : ЗАО «Иматон-М», 2000. С. 63–64.

14. Allen N. J. Organizational Commitment in the Military: A Discussion of Theory and Practice // Military Psychology. 2003. Vol. 15. P. 237–253.

15. Goman C. K. The New Loyalty Compact: Organization-Employee Loyalty is Reborn. Linkage Incorporated, 2006.

16. Kanter R. M., Klein N. Wainwright Industries (A): Beyond the Baldrige // Harvard Business School Cases. 1996. Vol. 1. P. 1–15.

17. Wang Y. Observations on the organizational commitment of Chinese employees: comparative studies of state-owned enterprises and foreign invested enterprises // International Journal of Human Resource Management. 2004. Vol. 15. P. 649–669.

Статья поступила в редакцию: 06.08.19

Принята к публикации: 10.09.19

References

1. Agatova LA, Smolyan GL, Solntseva GN. Neloyal'nost' personala kak ugroza bezopasnosti organizatsii [Lack of Personnel Loyalty as a Threat to Organizational Safety]. *Trudy Instituta sistemnogo analiza rossiyskoy akademii nauk = Proceeding of the Institute for Systems Analysis of the Russian Academy of Science*. 2007;31: 216–229. (In Russ.).

2. Andryushchenko OV. *Loyal'nost' v organizatsiyakh: teoretiko-metodologicheskii aspekt [Loyalty in Organizations: Theoretical and Methodology Aspect]*. Moscow: Higher School of Economics; 2011. 20 p. (In Russ.).

3. Busygina IS. Korporativnaya bezopasnost' i «samost'» organizatsii: akmeologicheskii podkhod [Organizational Corporate Security and “Selfhood”: Acmeological Approach]. *Mir psikhologii = World of Psychology*. 2010;5: 240–251. (In Russ.).

4. Dominiak VI. *Organizatsionnaya loyal'nost': model' realizatsii ozhidaniy rabotnika ot svoei organizatsii [Organizational Loyalty: Model of Meeting Worker's Expectations from their Organization]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2006. 281 p. (In Russ.).

5. Dotsenko EL. Izmerenie priverzhennosti personala kompanii s pomoshch'yu oprosnoi metodiki [Measuring Company Staff Commitment with Survey Method]. In: *Psikhologiya biznesa: upravlenie personalom v gosudarstvennykh organizatsiyakh i kommercheskikh strukturakh [Psychology of Business: HR Management in Public Organizations and Commercial Structures]: Proceedings of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference*. Saint Petersburg: Imaton; 2001. 211 p. (In Russ.).

6. Legostayeva ES, Chalikova OS, Arkhipova VA. Vzaimosvyaz' osobennostei intellekta i akademicheskoi uspevaemosti u studentov razlichnykh psikhologicheskikh tipov [Relation Between Intellectual Features and Academic Performance in Students of Various Psychological Types]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*. 2019;6: 138–143. (In Russ.).

7. Magura MI, Kurbatova MB. Sovremennye personal-tehnologii. Gl. 9 : Organizatsionnaya priverzhennost' [Contemporary Personnel Technologies. Chapter 9: Organizational Commitment]. *Upravlenie personalom = HR Management*. 2001;6: 45–50. (In Russ.).

8. Ovchinnikova OG. *Loyal'nost' personala [Personnel Loyalty]*. Moscow: Upravleniye personalom; 2006. p. 96–101. (In Russ.).

9. Sidorenko EV. *Razvitie organizatsionnoi priverzhennosti [Organizational Commitment Development]*. Moscow: Arsenal Managers School; 2004. 42 p. (In Russ.).

10. Stavropoltseva EA. *Formirovanie organizatsionnoi loyal'nosti studentov vuzov [Building Organizational Loyalty in College Students]*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2013. 24 p. (In Russ.).

11. Starodubtseva GA. *Psikhosemanticheskie sostavlyayushchie organizatsionnoi loyal'nosti [Psycho-Semantic Components of Organizational Loyalty]*. Yaroslavl: P.G. Demidov Yaroslavl State University; 2012. 26 p. (In Russ.).

12. Kharsky K. *Blagonadezhnost' i loyal'nost' personala [Personnel Trustworthiness and Loyalty]*. Saint Petersburg: Piter; 2003. 496 p. (In Russ.).

13. Chumarin IG. Lyudi i organizatsii: destruktivnoe protivodeistvie [People and Organizations: Destructive Counteraction]. In: *Lyudi i organizatsii [People and Organizations]: Collection of Abstracts of the Third All-Russian Conference*. Saint Petersburg: Imaton-M; 2000. p. 63–64. (In Russ.).

14. Allen NJ. Organizational Commitment in the Military: A Discussion of Theory and Practice. *Military Psychology*. 2003;15: 237–253.

15. Goman CK. *The New Loyalty Compact: Organization-Employee Loyalty is Reborn*. Linkage Incorporated; 2006.

16. Kanter RM, Klein N. Wainwright Industries (A): Beyond the Baldrige. *Harvard Business School Cases*. 1996;1: 1–15.

17. Wang Y. Observations on the organizational commitment of Chinese employees: comparative studies of state-owned enterprises and foreign invested enterprises. *International Journal of Human Resource Management*. 2004;15: 649–669.

Submitted 06.08.19 Accepted 10.09.19

3. Правовая секция

Law

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L01
УДК [342.5+341.231.14]:340.11

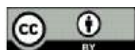
Человек и власть: принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства

Алексей П. Семитко,
АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0003-4425-3053, e-mail: asemitko@mail.ru

Аннотация. Анализируется принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в системе отношения «человек и власть». Данный принцип введен в российскую правовую систему решениями Конституционного Суда РФ, имеющими юридическую силу Конституции России. Однако в самом Основном законе данный признак текстуально не закреплен. Это требует – в чем и состоит цель данной работы – изучения понятия, содержания, природы, характера, сферы действия и места данного принципа в системе других принципов права, в том числе закрепленных в Конституции РФ, на ряд из которых Суд ссылается в своих решениях при обосновании выделения анализируемого принципа. Для решения поставленных задач использовались методы толкования официальных правовых текстов (систематический, специально-юридический, логический), а также антропологический подход. Установлено, что изучаемый принцип является общеправовым (универсальным), занимает самостоятельное место в системе принципов и связан с необходимостью соответствия всей государственной деятельности сложившимся ценностям, моральным и идейным убеждениям, общепринятым социальным конвенциям и т. д., т. е. правомерным ожиданиям общества, что и обуславливает сферу его применения и действия. Центральное место в рамках правомерных ожиданий общества от государства принадлежит признанию и уважению им в своей деятельности человеческого достоинства. Последнее требование является основанием данного принципа и формируемого в процессе его реализации доверия общества к действиям государства; одновременно оно является критерием адекватности действий государства правомерным ожиданиям общества. Новизна подхода заключается в выделении тесно связанных между собой оснований, особенностей, содержания и сферы действия изучаемого принципа.

Ключевые слова: принцип права; правовой принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства; общеправовой принцип; права человека; человеческое достоинство; правомерные ожидания; Конституция РФ; Конституционный Суд РФ.

Для цитирования: Семитко А. П. Человек и власть: принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 143–158. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L01.

Individual and Authorities: Principle of Sustaining Citizens' Trust to the Law and Actions of the State

Alexey P. Semitko,

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-4425-3053, e-mail: asemitko@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the principle of sustaining citizen's trust to the law and actions of the state in the system of individual / authorities relations. This principle is introduced into the Russian legal system by rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation possessing the legal force of the Russian Constitution. However, the Supreme Law itself does not feature this property in the text. It is accordingly required – which is the purpose of this paper – to study this principle's notion, content, nature, character, scope and place in the system of other legal principles, including those established in the Constitution of the Russian Federation, some of which are referenced by the Court in its rulings to justify the identification of the analyzed principle. To solve the above tasks, methods of interpreting official legal texts were applied (systemic, special legal and logical methods), as well as the anthropological approach. It is established that the researched principle is a general legal (universal) principle that stands on its own in the system of principles and is associated with the need for the whole state's activity to comply with the established value, moral and ideological beliefs, generally accepted social conventions, etc., i.e. society's legitimate expectations, which defines its scope and applicability. The recognition and respect of human dignity is central in society's legitimate expectations from the state as it implements its activities. The latter requirement is fundamental for this principle and the public trust to state's activities that is shaped during its realization; at the same time, such requirement is a criterion of how aligned state's actions are with the society's legitimate expectations. The novelty of this approach rests on identifying closely interconnected grounds, features, content and scope of the researched principle.

Keywords: principle of law, legal principle of sustaining citizen's trust to the law and actions of the state, general legal principle, human rights, human dignity, legitimate expectations, Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation.

For citation: Semitko AP. Individual and Authorities: Principle of Sustaining Citizens' Trust to the Law and Actions of the State. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 143–158. Available from: doi:10.35853/UH-RMP-2019-L01.

Введение

История взаимоотношений российского человека и власти в прошлом веке не была слишком радужной. Да и не могла быть таковой, ибо в условиях послеоктябрьского (1917 года) тоталитаризма [24], а затем социалистического «общенародного» авторитаризма (с конца 50-х и до конца 80-х гг.) отношение власти к человеку было жестоким и бесчеловечным. Начатые в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века реформы провозгласили новые ценности и новые идеалы, нашедшие отражение в Конституции России 1993 года. Однако одного провозглашения уважения к достоинству человека, к его правам и свободам со стороны российской власти еще недостаточно. Необходима борьба гражданского общества за свои права и за человеческое, гуманное от-

ношение российской власти к человеку. Одним из юридических средств такой борьбы можно назвать введение Конституционным Судом РФ в нашу правовую систему **новых прогрессивных правовых принципов** в процессе осуществления им конституционного нормоконтроля законодательства и правоприменительной практики. Это – путь не быстрый, но в данном случае можно сказать, что лучше медленно, чем никогда.

Под **принципами права** мы понимаем выражающие его сущность и содержание основополагающие, руководящие идеи, вытекающие из объективных потребностей человека в защищенности, справедливости, равенстве и свободе, т. е. в признании и уважении его достоинства. Эти идеи выражают ценностные начала права и составляют идеологический фундамент правовой культуры, а определение «руководящие» означает, что идеи не остаются лишь в сознании человека и общества, а преобразуются в требования и целевые ориентиры, которые в правовом государстве руководят (а в неправовом выступают как в разной степени реализованные или полностью нереализованные требования) жизнедеятельностью всего общества, и главным образом деятельностью государственных органов и должностных лиц – законодателя, правоприменителя и других представителей государственного аппарата.

Российская Конституция закрепила все основные современные правозащитные ценности – основные принципы права, фундаментальные права и свободы человека. Однако, как отмечается в ч. 1 ст. 55, «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина», перечень которых в Основном законе не является, таким образом, исчерпывающим. Исходя из того, что каждый принцип права выражает и закрепляет то или иное право (или несколько прав и свобод) человека, а каждое право человека обеспечивается тем или иным или несколькими принципами права, мы можем констатировать, что не только перечень прав и свобод человека и гражданина является неисчерпывающим, но таковым же является и перечень правовых принципов. Конституция России закрепила принцип уважения и приоритетной защиты прав и свобод человека и гражданина, принципы правового государства, справедливости (в Преамбуле), равенства и другие. Мы не найдем в ней текстуального закрепления **принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства** [12; 2; 3; 7 и др.], однако, ссылаясь на Конституцию России, Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ) сформулировал указанный принцип в своих решениях. В связи с этим весьма актуальным сегодня является поиск ответов на следующие взаимосвязанные вопросы. Каково содержание и сфера действия данного принципа права, в чем его отличие (если оно имеется) от принципа правового государства, с одной стороны, и, например, от принципа уважения и приоритетной защиты прав и свобод человека и гражданина или от принципа правовой определенности – с другой? Является ли данный принцип общеправовым или отраслевым требованием (идеей)? Развивает ли действующую систему универсальных, общеправовых принципов России введение в нее Конституционным Судом РФ указанного нового принципа, или последний представляет собой лишь некоторую синонимичную, а потому избыточную

формулировку какого-то иного, уже закрепленного в Конституции РФ или сформулированного в решениях КС РФ, принципа, либо его отдельного аспекта (нескольких аспектов), либо, наконец, ряда взаимосвязанных принципов, идей, требований? Если имеются основания для признания его самостоятельной роли и значения в российском праве, то каковы его функции, особенности и место в системе правовых принципов, каковы его истоки и «фундамент» и т. д.? Вот тот, далеко не исчерпывающий, перечень вопросов, которые можно поставить при анализе принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства и, по расширению, местного самоуправления, естественно, тоже (далее кратко: принцип поддержания доверия) и на часть из которых мы попытаемся дать ответ в настоящей работе.

Методы исследования

Для получения ответа на поставленные выше вопросы, т. е. для достижения поставленных целей и решения задач исследования, для уяснения смысла и содержания вводимого КС РФ в конституционно-правовое поле нового правового принципа в его соотношении с уже имеющимися руководящими нормативными идеями и положениями общего характера использовались такие методы (способы) толкования официальных правовых текстов, как систематический, специально-юридический и в ряде случаев логический, а также антропологический подход.

Результаты и обсуждение

Начнем с наиболее простого и достаточно очевидного утверждения, что данный принцип имеет общеправовой, универсальный характер. Противоположный тезис о том, что в какой-то отрасли российского права данный принцип не действует, может вызвать лишь недоумение. И действительно, основным источником отраслей как публичного, так и частного права в континентальной правовой системе является нормативно-правовой акт, в том числе такая основная его разновидность, как закон, поддержания доверия граждан к которому требует названный принцип; что касается «действий государства», то это еще более широкое понятие, включающее в себя как подзаконные нормативные правовые, так и правоприменительные акты, а также любые иные организационные и прочие действия и мероприятия, предпринимаемые государственными органами и должностными лицами. Можно ли указать на какую-либо сферу отношений и соответствующую ей отрасль российского права, в которых не было бы такого источника права, как закон, а также на какое-либо, основанное на законе, правовое регулирование, которое не требовало бы в большей или меньшей степени государственного внимания, т. е. подзаконного и (или) поднормативного правового регулирования и других действий государства (и местного самоуправления тоже, о чем далее упоминать отдельно не будем), требование поддержания доверия граждан к которым – к действиям и к закону – составляет содержание анализируемого принципа? Отрицательный ответ на данный вопрос кажется вполне очевидным, что доказывает – от противного (*contradictio in contrarium*) – общеправовой характер рассматриваемого принципа права.

Конституционный Суд РФ отмечает, что принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства вытекает из «закрепленных в Конституции Российской Федерации принципов правового государства, верховенства закона, юридического равенства и справедливости» [20]. В одном из первых своих решений, где был упомянут указанный принцип, Суд выводил его из более широкого спектра конституционных положений, в частности из положений Конституции РФ, закрепляющих, что «Россия является демократическим правовым государством (ст. 1, ч. 1), в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (ст. 2); каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации (ст. 6, ч. 2); права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18); в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ст. 55, ч. 2), а ограничение прав и свобод человека и гражданина федеральным законом допускается лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 55, ч. 3)» [19].

Следовательно, анализируемый принцип является, в некотором смысле, конкретизацией, уточнением – в тех ситуациях, когда это необходимо, – принципов правового государства, уважения и приоритетной защиты прав и свобод человека (человек, его права и свободы являются высшей ценностью), равенства, справедливости, пропорциональности, полноты и непосредственности действия прав человека, запрета их умаления и других положений Основного закона. Т. Я. Хабриева полагает, что КС РФ выводит названный принцип из ст. 2 Конституции РФ [25], с чем, по большому счету, можно и согласиться, хотя более детализированный подход к определению его конституционных истоков тоже возможен, что мы и пытаемся предпринять в данной работе. Из процитированных выше и других решений Суда, в которых он ссылается на указанный принцип права, можно выявить тот круг ситуаций, которые требуют соответствующей конкретизации и уточнения под рассматриваемым углом зрения указанных выше более общих конституционных принципов права, хотя только перечисленными в решениях Суда конкретными ситуациями содержание и сфера действия данного принципа не исчерпывается: его применение будет вполне уместно и в иных случаях, подобных тем, на которые ссылался Суд в своих решениях, либо тем, которые будут адекватны его содержанию в целом (о содержании будет сказано далее). Так, в упомянутом уже Постановлении, где впервые был применен названный принцип, речь шла о том, что «изменение законодателем ранее установленных условий предоставления жилищных субсидий, оказывающее неблагоприятное воздействие на правовое положение лиц, нуждающихся в этих субсидиях и рассчитывающих на их получение, должно осуществляться

таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также предоставление гражданам в случае необходимости возможности, в частности посредством установления временного регулирования, в течение некоего разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям, в том числе при решении вопроса о выборе места жительства и работы» [19]. Изменение, предполагающее неблагоприятное воздействие на правовое положение лиц, заключалось в придании обратной силы закону, ухудшающему положение граждан, что противоречило названным выше положениям Конституции РФ, а также ее ст. 54 (ч. 1) и 57.

Рассматриваемый принцип предполагает, таким образом, требования сохранения разумной стабильности правового регулирования и недопустимости внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также предоставление гражданам в случае необходимости возможности, в частности посредством установления временного регулирования, в течение некоего разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям. В Постановлении от 29.01.2004 № 2-П Конституционный Суд РФ добавил, что из указанных требований данного принципа вытекают также «законные ожидания граждан» того, что «приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано» [21], а в Определении от 04.04.2006 № 89-О уточнил, что иначе (т. е. в случае несоблюдения выдвинутых Судом требований, когда произвольно изменяется уже признанный государством статус, уменьшается обусловленный этим статусом объем социальных гарантий и т. д.) «новое правовое регулирование, по существу, будет означать отмену для них прав, приобретенных в соответствии с ранее действовавшим законодательством и реализуемых в конкретных правоотношениях, что несовместимо с положениями ст. 1 (ч. 1), 2, 18, 19 (ч. 1 и 2), 54 (ч. 1), 55 (ч. 2) и 57 Конституции Российской Федерации» [14].

Применение данного принципа не исчерпывается лишь случаями изменения действующего законодательного регулирования или иными конкретно указанными Судом ситуациями – сфера его действия гораздо шире: так, в п. 3 мотивировочной части Постановления от 22.03.2007 № 4-П Конституционный Суд РФ указал, что «для поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, **в том числе при изменении действующего регулирования**» федеральный законодатель **«обязан соблюдать конституционные принципы** справедливости, равенства, соразмерности, а также стабильности и гарантированности социальных прав и **не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо этих прав и приводило бы к утрате их реального содержания**» (Постановление КС РФ от 22.03.2007 № 4-П, выделено нами. – А. С.). Понятно, что соблюдение последних требований-принципов, необходимых для поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, может иметь место не только «при изменении действующего регулирования» (в том числе), но и в иных, самых различных ситуациях, перечень которых далеко не

исчерпывающий, а следовательно, сфера действия данного принципа достаточно широкая.

С другой стороны, процитированная выше правовая позиция Суда показывает достаточно жесткую взаимозависимость всех перечисленных принципов, а именно: оказывается, что соблюдение принципов справедливости, равенства, соразмерности, а также стабильности и гарантированности прав необходимо для того, чтобы обеспечить доверие граждан к закону и действиям государства. Последнее положение позволяет предположить, что Суд отводит достаточно высокое место принципу поддержания доверия граждан в иерархии всех иных, как минимум, в иерархии перечисленных им в данном Постановлении правовых принципов: ведь последние должны, по мнению Суда, соблюдаться буквально, для того чтобы обеспечить «поддержание доверия граждан к закону и действиям государства», которое – доверие – выступает в таком случае в качестве целевой характеристики реализации других весьма важных и, заметим, ведущих, универсальных, т. е. центральных принципов нашей правовой системы. Председатель Конституционного Суда России В. Д. Зорькин прямо называет данный принцип важнейшим: «На основе положений Конституции Российской Федерации Суд сформулировал ряд вытекающих из нее принципов правового регулирования общественных отношений, важнейшим из которых является принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства (постановление от 24 мая 2001 года № 8-П)...» [10, с. 175].

На чем основывается убежденность Суда и его Председателя в особой важности данного принципа права, есть ли у них для этого какие-либо основания? Мы полагаем, что есть, и основания эти весьма серьезны: принцип поддержания доверия исходит из признания и уважения человеческого достоинства, и базируется на них же. Указанные руководящие, исходные положения (одновременно идеи и требования) – достоинство и доверие – Конституционный Суд РФ использует для обоснования своей позиции в Постановлении от 19.06.2002 № 11-П [17], хотя в данном постановлении Суд прямо не связывает их в одну конструкцию и не выводит одно из другого. Однако такую связь Суд провел позже – сначала в упомянутом выше Определении от 04.04.2006 № 89-О, где он указал, что государство не может произвольно изменять уже признанный им статус таких лиц (участников Великой Отечественной войны как лиц с особым правовым статусом, тем более в случаях, когда такие лица признаны инвалидами) и уменьшать обусловленный этим статусом объем социальных гарантий, поскольку «в противном случае подрывается авторитет государственной власти, уважение граждан к закону, умаляется достоинство личности», а затем в Постановлении от 14 января 2016 г. № 1-П, в котором он прямо подчеркнул и развернуто аргументировал, что достоинство личности представляет собой предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, в том числе основу принципа поддержания доверия: «Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации обязывает государство охранять достоинство личности как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения; ничто не может быть основанием для умаления достоинства лич-

ности (постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 25 апреля 2001 года № 6-П, от 20 апреля 2006 года № 4-П и от 23 сентября 2014 года № 24-П; определения от 15 февраля 2005 года № 17-О, от 1 марта 2010 года № 323-О-О и др.). Тем самым предполагается установление такого правового регулирования в сфере пенсионного обеспечения, которое в соответствии, в том числе, с вытекающими из взаимосвязанных положений ст. 1 (ч. 1), 2, 17 (ч. 1), 18, 19 (ч. 1) и 55 (ч. 2 и 3) Конституции Российской Федерации принципами правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства гарантировало бы гражданам, что решения о назначении пенсии принимаются уполномоченными государством органами на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательного и ответственного подхода к оценке фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение права на пенсию, тщательности при оформлении соответствующих документов, подтверждающих наличие условий, необходимых для назначения пенсии и определения ее размера, с тем чтобы гражданин как участник соответствующих правоотношений мог быть уверен в стабильности своего официально признанного статуса и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы» [16].

И действительно, только на основе признания и уважения человеческого достоинства может быть достигнуто доверие граждан к закону и действиям государства, в том числе при соблюдении принципов правового государства, верховенства закона, равенства, справедливости, соразмерности, правовой определенности, а также стабильности и гарантированности прав. И наоборот, умаление прав и свобод человека (при изменении законодательного регулирования, предполагающем неблагоприятное воздействие на правовое положение лиц, при придании обратной силы закону, ухудшающем положение граждан, и т. д.) будет означать также умаление человеческого достоинства и неминуемо приведет к нарушению доверия граждан к закону и действиям государства. К таким же последствиям – умалению достоинства личности и, следовательно, разрушению доверия граждан к закону и действиям государства – приведет и тщетность «законных ожиданий гражданами» того, что «приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано», т. е. когда их правомерные ожидания не оправдываются из-за того, что власть не уважает приобретенное ими ранее право.

В социологической литературе доверие определяют как «социальное взаимодействие, ориентированное на высокую вероятность (шансы) того, что действия партнеров (а ими могут быть не только отдельные индивиды, но и социальные группы или институт) будут протекать в соответствии с ожидаемым субъектом действия порядком, основанным на взаимных моральных или ценностных обязательствах, принуждении, обычаях, традициях, социальных конвенциях, идейных убеждениях, материальных интересах, общепринятых представлениях» [9, с. 255]. Одним из ключевых признаков доверия оказывается ориентация граждан на то, что действия партнеров социального взаимодействия, в нашем случае государства, его органов и должностных лиц, будут протекать в соответствии с ожидаемым гражданами порядком, основанным

на взаимных ценностных или моральных обязательствах, и т. д. Внутри указанных взаимных ценностных обязательств, в рамках социальных конвенций, идейных убеждений и т. д. в качестве наиболее важной ценности находится представление общества, его граждан о человеческом достоинстве, о человеке как высшей ценности – ориентире для признания, соблюдения и защиты его прав и свобод как обязанности государства; доверяя последнему, граждане ожидают, что оно в своей деятельности – в принятии законов и их реализации – будет ориентироваться на признание и уважение человеческого достоинства и потому не будет принимать решения, которые приведут к умалению такового. Поэтому Конституционный Суд РФ сформулировал и неоднократно высказывал правовую позицию, согласно которой «при осуществлении правового регулирования должен соблюдаться принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, предполагающий правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость нормотворческой политики, с тем чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты (постановления от 16 декабря 1997 года № 20-П, от 24 мая 2001 года № 8-П, от 19 июня 2002 года № 11-П, от 23 апреля 2004 года № 9-П, Определение от 4 декабря 2003 года № 415-О и др.)» [15], т. е. Суд указывает на то, что Конституция РФ требует, чтобы законодатель, правоприменитель, все государственные органы и должностные лица обеспечивали такое социальное взаимодействие, которое бы позволяло гражданам ориентироваться с высокой долей вероятности (с высокими шансами) на то, что законы и действия государства будут соответствовать их правомерным ожиданиям, основанным на уважении их человеческого достоинства прежде всего и главным образом, что предполагает соблюдение государством целой системы принципов права, в том числе стабильность и гарантированность их прав и свобод, действительность их государственной защиты, предсказуемость и непроизвольность нормотворческой политики и т. д. В данном решении Суд, указывая, что принцип поддержания доверия не был нарушен, подчеркнул, что «при введении нового правового регулирования заявитель, равно как и иные лица, награжденные юбилейными медалями Российской Федерации, не был поставлен в такое положение, которое давало бы основание утверждать, что его право, признаваемое прежним правовым регулированием, было отменено или ограничено либо **что какие-то его правомерные ожидания, основанные на прежнем регулировании, теперь невозможно реализовать**» (Определение КС РФ от 18 сентября 2014 г. № 1819-О, выделено нами. – А. С.).

Человеческое достоинство в современной демократически и персонцентрически ориентированной правовой системе [22; 23] имеет два неразрывно связанных качества: с одной стороны, это – основа, фундамент всех иных прав и свобод человека и гражданина, высшая ценность и цель, исходя из постулата И. Канта, который видел в человеке не средство для других, а, прежде всего, цель («Не будь лишь средством

для других, будь для них также целью» [11, с. 146]), а с другой стороны – отдельное и самостоятельное право человека на уважение, признание и защиту его достоинства [5; 6; 8; 13, с. 279–283]. Аналогию этой двойственности, т. е. одновременному обладанию двумя качествами и, следовательно, сложности теоретической конструкции можно увидеть в специально-юридической концепции правосубъектности, которую рассматривают, с одной стороны, как общественно-юридическое свойство лица, неотъемлемое от него состояние, выступающее предпосылкой, основой для любого правообладания и участия в правовой жизни общества – как «способность лица в рамках данной политической и правовой системы быть субъектом права вообще» [1, с. 139, 144], а с другой стороны, – как отдельное, общее и своеобразное субъективное право – как право на права [1, с. 141–144]. Развивая идею субъекта права, С. И. Архипов пишет, что правосубъектность – это «состояние принадлежности к правовой системе, присутствия в ней в качестве полноправного участника, возможности пользоваться ресурсами данной системы, получать от нее защиту. <...> Это своего рода правовые врата в действующую правовую систему. Лицо, вошедшее в них, ставшее субъектом права, оказывается связанным общей родовой связью, объединяющей его со всей системой правопорядка, с иными субъектами права. Данная связь является родовой в том отношении, что ею определяется сама принадлежность лица к правовому сообществу, к кругу субъектов права. Эту связь, установленную на основании норм, регулирующих правосубъектность, можно именовать “правосубъектной”» [4, с. 47]. В нашей юридической доктрине правосубъектность в единстве с другими общими правами и обязанностями охватывается «понятием *правового статуса*. В него включают, следовательно, не все, а лишь конституционные (общие) права и обязанности, определяющие содержание правосубъектности и неотъемлемые от личности» [1, с. 142]. В итоге правосубъектность рассматривается наряду с другими общими правами и обязанностями, а также в качестве важной и необходимой предпосылки участия лица в правовой жизни общества. По аналогии с указанным сложным строением правосубъектности достоинство человека обладает такой же двойственной структурой и сложным, интегративным качеством, а потому выполняет в системе прав и свобод человека соответствующую двойственную функцию: оно является основой, фундаментом всех иных прав и свобод человека и одновременно отдельным – очень важным – правом человека в этой системе. Если вернуться к правосубъектности как специально-юридической характеристике субъекта права, то можно сказать, что ее социальной предпосылкой, ее фундаментом и основой служит не столько то или иное абстрактное правовое свойство субъекта само по себе и не столько состояние принадлежности его к правовой системе в качестве полноправного участника (что, разумеется, крайне важно), сколько неотделимое от человека достоинство: лицо потому и обладает юридическим свойством быть субъектом права (личность, человек – это базовый, первичный субъект права, все остальные субъекты имеют вторичный характер), с одной стороны, и иметь общие права и обязанности, т. е. «присутствовать в правовой системе в качестве полноправного ее участника, обладающего возможностями пользоваться ресурсами дан-

ной системы, получать от нее защиту» [4, с. 47], с другой стороны, что оно обладает человеческим достоинством.

Говоря о месте принципа поддержания доверия в системе принципов современного развитого, персонцентристски ориентированного права, мы можем отметить, что Конституционный Суд РФ упоминает его наряду с принципами правового государства, верховенства закона, равенства, справедливости, соразмерности, правовой определенности, в том числе предсказуемости нормотворческой политики и возможности в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения, а также стабильности и гарантированности прав человека и др. Более того, Суд устанавливает жесткую взаимозависимость данных принципов, говоря, что принцип поддержания доверия «предполагает правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость нормотворческой политики, с тем чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты» [15; 14]. Можно ли на этом основании утверждать, что названные принципы взаимозаменяемы или какой-то один (или несколько) из них излишен, синонимичен, избыточен и т. п.? Думаю, что нет, так как ключевым аспектом содержания принципа поддержания доверия, в отличие от иных правовых принципов, является требование от государства, его органов и должностных лиц такой деятельности по соблюдению всех иных названных правовых принципов, которая бы соответствовала разумным и обоснованным ожиданиям граждан, обращенным к властям и основанным на взаимных моральных или ценностных обязательствах, центральным из которых является обязанность государства обеспечивать и защищать человека и его права как высшую ценность, признавать и уважать таким образом его достоинство. Это содержание и вытекающие из него требования при соблюдении других принципов права определяют его самостоятельное место и специфическую роль в системе общеправовых принципов российского права.

Выводы

Подводя итог краткому анализу принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, отметим, что важнейшее его место в системе ведущих, центральных принципов современного развитого, персонцентристски ориентированного права обусловлено важностью взаимоотношений государства и личности в рамках целевой установки Конституции РФ на построение правового государства в России. Данный принцип является универсальным, общеправовым, т. е. действующим во всех отраслях российского права. В то же самое время сфера его действия имеет несколько иной и, возможно, менее всеобъемлющий характер, чем сфера действия таких фундаментальных правовых принципов, как уважение и приоритетная защита прав и свобод человека, справедливость и равенство, поскольку исследуемый принцип нацелен исключительно на деятельность государства – как правоприменительную, иную организационную, так и в особенности

на правотворческую, которая вносит изменения в права и обязанности весьма широкого круга лиц, а нередко и всех в обществе. Главное отличие его от других принципов права в его содержании, связанном с необходимостью соответствия правомерным ожиданиям людей в данном обществе: государство должно предпринимать лишь такие действия (в том числе издавать индивидуальные и нормативные правовые акты), которые будут отвечать сложившимся ценностным, моральным и идейным убеждениям, общепринятым социальным конвенциям и т. д., среди которых центральное место принадлежит признанию и уважению государством человеческого достоинства, являющегося основанием данного принципа и критерием ожидания адекватных действий от законодателя, судебной власти, государственного аппарата и всех его должностных лиц.

Информация об авторе

Семитко Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического ф-га, завкафедрой публичного права АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург); приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция).

Information about the author

Alexey P. Semitko, Dr. Sci. (Law), Professor, Dean, Law Faculty, head of Public Law Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia); visiting professor of Paris-Quest University (France).

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права : курс в 2 т. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1982. 360 с.
2. Арапов Н. А. Обязывающие последствия принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 10. С. 3–6.
3. Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб. : СПбГУ, 2015. 27 с.
4. Архипов С. И. Субъекты права: теоретико-методологические проблемы : учеб. пособие. Екатеринбург : УрГЮУ, 2018. 164 с.
5. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.
6. Васильева Т. А. Концепция достоинства личности в доктрине и практике органов конституционного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 3–8.
7. Веселов Ю. В. Доверие и справедливость: Моральные основания современного экономического общества. М. : Аспект-Пресс, 2011. 231 с.
8. Власова О. В. Достоинство личности как составляющая принципа гуманизма российского права // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевые аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов : Саратовская гос. акад. права, 2010. С. 290–314.
9. Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 249–280.
10. Зорькин В. Д. Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. М., 2008. 224 с.
11. Кант И. Сочинения. Т. 4, Ч. 2. М. : Мысль, 1965. 554 с.
12. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М. : Юристъ, 2004. 192 с.

13. Овсепян Ж. И. Конституционно-правовой статус человека (гражданина) в России. Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во Южного федерального ун-та, 2018. 703 с.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 № 89-О «По запросу Сормовского районного суда города Нижнего Новгорода о проверке конституционности положений п. 9, 10 и 19 ст. 44 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и ст. 14, п. 2 ст. 15 и ст. 23.1 Федерального закона “О ветеранах”, а также по жалобе граждан Анатолия Александровича Волкова, Бориса Васильевича Вотякова, Григория Семеновича Галагана и Александра Васильевича Голикова на нарушение их конституционных прав указанными законоположениями» // Российская газета. 08.06.2006. № 121.

15. Определение Конституционного Суда РФ от 18.09.2014 г. № 1819-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сергея Ивановича Хабаева на нарушение его конституционных прав п. 3 Указа Президента Российской Федерации “О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации”» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2016 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой ст. 13 Закона Российской Федерации “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей” в связи с жалобой гражданина С. В. Иванова» // Официальный интернет-портал правовой информации. 19.01.2016. URL: <http://www.pravo.gov.ru> ; Собрание законодательства РФ. 25.01.2016. № 4. Ст. 551.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2002 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), федеральных законов от 12 февраля 2001 года “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”, от 19 июня 2000 года “О минимальном размере оплаты труда” и от 7 августа 2000 года “О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации” в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций чернобыльцев» // Российская газета. 02.07.2002. № 118.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2007 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части первой ст. 15 Федерального закона “О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год” в связи с жалобой гражданки Т. А. Баныкиной» // Российская газета. 30.03.2007. № 66.

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 1 и ст. 2 Федерального закона “О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей” в связи с жа-

лобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой» // Российская газета. 16.06.2001. № 113.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 23 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова» // Собрание законодательства РФ. 09.04.2012. № 15. Ст. 1810 ; Российская газета. 13.04.2012. № 82 (опубликовано без Особых мнений) ; Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 3.

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.01.2004 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 30 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации” в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан» // Российская газета. 04.02.2004. № 19.

22. Семитко А. П. Концептуальное введение: Право, личность, права человека: персоноцентристский подход к праву и правовой культуре // Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. М. : Норма, 2009. С. 25–41.

23. Семитко А. П. Персоноцентристский подход к праву и правовой культуре // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 1 (1). С. 86–94.

24. Семитко А. П. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к 100-летию Октябрьского государственного переворота в России // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 4 (19). С. 32–72.

25. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире : монография. М. : Наука, 2016. 320 с.

Статья поступила в редакцию: 02.09.19

Принята к публикации: 03.10.19

References

1. Alexeyev SS. *Obshchaya teoriya prava : kurs v 2 t. T. 2 [General Theory of Law: Course in 2 vol. Vol. 2]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1982. 360 p. (In Russ.).

2. Arapov NA. Obyazyvayushchie posledstviya printsipa podderzhaniya doveriya grazhdan k zakonu i deistviyam gosudarstva v rossiiskom konstitutsionnom prave [Binding Consequences of the Principle of Sustaining Citizens' Trust to the Law and Actions of the State in the Russian Constitutional Law]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2014;10: 3–6. (In Russ.).

3. Arapov NA. *Printsip podderzhaniya doveriya grazhdan k zakonu i deistviyam gosudarstva v rossiiskom konstitutsionnom prave i pravosudii [Principle of Sustaining Citizens' Trust to the Law and Actions of the State in the Russian Constitutional Law and Justice]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2015. 27 p. (In Russ.).

4. Arkhipov SI. *Sub"ekty prava: teoretiko-metodologicheskie problem [Subjects of Law: Theoretical and Methodology Problems]*. Yekaterinburg: Ural State Law University; 2018. 164 p. (In Russ.).

5. Bondar NS. Konstitutsionnaya kategoriya dostoinstva lichnosti v tsennostnom izmerenii: teoriya i sudebnaya praktika [Constitutional Category of Human Dignity in Value Dimension: Theory and Judicial Practice]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2017;4: 19–31. (In Russ.).

6. Vasilyeva TA. Kontseptsiya dostoinstva lichnosti v doktrine i praktike organov konstitutsionnogo kontrolya [Concept of Personal Dignity in Doctrine and Practice of Constitutional Control Bodies]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2018;10: 3–8. (In Russ.).

7. Veselov YV. *Doverie i spravedlivost': Moral'nye osnovaniya sovremennogo ekonomicheskogo obshchestva [Trust and Justice: Moral Grounds of Contemporary Economic Society]*. Moscow: Aspect Press; 2011. 231 p. (In Russ.).

8. Vlasova OV. Dostoinstvo lichnosti kak sostavlyayushchaya printsipa gumanizma rossiiskogo prava [Personal Dignity as a Component of Humanism Principle in the Russian Law]. In: Matuzov NI, Malko AV. (eds.) *Printsipy rossiiskogo prava: obshcheteoreticheskii i otraslevye aspekty [Principles of the Russian Law: General Theoretical Aspect and Industry-Specific Aspects]*. Saratov: Saratov State Law Academy; 2010. p. 290–314. (In Russ.).

9. Gudkov L. Doverie v Rossii: smysl, funktsii, struktura [Trust in Russia: Meaning, Functions, Structure]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*. 2012;5: 249–280. (In Russ.).

10. Zor'kin VD. *Konstitutsiya i prava cheloveka v XXI veke. K 15-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii i 60-letiyu Vseobshchei deklaratsii prav cheloveka [Constitution and Human Rights in the 21st Century. For the 15th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the 60th Anniversary of the Universal Declaration of Human Rights]*. Moscow: Norma; 2008. 224 p. (In Russ.).

11. Kant I. *Sochineniya. T. 4, Ch. 2 [Writings. Vol. 4, P. 2]*. Moscow: Mysl'; 1965. 554 p. (In Russ.).

12. Kokotov AN. *Doverie. Nedoverie. Pravo [Trust. Mistrust. Law]*. Moscow: Yurist; 2004. 192 p. (In Russ.).

13. Ovsepyan ZI. *Konstitutsionno-pravovoi status cheloveka (grazhdanina) v Rossii [Constitutional and Legal Status of Individual (Citizen) in Russia]*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press; 2018. 703 p. (In Russ.).

14. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.04.2006 No. 89-O “Concerning the request from Somovsky District Court in Nizhny Novgorod on verifying the constitutionality of provisions in par. 9, 10 and 19, art. 44, Federal Law of August 22, 2004 No. 122-FZ “On introducing changes in pieces of legislation of the Russian Federation and invalidating certain pieces of legislation of the Russian Federation due to adopting Federal Laws “On introducing changes and additions in Federal Law ‘On general principles of organization of legislative (representative) and executive state authorities in subjects of the Russian Federation’ and ‘On general principles of organizing local self-governance in the Russian Federation’ and art. 14, par 5, art. 15 and art. 23.1 of Federal Law “On veterans”, and also concerning a complaint from citizens Anatoly Alexandrovich Volkov, Boris Vasilyevich Votyakov, Grigory Semenovich Galagan and Alexander Vasilyevich Golikov concerning infringement of their constitutional rights by the above legal instruments”]. *Rossiyskaya Gazeta*. 08.06.2006. (In Russ.).

15. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.09.2014 No. 1819-O “Concerning refusal to consider a complaint from citizen Sergey Ivanovich Khabayev concerning infringement of his constitutional rights by par. 3 of Decree of the President of the Russian Federation ‘On measures of improving the national system of awards in the Russian Federation’”. *ConsultantPlus Legal Reference System* (the document was not published). (In Russ.).

16. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.01.2016 No. 1-P “Concerning the case of verifying constitutionality of part 1, art. 13, Law of the Russian Federation ‘On pension provision for persons who have done military service, served in internal affairs bodies, the State Fire-Fighting Service, bodies for control of the circulation of narcotics and psychotropic substances, institutions and bodies of the penal system and their families’ in connection with a complaint from citizen S.V. Ivanov”. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 2016. Vol. 4. item 551. (In Russ.).

17. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.06.2002 No. 11-P “On the case of verifying constitutionality of a number of provisions in the Law of the Russian Federation of June 18, 1992 ‘On social protection of citizens

subjected to radiation due to the accident in Chernobyl Nuclear Power Plant' (as revised on November 24, 1995 and February 12, 2001), federal laws of February 12, 2001 "On introducing changes and additions to the Law of the Russian Federation 'On social protection of citizens subjected to radiation due to the accident in Chernobyl Nuclear Power Plant', of June 19, 2000 'On minimum wages' and of August 7, 2000 'On procedure of establishing scholarships and social benefit payments in the Russian Federation'" based on requests from the Supreme Court of the Russian Federation and October District Court of Krasnodar, complaints from citizens and public organizations of Chernobyl survivors". *Rossiyskaya Gazeta*. 02.07.2002. (In Russ.).

18. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 22.03.2007 No. 4-P "Concerning the case of verifying constitutionality of provisions of part 1, art. 15, Federal Law 'On the budget of Social Insurance Fund of the Russian Federation for 2002' in connection with a complaint from citizen T.A. Banykina". *Rossiyskaya Gazeta*. 30.03.2007. (In Russ.).

19. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.05.2001 No. 8-P "Concerning the case of verifying constitutionality of provisions of part 1, art. 1 and art. 2, Federal Law "On housing allowances for citizens leaving areas of the Far North and equated locations" in connection with complaints from citizens A.S. Stakh and G.I. Khvalova". *Rossiyskaya Gazeta*. 16.06.2001. (In Russ.).

20. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.03.2012 No. 8-P "Concerning the case of verifying constitutionality of part. 1, art. 23, Federal Law 'On international treaties of the Russian Federation' in connection with a complaint from citizen I.D. Ushakov". *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 2012. Vol. 15. item 1810. (In Russ.).

21. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.01.2004 No. 2-P "Concerning the case of verifying constitutionality of individual provisions of art. 30, Federal Law 'On work pensions in the Russian Federation' in connection with requests from groups of State Duma deputies, as well as State Assembly (Il Tumen) of the Sakha Republic (Yakutia), Duma of the Chukotka Autonomous Okrug and complaints of a number of citizens". *Rossiyskaya Gazeta*. 04.02.2004. (In Russ.).

22. Semitko AP. Kontseptual'noe vvedenie: Pravo, lichnost', prava cheloveka: personotsentristskii podkhod k pravu i pravovoi kul'ture [Conceptual Introduction: Law, Person, Human Rights: Person-Centered Approach to Law and Legal Culture]. In: Alexeyev SS. (ed.) *Prava cheloveka [Human Rights]: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Norma; 2009. p. 25–41. (In Russ.).

23. Semitko AP. Personotsentristskii podkhod k pravu i pravovoi kul'ture [Person-Centered Approach to Law and Legal Culture]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = University for Humanities Bulletin*. 2013;1(1): 86–94. (In Russ.).

24. Semitko AP. Rossiiskaya pravovaya kul'tura i osobennosti ee modernizatsii: k 100-letiyu Oktyabr'skogo gosudarstvennogo perevorota v Rossii [Russian Legal Culture and Features of its Modernization: For the 100th Anniversary of the October Coup d'état in Russia]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = University for Humanities Bulletin*. 2017;4(19): 32–72. (In Russ.).

25. Khabrieva TY. *Konstitutsionnaya reforma v sovremennom mire [Constitutional Reform in Contemporary World]*. Moscow: Nauka; 2016. 320 p. (In Russ.).

Submitted 02.09.19 Accepted 03.10.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L02
УДК 34

Принцип пропорциональности в зарубежной правовой доктрине и практике и его интерпретация в России в контексте обеспечения защиты прав и законных интересов субъектов

Михаил Н. Семякин,
Уральский государственный юридический университет;
АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0003-4013-0726, e-mail: 9193705538@mail.ru

Аннотация. Тема избранного исследования обусловлена тем, что в российском правоведении принцип пропорциональности исследован крайне недостаточно. Основная цель – выявление сущности принципа пропорциональности и его сравнительных характеристик с американским методом «взвешивания интересов». *Методология:* общенаучные методы – диалектический, исторический, формально-логический, аналитический; конкретно-научные: формально-догматический, историко-правовой, сравнительного правоведения. Методика исследования – методика толкования юридических текстов, обобщения и анализа практики. *Основные результаты:* 1. Выявлена сущность европейского принципа пропорциональности; 2. Показаны социальные, историко-культурные и иные основания генезиса принципа пропорциональности; 3. Дан сравнительный анализ европейского принципа пропорциональности и американского метода взвешивания интересов. 4. Проведен сопоставительный анализ российского принципа баланса частных и публичных интересов с европейским принципом пропорциональности; 5. Показана его интерпретация в российской правовой доктрине и особенности применения на практике. *Выводы:* европейский принцип пропорциональности и американский метод «взвешивания интересов» в сущности не противоречат друг другу; принцип пропорциональности и метод взвешивания интересов отличаются рядом особенностей как методы познания, однако эти различия не носят парадигмального характера и обусловлены, скорее всего, историческими, культурными особенностями и иными традициями, характерными для развития романо-германской и англосаксонской правовых систем; оба указанных метода познания тесным образом взаимосвязаны и вполне соотносимы, что вряд ли может давать методологические основания для их противопоставления друг другу в качестве совершенно разных концептуальных подходов; цель вводимых ограничений отдельных основных прав должна иметь очень важный публичный характер; принцип пропорциональности на практике должен применяться только в системном единстве всех его элементов. **Ключевые слова:** принцип пропорциональности, метод взвешивания интересов, соотношение; истоки принципа; критерии пропорциональности; методологические основания.

Для цитирования: Семякин М. Н. Принцип пропорциональности в зарубежной правовой доктрине и практике и его интерпретация в России в контексте обеспечения защиты прав и законных интересов субъектов // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 159–167. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L02.

© М. Н. Семякин, 2019

Principle of Proportionality in Foreign Legal Doctrine and Practice and its Interpretation in Russia in the Context of Providing Protection of Subjects' Rights and Legal Interests

Mikhail N. Semyakin,
Ural State Law University;
Liberal Arts University – University for Humanities,
Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-4013-0726, e-mail: 9193705538@mail.ru

Abstract. The subject of this research springs from the fact that the principle of proportionality is extremely under-researched in the Russian jurisprudence. The main goal is identifying the essence of the proportionality principle and its properties compared to the American “balance of interests” method.

Methodology: general scientific methods – dialectic, historical, formal logic, analytical; specific scientific methods – formal dogmatic, historical and legal, comparative jurisprudence. The research method is the method of interpreting legal texts, generalizing and analyzing the practice.

Key findings: 1. The essence of the European principle of proportionality is identified; 2. Social, historic & cultural and other sources of the proportionality principle are demonstrated; 3. A comparative analysis is performed for the European proportionality principle and the American “balance of interests” method; 4. A contrastive analysis of the Russian principle of balancing private and public interests vs. the European principle of proportionality is conducted; 5. Its interpretation in the Russian legal doctrine and features of its practical application are demonstrated.

Conclusions: the European principle of proportionality and the American “balance of interests” method are essentially non-contradictory; the proportionality principle and the method of balancing interests are different in a number of features like methods of inquiry, but these differences are not paradigmatic by nature and are most probably caused by historical and cultural features and other traditions characteristic of the development of Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal systems; both of the above methods of inquiry are closely interconnected and quite comparable, which can hardly yield methodology grounds for contrasting them to each other as completely different conceptual approaches; the purpose of imposing limitations on certain basic rights must have a very important public character; the principle of proportionality should only be applied in practice as a systemic whole of all its elements.

Keywords: principle of proportionality, balance of interests method, correlation; origins of the principle; proportionality criteria; methodology grounds.

For citation: Semyakin MN. Principle of Proportionality in Foreign Legal Doctrine and Practice and its Interpretation in Russia in the Context of Providing Protection of Subjects' Rights and Legal Interests. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 159–167. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-L02.

Введение

Теоретико-методологическая разработка принципа пропорциональности и осмысление практики его применения, безусловно, одна из актуальных проблем для российского правопорядка, поскольку относится к числу малоисследованных. В статье рассматриваются истоки принципа пропорциональности, его сущность, особенности, а также сравнительные характеристики в контексте сопоставления с американским методом взвешивания интересов и высказаны отдельные рекомендации, связанные с дальнейшим его развитием.

Методы исследования

Использованы общенаучные методы – диалектический, исторический, формально-логический, аналитический, что позволило раскрыть сущность и взаимосвязи рассматриваемых явлений. Конкретно-научные методы – формально-догматический, историко-правовой, сравнительно-правовой – лежат в основе познания особенностей принципа пропорциональности как юридического феномена. Использована методика толкования нормативного текста.

Результаты и обсуждение

Исторически своими истоками (корнями) принцип пропорциональности уходит в немецкий правопорядок, когда из положений законов, введенных Фридрихом Великим, следовала возможность ограничения усмотрения органов власти при осуществлении ими полицейских функций. В дальнейшем, благодаря судебной практике и доктрине, данный принцип получил закрепление в национальных правопорядках европейских стран, а затем и в России, что позволило возвести его на уровень одного из важнейших, универсальных принципов современного права.

Примечательно, что Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), исходя из смысла и духа Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, развил и дополнил критерии допустимости вмешательства государства в имущественные права. В частности, в решении по иску «Спорронг и Лоннрот» он сформулировал принцип, который был положен в основу всей дальнейшей судебной практики применения ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции: «Для целей настоящего положения (Протокола № 1) Суд должен установить, было ли соблюдено справедливое **равновесие** (выделено мною. – М. С.) между требованиями общественного интереса и требованиями защиты основных прав частных лиц» [1, с. 71].

Сущность обозначенного принципа пропорциональности кратко можно выразить так, что органы власти не могут возлагать на граждан, юридических лиц и других субъектов обязательства, превышающие разумные пределы необходимости, обусловленные публичным интересом, для достижения установленной публичной цели.

С методологических и практических позиций представляет интерес продолжающийся дискурс, в рамках которого исследователями высказываются разные позиции по поводу соотношения и ценности европейского принципа пропорциональности и американского метода «взвешивания интересов», в том числе и такие, когда указанные методы познания правовой действительности противопоставляются друг дру-

гу. Как отмечает Фредерик Шауэр, судьи Верховного Суда США неохотно заимствуют конституционные положения и модели, возникающие в иных правовых системах, в частности принцип пропорциональности. Американское конституционное право в гораздо большей мере, чем неамериканское (в основном европейское) основано на правилах; в нем отсутствует стандартизированный тест на пропорциональность [8, р. 49–50].

В контексте противопоставления двух указанных методов познания исследователи обращают внимание на то, что, применяя «метод взвешивания интересов», суд отступает от строгой приверженности защите индивидуальных прав [2, с. 64], а также вынужден сравнивать разные по своей сути (несопоставимые) интересы [7, р. 1424–1426]; принцип пропорциональности, в отличие от метода «взвешивания интересов», четко структурирован и носит научный характер и т. д.

Представляется, что указанные обстоятельства показывают лишь конкретные отличительные моменты двух рассматриваемых методов познания, а не их методологические (парадигмальные) различия и обусловлены, скорее всего, историческими, культурными особенностями и иными традициями, характерными для развития романо-германской и англосаксонской правовых систем. Несмотря на то что в американской правовой системе многие исследователи отдают предпочтение концепции «взвешивания интересов», последняя, однако, не носит статуса официально принятой и характеризуется как небесспорная [2, с. 60]. Оба рассматриваемых метода познания тесным образом взаимосвязаны и вполне соотносимы, что вряд ли может давать методологические основания для их противопоставления друг другу в качестве совершенно разных концептуальных подходов.

В российской правовой системе в качестве одного из важнейших ее концептов также выступает принцип пропорциональности. Говоря о пределах вмешательства государства в предпринимательскую деятельность, Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, согласно которой «ограничение федеральным законом права владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности возможно, только если оно отвечает требованиям справедливости, адекватно, пропорционально, соразмерно и необходимо для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и законных интересов других лиц, и не затрагивает само существо конституционных прав, т. е. не ограничивает пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм» [4]. Приведенное правоположение получило в той или иной форме отражение также в ряде других постановлений Конституционного Суда РФ [6; 5; 3 и др.].

Из указанной выше правовой позиции можно сделать вывод о том, что Конституционный Суд РФ, говоря о возможности ограничения права владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности, установил при этом ряд конституционных требований (критериев).

Во-первых, такое ограничение возможно только на основании, предусмотренном федеральным законом, что исключает возможность установления подобного ограничения в иных нормативных правовых актах – указах Президента РФ, постановлениях Правительства РФ и т. д.

Во-вторых, ограничение вышеназванных прав, а также свободы предпринимательской деятельности допустимо, если это обусловлено необходимостью обеспечения защиты ценностей, имеющих конституционно значимый уровень, в круг которых Конституционный Суд РФ относит, в том числе, частные и публичные права и законные интересы. Следовательно, применение судом тех или иных ограничительных мер допустимо лишь в случаях, когда соответствующие конституционные права и законные интересы нарушены, т. е. с целью их защиты.

В-третьих, указанное ограничение должно отвечать требованиям справедливости – феномен, который в своей основе носит морально-нравственный характер, однако в данном контексте имеет в виду его конституционно-правовое значение.

В-четвертых, подобного рода ограничения должны быть адекватными, пропорциональными и носить соразмерный по сравнению с подлежащим защите правом, т. е. надлежащим образом обеспечивать баланс частных и публичных прав и законных интересов.

В-пятых, в качестве важнейшего требования, которое должно соблюдаться в случаях ограничения указанных конституционных прав и свобод, законных интересов, выступает также то, что такие ограничения не должны затрагивать само существо конституционных прав. В интерпретации Конституционного Суда РФ смысл выражения «не затрагивает само существо конституционных прав» идентифицируется с недопустимостью ограничения пределов и применения основного содержания соответствующих конституционных норм, что вряд ли можно в достаточной мере признать релевантным с той точки зрения, что любое конституционное право имеет множество пределов (границ) – временных, пространственных и других, однако далеко не всякое из таких ограничений может затрагивать самое существо соответствующего конституционного права.

В сопоставительном плане, сравнивая используемый в российском правопорядке принцип пропорциональности с европейской моделью теста на пропорциональность, можно отметить, что по своим существенным признакам (критериям) обе указанные правовые конструкции в основе своей едины. Так, при характеристике европейского теста на пропорциональность обычно выделяют три критерия: во-первых, он выступает в качестве средства, предназначенного для достижения публичной цели, которое (средство) должно подходить для достижения этой цели (уместность); во-вторых, из всех подходящих должно быть выбрано то средство, которое в наименьшей степени ограничивает право частного лица (необходимость); в-третьих, ущерб частному лицу от ограничения его права должен быть пропорционален выгоде правительства в отношении достижения поставленной цели (пропорциональность в узком смысле) [2, с. 61].

Отвлекаясь здесь от некоторых лингвистических «нюансов», можно заметить, что указанные критерии вполне охватываются отмеченными требованиями, выделенными при характеристике принципа пропорциональности, сформулированного в приведенном выше правовом положении Конституционным Судом РФ. Примечательно, что в российском правопорядке используется и принцип обеспечения баланса частных и публичных интересов. Так, в ноябре 2018 года Верховный Суд РФ отказал в удовлетворении апелляционной жалобы авиакомпании

«Победа», просившей поддержать ее требование ограничить право пассажиров на бесплатную перевозку ручной клади сверх установленной нормы (5 кг), мотивируя это тем, что пассажиры злоупотребляют правом; норма (п. 135 Общих правил воздушных перевозок пассажиров, багажа и грузов), содержащая перечень предметов, которые могут быть взяты на борт самолета сверх нормы бесплатной ручной клади, была принята без учета технических характеристик самолета, нарушает бизнес-модель лоукостера, и это может угрожать безопасности полетов.

В данной ситуации высшей судебной инстанции пришлось «взвешивать», с одной стороны, интересы авиакомпании к реализации бизнес-модели лоукостера, обеспечению соблюдения технических характеристик самолета и т. д., а с другой – права и свободы человека, в частности его право свободно передвигаться, брать с собой соответствующие предметы ручной клади. Суд в данном случае отдал предпочтение необходимости обеспечения прав и свобод человека и гражданина, очевидно, как ценности более высокого – конституционного – порядка.

Сопоставление двух указанных принципов (пропорциональности и баланса частных и публичных интересов), используемых в российской правовой системе, позволяет сделать вывод о том, что в формально-логическом смысле они в значительной мере являются «перекрещивающимися» понятиями.

Однако, к сожалению, в законотворческой – особенно это касается нового законодательства – и правоприменительной деятельности судов¹ принцип пропорциональности нередко игнорируется либо получает недостаточно адекватное отражение.

Заключение

В качестве краткого резюме можно сделать следующие выводы.

Во-первых, конституционный принцип пропорциональности, впервые сформировавшийся в административно-правовой сфере как средство осуществления контроля за действиями публичной власти, ограничивающими основные права и свободы граждан, в дальнейшем был экстраполирован и на сферу частных прав и законных интересов субъектов, где он также достаточно широко применяется и в российском правопорядке.

Во-вторых, основной смысл принципа пропорциональности заключается в том, что цель вводимых ограничений отдельных основных прав должна носить публичный и действительно важный характер, а средства и способы ее достижения должны быть адекватными (уместными), с тем чтобы в результате этого удалось минимизировать причиняемый ущерб.

В-третьих, принцип пропорциональности адресован достаточно широкому кругу субъектов – законодателю, судам, правоохранительным, контрольным органам и должностным лицам, которые так или иначе связаны с обеспечением реализации гражданами своих основных прав и свобод, гарантией их восстановления и защиты.

¹ Это касается, например, нового положения, закрепленного в п. 7 ст. 448 Гражданского кодекса РФ, в системном применении его с положением п. 9 ст. 22 Земельного кодекса РФ.

В-четвертых, принцип пропорциональности, безусловно, расширяет рамки судебной дискреции, поскольку суды должны осуществлять толкование и применять такие оценочные категории, как необходимость, уместность избранных правовых средств, публичный интерес, важность публичной цели, пропорциональность (соразмерность), минимальный ущерб и т. д. с тем, чтобы вынесенное судебное решение основывалось на учете баланса интересов спорящих сторон и способствовало обеспечению эффективного развития экономических и иных общественных отношений.

В-пятых, принцип пропорциональности в его европейской интерпретации и американский метод «взвешивания интересов», отличаясь между собой рядом структурных особенностей их анализа, обусловленных культурными и историческими различиями континентальной – европейской и американской правовых систем, не противоречат друг другу в своей методологической основе и представляют собой специфические правовые средства (методы), с помощью которых обеспечивается баланс частных и публичных прав и законных интересов в обществе, его гармоничное развитие.

В-шестых, в гносеологическом плане нуждаются в глубоком исследовании как сам принцип пропорциональности с общетеоретических и методологических позиций, так и его критерии (признаки), а также анализ их применения в судебной практике с тем, чтобы на этой основе могли быть сформулированы конкретные рекомендации и предложения, что более эффективно было бы осуществить на уровне отдельного постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Информация об авторе

Михаил Николаевич Семякин, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Управления научных исследований Уральского государственного юридического университета; заведующий кафедрой частного права АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Mikhail N. Semyakin, Dr. Sci. (Law), Professor, Principal Researcher, Research Administration, Ural State Law University; Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М. : Юрист, 2004. 284 с.
2. Коэн-Элия М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3 (82). С. 59–81.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2010 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений статей 6 и 7 Закона Краснодарского края “Об организации транспортного обслуживания населения таксомоторами индивидуального пользования в Краснодарском крае” в связи с жалобой граждан В. А. Береснева, В. А. Дудко и других» // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1695893/> (дата обращения: 29.07.2019).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй ст. 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан

А. Д. Егорова и Н. В. Чуева» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 30. Ст. 3214.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2006 № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "О связи" в связи с запросом Думы Корякского автономного округа» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58946/ (дата обращения: 28.07.2019).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" в связи с запросами Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53775/ (дата обращения: 29.07.2019).

7. Frantz L. B. The First Amendment in Balance // *Yale Law Journal*. 1962. Vol. 71, № 8. P. 1424–1450. DOI: 10.2307/794500.

8. Schauer F. Freedom of Expression Adjudication in Europe and the United States: A Case Study in Comparative Constitutional Architecture // *European and US Constitutionalism* / Ed. by G. Nolte. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 49–69. DOI:10.1017/CBO9780511493904.004.

Статья поступила в редакцию: 10.09.19
Принята к публикации: 14.10.19

References

1. Gadzhiev GA. *Konstitutsionnye printsipy rynochnoi ekonomiki (razvitie osnov grazhdanskogo prava v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii)* [Constitutional Principles of Market Economy (Civil Law Fundamentals Development in Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. Moscow: Yurist; 2004. 284 p. (In Russ.).

2. Cohen-Elia M, Porat I. Amerikanskii metod vzveshivaniya interesov i nemetskii test na proporsional'nost': istoricheskie korni [American Balance of Interests Method and German Proportionality Test: Historical Roots]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*. 2011;3(82): 59–81. (In Russ.).

3. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 13, 2010 No. 16-P “Concerning the case of verifying constitutionality of provisions of articles 6 and 7, Law of the Krasnodar Krai ‘On organization of transport services for the population by individual taxis in the Krasnodar Krai’ associated with a complaint from citizens V.A. Beresnev, V.A. Dudko et al.”. *Garant legal reference system*. 2010. Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1695893/> [Accessed 29.07.2019]. (In Russ.).

4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 16, 2004 No. 14-P “Concerning the case of verifying constitutionality of individual provisions of part 2, art. 89, Tax Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens A.D. Yegorov and N.V. Chuyev”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 2004. Vol. 30. item 3214. (In Russ.).

5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 28, 2006 No. 2-P “Concerning the case of verifying constitutionality of individual provisions of Federal Law “On communication” in relation to a request from Duma of the Koryak Autonomous Okrug. *ConsultantPlus legal reference system*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58946/ [Accessed 28.07.2019]. (In Russ.).

6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 31, 2005 No. 6-P “Concerning the case of verifying constitutionality of Federal Law “On mandatory civil liability insurance for vehicle owners” in connection with requests from State Assembly – El Kurultay – of the Altai Republic, Volgograd Regional Duma, a group of deputies from the State Duma and a complaint from citizen S.N. Shevtsov. *ConsultantPlus legal reference system*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53775/ [Accessed 29.07.2019]. (In Russ.).

7. Frantz LB. The First Amendment in Balance. *Yale Law Journal*. 1962;71(8): 1424–1450. Available from: doi:10.2307/794500.

8. Schauer F. Freedom of Expression Adjudication in Europe and the United States: A Case Study in Comparative Constitutional Architecture. In: Nolte G. (ed.) *European and US Constitutionalism*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. p. 49–69. Available from: doi:10.1017/CBO9780511493904.004.

Submitted 10.09.19 Accepted 14.10.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L03
УДК 340:336.2.027

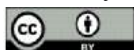
Комплексный метод оценки соответствия законодательства принципу справедливости на примере налоговых отношений

Антон Н. Рундквист,
АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия.
ORCID: 0000-0003-3793-5507, e-mail: anton-upol@mail.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено проблеме оценки действующего законодательства с точки зрения правового принципа справедливости. Автор предлагает определять последний как единственный в своем роде сверхпринцип, базирующийся на концепции общего блага. На основании такого подхода разработан комплексный метод оценки законодательства, подразумевающий глубокий анализ содержания законодательных норм, а также их фактической реализации на практике с точки зрения соответствия правовым принципам и правовым аксиомам. Сделан вывод о том, что нормы не будут отвечать критерию принципа справедливости, если они допускают по своему содержанию или в результате их практической реализации отход от иных правовых принципов, не являющийся ни необходимым, ни обоснованным и приводящий к явному правовому дисбалансу, несовместимому с концепцией общего блага, или вступают в прямое противоречие с правовыми аксиомами. Описанный метод был применен к анализу действующего налогового законодательства Российской Федерации, в результате чего автор приходит к заключению о неспособности действующей в России налоговой системы удовлетворить целому ряду требований, продиктованных основополагающими правовыми принципами налогообложения (соразмерностью, определенностью, удобством, транспарентностью, презумпцией добросовестности и целесообразностью) в отсутствие четкого и ясного обоснования отступлений от подобных требований, и, как следствие, о необходимости кардинального реформирования налогового законодательства РФ с целью приведения последнего в соответствие с правовым принципом справедливости.

Ключевые слова: справедливость, принцип справедливости, налоговое право, принципы права, правовые аксиомы, общее благо.

Для цитирования: Рундквист А. Н. Комплексный метод оценки соответствия законодательства принципу справедливости на примере налоговых отношений // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 168–176. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L03.

Comprehensive Method of Assessing Legislative Compliance with the Principle of Equity as Exemplified by Tax Relations

Anton N. Rundkvist,

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-3793-5507, e-mail: anton-upol@mail.ru

Abstract. This research is devoted to the issue of assessing the effective legislation from the perspective of the legal principle of equity. The author proposes to define the latter as the only super-principle of its kind based on the concept of public welfare. Based on this approach, a comprehensive method of assessing legislation is developed, involving a profound analysis of the content of legislative regulations, as well as their actual implementation in practice from the perspective of compliance with legal principles and legal axioms. The conclusion is made that regulations will not comply with the principle of equity criterion if their content or the result of their practical implementation enables departure from other legal principles, and such departure is neither necessary nor justified and causes obvious legal imbalance misaligned with the public welfare concept or directly contradicting legal axioms. The outlined principle was applied to analyze the effective tax legislation of the Russian Federation, which led the author to the conclusion that the taxation system existing in Russia nowadays is incapable of satisfying a series of requirements dictated by the fundamental legal principles of taxation (proportionality, certainty, convenience, transparency, presumption of good faith and practicality), lacking a clear and accurate justification of departing from such requirements and, consequently, the need for radical reformation of the tax legislation of the Russian Federation to bring the latter in compliance with the legal principle of equity.

Keywords: equity, principle of equity, tax law, legal principles, legal axioms, public welfare.

For citation: Rundkvist AN. Comprehensive Method of Assessing Legislative Compliance with the Principle of Equity as Exemplified by Tax Relations. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 168–176. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-L03.

Введение

В настоящем исследовании апробируется комплексный метод анализа законодательства, базирующийся на особой роли принципа справедливости в системе правовых принципов. Предполагается, что данный метод ввиду своего универсального характера может быть применен в любой области законодательства, в том числе в сфере налоговых отношений, на примере которых действие или, наоборот, игнорирование общеправового принципа справедливости проявляется особенно ярко, поскольку именно налоговые правоотношения, опосредуя способы распределения материальных благ в обществе, зачастую служат индикатором уровня доверия и понимания, существующих либо отсутствующих между населением и государством. Проблема справедливости налогового законодательства как никогда актуальна для Российской Федерации в условиях непростого перехода к рыночной экономике. Обозначенному вопросу посвящено множество работ, включая труды таких

отечественных авторов, как Ф. С. Агузарова, М. М. Алексеенко, И. В. Балынин, О. Ю. Ворожбит, А. В. Демин, И. Р. Езеева, Е. А. Еременко, В. П. Кузнецов, И. В. Лукашова, Х. М. Мусаева, Б. З. Увайсаев, А. А. Уксуменко, И. А. Урубкова, и др. В настоящем же исследовании акцент делается на методологическом аспекте оценки соответствия требованиям справедливости со стороны законодательных норм в общем и норм налогового законодательства в частности.

Методы исследования

Данное исследование преимущественно опирается на два общенаучных метода: гипотетико-дедуктивный, позволяющий на основании общего предположения об особом статусе принципа справедливости по сравнению с прочими правовыми принципами построить цепь рассуждений для выведения ряда частных заключений, и на системный метод, учитывающий тесную взаимосвязь всех элементов, составляющих целостную систему правовых принципов, и способствующий формированию более полного представления о совместном функционировании принципов права, задающих направление для правового регулирования в целом. Кроме того, в ходе исследования были задействованы частнонаучный метод контент-анализа и формально-юридический метод.

Результаты и обсуждение

Под системой правовых принципов мы будем понимать целостную упорядоченную совокупность всех без исключения принципов права, характеризующуюся их тесной взаимосвязью и взаимообусловленностью и, наряду с набором правовых аксиом, выступающую в качестве основополагающего начала и главного ориентира для правового регулирования. При этом, по мнению ряда авторов, к отличительным особенностям уже именно принципа справедливости относятся следующие: он «вбирает в себя все иные принципы» [8, с. 59], «выступает основой продуцирования синтеза принципов права» [4, с. 5], «обосновывает, дополняет, развивает прочие принципы и определяет пределы их действия» [3; 12], «является арбитром, разрешающим противоречия между отдельными принципами» [2]. Суммируя приведенные высказывания, мы приходим к выводу о том, что принцип справедливости занимает главенствующее место в системе правовых принципов, позволяющее наделять справедливость статусом единственного в своем роде сверхпринципа, так как лишь он один выполняет важнейшие функции по интегрированию, координации и согласованию остальных правовых принципов. Однако мы не сможем уяснить, каким образом осуществляются перечисленные функции, без предварительного выделения некоего прочного теоретического основания самого принципа справедливости. Подобным основанием, на наш взгляд, должна выступать концепция общего блага.

Общее благо – это универсальная, не привязанная к какой-либо конкретной идеологии и (или) религии, а также базирующаяся одновременно на рационалистских и гуманистических началах идеальная цель развития любого общества, постоянное движение в сторону которой обеспечивается установлением баланса (юридического равновесия) между различными интересами путем надлежащего распреде-

ления субъективных прав и юридических обязанностей среди участников правоотношений, причем надлежащим такое распределение считается, если по его результатам в обществе создаются максимально возможные условия для развития и самореализации каждой отдельно взятой личности, наделенной широкой (хотя и не абсолютной) степенью свободы.

Опираясь на концепцию общего блага, принцип справедливости приобретает более четко выраженное внутреннее содержание, в предельном значении связанное с целью предоставления гражданам наибольших возможностей для удовлетворения их личных, социальных, культурных, политических, экономических и иных правомерных интересов.

Существенную роль в обеспечении требований принципа справедливости играют также правовые аксиомы – универсальные (ввиду присущей им очевидности, предельной четкости и недвусмысленности) правила, концентрированно выражающие социально-правовой опыт [7] и не предусматривающие исключений или каких-либо ограничений в своем применении. Отступление от любой из правовых аксиом по умолчанию создает потенциальную опасность для стабильности правовой системы в целом и, как следствие, автоматически нарушает принцип справедливости.

Таким образом, для целей настоящего исследования под принципом справедливости мы предлагаем понимать интегративный правовой сверхпринцип, обуславливающий взаимосвязь, взаимодействие и границы применения всех остальных правовых принципов, а также предусматривающий строгое соблюдение правовых аксиом, смыслом существования которого является обеспечение правового баланса в распределении прав и обязанностей между субъектами, в свою очередь выступающего в качестве одного из критериев достижения общего блага как совокупности максимально возможных условий для реализации способностей и правомерных интересов каждого члена общества.

Основываясь на данном определении, мы выстраиваем комплексный метод, позволяющий анализировать, насколько соответствуют или не соответствуют правовому принципу справедливости либо отдельные законодательные нормы, либо их совокупность вплоть до целых отраслей законодательства. Указанный метод предполагает, что будут последовательно осуществлены: 1) определение круга правоотношений, которые регулируют рассматриваемые нами нормы законодательства; 2) определение перечня основных правовых принципов, на которых базируются эти правоотношения; 3) уяснение содержания рассматриваемых норм; 4) определение того, как на самом деле рассматриваемые нормы реализуются на практике; 5) анализ соответствия содержания рассматриваемых норм и их практической реализации выделенным правовым принципам; 6) в случае выявления несоответствия – анализ возможных причин возникновения такого несоответствия на предмет установления того, являются ли они необходимыми и обоснованными с точки зрения обеспечения в конечном итоге справедливого правового регулирования, обеспечивающего правовой баланс и в целом способствующего процессу достижения общего блага; 7) анализ соответствия содержания рассматриваемых норм и их практической реализации существующим правовым аксиомам.

После выполнения всех перечисленных действий делается общий вывод о соответствии или несоответствии рассматриваемых норм требованиям принципа справедливости. При этом не могут считаться соответствующими принципу справедливости нормы, допускающие по своему содержанию или в результате их практической реализации отход от иных правовых принципов, не являющийся ни необходимым, ни обоснованным и приводящий к явному правовому дисбалансу, расходящемуся с концепцией общего блага, а также нормы, вступающие в прямое противоречие с правовыми аксиомами.

На наш взгляд, подобный комплексный метод оценки соответствия законодательства принципу справедливости, будучи разработанным на основе общей теории права, применим ко всем без исключения отраслям законодательства. В частности, в настоящей статье мы ставим цель продемонстрировать действие этого метода на примере российского налогового законодательства.

Одним из важнейших признаков государства является возможность взимать налоги, а следовательно, на гражданах лежит обязанность по их уплате (ст. 57 Конституции Российской Федерации). Как имеющие исключительное значение для развития экономики и общества в целом, налоговые правоотношения могут рассматриваться как своего рода мерило или индикатор, отражающий степень развитости правосознания общества, а также взаимопонимания и доверия, существующих (либо не существующих) между государством и населением. И так как качество налоговой системы во многом определяет характер взаимоотношений между человеком и государством, в представленной работе мы предлагаем провести основанный на комплексном методе анализ на соответствие налогового законодательства Российской Федерации требованиям справедливости как правового сверхпринципа.

Экстраполировав приведенное выше понятие принципа справедливости на сферу налогового права, а также выполнив предписанные разработанным нами комплексным методом последовательные действия, мы заключаем следующее.

1. Для признания налоговой системы справедливой лежащее в ее основе законодательство, а также реальная практика должны строиться на базе ряда правовых принципов, каждый из которых мы ниже рассмотрим подробнее.

2. Содержание первых трех фундаментальных принципов налогообложения – соразмерности, определенности и удобства – надлежащим образом раскрыл еще Адам Смит в работе «Исследования о природе и причинах богатства народов» [10].

3. Согласно принципу соразмерности, величина налога находится в прямой зависимости от доходов граждан. Отсюда, в свою очередь, вытекают два производных принципа: равенство размера налогообложения для лиц, находящихся в одинаковом имущественном и социальном положении (сугубо гипотетическая ситуация, практически невозможная в реальности), и, соответственно, неравенство сумм, уплачиваемых налогоплательщиками, находящимися в разном положении. Существует мнение (и его на текущий момент придерживается отечественный законодатель), что соблюдение соразмерности достигается введением процентной ставки (например, в России НДФЛ составляет 13 % от доходов физического лица). Однако вне сочетания с

принципами разумности и гуманизма подобная, основанная на чисто математической пропорции, соразмерность еще не означает справедливости налогообложения. Как верно замечает И. Р. Езеева, для плательщика, получающего месячную заработную плату в размере 10 000 руб., уплаченные в виде НДФЛ 1 300 руб. являются несоизмеримо более тяжелым имущественным обременением, нежели, к примеру, 130 000 руб. для плательщика с месячным доходом в 1 000 000 руб. [5]. Поэтому с позиции справедливости уместно введение прогрессивной шкалы налогообложения, к тому же допускающей, как вариант, наличие некоего установленного размера доходов, к которому и вовсе применима нулевая процентная ставка. Как писал сам Адам Смит, «не может быть неблагоразумия в том, чтобы богатые принимали участие в расходах государства не только пропорционально своим доходам, но и несколько больше» [1].

4. Принцип правовой определенности имеет два аспекта. Первый – четкость и ясность правовых предписаний. Иными словами, налогоплательщик должен отчетливо понимать, какую сумму, за что, в какой срок и каким способом он обязан платить. Второй аспект – возможность для плательщика налогов более или менее точно спрогнозировать вероятность его привлечения к ответственности за совершенные (осознанно или нет) налоговые правонарушения. В данной связи приходится констатировать факт, что российское налоговое законодательство с присущими ему сложностью, запутанностью, противоречивостью и громоздкостью в ряде случаев лишь сбивает граждан с толку и создает реальные условия для привлечения лица к ответственности даже без наличия у последнего умысла на совершение правонарушения. Здесь стоит согласиться со следующим высказыванием К. Фогеля: «Если налоговый закон настолько сложен, что даже специалист не в состоянии его себе уяснить, то такой закон не может быть справедливо применен органами государственного управления» [11, с. 127].

5. Принцип удобства заключается в том, что каждый налог должен взиматься в то время и тем способом, когда и каким плательщику сподручнее всего платить его. Указанный принцип надлежит дополнить принципом максимально упрощенного налогового администрирования, который, к сожалению, также не всегда реализуется на практике.

6. В дополнение к перечисленным фундаментальным принципам укажем еще несколько дополнительных. Так, принцип транспарентности (прозрачности) касается открытости совершаемых налогоплательщиком финансовых операций, с одной стороны, и возможности отслеживания дальнейшей судьбы перечисленных в бюджет средств – с другой. Таким образом, данный принцип возлагает определенные обязанности как на плательщика, так и на государственные органы. Причем на практике оценить достоверность данных, предоставляемых как первыми, так и вторыми, иной раз довольно сложно.

7. Кроме того, в налоговом праве как в публичной отрасли обязана действовать презумпция добросовестности налогоплательщика. То есть бремя доказывания совершения каких-либо нарушений со стороны гражданина или юридического лица должно лежать на налоговых органах. Тем не менее фактически мы сталкиваемся с обратной ситуацией ввиду существующей несоразмерности прав и обязанностей участников налоговых правоотношений в пользу администрации [6], и на прак-

тике, скорее, наблюдается действие презумпции недобросовестности, когда налогоплательщику приходится доказывать отсутствие нарушений с его стороны.

8. Не стоит забывать также о принципах необходимости и целесообразности. Введение того или иного налога, как и предоставление определенных налоговых льгот тем или иным субъектам, должно быть оправдано реальными потребностями общества и государства и обеспечивать стабильное экономическое развитие. С этой точки зрения необходимо обеспечить максимальные налоговые преференции субъектам малого и среднего предпринимательства, чего в сегодняшней России совершенно не наблюдается. Кажущиеся благими начинания вроде освобождения некоторых категорий налогоплательщиков от уплаты НДС в реальности оборачиваются еще большими проблемами, так как плательщикам НДС экономически невыгодно иметь дело с неплательщиками НДС. Следовательно, налоговые льготы, фактически ухудшающие положение субъектов предпринимательской деятельности, не отвечают требованию целесообразности. К сожалению, аналогичных примеров неэффективности действующего налогового законодательства можно привести еще много, что говорит о системном характере возникновения подобных ошибок.

9. Последним укажем запрет применения обратной силы закона, ухудшающего положение налогоплательщиков, который надлежит рассматривать даже не в качестве принципа, но правовой аксиомы, так как отступление от данного требования не может быть оправдано никакими соображениями, иначе налоговое законодательство автоматически лишится любых притязаний на справедливость. Здесь гарантом обеспечения прав граждан и юридических лиц несколько раз выступал Конституционный Суд, принимавший соответствующие решения [9]. И все-таки сложность налогового законодательства вкупе с запутанным администрированием продолжают создавать опасность фактического применения повышенных налоговых ставок к отношениям, возникшим до включения соответствующих новелл в законодательство.

Заключение

Обобщая сказанное выше, мы делаем вывод, что современное налоговое законодательство и сложившаяся административная практика не удовлетворяют целому ряду основополагающих правовых принципов в отсутствие четкого и ясного обоснования подобных отступлений, а следовательно, существующая на сегодняшний день в России налоговая система не может быть признана справедливой в целом. В качестве своеобразных полумер по улучшению ситуации предлагаются введение прогрессивной шкалы налогообложения, установление необлагаемого налогами минимума доходов, применение единых правил по уплате НДС для всех субъектов предпринимательской деятельности, а также ряд налоговых послаблений для малого и среднего бизнеса. Однако, с точки зрения концепции общего блага, для достижения положительных результатов в долгосрочной перспективе перечисленных нововведений явно недостаточно, и требуется кардинальное реформирование всего налогового законодательства с целью приведения последнего в соответствие с правовым принципом справедливости.

Информация об авторе

Антон Николаевич Рундквист, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Anton N. Rundkvist, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Алексеенко М. М. Взгляд на развитие учения о налоге у экономистов А. Смита, Ж.-Б. Сэя, Д. Рикардо, Ж. Сисмонди и Дж. Ст. Милля. 2-е изд. М. : URSS, 2012. 44 с.
2. Арендаренко А. В. Общеправовой принцип социальной справедливости и его реализация в современном уголовном праве России: теоретико-правовые аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : МГИМО, 2009. 46 с.
3. Галактионов С. А. Принцип справедливости (уголовно-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань : Академия права и управления, 2014. 25 с.
4. Городнова О. Н. Идея справедливости как критерий оценки и совершенствования уголовного законодательства: теоретический и прикладной аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2014. 32 с.
5. Езеева И. Р. Некоторые проблемы налогового неравенства // Налоги и налогообложение. 2013. № 7. С. 521–524.
6. Кузнецов В. П. О мнимости положений абзаца второго п. 2 ст. 22 Налогового кодекса Российской Федерации // Налоги и налогообложение. 2010. № 1. С. 14–18. URL: <https://wiseeconomist.ru/poleznoe/64856-mnimosti-polozhenij-abzaca-vtorogo-punkta-stati-nalogovogo> (дата обращения: 23.01.2019).
7. Масленников А. В. Правовые аксиомы : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Владимир : Владимир. юрид. ин-т ФСИН России, 2006. 26 с.
8. Мирза Л. С. Iustitia (правосудие и справедливость в уголовном процессе) // Lex Russica. 2008. Т. 67, № 1. С. 54–71.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 1996 № 17-П «По делу о проверке конституционности части первой ст. 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 5.
10. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / вступит. статья и коммент. канд. экон. наук В. С. Афанасьева. М. : Соцэкгиз, 1962. 684 с.
11. Фогель К. Конституционные основы финансового права // Государственное право Германии : в 2 т. Т. 2. М. : ИГПАН, 1994. С. 112–133.
12. Юнусов С. А. Принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве: вопрос теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань : Академия права и управления, 2014. 23 с.

Статья поступила в редакцию: 24.06.19

Принята к публикации: 02.09.19

References

1. Alexeenko MM. *Vzglyad na razvitie ucheniya o naloge u ekonomistov A. Smita, Zh.-B. Seya, D. Rikardo, Zh. Sismondi i Dzh. St. Millya* [A View on the Development of Tax Teachings by Economists A. Smith, J.-B. Say, D. Ricardo, J. de Sismondi and J. S. Mill]. 2nd ed. Moscow: URSS; 2012. 44 p. (In Russ.).
2. Arendarenko AV. *Obshchepравovoi printsip sotsial'noi spravedlivosti i ego realizatsiya v sovremennom ugolovnom prave Rossii: teoretiko-pravovye aspekty* [General Legal Principle of Social Justice and its Implementation in

the Contemporary Russian Criminal Law: Theoretical and Legal Aspects]. Moscow: MGIMO University; 2009. 46 p. (In Russ.).

3. Galaktionov SA. *Prinip spravedlivosti (ugolovno-pravovoi aspekt) [Principle of Equity (Criminal Law Aspect)]*. Ryazan: Academy of Law and Management; 2014. 25 p. (In Russ.).

4. Gorodnova ON. *Ideya spravedlivosti kak kriterii otsenki i sovershenstvovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva: teoreticheskii i prikladnoi aspekt [Idea of Equity as a Criterion for Assessment and Improvement of Criminal Law: Theoretical and Applied Aspect]*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia; 2014. 32 p. (In Russ.).

5. Ezeeva IR. Nekotorye problemy nalogovogo neravenstva [Some Problems of Tax Inequality]. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and Taxation*. 2013;7: 521–524. (In Russ.).

6. Kuznetsov VP. O mnimosti polozhenii abzatsa vtorogo p. 2 st. 22 Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [On Ostensibility of Provisions of the Second Sub-Paragraph, Par. 2, Article 22 of the Tax Code of the Russian Federation]. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and Taxation*. 2010;1: 14–18. Available from: <https://wiseeconomist.ru/poleznoe/64856-mnimosti-polozhenij-abzaca-vtorogo-punkta-stati-nalogovogo> [Accessed 23.01.2019]. (In Russ.).

7. Maslennikov AV. *Pravovye aksiomy [Legal Axioms]*. Vladimir: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service; 2006. 26 p. (In Russ.).

8. Mirza LS. Iustitia (pravosudie i spravedlivost' v ugolovnom protsesse) [Iustitia (Justice and Equity in Criminal Proceedings)]. *Lex Russica = Lex Russica*. 2008;67(1): 54–71. (In Russ.).

9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 24, 1996 No. 17-P. On the Case of Verifying Constitutionality of Part 1, Art. 2 of Federal Law of March 7, 1996 “On Introducing Changes in the Law of the Russian Federation ‘On Excise Taxes’”. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF = Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 1996;5. (In Russ.).

10. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]*. Moscow: Sotsek-giz; 1962. 684 p. (In Russ.).

11. Vogel K. Konstitutsionnye osnovy finansovogo prava [Constitutional Foundations of Financial Law]. In: *Gosudarstvennoe pravo Germanii : v 2 t. T. 2 [State Law of Germany: in 2 vol. Vol. 2]*. Moscow: IGPAN; 1994. p. 112–133. (In Russ.).

12. Yunusov SA. *Printsip spravedlivosti v ugolovno-ispolnitel'nom prave: vopros teorii [Principle of Equity in Criminal and Penal Law: A Theoretical Issue]*. Ryazan: Academy of Law and Management; 2014. 23 p. (In Russ.).

Submitted 24.06.19 Accepted 02.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L04

УДК 343:[316.3+342.5]

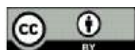
Криминализация и декриминализация как индикатор отношения человека и власти

Зинаида А. Незнамова,

АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0001-5422-9829, e-mail: Nza001@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье автор предпринимает попытку с помощью различных приемов и методов юридического толкования, а также путем использования разных видов толкования уголовно-правовых норм проследить динамику отношений человека и государства через призму криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Именно с помощью процедур криминализации и декриминализации законодатель реализует волю государства и устанавливает вектор и градус отношений человека и гражданина и органов власти. Для решения данной задачи автор прослеживает в краткосрочной ретроспективе юридическую и фактическую декриминализацию некоторых видов преступлений: хулиганства, побоев, клеветы и оскорбления. Кроме того, рассматриваются новеллы законодательства, связанные с установлением ответственности за так называемые «оскорбление власти» и «фейковые новости». Проведенный анализ практики декриминализации некоторых общественно опасных деяний позволяет сделать вывод, что государство в лице законодателя отчетливо проводит политику, ведущую к снижению уровня правовой защищенности здоровья, телесной неприкосновенности, чести и достоинства человека. Одновременно с этим наблюдается усиление правовой защиты интересов государства, властных структур и их отдельных представителей, что очевидно вступает в диссонанс с политикой ослабления правовой защиты некоторых конституционных прав человека и гражданина, о которых говорилось выше. Данную тенденцию можно оценивать только как негативную, что в ближайшей перспективе способно серьезно повысить градус отношений между государством и человеком и повлечь за собой негативные последствия как правового, так и социального характера.
Ключевые слова: криминализация, декриминализация, человек, власть, общество.

Для цитирования: Незнамова З. А. Криминализация и декриминализация как индикатор отношения человека и власти // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 177–186. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L04.

Criminalization and Decriminalization as an Indicator of Individual / Authorities Relations

Zinaida A. Neznamova,

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0001-5422-9829, e-mail: Nza001@mail.ru

Abstract. In this paper, the author attempts to use various techniques and methods of legal interpretation and apply various types of interpretation of criminal law provisions to trace the trend of relations between the individual and the state through the lens of criminalization and decriminalization of socially dangerous acts. It is the procedures of criminalization and decriminalization that the law-maker uses to implement the will of the state and establish the vector and tension in relations between an individual / a citizen and the state authorities. To solve this task, the author traces, in the short-term, the legal and actual decriminalization of certain types of crimes – hooliganism, battery, libel and insult. Additionally, a review of legislative novelties associated with establishing liability for the so-called “insult of authority” and “fake news” is provided. The conducted analysis of the practice of decriminalizing certain socially dangerous acts leads to the conclusion that the state, represented by the law-maker, is consistently enforcing the policy that leads to reducing the level of individual’s legal protection and health, physical integrity, honor and dignity. Simultaneously, the legal protection of interests of the state, bodies of government and their individual representatives is evidently growing stronger, which is obviously misaligned with the policy of weakening the legal protection of certain constitutional human and citizen’s rights, as mentioned above. This trend can only be assessed as negative, which in the nearest future may significantly increase the tension between the state and the individual, entailing negative consequences of both legal and social nature.

Keywords: criminalization, decriminalization, individual, authorities, society.

For citation: Neznamova ZA. Criminalization and Decriminalization as an Indicator of Individual / Authorities Relations. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today’s World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 177–186. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-L04.

Введение

В рамках конференции обсуждаются самые разные аспекты взаимодействия человека и власти в современном мире: философские, политические, экономические, информационные. Наиболее ярко характер и содержание взаимоотношений человека и государства проявляется в праве. Право, как известно, является регулятором общественных отношений [5, с. 99; 7, с. 103]. Устанавливая права и закрепляя обязанности различных субъектов, право четко устанавливает границы дозволенного и запрещенного поведения как для граждан, так и для государственных органов.

По нашему мнению, наиболее ярким индикатором отношений человека и властных структур является право уголовное. Уголовное право в силу прямого указания в законе [10, ст. 1] устанавливает, какие деяния признаются государством преступными и какое наказание может быть назначено за данное запрещенное поведение.

В рамках уголовного права и законодательства выделяют процессы криминализации и декриминализации.

Под криминализацией в уголовном праве понимают признание отдельных деяний общественно опасными, закрепление их признаков в тексте действующего уголовного закона и установление запрета на их совершение. Иными словами, криминализация представляет собой процесс признания поведения преступным и включение его в уголовный закон [2; 6; 3; 4].

Соответственно, декриминализация – это процесс обратный криминализации, связанный с признанием государством утраты конкретным деянием свойств общественной опасности и исключением его признаков из текста уголовного законодательства. Это признание деяния непроступным, исключение его из уголовного закона [2; 6; 3; 8].

Методы исследования

В результате использования приемов и методов юридического толкования, а также разных видов толкования уголовно-правовых норм были установлены результаты, которые обсуждаются далее. Прежде всего, именно с помощью процедур криминализации и декриминализации законодатель реализует волю государства и устанавливает вектор и градус отношений человека и гражданина и органов власти. Не претендуя на исчерпывающее рассмотрение данной проблемы, в рамках настоящей работы мы остановимся на некоторых новеллах в области уголовного законодательства и практики его применения и с помощью приемов и методов юридического толкования постараемся выявить некоторые тенденции в данной области отношений человека и власти в современных условиях.

Результаты и обсуждение

Первый пример криминализации, вернее сказать, декриминализации некоторых деяний, на примере которого можно судить о векторе взаимоотношений человека и государства, связан с уголовной ответственностью за хулиганство.

Ст. 213 УК РФ в редакции от 1996 года устанавливала ответственность за хулиганство, т. е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, **сопровождающееся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества** (выделено мной. – З. Н.). Таким образом, насилие, которое применялось к гражданам в результате так называемой уличной преступности, рассценивалось как хулиганство и виновные привлекались к уголовной ответственности за данное преступление.

В 2003 году в ст. 213 УК РФ были внесены изменения [14], после которых она предусматривала ответственность за грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное:

а) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

В результате внесения изменений в ст. 213 УК РФ из данной нормы исчезло применение в процессе совершения хулиганских действий насилия к гражданам. Правда, одновременно с исключением насилия из ст. 213 УК РФ в целый ряд статей УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за преступления против личности, в качестве квалифицирующего признака были включены хулиганские побуждения: ч. 2 ст. 105 УК – убийство из хулиганских побуждений, ч. 2 ст. 111 УК – причинение тяжкого вреда здоровью из хулиганских побуждений; ч. 2 ст. 112 УК – причинение средней тяжести вреда здоровью из хулиганских побуждений; ч. 2 ст. 115 УК – причинение легкого вреда здоровью из хулиганских побуждений; ч. 2 ст. 116 УК – причинение побоев из хулиганских побуждений.

Казалось бы, декриминализации в этом случае не произошло. Насилие над личностью, совершенное из хулиганских побуждений, просто должно было квалифицироваться по другим статьям УК РФ. Однако практика применения данных норм свидетельствует о том, что произошла фактическая декриминализация подобного проведения. Количество зарегистрированных преступлений по ст. 213 УК РФ в 2004 году резко сократилось. Это и понятно, поскольку большинство случаев хулиганства с применением насилия к гражданам оказалось декриминализовано. А количество преступлений против здоровья граждан пропорционально сокращению случаев декриминализованного хулиганства не выросло.

Напротив, их количество резко сократилось в силу следующих причин. Ст. 115 и 116 УК РФ, устанавливающие ответственность соответственно за умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои, согласно ст. 20 УПК РФ являлись делами частного обвинения. Согласно ст. 318 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, указанных в части второй ст. 20 настоящего Кодекса, т. е. по делам частного обвинения, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд [9]. Хотелось бы обратить внимание на то, что заявление должно быть подано в отношении конкретного лица.

Хулиганство является уличным преступлением. Неизвестные потерпевшему люди из хулиганских побуждений нанесли потерпевшему телесные повреждения или побои и скрылись с места происшествия. Против кого потерпевший должен писать заявление и возбуждать уголовное дело, если он с ними столкнулся первый раз и не знает их? Хулиганство относилось ранее и относится сейчас к делам публичного обвинения. Это означает, что в случае избиения человека в процессе хулиганства правоприменительные органы обязаны возбудить уголовное дело, найти преступников и привлечь их к ответственности. У потерпевшего таких возможностей нет, и потому данные преступления фактически оказались и продолжают оставаться безнаказанными.

Путем частичной и скрытой декриминализации насильственного хулиганства и перевода его в преступления против личности государство в значительной степени фактически оставило хулиганов безнаказанными, а граждан – беззащитными перед уличными насильниками.

В качестве второго примера я бы хотела привести декриминализацию побоев.

Статья 116 УК РФ в первоначальной редакции от 13 июня 1996 г. устанавливала ответственность за «нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса».

Эта же статья УК РФ в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ч. 1 по-прежнему устанавливала ответственность за «нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 настоящего Кодекса», а в ч. 2 предусматривала ответственность за те же деяния, совершенные: а) из хулиганских побуждений; б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [13].

Введя квалифицированный состав побоев, законодатель, казалось бы, усилил ответственность за данное преступление. Однако выше я уже говорила, что фактически побои, совершенные из хулиганских побуждений, остались безнаказанными по причине процессуальной невозможности возбуждения уголовного преследования в отношении преступников. К сожалению, та же ситуация имела место и с побоями, совершенными по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Однако в целом состав ст. 116 УК РФ предусматривал возможность привлечения к уголовной ответственности за нанесение побоев любому лицу.

Через несколько лет Федеральным законом от 3 июля 2016 г. в ст. 116 УК РФ были вновь внесены изменения. Данная уголовно-правовая норма стала предусматривать ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 настоящего Кодекса, **в отношении близких лиц**, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [11].

Анализируемая норма ограничила круг потерпевших от побоев только близкими родственниками, под которыми, согласно Примечанию к ст. 116 УК РФ, понимались близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки), опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство

Таким образом, все иные лица, кроме близких людей, были исключены из круга потерпевших от побоев. Побои в отношении них были декриминализованы. Человек вновь оказался беззащитным перед насилием. Но данная норма, по крайней мере, устанавливала ответственность за домашнее насилие. Однако Федеральным законом от 07.02.2017 № 8-ФЗ в ст. 116 УК РФ вновь были внесены изменения. Согласно им, ст. 116 УК РФ устанавливает в данный момент ответст-

венность за «побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 настоящего Кодекса, совершенные из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [12].

Как видно из редакции данной статьи, побои и иные насильственные действия в отношении близких лиц были декриминализованы. Семейные тираны стали безнаказанными.

Правда, одновременно с исключением побоев из УК РФ в Кодекс об административных правонарушениях была введена ст. 6.1.1, устанавливающая административную ответственность за побои. Она предусматривает наказание в виде наложения административного штрафа в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей, либо административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от шестидесяти до ста двадцати часов.

Но, как показывает практика, административной ответственности граждане не слишком боятся. А после административного ареста на 15 суток такой домашний деспот вновь избьет жену и детей, но теперь уже за то, что они обратились в полицию.

Чувство безнаказанности порождает усиление агрессии. Средства массовой информации изобилуют примерами домашнего насилия. Замдиректора национального центра по предотвращению насилия «Анна» Андрей Синельников отмечает, что после декриминализации побоев существенно выросло число обращений от пострадавших. В основном помощи ищут жены домашних тиранов, не нашедшие поддержки в полиции и социальных службах. В 2014 году «Анна» принимала 8 тысяч таких звонков, в 2016-м – 20 тысяч, в 2017-м – около 26 тысяч [18].

Третий пример, характеризующий современный градус отношений власти и человека, связан с защитой чести и достоинства личности. УК РФ в первоначальной его редакции содержал ст. 129, устанавливавшую ответственность за клевету, и ст. 130, которая предусматривала наказание за оскорбление.

Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» данные статьи были исключены из уголовного кодекса. Тем самым клевета и оскорбление были декриминализованы [13]. Этим же законом в Кодекс об административных правонарушениях были введены ст. 5.60 и 5.61, предусматривающие административную ответственность соответственно за клевету и оскорбление [1]. Тем самым честь и достоинство человека и гражданина перестали быть объектом уголовно-правовой охраны.

Правда, законодатель вскоре понял свою ошибку. Менее чем через год, в 2012 году, клевета вновь была включена в УК РФ в ст. 128.1 и вновь стала преступлением. А вот оскорбление так и осталось в разряде административно наказуемых правонарушений.

К чему это привело? Пышными цветами расцвели буллинг и моббинг в школах и иных образовательных учреждениях, когда отдельные дети подвергаются оскорблениям и унижению по самым различным поводам как со стороны отдельных людей, так и со стороны всего класса или иного коллектива. Некоторые дети, не выдержав системати-

ческих оскорблений, пытаются покончить жизнь самоубийством. Некоторым это удается.

Появились новые формы оскорбления личности: кибербуллинг, или интернет-буллинг, когда травля и психологическое насилие в виде оскорблений и унижения человеческого достоинства осуществляется через сеть Интернет посредством социальных сетей, мессенджеров и иных каналов связи.

При этом все эти формы психического и психологического воздействия на личность остаются вообще или в значительной степени безнаказанными.

На этом фоне особенно примечательным выступает так называемый закон об оскорблении власти. Федеральным законом от 18.03.2019 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» ст. 20.1 КОАП РФ, устанавливающая ответственность за мелкое хулиганство, была дополнена ч. 3, устанавливающей ответственность за «распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных ст. 20.3.1 настоящего Кодекса, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния» [16].

Данный закон еще на стадии законопроекта подвергся мощной критике со стороны различных авторов и представителей гражданского общества, которые видят в нем посягательство на свободу слова и, по существу, запрет на любую критику властных структур и их представителей.

Не меньший негативный резонанс вызвал и второй закон о так называемых фейковых новостях, который внес дополнения в ст. 13.15. КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации», введя в нее п. 9 следующего содержания: «Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния» [15].

Двумя данными законами государство четко дает понять, что оно намерено жестко охранять государственные структуры, учреждения и иные публичные институты, а также их представителей от посягательств на честь, достоинство, общественную нравственность, общественный порядок. С этим можно было бы согласиться, ибо государство действительно должно защищать свои институты от общественно опасных посягательств. Однако данные цели очевидно вступают в диссо-

нанс с политикой ослабления правовой защиты некоторых конституционных прав человека и гражданина, о которых говорилось выше.

Выводы

Проведенный нами анализ практики декриминализации некоторых общественно опасных деяний позволяет сделать вывод, что государство в лице законодателя отчетливо проводит политику, ведущую к снижению уровня правовой защищенности здоровья, телесной неприкосновенности, чести и достоинства человека, с одновременным усилением правовой защиты интересов государства, властных структур и их отдельных представителей. Данную тенденцию можно оценивать только как негативную, что в ближайшей перспективе способно серьезно повысить градус отношений между государством и человеком и повлечь за собой негативные последствия как правового, так и социального характера.

Информация об авторе

Зинаида Александровна Незнамова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия.

Information about the author

Zinaida A. Neznamova, Dr. Sci. (Law), Professor, Public Law Department, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 267 с.
3. Кудрявцев В. Н. и др. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М. : Наука, 1982. 303 с.
4. Курс уголовного права : в 5 т. Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. 624 с.
5. Марченко М. И. Теория государства и права : учебное пособие. М. : МГУ, 2006.
6. Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. М. : Юридическая литература, 2004.
7. Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник. М. : Высшее образование, 2005.
8. Уголовное право. Общая часть. Преступление : академический курс: в 10 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. Т. 3 : Уголовная политика. Уголовная ответственность. М. : Юрлитинформ, 2016. 751 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
11. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

12. Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменения в ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 7. Ст. 1027.

13. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

14. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

15. Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1217.

16. Федеральный закон от 18.03.2019 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1218.

17. Федеральный закон от 28.07.2012 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4330.

18. «Чувство безнаказанности привело к усилению агрессии». Год спустя: чем обернулась декриминализация домашних побоев // Pikabu.ru. 22.01.2018. URL: https://pikabu.ru/story/chuvstvo_beznakazannosti_privelo_k_usileniyu_agressii_5653368 (дата обращения: 05.07.2019).

Статья поступила в редакцию: 08.08.19
Принята к публикации: 10.09.19

References

1. Code of Administrative Offences of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 2002. Vol. 1 (part 1). item 1. (In Russ.).

2. Korobeev AI. *Sovetskaya ugolovno-pravovaya politika: problemy kriminalizatsii i penalizatsii [Soviet Criminal Law Policy: Problems of Criminalization and Penalization]*. Vladivostok: Far Eastern University Press; 1987. 267 p. (In Russ.).

3. Kudryavtsev VN, Yakovlev AM. (eds.) *Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya [Grounds for Penal Prohibition. Criminalization and Decriminalization]*. Moscow: Nauka; 1982. 303 p. (In Russ.).

4. Kuznetsova NF, Tyazhkova IM. (eds.) *Kurs ugolovnogo prava : v 5 t. T. 1 : Obshchaya chast'. Uchenie o prestuplenii [Criminal Law Course in 5 vol. Vol. 1: General. Theory of Crime]*. Moscow: Zertsalo; 2002. 624 p. (In Russ.).

5. Marchenko MI. *Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]*. Moscow: Moscow State University; 2006. (In Russ.).

6. Naumov AV. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo : kurs lektzii : v 2 t. T. 1 : Obshchaya chast' [Russian Criminal Law: lecture course in 2 vol. Vol. 1: General]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 2004. (In Russ.).

7. Perevalov VD. *Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]*. Moscow: Vyssheye obrazovaniye; 2005. (In Russ.).

8. Lopashenko NA. (ed.) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie : akademicheskii kurs: v 10 t. T. 3 : Ugolovnaya politika. Ugolovnaya otvetstvennost' [Criminal Law. General. Crime: academic course: in 10 vol. Vol. 3: Criminal Policy. Criminal Liability]*. Moscow: Yurlitinform; 2016. 751 p. (In Russ.).

9. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 2001. Vol. 52 (part 1). item 4921. (In Russ.).

10. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 1996. Vol. 25. item 2954. (In Russ.).

11. Federal law of 03.07.2016 No. 323-FZ. O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanii i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti [On introducing changes in the Criminal Code of the Russian Federation and Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on issues of improving the grounds and procedure of exemption of criminal liability]. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 2016. Vol. 27 (part 2). item 4256. (In Russ.).

12. Federal law of 07.02.2017 No. 8-FZ. O vnesenii izmeneniya v stat'yu 116 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [On introducing changes in article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 2017. Vol. 7. item 1027. (In Russ.).

13. Federal law of 07.12.2011 No. 420-FZ. O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii [On introducing changes in the Criminal Code of the Russian Federation and individual pieces of legislation of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 2011. Vol. 50. item 7362. (In Russ.).

14. Federal law of 08.12.2003 No. 162-FZ (revision of 07.12.2011). O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii [On introducing changes and additions in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 2003. Vol. 50. item 4848. (In Russ.).

15. Federal law of 18.03.2019 No. 27-FZ. O vnesenii izmenenii v Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh [On introducing changes in the Code of Administrative Offences of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 2019. Vol. 12. item 1217. (In Russ.).

16. Federal law of 18.03.2019 No. 28-FZ. O vnesenii izmenenii v Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh [On introducing changes in the Code of Administrative Offences of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 2019. Vol. 12. item 1218. (In Russ.).

17. Federal law of 28.07.2012 No. 141-FZ. O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii [On introducing changes in the Criminal Code of the Russian Federation and individual pieces of legislation of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 2012. Vol. 31. item 4330. (In Russ.).

18. Pikabu.ru: website. «Chuvstvo beznakazannosti privelo k usileniyu agressii». *God spustya: chem obernulas' dekriminalizatsiya domashnikh po-boev [Sense of Impunity Led to Exacerbated Aggression. A Year Later: What Decriminalization of Domestic Violence Led To]*. 22.01.2018. Available from: https://pikabu.ru/story/chuvstvo_beznakazannosti_privelo_k_usileniyu_agressii_5653368 [Accessed 05.07.2019]. (In Russ.).

Submitted 08.08.19 Accepted 10.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L05
УДК 37.014

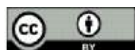
Цифровизация образования в правовом и социально-экономическом контексте

Татьяна В. Филипповская,
Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0001-8280-2063, e-mail: ftatyana@mail.ru

Аннотация. Автор сопоставляет теоретические подходы и эмпирические оценки эффективности цифровизации образования. Это позволяет констатировать общую для всего мира тенденцию: цифровизация образования зависит, прежде всего, от ценностной и правовой основы деятельности всех субъектов образовательного процесса. С одной стороны, инновационные технологии значительно расширяют возможности учебных интеракций. С другой стороны, в случаях недостаточно высокого уровня развития ценностных установок и организаторов учебного процесса, и его участников результат оказывается далеким от позитивных ожиданий. Формируются условия для процветания плагиата, нарушаются авторские права, но прежде всего проявляется негативное влияние на развитие мышления, воображения учащихся, на их психическое, физическое и нравственное развитие. Используя контент-анализ, автор в течение двух месяцев исследовал содержание 68 статей с сайтов, созданных образовательным сообществом как в России («Pedsovet.org»), так и за рубежом («University World News»). Делается вывод о том, что данная тема нуждается в расширенном представлении авторских результатов, поскольку цифровизация образования без надлежащих правовых и социокультурных изменений переходит из сферы описаний процессов позиционирования инновационных технологий в область констатации нарушений основных личных прав граждан. Новизна авторского подхода заключается в попытке выделить актуальные проблемные точки, характерные для разных стран, находящихся на разных этапах социокультурного развития образовательных ресурсов.

Ключевые слова: цифровизация образования, образовательная среда, психологическая безопасность, ограничение методов интеллектуального развития, иммерсивная среда.

Для цитирования: Филипповская Т. В. Цифровизация образования в правовом и социально-экономическом контексте // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 187–195. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L05.

Digitization of Education in Legal and Socio-Economic context

Tatyana V. Filippovskaya,

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0001-8280-2063, e-mail: ftatyana@mail.ru

Abstract. The author contrasts theoretical approaches and empirical estimates of the efficiency of education digitization. It is thus possible to state the world-wide trend: education digitization depends primarily on value and legal grounds for the activity of all subjects of the educational process. On the one hand, innovative technologies significantly expand capabilities of learning interactions. On the other hand, in cases when value systems of both learning process organizers and its participants are not sufficiently well developed, the result turns out to be very different from positive expectations. Conditions are created where plagiarism thrives, copyright is violated and, most importantly, the development of students' thinking and imagination, on their psychological, physical and moral development is negatively affected. The author applied content analysis to study, over two months, the content of 68 articles from websites created by the educational community both in Russia (Pedsovet.org) and abroad (University World News). A conclusion is made that author's results on this subject need to be widely presented, since education digitization without proper legal and socio-cultural changes moves from the area of describing the processes of innovative technologies positioning to the area of affirming violations of citizens' basic personal rights. The novelty of the author's approach consists in the attempt to identify relevant problem areas characteristic of various countries and existing at various stages of socio-cultural development of educational resources.

Keywords: digitization of education, educational environment, psychological safety, limitation of intellectual development methods, immersive environment.

For citation: Filippovskaya TV. Digitization of Education in Legal and Socio-Economic context. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 187–195. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-L05.

Введение

Констатация участниками Давосского форума в 2019 году высокого уровня геополитической и геоэкономической напряженности связана с артикуляцией актуальных видов социальных потрясений, вызванных «разрушениями Четвертой промышленной революции» [17]. Не случайно К. Шваб, Н. Дэвис отмечают, что создаваемые нами сегодня технологии меняют и нас [9]. В связи с этим представляет интерес попытка сопоставить оптимистичные констатации экстерналий внедрения информационных технологий в образовательную практику и негативные оценки субъектов, ставших участниками этого процесса.

Методология исследования

Иммерсивна ли среда в процессе цифровизации? Теоретический задел исследований цифровизации образования достаточно широк, так как технологический прогресс оказывается активно эксплуатируемым в ракурсе оценок его экстерналий в междисциплинарном контексте социальной философии, психологии, философии, педагогики [5; 6; 13;

14] и др. не только российскими, но и зарубежными учеными. Однако зарубежный опыт сегодня представляет для нас особый интерес, так как имеет больший временной лаг апробации. В то же время приводимые далее результаты авторского исследования показывают, что образовательное сообщество всего мира сталкивается с достаточно идентичными экстерналиями форсированной цифровизации.

В целом цифровизация образования, действительно, благодаря новейшим технологиям позволит повысить эффективность важнейшего социокультурного института за счет использования разнообразных источников получения учебной информации, онлайн-сервисов, инноваций в интеракциях между студентами и преподавателями внутри образовательных организаций и между ними на международном и общенациональном уровнях. Но следует отметить оговорку К. Шваба и Н. Дэвиса [9]: они обращают внимание на приобретение и совершенствование практических навыков в безопасных иммерсивных средах.

Напомним, что иммерсивными в условиях учебного процесса являются среды, позволяющие обучаемым работать с трехмерным изображением объектов, анимировать и вести мониторинг движений визуальной структуры (перемещать, менять параметры обзора), создавая иллюзию эффекта присутствия и соучастия [1, с. 49–60; 2]. При позитивных аспектах реализации таких технологий актуализируется вопрос о минимизации их возможных негативных экстерналий. Речь идет об атрофии потребности личности в индивидуальной деятельности активности и замене ее суррогатным наблюдением. Кроме того, трансформируется и необходимость в развитии воображения, системного мышления, всего креативного потенциала личности [5; 6].

В связи с этим неизбежно обращение к правовому контексту, содержащемуся в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [8], так как «динамический процесс включения человека (его психологической и психофизиологической систем) в среды человеческого опыта в ходе их конструирования и освоения, сопровождаемый чувством присутствия» [7], не должен наносить ущерб приоритету жизни и здоровья человека, прав и свобод личности (пп. 3., п. 1. ст. 3), но обязан обеспечивать условия обучения с учетом особенностей психофизического развития и состояния здоровья обучаемых (пп. 1.п. 1. ст. 34; пп. 1,2 п. 6. ст. 28).

Сказанное выше предопределило применение социологических методов для исследования оценок практиками и экспертами различных аспектов цифровизации.

Результаты и обсуждение

Цифровизация в ракурсе контент-анализа. В рамках контент-анализа в течение двух месяцев исследовалось содержание 68 статей с сайтов, используемых образовательным сообществом как в России («Pedsovet.org»), так и за рубежом («University World News»). Цель исследования: выявить в содержании документов факты и тенденции, связанные с проблемами цифровизации образования, которые наиболее остро воспринимаются субъектами образовательного сообщества. Таким образом было проведено сравнение теоретических посылов с оценками практиков и экспертов.

Выводы по контент-анализу позволяют констатировать, что цифровизация образовательной среды сегодня далеко не во всем оказывается выведенной за рамки политических и узкогрупповых интересов субъектов, заинтересованных в максимизации прибыли от эксплуатации идей технологизации. Это подтверждается достаточно широким спектром ссылок исследователей на подтверждающие авторские выводы факты.

Именно в связи с этим заявленная тема побуждает уделить особое внимание правовому контексту актуальных оценок, даваемых зарубежными коллегами. Так, более семидесяти экспертов – представителей научных кругов, управления образованием, бизнеса, гражданского общества и политики из 6 экспертных групп «Немецкого форума высшего образования в эпоху цифровых технологий» [10] отмечают некоторые правовые барьеры, обретающие в актуальных практиках особую значимость.

Например, институционализация международного онлайн-сотрудничества между учеными часто представляет собой проблему для администраций университетов в рамках правовых норм соответствующей страны. Было обнаружено, что цифровые учебники и учебные ресурсы после первоначального создания не могут использоваться повторно настолько часто и для любого количества участников, на что надеялись организаторы, особенно для МООС и образовательного рынка США.

Стало очевидным, что, во-первых, производство высококачественных цифровых ресурсов для преподавания и обучения стоит дорого, во-вторых, для форматов онлайн-обучения требуются люди, работающие в фоновом режиме, которые контролируют, изучают и оценивают все стороны процесса, и, в-третьих, цифровые ресурсы для преподавания и обучения требуют регулярной доработки и адаптации к разным группам участников. Поэтому цифровые образовательные программы нельзя бесконечно масштабировать без устойчивых и адекватных институциональных, людских и финансовых ресурсов. В то же время в России все перечисленные выше проблемы связаны еще и с нарушениями регламентов о планировании деятельности преподавателей: нормативы трудозатрат на различные операции подготовки учебного процесса много лет не пересматриваются ни на уровне министерства, ни на уровне университетов.

Позиция немецких экспертов особенно верна в отношении авторского права, прав на пропускную способность и распределение производственных затрат между несколькими участвующими университетами, а также для создания так называемых открытых образовательных ресурсов (Open Educational Resources – OER) и использования иностранных и чужих материалов («Works»), которые доступны как для зачисленных, так и для незачисленных студентов. Кроме того, возникают сложные правовые коллизии с доступностью научных публикаций и финансовыми интересами издателей. Но наибольшую остроту вызывают перечисленные аспекты относительно правовой определенности в реализации профессиональных компетенций для преподавателей университетов.

Только увеличенная степень правовой определенности и соответствующая система стимулов для профессоров будут стратегически продвигать цифровизацию высшего образования. Но, кроме этого, как по-

казывают авторские исследования, большую роль играют и моральные установки участников образовательного процесса на допустимость или недопустимость тех или иных заимствований, недоработок, недобросовестности в любой форме и в любом формате.

В других источниках и в довольно широких масштабных исследованиях показываются негативная сторона усиления социального неравенства в доступности онлайн-ресурсов высокого качества (бедные становятся беднее, а богатые оказываются в более выигрышном положении, стоимость ресурсов постоянно возрастает, не давая возможности обучаемым с низким уровнем достатка получать необходимый объем информации, развивать индивидуальные умения и навыки), развитие в высших учебных заведениях склонности студентов к плагиату. Параллельно ученые и практики констатируют негативное воздействие на психику, интеллектуальные навыки, когнитивные способности минимизации программ развития мелкой моторики рук, которая предопределяет перспективное развитие личности на всех ступенях образования. Это признают и граждане. Так, достаточно широко анализируется запрет родителями – работниками и разработчиками из «силиконовой долины» использования в учебном процессе их детьми технологических излишеств. Это актуализирует задачу осмысления утверждения Дж. Эйнсли: «Digitization is the integration of digital technologies into everyday life by the digitization of everything that can be digitized» [11]. Сегодня как никогда важен правовой контекст той области, которую можно оцифровывать, а что-то следует и запретить, опираясь на правовые и социокультурные основы.

В связи с изложенным выше возникают вопросы, касающиеся организации планирования деятельности участников образовательного процесса. Авторский анализ показывает, что два важнейших концепта, затрагивающих актуальные задачи системы образования – развитие предпринимательского университета [4, с. 50] и организацию функционирования образования в качестве системы, а не симулякра системности [3, с. 77], являются декларативными, прежде всего из-за абстрактности целевых установок планирования деятельности ведущих субъектов процесса высшего образования.

В зарубежной практике конфликт интересов возникает при диктате со стороны администрации вузов в вопросе финансирования деятельности научных работников. Широкий резонанс вызвала трагическая гибель профессора-исследователя Стефана Гримма (Stefan Grimm, Chair in Toxicology at Imperial College London). Считается, что именно ему принадлежат слова о разрушительном воздействии на науку коммерциализации университетов в условиях Четвертой промышленной революции, когда фундаментальные исследования становятся менее приоритетными по сравнению с краткосрочными и малозначимыми разработками, а академическая наука превращается «в бизнес для спекулянтов» [15], где перспектива получить гранты сравнима с лотереей. Это событие и последовавшая после него реакция научных работников, определявших взаимоотношения исследователей и руководства вузов как феодализм [16], вызвали необходимость изменения акцентов в интеракциях по поводу окупаемости научных проектов и механизма их реализации.

В России ярко проявляется конфликт интересов не между научно-педагогическими работниками и профессорско-преподавательским составом, а между преподавателями, в чьи функции входит, в первую очередь, педагогическая деятельность, и администрацией университетов, которая требует от педагога реализации задач научного сотрудника вместо педагогической деятельности.

Есть и еще один важный нюанс: преподавателем в зарубежных вузах считается профессор и/или лектор, которому помогают работать от 2 до 16 ассистентов и постдоков, не учитываемых в числе профессорско-преподавательского состава. Более того, и аспиранты, и постдоки считаются студентами. Думается, при расширении сети онлайн-обучения студенты, которые в российской статистике рассматриваются как «заочники» и учитываются в так называемом «приведенном контингенте» с коэффициентом 0,1, очно-заочники (вечерники) – с коэффициентом 0,25 (только «очники» учитываются 1 к 1), в зарубежной практике, по имеющимся в распоряжении автора данным, также считаются студентами, и их количество никакими поправочными коэффициентами не корректируется. При расширении поля цифровизации образования такие несоответствия в регламентах учета контингента студентов и в России, и в зарубежных университетах отрицательно повлияют на перспективы сотрудничества и объективность оценок его эффективности.

Выводы

Подводя итог, напомним, что представленные выше аргументы, подтверждающие лишь некоторые из выявленных пробелов в правовом контексте деятельности университетов (различные базы легализации авторского права, правомочий преподавателей и исследователей, руководства университетов, отличия в регламентах статистической информации и т. д.), реально негативно отражаются на формировании индивидуальных, групповых и организационных траекторий непрерывного образования. Думается, это связано с тем, что названо Л. Морриш (Liz Morrish) «тотализирующим и неконтекстуализированным набором показателей (параметров) (a totalising and de-contextualised set of metrics)», заставляющих академиков больше походить на «игроков в какой-то академической версии Голодных игр, где капризные гейммейкеры постоянно меняют правила» работы лекторов [12]. Указанное характеризуется и неопределенностью ситуаций с получением грантов при ужесточении требований к их получению, препятствиями в корреляции профессиональных педагогических задач (учебная нагрузка, проблема оценок, ускорения обратной связи с обучаемыми и пр.) и семейных ценностей, как и направлений научной самоактуализации. Особо подчеркнем, что все это можно отнести к негативным последствиям Четвертой промышленной революции, требующим активизации объединения в общемировом пространстве усилий ученых по минимизации нежелательных социальных экстерналий, а также соответствующих изменений в правовом поле.

Информация об авторе

Татьяна Владимировна Филипповская, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экономики социальной сферы Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург, Россия). Награждена бронзовой медалью Российского общества социологов за развитие социологического знания.

Information about the author

Tatyana V. Filippovskaya, Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Department of Social Sphere Economics, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia. Awarded with a Bronze Medal of the Russian Society of Sociologists for development of sociological knowledge.

Список литературы

1. Андрухина Л. М. Технологии телеприсутствия – новая креативная платформа развития образования // Образование и наука. 2014. № 8 (117). С. 49–66.
2. Васильев Д. С., Валякина Т. С. Концепция иммерсивных сред в профессиональном образовании // Студенческий научный форум : материалы X Международной студенческой научной конференции. 2018. URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018000996> (дата обращения: 28.01.2019).
3. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А., Шуклина Е. А. Существует ли система высшего образования в России? // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 76–86. DOI: 10.7868/S0132162517110095
4. Константинов Г. Н., Филонович С. Р. Что такое предпринимательский университет? // Вопросы образования. 2007. № 1. С. 49–62.
5. Осборн А. Ф. Управляемое воображение: принципы и процедуры творческого мышления : учебное пособие. Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2007. 328 с.
6. Панова Е. С. Креативность: истоки, идеи, реализация : сборник статей. М. : Берлин : Директ-Медиа, 2015. 53 с.
7. Сергеев С. Ф. Эргономика иммерсивных сред : методология, теория, практика : автореферат дис. ... д-ра психол. наук. СПб. : СПбГУ, 2010. 42 с.
8. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 29.01.2019).
9. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. М. : Бомбора, 2018. 320 с.
10. 20 Theses on the Digitalisation of Higher Education // Hochschulforum Digitalisierung. 2016. URL: <https://hochschulforumdigitalisierung.de/en/20-theses-digitalisation-higher-education> (дата обращения: 12.03.2019).
11. Ainslee J. Digitization of education in the 21st century // eLearning Industry. 2018. April 28. URL: <https://elearningindustry.com/digitization-of-education-21st-century> (дата обращения: 28.01.2019).
12. Bhardwa S., Inge S. University Mental Health Day: the weight of expectations // Times Higher Education. 2018. March 1. URL: <https://www.timeshighereducation.com/features/university-mental-health-day-weight-expectations> (дата обращения: 02.03.2019).
13. Craft A., Cremin T., Burnard P., Chappell K. Developing creative learning through possibility thinking with children aged 3–7. London, UK : Trentham, 2008. 184 p.
14. Krathwohl D. A revision of Bloom's Taxonomy: An overview // Theory into Practice. 2002. Vol. 41 (4). P. 212–218.
15. President of Imperial College London: «Professors are really like small business owners» // Mark Carrigan. 2015. April 17. URL: <https://markcarrigan.net/2015/04/17/president-of-imperial-college-london-professors-are-really-like-small-business-owners/> (дата обращения: 12.03.2019).
16. Publish and perish at Imperial College London: the death of Stefan Grimm // DC's Improbable Science. 2014. December 1. URL: <http://www.dcscience.net/>

2014/12/01/publish-and-perish-at-imperial-college-london-the-death-of-stefan-grimm/ (дата обращения: 12.03.2019).

17. The Global Risks Report 2019. 14th edition. Geneva : The World Economic Forum, 2019. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf (дата обращения: 28.01.2019).

Статья поступила в редакцию: 12.08.19

Принята к публикации: 16.09.19

References

1. Andryukhina LM. Tekhnologii teleprisutstviya – novaya kreativnaya platforma razvitiya obrazovaniya [Telepresence Technologies – A New Creative Platform for Education Development]. *Obrazovanie i nauka = Education and Science*. 2014;8(117): 49–66. (In Russ.).

2. Vasilyev DS, Valyakina TS. Kontseptsiya immersivnykh sred v professional'nom obrazovanii [Concept of Immersive Environments in Professional Education]. In: *Studencheskii nauchnyi forum [Students Scientific Forum]: Proceedings of the 10th International Student Scientific Conference*. 2018. Available from: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018000996> [Accessed 28.01.2019]. (In Russ.).

3. Zborovsky GE, Ambarova PA, Shuklina EA. Sushchestvuet li sistema vysshego obrazovaniya v Rossii? [Is There a System of Higher Education in Russia?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Social Studies*. 2017;11: 76–86. Available from: doi:10.7868/S0132162517110095 (In Russ.).

4. Konstantinov GN, Filonovich SR. Chto takoe predprinimatel'skii universitet? [What is Entrepreneurial University?]. *Voprosy obrazovaniya = Issues of Education*. 2007;1: 49–62. (In Russ.).

5. Osborne AF. *Upravlyаемое воображение: принципы и процедуры творческого мышления [Controlled Imagination: Principles and Procedures of Creative Thinking]*. Voronezh: NPO MODEK Publishing House; 2007. 328 p. (In Russ.).

6. Panova ES. *Kreativnost': istoki, idei, realizatsiya [Creativity]: Origins, Ideas, Implementation*. Moscow: Direct Media; 2015. 53 p. (In Russ.).

7. Sergeev SF. *Ergonomika immersivnykh sred : metodologiya, teoriya, praktika [Immersive Environments Ergonomics: Methodology, Theory, Practice]: author's summary of Doctoral Dissertation in Psychology*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2010. 42 p. (In Russ.).

8. Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ (latest revision). *Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii [On education in the Russian Federation]*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ [Accessed 29.01.2019]. (In Russ.).

9. Schwab K, Davis N. *Tekhnologii Chetvertoi promyshlennoi revolyutsii [Shaping the Fourth Industrial Revolution]*. Moscow: Bombora; 2018. 320 p. (In Russ.).

10. 20 Theses on the Digitalisation of Higher Education. *Hochschulforum Digitalisierung*. Website. 2016. Available from: <https://hochschulforumdigitalisierung.de/en/20-theses-digitalisation-higher-education> [Accessed 12.03.2019].

11. Ainslee J. Digitization of education in the 21st century. *eLearning Industry*. Website. 28.04.2018. Available from: <https://elearningindustry.com/digitization-of-education-21st-century> [Accessed 28.01.2019].

12. Bhardwa S, Inge S. University Mental Health Day: the weight of expectations. *Times Higher Education*. Website. 01.03.2018. Available from: <https://www.timeshighereducation.com/features/university-mental-health-day-weight-expectations> [Accessed 02.03.2019].

13. Craft A, Cremin T, Burnard P, Chappell K. *Developing creative learning through possibility thinking with children aged 3–7*. London: Trentham; 2008. 184 p.

14. Krathwohl D. A revision of Bloom's Taxonomy: An overview. *Theory into Practice*. 2002;41(4): 212–218.

15. Mark Carrigan: website. *President of Imperial College London: «Professors are really like small business owners»*. 17.04.2015. Available from: <https://markcarrigan.net/2015/04/17/president-of-imperial-college-london-professors-are-really-like-small-business-owners/> [Accessed 12.03.2019].

16. DC's Improbable Science: website. *Publish and perish at Imperial College London: the death of Stefan Grimm*. 01.12.2014. Available from: <http://www.dcsience.net/2014/12/01/publish-and-perish-at-imperial-college-london-the-death-of-stefan-grimm/> [Accessed 12.03.2019].

17. The World Economic Forum. *The Global Risks Report 2019*. 14th ed. Geneva; 2019. Available from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf [Accessed 28.01.2019].

Submitted 12.08.19 Accepted 16.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L06
УДК [340.12:341.231.14:342.722]:329.12(47)

Идеи прав и свобод человека, гражданственности в правовых идеалах российских либералов

Светлана И. Глушкова,
АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-4926-5507, e-mail: glsvig@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются идеи прав человека, гражданственности, различные варианты моделирования правового идеала ведущими представителями российской политико-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века.

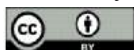
Основная цель исследования – выявить приоритеты и ценностные основания российских либералов при развитии идей прав и свобод человека, правового государства, гражданственности, гражданского общества в различных моделях правовых идеалов, которые могут быть актуальными и в настоящее время.

Сделан вывод о том, что исследование политико-правового наследия российских либералов актуально и в настоящее время, многие их идеи предвосхитили время; ряд исследователей работал на опережение времени, эпохи, культуры; однако многие мыслители и их идеи были незаслуженно забыты. В то время как культура памяти любого народа формируется на основе всего (без идеологических ограничений и репрессивных действий) интеллектуального наследия прошлого, научных трудов и гуманитарных практик классиков общественных и естественных наук.

Многие идеи и подходы классиков российской либеральной политико-правовой мысли должны использоваться в настоящее время при формировании национальных стратегий и программ по защите прав социально уязвимых групп населения, национальной платформы по защите прав человека, национальной программы по образованию в области прав человека.

Ключевые слова: права человека, правовой идеал, правовое государство, гражданское общество, гражданственность, российский либерализм.

Для цитирования: Глушкова С. И. Идеи прав и свобод человека, гражданственности в правовых идеалах российских либералов // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 196–206. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L06.

Ideas of Human Rights and Freedoms and Civic Consciousness in Legal Ideals of Russian Liberals

Svetlana I. Glushkova,

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-4926-5507, e-mail: glsvig@yandex.ru

Abstract. The paper addresses the ideas of human rights, civic consciousness, and various options of modeling the legal ideal by the leading representatives of Russian political and legal thought of the second half of the 19th – early 20th century. The research is primarily aimed at identifying priorities and value fundamentals of Russian liberals as the ideas of human rights and freedoms, rule-of-law state, civic consciousness and civil society developed within various models of legal ideals that can still be relevant today.

A conclusion is made that researching Russian liberals' political and legal legacy is relevant nowadays; many of their ideas were ahead of their time; a number of researchers were working to anticipate their time, era, and culture, while many ideas and thinkers were undeservedly forgotten. Any people's culture of memory, meanwhile, is established based on the whole intellectual heritage of the past (without ideological limitations or repressive actions), academic works and humanities practices of classics of social and natural sciences.

Many ideas and approaches of classics of the Russian liberal political and legal thought should be used nowadays to establish national strategies and programs on protecting the rights of socially vulnerable groups of population, a national platform for human rights protection, and a national educational program on human rights.

Keywords: human rights, legal ideal, rule-of-law state, civil society, civic consciousness, Russian liberalism.

For citation: Glushkova SI. Ideas of Human Rights and Freedoms and Civic Consciousness in Legal Ideals of Russian Liberals. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 196–206. Available from: doi:10.35853/UH-RMP-2019-L06.

Введение

Либеральная традиция исследований прав человека, правовых идеалов, правовой политики нуждается в развитии, новых подходах и дискурсах. И само общество нуждается в постоянном обновлении, развитии либеральных идей, более эффективном моделировании правового государства и гражданского общества, и это вполне реально на основе мощного потенциала либеральной традиции России.

Политико-правовое наследие российской либеральной мысли еще до конца не изучено и нуждается в осмыслении в условиях новых вызовов правам человека, кризиса ценностей, правосознания, правового государства.

И «в русской философии права еще много неисследованных или малоисследованных проблем, периодов, персоналий, ждущих своего изучения» [3, с. 23].

Основная цель исследования – выявить приоритеты и ценностные основания российских либералов при развитии идей прав и свобод человека, правового государства, гражданственности, гражданского об-

щества в различных моделях правовых идеалов, которые могут быть актуальными и в современной России.

Методы исследования

Применены следующие методы: исторический, логический, системный, метод сравнительного анализа в оценках развития идей прав и свобод человека, моделирования правовых идеалов в политико-правовой мысли России.

«Права человека – одна из важнейших проблем современного гуманитарного знания и социальной политики – являются универсальной ценностью, защита и обогащение которой требуют неустанных усилий мирового сообщества» [1, с. 4].

Особенности развития идеи прав человека в России

В России формирование и стройное, концептуальное оформление идей права, прав человека развивалось на грани, а часто при подмене и отождествлении моральных и правовых норм. В обыденном сознании и общественной мысли идеал прав человека не был и не мог быть отражением реальных гуманитарных практик по его воплощению, в силу бесправия и безграмотности народа, его многолетнего политического и гражданского рабства. В результате в общественном сознании существовал диссонанс в виде разрыва между функциональным и нормативным аспектами прав человека, вызванный противоречием между «признанием принципов правового государства и гражданского общества и отсутствием механизмов, способных последовательно проводить эти принципы» [1, с. 5].

Идея прав человека в российской политико-правовой мысли появляется в конце XVIII – начале XIX в. в работах и проектах российских просветителей об отмене крепостного права, законодательном закреплении политических и гражданских свобод, создании парламента (например, Н. И. Панин, А. Н. Радищев, др.), позже – среди современников (А. П. Куницын) и сторонников конституционных идей Александра I (Н. Н. Новосильцов, А. Чарторыйский, др.). Более четко и системно идея прав человека оформляется в первой четверти XIX в. в реформаторских проектах М. М. Сперанского и конституционных проектах декабристов (Н. М. Муравьев, П. И. Пестель).

Результаты и обсуждение

Идея уважения прав и свобод человека – ценностная основа правовых идеалов, ключевая конституционная идея – разрабатывалась в контексте различных правовых, социальных, общественных идеалов, в частности: государственно-правового идеала (Б. Н. Чичерин), идеала нового правового государства как государства «общественного служения» (П. И. Новгородцев, А. С. Алексеев, А. Д. Градовский), идеала правового социализма (Б. А. Кистяковский), идеала культурного социализма (П. Б. Струве), нравственно-правового идеала (П. И. Новгородцев), идеала нового правового государства с элементами общественной солидарности и гражданственности (М. М. Ковалевский), др.

Векторы развития либеральной традиции в России

Либеральная традиция в России изначально развивалась в направлении консервативного либерализма, к основным характеристикам которого можно отнести следующие: 1) оригинальное сочетание пози-

тивистского и естественно-правового подходов в исследованиях права, человека, государства; 2) стремление к осторожной, последовательной, но неизбежной отмене как политического, так и гражданского рабства; 3) утверждение необходимости экономической и политической, правовой и культурной модернизации государственного устройства, в основе которой должны были быть разработки реформаторских проектов российскими учеными и их поэтапное (и, скорее всего, противоречивое и воспринимаемое с сопротивлением, противодействием, препятствием всему новому) внедрение в российской действительности [2].

*Основные характеристики государственно-правового идеала
Б. Н. Чичерина*

Один из родоначальников российской либеральной мысли, консервативный либерал **Б. Н. Чичерин** (1828–1904) разрабатывал государственно-правовой идеал на основе своей оригинальной концепции «либеральных мер и сильной власти». Он обосновал типологию российского либерализма – «уличный», оппозиционный и охранительный либерализм, при этом сам Чичерин отдавал предпочтение охранительному либерализму. Он доказывал, что «свобода не состоит в одном приобретении и расширении прав. Человек потому только имеет права, что он несет на себе обязанности, и наоборот, от него можно потребовать исполнения обязанностей единственно потому, что он имеет права. Все значение человеческой личности и вытекающих из нее прав основано на том, что человек есть существо разумно-свободное, которое носит в себе сознание верховного нравственного закона и в силу свободной своей воли способно действовать по представлению долга» [11].

Основными принципами будущего гражданского общества, по его мнению, должны были стать приверженность частному праву, меновая справедливость, формальное равенство – в противовес имущественному равенству представителей радикальной политико-правовой мысли. При этом среди рисков и препятствий развитию гражданского общества Чичерина больше всего беспокоили постоянные попытки поглощения государством гражданских, частных начал, самостоятельного гражданского порядка.

Реализацию правового идеала (правового государства) в России Б. Н. Чичерин связывал прежде всего с такими прогрессивными реформами, как: создание народного представительства и независимого суда, формирование прочной системы политического и правового образования, просвещение народа для повышения уровня его зрелости, демократизация мысли, приобщение граждан к соучастию в управлении. В то же время, анализируя менталитет и уровень развития народа, Чичерин считал необходимым (так как народ остается, в основном, безграмотным) сохранение сочетания в российской политико-правовой системе следующих трех основ: самодержавия, гражданственности, просвещения [10, с. 16–17].

В дискуссиях о пользе, перспективах демократии или аристократии Чичерин отдавал приоритет последней, считая, что именно сила самодержавия позволила укрепить авторитет России в европейской семье как равноправного члена, «слово которого имеет равновесное значение в судьбах мира» [9], а также помогла преодолеть раздробленность страны и добиться сплочения огромного Российского государства. Он был не готов принять демократию, так как совершенно по-иному решал

вопрос соотношения интересов большинства и меньшинства в парламенте, государстве и обществе: в противовес деспотизму подавляющего большинства Чичерин настаивал на взаимных уступках и соглашениях большинства и меньшинства, обеспечении всех прав той и другой стороны, уважении к закону и праву как со стороны большинства, так и со стороны меньшинства.

С целью предотвращения политического кризиса и перехода к конституционному строю Чичерин уже в 1878 г. в работе «Конституционный вопрос в России» настаивал на созыве народного представительства. Стремясь к началу реализации правового идеала в России, Чичерин доказывал в этот период необходимость предоставления подданным гражданских и политических свобод, как последовательного завершения реформ Александра II – освободителя народа от крепостного права.

Цели правового идеала (правового государства) он видел в защите общего блага, безопасности, охране прав и свобод всех лиц в государстве, осуществлении нравственного порядка, однако обращая внимание на то, что государство не должно превышать пределы в отношении права собственности граждан. В правовом государстве, по мнению Чичерина, гражданам должны быть гарантированы прежде всего следующие личные, политические, экономические права и свободы: неприкосновенность личности в физическом и духовном смысле, свобода совести, право союзов, право защиты чести, право действовать по своему усмотрению, право распоряжаться своей собственностью.

Особенности развития П. И. Новгородцевым нравственно-правового идеала

Представитель «нового либерализма», основатель школы «возрожденного естественного права» **П. И. Новгородцев** (1866–1924) выступал за развитие идей прав человека, расширение каталога прав и свобод человека, формирование в России гражданского общества, за охрану нравственных основ права, отстаивал классическую теорию правового государства. В правовых идеалах и в политике любого цивилизованного государства он считал важным разграничить два приоритета – права человека и права народов, но доказывал необходимость соблюдения как тех, так и других прав.

«Возрожденное естественное право» он рассматривал как развивающееся и обновляющееся право, которое идет вперед в соответствии с потребностями жизни человека, потому что идея права «шире и выше каждой данной правовой системы, и история права представляет собой процесс столкновения и взаимодействия между идеей права и ее временным проявлением» [5].

Для развития нравственно-правового идеала – «нового правового государства» – в России в конце XIX – начале XX в. П. И. Новгородцев считал необходимым предоставление и законодательное закрепление следующих прав и свобод личности: прав самоопределения, прав быть самим собой, прав на отстаивание своих прав на всех уровнях общественной жизни, прав на достойное человеческое существование и в целом неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина. При этом было важно преодолеть или, по крайней мере, минимизировать неизбежный дуализм правового идеала и правовой действительности.

Наряду с развитием основного каркаса модели правового идеала (нового правового государства), Новгородцев считал необходимым моделирование общественного идеала, в котором должны были быть сконцентрированы так называемые запросы и ожидания общества. Основным требованием нового общественного идеала (гражданского общества) он считал следующее: государство должно быть правовым и светским, и это вполне объяснимо стремлением к единому и обязательному для всех правовому порядку, правовому государству, социальному и правовому прогрессу. Новгородцев развивал идею самоограничения государства правами человека, доказывая, что личность, ее права и свободы должны быть главными ценностными основаниями и ориентирами любого правового идеала (традиционного и нового правового государства).

Новгородцев выступал за расширение каталога прав человека, что было важным для моделирования различных, все более прогрессивных правовых и общественных идеалов, продвижения идей прав человека, гражданственности, правовой политики государства; и предлагал обратить пристальное внимание философов права и правоведов на новое, но в то же время основополагающее право – право на достойное существование, которое Новгородцев рассматривал как ключевое для правового идеала (нового правового государства). Размышляя над условиями для защиты и охраны этого права, Новгородцев утверждал в российской либеральной политико-правовой мысли конца XIX – начала XX в. идеи гуманизации права и политики, формирования «политики права» (правовой политики).

Моделирование правовых и общественных идеалов российскими либералами на рубеже XIX–XX вв. свидетельствовало о достаточно важной тенденции: стремлении придать Российскому государству конституционный характер, сохранить целостность государства в условиях революционной смуты, предвещающей крах не только имперских, консервативных, но и либеральных, прогрессивных идей.

Можно согласиться с Новгородцевым, что в условиях кризиса современного правосознания только представители школы «возрожденного естественного права» (с присущим ей этико-правовым подходом к праву и государству) могли предложить новые принципы и основания нравственных, правовых и политических идеалов в России. Как отмечал П. И. Новгородцев, в современный период, «когда человек призывается к нравственному суду над историей», именно данная научная школа помогала академическому сообществу и юридической общественности выполнить задачу определения идеальных начал, принципов моделирования правовых и общественных идеалов. В качестве ценностных оснований и приоритетов школы «возрожденного естественного права» он рассматривал «вечные основы морального сознания, и прежде всего – принцип личности и ее безусловного значения, принципы равенства и свободы, справедливости и любви» [7, с. 7–8].

Моделирование нового правового и светского государства, гражданского общества, преодоление неизбежных противоречий между правом и нравственностью, идеи гуманизации политики и формирования правовой политики, модель свободной личности – все это и многое другое на рубеже XIX – XX вв. было разными вариантами общественного, нравственного, правового, социального идеалов, которые раз-

вивались как мощная основа для будущей конституционной монархии и разработки законодательных актов будущей демократической России.

Для защиты и охраны права на достойное человеческое существование, как важного ценностного основания правового и общественного идеалов Новгородцева, было недостаточно одного провозглашения этого принципа правового государства, и были нужны, по его мнению, следующие юридические последствия: 1) разработка, принятие рабочего законодательства, закрепляющего право на труд, право на социальное обеспечение (по старости, в силу болезни или нетрудоспособности); 2) «широкое допущение профессиональных союзов» и наряду с ними для примирения интересов работодателя и работника создание «нейтральных и посредствующих инстанций»; 3) обязательная общественная и государственная помощь тем, кто не способен к труду, старикам, инвалидам [6, с. 324–326].

Анализируя типологию конструируемых идеалов, Новгородцев отмечал, что в XIX в. формировались преимущественно политические идеалы, а в XX в. – общественные, правовые и социальные идеалы. Это было связано во многом с тем, что XIX в. выявил недостатки многих политических средств, которые были изобретены предыдущими поколениями: парламентаризма, всеобщего избирательного права, референдума, социальных реформ и социального воспитания. Эти политические средства должны поэтому быть заменены новыми, помогающими воплотить в реальную жизнь социальные и общественные идеалы. К новым средствам он относил человеческое действие и нравственное должностное поведение, веру в непреклонную личность (фактически он имел в виду здесь прообраз гражданственности).

Правовой идеал (новое правовое государство) Новгородцева предполагал создание справедливого порядка, основанного на общечеловеческих ценностях, и обеспечение государством неотъемлемых и естественных прав и свобод человека и гражданина; общественный идеал Новгородцева – это идеал общечеловеческого объединения, всемирного равенства и гражданства (так называемое всемирное гражданское общество). При этом одна из важных целей правового и общественного идеалов заключалась, по его мнению, в том, чтобы каждая личность нашла свой путь, умела отстаивать свои права в любой сфере общественной жизни (семье, сословии, классе, церкви, профессиональных союзах и политических партиях, в государственных институтах и др.).

Интегративная модель правового идеала Б. А. Кистяковского

Известный российский правовед, социолог, представитель политической философии неолиберализма **Б. А. Кистяковский** (1868–1920) ключевыми при формировании правового идеала считал следующие права и свободы: свободу совести, религиозную свободу, свободу слова, печати, союзов, собраний, неприкосновенность личности, жилища, переписки; важными гарантиями этих прав и свобод должны были стать гражданское общество, народное представительство – соучастник власти, правовое законодательство. Формирование правового идеала новой России он связывал с трансформацией от прав подданных к правам граждан, и такой переход был возможен при установлении свободы личности от государства, предоставлении личности прав на положительные услуги со стороны государства и на участие в организации государства.

Кистяковский считал неизбежным и важным процесс постепенного развития идеи прав человека и утверждал, что на рубеже XIX–XX вв. формируется новая тенденция – развитие от приоритета национальных прав к приоритету универсальных прав и свобод человека и гражданина [4, с. 542].

Важным достижением Кистяковского было развитие и дополнение каталога прав и свобод человека и гражданина, который начал формироваться представителями либеральной мысли (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев). Кистяковский включает в него следующие права и свободы: неприкосновенность личности, жилища и корреспонденции, свободу передвижения, свободу занятий, свободу совести, слова, печати, собраний, постоянных организаций и союзов, право на правовую охрану со стороны государства, право на судебную защиту, право на обращение к административной власти для восстановления своих прав, активное и пассивное избирательное право, право на занятие государственных должностей, право петиций.

Ценностными основаниями правового идеала, приоритетами будущей правовой политики Российского государства – интегративной модели правового идеала – правового социалистического государства – он считал следующие права и свободы личности, а также начала гражданственности: 1) свободу личности от государства; 2) право личности на положительные услуги со стороны государства; 3) права личности на участие в организации государства, предполагающие право влияния на направления развития государственной политики и деятельности.

Существенной ошибкой, заблуждением, неоправданным уклоном многих представителей российского самодержавия, российской общественной и политико-правовой мысли Кистяковский признавал отождествление власти и правительства, власти и начальства, что вело к утверждению концепции полицейского государства как единственно возможного для России. В то время как власть (влияние на политику государства, участие в управлении государством) должна быть и в руках гражданского общества.

Заключение

От идеи – к практике, от интеллектуального течения – к общественному движению, от размышлений – к гражданскому участию и правовому просвещению

Б. А. Кистяковский, как и многие ведущие российские либералы и просветители (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, М. М. Ковалевский, впервые развивающие, по нашему мнению, новые для России – правозащитный и правочеловеческий дискурсы), был убежден в необходимости последовательного утверждения в российском обществе идей гражданской и правовой культуры, гражданского и правового просвещения, активного гражданского и политического участия, последовательного расширения каталога прав и свобод человека, что было существенным и необходимым для моделирования новых, соответствующих разумным потребностям времени правовых идеалов. Заслугой классиков либеральной политико-правовой мысли России было, в первую очередь, то, что либерализм из «сугубо интеллектуального течения, столь типичного для XIX века», стал в начале XX века широким общественным движением [8, с. 11], ценностные ориентации и приоритеты

которого привлекали, прежде всего, образованную часть российского общества.

Также классики российской либеральной политико-правовой мысли считали важным формирование в обществе – путем правового и гражданского просвещения – идей гражданственности, в понимание которой были включены такие ценностные основания любого правового идеала и приоритеты политики правового государства, как уважение прав человека и человеческого достоинства, равенство всех перед законом и судом, верховенство закона, приоритет силы права перед правом силы, справедливость, ответственность за судьбу своей семьи и своей страны.

В результате анализа развития идеи прав человека, моделирования правовых идеалов в российской либеральной мысли во второй половине XIX – начале XX в. можно выделить следующие тенденции: 1) постепенное развитие от прав поданных к правам личности, а от них – к правам человека, правам личности, правам гражданина; 2) движение от конструирования общественного идеала – к формированию социального и правового идеала, государственно-правового или нравственно-правового идеала; 3) правовой идеал разрабатывается российскими либеральными учеными как теоретическая конструкция взаимодействия общества и государства, ценностные основания и приоритеты которой должны стать основой будущей правовой политики Российского государства; 4) движение от классических моделей будущего классического, «правильного», эффективного и справедливого устройства государства – к интегративным моделям правового идеала (ярким примером интегративной модели стала концепция правового социалистического государства Б. А. Кистяковского); 5) постепенная гуманизация права и политики, утверждение необходимости политики права, учета при ее формировании необходимости защиты и охраны прав и свобод человека, личности, гражданина; 6) попытки российских философов права и правоведов разработать и внедрить свои самостоятельные гуманитарные практики в современном им обществе и государстве; 7) постепенное развитие идей гражданственности, правового и гражданского просвещения народа, развития гражданского общества, актуализации гражданского участия в деятельности государства.

Исследование политико-правового наследия российских либералов актуально и в настоящее время, многие их идеи предвосхитили время; ряд исследователей работал на опережение времени, эпохи, культуры; однако многие идеи и мыслители были незаслуженно забыты, их имена были вычеркнуты из политико-правовой мысли прошлого в советский период, и в настоящее время они далеко не всем известны, их научные труды и политико-правовая деятельность недостаточно изучаются в современном российском обществе. В то время как культура памяти любого народа формируется на основе всего (без идеологических ограничений и репрессивных действий) интеллектуального наследия прошлого, научных трудов и гуманитарных практик классиков общественных и естественных наук.

Многие идеи и подходы классиков российской либеральной политико-правовой мысли должны использоваться в настоящее время при формировании национальных стратегий и программ по защите прав социально уязвимых групп населения, национальной платформы

по защите прав человека, национальной программы по образованию в области прав человека.

Важно разработать эти стратегии и программы, платформы, которые востребованы в современной России, их необходимо формировать, используя прежде всего экспертный потенциал университетских ученых, уполномоченных по правам человека и по правам ребенка, практикующих юристов и других известных специалистов по защите прав человека, представителей институтов общественного контроля и гражданского общества в целом. При разработке современных учебных курсов и научных исследований по правам человека и гражданственности, определении компетенций и основного содержания программ правового и гражданского образования, современного дискурса прав человека необходимо использовать гуманистический потенциал и ценностные приоритеты политико-правового наследия, представленного во многих фундаментальных работах классиков российской либеральной мысли.

Информация об авторе

Светлана Игоревна Глушкова, доктор политических наук, завкафедрой прав человека, замдекана юридического факультета, директор Центра правового просвещения и прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет», председатель Свердловского РО РАПН, эксперт Общественной палаты Свердловской области, председатель Общественного совета по гражданскому образованию Свердловской области (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Svetlana I. Glushkova, Dr. Sci. (Political Science), Head of Human Rights Department, Deputy Dean of Law Faculty, Director of Legal Awareness and Human Rights Center, Liberal Arts University – University for Humanities, Chair of Sverdlovsk Branch of Russian Political Science Association, Expert of Public Chamber of the Sverdlovsk Oblast, Chair of Public Board on Civil Education in the Sverdlovsk Oblast, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Глушкова С. И. Права человека: русские версии. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2000. 215 с.
2. Глушкова С. И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2001. 466 с.
3. Емельянов Б. В. Русская философия права: история становления и развития. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2005. 148 с.
4. Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское) // Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998. 798 с.
5. Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. IV (74). С. 442.
6. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М. : Пресса, 1991. 638 с.
7. Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П. И. Сочинения. М. : Раритет, 1995. 446 с.
8. Российские либералы : сб. статей / под ред. Б. С. Итенберга и В. В. Шелохаева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 573 с.
9. Чичерин Б. Н. Конституционный вопрос в России // Чичерин Б. Н. Философия права. СПб. : Наука : С.-Петербур. изд. фирма, 1998. С. 507.
10. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М. : тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1899. XXIV, 810 с.

11. Чичерин Б. Н. Различные виды либерализма // Чичерин Б. Н. Философия права. СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1998. С. 463.

Статья поступила в редакцию: 10.09.19
Принята к публикации: 14.10.19

References

1. Glushkova SI. *Prava cheloveka: russkie versii [Human Rights: Russian Versions]*. Yekaterinburg: University for Humanities Press; 2000. 215 p. (In Russ.).
2. Glushkova SI. *Problema pravovogo ideala v russkom liberalizme [Problem of Legal Ideal in Russian Liberalism]*. Yekaterinburg: University for Humanities Press; 2001. 466 p. (In Russ.).
3. Emelyanov BV. *Russkaya filosofiya prava: istoriya stanovleniya i razvitiya [Russian Philosophy of Law: History of Establishment and Development]*. Yekaterinburg: Ural University Press; 2005. 148 p. (In Russ.).
4. Kistyakovskiy BA. Gosudarstvennoe pravo (obshchee i russkoe) [State Law (General and Russian)]. In: Kistyakovskiy BA. *Filosofiya i sotsiologiya prava [Philosophy and Sociology of Law]*. Saint Petersburg: Russian Christian Institute for Humanities Press; 1998. 798 p. (In Russ.).
5. Novgorodtsev PI. Gosudarstvo i pravo [State and Law]. *Voprosy filosofii i psikhologii = Issues of Philosophy and Psychology*. 1904;4(74): 442. (In Russ.).
6. Novgorodtsev PI. *Ob obshchestvennom ideale [On Public Ideal]*. Moscow: Pressa; 1991. 638 p. (In Russ.).
7. Novgorodtsev PI. Pravo na dostoinoe chelovecheskoe sushchestvovanie [Right for Decent Human Existence]. In: Novgorodtsev PI. *Sochineniya [Writings]*. Moscow: Raritet; 1995. 446 p. (In Russ.).
8. Itenberg BS, Shelokhaev VV. (eds.) *Rossiiskie liberaly [Russian Liberals]: Collection of Essays*. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2001. 573 p. (In Russ.).
9. Chicherin BN. Konstitutsionnyi vopros v Rossii [Constitutional Issue in Russia]. In: Chicherin BN. *Filosofiya prava*. Saint Petersburg: Nauka; 1998. p. 507. (In Russ.).
10. Chicherin BN. *O narodnom predstavitel'stve [On Representation of People]*. Moscow: Printing Works of I. D. Sytin Fellowship; 1899. xxiv, 810 p. (In Russ.).
11. Chicherin BN. Razlichnye vidy liberalizma [Various Types of Liberalism]. In: Chicherin BN. *Filosofiya prava*. Saint Petersburg: Nauka; 1998. p. 463. (In Russ.).

Submitted 10.09.19 Accepted 14.10.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L07

УДК 340(091)(47)

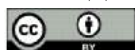
Истоки государственно-правовых идей русских масонов конца XVIII – первой четверти XIX века

Алексей В. Дмитриев,
АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-4342-5821, e-mail: talveg@mail.ru

Аннотация. Предпосылкой исследования стало распространение в современной научной литературе мнений, что идеология русского масонства связана с конституционализмом и орденом иллюминатов, а теория общего блага – формальное обоснование произвола государя. Основная цель исследования – анализ концепций общего блага в учении отечественных и зарубежных мыслителей, а также в положениях актов и сочинений русских масонов. Автором используются методы истории понятий и интеллектуальной истории, с их помощью анализируется связь идей Ф. Прокоповича, С. Пуфендорфа, В. Н. Татищева, Я. Ф. Бильфельда, И. Г. Юсти с положениями масонских уставов и сочинениями русских масонов – А. П. Сумарокова, И. В. Лопухина, И. А. Поздеева. Автор пришел к основным результатам: общее благо в основном понимается как объединение волей, достижимое при условии реализации блага каждого. Концепция общего блага включает принцип органичного единства власти и общества, а также принцип исполнения взаимных обязанностей государем и гражданами (подданными), при несоблюдении которого разрушаются нравы и происходит падение государства. Основные выводы исследования свидетельствуют о том, что русские масоны переняли теоретические конструкции общего блага, взаимных обязанностей государя и подданных (граждан), нравственной природы воли. Данные идеи русские масоны развили в собственном творчестве, интерпретировав их преимущественно в консервативно-охранительном ключе. Политический идеал русского масонства – это единая и неделимая сословная монархия во главе с просвещенным монархом, произвол которого по управлению гражданским обществом ограничен естественным и божественным правом.

Ключевые слова: масонство, общее благо, Бильфельд, Пуфендорф, Татищев, Юсти.

Для цитирования: Дмитриев А. В. Истоки государственно-правовых идей русских масонов конца XVIII – первой четверти XIX века // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 207–215. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L07.

Origins of State and Legal Ideas of Russian Freemasons in the Late 18th – First Half of the 19th Century

Alexey V. Dmitriyev,

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-4342-5821, e-mail: talveg@mail.ru

Abstract. The research was triggered by the opinions spreading in the contemporary academic literature, according to which the ideology of Russian freemasonry was associated with constitutionalism and Order of Illuminati, and the theory of public welfare was a formal rationale for the monarch's unlimited power. The main goal of this research is analyzing the public welfare concepts in the teachings of Russian and foreign thinkers, as well as in provisions of acts and writings of Russian freemasons. The author uses methods of the history of notions and the intellectual history to analyze the links between F. Prokopovich's, S. Pufendorf's, V. N. Tatishchev's, Y. F. Bilfeld's and I. G. Justi's ideas and provisions of freemasons' charters and writings by Russian freemasons – A. P. Sumarokov, I. V. Lopukhin, I. A. Pozdeyev. The author's core findings were as follows: public welfare is mostly understood as a merging of wills achievable on condition of realizing everyone's welfare. The concept of public welfare includes the principle of a limited union between the authorities and the society, as well as the principle of fulfilling mutual obligations by the monarch and citizens (subjects), failing which the morals decline and the state falls. The study's main conclusions illustrate that Russian freemasons adopted theoretical constructs of public welfare, mutual obligations of the monarch and the subjects (citizens), and the moral nature of will. Russian freemasons developed these ideas in their own works, interpreting them mainly in the conservative and protective vein. The political ideal of the Russian freemasonry is a single and indelible limited monarchy headed by an enlightened monarch whose authority of governing the civil society is limited by the natural law and the law of God.

Keywords: freemasonry, public welfare, Bilfeld, Pufendorf, Tatishchev, Justi.

For citation: Dmitriyev AV. Origins of State and Legal Ideas of Russian Freemasons in the Late 18th – First Half of the 19th Century. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 207–215. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-L07.

Введение

В современной научной литературе уделяется весьма мало внимания государственным и правовым идеям русских масонов, а также их идейным истокам. Вместе с тем осмысление идей русских масонов о государстве и праве и определение их интеллектуальной природы позволяет по-новому взглянуть на теорию общественного блага и ее роли в истории учения о праве и государстве. Идейными основами политических и правовых взглядов русского масонства занимались В. Ю. Захаров, Т. В. Андреева, В. А. Томсинов. Поэтому в научной литературе распространилось мнение, что идеология русского масонства тесно связана с конституционализмом (лозунгом «свобода, равенство, братство») [5, с. 172] и орденом иллюминатов [2, с. 102], а теория общего блага, начиная с Петра I, представляла собой, по сути, не что иное, как удобное обоснование произвола государя [18, с. 172]. Однако эти утверждения являются спорными. Цель статьи – изложение анализа кон-

цепций общего блага в учении отечественных (Ф. Прокопович, В. Н. Татищев), зарубежных (С. Пуфендорф, Я. Ф. Бильфельд, И. Г. Юсти) мыслителей, а также в положениях масонских актов, сочинениях русских масонов.

Методы исследования

Для получения результатов мной использован метод истории понятий и интеллектуальной истории. Из массива литературы были выбраны и проанализированы источники, объединенные историческим контекстом и общим понятийным рядом, на предмет генезиса и развития идей о праве и государстве.

Результаты и обсуждение

Один из первых популярных авторов теории общего блага, известных в России, стал Самуэль фон Пуфендорф (1632–1694) – немецкий теоретик права, историк и философ. Среди его произведений следует упомянуть «Элементы универсальной юриспруденции» (1661), «Право естественное и народное» (1672), «Об обязанностях человека и гражданина по естественному праву» (1673), которое было по указу Петра I переведено на русский язык и опубликовано в 1726 году [10].

В начале XVIII в. теорию общего блага в России подхватили Феофан Прокопович (1681–1736) и Василий Никитич Татищев (1686–1750). Ф. Прокопович известен как русский писатель, философ, первый вице-президент Святейшего правительствующего синода (с 1721 г.), архиепископ Новгородский (с 1725 г.), писатель по вопросам богословия, философии, права, педагогики, взгляды на государство и право отразил в произведении «Правда воли монаршей» (1722). В. Н. Татищев – русский историк, географ, философ, правовед, государственный деятель, он оставил произведения, в которых прослеживаются его государственные и правовые взгляды: «Духовная Василия Никитича Татищева» (1733–1734), «Разговор о пользе наук и училищ» (1733–1736), «Рассуждение о правлении государственном» (1746–1750). И Ф. Прокоповича и В. Н. Татищева объединяет европейское образование и использование секулярной риторики: они долгое время обучались и жили за границей среди разных культур, религий (Ф. Прокопович – в Польше, германских герцогствах, Пруссии и в Папской области; В. Н. Татищев – в Чехии, германских герцогствах, Пруссии, Швеции и Дании).

С середины XVIII века в России получают распространение новые авторы, работающие в русле концепции общего блага, – Я. Ф. Бильфельд и И. Г. Юсти. Якоб Фридрих Бильфельд (1716–1770) – это немецкий экономист, юрист и государственный деятель, советник прусского короля Фридриха Великого, он был посвящен в масоны в Гамбурге в 1737 году. Я. Ф. Бильфельд является автором опубликованных на французском языке «Политических наставлений» («Institutions politiques», 1760). На русский язык «Политические наставления» были переведены по указу Екатерины II кн. Федором Шаховским и проф. Антоном Барсовым [4]. Иоганн Генрих Готлиб фон Юсти (1717–1771) – немецкий экономист, правовед, профессор, прусский министр. Среди его произведений следует упомянуть: «План хорошего правительства» (1759), «Основы власти и блаженства государств» (1760–1761), «Принципы науки о полиции» (1782). В России получило распространение его произведе-

дение, переведенное Авраамом Волковым, – «Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов» [20]. Его произведения читала Екатерина II при составлении Наказа о составлении проекта нового уложения в 1767 году.

Анализ произведений ученых показывает, что общим местом является концепция общего блага и блага каждого, по которой общее благо достижимо при условии реализации блага каждого. Общее благо понимается как объединение волей через ограничение частных волей в разумных пределах. Ученые демонстрируют нам принцип единства власти, общества и даже понятий, понимаемых ими как однородные сущности. Этот принцип являет собой противоположность принципу разделения властей. Важной частью общей концепции является принцип исполнения обязательств как подданных (граждан), так и самого правителя, что является, в свою очередь, основой государства и ведет к общей пользе. При неисполнении взаимных обязательств, разумеется, разрушаются нравы и происходит неизбежное падение государства. Нравы и взаимные обязательства укрепляются при соблюдении 3 видов законов: божественного, естественного человеческого и позитивного человеческого, с помощью исполнения которых достигается общее благо.

Наряду с общими характеристиками имеются и отличия в интерпретации общего блага. Так, С. Пуфендорф дает понятия «общего блага», «свободы воли», «начальствующего», «соединения волей», «должности», «закона», «чина» [10, с. 19, 26, 31, 32, 34]. У С. Пуфендорфа монарх ограничен естественным законом, поскольку у монарха и граждан (С. Пуфендорф использует термин «граждане») имеются взаимные обязательства по отношению друг к другу [10, с. 75, 83, 162–163]. Необходимо отметить конструкцию, вводимую С. Пуфендорфом, – это понятие «животного гражданского или политического» – гражданина, который преодолел естественные склонности к произволу ради общего блага [10, с. 57, 157].

Что касается Ф. Прокоповича, то он пытается совместить принцип абсолютной, неограниченной власти монарха и теорию общего блага. Поэтому у него монарх ограничен лишь божественным законом, должен иметь положительные нравственные качества и стремиться к общему благу [19, с. 1, 15, 18, 22, 29, 30]. Частным случаем действия этого правила является возможность и обязанность монарха в определенных случаях поменять наследника [19, с. 27–30, 37, 41, 59]. После занятия монархом престола подданные (Ф. Прокопович использует термин «подданные») обязаны терпеть его злоупотребления во избежание общего вреда [19, с. 31, 32].

Обращаясь к произведениям В. Н. Татищева, мы видим, что они содержат в основном упрощенное и сокращенное изложение концепции общего блага С. Пуфендорфа. Это редукция, которая не содержит расшифровки понятий. Но главная идея автором была усвоена – это важность соединения волей, ограниченных любовью и договором, при котором все граждане должны сословные обязанности во общее благо исполнять [15, с. 25, 27; 17, с. 83–85, 86, 111, 117, 121, 122, 128]. Правитель же должен заботиться о пользе и покое граждан, принимать законы и править согласно божественным правилам [17, с. 85, 86, 117, 119, 124, 125]. У В. Н. Татищева также имеется рассуждение о необходимости для большой территории иметь едино- и самовластье [16, с. 147].

Я. Ф. Бильфельд подверг модернизации концепцию общего блага. Он объясняет связь целости с частной волей. Им выделяется 25 причин падения государства, среди которых падение нравов – лишь одна из многих [4, с. 467]. Для обоснования целости государственной власти автор использует понятие «единство круга» [4, с. 460]. Государь здесь является членом гражданского общества, который обязан любить граждан и делать их благополучными. Сила и причина для этого коренятся в осознании и любви к себе самому. Государь, согласно концепции Я. Ф. Бильфельда, подчиняется требованиям естественного и народного права, особенно в вопросе порядка престолонаследия, а также исполняет заключенные им соглашения [4, с. 34, 46]. Новеллой концепции становится обоснование возможности цареубийства [4, с. 485]: тирана на троне можно убить ради блага Отечества (собственно, это положение концепции теоретически объясняет будущее убийство Павла I, который, по мнению современников, был тираном и вмешивался в личную жизнь подданных).

У И. Г. фон Юсти можно обнаружить понятие «нравственного соединения воль» – более разработанной абстракции [20, с. 29–30]. Автор еще подробнее расшифровывает общее благо, которое понимается им как стремление каждого к благополучию каждого. И. Г. Юсти разрабатывает дополнительное положение, согласно которому благо всех равняется благу каждого, эти понятия в его интерпретации взаимосвязаны и взаимозависимы [20, с. 39, 47]. Автор также категорически отрицает деспотизм, когда ради собственного блага правитель допускает жесточайшие несправедливости. И. Г. Юсти отмечает, что при достижении каждым своего блага достигается благо общее. Поэтому каждый гражданин обязан заботиться как о своем, так и об общем благе. Чтобы избежать злоупотреблений, для достижения благоденствия подданных и самого монарха, монарх должен наложить на себя ограничение [20, с. 42, 75, 76, 78, 198, 199] – это положение противоречит концепциям абсолютного и полицейского государства. У предшественников это положение отсутствует.

Масоны восприняли теорию общего блага. Об этом свидетельствуют используемые ими термины, характеризующие цель и задачи масонских собраний: «всеобщее благо», «польза каждого брата» [6, л. 184], «благосостояние общества», «общая польза человеческого рода», «благосостояние граждан», «благосостояние всех государств» [3, л. 17, 22, 23, 77, 103], «благо человечества» [1, л. 7]. Масонские акты наполнены положениями о всемирном братстве, космополитизме, о благосостоянии сограждан. Масоны восприняли идею свободной воли и идею исправления нравов, реализовав их в положениях уставов и актов. Исполнение обязательств есть одна из важнейших основ деятельности масонского ордена. Что касается отношения к публичной власти, то масоны поддерживали единство и неделимость власти, единовластие рассматривали как идеальную форму правления. Прусские масоны, которые курировали распространение масонской системы розенкрейцеров в России, безусловно, знали произведения немецких ученых об общем благе. Тем более, что некоторые из них сами являлись масонами, а также входили в ближайшее окружение Фридриха Великого, возглавлявшего ряд масонских лож Пруссии. На произведения Я. Ф. Бильфельда и И. Г. Юсти имеется ссылка в книге Бернхарда Жозефа Шлейсса

фон Ловенфельда (1731–1800), также известного немецкого масона, скрывавшегося под псевдонимом Карла Губерта Лабрейха фон Плуменака, «Открытое влияние Истинного Свободного Каменщичества, во всеобщее благо Государств» [8, с. 27]. Данная книга была напечатана в России, в Москве, на русском языке в 1816 г. и стала частью библиотечной коллекции русских масонов; впоследствии она была запрещена к распространению. Не нужно забывать и о том, что многие русские масоны хорошо знали немецкий язык, читали литературу на немецком языке, осуществляли переводы немецкоязычной литературы по указанию российских монархов.

Теорию общего блага в своих произведениях выразили многие русские масоны, среди которых следует упомянуть Александра Петровича Сумарокова (1717–1777) [11, с. 964, 965], Ивана Владимировича Лопухина (1756–1816) [11, с. 951, 952, 956, 964] и Иосифа Алексеевича Поздеева (1742–1820) [11, с. 650]. Их произведения – «Сон щастливое общество» [14], Епистола «Любовь к отечеству есть перва добродетель» [12], «Слово на день Коронавания Ея Величества Императрицы Екатерины II» [13], «Некоторые черты о внутренней церкви... с присовокуплением краткого изображения качеств и должностей истинного христианина» [7], «Мысли противу дарования простор народу так называемой гражданской свободы» [9] демонстрируют идейную близость представлениям С. Пуфендорфа и В. Н. Татищева о государстве и праве.

Согласно исследованиям Б. Телепнева, русские масоны конца XVIII – первой четверти XIX века «разделяли идеи морали, религии, христианского мистицизма и лояльности национальным традициям» [23, р. 6]. В политическом отношении розенкрейцеры были лояльными приверженцами монархического правительства, деятельность которого была направлена против любых «революционных идей». Они отвратили французскую революцию и ее последователей от России [22, р. 12–13]. Шведская система масонства в России приняла форму организации, целью которой была также защита моральных принципов религии, права и порядка. Ее приверженцы выступали против атеистических и радикальных идей, существующих в то время по всей Европе [21, р. 20–21].

Заключение

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод: государственные и правовые идеи русских масонов формировались как под влиянием идей русских мыслителей – В. Н. Татищева и Ф. Прокоповича, так и немецких ученых – правоведов С. Пуфендорфа, Я. Ф. Бильфельда, И. Г. Юсти. Они содержали конструкции общего блага, взаимных обязанностей государя и подданных (граждан), нравственной природы воли. Данные идеи русские масоны восприняли и развили в собственном творчестве, интерпретировав их преимущественно в консервативно-охранительном ключе. Главным законодателем является Бог-Отец, основой гражданского закона являются нравы народа и лучшей его части – дворянства, из порчи нравов и уничтожения религии проистекает крушение государства и права. Политический идеал русского масонства – это единая и неделимая сословная монархия во главе с просвещенным монархом, произвол которого по управлению гражданским обществом ограничен естественным и божественным правом.

Информация об авторе

Алексей Вениаминович Дмитриев, выпускник аспирантуры Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Alexey V. Dmitriyev, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Акты // НИОР РГБ. Ф. 14. № 65, нач. XIX в. 168 лл. (4 ч.).
2. Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение : дис. ... д-ра ист. наук. СПб. : Нестор-История, 2010. 1101 с.
3. Библиотека, Содержащая в себе некоторые герметические, каббалистические магические и иные книги; также писания высокохвальных братьев Злато-розового креста, истинных свободных каменщиков древний системы // НИОР РГБ. Ф. 14. № 1588. 218 лл.
4. Билфелд Я. Ф. Наставления политическая барона Билфелда / перевел с французского языка коллежский советник и красноречия профессор Антон Барсов. Ч. 2. М. : Печатаны при Императорском Московском университете, 1775. 498 с.
5. Захаров В. Ю. Российский конституционализм 2-ой половины XVIII – 1-ой четверти XIX вв. в контексте развития западноевропейской правовой мысли : дис. ... д-ра ист. наук. М. : Московский педагогический государственный университет, 2010. 1142 с.
6. Конвенция седьмая. Разсуждение о пятой должности // НИОР РГБ. Ф. 14. № 1657. 260 лл.
7. Лопухин И. В. Некоторые черты о внутренней церкви, о едином пути истинны и о различных путях заблуждения и гибели с присовокуплением краткаго изображения качеств и должностей истиннаго христианина. СПб. : В типографии Иос. Иоаннесова, 1816. 111 с.
8. Плуменек К. Г. Влияние истиннаго свободаго каменщичествова во всеобщее благо государств, обнаруженное и доказанное из истинной цели первоначальнаго его установления (основания). М. : В Университетской типографии, 1816. 211 с.
9. Поздеев И. А. Мысли противу дарования простор народу так называемой гражданской свободы. 1814 // НИОР РГБ. Ф. 147. № 292. 26 лл.
10. Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному : русский перевод 1726 года : в 2 т. Т. I. СПб. : Нестор-История, 2011. 214 с.
11. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 : энцикл. словарь. М. : РОССПЭН, 2001. 1222 с.
12. Сумароков А. П. Епистола. Любовь к отечеству есть перва добродетель // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. М., 1787. Ч. 1. С. 325–327.
13. Сумароков А. П. Слово на день Коронования Ея Величества Императрицы Екатерины II // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. М., 1787. Ч. 2. С. 229–237.
14. Сумароков А. П. Сон щастливое общество // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений : в стихах и прозе. 2-е изд. М. : Унив. тип., 1787. Ч. 6. С. 363–370.
15. Татищев В. Н. Духовная Василия Никитича Татищева. Лейпциг : Вольфганг Гергард, 1862. 40 с.
16. Татищев В. Н. Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства руского о правлении государственном // Татищев В. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 7-8. М. : Ладомир, 1996. С. 146–152.

17. Тагищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Тагищев В. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 7-8. М. : Ладомир, 1996. С. 51–132.
18. Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М. : Зерцало, 2003. 256 с.
19. Феофан (Прокопович). Правда воли монаршей. М. : Напечатана в Московской типографии, 1722. 59 с.
20. Юсти И. Г. Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов / сочиненное г. Юсти ; с немецкаго на российской язык перевел ВРМ ВЛКВ [Авраам Волков]. М. : Печатано при Императорском Московском университете, 1770. 384 с.
21. Telepneff B. A Few Pages from the History of Swedish Freemasonry in Russia. 1928. 23 p.
22. Telepneff B. Rosicrucians in Russia. 1924. 17 p.
23. Telepneff B. Russian Masons. 1925. 32 p.

Статья поступила в редакцию: 01.07.19
Принята к публикации: 02.09.19

References

1. Akty [Acts]. In: *NIOR RGB [Research & Development Department, Russian State Library]*. F. 14. No. 65 (early 19th Century). 168 p. (In Russ.).
2. Andreeva TV. *Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v.: pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie [Secret Societies in Russia in the First Third of the 19th Century: Government Policy and Public Opinion]: Doctoral Dissertation in History*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2010. 1101 p. (In Russ.).
3. Biblioteka, Soderzhashchaya v sebe nekotorye germeticheskie, kabbalisticheskie magicheskie i inye knigi; takzhe pisaniya vysokokhval'nykh brat'ev Zlatorozovogo kresta, istinnykh svobodnykh kamenshchikov drevnii sistemy [Library Containing Certain Hermeneutic, Cabbalistic, Magical and Other Books; Also Writings of Highly Esteemed Brothers of the Rose Cross, True Free Masons of the Ancient System]. In: *NIOR RGB [Research & Development Department, Russian State Library]*. F. 14. No. 1588. 218 p. (In Russ.).
4. Bilfeld YF. *Nastavleniya politicheskaya barona Bilfelda [Political Instructions by Baron Bilfeld]: translated from the French language by Anton Barsov, Collegiate Counsellor and Professor of Elocution*. Moscow: the Imperial Moscow University; 1775. P. 2. 498 p. (In Russ.).
5. Zakharov VY. *Rossiiskii konstitutsionalizm 2 poloviny XVIII – 1 chetverti XIX vv. v kontekste razvitiya zapadnoevropeiskoi pravovoi mysli [Russian Constitutionalism of the 2nd Half of the 18th – 1st quarter of the 19th Century in the Context of Development of the West European Legal Thought]: Doctoral Dissertation in History*. Moscow: Moscow State Pedagogical University; 2010. 1142 p. (In Russ.).
6. Konventsiya sed'maya. Razsuzhdenie o pyatoi dolzhnosti [Seventh Convention. Reflection on the Fifth Position]. In: *NIOR RGB [Research & Development Department, Russian State Library]*. F. 14. No. 1657. 260 p. (In Russ.).
7. Lopukhin IV. *Nekotoryya cherty o vnutrennei tserkvi, o edinom puti istinny i o razlichnykh putyakh zabluzhdeniya i gibeli s prisovokupleniem kratkago izobrazheniya kachestv i dolzhnostei istinnago khristiyanina [Certain Properties of Internal Church, on Common Path of Truth and on Various Ways of Fallacies and Ruination with Addition of a Brief Outline of Qualities and Positions of a True Christian]*. Saint Petersburg: At Iosiph Ioannesov's printing works; 1816. 111 p. (In Russ.).
8. Plumenek KG. *Vliyanie istinnago svobodnago kamen'shchichestva vo vseobshchee blago gosudarstv, obnaruzhennoe i dokazannoe iz istinnoi tseli pervonachal'nago ego ustanovleniya (osnovaniya) [Influence of True Free*

Masonry for Common Welfare of Countries, Detected and Proven from True Purpose of its Initial Establishment (Foundation). Moscow: University Press; 1816. 211 p. (In Russ.).

9. Pozdeyev IA. Mysli protivu darovaniya prostor narodu tak nazyvaemoi grazhdanskoi svobody. 1814 [Thoughts Countering the Granting of the So-Called Civil Freedom to Common People. 1814]. In: *NIOR RGB [Research & Development Department, Russian State Library]*. F. 147. No. 292. 26 p. (In Russ.).

10. Pufendorf S. *O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu : russkii perevod 1726 goda : v 2 t. T. 1 [On Position of Human and Citizen According to Natural Law: Russian Translation of 1726: in 2 vol. Vol. 1]*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2011. 214 p. (In Russ.).

11. Serkov AI. *Russkoe masonstvo. 1731–2000 [Russian Freemasonry. 1731–2000]*. Moscow: ROSSPEN; 2001. 1222 p. (In Russ.).

12. Sumarokov AP. Epistola. Lyubov' k otechestvu est' perva dobrodetel' [Epistle. Love to Motherland is the First of Virtues]. In: Sumarokov AP. *Polnoe sobranie vsekh sochinenii [Complete Works]*. Moscow; 1787. P. 1. p. 325–327. (In Russ.).

13. Sumarokov AP. Slovo na den' Koronovaniya Eya Velichestva Imperatritsy Ekateriny II [Speech on the Coronation Day of Her Majesty Empress Catherine II]. In: Sumarokov AP. *Polnoe sobranie vsekh sochinenii [Complete Works]*. Moscow; 1787. P. 2. p. 229–237. (In Russ.).

14. Sumarokov AP. Son shchastlivoe obshchestvo [Dream of a Happy Society]. In: Sumarokov AP. *Polnoe sobranie vsekh sochinenii v stikhakh i proze [Complete Works in verse and prose]*. Moscow: University Press; 1787. P. 6. p. 363–370. (In Russ.).

15. Tatishchev VN. *Dukhovnaya Vasiliya Nikiticha Tatishcheva [Testament of Vasily Nikitich Tatishchev]*. Leipzig: Wolfgang Gergard; 1862. 40 p. (In Russ.).

16. Tatishchev VN. Proizvol'noe i soglasnoe razsuzhdenie i mnenie sobravshegosya shlyakhetstva ruskogo o pravlenii gosudarstvennom [Undirected and Aligned Reflection and Opinion on State Governance of Assembled Russian Gentry]. In: Tatishchev VN. *Sobranie sochinenii : v 8 t. T. 7-8 [Collection of works in 8 vol. Vol. 7-8]*. Moscow: Ladamir; 1996. p. 146–152. (In Russ.).

17. Tatishchev VN. Razgovor dvukh priyatelei o pol'ze nauki i uchilishchakh [Conversation of Two Fellows on Use of Science and Schools] In: Tatishchev VN. *Sobranie sochinenii : v 8 t. T. 7-8 [Collection of works in 8 vol. Vol. 7-8]*. Moscow: Ladamir; 1996. p. 51–132. (In Russ.).

18. Tomsinov VA. *Istoriya russkoi politicheskoi i pravovoi mysli. X–XVIII veka [History of Russian Political and Legal Thought of the 10th – 18th Century]*. Moscow: Zertsalo; 2003. 256 p. (In Russ.).

19. Theophanes (Prokopovich). *Pravda voli monarshei [Truth of Royal Will]*. Moscow: Moscow Printing Works; 1722. 59 p. (In Russ.).

20. Justi IG. *Sushchestvennoe izobrazhenie estestva narodnykh obshchestv i vsyakogo roda zakonov [Pertinent Reflection on the Essence of Public Communities and Various Types of Laws]*. Moscow: the Imperial Moscow University; 1770. 384 p. (In Russ.).

21. Telepneff B. *A Few Pages from the History of Swedish Freemasonry in Russia*. 1928. 23 p.

22. Telepneff B. *Rosicrucians in Russia*. 1924. 17 p.

23. Telepneff B. *Russian Masons*. 1925. 32 p.

Submitted 01.07.19 Accepted 02.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L08
УДК 34:92

С. С. Алексеев о праве и правах человека в эпоху радикальных перемен

Олег А. Шипицин,

АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0003-1826-4744, e-mail: aaabbb011@mail.ru

Аннотация. Автором рассматриваются научные взгляды С. С. Алексеева на отношения человека и советского государства с позиции власти и подчинения, а также обеспеченности прав и законных интересов человека и гражданина. В связи с тем, что ключевые функции государства заключаются в реализации власти и управления в обществе, т. е. в воздействии на общество тем или иным образом для достижения определенных результатов, целью намеченного исследования является определение соотношения реализуемого государством правового воздействия и правового положения личности в таком государстве и обществе, а также оценка реального обеспечения прав и свобод человека. Для достижения поставленной цели были использованы системный и исторический методы правовых исследований. Результаты исследования свидетельствуют о том, что реализованные в Советской России политический и правовой режим не достигли первоначально заявленных целей, а фактические правовые условия, в которых были вынуждены жить граждане советского государства, только угнетали и подавляли человека, права и свободы которого не имели реально обеспеченного характера. При этом поддерживается идея о том, что преобразования политико-правового характера последнего десятилетия XX века являются закономерным следствием предшествующих событий, поскольку именно в праве свобода людей получает реальный и обеспеченный характер.

Ключевые слова: учение о праве С. С. Алексеева, политическая власть, политический режим, правовое воздействие, метод правового регулирования, субъективные права.

Для цитирования: Шипицин О. А. С. С. Алексеев о праве и правах человека в эпоху радикальных перемен // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 216–223. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-L08.

S. S. Alexeyev on Law and Human Rights in the Era of Drastic Changes

Oleg A. Shipitsyn,

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-1826-4744, e-mail: aaabbb011@mail.ru

Abstract. The author reviews S. S. Alexeyev's scholarly views concerning the relations between the individual and the Soviet state from the power and submission perspective, and also assurance of individual's and citizen's rights and legitimate interests. Taking into account that the state's key functions are exercise of power and governance in the society, i.e. making an impact on the society in a certain way to achieve specific results, the purpose of the intended research is identifying the relation between the legal impact made by the state and the individual's legal position in such a state and a society, as well as assessing the actual assurance of human rights and freedoms. To achieve the established goal, systemic and historical method of legal research were applied. The research findings demonstrate that the political and legal regime implemented in the Soviet Russia did not achieve the originally declared goals, while the actual legal conditions under which Soviet citizens had to exist only suppressed and infringed upon the individual, whose rights and freedom had no actual assurance. It is argued that transformations of political and legal nature in the last decade of the 20th century are a legitimate consequence of the preceding events, since it is the law that makes human freedom real and assured.

Keywords: S. S. Alexeyev's teaching on law, political power, political regime, legal impact, method of legal regulation, legal rights.

For citation: Shipitsyn OA. S. S. Alexeyev on Law and Human Rights in the Era of Drastic Changes. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 216–223. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-L08.

Введение

Сергей Сергеевич Алексеев – это знаковая фигура для отечественной юриспруденции. Впервые познакомившись с правом в 1945 году после демобилизации из армии, исследователь посвятил юридической науке, изучению правовых конструкций и материи права всю свою жизнь, что позволило автору оставить необъятное научное наследие. Как указала С. И. Глушкова, по изменяющимся по ходу развития России названиям его работ можно проследить историю развития отношения к праву и правам человека в российском обществе и государстве [10, с. 103]. Иными словами, автор, будучи очевидцем событий, сопровождавших процесс становления современного общества, права и государства, отразил эти события, их оценку и переживания в своих трудах, что позволяет современным исследователям получить представление о правах человека в советскую эпоху.

Изучение права и прав человека советского периода отечественной истории в контексте действовавшего политического режима и сопутствовавшего ему правового режима имеет большое значение. Эффективность правового регулирования (наряду с другими факторами) во многом обусловлена объективными пределами воздействия права на общественные отношения, а также соотношением правового регулирования с производимым им социальным эффектом [1]. Советский

опыт позволяет современным исследователям дать оценку эффективности реализованных в XX веке способов правового воздействия на общественные отношения, в частности с той целью, чтобы определить применимость таких способов в условиях новой России, прогнозировать их возможный социальный эффект, а также позволяет определить пути движения и развития права и прав человека.

Методы исследования

Для достижения поставленной цели при изучении права и прав человека советского периода были использованы системный, исторический и биографический методы правовых исследований, где в качестве систем рассматриваются социальные отношения в целом, право и политико-правовая надстройка советского общества, которые, с одной стороны, являются самостоятельными системами со свойственной им внутренней организацией, а с другой стороны, взаимодействуют и оказывают взаимное влияние друг на друга. При этом такие системы являются динамичными и рассматриваются в контексте своего исторического развития и преобразования через призму научного творчества выдающегося ученого.

Результаты и обсуждение

На начальном этапе становления советского государства В. И. Ленин, оправдывая необходимость глубоких политико-правовых перемен, указал, что администрация в дореволюционной России могла запретить всё, что ей угодно, т. е. в разовом индивидуальном порядке запретить неудобное ей поведение рабочих [2]. Предполагалось, что после намеченных политико-правовых преобразований, в условиях строжайшей законности, индивидуальные юридические акты, нарушающие права отдельных лиц, должны получить ограниченный характер, что само по себе кажется достаточно прогрессивным, поскольку неограниченность власти (прежде всего в части издания правовых актов индивидуального характера) свидетельствует об отсутствии законности.

С. С. Алексеев, показывая основные этапы развития социальных регуляторов от мононорм первобытного общества к праву, обращает внимание на то, что эволюция социального регулирования осуществляется, в том числе, путем приобретения и возрастания роли дозволений – субъективных прав [2]. Общие дозволения как правовая категория существует наряду с такими категориями, как общие запреты, позитивные обязывания и правовые ограничения. При этом, как указал исследователь, «к праву ближайшим образом относятся именно дозволения, выражающие социальную свободу, социальную активность людей» [2, с. 16]. Догматически общее дозволение представляет собой право на собственное активное поведение. Исследователь объяснил такой подход тем, что право является регулятором, способным не просто закрепить субъективные права, но и гарантировать их реальность и фактическое осуществление [7]. В этом произведении автор впервые приводит фразу, которая в последующих его научных работах получит неоднократное употребление в контексте «тайны права», о том, что «право потому и называется правом, что говорит о правах». Надо полагать, что, с точки зрения С. С. Алексеева, дозволения носят общий характер по той причине, что ценность права заключается в его регу-

лятивной функции в масштабах всего общества, что способствует формированию состояния общей урегулированности и общего порядка [6]. По этой причине в условиях роста числа общих дозволений замысел строительства нового советского государства и права внешне носил достаточно оптимистичный характер.

Между тем установление на территории бывшей Российской империи советской власти фактически сопровождалось историческими событиями, резко противоречащими провозглашенным этой властью целям, в числе последних государственный переворот 25 октября 1917 года, переросший в глубокую революционную переделку всех сторон жизни российского общества, последовавшие за переворотом красный террор, гражданская война, продрозверстка, принудительная коллективизация, лишение сельских жителей возможности получить документ, удостоверяющий личность, массовые репрессии и другие события политико-правового и экономического характера. Так, например, Декретом о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 года была упразднена помещичья собственность без какого-либо выкупа. При этом прекращение права собственности было произведено немедленно [11], т. е. без какого-либо переходного периода, который позволил бы бывшим собственникам надлежащим образом адаптироваться к новым условиям. Далее по тексту Декрета о земле следует, что право частной собственности на землю было отменено навсегда, а за пострадавшими от такого имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования [11].

Представляется, что приведенные положения Декрета не требуют особого комментария, так как отображение у человека того, что было приобретено им на законных основаниях, было основой его жизни и деятельности и всегда принадлежало ему по праву, – это не просто серьезный вызов, а отрицание и перечеркивание того, к чему общество шло долгие годы и что являлось результатом долгого поступательного развития. Достаточно символично то, что С. С. Алексеев определил собственность как отношение лица к вещи как к своей, при котором человек – собственник – получает продолжение себя в принадлежащих ему вещах, что позволяет ему интеллектуально и творчески осваивать окружающий мир [4]. Таким образом, притязания на имущественную сферу человека неизбежно влекут потрясения на эмоциональном и интеллектуальном уровне, а общественная поддержка попросту не способна нивелировать тот «вред», который в таком случае причиняется собственникам.

Наряду с этим в истории России XX века навсегда получили отражение «философские пароходы», на которых интеллигенция, деятели науки и литературы принудительно покидали территорию советского государства только потому, что такие люди оказались неудобными действующей власти. Всем высылаемым разрешалось взять с собой лишь некоторые предметы своего гардероба, при этом все деньги и остальное имущество высылаемых подвергались конфискации. Как выразился Л. Д. Троцкий, «мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно» [13, с. 180]. Кроме того, история всегда будет помнить «Ленинградское дело» и «Дело врачей», инициированные властью по единственному мотиву – сохранить при-

обретенную власть. Такие акции несвойственны правовому государству, построенному на принципах законности и уважения прав и свобод человека. Советское государство строилось на светлых и красивых лозунгах, но, как указал С. С. Алексеев, в итоге человек в условиях ленинско-сталинского режима, под воздействием господствующих непререкаемых революционно-романтических постулатов, оказался сломанным [9]. Советская политико-правовая романтика оказалась противоречивой, а человек, столкнувшийся с советским государством, в действительности не имел тех правовых гарантий, которые были закреплены действовавшим законодательством, и претерпевал серьезные лишения и несправедливость.

Период советской истории, отсчет которого традиционно осуществляется с середины 1950-х годов, принято именовать «оттепелью», поскольку политический режим претерпел некоторые позитивные изменения с критикой культа личности И. В. Сталина и провозглашением курса на демократизацию. В этот период приобретает более либеральный облик, например, трудовое законодательство: была сокращена продолжительность рабочего дня, правда только в предвыходные и предпраздничные дни, а также сокращена продолжительность рабочего дня для несовершеннолетних работников, были созданы комиссии по трудовым спорам и декриминализованы прогулы на предприятиях. Кроме того, из законов были устранены устаревшие положения, а также установления откровенно репрессивного порядка [9]. Между тем С. С. Алексеев отметил, что все эти новации не изменили сути существовавшей в советском обществе политической и юридической системы [9]. Далее автор указывает на то, что после проведенных преобразований по-прежнему ничто не ограничивало всемогущую партократическую власть. Такой вывод исследователя подтверждается следующим. Например, статьями 34 и 35 Конституции СССР 1936 года, по существу, была закреплена демократическая модель формирования Верховного Совета СССР, предполагающая формирование Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР посредством выборов, проводимых среди граждан СССР [12]. Такой способ формирования высшего органа государственной власти, осуществляющего законодательную функцию, свидетельствует о реализации демократической модели и народном представительстве. Между тем, как указывают историки, решения Верховного Совета СССР заранее подготавливались партийными органами и «проходили» в Верховном Совете без какого-либо обсуждения [14]. Иными словами, формирование законодательного органа государственной власти носило формальный характер, не преследующий цели действительного народного представительства при принятии законодательных актов. Положения действовавшей Конституции не имели реального эффекта, а полномочия высшего органа государственной власти ему в действительности не принадлежали.

Как известно, природа всякого государства заключается в реализации власти и управления в обществе, т. е. в воздействии на общество определенным образом для достижения поставленных целей. Очевидно, что властное воздействие должно быть облечено в некую форму, или носитель, при помощи которого оно будет доведено до своих адресатов. Одной из таких форм является право – воля, возведенная в

закон, – направленное на регулирование общественных отношений. Таким образом, эффективность государственной политики можно оценить по тому социально-экономическому эффекту, который оказывает действующее право. Как выразился С. С. Алексеев, советская юридическая система была не способна обеспечить с правовой стороны сколько-нибудь существенные преобразования, направленные на утверждение в обществе демократии, экономической свободы, свободы личности [9], а советские конституции – это документы из мира иллюзий, мифов и государственной лжи [9]. Такая оценка свидетельствует о неэффективности советской политики. Не случайно исторический период с середины 1960-х до второй половины 1980-х годов именуется при помощи такого клише, как «период застоя», потребовавший новых преобразований, результаты которых по существу заложили основу современного Российского государства и права, базирующихся на принципах неприкосновенности собственности, уважения прав и свобод человека.

Выводы

Советский человек был вынужден следовать той модели поведения, которую от него требовала действовавшая власть, часто без какой-либо вариативности (диспозитивности) в любой сфере общественных отношений. Преобладание императивного метода правового регулирования в условиях повышенного присутствия государства в жизни людей создает условия, в которых утрачивается ценность человеческой личности и инициативы, а человек в социально-экономической и духовной сфере попросту сдавливается – по этой причине развитие частного права представляется закономерным и необходимым в условиях нового этапа развития Российского государства и права, наступившего в конце 80-х – начале 90-х годов XX века.

Путь развития государства и права, определенный в последнее десятилетие XX века, явился результатом противоборства [5]. К этому моменту уже стало очевидно, что именно в праве свобода людей получает реальный и обеспеченный характер [8], при этом в приведенном контексте право мыслится не только в его позитивистском понимании, но и наполняется естественно-правовым содержанием. Вывод С. С. Алексеева о том, что в праве содержатся передовые идеи, характеризующие значительные социальные ценности [3], подчеркивает, что общество не может, а тем более в течение продолжительного времени, мириться с произволом власти, а несовпадение ценностей права и фактически реализуемых функций государства сигнализирует о необходимости новых преобразований политико-правового характера.

Информация об авторе

Олег Александрович Шипицин, аспирант юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет», директор ООО «Правовой консалтинг» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Oleg A. Shipitsyn, PhD Student, Faculty of Law, Liberal Arts University – University for Humanities; Director, Legal Consulting LLC, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юридическая литература, 1966. 187 с.
2. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1989. 288 с.
3. Алексеев С. С. Право – предназначение : доклад при вручении Демидовской премии 2010 года. Екатеринбург : Институт частного права, 2011. 82 с.
4. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. 239 с.
5. Алексеев С. С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6 : Восхождение к праву. М. : Статут, 2010. 558 с.
6. Алексеев С. С. Советское право – регулятор общественных отношений // Человек и закон. 1975. № 10. С. 14–21.
7. Алексеев С. С. Советское право и социальный прогресс // Человек и закон. 1977. № 11. С. 26–35.
8. Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. 176 с.
9. Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. М. : Юристь, 1997. 326 с.
10. Глушкова С. И. Развитие теории прав человека в трудах С. С. Алексеева // Теоретическая юриспруденция: традиции, современность, перспективы. Алексеевские чтения. Вып. 1. Екатеринбург : УрГЮУ, 2014. С. 103–108.
11. Декрет о земле. 1917 // Первые декреты Советской власти : сборник факсимильно воспроизведенных документов / общ. ред. Г. Л. Смирнов ; сост. Д. И. Антонюк. М. : Книга, 1987. 335 с.
12. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 года. М. : Издание ЦИК СССР, 1937. 306 с.
13. Осоргин М. А. Времена : Автобиографическое повествование. Романы. М. : Современник, 1989. 624 с.
14. Печоев В., Власов В. История отечественного государства и права : учебное пособие. Ростов н/Д : Феникс, 2003. 576 с.

Статья поступила в редакцию: 09.09.19
Принята к публикации: 14.10.19

References

1. Alexeyev SS. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve [Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1966. 187 p. (In Russ.).
2. Alexeyev SS. *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave [General Permissions and General Prohibitions in the Soviet Law]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1989. 288 p. (In Russ.).
3. Alexeyev SS. *Pravo – prednaznachenie [Law is Predestination]: Speech at the Award of the Demidov Prize 2010*. Yekaterinburg: Institute of Private Law; 2011. 82 p. (In Russ.).
4. Alexeyev SS. *Pravo sobstvennosti. Problemy teorii [Property Right. Theoretical Problems]*. 2nd ed. Moscow: Norma; 2007. 239 p. (In Russ.).
5. Alexeyev SS. *Sobranie sochinenii v 10 t. T. 6 : Voskhozhenie k pravu [Collection of Works in 10 vol. Vol. 6: Ascension to Law]*. Moscow: Statute; 2010. 558 p. (In Russ.).
6. Alexeyev SS. *Sovetskoe pravo – regulyator obshchestvennykh otnoshenii [Soviet Law as a Regulator of Public Relations]*. *Chelovek i zakon = Individual and Law*. 1975;10: 14–21. (In Russ.).
7. Alexeyev SS. *Sovetskoe pravo i sotsial'nyi progress [Soviet Law and Social Progress]*. *Chelovek i zakon = Individual and Law*. 1977;11: 26–35. (In Russ.).

8. Alexeyev SS. *Taina i sila prava. Nauka prava: novye podkhody i idei. Pravo v zhizni i sud'be lyudei* [Secret and Power of Law. Science of Law: New Approaches and Ideas. Law in Human Lives and Destinies]. 2nd ed. Moscow: Norma; 2009. 176 p. (In Russ.).

9. Alexeyev SS. *Uroki. Tyazhkii put' Rossii k pravu* [Lessons. Russia's Hard Way to Law]. Moscow: Yurist; 1997. 326 p. (In Russ.).

10. Glushkova SI. *Razvitie teorii prav cheloveka v trudakh S. S. Alekseeva* [Development of Human Rights Theory in S.S. Alexeyev's Works]. In: *Teoreticheskaya yurisprudentsiya: traditsii, sovremennost', perspektivy. Alekseevskie chteniya. Vyp. 1* [Theoretical Jurisprudence: Traditions, Contemporaneity, Prospects. Alexeyev Readings. Issue 1]. Yekaterinburg: Ural State Law University; 2014. p. 103–108. (In Russ.).

11. Dekret o zemle. 1917 [Decree on Land. 1917]. In: Smirnov GL. (ed.) *Pervye dekrety Sovetskoi vlasti* [First Decrees of the Soviet Rule]: Collection of Facsimile Reproduced Documents. Moscow: Kniga; 1987. 335 p. (In Russ.).

12. *Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik 1936 goda* [Constitution (Supreme Law) of the Union of Soviet Socialist Republics of 1936]. Moscow: Published by USSR Central Executive Committee; 1937. 306 p. (In Russ.).

13. Osorgin MA. *Vremena : Avtobiograficheskoe povestvovanie* [Times: Autobiographical Narration]: Novels. Moscow: Sovremennik; 1989. 624 p. (In Russ.).

14. Tsechoev V, Vlasov V. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava* [History of National State and Law]. Rostov-on-Don: Phoenix; 2003. 576 p. (In Russ.).

Submitted 09.09.19 Accepted 14.10.19

4. Социально-психологическая секция

Social Psychology

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP01
УДК [159.9+614.8]:159.922.4:159.923.2

Содержательные, процессуальные и дискурсивные характеристики трансформации этнической идентичности в условиях межнациональных отношений

Ольга Ю. Зотова¹,
ORCID: 0000-0002-5607-6317, e-mail: oiambusheva@mail.ru
Людмила В. Тарасова²,
ORCID: 0000-0003-3390-0454, e-mail: tarasovagu@mail.ru
^{1,2} АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Показана роль психологической безопасности в процессе межнационального взаимодействия. Состояние психологической безопасности может уменьшать барьеры, давая возможность людям свободно осуществлять взаимодействие с окружающим их миром. Были разработаны критерии и индикаторы формирования этнической идентичности в зависимости от степени выраженности психологической безопасности личности, которые были отнесены к когнитивному, аффективному и поведенческому компонентам и рассмотрены на двух уровнях: в отношении себя и в отношении других. На основе разработанной системы критериев и индикаторов трансформации этнической идентичности была проведена серия экспертных интервью. В ходе серии интервью экспертам было предложено определить наиболее значимые, с их точки зрения, критерии трансформации этнической идентичности личности в зависимости от степени ее психологической безопасности. Для выявления наиболее значимых критериев, по мнению экспертов, для каждого из критериев был рассчитан коэффициент вариации и определен его вес в оценках экспертов. Были выделены содержательные, процессуальные и дискурсивные характеристики трансформации этнической идентичности в условиях межнациональных отношений и их обусловленность психологической безопасностью.

Ключевые слова: экспертное интервью, этническая идентичность, психологическая безопасность.

Благодарности: работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00112) «Психологическая безопасность как интегральный показатель формирования этнической идентичности в межнациональном взаимодействии россиян».

Для цитирования: Зотова О. Ю., Тарасова Л. В. Содержательные, процессуальные и дискурсивные характеристики трансформации этнической идентичности в условиях межнациональных отношений // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 227–237. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP01.

Content-Based, Procedural and Discursive Features of Ethnic Identity Transformation under Conditions of Cross-National Relations

Olga Yu. Zotova¹,

ORCID: 0000-0002-5607-6317, e-mail: oiambusheva@mail.ru

Lyudmila V. Tarasova²,

ORCID: 0000-0003-3390-0454, e-mail: tarasovagu@mail.ru

^{1,2}Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The paper demonstrates the role of psychological security in the process of cross-national interaction. The condition of psychological security can reduce barriers, giving people an opportunity of interacting freely with the world around them. Criteria and indicators of ethnic identity formation were developed, depending on the degree of intensity of individual's psychological security; these were classified into cognitive, affective and behavioral components and considered at two levels: in relation to oneself and to others. A series of expert interviews was conducted based on the developed system of criteria and indicators of ethnic identity transformation. During this interview series, experts were offered to identify the most significant criteria of individual's ethnic identity transformation, in their view, depending on the degree of his/her psychological security. To identify the most relevant criteria in experts' opinion, a variation coefficient was calculated for each of the criteria, and its weight was identified based on experts' estimates. Content-based, procedural and discursive features of ethnic identity transformation under condition of cross-national relations were identified, along with their dependency on psychological security.

Keywords: expert interview, ethnic identity, psychological security.

Acknowledgments: the article was supported with a grant from the Russian Science Foundation (project № 18-18-00112).

For citation: Zotova OYu, Tarasova LV. Content-Based, Procedural and Discursive Features of Ethnic Identity Transformation under Conditions of Cross-National Relations. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 227–237. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-SP01.

Введение

В сфере социальных наук полезность интервью уже давно признана. В связи с тем, что качественные исследования, как правило, представляют собой подробные описания отдельных лиц и событий в их естественной обстановке, интервьюирование считается ключевым фактором при разработке исследования [17]. Ни для кого не секрет, что методы исследований в области социальных наук являются неотъемлемой частью любого исследовательского проекта, поскольку они определяют его успех, обоснованность и надежность.

Как отмечает Золтан Дернеи, качественные данные чаще всего собираются исследователями с помощью интервью и анкет [6, p. 132]. Тем не менее интервью – по сравнению с анкетами – более эффективны в выявлении описательных данных, которые позволяют исследователям глубже анализировать взгляды людей [9; 10]. То есть ценность интервью не только в том, что оно создает целостный снимок, анализирует слова, передает представления людей, но также в том, что оно

позволяет респондентам «говорить своим собственным голосом и выражать свои собственные мысли и чувства» [3, р. 96]. Кроме того, интервьюирование, а также другие качественные подходы к социальным научным исследованиям отличаются от количественных методов тем, что оно способно анализировать полученные данные с учетом социальной жизни участников. Также интервью расширяет сферу понимания исследуемого явления, поскольку это менее структурированный инструмент сбора данных. Одной из сильных сторон интервью является то, что оно может выступать одним из главных источников формирования гипотез [4, р. 485].

Использование экспертных интервью давно популярно в социальных исследованиях. Фактическая роль экспертных интервью в индивидуальном дизайне исследования, их форма и методы, используемые для анализа результатов, могут варьироваться от случая к случаю, но есть еще ряд общих практических причин их популярности в исследованиях. Во-первых, разговор со специалистами на исследовательской фазе проекта является более эффективным методом сбора данных, чем, например, систематические количественные исследования. Во-вторых, проведение интервью с экспертами может привести к сокращению трудоемких процессов сбора данных. В-третьих, экспертное интервью часто используется в тех ситуациях, когда трудно или невозможно получить доступ к определенному социальному полю.

Помимо прямых выгод, также очевидно, что экспертные интервью предлагают исследователям эффективные средства быстрого получения результатов и, действительно, быстрого получения хороших результатов. Зачастую тот факт, что интервьюер и собеседник имеют общую научную базу или систему релевантности, может повысить уровень мотивации эксперта к участию в интервью. Также немаловажное значение имеет научная заинтересованность в обмене мыслями и идеями. Общее понимание социальной значимости исследования в значительной степени устраняет необходимость обоснования мотивирующих факторов для участия в исследовании. В связи с этим рассмотрение этнической идентичности в зависимости от степени выраженности психологической безопасности на основании экспертного интервью является не только возможным, но и методологически обоснованным.

Глобализационные вызовы современности выявили проблему межэтнического взаимодействия как основополагающего фактора стабильности и безопасности общества, в частности российского, с его поликультурным и многонациональным населением. В ситуации современности этническая идентичность не статичное, а динамичное образование, которое не остается неизменным на протяжении всей жизни человека. Социальные взаимодействия, конфликты в полиэтнической среде нередко могут приводить к переосмыслению роли этнической принадлежности человека и к трансформации его этнической идентичности. Особенно остро эти проблемы проявляются у представителей этнических, религиозных и культурных меньшинств, существующих в рамках «большой этнической культуры», и требуют разработки механизмов межэтнического согласия в российском обществе.

Есть многочисленные исследования о влиянии этнической идентичности на различные психологические феномены, связанные с качеством жизни. Так, в своих ранних исследованиях Дж. Финни отме-

чала, что этническая идентичность и ее составляющие изучаются отдельно [13]. Однако большинство из них до сих пор остаются противоречивыми.

Было выявлено, что этническая идентичность связана с высокой самооценкой среди учащихся 8 и 9-х классов [8], в то время как более низкая этническая идентичность была связана с более низкой самооценкой среди студентов афроамериканских колледжей [12]. В то же время исследования последних лет показывают прочную положительную связь между этнической идентичностью и психологическими феноменами [16]. Этническая идентичность демонстрирует положительную корреляцию с общим психологическим благополучием [5]. Другие исследования обнаружили значительную отрицательную связь между социальной вовлеченностью и удовлетворенностью жизнью при разной степени выраженности этнической идентичности [11]. Аналогичным образом исследование Андреа Ромеро и Роберта Робертса, в котором участвовали мексиканско-американские подростки, показало слабую корреляцию между этнической идентичностью, самооценкой и удовлетворенностью жизнью [14]. С другой стороны, ряд исследователей выявили положительную связь между этнической идентичностью и психологическим благополучием этнически разнообразных групп населения [15]. Люди с сильной этнической самобытностью чаще демонстрируют психологическое благополучие и высокую самооценку [7].

Следует отметить роль психологической безопасности в процессе межнационального взаимодействия: в частности, состояние психологической безопасности может уменьшать барьеры, давая возможность людям свободно осуществлять взаимодействие с окружающим их миром, в связи с чем безопасность как социально-психологическая категория является одной из ключевых оснований укрепления межнационального согласия в обществе. Когда люди чувствуют себя психологически безопасными, они не испытывают угрозу идентичности и чувству собственного достоинства. Отечественные и зарубежные исследования показывают, что когда люди психологически безопасны, они с большей вероятностью будут использовать конструктивные стратегии, обращаясь за помощью и предоставляя обратную связь другим. Безопасность как интегральный показатель формирования этнической идентичности в межнациональном взаимодействии практически не рассматривалась.

Большинство социально-психологических исследований межгрупповых отношений, касающихся идентичности, были сосредоточены на уязвимых членах этнической группы, которые испытывают противоречивые эмоции в отношении статуса своей группы. Как правило, этнические границы представляют собой позитивную организацию социальных отношений вокруг дифференцированных и взаимодополняющих ценностей, а культурные различия со временем сокращаются. Однако в обществе, где люди часто сталкиваются с различными видами угроз, небезопасность выступает в качестве ограничения межэтнических контактов. В этой ситуации многие формы взаимодействия между представителями разных групп могут не развиваться, даже если потенциальная взаимодополняемость интересов достигнута. Формы взаимодействия могут быть заблокированы из-за отсутствия доверия или отсутствия возможности вступить в конструктивное взаимодей-

стве. Если человек зависит в своей безопасности от поддержки своего сообщества, то самоидентификация должна быть четко выражена и подтверждена членами этого сообщества; и любое отклонение от стандарта может быть истолковано как ослабление идентичности и, тем самым, основ безопасности. Таким образом, этническая идентичность во многом зависит от уровня психологической безопасности личности.

Проблема безопасного существования человека актуальна в связи с тем, что человек, как социальное существо, постоянно стремится обеспечить безопасность собственного существования. Социальное значение исследования определяется тем, что социальная нестабильность в российском обществе приводит к тому, что граждане, в том числе и этнические меньшинства, не чувствуют себя в безопасности. Уровень безопасности является специфическим показателем состояния общества, а в представлениях о том, что опасно и что безопасно, отражается не только самосознание общества, но и доминирующие в нем ценности.

В этом ключе наличие или отсутствие безопасности может оказывать влияние на социальные убеждения и служить основным фактором, определяющим социальное действие, вносить свой вклад в чувство уникальности и социальной идентичности членов общества, а также чувства дифференциации от других народов. Безопасность становится линзой, через которую члены общества смотрят на мир. Психологическая безопасность хранится, в том числе, и в познавательном репертуаре членов общества, появляется в различных социальных продуктах, таких как книги, фильмы; она выражается через средства массовой информации (газеты, телевидение или радио) и представлена в общественных учреждениях (школы, колледжи, университеты и т. д.). Она часто появляется в общественной повестке дня и в публичных дебатах, так как связана со многими текущими проблемами, с которыми сталкивается общество.

Цель исследования – выявить условия формирования этнической идентичности в зависимости от степени выраженности психологической безопасности личности, определить основания этнической идентичности как психологического и социокультурного конструкта, а также содержательные, процессуальные и дискурсивные характеристики ее трансформации в условиях межнациональных отношений.

Методы исследования

Для реализации поставленных задач был проведен опрос с экспертами в области межэтнической напряженности.

Эксперты представляли следующие области профессиональной деятельности: практики – эксперты, работающие в области межэтнической напряженности и представители СМИ в лице журналистов и общественных деятелей.

Проведенное исследование включало в себя следующие этапы:

1) детальный сбор информации о регионах проведения исследования и подготовку справочной информации об их особенностях, важных с точки зрения цели проекта с применением контент-анализа информационной продукции федерального и регионального уровней, в том числе интернет-сайтов и блогов;

2) разработку критериев и индикаторов формирования этнической идентичности в зависимости от степени выраженности психологической безопасности личности;

3) пилотажное анкетирование экспертов, на основании которого производилась корректировка и доработка экспертного опроса;

4) анкетный опрос экспертов (опрос проводился в очной форме);

5) статистический анализ результатов;

6) анализ результатов экспертного интервью.

При оценивании критериев и индикаторов этнической идентичности использовалась шкала Лайкерта. Эксперты выражали свое согласие или несогласие с каждым из предложенного набора суждений по семибалльной шкале оценок – от «полностью согласен» до «совершенно не согласен».

В результате пилотажного сравнительного исследования особенностей этнической идентичности в регионах с различной степенью этнического разнообразия ранее были выявлены специфические особенности, характеризующие оценку респондентами данных регионов психологической безопасности:

- респонденты региона с большим этническим разнообразием имеют тенденцию оценивать собственную психологическую безопасность ниже, чем респонденты региона со средней гетерогенностью этнического состава;

- обнаружена умеренная корреляционная связь между оценкой респондентами собственной психологической безопасности и выраженностью их этноконсолидирующих установок в межэтнических отношениях [1].

На основании результатов исследований были разработаны критерии и индикаторы формирования этнической идентичности в зависимости от степени выраженности психологической безопасности личности, которые были отнесены к когнитивному, аффективному и поведенческому компонентам¹ и рассмотрены на двух уровнях: в отношении себя и в отношении других (таблица).

На основе разработанной системы критериев и индикаторов трансформации этнической идентичности в зависимости от степени выраженности психологической безопасности личности была проведена серия экспертных интервью, экспертами в которых выступили специалисты в области межэтнической напряженности. Общее количество экспертов – 18 человек. В ходе серии интервью экспертам было предложено определить наиболее значимые, с их точки зрения, критерии трансформации этнической идентичности личности в зависимости от степени ее психологической безопасности.

¹ Высокий уровень психологической безопасности свидетельствует о состоянии полной психологической безопасности, т. е. устойчивости личности к внутренним и внешним воздействиям, и об активной позиции при обеспечении своей безопасности. «Я нахожусь в безопасности не потому, что не существует угроз, а потому, что я силен настолько, что они не представляют для меня опасности».

Низкий уровень психологической безопасности выражается в отсутствии психологической безопасности, идея безопасности ставится во главу угла жизни человека и находит отражение в иерархии ценностей, смысловом наполнении понятия «безопасность», в недоверии к Другому и взаимодействии по принципу «конформность и отчуждение» [2].

Таблица

Критерии и индикаторы формирования этнической идентичности в зависимости от степени выраженности психологической безопасности личности

Критерии этнической идентичности	Высокий уровень ПБ	Низкий уровень ПБ
Источник идентичности	Другое	Этнос
Дифференциация и классификация	Стремление к созданию новых социальных идентичностей	Создание пространства для противопоставления собственного образа жизни, языка, культуры, ценностей и норм и т. д.
Стремление к сохранению идентичности	Отсутствие стремления к сохранению стабильной, неизменной идентичности	Значимость стабильности, стремление к сохранению имеющегося положения вещей, внутригрупповой интеграции
Концепция идентичности	Идентичность рассматривается как динамичный и подвижный феномен, как результат осознанного выбора. Открытые возможности изменения группового членства в будущем, осознания возможности произвольного изменения идентичности	Идентичность рассматривается как нечто естественное и носит глобальный характер. Стремления к неизменной уверенности, к внешним ограничениям, мир рассматривается как гармоничный и стабильный
Формирование идентичности	Происходит всю жизнь в соответствии с изменением социальной реальности	Заканчивается в подростковом возрасте
В ОТНОШЕНИИ СЕБЯ		
<i>Когнитивный компонент</i>		
Знания и представления о своих этнических особенностях	Когнитивная сложность	Когнитивное упрощение, в результате чего мир делится на область абсолютного зла и добра
Осознание принадлежности себя к определенному этносу	Сочетание в самоописании гражданских и этнических категорий	Доминирование в самоописании этнических категорий
Выраженность этнической идентичности	Устойчивая	Гипертрофирована
Этническая самоидентификация	Отождествление себя в большей степени не с этносом, а с нацией	Причисление себя к определенной этнической общности
Смысловая интерпретация собственной этнической идентичности	Считают идентичность частью неопределенного, изменчивого и многообразного мира	Идентичность предопределена
<i>Аффективный компонент</i>		
Отношение к этнической идентичности	Нейтральное	Положительное
Этнические предпочтения	Нейтральные	Опора на традиционную культуру, язык, происхождение, мифологию и религию
Чувство этнической принадлежности	Среднее или низкое эмоциональное восприятие своей причастности к этносу	Сильное эмоциональное восприятие своей причастности к этносу
Чувство общности со значимой группой	Низкое или среднее	Проявление активности, направленной на укрепление собственной этнической идентичности

Окончание табл. см. на след. стр.

Окончание таблицы

<i>Поведенческий компонент</i>		
Этнически окрашенная специфика действий и поступков	Низкая или средняя	Сильное проявление собственной этничности в действиях и поступках
В ОТНОШЕНИИ ДРУГИХ		
<i>Когнитивный компонент</i>		
Знания и представления об этнических особенностях других	Отсутствие противопоставлений в описании своей и иной этнической группы	Бинарные семантические различия в описании своей и иной этнической группы
Знания и представления о содержании этнических ауто- и гетеростереотипов	В целом благоприятны	Тенденция воспринимать собственную этническую группу более благоприятно, чем другие группы
Выраженность этнической идентичности	Устойчивая	Гипертрофированная
Отношение к этнической идентичности	Нейтральное	Положительное
<i>Аффективный компонент</i>		
Отношение к этническим общностям	Отсутствие ощущения этнической угрозы, этническая толерантность, ориентация на мультикультурализм	Субъективное ощущение этнической угрозы, этническая интолерантность и мигрантофобия
Эмоции в отношении собственного этноса	Положительные	Сочетание чувства полной безопасности с сильной настороженностью и тревожностью перед лицом постоянной угрозы
<i>Поведенческий компонент</i>		
Этническое поведение	Отсутствуют специфические национальные нормы поведения	Существуют специфические национальные нормы поведения
Особенности взаимодействия с Чужими	Нейтральное отношение	Высокий уровень агрессивности по отношению к Чужим

Результаты и обсуждение

На первом этапе анализа данных, полученных в ходе экспертных интервью, была определена общая степень согласованности мнений экспертов (рассчитан коэффициент конкордации Кендала с введением поправочных коэффициентов и проверки на статистическую значимость). Полученное значение коэффициента W в абсолютном выражении оказалось невысоким (0,116), но значимым для проверки гипотезы о согласованности оценок ($p = 0,002$). То есть оценки экспертов можно считать согласованными.

Для выявления наиболее значимых критериев, по мнению экспертов, для каждого из критериев был рассчитан коэффициент вариации и определен его вес в оценках экспертов. В итоге к наиболее значимым критериям были отнесены те, которые имеют вес выше среднего значения и коэффициент вариации которых не превышает значения 0,3.

Итак, можно выделить содержательные, процессуальные и дискурсивные характеристики трансформации этнической идентичности в условиях межнациональных отношений и их обусловленность психологической безопасностью.

Процессуальные критерии

Формирование идентичности (происходит всю жизнь в соответствии с изменением социальной реальности / заканчивается в подростковом возрасте).

Содержательные критерии

Смысловая интерпретация собственной этнической идентичности (считают идентичность часть неопределенного, изменчивого и многообразного мира / идентичность предопределена) – когнитивный компонент.

Отношение к этнической идентичности (нейтральное / положительное) – аффективный компонент.

Знания и представления об этнических особенностях других (отсутствие противопоставлений в описании своей и иной этнической группы / бинарные семантические различия в описании своей и иной этнической группы) – когнитивный компонент.

Критерии с высоким весом и низкой степенью согласованности оценок экспертов – Критерии, носящие дискурсивный характер:

- Источник идентичности.
- Неизменность идентичности.
- Знания и представления о своих этнических особенностях.
- Этническая самоидентификация.
- Этнически окрашенная специфика действий и поступков.
- Знания и представления о содержании этнических ауто- и гетеростереотипов.
- Отношение к этническим общностям.

Выводы

1. Этническая идентичность во многом зависит от уровня психологической безопасности личности.

2. Психологическая безопасность может служить основным фактором, определяющим социальное действие, вносить свой вклад в чувство уникальности и социальной идентичности членов общества, а также чувства дифференциации от других народов.

3. Разработаны критерии и индикаторы формирования этнической идентичности в зависимости от степени выраженности психологической безопасности личности, которые были отнесены к когнитивному, аффективному и поведенческому компонентам и рассмотрены на двух уровнях: в отношении себя и в отношении других.

4. Выделены содержательные (смысловая интерпретация собственной этнической идентичности), процессуальные (формирование идентичности) и дискурсивные (источник идентичности, неизменность идентичности, знания и представления о своих этнических особенностях, этническая самоидентификация, этнически окрашенная специфика действий и поступков, знания и представления о содержании этнических ауто- и гетеростереотипов, отношение к этническим общностям) характеристики трансформации этнической идентичности в условиях межнациональных отношений и их обусловленность психологической безопасностью.

Информация об авторах

Ольга Юрьевна Зотова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и прикладной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Людмила Владимировна Тарасова, кандидат психологических наук, доцент, заведующая лабораторией психологического практикума и психодиагностики факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Olga Yu. Zotova, Corresponding Member, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of General and Applied Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Lyudmila V. Tarasova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Head of Psychological Practice and Psychodiagnostics Laboratory, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю., Тарасова Л. В. Психологическая безопасность как предиктор этнической толерантности // Вопросы психологии. 2019. (в печати).
2. Зотова О. Ю. Безопасность личности как социально-психологический феномен. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011. 594 с.
3. Berg B. L. Qualitative research methods for the social sciences. London : Pearson, 2007. 448 p.
4. Brown J. D. Research methods for applied linguistics // The Handbook of Applied Linguistics / Eds. A. Davies, C. Elder. Oxford : Blackwell, 2005. P. 476–500.
5. Carter M. M., Sbrocco T., Miller O., Suchday S., Lewis E. L., Freedman R. E. K. Factor structure, reliability, and validity, of the Penn State Worry Questionnaire: Differences between African-American and White-American college students // Anxiety Disorders. 2005. Vol. 19(8). P. 827–843.
6. Dörnyei Z. Research Methods in Applied Linguistics: Quantitative Qualitative, and Mixed Methodologies. Oxford : Oxford University Press, 2007. 336 p.
7. Fuligni A. J., Yip T., Tseng V. The impact of family obligation on the daily activities and psychological well-being of Chinese American adolescents // Child Development. 2002. Vol. 73. P. 302–314.
8. Grossman B., Wirt R., Davids A. Self-esteem, ethnic identity, and behavioral adjustment among Anglo and Chicano adolescents in West Texas // Journal of Adolescence. 1985. Vol. 8(1). P. 57–68.
9. Kvale S. Interviews: An introduction to qualitative research interviewing. Thousand Oaks : SAGE Publications Inc., 1996. 344 p.
10. Kvale S. The psychoanalytic interview as inspiration for qualitative research // Qualitative research in psychology / Eds. P. M. Camic, J. E. Rhodes, L. Yardley. Washington : American Psychological Association, 2003. P. 275–297.
11. Lee R. M., Yoo H. C., Roberts S. The coming of age of Korean adoptees: Ethnic identity development and psychological adjustment // Korean Americans: Past, present, and future / Ed. I. J. Kim. Elizabeth : Hollym International, 2004. P. 203–224.
12. Parham T. A., Helms J. E. Relation of racial identity attitudes to self-actualization and affective states of Black students // Journal of Counseling Psychology. 1985. Vol. 32(3). P. 431–440.
13. Phinney J. S. Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research // Psychological Bulletin. 1990. Vol. 108(3). P. 499–514.
14. Romero A., Roberts R. The impact of multiple dimensions of ethnic identity on discrimination and adolescents' self-esteem // Journal of Applied Social Psychology. 2003. Vol. 33. P. 2288–2305.
15. Umaña-Taylor A. J. Ethnic identity and self-esteem: examining the role of social context // Journal of Adolescence. 2004. Vol. 27(2). P. 139–46.
16. Umaña-Taylor A. J., Shin N. An examination of ethnic identity and self-esteem with diverse populations: Exploring variation by ethnicity and geography // Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology. 2007. Vol. 13(2). P. 178–186.
17. Weiss R. S. Learning from strangers: The art and method of qualitative interview studies. New York : Free Press, 1994. 256 p.

*Статья поступила в редакцию: 12.09.19
Принята к публикации: 14.10.19*

References

1. Dontsov AI, Perelygina EB, Zotova OYu, Tarasova LV. Psikhologicheskaya bezopasnost' kak prediktor etnicheskoi tolerantnosti [Psychological security as a predictor of ethnic tolerance] To be published in *Issues of Psychology = Voprosy psikhologii* [Preprint] 2019. (In Russ.).
2. Zotova OYu. *Bezopasnost' lichnosti kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Personality security as a socio-psychological phenomenon]*. Yekaterinburg: LAU – University for Humanities; 2011. 594 p. (In Russ.).
3. Berg BL. *Qualitative research methods for the social sciences*. London: Pearson; 2007. 448 p.
4. Brown JD. Research methods for applied linguistics. In: Davies A, Elder C. (eds.) *The Handbook of Applied Linguistics*. Oxford: Blackwell; 2005. p. 476–500.
5. Carter MM., Sbrocco T, Miller O, Suchday S, Lewis EL, Freedman REK. Factor structure, reliability, and validity, of the Penn State Worry Questionnaire: Differences between African-American and White-American college students. *Anxiety Disorders*. 2005;19(8): 827–843.
6. Dörnyei Z. *Research Methods in Applied Linguistics: Quantitative Qualitative, and Mixed Methodologies*. Oxford: Oxford University Press; 2007. 336 p.
7. Fuligni AJ, Yip T, Tseng V. The impact of family obligation on the daily activities and psychological well-being of Chinese American adolescents. *Child Development*. 2002;73: 302–314.
8. Grossman B, Wirt R, Davids A. Self-esteem, ethnic identity, and behavioral adjustment among Anglo and Chicano adolescents in West Texas. *Journal of Adolescence*. 1985;8(1): 57–68.
9. Kvale S. *Interviews: An introduction to qualitative research interviewing*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc.; 1996. 344 p.
10. Kvale S. The psychoanalytic interview as inspiration for qualitative research. In: Camic PM, Rhodes JE, Yardley L. (eds.) *Qualitative research in psychology*. Washington: American Psychological Association; 2003. p. 275–297.
11. Lee RM, Yoo HC, Roberts S. The coming of age of Korean adoptees: Ethnic identity development and psychological adjustment. In: Kim IJ. (ed.) *Korean Americans: Past, present, and future*. Elizabeth: Hollym International; 2004. p. 203–224.
12. Parham TA, Helms JE. Relation of racial identity attitudes to self-actualization and affective states of Black students. *Journal of Counseling Psychology*. 1985;32(3): 431–440.
13. Phinney JS. Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research. *Psychological Bulletin*. 1990;108(3): 499–514.
14. Romero A, Roberts R. The impact of multiple dimensions of ethnic identity on discrimination and adolescents' self-esteem. *Journal of Applied Social Psychology*. 2003;33: 2288–2305.
15. Umana-Taylor AJ. Ethnic identity and self-esteem: examining the role of social context. *Journal of Adolescence*. 2004;27(2): 139–46.
16. Umana-Taylor AJ, Shin N. An examination of ethnic identity and self-esteem with diverse populations: Exploring variation by ethnicity and geography. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*. 2007;13(2): 178–186.
17. Weiss RS. *Learning from strangers: The art and method of qualitative interview studies*. New York: Free Press; 1994. 256 p.

Submitted 12.09.19 Accepted 14.10.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP02

УДК 17.022.1:325.1

Трансформация ценностных ориентаций при международной миграции

Александр И. Донцов¹,

¹ МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7432-3572, e-mail: a.dontsov@mail.ru

Ольга Ю. Зотова²,

ORCID: 0000-0002-5607-6317, e-mail: oiambusheva@mail.ru

Сергей В. Мостиков³,

ORCID: 0000-0002-6058-8462, e-mail: smostikov@ya.ru

^{2,3} АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия

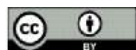
Аннотация. Отличия в ценностях различных этнических групп представляют значимую проблему для современного многонационального мегаполиса. Прибывая в новую культурную среду, личность вынуждена адаптироваться – изменять свои прежние взгляды и ценности. В случае общего культурного кода этот процесс происходит достаточно быстро и не вызывает затруднений; если же культурные различия значимы, то адаптационные процессы требуют большего времени и могут вызывать значительные затруднения. Цель исследования – изучить ценностные ориентации до и после процесса миграции. Мы полагаем, что ценности не являются устоявшимися императивами, а способны претерпевать динамические изменения, следуя меняющейся социальной ситуации, трансформироваться в соответствии с личностными целями и мотивами. Методология: ценностный опросник Ш. Шварца. Проведены два среза: до и после процесса международной миграции. Интервал 14 месяцев. Выборка 119 человек. Выявлены статистически значимые различия у респондентов в ценностных ориентациях при погружении в другую этническую среду. Полученные результаты позволили выявить динамику ценностных ориентаций русскоязычных мигрантов, проживающих за рубежом. Поведенческий уровень ценностных ориентаций в процессе миграции трансформируется в большей степени, чем нормативный. Ценностный профиль личности меняется в соответствии с актуальными задачами, стоящими перед человеком; ценности выполняют инструментальную функцию по удовлетворению потребностей и мотивов.

Ключевые слова: миграция, ценностные ориентации, адаптация.

Благодарности: работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00112) «Психологическая безопасность как интегральный показатель формирования этнической идентичности в межнациональном взаимодействии россиян».

Для цитирования: Донцов А. И., Зотова О. Ю., Мостиков С. В. Трансформация ценностных ориентаций при международной миграции // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 238–245. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP02.

© А. И. Донцов, О. Ю. Зотова, С. В. Мостиков, 2019

Transformations of Value Orientations when Migrating Internationally

Aleksandr I. Dontsov¹,

¹ Moscow State University after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7432-3572, e-mail: a.dontsov@mail.ru

Olga Yu. Zotova²,

ORCID: 0000-0002-5607-6317, e-mail: oiambusheva@mail.ru

Sergey V. Mostikov³,

ORCID: 0000-0002-6058-8462, e-mail: smostikov@ya.ru

^{2,3} Liberal Arts University – University for Humanities,
Yekaterinburg, Russia

Abstract. Value differences of various ethnic groups present a challenge for today's multinational city. Arriving in a new cultural environment the individual has to adjust – to change his previous views and values. In the case of a general cultural code, this process occurs quite rapidly and without difficulties. But if cultural differences are essential, then the process of adaptation requires a longer period, and the migrant can face considerable difficulties. The study aims to examine value orientations before and after resettlement. We believe that values are not yet the established imperatives and capable of undergoing dynamic alterations. And due to a changing social situation, they can transform in response to personal purposes and motives. In the study, we used the S. Schwartz Value Scale. The data were collected two times: before and after migration with a period of 14 months. The results revealed both significant differences in the respondents' value orientations after their immersing in an alien culture and the dynamics of value orientations of the Russian-speaking migrants living abroad. While migrating, a behavioral level of value orientations transforms more than a normative does. Value profile of personality changes together with tasks the individual faces; values accomplish an instrumental function of satisfying needs and motives.

Keywords: migration, value orientation, adaptation.

Acknowledgements: the article was supported with a grant from the Russian Science Foundation (project № 18-18-00112).

For citation: Dontsov AI, Zotova OYu, Mostikov SV. Transformations of value orientations when migrating internationally. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation)* (Yekaterinburg, April 12–13, 2019). Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 238–245. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-SP02.

Введение

Миграционный переход является значимым событием в жизни личности, затрагивающим системообразующие элементы личностного конструкта (ценностные установки, представления о себе и мире и др.). Как отмечают Ю. П. Зинченко и О. Ю. Зотова, «эмиграция – это революция для каждого отдельного человека» [2, с. 17]. Этническая принадлежность к группе во многом определяется общими ценностными ориентациями, схожестью мировоззрения, общей картиной мира. При переезде в другую страну личность переходит из категории этнического большинства в меньшую по численности этническую группу, представителям которой приходится соглашаться и подстраиваться под изначально заданные культурные ценности. Несмотря на то что в глобаль-

ном масштабе ценности у всех людей достаточно схожи, особенно если мы говорим про запреты (убийство, кража, инцест и т. д.), представления о реализации ценностей в конкретных поведенческих актах могут сильно отличаться у представителей различных этносов. Как отмечают А. И. Донцов и Е. Б. Перельгина, «существенная разница в кросс-культурных моделях взаимодействия обуславливает необходимость учета различий социально-психологических параметров и факторов в межкультурных отношениях» [1, с. 30]. Иерархия ценностных ориентаций, их сочетаемость и семантическое наполнение могут значительно отличаться в различных культурах. Например, представления о справедливости в Китае и России имеют значимые смысловые отличия [7, с. 251].

Ценностные установки можно классифицировать по форме на «запрещающие» какие-либо действия (здесь у представителей различных этнических групп обычно единое мнение) и «утверждающие» – наблюдается наибольшее различие в интерпретациях в зависимости от культурных традиций. Утверждающие ценности можно разделить на признаваемые нормативно (как общие принципы человеческого взаимодействия) и на реализуемые в действиях. Наибольшие различия в представлениях о ценностях между различными группами обозначены в действиях; ценности могут быть общие, но способы их реализации могут существенно отличаться в зависимости от социокультурного, экономического и исторического контекста. Представления о способах и формах реализации ценностей усваиваются личностью в процессе социализации. Незнание корректной формы трансляции ценностных ориентаций в ходе интеракций с представителями иных этносов приводит к возникновению трудностей и непониманию. Соответственно, процесс адаптации к новой культурной среде у мигрантов мы можем разделить на первичный этап внешнего подражания на уровне поведения и вторичный процесс внутреннего субъективного одобрения, усвоения способов реализации ценностей через поступки, принятые в среде этнического большинства. Как считает С. Линденберг, все люди стремятся к двум общим целям – «физическому и социальному благополучию» [9, р. 172], но в разных культурах имеются различные представления о том, как этого достичь.

Понимание изменений в ценностной сфере происходящих в личности до и после реализации миграционных тенденций помогает повысить качество предоставляемых психологических услуг, ускорить процесс психологической адаптации личности к новым социокультурным реалиям и профилактировать межэтнические конфликты. Без трансформации ценностных ориентаций успешная адаптация в новой культуре невозможна. Наша первоначальная гипотеза, выдвинутая на момент начала исследования, предполагает наличие статистически значимых различий в ценностях русскоговорящих мигрантов до и после переезда в другую страну.

Методы исследования

В исследовании применен ценностный опросник Ш. Шварца в адаптации В. Н. Карандашева [3]. Формирование ценностных представлений личности происходит под влиянием «внешних и внутренних процессов» [6, с. 79], при этом различия в ценностях указывают на разницу в мотивах совершаемых действий, т. е. ценностная сфера личности тесно переплетена с социальным взаимодействием и стоящими перед личностью целями. Методика состоит из двух частей [10]: декларируемых нормативных ценностей (обзор ценностей), которые являются нормативно принятыми, и ценностей, проявляемых в поступках, действиях (профиль личности).

Выборка представлена респондентами от 21 до 40 лет, выравнена по полу, все респонденты с высшим образованием. Исследование продолжалось почти 1,5 года и проходило в несколько этапов. На первом этапе отобрана группа респондентов с высоким уровнем миграционных намерений (активно изучают иностранный язык, оформляют документы, необходимые для переезда, имеют положительное отношение к миграции и т. д.). Выборка составила 158 человек – в основном жители Москвы (N = 104) и Екатеринбурга (N = 43), других регионов (N = 11). Респонденты прошли процедуру тестирования с применением ценностного опросника Ш. Шварца.

Второй этап исследования был реализован через 14 месяцев. Из 158 человек эмигрировал 121, в возрасте от 21 до 37 лет. Остальные 37 респондентов либо остались в РФ, либо не отвечали на наши обращения. Регионы миграции представлены: США (N = 39), ЕС (N = 40), страны Юго-Восточной Азии (N = 38), другие страны (N = 4). Отметим, что в нашем исследовании не проводилась разбивка участников по типу миграции (рабочая, завершенная, образовательная и т. д.), отчасти это связано с размыванием прежнего значения термина «миграция» происходящим в настоящее время [5, с. 51]. Общим условием был срок нахождения за рубежом более 3 месяцев. Из 121 человека согласились пройти процедуру повторного тестирования 119 человек. Повторное тестирование эмигрантов проводилось дистанционно. Таким образом, на выявление статистически значимых различий анализировались два среза: до переезда в другую страну и после него.

В статистической обработке результатов ценностного опросника Ш. Шварца использован t-критерий Стьюдента (выявление значимых различий средних величин). Выборки независимые. Распределение нормальное – задействован критерий асимметрии и эксцесса. Для выборки больше 100 человек, «если асимметрия не превышает 3, а эксцесс 7 по всем переменным, то распределение относится к нормальному» [8, р. 89]. Обработка данных исследования осуществлялась с использованием программного обеспечения SPSS Statistics 17.0.

Результаты и обсуждение

Полученные результаты сравнения срезов с использованием ценностного опросника Ш. Шварца представлены в таблице 1 (обзор ценностей) и таблице 2 (профиль личности).

Таблица 1
**Ценностный опросник Ш. Шварца (обзор ценностей)
до и после эмиграции**

Переменные	Средние значения после эмиграции	Средние значения до эмиграции	Значение t-критерия Стьюдента	P-уровень, $p < 0,05$
Конформность	3,6	3,5	-0,944	0,346
Традиция	2,9	3,3	2,22	0,028
Доброта	4,9	4,4	-3,5	0,001
Универсализм	4,2	3,5	-4,88	0
Самостоятельность	5	4,8	-2,41	0,017
Стимуляция	3,5	3	-2,029	0,054
Гедонизм	4,1	3,9	-0,932	0,353
Достижения	4,6	4	-4,34	0
Власть	3,2	3	-1,48	0,14
Безопасность	4,1	4	-0,083	0,934

Примечание: статистически значимые различия, удовлетворяющие $p < 0,05$, выделены жирным.

Таблица 2
**Ценностный опросник Ш. Шварца (профиль личности)
до и после эмиграции**

Переменные	Средние значения после эмиграции	Средние значения до эмиграции	Значение t-критерия Стьюдента	P-уровень, $p < 0,05$
Конформность	3,1	1,1	-12,75	0
Традиция	1,1	0,5	-3,787	0
Доброта	1	1,3	0,62	0,536
Универсализм	2,3	1,5	-5,954	0
Самостоятельность	2,7	2,3	-2,055	0,042
Стимуляция	2,9	1	-12,4	0
Гедонизм	1,7	1,16	-4,298	0
Достижения	1,86	1,82	-0,168	0,867
Власть	1,7	2,3	3,092	0
Безопасность	1	2,5	10,858	0

Примечание: статистически значимые различия, удовлетворяющие $p < 0,05$, выделены жирным.

Как следует из представленных результатов статистической обработки данных, нормативный уровень (обзор ценностей) более константен в процессе миграции, чем уровень действий (профиль личности). В «обзоре ценностей» статистически значимые различия выявлены лишь по 5 переменным, эти различия не такие значительные, как во второй части методики Ш. Шварца (профиль личности), где фиксируются статистически значимые различия по 8 переменным со значи-

тельным разбросом средних значений (например, «конформность» почти в 3 раза).

Очевидно, что для совершения активных действий, направленных на переезд в другую страну, необходим иной набор ценностей, чем для того, чтобы адаптироваться и закрепиться в новом обществе. Фактически, личность решает в короткий временной интервал противоположные задачи: дистанцирование от родной культуры и присоединение к новой культурной традиции.

Следует полагать, что ценностная структура индивида не редуцируется исключительно к нормам и правилам, регламентирующим социальное взаимодействие, реализация ценностей в действиях и поступках выступает инструментальной функцией, включающей для осуществления конкретных жизненных проектов; «мотив, – сказал А. Н. Леонтьев, – направляет и побуждает» [4, с. 83]. Таким образом, ценностные ориентации личности являются сложным, системно организованным, динамически изменчивым социально-психологическим конструктом, способным к трансформации в соответствии с социальным взаимодействием и со стоящими перед личностью задачами.

Выводы

На основании полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Ценностная структура личности, реализуемая в поведении (профиль личности) в процессе перехода в новую этническую среду, претерпевает более сильные изменения, чем ценности на нормативном уровне (обзор ценностей). Статистически значимые различия проявлены в большем числе переменных; также сильнее различия средних величин во второй части методики, выявляющей ценности, реализуемые на уровне поведения.

2. Ценности, реализуемые в поведении, характеризуются наибольшей динамической изменчивостью (по сравнению с ценностями на нормативном уровне). Эти изменения, в случае эмиграции, с одной стороны, способствуют более эффективному достижению поставленных целей, а с другой – способствуют адаптации к новым культурным реалиям.

3. Ценностный профиль личности меняется в соответствии с актуальными задачами, стоящими перед человеком. После эмиграции повысились средние значения переменных «конформность», «традиция», «универсализм», «стимуляция» и др. Ценности выполняют инструментальную функцию по удовлетворению потребностей и мотивов.

Информация об авторах

Александр Иванович Донцов, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, почетный президент Российского психологического общества (г. Москва, Россия).

Ольга Юрьевна Зотова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и прикладной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Сергей Владимирович Мостиков, соучредитель «Союза профессиональных психологов», магистр психологии, преподаватель факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Aleksandr I. Dontsov, academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), professor, professor at Social Psychology chair of Moscow State University after M. V. Lomonosov, Honorary President of the Russian Psychological Society, Moscow, Russia.

Olga Yu. Zotova, corresponding Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), associate professor, professor at General and Applied Psychology chair, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Sergey V. Mostikov, co-founder of “The Union of professional psychoanalysts”, Master’s degree in Psychology, lecturer at Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Донцов А. И. Перельгина Е. Б. Проблемы безопасности коммуникативных стратегий // Вестник Московского университета. Серия 14 : Психология. 2011. № 4. С. 24–31.
2. Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю. Эмиграционные намерения и безопасность личности // Национальный психологический журнал. 2013. № 2(10). С. 17–24.
3. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб. : Речь, 2004. 70 с.
4. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М. : Смысл, 2000. 509 с.
5. Окольски М. Миграционное давление на Европу // Международная миграция населения: Россия и современный мир / гл. ред. В. А. Ионцев. М. : МГУ, 2001. Вып. 6. С. 46–54.
6. Прохоров Б. Б., Пика А. И. Большие проблемы малых народов // Коммунист. 1988. № 16. С. 76–84.
7. Шамова В. А. Культурные различия в правосознании граждан России и Китая // Наука и мир. 2013. № 3 (3). С. 247–252.
8. Byrne B. M. Structural equation modeling with AMOS: basic concepts, applications, and programming. NY. : Routledge Academic, 2009. 416 p.
9. Lindenberg S. Continuities in the theory of social production functions // *Verklarende Sociologie. Opstellen voor Reinhard Wippler* / Eds. H. Ganzeboom, S. Lindenberg. Amsterdam : Thela Thesis, 1996. P. 169–184.
10. Schwartz S. H., Struch N., van der Kloot W. A. Meanings of basic values for women and men: A cross-cultural analysis // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. P. 16–28.

Статья поступила в редакцию: 08.08.19
Принята к публикации: 10.09.19

References

1. Dontsov AI, Perelygina EB. Problemy bezopasnosti kommunikativnykh strategii [Security problems of communication strategies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*. 2011;4: 24–31. (In Russ.).
2. Zinchenko YP, Zotova OY. Emigratsionnye namereniya i bezopasnost' lichnosti [An intent regarding possible emigration and personality security]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*. 2013;2(10): 17–24. (In Russ.).
3. Karandashev VN. *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostei lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo [The Schwartz technique for studying personality values: the concept and a methodological guide]*. St.-Petersburg: Rech; 2004. 70 p. (In Russ.).
4. Leont'ev AN. *Lektsii po obshchei psikhologii [Lectures on general psychology]*. Moscow: Smysl; 2000. 509 p. (In Russ.).

-
5. Okol'ski M. Migratsionnoe davlenie na Evropu [Migratory pressure on Europe]. In: Iontsev VA. (ed.) *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: Rossiya i sovremennyi mir [International movements of people: Russia and the modern world]*. Moscow: Moscow State University; 2001. Vol. 6. p. 46–54. (In Russ.).
 6. Prokhorov BB, Pika AI. Bol'shie problemy malykh narodov [Big problems of small peoples]. *Kommunist = The Communist*. 1988;6: 76–84. (In Russ.).
 7. Shmakova BA. Kul'turnye razlichiya v pravosoznanii grazhdan Rossii i Kitaya [Cultural differences in legal awareness of citizens of Russia and China]. *Nauka i mir = Science and the World*. 2013;3(3): 247–252. (In Russ.).
 8. Byrne BM. *Structural equation modeling with AMOS: basic concepts, applications, and programming*. New York: Routledge Academic; 2009. 416 p.
 9. Lindenberg S. Continuities in the theory of social production functions. In: Ganzeboom H, Lindenberg S. (eds.) *Verklarende Sociologie. Opstellen voor Reinhard Wippler*. Amsterdam: Thela Thesis; 1996. p. 169–184.
 10. Schwartz SH, Struch N, van der Kloot WA. Meanings of basic values for women and men: A cross-cultural analysis. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002;28: 16–28.

Submitted 08.08.19 Accepted 10.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP03
УДК 373.2:004

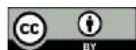
Обучение кибербезопасности при взаимодействии с родителями в детском саду

Светлана Г. Шабас,
АНО ВО «Гуманитарный университет, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-0963-8663, e-mail: shabassv@rambler.ru

Аннотация. В современных условиях всеобщей информатизации большинство детей старшего дошкольного возраста активно использует гаджеты и имеет доступ в Интернет. Однако только менее четверти родителей обеспокоены проблемой цифровой безопасности. Поэтому вопросы обучения кибербезопасности в процессе цифрового воспитания детей дошкольного возраста, законодательного регулирования обеспечения безопасности и развития детей в информационном пространстве являются актуальными для современного дошкольного образования. Работа проводилась на базе районного методического объединения педагогов-психологов Ленинского района г. Екатеринбурга. В процессе данного исследования использовались наблюдение, анализ информации, полученной в ходе консультирования и психологических обследований, анкетирование, беседы, опросы педагогов и специалистов по взаимодействию с родителями в детском саду. В результате были выявлены проблемы цифровой компетентности у всех участников воспитательно-образовательного процесса и определено влияние родителей на формирование цифровой грамотности детей. Особо отмечается новая позиция «освобождения» современного родителя от ребенка с помощью гаджетов, что вызывает необходимость психологической поддержки семьи в вопросах регулирования безопасного общения ребенка с цифровыми технологиями. Главной задачей работы с родителями является формирование у них представлений об основных проблемах свободного взаимодействия ребенка с информационными технологиями и о необходимости контроля за получением ребенком цифровой информации.

Ключевые слова: кибербезопасность, дошкольный возраст, взаимодействие с родителями.

Для цитирования: Шабас С. Г. Обучение кибербезопасности при взаимодействии с родителями в детском саду // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 246–253. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP03.

Training in Cybersecurity in Interaction with Parents in Kindergarten

Svetlana G. Shabas

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-0963-8663, e-mail: shabassv@rambler.ru

Abstract. In modern conditions of overall informatization, the majorities of children of older pre-school age actively use gadgets and have access to the Internet. However, just one-fourth of parents demonstrate concerns about digital security. That is why the issues associated with cybersecurity training in preschool education, legislative regulation in ensuring the security and development of children in a digital environment are relevant for present-day pre-school education. The study was based on the activities carried out by teachers and psychologists of the methodology association of the Leninsky district of Yekaterinburg. The methods used in the study involved observations, the analysis of information obtained through counseling and psychological checks, interviews, surveys of instructors and specialists dealing with parents in kindergarten. As a result, we revealed the problems with digital competence among all the participants of the process of upbringing and education and defined the impact of parents on the formation of digital literacy. Of special interest is a new position when the modern parent is given a “relief” from a child with the help of gadgets, which calls for family psychological support on pre-schoolers’ secure use of digital technologies. The main task of working with parents is to shape perceptions of the problems associated with free contacts of the child with information technologies and the necessity to control digital information received by the child.

Keywords: cybersecurity, pre-school age, interaction with parents.

For citation: Shabas SG. Training in Cybersecurity in Interaction with Parents in Kindergarten. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today’s World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 246–253. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-SP03.

Введение

Доступность широкого спектра средств массовой информации и электронные игры в современном мире уже в раннем возрасте формируют у детей цифровую компетентность, которой часто не обладают члены семьи ребенка. Согласно отраслевому докладу «Детский Рунет - 2018» Института исследований Интернета при поддержке Минкомсвязи России было выявлено, что в городах с населением более 100 000 человек 89 % детей в возрасте 5–7 лет являются интернет-пользователями и 39 % времени они проводят в Интернете самостоятельно, 95 % смотрят видео, 60 % играют в игры. При этом только 23 % родителей используют какие-либо средства обеспечения безопасности детей в Сети.

Цифровое воспитание является самой молодой сферой педагогики, центром изучения которой является нахождение ребенка в информационной среде. Внедрение новых образовательных стандартов, появление современных моделей обучения и широкое использование проектных методов направлено на обучение ребенка цифровой грамотности. **Актуальность** проблемы в том, что в процессе цифрового воспитания необходимо знакомить детей дошкольного возраста с основами кибербезопасности для взаимодействия ребенка с Интернетом.

Законодательно вопросы о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, были рассмотрены в Федеральном законе РФ в 2010 г., содержащем классификацию информационной продукции, экспертизу, государственный надзор и ответственность за качество информационного продукта.

В апреле 2017 г. в Совете Федерации РФ прошли парламентские слушания на тему «Актуальные вопросы обеспечения безопасности и развития детей в информационном пространстве», где были представлены методические рекомендации по управлению в сфере образования для информации о безопасном поведении и использовании сети Интернет для педагогов, детей и родителей. Для работы педагогов с детьми в «Памятке об информационной безопасности» предложены оптимальные способы поведения ребенка в Сети. Для родителей выделены правила использования детьми программного обеспечения и работы в Сети в домашних условиях, даны рекомендации по безопасности взаимодействия ребенка с Интернетом.

Задача родителей и психологов – не ограждать ребенка от современного мира цифровых технологий, а «использовать его преимущества, при этом максимально обезопасив их от негативного влияния новых технологий» [3, с. 174].

Многие родители детей от 1,5 до 10 лет считают, что информационные технологии развивают ребенка, способствуют его занятости в свободное время, расширяют кругозор детей и увеличивают возможность коммуникации с другими людьми, поэтому нет необходимости контролировать длительность нахождения ребенка и цифровом пространстве [2]. Использование «развивающих программ» избавляет многих родителей от игр и общения с ребенком. «“Освобождение” от ребенка становится оправданным, дает возможность взрослым почувствовать себя современным родителем» [9, с. 368].

Есть негативные результаты анализа неконтролируемого пребывания детей дошкольного возраста в Интернете и влияния компьютерных игр при взаимодействии ребенка с сенсорным экраном. Треть опрошенных детей воспринимает свой гаджет как «лучшего друга», некоторые и вовсе «не могут без него жить» и хотели бы находиться в цифровом пространстве «бесконечное количество времени» [10, с. 41].

Перенос традиционной детской деятельности на компьютерный экран показывает различия при взаимодействии ребенка с планшетом и реальными предметами. При игре на планшете дети дошкольного возраста более эмоционально реагировали на успех или неудачу в связи с яркой обратной сенсорной стимуляцией [9].

ВОЗ в апреле 2019 г. рекомендовала родителям для обеспечения нормального развития детей до 5 лет создавать в семье условия для здорового образа жизни. ВОЗ подтвердила негативное влияние гаджетов на здоровье, физическую и социальную активность детей раннего и дошкольного возраста, хотя многие родители, по мнению экспертов, считают гаджеты удобным инструментом, чтобы занимать детей. Последствия данной ситуации – снижение у детей подвижности, концентрации внимания, проблемы с социальной адаптацией и психическим здоровьем. В использовании гаджетов: от 0 до 2 лет просмотр гаджетов не допускается; от 2 до 3 лет меньше 1 часа в день; в 3–4 года 1–2 часа в день. Родителям рекомендуют уделять больше личного

времени своим детям, контролировать режим использования гаджетов вплоть до автоматического выключения по истечении определенного времени. Семьям предложено стимулировать замену времени проведения детей с планшетами на другие интеллектуальные занятия [11].

Сегодня дети с раннего возраста имеют свободный доступ к цифровым коммуникациям без приучения к культуре безопасного использования. Впервые дети взаимодействуют с цифровым миром в условиях ближайшего окружения, поэтому необходимо развивать информационную культуру старших дошкольников как интегративное качество личности при широком взаимодействии с семьей ребенка. Методические рекомендации педагогам и родителям ДОО помогают создавать максимально благоприятные условия здоровьесбережения при высокой доступности средств ИКТ и наличии практических и интуитивных навыков пользования техническими средствами у современных воспитанников детских садов [6].

Появление новой реальности ребенок – гаджет – взрослый осложняется разрозненностью рекомендаций по содержанию и нормам использования гаджетов детьми дошкольного возраста и вызывает необходимость психологической поддержки родителей в вопросах регулирования безопасного общения детей с гаджетами [4, с. 5].

Так, 01.06.2019 г. на официальном паблике Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ родителей предостерегли от выкладывания фотографий своих детей в соцсетях в связи с имеющейся в такой контент-стратегии рисков возможного будущего кибербуллинга или использования фотографий в преступных целях. Поэтому необходимы методические разработки по кибербезопасности детей в информационной среде, включая основные понятия кибербезопасности, обучение основам медиаграмотности и помощь в освоении базовых понятия киберпространства [1].

Во многом современное информационное поле носит противоречивый и негативный характер, влияя на социально-нравственные ориентиры детско-родительских отношений. Организация психолого-педагогического сопровождения в детском саду для повышения педагогической грамотности родителей в защите детей от вредной информации возможна в системе взаимодействия семьи и ДОО, включающей три этапа: целевой (цели и задачи), организационно-содержательный (формы и методы) и диагностический (мониторинг). Сформированная таким образом педагогическая грамотность родителей в вопросах информационных технологий позволяет родителям осознать опасность современной информационной среды [5].

Необходимо обучение родителей и поискам «позитивного контента» как совокупности собственно контента, его дизайна, удобства пользования и безопасности, рассчитанного на образование и развлечение детей при решении проблемы детской интернет-безопасности [7].

Характеристика исследования. На базе районного методического объединения педагогов-психологов детских садов Ленинского района г. Екатеринбурга изучались проблемы обучения кибербезопасности в процессе психологического сопровождения семьи ребенка как главного фактора его развития.

Методы исследования

Наблюдение, анализ информации, полученной в ходе консультирования и психологических обследований, анкетирование, беседы, опросы педагогов и специалистов по взаимодействию с родителями.

Результаты и обсуждение

На основе системного подхода и теории привязанности для изучения специфики проведения обучения кибербезопасности были выявлены основные проблемы цифровой грамотности педагогов, детей и членов их семей.

1. Проблемы педагогических работников (в основном со стажем более 15 лет):

- недостаточные навыки владения информационно-коммуникативными технологиями для использования в воспитательном процессе;
- наличие различных форм компьютерной и интернет-зависимостей у членов семей педагогов и специалистов.

2. Проблемы воспитанников:

- снижение интереса к традиционным видам детской деятельности с преобладанием внимания к цифровому миру;
- ориентация на гаджет как на мотивирующий источник поощрения или наказания при взаимодействии с членами семьи ребенка.

3. Проблемы родителей (лиц, их замещающих):

- наличие различных форм компьютерной и интернет-зависимостей у членов семьи воспитанников;
- замена эмоционального общения с ребенком разрешением бесконтрольного использования гаджетов;
- низкий уровень информационной грамотности родителей воспитанников по вопросам кибербезопасности при неконтролируемом использовании детьми информационных технологий.

В связи с определенными проблемами была выстроена система работы администрации и педагогов-психологов.

Для приведения в соответствие с требованиями ФГОС ДО для педагогов и специалистов были организованы курсы само- и взаимобучения по ИКТ. Проводились лекции, семинары, мастер-классы и консультации по проблемам компьютерной зависимости у детей и взрослых, знакомство с основами кибербезопасности.

Главной задачей работы с родителями является формирование у них представлений о необходимости контроля за получением ребенком цифровой информации, сообщается о Лиге безопасного Интернета, о Центре безопасности Интернета в России, конференциях и мероприятиях проекта «Сетевичок», публикациях журнала «Дети в информационном обществе».

Родителям предоставляется информация об основных проблемах неконтролируемого взаимодействия ребенка с информационными технологиями – ухудшении психофизического здоровья, отставании в развитии речи, эмоциональной зависимости от гаджетов, получении доступа к информации, вредящей мировоззрению и психическому состоянию, подмене реального общения виртуальным, формировании «клипового мышления», возможности утери личной информации, денег, вовлечении в опасные социальные связи и др.

Однако проявляется проблема эффективности данной работы с семьей воспитанников. Так, на региональной конференции в рамках реализации проекта Фонда президентских грантов «Нейропсихологический подход в воспитании и развитии детей – основа формирования здорового поколения» в г. Екатеринбурге специалисты территориальной муниципальной психолого-медико-педагогической комиссии г. Екатеринбурга «Радуга» сообщили, что только около 30 % родителей выполняют выданные врачами, педагогами и психологами рекомендации по развитию и воспитанию детей. Психологи информационно-психологического семейного центра «Белый слон» г. Екатеринбурга отмечают, что во время проведения детско-родительских развивающих и коррекционных занятий многие родители вместо совместных действий с ребенком взаимодействуют с гаджетами. Педагог-психолог ДОО рассказала о трудностях чтения 6-летним детям сказок Пушкина в связи с непониманием воспитанниками многих слов русского языка. Вместе с тем специалист отметила, что дети имеют множество англоязычных понятий из компьютерных игр. После знакомства с данной информацией родители отмечают, что ребенок растет в цифровом мире и должен ему соответствовать.

Вывод

Таким образом, можно сделать **вывод**, что для получения позитивного результата обучения воспитанников кибербезопасности в детском саду необходима система взаимодействия педагогов и администрации с семьей ребенка, являющейся основным социальным институтом, закладывающим в раннем детстве основы поведения в информационном мире.

Информация об авторе

Светлана Георгиевна Шабас, кандидат психологических наук, Почетный работник общего образования РФ, доцент кафедры социальной психологии факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Svetlana G. Shabas, Cand. Sci. (Psychology), associate professor at Social Psychology chair of Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities, an Honorary Worker of General Education of the RF, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Азбука кибербезопасности : методическая разработка для специалистов, родителей, учителей (в рамках проекта Ленинградская область – территория БезОпасности) / авт.-сост. А. Н. Тихонов, Е. Г. Бессонов, М. В. Мигулева и др. М. : Центр системных инициатив, 2018. 19 с. URL: <http://киберстандарт.рф/wp-content/uploads/2018/10/> (дата обращения: 15.06.2019).
2. Барсукова О. В., Мавлютова Е. В., Савка М. А. Ребенок и гаджеты: психологическое исследование мнений современных родителей // Вопросы дошкольной педагогики. 2016. № 1 (4). С. 14–18. URL: <https://moluch.ru/th/1/archive/24/719> (дата обращения: 10.06.2019).
3. Бахтова Ю. В. Детство в цифровом мире // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Т. 2, № 3. С. 167–178. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36605510 (дата обращения: 08.06.2019).
4. Борцова М. В., Некрасов С. Д. Личностные особенности дошкольников, относящиеся к использованию электронных гаджетов // Научный журнал КубГАУ (Scientific Journal of KubSAU). 2017. № 133 (09). С. 134–150. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-doshkolnikov-otnosyaschiesya-k-ispolzovaniyu-elektronnyh-gadzhetrov-1> (дата обращения: 15.06.2019).

5. Истратова М. А., Пазухина С. В. Повышение педагогической грамотности родителей дошкольников в вопросе защиты детей от вредной информации // *Universum: психология и образование*. 2017. № 4 (34). С. 6–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-pedagogicheskoy-gramotnosti-roditeley-doshkolnikov-v-voprose-zaschity-detey-ot-vrednoy-informatsii> (дата обращения: 07.06.2019).

6. Калинина Т. В. Взаимодействие педагогов и родителей в процессе формирования основ информационной культуры у детей старшего дошкольного возраста // *Проблемы современного образования*. 2017. № 5. С. 189–195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-pedagogov-i-roditeley-v-protseesse-formirovaniya-osnov-informatsionnoy-kultury-u-detey-starshego-doshkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 07.06.2019).

7. Парфентьев У., Бунчук В. Пространство безопасности. Разработаны критерии позитивного контента для детей // *Дети в информационном обществе*. 2018. № 1 (29). С. 20–25. URL: http://detionline.com/assets/files/journal/29/29_inf_obschestvo.pdf (дата обращения: 11.06.2019).

8. Ханова Т. Г., Семенова Е. В. Проблема «взаимодействия» детей дошкольного возраста с мобильными устройствами // *Государственный советник*. 2019. № 1 (25). С. 84–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37187279> (дата обращения: 08.06.2019).

9. Смирнова Е. О., Матушкина Н. Ю., Смирнова С. Ю. Виртуальная реальность в дошкольном детстве // *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека*: сб. науч. статей и материалов междунар. конференции / под общ. ред. Р. В. Ершовой. Коломна: ГОУ ВО Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», 2018. С. 364–369. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35444361_60713937.pdf (дата обращения: 08.06.2019).

10. Солдатова Г. У., Ртищева М. А., Теславская О. И. Мой электронный друг (Как дошкольники и младшие школьники осваивают цифровую среду) // *Дети в информационном обществе*. 2018. № 1 (29). С. 38–43. URL: http://detionline.com/assets/files/journal/29/29_tema_pomera_2.pdf (дата обращения: 09.06.2019).

11. World Health Organization guidelines on physical activity, sedentary behaviour and sleep for children under 5 years of age. World Health Organization, 2019. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311664/9789241550536-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 10.06.2019).

Статья поступила в редакцию: 20.06.19

Принята к публикации: 08.08.19

References

1. Tikhonov AN, et al. *Azbuka kiberbezopasnosti [The ABC of cybersecurity]: methodological manual for specialists, parents, teachers (within the framework of the project “the Leningrad region – territory of Security”*. Moscow: Center of system initiatives; 2018. 19 p. Available from: <http://кибер-стандарт.рф/wp-content/uploads/2018/10/> [Accessed 15.06.2019]. (In Russ.).

2. Barsukova OV, Mavlyutova EV, Savka MA. Rebenok i gadzhety: psikhologicheskoe issledovanie mnenii sovremennykh roditelei [The child and gadgets: a psychological study of modern parents' opinions]. *Voprosy doshkol'noi pedagogiki = Issues of pre-school pedagogics*. 2016;1(4): 14–18. Available from: <https://moluch.ru/th/1/archive/24/719> [Accessed 10.06.2019]. (In Russ.).

3. Bakhtova JV. Detstvo v tsifrovom mire [Childhood in a digital world]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Chelovek i mir = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Man and the world*. 2018;2(3): 167–178.

Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36605510> [Accessed 08.06.2019]. (In Russ.).

4. Bortsova MV, Nekrasov SD. Lichnostnye osobennosti doshkol'nikov, otnosyashchiesya k ispol'zovaniyu elektronnykh gadzhetov [Personal features of pre-schoolers relating to the use of electronic gadgets]. *Nauchnyi zhurnal KubGAU = Scientific Journal of Kuban State agrarian University*. 2017;133(09): 134–150. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-doshkolnikov-otnosyaschiesya-k-ispolzovaniyu-elektronnyh-gadzhetov-1> [Accessed 15.06.2019]. (In Russ.).

5. Istratova MA, Pazukhina VS. Povyshenie pedagogicheskoi gramotnosti roditelei doshkol'nikov v voprose zashchity detei ot vrednoi informatsii [Upgrading pedagogical literacy of pre-schoolers' parents in child protection from harmful information]. *Universum: psikhologiya i obrazovanie = Universum: psychology and education*. 2017;4(34): 6–9. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-pedagogicheskoy-gramotnosti-roditeley-doshkolnikov-v-voprose-zashchity-detey-ot-vrednoy-informatsii> [Accessed 07.06.2019]. (In Russ.).

6. Kalinina TV. Vzaimodeistvie pedagogov i roditelei v protsesse formirovaniya osnov informatsionnoi kul'tury u detei starshego doshkol'nogo vozrasta [Collaboration among educators and parents in shaping basics of information culture in elder pre-schoolers]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*. 2017;5: 189–195. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-pedagogov-i-roditeley-v-protsesse-formirovaniya-osnov-informatsionnoy-kul'tury-u-detey-starshego-doshkolnogo-vozrasta> [Accessed 07.06.2019]. (In Russ.).

7. Parfentyev U, Bunchuk V. Prostranstvo bezopasnosti. Razrabotany kriterii pozitivnogo kontenta dlya detei [A space of security. The criteria for positive content for children have been developed]. *Deti v informatsionnom obshchestve = Children in an information society*. 2018;1(29): 20–25. Available from: http://detionline.com/assets/files/journal/29/29_inf_obschestvo.pdf [Accessed 11.06.2019]. (In Russ.).

8. Khanova TG, Semenova EV. Problema «vzaimodeistviya» detei doshkol'nogo vozrasta s mobil'nymi ustroystvami [The problem of pre-schoolers' "interaction" with mobile gadgets]. *Gosudarstvennyi sovetnik = State Councillor*. 2019;1(25): 84–90. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37187279> [Accessed 08.06.2019]. (In Russ.).

9. Smirnova EO, Matushkina NY, Smirnova SY. Virtual'naya real'nost' v doshkol'nom detstve [Virtual reality in pre-school childhood]. In: Ershova RV. (ed.) *Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka [A digital society as a cultural and historical context of human development]: a collection of papers of international conference*. Kolomna: State University of Social Studies and Humanities; 2018. p. 364–369. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35176833> [Accessed 08.06.2019]. (In Russ.).

10. Soldatova GU, Rtishcheva MA, Teslavskaya OI. Moi elektronnyi drug (Kak doshkol'niki i mladshie shkol'niki osvivaivayut tsifrovuyu sredu) [My electronic friend (How pre-schoolers and primary school children master digital environment)]. *Deti v informatsionnom obshchestve = Children in information society*. 2018;1(29): 38–43. Available from: http://detionline.com/assets/files/journal/29/29_tema_nomera_2.pdf [Accessed 09.06.2019]. (In Russ.).

11. World Health Organization. *World Health Organization guidelines on physical activity, sedentary behaviour and sleep for children under 5 years of age*. 2019. Available from: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311664/9789241550536-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y> [Accessed 10.06.2019].

Submitted 20.06.19 Accepted 08.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP04
УДК 316.61-053.8

Удовлетворенность жизнью и счастье россиян зрелого возраста

Маргарита Е. Пермякова¹,

ORCID: 0000-0002-9384-5939, e-mail: pme8@mail.ru

Ольга С. Виндекер²,

ORCID: 0000-0002-1442-3718, e-mail: o.s.vindeker@urfu.ru

^{1,2} Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Татьяна Л. Сморкалова³,

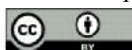
³ АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0003-1746-4621, e-mail: smtanya@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлены результаты эмпирического исследования социально-демографических коррелятов и субъективных коррелятов ощущения счастья. Актуальность исследования обусловлена тем, что современный мир предъявляет к человеку запредельные, зачастую противоречивые, требования (информационные, потребностно-мотивационные, ценностные и так далее). При этом базовые потребности, связанные с самоактуализацией и стремлением чувствовать себя счастливым, маргинализируются, уходят на второй план. В таких условиях изучение ощущения счастья и субъективного благополучия в связи с удовлетворенностью различными аспектами жизни, а также в связи с объективными социально-демографическими факторами, видится нам актуальным. Целью нашего исследования являлось определение связи счастья россиян зрелого возраста с удовлетворенностью различными аспектами жизни. Была выдвинута гипотеза о связи счастья с удовлетворенностью работой, материальным положением, здоровьем, возможностью полноценного отдыха, супружескими отношениями, отношениями со своими детьми, друзьями.

В данном исследовании приняли участие 1 520 человек (222 мужчины и 1 298 женщин) в возрасте $40,45 \pm 6,72$ лет, имеющие детей (или одного ребенка) школьного возраста. В качестве метода исследования использовалась анкета, включающая вопросы социально-демографического (пол, возраст, семейное положение, количество детей, доход и так далее) и психологического (оценивание уровня счастья и удовлетворенности такими аспектами жизни, как работа, материальное положение, отношения с собственными детьми, супругами, друзьями, возможность полноценного отдыха и здоровье) характера. В результате исследования было определено, что субъективное ощущение счастья связано как с объективными социально-демографическими показателями, так и с уровнем удовлетворенности различными аспектами жизни. Ощущение счастья положительно связано с количеством детей в семье и уровнем дохода, а также с удовлетворенностью жизнью в целом. С возрастом субъективное ощущение счастья несколько «притупляется», оценивается несколько ниже (что характерно в большей степени для женской части выборки). Мужчины и женщины не отличаются друг от друга по уровню ощущения счастья, но есть некоторые особенности во взаимосвязях счастья с такими факторами, как наличие семьи (состоит в браке) и количество детей – в отличие от мужчин, у женщин эти корреляции достоверны. Кроме того, по

© М. Е. Пермякова, О. С. Виндекер, Т. Л. Сморкалова, 2019

сравнению с женщинами, мужчины в большей степени удовлетворены материальным положением и супружескими отношениями и в меньшей степени – отношениями с друзьями. В целом полученные результаты дополняют данные, имеющиеся в литературе. Так, выявлено, что не все социально-демографические факторы, которые в общественном сознании рассматриваются как предикторы счастья, действительно коррелируют с ощущением счастья. Так, например, определено, что такой важный фактор объективного, материального благополучия, как наличие своего собственного жилья, никак не связан с ощущением счастья: имеющие и не имеющие собственное жилье одинаковы счастливы.

Ключевые слова: счастье, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, социально-демографические показатели.

Для цитирования: Пермякова М. Е., Виндекер О. С., Сморкалова Т. Л. Удовлетворенность жизнью и счастье россиян зрелого возраста // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 254–267. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI:10.35853/UfH-RMP-2019-SP04.

Life Satisfaction and Happiness of Russians at a Mature Age

Margarita E. Permyakova¹,

ORCID: 0000-0002-9384-5939, e-mail: pme8@mail.ru

Olga S. Vindeker²,

ORCID: 0000-0002-1442-3718, e-mail: o.s.vindeker@urfu.ru

^{1,2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Tat'yana L. Smorkalova³

³ Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0003-1746-4621, e-mail: smtanya@mail.ru

Abstract. The article describes the results of the empirical study into socio-demographic correlates and subjective correlates of happiness. The relevance of the study is determined by the fact that the modern world places exorbitant, often conflicting requirements (information-driven, need and motive-based, value-oriented, etc.) on the individual. And basic needs associated with self-actualization and a willingness to be happy are marginalized and take a back seat. In such circumstances, we consider the study into the feelings of happiness and subjective wellbeing linked to both satisfaction with different life aspects and objective socio-demographic factors to be relevant. Our study aimed to define the linkage between the happiness of mature Russians and their satisfaction with different aspects of life. We formed the hypothesis of a connection between happiness and satisfaction with the job, material situation, health, proper rest, inter-spousal relations, and relationships with their children and friends.

The sample consisted of 1520 people (222 males and 1298 females) aged 40,45 ± 6,72 with children (or 1 child) of school age. We used a questionnaire embracing questions of a socio-demographic (gender, age, marital status, number of children, income, etc.) and psychological nature (assessment of happiness and satisfaction with such life aspects as a job, material situation, relations with spouses, children, friends, proper rest, health, etc). The results revealed that the feelings of happiness are connected with both objective socio-demographic indicators and the level of satisfaction with different life aspects. Happiness positively correlates with the

number of children in a family and income, and also with overall life satisfaction. With age, a subjective sense of happiness “fades” a bit, and the respondents estimate happiness slightly lower (it is more characteristic of the female part of the sample). Men and women do not differ in the level of being happy but there exist some peculiarities in the linkage of happiness with such factors as marital status (being married) and the number of children – unlike men, for women these correlations are statistically significant. Also, men, compared to women, are more satisfied with the material situation and inter-spousal relations and less satisfied with their relations with friends. In general, the obtained results complement the data published in academic literature. Thus, it was found that not all factors considered as predictors of happiness in the public mind correlate with the feelings of happiness. For instance, it was revealed that such an essential factor of material wellbeing as homeownership has nothing to do with a sense of happiness: the respondents with and without own homes are equally happy.

Keywords: happiness, subjective wellbeing, life satisfaction, socio-demographic indicators.

For citation: Permyakova ME, Vindeker OS, Smorkalova TL. Life satisfaction and happiness of Russians at a mature age. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 254–267. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-SP04.

Введение

В последние десятилетия проблема счастья, благополучия человека, как одной из важнейших интегральных характеристик личности, от которой зависит эффективность ее функционирования, активно исследуется в мировой психологии. «Subjective well-being is an important issue in social development because experience of one's own personal well-being is a prerequisite for the person's successful functioning in society» [30, p. 126]. Несмотря на это, до сих пор среди ученых нет единого мнения о сущности этой категории [12; 5; 25; и др.]. Большинство исследователей опирается на понятийный аппарат, сформировавшийся в зарубежной психологии. Его трактовка близка либо к гедонистическому подходу [22; 26; 1; 16], согласно которому счастье и его психологический синоним – субъективное благополучие – является субъективным ощущением и трактуется как конструкт, состоящий из когнитивного (удовлетворенность жизнью) и аффективного (баланс положительных и отрицательных эмоций) компонентов, либо к эвдемонистическому подходу [29; 28; 24], в котором психологическое благополучие рассматривается как показатель позитивного функционирования личности и связывается с самореализацией личности, с ее ресурсами и положительными качествами.

Определенная часть отечественных исследований [2; 5; 8; 9; 10; 12; 19; и др.] посвящена теоретическому анализу сущности этих понятий, их уточнению, углублению, преломлению их содержания через призму российской ментальности, социокультурной специфики, построению собственных психологических конструктов и моделей разных видов благополучия.

Сторонники эвдемонистического и гедонистического подходов ведут активную дискуссию о возможности и продуктивности сочетания и интеграции феноменов счастья и различных видов благополучия [18;

15; 4; 3; и др.]. Большинство российских психологов склоняется к мнению, что, хотя эти термины и не являются тождественными, все они отражают «позитивное функционирование личности» [7; 6; 9; и др.], коррелируют между собой на уровне эмпирических показателей и, в грубом приближении, могут использоваться как синонимы.

Эмпирические исследования счастья и благополучия, как правило, посвящены определению их предикторов и коррелятов. Источниками счастья респонденты называют как внешние социально-экономические, экологические, этнокультурные факторы, характеризующие среду обитания человека, так и внутренние факторы, характеризующие самого человека и его социальные связи: пол, возраст, темперамент, личностные особенности, семью, удовлетворенность материальным положением, работой, межличностными отношениями, наличие свободного времени для досуга, хобби, успех, самоактуализацию, веру и т. д. [12].

Универсальных рецептов счастья, благополучия для всех людей не существует, оно складывается из своеобразного для каждого человека сочетания множества факторов, но при этом каждый ощущает и оценивает уровень своего счастья как целостное переживание. Согласно S. Oishi, E. Diener, R. Lucas [27], существует некий оптимальный уровень счастья и он равен 8 баллам (по 10-балльной шкале). Люди, которые оценивают свое ощущение счастья на этом уровне, уверенно чувствуют себя в жизни, зарабатывают больше денег, лучше учатся, чем те, кто ощущает себя счастливым по условной шкале на 10 баллов.

Исследования показывают, что ощущение счастья, высокое субъективное благополучие приводят к улучшению здоровья и увеличивают продолжительность жизни. Счастливые люди выше оценивают уровень своего здоровья, чем несчастливые, независимо от объективных показателей их здоровья. Согласно исследованиям, у счастливых людей менее выражены физиологические реакции на стрессовые ситуации [21; 23]. Отличительными чертами счастливых людей являются оптимизм, высокая самооценка, ощущение личного контроля [26; 16]. Кроме того, фиксируется отрицательная корреляция с депрессией и тревожностью. Исследования по опроснику шкал «Большой пятерки», показали, что счастье негативно связано с нейротизмом и положительно коррелирует с экстраверсией, открытостью новому опыту [22]. «Метод проверки переживаний» М. Чиксентмихайи выявил, что счастливые люди ощущают себя вовлеченными в деятельность и удовлетворены ею [26]. Менее значимыми для ощущения счастья являются материальное обеспечение, пол, образование [23; 26]. По мнению М. Seligman [16], D. G. Myers, E. Diener [26], значимым фактором для счастья является религиозная вера. Но существует и мнение, что вера мало влияет на ощущение счастья [1; 14]. Одним из важнейших предикторов счастья, а некоторые авторы считают и возможно единственным, являются социальные и межличностные отношения [1; 16].

Ежегодные социологические исследования показывают, что уровень счастья населения различных стран различен, непонятен и во многом зависит от ценностей социальных общностей, культурных феноменов, политического и социально-экономического состояния общества. Г. А. Монусова [13] проанализировала данные Европейского социального обследования (ESS) об уровне счастья и удовлетворенности разными аспектами жизни в 25 странах, в том числе и в России,

и пришла к выводу о связи этих показателей с возрастом респондентов. Так, в России, по сравнению с другими европейскими странами, наблюдается самое резкое снижение субъективного благополучия с возрастом. Возрастной профиль субъективного благополучия имеет U-образную форму. Максимальные показатели отмечаются в возрасте 15–24 лет, далее уровень субъективного благополучия снижается и к 50 годам достигает наименьших значений, после чего вновь начинает повышаться. В России чувство благополучия с возрастом неуклонно снижается, небольшой подъем наблюдается только с 55 до 64 лет, а после 65 лет – снова снижение. Такая нелинейная зависимость обусловлена неодинаковым вкладом различных частных показателей удовлетворенности в интегральный индекс субъективного благополучия в разные возрастные периоды. Например, россияне менее других удовлетворены своим материальным положением, показатель оптимизма у них один из самых низких в Европе. Удовлетворенность собой и своим здоровьем последовательно снижается по мере старения.

Несмотря на разработанность данной проблематики, существует необходимость в регулярных психологических исследованиях счастья населения, которые отражали бы динамику его изменения и фиксировали степень удовлетворенности разными аспектами жизни. Особенно важны исследования счастья людей зрелого возраста, так как этот возраст является репродуктивным периодом, временем наибольшей трудоспособности, и именно от этой категории населения во многом зависит благополучие и счастье детей и пожилых людей.

Целью нашего исследования являлось определение связи счастья россиян зрелого возраста с удовлетворенностью различными аспектами жизни. Была выдвинута гипотеза о связи счастья с удовлетворенностью работой, материальным положением, здоровьем, возможностью полноценного отдыха, супружескими отношениями, отношениями со своими детьми, друзьями.

В исследовании приняли участие 1 520 россиян зрелого возраста (222 мужчины и 1 298 женщин, средний возраст $(40,45 \pm 6,72)$ лет), имеющих детей. Все испытуемые были проинформированы о целях исследования и дали добровольное согласие на участие в нем. Из 1 520 респондентов: состоят в браке – 1 165; имеют одного ребенка – 556, двух детей – 754, трех и более – 210; 1 369 человек имеют собственное жилье; вузы закончили 1 034 человека, среднее образование имеют 476; доход менее 10 тыс. руб. на 1 человека в семье отметили 183 человека, от 10 до 20 тыс. руб. – 542 человека, от 20 до 30 тыс. руб. – 428 человек, свыше 30 тыс. руб. – 367 человек. Имеют работу 1 374 человека.

Методы исследования

Респондентам была предложена анкета, включающая вопросы социально-демографического и психологического характера. К социально-демографическим относились вопросы, связанные с полом, возрастом, семейным положением, количеством детей, уровнем образования, характером занятости и доходом. Психологическая составляющая была представлена восемью оценочными шкалами. Испытуемым предлагалось по 10-балльной шкале оценить свой уровень счастья, уровень удовлетворенности работой, материальным положением, супружескими отношениями, отношениями с детьми, отношениями с друзьями,

возможностью для полноценного отдыха и своим здоровьем. При обработке данных использовались коэффициент корреляции Пирсона, однофакторный дисперсионный анализ и факторный анализ (Principle Components, Varimax Normalized).

Результаты и обсуждение

Количество респондентов с разными уровнями измеряемых показателей представлены в таблице 1.

Таблица 1
Количество респондентов с разными уровнями счастья и удовлетворенности жизнью (% / абсол.)

Показатели	Количество респондентов с разными уровнями измеряемых показателей				
	низкий	пониженный	средний	повышенный	высокий
Счастье	2,8 / 42	2,5 / 38	11,4 / 174	39,8 / 605	43,5 / 661
Удовлетворенность					
работой	3,1 / 48	6,4 / 97	19,6 / 298	37,3 / 567	33,6 / 510
материальным положением	4,8 / 73	12,4 / 188	29,6 / 450	35 / 532	18,2 / 277
супружескими отношениями	6,6 / 100	4,2 / 64	14,4 / 219	21,2 / 322	53,6 / 815
отношениями со своими детьми	0,9 / 14	2,5 / 39	8,5 / 129	27,2 / 413	60,9 / 925
отношениями с друзьями	1 / 15	3,2 / 48	11,2 / 170	26,2 / 399	58,4 / 888
возможностью полноценного отдыха	8,1 / 124	13,6 / 207	29,3 / 445	28,4 / 431	20,6 / 313
своим здоровьем	2,1 / 32	8,9 / 135	24,8 / 377	41,6 / 632	22,6 / 344

Анализ данных показывает, что повышенный и высокий уровень счастья характерен для подавляющего большинства (83,3 %) россиян зрелого возраста. Наибольшее количество респондентов отметили повышенную и высокую удовлетворенность такими аспектами жизни, как отношения с детьми (88,1 %), друзьями (84,6 %), супругами (74,8 %). Работой удовлетворены 70,9 %, здоровьем – 64,2 %. Меньше всего среди респондентов тех, кто удовлетворен своим материальным положением (53,2 %) и кто имеет возможность полноценного отдыха (49 %).

Связь счастья с показателями удовлетворенности различными аспектами жизни, а также социально-демографическими показателями определялась с использованием коэффициента корреляции Пирсона (r). Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Значимые коэффициенты корреляции счастья
с показателями удовлетворенности жизнью
и социально-демографическими показателями**

Параметры		Счастье		
		Общая выборка (n = 1520)	Мужчины (n = 222)	Женщины (n = 1298)
Удовлетворенность	...своей работой	0,39***	0,37***	0,42***
	...материальным положением	0,38***	0,42***	0,38***
	...супружескими отношениями	0,39***	0,51***	0,38***
	...отношениями со своими детьми	0,49***	0,55***	0,48***
	...отношениями с друзьями	0,47***	0,44***	0,47***
	...своим здоровьем	0,39***	0,45***	0,36***
	...возможностью для полноценного отдыха	0,38***	0,43***	0,37***
Возраст		-0,10**	0,05	-0,11**
Доход на 1 человека в семье		0,13**	0,17**	0,13**
Наличие семьи (состоит в браке)		-0,08*	-0,07	-0,09*
Количество детей в семье		0,13**	0,12	0,13**

«*» – корреляция значима при $p \leq 0,05$; «**» – значима при $p \leq 0,01$;
«***» – значима при $p \leq 0,001$.

Корреляционный анализ выявил положительную связь счастья с удовлетворенностью жизнью во всех исследуемых сферах. Такие параметры, как доход в семье, количество детей, также положительно связаны с ощущением счастья: чем больше детей в семье и больше доход, тем выше оценка уровня счастья. Не зависит счастье от обладания собственным благоустроенным жильем, что объясняется его наличием у 90 % респондентов исследуемой выборки, и от уровня образования. Отрицательно коррелирует счастье только с возрастом, что в целом соответствует представленным в литературе данным (Монусова, 2012). При корреляционном анализе социально-демографических характеристик и уровня удовлетворенности было определено, что доход положительно коррелирует с удовлетворенностью материальным положением ($r_{\text{эмп}} = 0,33$ при $p \leq 0,001$), а количество детей – с удовлетворенностью отношениями с ними ($r_{\text{эмп}} = 0,10$ при $p \leq 0,05$).

В результате факторного анализа (Principle Components, Varimax Normalized) четко выделились 2 фактора (в качестве критерия использовался график «каменистой осыпи»: I фактор $S^2 = 4,05$; ДОД = 0,51; II фактор $S^2 = 4,24$; ДОД = 0,26). Первый фактор преимущественно составили шкалы удовлетворенности работой (0,72), материальным положением (0,82), возможностью полноценного отдыха (0,73) и здоровьем (0,68), тогда как второй – шкалы удовлетворенности отношениями с детьми (0,74) и друзьями (0,72), а также супружескими отношениями (0,68). Факторная нагрузка по шкале счастья оказалась распределенной между данными факторами, причем для второго фактора она оказалась несколько выше (I фактор – 0,34; II фактор – 0,52). Таким образом, мы видим, что удовлетворенность жизнью дифференцируется на сферу физической, материальной и деловой удовлетворенности, с

одной стороны, и сферу отношений – с другой стороны. Шкала «Счастье» получила недостаточную высокую нагрузку по сравнению со шкалами удовлетворенности в различных сферах жизни, что подтверждает предположение о том, что удовлетворенность хотя и является важным фактором счастья, но не определяет его полностью.

Далее был проведен однофакторный дисперсионный анализ для сравнения показателей мужчин и женщин, а также тех, кто состоит и не состоит в браке (табл. 3).

Таблица 3
Результаты однофакторного дисперсионного анализа (n = 1 520)

Шкалы		М	Ж	F _{эп}	Б	нБ	F _{эп}	К	нК	F _{эп}
Удовлетворенность	... своей работой	7,35	7,36	0,00	7,40	7,23	1,65	7,38	7,17	1,17
	... материальным положением	6,77	6,41	4,77*	6,63	5,91	29,30***	6,54	5,82	14,11***
	... супружескими отношениями	8,21	7,76	5,92*	8,43	5,82	350,46***	7,91	7,04	15,94***
	... отношениями со своими детьми	8,38	8,54	1,55	8,64	8,10	25,91***	8,52	8,48	0,06
	... отношениями с друзьями	8,15	8,42	3,79*	8,47	8,06	13,42***	8,40	8,19	1,63
	... возможностью для полноценного отдыха	6,46	6,24	1,46	6,40	5,85	13,83***	6,32	5,87	4,42*
	... своим здоровьем	7,08	6,94	0,95	7,03	6,72	6,64**	6,97	6,94	0,02
Счастье		7,77	7,97	1,95	8,03	7,67	9,12***	7,94	7,93	0,00

* М – мужчины, Ж – женщины; Б – состоят в браке, нБ – не состоят в браке; К – имеют собственное жилье, нК – не имеют собственного жилья.

Сравнительный анализ не выявил различий в уровне ощущения счастья у мужчин и женщин. Так, И. А. Джидарьян [5] указывает на то, что значение имеют не уровневые показатели счастья, а особенности представлений мужчин и женщин о том, что такое счастье. Мужчины и женщины могут не различаться по уровню счастья и субъективного благополучия, но при этом имеются существенные различия в представлениях о том, что такое счастье и от чего оно зависит. В исследованиях И. А. Джидарьян [5] было показано, что женщины в большей степени связывают счастье с семейным благополучием, возможностью любить и быть любимым, устанавливать глубокие, дружеские отношения с другими людьми. Согласно данным, представленным в табл. 2, мужчины и женщины принципиально не отличаются по тому, каким образом ощущение счастья связано с удовлетворенностью жизнью в различных областях: и у тех и у других ощущение счастья очень тесно связано с удовлетворенностью жизнью. Однако при более детальном рассмотрении можно увидеть, что есть некоторые особенности взаимосвязи с такими факторами, как возраст, наличие семьи и количество

детей в семье. Из представленных данных видно, что для женщин ощущение счастья непосредственно связано с перечисленными факторами, тогда как у мужчин, напротив, такой взаимосвязи не обнаружено. Что касается удовлетворенности жизнью (табл. 3), то мужчины в большей степени удовлетворены материальным положением и супружескими отношениями, но меньше удовлетворены отношениями с друзьями, чем женщины.

Сравнение показателей респондентов, состоящих и не состоящих в браке, выявило яркую картину различий по всем шкалам. Респонденты, состоящие в браке, ощущают себя более счастливыми, они больше удовлетворены материальным положением, отношениями с детьми, супругами и друзьями, своим здоровьем и возможностью полноценного отдыха, чем респонденты, не состоящие в браке. А вот такой важный фактор объективного, материального благополучия, как наличие своего собственного жилья, никак не связан с ощущением счастья: имеющие и не имеющие собственное жилье одинаковы счастливы. Это подтверждает результаты многочисленных исследований, согласно которым ощущение счастья не связано с материальным благополучием и благоустроенностью [1; 12; 5]. При этом, как видно из табл. 3, имеющие собственное жилье показывают достоверно более высокие уровень удовлетворенности материальным положением, супружескими отношениями и возможностью полноценного отдыха. Данное исследование проведено на выборке испытуемых зрелого возраста, имеющих детей (лица, не имеющие детей, исключались из обработки в связи с непропорционально малым количеством), но в дальнейшем мы планируем провести аналогичное исследование с привлечением испытуемых того же возраста, но по каким-то причинам не имеющих детей.

Выводы

1. Субъективное ощущение счастья связано как с объективными социально-демографическими показателями, так и с уровнем удовлетворенности различными аспектами жизни. Счастье мужчин и женщин положительно связано с количеством детей в семье и уровнем дохода, а также с удовлетворенностью жизнью в целом. С возрастом субъективное ощущение счастья несколько «притупляется», оценивается несколько ниже.

2. Мужчины и женщины не отличаются друг от друга в уровне ощущения счастья. При этом есть некоторые особенности в уровне удовлетворенности различными аспектами жизни. По сравнению с женщинами, мужчины в большей степени удовлетворены материальным положением и супружескими отношениями и в меньшей степени – отношениями с друзьями.

3. Мужчины и женщины, состоящие в браке, больше удовлетворены материальным положением, отношениями с детьми, супругами и друзьями, своим здоровьем и возможностью полноценного отдыха, а также в целом они ощущают себя более счастливыми по сравнению с теми, кто не состоит в браке.

Информация об авторах

Маргарита Евгеньевна Пермякова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Ольга Сергеевна Виндекер, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Татьяна Леонидовна Сморкалова, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии, факультет социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Margarita E. Permyakova, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, professor at Pedagogy and Psychology chair, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Olga S. Vindeker, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, associate professor at Pedagogy and Psychology chair, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Tat'yana L. Smorkalova, Cand. Sci. (Psychology), associate professor at General and Applied Psychology chair, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Аргайл М. Психология счастья. СПб. : Питер, 2003. 272 с.
2. Батурин Н. А., Башкатов С. А., Гафарова Н. В. Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник ЮУрГУ. Серия : Психология. 2013. Т. 6, № 4. С. 4–14.
3. Бочарова Е. Е. Теоретико-концептуальные основания исследования проблемы субъективного благополучия // Вестник МГОУ. Серия : Психологические науки. 2012. № 2. С. 38–44.
4. Деменев А. Г. Эвдемонистические и гедонистические теории в современных исследованиях счастья // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Философия. 2016. № 4. С. 15–23.
5. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 268 с.
6. Донцов А. И., Перелыгина Е. Б., Зотова О. Ю., Тарасова Л. В., Веракса А. Н., Рикель А. М. Доверие и субъективное благополучие как основа психологической безопасности современного общества : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. 578 с.
7. Зотова О. Ю. Психологическое благополучие личности : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. 312 с.
8. Идобаева О. А. К построению модели исследования психологического благополучия личности: психолого-развитийный и психолого-педагогический аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 128–134.
9. Карапетян Л. В. Предикторы эмоционально-личностного благополучия. Часть 1 : интернальные позитивные предикторы // Известия Уральского федерального университета. Серия I : Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 2 (174). С. 66–73.
10. Куликов Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики : учебное пособие. СПб. : Питер, 2004. 464 с.
11. Лактионова Е. Б., Матюшкина М. Г. Теоретический анализ подходов к исследованию проблемы позитивного функционирования личности: счастье, психологическое благополучие, субъективное благополучие // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Психология. 2018. Т. 26. С. 77–88.
12. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Психология. Что надо для счастья: культурные, региональные и индивидуальные различия и инварианты источников счастья // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-nado-dlya-schastya-kulturnye-regionalnye-i>

individualnye-razlichiya-i-invarianty-istochnikov-schastya (дата обращения: 20.04.2019).

13. Монусова Г. А. Субъективное благополучие и возраст: Россия в контексте международных сравнений // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М. : Изд. дом ВШЭ. 2012. Т. 3. С. 94–101.

14. Пермякова М. Е., Ершова И. А. Субъективное ощущение счастья у верующих и атеистов // Известия Уральского федерального университета. Серия I : Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3 (141). С. 69–78.

15. Рикель А. М., Туниянц А. А., Батырова Н. Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах // Вестник Московского университета. Серия 14 : Психология. 2017. № 2. С. 64–79.

16. Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М. : София, 2006. 368 с.

17. Семенова М. Н. Психологическое благополучие и религиозная ориентация личности в период взрослости // Дискуссия. 2014. № 3. С. 104–110.

18. Созонтов А. Е. Гедонистический и эвдемонический подходы к проблеме психологического благополучия // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 105–114.

19. Шамионов Р. М. Критерии субъективного благополучия личности: социокультурная детерминация // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 3 (15). С. 213–218.

20. Diener E. Happiness: The Science of Subjective well-being. 2015. URL: <http://www.noba.to/modules/happiness-the-science-of-subjective-well-being> (дата обращения: 20.04.2019).

21. Diener E., Chan M. Happy People Live Longer: Subjective Well-Being Contributes to Health and Longevity // Applied Psychology: Health and Well-Being. 2011. № 3 (1). P. 1–43. URL: <http://internal.psychology.illinois.edu/ediner/Documents/Diner-Chan> (дата обращения: 11.11.2015).

22. Diener E., Seligman M. Very Happy People // Psychological Science. 2002. Vol. 13. P. 81–84. URL: http://www.researchgate.net/publication/11468365_Very_Happy_People (дата обращения: 21.11.2015).

23. Eddington N., Shuman R. Subjective well-being (happiness). San Diego, CA: Continuing psychology education, 2006. URL: <http://www.texcpe.com/html/pdf/can/CARNSWB.pdf> (дата обращения: 11.11.2015).

24. Keyes C. L., Waterman M. B. Dimensions of Well-Being and Mental Health in Adulthood // Well-being. Positive Development Across the life Course. Hillsdale; London : Erlbaum Associates, 2003. P. 477–495.

25. Moyano Diaz E., Dinamarca D., Mendoza-Llanos R. Happiness Scale for Adults (EFPA) // Terapia Psicológica. 2018. Vol. 36, iss. 1. P. 37–49.

26. Myers D. G., Diener E. “Who is happy?” // Psychological Science. 1995. Vol. 6. P. 10–19.

27. Oishi S., Diener E., Lucas R. The Optimum Level of Well-Being: Can People Be Too Happy? // Perspectives on Psychological Science. 2007. № 2 (4). P. 346–360.

28. Robinson M. D., Ryff C. D. The Role of Self-Deception in Perceptions of Past, Present and Future Happiness // Personality and Social Psychology Bulletin. 1999. Vol. 25, № 5. P. 596–608.

29. Ryff C. D. Happiness is everything of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. № 59. P. 1069–1081.

30. Zotova O. Y., Karapetyan L. V. Occupation as a factor of personality subjective well-being // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. Vol. 8, № 2. P. 126–136.

*Статья поступила в редакцию: 02.07.19
Принята к публикации: 08.08.19*

References

1. Argyle M. *Psikhologiya schast'ya [Psychology of happiness]*. Saint Petersburg: Piter; 2003. 272 p. (In Russ.).
2. Baturin NA, Bashkatov SA, Gafarova NV. Teoreticheskaya model' lichnostnogo blagopoluchiya [A theoretical model of personality wellbeing]. *Vestnik YuUr GU. Seriya : Psikhologiya = The Southern Ural State University Bulletin. Series: Psychology*. 2013;6(4): 4–14. (In Russ.).
3. Bocharova EE. Teoretiko-kontseptual'nye osnovaniya issledovaniya problemy sub"ektivnogo blagopoluchiya [Theoretical and conceptual foundations of studying the problem of subjective wellbeing]. *Vestnik MGOU. Seriya : Psikhologicheskie nauki = The Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*. 2012;2: 38–44. (In Russ.).
4. Demenev AG. Evdemonisticheskie i gedonisticheskie teorii v sovremennykh issledovaniyakh schast'ya [Eudemonistic and hedonistic theories in contemporary research on happiness]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Filosofiya = The Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 2016;4: 15–23. (In Russ.).
5. Djidaryan IA. *Psikhologiya schast'ya i optimizma [Psychology of happiness and optimism]*. Moscow: The Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"; 2013. 268 p. (In Russ.).
6. Dontsov AI, Perelygina EB, Zotova OY, Tarasova LV, Veraksa AN, Rikel AM. *Doverie i sub"ektivnoe blagopoluchie kak osnova psikhologicheskoi bezopasnosti sovremennogo obshchestva [Trust and subjective wellbeing as a basis for psychological security of modern society]*. Yekaterinburg: University for Humanities; 2017. 578 p. (In Russ.).
7. Zotova OY. *Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti [Psychological security of personality]*. Yekaterinburg: University for Humanities; 2018. 312 p. (In Russ.).
8. Idobaeva OA. K postroeniyu modeli issledovaniya psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti: psikhologo-razvitiinyi i psikhologo-pedagogicheskii aspekty [To constructing a model for studying personality psychological wellbeing: psychological-and-developmental and psychological-and pedagogical aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Tomsk State University*. 2011;351: 128–134. (In Russ.).
9. Karapetyan LV. Prediktory emotsional'no-lichnostnogo blagopoluchiya. Chast' 1 : internal'nye pozitivnye prediktory [Predictors of emotional and personal wellbeing, Part 1: internal positive predictors]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya I : Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury = Proceedings of Ural Federal University. Series I: Problems of education, science and culture*. 2018;24(2): 66–73. (In Russ.).
10. Kulikov LV. *Psikhogigiena lichnosti. Voprosy psikhologicheskoi us-toichivosti i psikhoprofilaktiki [Psychohygiene of personality. Issues of resilience and psychoprophylaxis]*. Saint Petersburg: Piter; 2004. 464 p. (In Russ.).
11. Laktionova EB, Matyushkina MG. Teoreticheskii analiz podkhodov k issledovaniyu problemy pozitivnogo funktsionirovaniya lichnosti: schast'e, psikhologicheskoe blagopoluchie, sub"ektivnoe blagopoluchie [A theoretical analysis of approaches to studying positive functioning of personality: happiness, psychological wellbeing, subjective wellbeing]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Psikhologiya = Proceedings of Irkutsk State University. Series: Psychology*. 2018;26: 77–88. (In Russ.).
12. Leontiev DA, Rasskazova EI. Psikhologiya. Chto nado dlya schast'ya: kul'turnye, regional'nye i individual'nye razlichiya i invarianty istochnikov schast'ya [Psychology. What is needed for happiness: cultural, regional and individual differences and invariants of sources of happiness]. *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki = The Bulletin of Kamchatsk Regional Association "Training and Scientific Center". Human sciences*. 2006. Available from: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/chto-nado-dlya-schastya-kulturnye-regionalnye-i-individualnye-razlichiya-i-invarianty-istochnikov-schastya [Accessed 20.04.2019]. (In Russ.).

13. Monusova GA. Sub'ektivnoe blagopoluchie i vozrast: Rossiya v kontekste mezhdunarodnykh sravnenii [Subjective wellbeing and age: Russia in the context of international comparisons]. In: *XII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [12th International conference on problems of the development of economy and society]*. Moscow: The publishing house of HSE; 2012. Vol. 3. p. 94–101. (In Russ.).

14. Permyakova ME, Ershova IA. Sub'ektivnoe oshchushchenie schast'ya u veruyushchikh i ateistov [Subjective sense of happiness among atheists and believers]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya I : Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury = Proceedings of Ural Federal University. Series I: Problems of education, science and culture*. 2015;3(141): 69–78. (In Russ.).

15. Rikel AM, Tuniyants AA, Batyrova N. Ponyatie sub'ektivnogo blagopoluchiya v gedonisticheskom i evdemonisticheskom podkhodakh [The concept of subjective wellbeing in hedonistic and eudemonistic approaches]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14 : Psikhologiya = The Bulletin of Moscow State University. Series 14: Psychology*. 2017;2: 64–79. (In Russ.).

16. Seligman M. *Novaya pozitivnaya psikhologiya: nauchnyi vzglyad na schast'e i smysl zhizni [New positive psychology: a scholarly look at happiness and meaning of life]*. Moscow: Sofiya; 2006. 368 p. (In Russ.).

17. Semenova MN. Psikhologicheskoe blagopoluchie i religioznaya orientatsiya lichnosti v period vzroslosti [Psychological wellbeing and religious orientation of personality during adulthood]. *Diskussiya = Discussion*. 2014;3: 104–110. (In Russ.).

18. Sozontov AE. Gedonisticheskii i evdemonicheskii podkhody k probleme psikhologicheskogo blagopoluchiya [Hedonistic and eudemonistic approaches to the problem of psychological wellbeing]. *Voprosy psikhologii = Issues of Psychology*. 2006;4: 105–114. (In Russ.).

19. Shamionov RM. Kriterii sub'ektivnogo blagopoluchiya lichnosti: sotsiokul'turnaya determinatsiya [The criteria of personality subjective wellbeing: socio-cultural determination]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya : Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Proceedings of Saratov University. New series. Series: Acmeology of education. Psychology of development*. 2015;4(3): 213–218. (In Russ.).

20. Diener E. *Happiness: The Science of Subjective well-being*. 2015. Available from: <http://www.noba.to/modules/happiness-the-science-of-subjective-well-being> [Accessed 20.04.2019].

21. Diener E, Chan M. Happy People Live Longer: Subjective Well-Being Contributes to Health and Longevity. *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 2011;3(1): 1–43. Available from: <http://internal.psychology.illinois.edu/ediner/Documents/Diner-Chan> [Accessed 11.11.2015].

22. Diener E, Seligman M. Very Happy People. *Psychological Science*. 2002;13: 81–84. Available from: http://www.researchgate.net/publication/11468365_Very_Happy_People [Accessed 21.11.2015].

23. Eddington N, Shuman R. *Subjective well-being (happiness)*. San Diego, CA: Continuing psychology education; 2006. Available from: <http://www.texcpe.com/html/pdf/can/CARNSWB.pdf> [Accessed 11.11.2015].

24. Keyes CL, Waterman MB. Dimensions of Well-Being and Mental Health in Adulthood. In: *Well-being. Positive Development Across the life Course*. London: Erlbaum Associates; 2003. p. 477–495.

25. Moyano Diaz E, Dinamarca D, Mendoza-Llanos R. Happiness Scale for Adults (EFPA). *Terapia Psicologica*. 2018;36(1): 37–49.

26. Myers DG, Diener E. "Who is happy?" *Psychological Science*. 1995;6: 10–19.

27. Oishi S, Diener E, Lucas R. The Optimum Level of Well-Being: Can People Be Too Happy? *Perspectives on Psychological Science*. 2007;2(4): 346–360.

28. Robinson MD, Ryff CD. The Role of Self-Deception in Perceptions of Past, Present and Future Happiness. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999;25(5): 596–608.

29. Ryff CD. Happiness is everything of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989;59: 1069–1081.

30. Zotova OY, Karapetyan LV. Occupation as a factor of personality subjective well-being. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2015;8(2): 126–136.

Submitted 02.07.19 Accepted 08.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP05
УДК [159.9+614.8]:159.922.4:159.923.2

Архетип дома в контексте проблем безопасности и этнической идентичности

Елена Н. Сюткина¹,

ORCID: 0000-0003-0521-5839, e-mail: elena_sutkina@mail.ru

Людмила В. Тарасова²,

ORCID: 0000-0003-3390-0454, e-mail: tarasovagu@mail.ru

Ольга С. Солодухина³,

ORCID: 0000-0003-2374-6115, e-mail: avsuson@gmail.com

Наталья А. Белоусова⁴,

ORCID: 0000-0002-5819-6427, e-mail: nata.isk@mail.ru

^{1, 2, 3, 4} АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Радикальные изменения социально-политического, экономического и культурного ландшафта, разрушающие устойчивость и стабильность существования человека, вызывают потребность в поиске фундаментальных оснований этой стабильности, которые лежат в недрах коллективного бессознательного и заключены в архетипических матрицах. Одним из базовых универсальных архетипов является архетип Дома, который лежит в основе формирования базового чувства безопасности и идентификации личности. В этой связи представляет интерес выявление функциональных особенностей и уровней данного архетипического конструкта в связи с проблемами безопасности и этнической идентичности.

Изучение данной проблематики сопряжено с обращением к отдельным концептам и понятиям социально-психологического, культурно-исторического, социокультурного, аксиологического, социально-философского подходов к исследованию психологических и культурных феноменов.

Раскрытие проблем безопасности и этнической идентичности связано с исследованием содержания защитной и идентифицирующей функции архетипа Дома, который символически реализует себя и как мифологическое пространство, и как архитектурное пространство, и как социальное пространство, и как географическое пространство, и как этническое пространство.

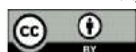
Актуализация архетипа Дома проявляется в бессознательном стремлении поиска безопасного пространства, которое становится отправной точкой для осознания субъектом своего места в мире. Если влияние данного архетипического конструкта ослабевает, люди перестают ощущать свою принадлежность к какому-либо месту или сообществу, тогда слабеет и их чувство социальной ответственности.

Ключевые слова: архетип, архетип Дома, безопасность и этническая идентичность.

Благодарности: работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00112) «Психологическая безопасность как интегральный показатель формирования этнической идентичности в международном взаимодействии россиян».

Для цитирования: Сюткина Е. Н., Тарасова Л. В., Солодухина О. С., Белоусова Н. А. Архетип дома в контексте проблем безопасности и этнической идентичности // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург,

© Е. Н. Сюткина, Л. В. Тарасова,
О. С. Солодухина, Н. А. Белоусова, 2019

12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.].
– Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 268–275. – ISBN 978-5-7741-
0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP05.

The Archetype of the Home in the Context of Ethnic Identity and Security Issues

Elena N. Syutkina¹,

ORCID: 0000-0003-0521-5839, e-mail: elena_sutkina@mail.ru

Lyudmila V. Tarasova²,

ORCID: 0000-0003-3390-0454, e-mail: tarasovagu@mail.ru

Olga S. Solodukhina³,

ORCID: 0000-0003-2374-6115, e-mail: avsuson@gmail.com

Nataliya A. Belousova⁴,

ORCID: 0000-0002-5819-6427, e-mail: nata.isk@mail.ru

^{1,2,3,4} Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Abstract. Radical changes in socio-political, economic, and cultural landscape destroying the stability and sustainability of human existence stir the need for seeking fundamentals of this stability which lies in the bowels of the collective unconscious and reside in the archetypal matrices. One of the basic archetypes is the archetype of the home, and it underpins the formation of basic security and human identity. The identification of functional characteristics and levels of this archetypal construct may be of interest to the problems of security and ethnic identity.

The exploration of these issues requires a reference to particular concepts of socio-psychological, cultural-and-historic, socio-cultural, axiological, and socio-philosophical approaches to studying the psychological and cultural phenomenon.

The treatment of security and ethnic identity' issues is linked to studying the substance of a defensive and identifying function of the home archetype which symbolically realizes itself as a mythological, and a social, and an architectural, as a geographical, and as ethnic space.

The home archetype actualization manifests itself in the unconscious aspiration to successful searches of a secure living space which becomes a reference point for the subject's awareness of his place in the world. If the influence of archetypal home reduces, people no longer feel their belonging to any place or community, and their sense of social responsibility weakens, too.

Keywords: archetype, home archetype, security and ethnic identity.

Acknowledgements: the article was supported with a grant from the Russian Science Foundation (project № 18-18-00112).

For citation: Syutkina EN, Tarasova LV, Solodukhina OS, Belousova NA. The Archetype of the Home in the Context of Ethnic Identity and Security Issues. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 268–275. Available from: doi: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP05.

Введение

Многообразие рисков и угроз, которым подвергается современный человек, разрушает фундамент его психологической безопасности, одновременно приводя в действие поведенческие конструкты, обусловленные архетипами коллективного бессознательного. Это обстоятельство требует в процессе анализа взаимосвязи проблем безопасности и этнической идентичности внимания к архетипическим конструктам коллективного бессознательного, что расширяет масштаб обозначенной проблематики до междисциплинарных пределов.

Одним из основополагающих архетипических конструктов русской культуры является архетип Дома, значение которого как символического гаранта стабильности и безопасности человека возрастает на фоне радикальных социально-политических и экономических изменений, характерных для современного российского общества.

Методы исследования

Раскрытие данной проблемы предполагает обращение к отдельным концептам и понятиям социально-психологического, культурно-исторического, социокультурного, аксиологического, социально-философского подходов, на основе которых синтезируется архетипический подход к изучению социально-психологических и культурных феноменов, с точки зрения которого архетипы трактуются в качестве универсальных образцов моделирования типичных социальных ситуаций и построения соответствующих данным ситуациям поведенческих стратегий.

Результаты и обсуждение

Архетипы можно трактовать как содержащиеся в недрах коллективного бессознательного модели отражения типичных социокультурных ситуаций и феноменов. Формирование таких моделей происходит в результате концентрации в структуре [4].

Ряд исследований исходит из дифференциации архетипов коллективного бессознательного на универсальные, имеющие общечеловеческое значение [10; 6, с. 30–34; 9, с. 140], и этнокультурные, сформировавшиеся в контексте исторического развития различных этнических культур и проявляющих себя маркером этнической идентичности [7].

Среди универсальных архетипов, которые, однако, имеют свое этнокультурное измерение, можно выделить архетип Дома. С. В. Климова полагает, что развитие этого архетипа было связано с переходом к оседлому земледельческому образу жизни. Противоположной стратегией социального бытия в данном контексте выступает нomaдизм, основополагающим архетипом которого является архетип Дороги [5].

В качестве основных функциональных параметров архетипа Дома исследователи называют жизнеобеспечивающую; защитную; нормативно-этическую; консолидирующую; смыслообразующую; идентификационную; исцеляющую; сберегающую и эстетически умиротворяющую функции дома [5].

В контексте нашего исследования наибольший интерес представляют защитная и идентификационная функции. Так, защитная функция Дома связана с противопоставлением его пространства внешнему враждебному миру, в котором приходится вести непрерывную борьбу за существование. В то время как Дом как некое охранительное пространство позволяет человеку почувствовать себя в безопасности.

Идентификационная функция Дома обусловлена тем, что именно Дом становится отправной точкой социальной идентификации и самоидентификации личности. «Соприкасаясь с семантическим полем “идентичности”, концепт “дом” в то же время предопределяет “экстерриториальность”. Архетип “дом” – один из первичных глубинных образов, который предопределяет место человека в мире через его принадлежность к “своему” пространству и границу, отделяющую его от пространства “чужого”» [3, с. 2].

Можно также выделить несколько уровней данного архетипического конструкта, каждый из которых имеет свою символическую нагрузку. Во-первых, дом предстает как мифологическое пространство; во-вторых, как архитектурное пространство; в-третьих, как социальное пространство; в-четвертых, как географическое пространство и среда обитания; в-пятых, как этническое пространство.

Дом как мифологическое пространство находит свое отражение в мифологии и фольклоре разных народов. Архетипический образ дома связан с образом Космоса. Эта связь обусловлена тем, что пространство традиционного жилища отражает модель мироздания. В этом смысле само строительство дома может рассматриваться как повторение космогонии.

Трактовка Дома как места, где начинается и заканчивается жизнь, делает этот образ медиатором между этим и иным миром [8]. При этом символическое пространство Дома выступает смысловым центром, вокруг которого группируются различные мифологемы и образы. Не случайно в качестве символических модификаций дома рассматриваются колыбель и гроб. Они не только переносят человека из одной сферы бытия в другую, они трансформируют его, адаптируя к новой реальности, сохраняя до того момента, когда необходимо будет в нее вступить. Так, с одной стороны, в колыбели младенец постепенно приобретает характеристики, позволяющие вступить в социальную жизнь. С другой стороны, Дом сам выступает колыбелью, которая готовит человека к тому периоду, когда придется выйти за его стены.

Трактовка Дома как архитектурного пространства предполагает, что все помещения, все убежища восходят к архетипу Дома. Г. Башляр писал, что дом – это «наш угол мира», «наш первый мир» [1, с. 110]. Дом в этом контексте рассматривается как пространство, огражденное от опасностей внешнего мира, как некое подобие земного материального рая, дающего ощущение порядка, защищенности и стабильности.

Раскрывая содержание архетипа Дома как социального пространства, необходимо отметить, что образ Дома включает в себя не только понятие дома как некоего сооружения, укрытия, но и «семью – род» как субъектов, его населяющих, взаимодействие с которыми запускает процессы идентификации и самоидентификации личности с определенными социальными группами. Дом идентифицируется с семьей, приобретает родительские прерогативы, распространяя их на «домочадцев». Дом как место рождения человека и его жизни в раннем возрасте включается в систему социальной идентификации и самоидентификации человека, практически вставая в один ряд с личным и родовым именем (фамилией). Тем самым Дом становится средоточием и отправной точкой человеческой общности, обретая соответствующий культурный смысл, который наследует и современное общество.

В эпоху Античности, в Средние века и в Новое время полноценное гражданство было связано с домовладением. Принадлежность дому, включенность в его пространство традиционно обеспечивали субъекту реальную физическую и юридическую защиту. Даже в наше время отсутствие определенного места жительства традиционно связывается с социальным неблагополучием, крайней бедностью, неустроенностью, уязвимостью и опасностью.

Трактовка дома как географического пространства и среды обитания исходит из того, что любое обитаемое пространство несет в себе образ дома. Так страны, села и города также несут в себе архетип Дома. Урбанизация переносит образ дома как безопасного пространства в пространство городское. Так, проведенное Ю. П. Зинченко и Е. Б. Перельгиной исследование показало, что у современного человека проявляется восприятие безопасного города в образе «родного дома». Таким образом происходит перенос паттернов семейных отношений на городское пространство, о чем свидетельствует такой следующий набор ассоциаций: дом, уютный, доверие, доброта, доброжелательность, порядок, чистый, ухоженный [11, р. 109]. Действие данного архетипического конструкта распространяется и на такие концепты, как «Отечество», «Родина», «малая родина», «родная земля», которые, как правило, широко используются в патриотическом и этническом дискурсах.

Дом как этническое пространство несет в себе расширение символических функций дома как жилища, осуществляет перенесение их с семьи и рода на народ, на ту этническую общность, с которой человек себя идентифицирует. Актуализация архетипа Дома связана, прежде всего, с развитием позитивной этнической идентичности, которая предполагает наличие позитивного образа своей этнической группы и высокий уровень идентификации с нею в сочетании с позитивным отношением к иным этническим группам. При этом действие исследуемого нами архетипического конструкта в этническом пространстве является важнейшим условием целостности и устойчивости этноса в его идентификационных характеристиках. Благоприятные социально-исторические условия способствуют развитию позитивной этнической идентичности, обусловленной реализацией идентификационной функции архетипа Дома, которая предполагает развитие чувства гордости, оптимизма, удовлетворения субъективными параметрами этнической идентификации, уверенности, патриотизма.

Идентифицирующая функция архетипа Дома продолжает действовать даже когда складывается негативная этническая идентичность. В этом случае развивается отрицательное отношение к своей этнической группе, происходит выбор в качестве желательной иной этнической группы и самоидентификация с нею. Этот процесс, однако, сопряжен с конфликтами, поскольку идентификация реализуется как процесс двусторонний и предполагает не только самоидентификацию субъекта, но и признание (или непризнание) его представителями той этнической группы, с которой он стремится себя связать. Негативная идентичность, тем самым, нередко сопряжена с проявлениями этнической дискриминации, переживанием социальной отверженности и утратой чувства безопасности. Однако в современной полиэтничной среде, формируемой активными миграционными потоками, это совсем не редкое явление. Переезжая в другую страну, отрываясь от своей этнической культуры, люди в случае неблагоприятного межэтнического

сравнения сталкиваются с широким выбором стратегий при определении этнической идентичности и в ряде случаев отвергают первичную модель этнической идентификации.

Индивид, ассоциируя себя с чужой этнической группой, которая кажется наиболее привлекательной вследствие ее более высокого экономического или социального статуса, подвергается ассимиляции, т. е. принимает ее традиции, ценности, нормы, язык, а в ряде случаев, при условии принятия индивида этой группой, и вовсе растворяется в ней. Универсализм архетипа побуждает человека к поиску нового пристанища, нового Дома, но ценой разрыва с первоначальными этнокультурными координатами.

Однако стремление сохранить позитивную этническую идентичность, которая выступает одним из наиболее важных источников психологической безопасности, все же преобладает, поэтому моноэтническая идентичность, совпадающая с фактической этнической принадлежностью, характерна для большинства индивидов.

Заключение

В мире, подверженном глобальным изменениям социально-политического, экономического и культурного ландшафта, в котором устойчивость системы жизненных координат человека непрерывно подвергается серьезной опасности, оказывается среди многообразия функциональных проявлений архетипа Дома, как одного из базовых универсальных архетипов вызывают особый интерес его защитная и идентификационная функции. Защитная функция архетипа Дома заключена в трактовке дома как некоего «своего» защищенного пространства, предполагающего существование границы, отделяющей его от потенциального враждебного «чужого» пространства.

Идентификационная функция архетипа Дома проявляется в том, что он становится психологическим и социокультурным фундаментом социально-психологической идентификации и самоидентификации личности.

Актуализация архетипа Дома связана с бессознательным стремлением поиска безопасного пространства, которое становится отправной точкой для поиска себя и осознания субъектом своего места в мире. Проявление идентифицирующего потенциала исследуемого нами архетипического конструкта лежит в основе формирования этнической идентичности. Сила архетипа пробуждает в человеке субъективное желание принадлежности к определенной этнической группе, вызывающее готовность разделить ее ценности, традиции, нормы, язык.

Когда идентифицирующая функция архетипа Дома ведет к развитию позитивной этнической идентичности, то индивид переживает чувства безопасности, удовлетворения, уверенности, гордости, оптимизма. Если развивается отрицательное отношение к своей этнической группе, то формируется негативная этническая идентичность, которая сопряжена с этнической дискриминацией, чувством отверженности и утратой уверенности в своей безопасности.

Когда идентифицирующая функция архетипа Дома ослабевает, люди перестают ощущать свою принадлежность к какому-либо месту или сообществу, предпочитая тотальную независимость и свободу, тогда слабеет и их чувство ответственности перед социумом, перед Другими.

В то время как осознание и принятие субъективной принадлежности к Дому как средоточию этнической культуры сопряжено с принятием групповых ценностей, готовностью разделить общую ответственность, уважением к историческому наследию. Как справедливо указывал С. Н. Булгаков, «любовь к своему должна быть активностью духа, но отнюдь не его угашением. ...Немощь этой любви, в известных пределах неодолимая, есть забвение и ассимиляция. Сила же этой любви есть духовное творчество, самораскрытие духа не только в себе, но и в своем, то, что и может быть подлинно названо культурой» [2, с. 32].

Рассматривая архетипические основы культуры, мы можем видеть, что архетип Дома, реализуя себя как вневременной ориентир бытия, обеспечивает процесс этнической идентификации и способствуют поддержанию субъективного чувства безопасности, обеспечивая ориентацию субъекта во времени и пространстве в их физическом и метафизическом измерении.

Информация об авторах

Елена Николаевна Сюткина, кандидат философских наук, магистрант направления «Психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Людмила Владимировна Тарасова, кандидат психологических наук, доцент, заведующая лабораторией психологического практикума и психодиагностики факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Ольга Сергеевна Солодухина, магистрант направления «Психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Наталья Александровна Белоусова, аспирант направления подготовки «37.06.01 – Психологические науки» Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Elena N. Syutkina, Cand. Sci. (Philosophy), senior lecturer at PR and Advertising chair, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Lyudmila V. Tarasova, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, head of Psychological Diagnostic and Psychological Practicum laboratory of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Olga S. Solodukhina, Master's student in Psychology of Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Nataliya A. Belousova, graduate student in Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Башляр Г. Дом от погребца до чердака. Смысл жилища // Логос. 2002. № 3(34). С. 109–135.
2. Булгаков С. Нация и человечество // Новый град. 1934. № 8. С. 28–38.
3. Ваганян Г. А., Ваганян В. Г., Багдасарян В. Ф. Когнитивные аспекты концепта «Дом». 2017. URL: <http://www.iatp.am/vahanyan/articles/tun-2017-gu.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).
4. Грицков Ю. В., Львов Д. В. Взаимодействие архетипов корпоративности и иерархии в процессе становления внутригрупповой общности // Журнал СФУ. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 11. С. 2325–2330.
5. Климова С. В. Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома. 2006. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/klimova-sv/socialno-filosofskie-aspekty-analiza-arhetipicheskikh-funktsiy-doma> (дата обращения: 01.07.2019).
6. Кэмпбелл Дж. Герой с тысячами лицами. Киев : София, 1997. 336 с.
7. Лурье С. В. Утопанная тропа сквозь темный лес (Бессознательное в этнической картине мира) // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 136–143.

8. Петрова М. Образ дома в фольклоре и мифе // Эстетика сегодня: состояние, перспективы: материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 20–21 октября 1999 г.) / ред. Л. В. Володина, В. В. Прозерский, Е. Н. Устюгова, Э. П. Юровская. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 1999. Вып. 1. С. 59–61.
9. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб. : Алетейя, 1998. 256 с.
10. Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 304 с.
11. Zinchenko Y. P., Perelygina E. B. Secure City: Social-psychological Aspects // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 86. P. 104–109.

Статья поступила в редакцию: 10.08.19
Принята к публикации: 12.09.19

References

1. Bashlyar G. Dom ot pogreba do cherdaka. Smysl zhilishcha [The house from basement to attic. The meaning of housing]. *Logos = Logos*. 2002;3(34): 109–135. (In Russ.).
2. Bulgakov S. Natsiya i chelovechestvo [The nation and humankind]. *Novyi grad = The New City*. 1934;8: 28–38. (In Russ.).
3. Vaganyan GA, Vaganyan VG, Bagdasaryan VF. *Kognitivnye aspekty kontsepta «Dom» [Cognitive aspects of the concept “House”]*. 2017. Available from: <http://www.iatp.am/vahanyan/articles/tun-2017-ru.pdf> [Accessed 01.07.2019]. (In Russ.).
4. Gritskov YV, L'vov DV. Vzaimodeistvie arkhetyпов korporativnosti i ierarkhii v protsesse stanovleniya vnutrigruppovoi obshchnosti [The interaction of corporativism and hierarchy' archetypes in intra-group commonality building]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = SibFU Journal. Humanities and Social Sciences*. 2015;11: 2325–2330. (In Russ.).
5. Klimova SV. *Sotsial'no-filosofskie aspekty analiza arkhetyпических функций дома [Socio-philosophical aspects of analyzing archetypic functions of the house]*. 2006. Available from: <http://anthropology.ru/ru/text/klimova-sv/socialno-filosofskie-aspekty-analiza-arkhetyпических-funktsiy-doma> [Accessed 01.07.2019]. (In Russ.).
6. Campbell J. *Geroi s tysyach'yu litsami [The Hero with a Thousand Faces]*. Kiev: Sofiya; 1997. 336 p. (In Russ.).
7. Lurie SV. Utoptannaya tropa skvoz' temnyi les (Bessoznatel'noe v etnicheskoj kartine mira) [Trampled Path Through the Dark Forest (Unconscious in the Ethnic Picture of the World)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*. 2016;2: 136–143. (In Russ.).
8. Petrova M. Obraz doma v fol'klоре i mife [The image of the house in folklore and myth]. In: Volodina LV, Prozersky VV, Ustyugova EN, Yurovskaya EP (eds.) *Estetika segodnya: sostoyanie, perspektivy [Aesthetics Today: status and prospects]: proceedings of the scientific conference, 20–21, October 1999, St.-Petersburg*. St.-Petersburg: The St.-Petersburg Philosophical Society; 1999. Vol. 1. p. 59–61. (In Russ.).
9. Eliade M. *Mif o vechnom vozvrashchenii. Arkhetipy i povtoryaemost' [The myth of the eternal return. Archetypes and recurrence]*. St.-Petersburg: Aleteiya; 1998. 256 p. (In Russ.).
10. Yung CG. *Arkhetip i simvol [Archetypes and symbols]*. Moscow: Renessans; 1991. 304 p. (In Russ.).
11. Zinchenko YP, Perelygina EB. Secure City: Social-psychological Aspects. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013;86: 104–109.

Submitted 10.08.19 Accepted 12.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP06
УДК 316.61:303.425.2

Исследование психологической разумности в связи с разными типами рефлексии

Олеся В. Путилова¹,

ORCID: 0000-0002-2153-1535, e-mail: lesyasoltan@mail.ru

Ольга С. Виндекер²,

ORCID: 0000-0002-1442-3718, e-mail: o.s.vindeker@urfu.ru

^{1,2} Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

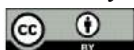
Татьяна Л. Сморкалова³,

³ АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0003-1746-4621, e-mail: smtanya@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования психологической разумности в связи с разными типами рефлексии. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучать такие психологические характеристики человека, которые способствуют его успешной адаптации в современном мире изобилия информации, противоречивости и неопределенности. Сопряженность толерантности к неопределенности, открытость изменениям, с одной стороны, и интерес к субъективным переживаниям (своим и других людей), интерес к внутренним процессам, с другой стороны, получила название психологической разумности (psychological mindedness). Первоначально данное понятие использовалось в рамках клинического подхода в связи с необходимостью изучать психологические факторы эффективности групповой и личной психотерапии, но в дальнейшем стало понятно, что психологическая разумность является надежным предиктором успешности человека в различных видах деятельности. В России конструкт психологической разумности изучен недостаточно, поэтому целью данного исследования был сбор эмпирических данных о связи психологической разумности с наиболее адаптивным типом рефлексии на российской выборке испытуемых. В исследовании приняли участие 149 человек в возрасте от 18 до 65 лет. Методиками исследования выступили «Шкала психологической разумности» Х. Р. Конте (в адаптации М. А. Новиковой и Т. В. Корниловой) и «Дифференциальный тест рефлексивности» Д. А. Леонтьева и соавт. Полученные данные подтвердили гипотезу о связи психологической разумности с системной рефлексией, также была выявлена положительная связь одного из аспектов психологической разумности – заинтересованности в сфере субъективных переживаний – с интроспекцией и квазирефлексией. Интроспекция, как одна из неэффективных форм рефлексии, отрицательно связана с важнейшим параметром психологической разумности – субъективной доступностью сферы переживаний для понимания и анализа. В ходе корреляционного анализа была также обнаружена специфика взаимосвязи психологической разумности с типами рефлексии у женщин, мужчин и в разновозрастных группах. Полученные данные уточняют понятие психологической разумности, позволяют дифференцированно подойти к ее дальнейшему исследованию на разновозрастных и гендерных группах.

Ключевые слова: психологическая разумность, рефлексивность, типы рефлексии.

© О. В. Путилова, О. С. Виндекер, Т. Л. Сморкалова, 2019

Для цитирования: Путилова О. В., Виндекер О. С., Сморкалова Т. Л. Исследование психологической разумности в связи с разными типами рефлексии // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – С. 276–285. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP06.

A Study into Psychological Mindedness in Relation to Different Types of Reflection

Olesya V. Putilova¹,

ORCID: 0000-0002-2153-1535, e-mail: lesyasoltan@mail.ru

Olga S. Vindeker²,

ORCID: 0000-0002-1442-3718, e-mail: o.s.vindeker@urfu.ru

^{1,2}Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Tat'yana L. Smorkalova³

³Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0003-1746-4621, e-mail: smtanya@mail.ru

Abstract. The paper describes the results of the empirical study into psychological mindedness in relation to different types of reflection. The relevance of the paper is determined by the necessity to explore such human psychological characteristics that contribute to successful adaptation in the world of information abundance, uncertainty and inconsistency. The consistency between tolerance towards uncertainty and openness to change, on the one hand, and an interest in subjective experiences (own and others' experiences), interest in internal processes, on the other, was called psychological mindedness. Initially, this concept was used in the framework of a clinical approach due to the necessity to examine the psychological factors of group and individual therapy effectiveness. Later it became clear that psychological mindedness could be a reliable predictor of an individual's success in different lines of work. In Russia, this construct is under-researched. That is why this given study aimed to collect empirical data on the linkage between psychological mindedness and the highest adaptive type of reflection on a sample of Russian testees. The sample consisted of 149 respondents aged 18 – 65. Methods exploited in the study included Psychological Mindedness Scale by H. R. Conte (adapted by M. A. Novikova and T. V. Kornilova) and Differential Test of Reflexivity by D. A. Leont'ev, et al. The obtained data have confirmed the hypothesis of a connection between psychological mindedness and the systemic reflection. A positive correlation between one of the aspects of psychological mindedness – an interest in the sphere of subjective experiences – and introspection and quasi-reflection was found. Introspection as one of ineffective forms of reflection is negatively linked to the most important parameter of psychological mindedness – subjective availability of experiences for comprehension and analysis. In the course of correlation analysis the specificity of interrelations between psychological mindedness and types of reflection in women, men and mixed-age groups was revealed. The obtained data allow for clarifying the concept of psychological mindedness and differentially carrying out further studies on mixed-age and gender groups.

Keywords: psychological mindedness, reflexivity, types of reflection.

For citation: Putilova OV, Vindeker OS, Smorkalova TL. A Study into Psychological Mindedness in Relation to Different Types of Reflection. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's*

World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019). Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 276–285. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-SP06.

Введение

Необходимыми атрибутами современного успешного человека психологи называют жизнестойкость, высокую мотивацию достижения, толерантность к неопределенности, устойчивость к стрессу и психологическое благополучие в целом [6; 5; 2; 3; и др.]. «A crisis-induced environment affects the interaction between the person and society, making it strained, conflicting, unclear in its social consequences. A person's consciousness and behavior go through deformation in a society affected by a crisis» [13, p. 45]. Эффективная адаптация человека к социуму и к современному темпу жизни в целом принимает форму «преадаптации», которая характеризуется готовностью к изменениям [1]. С другой стороны, успешная адаптация человека даже при условии его высокой толерантности к неопределенности не будет иметь смысла, если человек с трудом распознаёт свои внутренние процессы и потребности, не склонен к рефлексии собственного поведения, не имеет мотивации к самопознанию. В таком случае речь уже пойдет не о преадаптации, а о поведении по типу «флюгера», меняющего свое положение от малейшего дуновения ветра. Поиск новизны, толерантность к неопределенности, склонность к умеренному риску, вовлеченность в происходящее – все это должно соотноситься с четкой системой ценностей человека, с определенностью его смысложизненных ориентаций и всем тем, что мы называем «твердостью характера». Такое сочетание возможно только в том случае, если человек испытывает интерес к своему собственному внутреннему миру (и миру переживаний других людей), имеет оптимальный уровень доступности субъективных переживаний и осознает пользу от обсуждения собственных переживаний с другими людьми. Сопряженность вышеперечисленных характеристик с открытостью изменениям, даже если они сопряжены с риском, получила название психологической разумности (*psychological mindedness*). Первоначально данное понятие было операционализировано и начало широко использоваться в рамках клинического подхода в связи с необходимостью изучать психологические факторы эффективности групповой и личной психотерапии [8]. В дальнейшем стало понятно, что психологическая разумность является важной личностной характеристикой, не только влияющей на вероятность успешного исхода психотерапии или психологического консультирования, но и способствующей успеху человека в учебной, творческой, профессиональной и других видах деятельности.

С. А. Аппельбаум (S. A. Appelbaum) определяет психологическую разумность как «способность человека видеть связь между мыслями, чувствами и действиями с целью познания значений и причин этих переживаний и поведения» (цит. по: [12 p. 132]). По мнению Д. Л. Волитски (D. L. Wolitzky) и Р. Рубена (R. Reuben), психологическая разумность представляет собой «тенденцию понимать или объяснять поведение в психологических терминах» [14, p. 26]. С. Дж. Доллингер (S. J. Dollinger) и его коллеги (M. J. Reader, J. P. Marnett, and B. Tylanda) рассматривают психологическую разумность как «способность читать между

строк поведения» [9, p. 603–604]. Б. А. Фарбер (B. A. Farber) определяет психологическую разумность как «черту, основанную на размышлении о значении и мотивации поведения, мыслей и чувств своих и других людей» [10, p. 170]. По мнению Энтони М. Гранта (Anthony M. Grant), психологическая разумность представляет собой «форму метапознания: предрасположенность участвовать в аффективном и интеллектуальном исследовании того, как и почему сам человек и/или другие люди ведут себя, думают и чувствуют так, как они это делают» [11, p. 12]. Согласно модели Дженифер А. Холл (Jennifer A. Hall) психологическая разумность включает 4 взаимосвязанных компонента: 1) интерес к пониманию психологических процессов, отношений и значений; 2) способность развивать это понимание; 3) эмоциональную рефлекссию психологических процессов, отношений и значений; 4) интеллектуальную рефлекссию психологических процессов, отношений и значений (Hall, 1992).

Наиболее разработанным на данный момент можно считать определение, предложенное Х. Конте с соавторами (H. R. Conte et al.), согласно которому «психологическая разумность – это черта личности, которая предполагает определенную доступность своих чувств, готовность понять себя и других, веру в пользу от обсуждения своих проблем, интерес к значению и мотивации собственных и чужих мыслей, чувств и поведения, а также способность к изменениям» [8, p. 254].

Несмотря на важность психологической разумности в практической деятельности психолога, в России данный конструкт начали изучать совсем недавно. М. А. Новикова и Т. В. Корнилова первыми апробировали Шкалу психологической разумности на российской выборке. В своей работе они описали факторную структуру психологической разумности, а также связь разных аспектов психологической разумности с рефлексивностью (измеренной с помощью опросника А. В. Карпова) [6]. «Полученные данные показали корреляции между рефлексивностью и шкалами «Заинтересованность в сфере субъективных переживаний» (положительная связь) и «Желание и готовность обсуждать свои проблемы с окружающими» (отрицательная связь)» [6, с. 103].

В современных исследованиях описываются негативные и позитивные стороны рефлексии. Так, Д. А. Леонтьев с коллегами выделяет арефлекссию как «полное отсутствие самоконтроля, сосредоточенность лишь на внешнем интенциональном объекте деятельности» [4, с. 146–147]. Авторы предлагают различать три формы рефлексии. Первый вид рефлексии – это интроспекция (самокопание), данный вид рефлексии представлен сосредоточенностью на собственных переживаниях, собственном состоянии. Следующий вид рефлексии назван авторами «системной рефлексией», в данном случае мы имеем дело с определенным самодистанцированием, как будто человек смотрит на себя со стороны. И, наконец, третий вид – квазирефлексия, когда рефлексия направлена на некий объект, не связанный с актуальным состоянием или ситуацией. К наиболее адаптивной форме рефлексии относят системную рефлекссию.

Таким образом, анализ зарубежной и отечественной литературы натолкнул нас на мысль о связи психологической разумности с наиболее адаптивным типом рефлексии, а так как эмпирических данных об этой связи не было найдено, то было принято решение о проведении исследования.

Методы исследования

Респондентами выступили 149 человек: 55 мужчин, возрастной диапазон которых составил от 24 до 65 лет (средний возраст: $33,9 \pm 10,1$) и 94 женщины, чей возрастной диапазон – от 18 до 62 лет (средний возраст: $33,2 \pm 8,7$). В качестве эмпирической базы исследования выступили банк «Точка», Институт по переподготовке и повышению квалификации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, инженерная компания «Прософт-Системы».

Эмпирическое исследование проходило с октября 2018-го по февраль 2019 года. Форма проведения тестирования – индивидуальная. Использовались следующие методики.

1. Шкала психологической разумности (в адаптации М. А. Новиковой и Т. В. Корниловой). Методика была разработана Х. Р. Конте с коллегами [8] в 1990 году, на русском языке адаптирована и валидизирована в 2013 году. Опросник включает 45 пунктов и имеет структуру, включающую в себя 5 факторов: (1) заинтересованность в сфере субъективных переживаний; (2) субъективную доступность сферы переживаний для понимания и анализа; (3) пользу обсуждения собственных переживаний с другими людьми; (4) желание и готовность обсуждать свои проблемы с окружающими; (5) открытость изменениям, даже если они сопряжены с риском [6].

2. Дифференциальный тест рефлексивности. Методика была разработана Д. А. Леонтьевым, Е. М. Лаптевой, Е. Н. Осиным и А. Ж. Салиховой в 2009 году. Она состоит из 30 утверждений, сгруппированных в три шкалы: (1) системная рефлексия, (2) интроспекция и (3) квази-рефлексия [5, с. 110–111].

Для анализа полученных данных использовались: коэффициент корреляции Спирмена и U-критерий Манна–Уитни. Обработка проводилась в программе Statistica 10.0.

Результаты и обсуждение

Согласно результатам корреляционного анализа (табл. 1), все шкалы психологической разумности, как и предполагалось, положительно связаны с системной рефлексией. То есть человек, который способен взглянуть на себя со стороны, обладает способностью к самодистанцированию, проявляет интерес к собственным переживаниям, он открыт изменениям, лучше осознает свои чувства, видит пользу от обсуждения собственных переживаний и проявляет желание и готовность обсуждать свои проблемы с другими. В ходе исследования также было установлено, что заинтересованность в сфере субъективных переживаний положительно связана с интроспекцией и квазирефлексией, а субъективная доступность сферы переживаний для понимания и анализа – имеет отрицательную корреляцию с интроспекцией.

Таблица 1

**Связь психологической разумности
 с разными типами рефлексии**

Шкалы	Системная рефлексия	Интроспекция	Квазирефлексия
Психологическая разумность (общий балл по шкалам)	0,62*	0,02	0,09
Открытость изменениям, даже если они сопряжены с риском	0,34*	-0,08	0,15
Субъективная доступность сферы переживаний для понимания и анализа	0,33*	-0,26*	-0,15
Желание и готовность обсуждать свои проблемы с окружающими	0,32*	-0,12	-0,11
Польза обсуждения собственных переживаний с другими людьми	0,31*	0,05	0,12
Заинтересованность в сфере субъективных переживаний	0,52*	0,48*	0,31*

* при $p \leq 0,05$.

В ходе исследования была также выявлена специфика связи психологической разумности с типами рефлексии в зависимости от пола и возраста участников. Результаты представлены в таблицах 2 и 3 соответственно.

Таблица 2

**Специфика связи психологической разумности
 с типами рефлексии у мужчин и женщин**

Шкалы	Заинтересованность в сфере субъективных переживаний	Субъективная доступность сферы переживаний для понимания и анализа	Польза обсуждения собственных переживаний с другими людьми	Желание и готовность обсуждать свои проблемы с окружающими	Открытость изменениям, даже если они сопряжены с риском	Психологическая разумность (общий балл по шкалам)
Женщины (n = 94)						
Системная рефлексия	0,43*	0,32*	0,21*	0,25*	0,15	0,53*
Интроспекция	0,51*	-0,19	0,13	-0,21*	-0,13	0,01
Квазирефлексия	0,39*	-0,13	0,12	-0,20*	0,00	0,03
Мужчины (n = 55)						
Системная рефлексия	0,54*	0,24	0,38*	0,40*	0,57*	0,65*
Интроспекция	0,42*	-0,38*	-0,08	-0,02	0,00	0,01
Квазирефлексия	0,14	-0,12	0,14	0,09	0,47*	0,21

* при $p \leq 0,05$.

Как видно из таблицы 2, у женщин заинтересованность в сфере субъективных переживаний, помимо системной рефлексии и интроспекции, связана также с квазирефлексией, т. е. не только с умением взглянуть на ситуацию с разных сторон, но и со склонностью к посторонним размышлениям. У мужчин такой корреляции обнаружено не было. Субъективная доступность сферы переживаний у женщин связана с системной рефлексией, а у мужчин – отрицательно связана с интроспекцией. Это означает, что чем больше мужчина склонен к самокопанию, тем ниже он оценивает собственную способность понимать и анализировать свои переживания. Желание и готовность обсуждать свои проблемы у женщин имеют отрицательные связи с интроспекцией и квазирефлексией, т. е. склонность к самокопанию и посторонним размышлениям не вызывает желания и готовности обсуждать свои проблемы с другими. У мужчин эти связи не выявлены. Открытость изменениям у женщин не связана с типами рефлексии, а у мужчин она связана с системной рефлексией и квазирефлексией. Это означает, что мужчина, проявляющий способность взглянуть на ситуацию со стороны, а также склонный к размышлениям, не связанным с актуальной ситуацией, будет выше оценивать свою открытость изменениям.

Таблица 3
**Специфика связи психологической разумности
с типами рефлексии у участников двух возрастных групп**

Шкалы	Заинтересованность в сфере субъективных переживаний	Субъективная доступность сферы переживаний для понимания и анализа	Польза обсуждения собственных переживаний с другими людьми	Желание и готовность обсуждать свои проблемы с окружающими	Открытость изменениям, даже если они сопряжены с риском	Психологическая разумность (общий балл по шкалам)
Участники до 36 лет (n = 101)						
Системная рефлексия	0,41*	0,33*	0,32*	0,31*	0,32*	0,57*
Интроспекция	0,42*	-0,27*	0,02	-0,23*	-0,12	-0,05
Квазирефлексия	0,36*	-0,09	0,18	-0,16	0,19	0,14
Участники от 36 лет и старше (n = 43)						
Системная рефлексия	0,76*	0,33*	0,25	0,32*	0,46*	0,72*
Интроспекция	0,55*	-0,17	0,15	0,11	0,09	0,24
Квазирефлексия	0,16	-0,13	0,05	0,05	0,21	0,14

* при $p \leq 0,05$.

Согласно результатам, представленным в таблице 3, у участников в возрасте до 36 лет (зрелый возраст I периода, согласно «Периодизации постнатального онтогенеза человека» [7]) заинтересованность в сфере субъективных переживаний связана с квазирефлексией. У участников старше 36 лет (зрелый возраст II периода, согласно «Периодизации постнатального онтогенеза человека» [7]) такой связи не было выявлено. Можно предположить, что с возрастом интерес к субъективным переживаниям в большей степени начинает определяться готовностью

рассмотреть ситуацию с разных сторон, а не просто склонностью к абстрактным размышлениям. Субъективная доступность сферы переживаний для понимания и анализа, а также желание и готовность обсуждать свои проблемы с окружающими у участников младше 36 лет отрицательно связаны с интроспекцией. То есть чем выше склонность человека к самокопанию, тем ниже он оценивает свою способность понимать собственные переживания и тем меньше его желание обсуждать эти переживания с другими. У участников старше 36 лет связь этих аспектов с интроспекцией не была обнаружена. Видение пользы обсуждения собственных переживаний с другими людьми у участников до 36 лет связано с системной рефлексией, а у участников старше 36 лет – не связано с разными типами рефлексии. Это может быть объяснено тем, что в более старшем возрасте человек в большей степени ориентируется на собственный прошлый опыт в вопросе полезности обсуждения своих проблем с другими людьми.

Выводы

Предположение о связи психологической разумности с наиболее адаптивным типом рефлексии подтвердилось. Также были обнаружены связи некоторых аспектов психологической разумности с интроспекцией (положительная корреляция с заинтересованностью в сфере субъективных переживаний; отрицательная корреляция – с субъективной доступностью сферы переживаний для понимания и анализа) и квазирефлексией (положительная корреляция с субъективной доступностью сферы переживаний для понимания и анализа).

В ходе исследования была также обнаружена специфика связи аспектов психологической разумности и общего показателя в целом с разными типами рефлексии в зависимости от пола и возраста участников. Так, у женщин, в отличие от мужчин, интерес к субъективным переживаниям связан не только с умением взглянуть на ситуацию с разных сторон, но и со склонностью к посторонним размышлениям. У мужчин склонность к самокопанию (интроспекции) связана с более низкими оценками собственной способности понимать и анализировать свои переживания, а у женщин такая склонность связана с нежеланием обсуждать свои проблемы с другими. Мужчина с развитой способностью к системной рефлексии выше оценивает свою открытость изменениям, а у женщин такая связь не выявлена.

У участников до 36 лет склонность к самокопанию связана с более низкой оценкой собственной способности понимать свои переживания, а также с нежеланием обсуждать эти переживания с другими. В более старшем возрасте такая связь не обнаружена. Также можно предположить, что с возрастом интерес к субъективным переживаниям в большей степени начинает определяться готовностью рассмотреть ситуацию с разных сторон, а не просто склонностью к абстрактным размышлениям.

Информация об авторах

Олеся Владимировна Путилова, психолог, выпускница департамента психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Ольга Сергеевна Виндекер, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Татьяна Леонидовна Сморгалова, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии, факультет социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Olesya V. Putilova, psychologist and a graduate of Department of Psychology, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Olga S. Vindeker, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, associate professor at Pedagogy and Psychology chair, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Tat'yana L. Smorkalova, Cand. Sci. (Psychology), associate professor at General and Applied Psychology chair of Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Чернозизов А. М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // *Вопросы психологии*. 2017. № 4. С. 3–26.
2. Виндекер О. С., Клименских М. В. Психометрические грани антихрупкости: толерантность к неопределенности, жизнестойкость и рост // *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13, № 3. С. 107–122.
3. Зотова О. Ю. Психологическое благополучие личности : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. 312 с.
4. Леонтьев Д. А. и др. Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности // *Рефлексивные процессы и управление : сборник материалов VII Международного симпозиума, 15–16 октября 2009 г., г. Москва. М. : Когито-Центр, 2009. С. 145–150.*
5. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.
6. Новикова М. А., Корнилова Т. В. «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника) // *Психологический журнал*. 2014. Т. 35, № 1. С. 95–110.
7. Трифонова Т. А. Онтогенез человека // *Фонд знаний «Ломоносов»*. 11.02.2011. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0132877> (дата обращения: 16.01.2019).
8. Conte H. R., Ratto R., Karasu T. B. The Psychological Mindedness Scale: Factor structure and relationship to outcome of psychotherapy // *Journal of Psychotherapy Practice and Research*. 1996. Vol. 5. P. 250–259.
9. Dollinger S. J., Greening L., Tylanda B. Psychological-mindedness as “reading between the lines”: Vigilance, locus of control, and sagacious judgment // *Journal of Personality*. 1985. № 53 (4). P. 603–625.
10. Farber B. A. The genesis, development, and implications of psychological mindedness in psychotherapists // *Psychotherapy*. 1985. Vol. 22. P. 170–177.
11. Grant A. M. Rethinking Psychological Mindedness: Metacognition, Self-reflection, and Insight // *Behaviour Change*. 2001. Vol. 18, № 1. P. 8–17.
12. Hall J. A. Psychological-mindedness: A conceptual model // *American Journal of Psychotherapy*. 1992. Vol. 46, № 1. P. 131–140.
13. Zinchenko Yu. P., Zotova O. Yu. *Osnovaniya bezopasnosti cheloveka i obshestva* [The bases of the security of an individual and society : monograph]. M. : Publishing House of the Academy to Retrain and Improve the Qualifications of Educators, 2010.

14. Wolitzky D. L., Reuben R. Psychological-mindedness // *Journal of Clinical Psychology*. 1974. № 30. P. 26–30.

Статья поступила в редакцию: 10.07.19

Принята к публикации: 12.08.19

References

1. Asmolv AG, Shekhter ED, Chernozizov AM. Preadaptatsiya k neopredelennosti kak strategiya navigatsii razvivayushchikhsya sistem: marshruty evolyutsii [Pre-adaptation to uncertainty as a strategy for navigating developing systems: routes of evolution]. *Voprosy psikhologii = Issues of psychology*. 2017;4: 3–26. (In Russ.).
2. Vindeker OS, Klimenskykh MV. Psikhometricheskie grani antikhrupkosti: tolerantnost' k neopredelennosti, zhiznestoikost' i rost [Psychometric facets of anti-fragility: tolerance to uncertainty, resilience and growth]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = The Russian Psychological journal*. 2016;13(3): 107–122. (In Russ.).
3. Zotova OY. *Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti [Psychological security of personality]*. Yekaterinburg: University for Humanities; 2018. 312 p. (In Russ.).
4. Leontiev DA, et al. Razrabotka metodiki differentsial'noi diagnostiki reflektivnosti [Development of a methodology to differentially diagnose reflexivity]. In: *Refleksivnye protsessy i upravlenie [Reflexive processes and management]: a collection of papers of 7th International symposium, 15–16, October 2009*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2009. p. 145–150. (In Russ.).
5. Leontiev DA, Osin EN. Refleksiya «khoroshaya» i «durnaya»: ot ob'yasnitel'noi modeli k differentsial'noi diagnostike [A “good” and a “nasty” reflection: from an explanatory model to differential diagnostic]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. The journal of High School of Economics*. 2014;11(4): 110–135. (In Russ.).
6. Novikova MA, Kornilova TV. «Psikhologicheskaya razumnost'» v strukture intellektual'no-lichnostnogo potentsiala (adaptatsiya oprosnika) [Psychological mindedness in the system of intellectual and personality potential (adaptation of a questionnaire)]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*. 2014;35(1): 95–110. (In Russ.).
7. Trifonova TA. Ontogenez cheloveka [Ontogenesis of man]. *Fond znaniy «Lomonosov» [Fund of knowledge “Lomonosov”]*. Website. 11.02.2011. Available from: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0132877> [Accessed 16.01.2019]. (In Russ.).
8. Conte HR, Ratto R, Karasu TB. The Psychological Mindedness Scale: Factor structure and relationship to outcome of psychotherapy. *Journal of Psychotherapy Practice and Research*. 1996;5: 250–259.
9. Dollinger SJ, Greening L, Tyenda B. Psychological-mindedness as “reading between the lines”: Vigilance, locus of control, and sagacious judgment. *Journal of Personality*. 1985;53(4): 603–625.
10. Farber BA. The genesis, development, and implications of psychological mindedness in psychotherapists. *Psychotherapy*. 1985;22: 170–177.
11. Grant AM. Rethinking Psychological Mindedness: Metacognition, Self-reflection, and Insight. *Behaviour Change*. 2001;18(1): 8–17.
12. Hall JA. Psychological-mindedness: A conceptual model. *American Journal of Psychotherapy*. 1992;46(1): 131–140.
13. Zinchenko YP, Zotova OY. *Osnovaniya bezopasnosti cheloveka i obshchestva [The bases of the security of an individual and society]*. Moscow: Publishing House of the Academy to Retrain and Improve the Qualifications of Educators; 2010.
14. Wolitzky DL, Reuben R. Psychological-mindedness. *Journal of Clinical Psychology*. 1974;30: 26–30.

Submitted 10.07.19 Accepted 12.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP07
УДК 159.923.2:325.1

Изменения Я-образа в результате эмиграции

Ольга Ю. Зотова¹,

ORCID: 0000-0002-5607-6317, e-mail: oiambusheva@mail.ru

Елена Б. Перельгина²,

ORCID: 0000-0002-8440-5210, e-mail: elena_sutkina@mail.ru

Сергей В. Мостиков³,

ORCID: 0000-0002-6058-8462, e-mail: smostikov@ya.ru

^{1, 2, 3} АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Представления о своей идентичности являются одним из основных моментов личностного конструкта, так как они связаны с тем, как человек действует в жизни, каким воспринимает мир и с представителями каких социальных групп идентифицируется. В процессе погружения в иную этническую и культурную среду эти представления трансформируются. Цель нашего исследования – изучить различия в Я-образе у русскоязычных мигрантов до и после эмиграции. Наша гипотеза предполагает наличие значимых изменений Я-образа, возникающих после выбытия из РФ и погружения в иную культурную среду. Задача – выявить аспекты Я-образа, подверженные трансформации, и степень этих изменений. Методология: тест «Кто Я?» М. Кун, Т. Макпартленд. Проведены два среза: до и после процесса международной миграции. Интервал 14 месяцев. Выборка 119 человек. Выявлены статистически значимые различия у респондентов в Я-образе в ходе эмиграции. Полученные в процессе реализации исследования результаты позволяют утверждать, что с изменением социальной ситуации меняются представления о себе, при этом различные аспекты Я-образа меняются с различной интенсивностью. В нашем исследовании наибольшие изменения зафиксированы в тех представлениях о себе, «через которые» осуществляется взаимодействие с представителями другой культурной традиции. Мы полагаем, что представления о себе выстроены в иерархически организованную, сложную, динамическую структуру с внутренним стержнем и периферией. Компоненты Я-образа могут перестраиваться в соответствии с ситуацией социального взаимодействия.

Ключевые слова: идентичность, Я-образ, эмиграция.

Благодарности: работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00112) «Психологическая безопасность как интегральный показатель формирования этнической идентичности в межнациональном взаимодействии россиян».

Для цитирования: Зотова О. Ю., Перельгина Е. Б., Мостиков С. В. Изменения Я-образа в результате эмиграции // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 286–293. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-SP07.

Changes in Self-Image Resulting from Migration

Olga Yu. Zotova¹,

ORCID: 0000-0002-5607-6317, e-mail: oiambusheva@mail.ru

Elena B. Perelygina²,

ORCID: 0000-0002-8440-5210, e-mail: elena_sutkina@mail.ru

Sergey V. Mostikov³,

ORCID: 0000-0002-6058-8462, e-mail: smostikov@ya.ru

^{1,2,3} Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The perception of one's own identity is one of the basic moments of a personality construct as they relate to how people act; perceive the world around and with what social they identify themselves. While immersed in an alien culture these perceptions transform. The authors aimed to examine differences in self-images of the Russian-speaking emigrants before and after emigration. Our hypothesis implies significant differences in self-image upon immersing in another cultural environment. The objective we set resides in identifying aspects of self-image exposed to transformations and the degree of these changes. For data accumulating before and after the process of international migration with a period of 14 months, we exploited M. Kuhn and T. McPartland's test "Who am I?" The data demonstrated statistically significant differences in the respondents' self-image in the course of adaptation. The results allow us to conclude that with a changing social situation self-perception also most alternations exhibit those aspects of self-image through which the respondents interacted with a host-country population. We believe that self-image presents a hierarchically organized, complex, and dynamic structure with the core and the periphery. The components of self-image can rebuild itself in response to a situation of social interaction.

Keywords: identity, self-image, emigration.

Acknowledgements: the article was supported with a grant from the Russian Science Foundation (project № 18-18-00112).

For citation: Zotova OYu, Perelygina EB, Mostikov SV. Changes in Self-Image Resulting from Migration. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 286–293. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-SP07.

Введение

Ощущение общности и принадлежности к определенной этнической культуре является одним из элементов, на основании которого способен выстраиваться образ личностной идентичности. В процессе первичной и вторичной социализации человек усваивает культурные нормы, ролевые модели, ценностные установки, которые в итоге формируют и определяют дальнейшую траекторию его Я-образа. Наряду с влиянием общества воздействие осуществляется семьей и значимыми другими. Представления о себе выступают продолжением места и роли человека в обществе, результатом его жизненной позиции.

Изменение в жизни индивида катализируют трансформации в представлениях о себе, эти представления меняются по тем же векторам, по которым меняется жизнь личности. Например, вступление в партнерские отношения или появление ребенка способствует появлению в Я-образе нового компонента идентичности («женатый», «замужняя», «родитель» и т. д.). Искусственный разрыв текущей жизненной ситуации и представлений о себе видится нам натянутым, поскольку

человек есть «существо социальное». Существует и обратный процесс: наличие фиксированного набора представлений о себе способствует формированию установки, готовности к действию, к реализации в повседневной жизни определенных компонентов Я-образа. Например, Я-концепция, включающая в себя набор категорий «добрый, заботливый, помогающий», будет способствовать формированию личностной установки, нацеленной на заботу и положительное отношения к другим людям, которое будет реализовываться в определенных поведенческих актах.

Фактически, мы имеем дело с несколькими диалектическими процессами.

1. Социальный уровень. Я-образ, с одной стороны, формируется под влиянием референтных групп, а с другой – групповая идентичность состоит из совокупности идентичностей каждого участника группы.

2. Индивидуальный. Я-образ формирует готовность к определенным поведенческим действиям, но и поступки индивида усиливают связанные с ними аспекты самоидентичности. Следовательно, Я-образ можно рассматривать с позиций социально-психологического дискурса и с позиции деятельности личности.

Кратко опишем узловые моменты в исследованиях Я-концепции. Взаимоотношения Я-образа и группы достаточно активно разрабатывал Ч. Кули [4]. Для него Я-концепция – как зеркало группы. Для большей части интеракционистов Я-образ выступает эмоционально-когнитивным образованием психики и обеспечивает групповую принадлежность, важным моментом Я-образа выступает личная активность. В гуманистической психологии (например, К. Роджерс), акцент ставится, прежде всего, на опыте и активности личности, которая либо подтверждает, либо опровергает Я-образ [6]. Достаточно интересными видятся работы Э. Берна, Р. Ассаджиоли, З. Фрейда и К. Хорни; практические направления психологии акцентируют внимание на внутренних конфликтах «Я» и выявлении разнонаправленных тенденций в психической жизни индивида. Под влиянием раннего травмирующего детского опыта, фрустрированных потребностей, амбивалентности и нестабильности родительских Я-репрезентаций во внутреннем мире ребенка не формируется интегрированная Я-идентичность; действия и установки индивида во взрослой жизни становятся противоречивыми и хаотичными, человек не способен выстраивать здоровые отношения безопасной привязанности. Личностный конструкт становится мозаичным, переполненным различными интроектами и дезадаптивными субличностями – не возникает ощущения целостности и константности «Я».

В психологических науках, в Я-образе принято выделять когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты [10, p. 832]. Р. Бернс утверждает, что Я-образ представляет собой то, что думает о себе человек и какие «возможности развития в будущем» представляет [1, с. 150]. Здесь отмечается важный момент Я-образа – нацеленность в будущее, проективный характер идентичности – представления о том, какой «Я», «требует» подтверждения в практике. Невозможность либо ограниченность в реализации значимых компонентов Я-образа приводит к чувству фрустрации и неудовлетворенности.

Говоря об исследованиях Я-образа и Я-концепции, нельзя не отметить Х. Хартмана, С. Р. Пантелеева, Д. Лихтенберга, В. В. Столина, Л. Я. Дорфман и др. В отечественной традиции обычно разводят «локальный Я-образ и относительно константную Я-концепцию» [3].

Методы исследования

В проведенном нами исследовании был использован тест «Кто Я?» (авторы М. Кун, Т. Макпартленд, в модификации Т. В. Румянцевой) [7]. Мы предполагаем выявление значимых изменений Я-образа, возникающих после выбытия из РФ; эти изменения будут отличаться в степени выраженности по различным аспектам идентичности. Теоретической основой являются представления о социальных ролях личности и Я-образе. Процесс миграции и погружение в новую этническую среду с иным культурным кодом, переход из группы этнического большинства в группу этнического меньшинства неизбежно влечет трансформацию в представлениях о себе, которые планируется выявить в процессе изучения самоописаний у респондентов.

Выборка представлена респондентами от 21 до 40 лет, выравнена по полу, все респонденты с высшим образованием. Исследование продолжалось 14 месяцев и проходило в несколько этапов. На первом этапе отобрана группа участников с высоким уровнем миграционных намерений (активно изучают иностранный язык, оформляют документы, необходимые для переезда, имеют положительное отношение к миграции и т. д.). Выборка составила 158 человек, в основном жители Москвы (N = 104) и Екатеринбурга (N = 43), других регионов (N = 11). Все респонденты прошли процедуру тестирования с применением теста «Кто Я?».

Второй этап исследования был реализован через 14 месяцев. Из 158 человек эмигрировал 121 респондент, в возрасте от 21 до 37 лет. Остальные 37 респондентов либо остались в РФ, либо не отвечали на наши обращения. Регионы миграции представлены следующим образом: США (N = 39), ЕС (N = 40), страны Юго-Восточной Азии (N = 38), другие страны (N = 4). Отметим, что в нашем исследовании не проводилась разбивка участников по типу миграции (рабочая, завершенная, образовательная и т. д.), отчасти это связано с размыванием прежнего значения термина «миграция», происходящим в настоящее время [5, с. 51]. Если раньше миграция (особенно для граждан СССР) была знаковым событием, разделявшим жизнь на «до» и «после», то в настоящее время, в эпоху глобализации, миграции становится одним из проектов в жизни человека. Большая часть эмигрантов не снимается со статистического учета в Российской Федерации и сохраняет связь с Родиной. Несоответствие форм статистического учета в России реалиям современной эмиграции отмечают многие исследователи [9]: расхождение данных Росстата и сведений принимающих стран [8, с. 208] и недоучет от 20 % [2].

Общим условием участия во второй части исследования был срок нахождения за рубежом более 3 месяцев. Из 121 человека согласились пройти процедуру повторного тестирования 119 человек. Повторное тестирование эмигрантов проводилось дистанционно. Таким образом анализировались два среза: до переезда в другую страну и после него.

Представления о социальных, этнических и межличностных ролях нашли свое отражение в используемых респондентами самоописаниях. Полученные данные обрабатывались при помощи методов контент-анализа и частотного анализа, что позволило выделить наиболее часто используемые кластеры. Процедура контент-анализа позволила распределить полученные самоописания по значимым семантическим категориям идентичности: половозрастной, социально-экономической, политической, этнической, религиозной, субъективной, профессиональной, семейной и самооценке (положительная, нейтральная и негативная). В классификации самоописаний респондентов нами был применен метод экспертных суждений. В качестве экспертов выступили 3 психолога и 2 филолога. Принадлежность самоописания к определенной категории устанавливалась на основании большинства голосов экспертной комиссии. Частотный анализ позволил в ходе исследования выявить частоту категории в каждом из срезов.

Результаты и обсуждение

Таблица

Сравнение срезов до и после эмиграции по типам идентичности (%)

Группы	Социально-экономическая	Политическая	Этническая	Религиозная	Субъективная	Самооценка			Половозрастная	Профессиональная	Семейная
						Положительная	Нейтральная	Отрицательная			
До эмиграции	18	12	5	6	43	17	15	1	73	18	59
После эмиграции	36	5	86	4	29	28	14	1	56	43	19

Представленные данные демонстрируют активацию этнического аспекта Я-образа в условиях миграционного перехода. Этот факт подтверждает общее представление о том, что этничность острее проявляется в процессе межэтнического взаимодействия в ходе сравнения себя с другими, «на контрасте» респонденты полнее ощущают себя русскими, острее воспринимают свою этничность, даже если до этого отношение к ней было негативным. Также отмечается возрастание социально-экономического типа идентичности, что соотносимо с общим контекстом социально-психологической адаптации личности: в новой стране к мигрантам подход «утилитарный, функциональный» – успех зависит от того, чем приезжий может быть полезен новой стране, какую социальную роль он исполняет («студент», «представитель политической оппозиции», «предприниматель» и т. д.). Эта идея подтверждается снижением использования критериев семейной, половозрастной и субъективной идентичности, а также возрастанием профессиональных аспектов Я-образа.

Процесс трансформации Я-образа представляет собой динамический, подвижный социально-психологический феномен, находящийся в тесном взаимодействии с социальным контекстом. Для сравнения: результаты исследования респондентов, находящихся в РФ, свидетельствуют о том, что, находясь в родной этнической среде, доминирует самоидентификация по семейным, половозрастным и субъективным категориям. Этичность представлена в самоописаниях сравнительно слабо. Относительной константностью обладает нейтральная и отрицательная самооценка – они практически не изменились, при этом фиксируется рост положительных самоописаний: очевидно, ситуация миграционного перехода рассматривается как ситуация личного успеха. Незначительное снижение отмечается по категориям политической и религиозной идентичности. Впрочем, эти категории представлены сравнительно слабо.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Я-образ является собирательным, многокомпонентным, изменчивым, социально-психологическим феноменом, формирующимся на пересечении психологических процессов личности и ситуации социального взаимодействия.
2. Представления о себе находят отражение в поступках и мотивах личности, а также помогают поддержанию групповой идентичности.
3. В процессе активного включения в межэтническое взаимодействие в ходе эмиграции, активизируется этнический компонент, усиливается значимость профессиональных и социально-экономических компонентов Я-образа. Возрастает значение тех компонентов межэтнического взаимодействия, по которым активнее всего осуществляется взаимодействие в полиэтничном регионе.
4. Компоненты самоидентичности, связанные с субъективными, половозрастными, религиозными и семейными аспектами, продемонстрировали наименьшую чувствительность к процессу эмиграции.

Информация об авторах

Ольга Юрьевна Зотова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и прикладной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Елена Борисовна Перельгина, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, декан факультета социальной психологии Гуманитарного университета, заведующая кафедрой социальной психологии Гуманитарного университета, руководитель Центра комплексных проблем психологии безопасности (г. Екатеринбург, Россия).

Сергей Владимирович Мостиков, соучредитель «Союза профессиональных психоаналитиков», магистр психологии, преподаватель факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Olga Yu. Zotova, corresponding member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), associate professor, professor at General and Applied Psychology chair, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Elena B. Perelygina, corresponding member of the Russian Academy of Education Dr. Sci. (Psychology), professor, dean of Social Psychology department, head of Social Psychology chair, Liberal Arts University – University for Humanities; director of Comprehensive Issues of Security Psychology Center of the Russian Academy of Education, Yekaterinburg, Russia.

Sergey V. Mostikov, co-founder of “The Union of professional psychoanalysts”, Master’s degree in Psychology, lecturer at Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М. : Прогресс, 1986. 422 с.
2. Денисенко М., Хараева О., Чудиновских О. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М. : Институт экономики переходного периода, 2003. 314 с.
3. Дорфман Л. Я., Шабалин О. М., Катков В. Л., Рябикова М. В., Дудорова Е. В., Базеева О. П., Усова О. В., Щebetенко С. А. Интегральная индивидуальность, Я концепция, личность. М. : Смысл, 2004. 319 с.
4. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М. : Дом интеллектуальной книги, 2000. 312 с.
5. Окольски М. Миграционное давление на Европу // Международная миграция населения: Россия и современный мир / гл. ред. В. А. Ионцев. М. : МГУ, 2001. Вып. 6. С. 46–54.
6. Роджерс К. Р. Становление личности: Взгляд на психотерапию. М. : Эксмо-Пресс, 2001. 416 с.
7. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб. : Речь, 2006. 176 с.
8. Тольц М. Статистический анализ алии и эмиграции евреев из России // Мир в зеркале международной миграции / гл. ред. В. А. Ионцев. М. : Макс-пресс, 2002. С. 196–210.
9. Чудиновских О. Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики // Отечественные записки. 2004. № 4 (19). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/prichiny-i-posledstviya-krizisa-rossiyskoy-migracionnoy-statistiki> (дата обращения: 01.03.2019).
10. Zotova O. Yu., Tarasova L. V., Perelygina E. B., Mostikov S. V. Ethnic identity of teenagers and the need for security // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2018. Vol. XLIX. P. 832–840.

Статья поступила в редакцию: 09.08.19
Принята к публикации: 10.09.19

References

1. Burns R. *Razvitie Ya-kontseptsii i vospitanie [Self-concept development and education]*. Moscow: Progress; 1986. 422 p. (In Russ.).
2. Denisenko M, Kharaeva O, Chudinovskikh O. *Immigratsionnaya politika v Rossiiskoi Federatsii i stranakh Zapada [Immigration policies in the Russian Federation and Western countries]*. Moscow: Institute for the Economy in Transition; 2003. 314 p. (In Russ.).
3. Dorfman LY, Shabalin OM, Katkov VL, Ryabikova MV, Dudorova EV, Bazeeva OP, et al. *Integral'naya individual'nost', Ya kontseptsiya, lichnost' [Integral individuality, self-concept, personality]*. Moscow: Smysl; 2004. 319 p. (In Russ.).
4. Cooley CH. *Chelovecheskaya priroda i sotsial'nyi poryadok [Human nature and the Social order]*. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; 2000. 312 p. (In Russ.).
5. Okol'ski M. Migratsionnoe davlenie na Evropu [Migratory pressure on Europe]. In: Iontsev VA. (ed.) *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: Rossiya i sovremennyi mir [International movements of people: Russia and the modern world]*. Moscow: Moscow State University; 2001. Vol. 6. p. 46–54. (In Russ.).
6. Rogers CR. *Stanovlenie lichnosti: Vzglyad na psikhoterapiyu [On becoming a person: a therapist's view of psychotherapy]*. Moscow: Eksmo-Press; 2001. 416 p. (In Russ.).

7. Ruyantseva TV. *Psikhologicheskoe konsul'tirovanie: diagnostika otnoshenii v pare [Counseling: diagnostics of relations within a couple]*. St.-Petersburg: Rech'; 2006. 176 p. (In Russ.).

8. Tol'ts M. Statisticheskii analiz alii i emigratsii evreev iz Rossii [The statistical analysis of aliyah and Jewish emigration from Russia]. In: Iontsev VA. (ed.) *Mir v zerkale mezhdunarodnoi migratsii [The world in the mirror of international migration]*. Moscow: Maks-press; 2002. p. 196–210. (In Russ.).

9. Chudinovskykh O. Prichiny i posledstviya krizisa rossiiskoi migratsionnoi statistiki [Causes and consequences of the crisis of the Russian migratory statistics]. *Otechestvennye zapiski = Domestic notes*. 2004;4(19). Available from: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/prichiny-i-posledstviya-krizisa-rossiyskoy-migratsionnoy-statistiki> [Accessed 01.03.2019]. (In Russ.).

10. Zotova OY, Tarasova LV, Perelygina EB, Mostikov SV. Ethnic identity of teenagers and the need for security. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2018;XLIX: 832–840.

Submitted 09.08.19 Accepted 10.09.19

**5. Секция журналистики, рекламы
и связей с общественностью**

**Journalism, Advertising & Public
Relations**

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J01
УДК 130.2:316.7

Внимание, доверие и власть в российских «новых медиа»

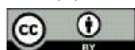
Светлана Д. Балмаева,
АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-7453-8511, e-mail: svet54@list.ru

Аннотация. Предмет исследования в нашей статье – трансформация власти в российских новых медиа. Ведь переход от традиционных медиа к «новым медиа» радикально изменил структуру медиавласти: вместо вещательной модели от одного – к многим формируется сетевая модель многие – многим. Социальные сети порождают модель коммуникационного и информационного «самообслуживания населения» с разветвленной системой перераспределения внимания. Цель нашего исследования – выявить, как в сетевых взаимодействиях происходит трансформация внимания и доверия молодой российской аудитории. Ведь такой сложный социальный инструмент, как власть медиа, опирается на очень хрупкий фундамент – человеческое внимание. Есть внимательные аудитории – есть медиавласть, нет внимания – нет власти. Как мы хорошо помним, сила «традиционных» медиа опиралась на очень прочные социальные практики – привычки чтения и телепросмотра, встроенные в жизненный ритм советских и российских граждан. В настоящее же время практики медиапотребления поколений в возрастном диапазоне от 15 до 34 лет быстро меняются в зависимости от доминирующей сетевой технологии.

Опираясь на социологические исследования медиаповедения молодой аудитории и ее сетевые предпочтения, мы рассматриваем, как трансформируются ее внимание и доверие. Для измерения внимания в современных исследованиях используется критерий «вовлеченности», входящий в аналитический арсенал редакционных метрик. Мы будем опираться на метрики «Медиатора», разработанные Мейл.ру. Также ценным основанием нашей работы стали итоги мониторингов, проведенных ВЦИОМ, Медиастандартом, Левада-центром, Делойт и Цирконом в 2018–2019 гг.

Ключевые слова: власть медиа, внимание, доверие, «традиционные медиа», «новые медиа», mass self-communications, разрушение внимания, сетесоздающая власть.

Для цитирования: Балмаева С. Д. Внимание, доверие и власть в российских «новых медиа» // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 297–304. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J01.

Attention, Trust and Power in Russian “New Media”

Svetlana D. Balmayeva

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-7453-8511, e-mail: svet54@list.ru

Abstract. The subject of this paper’s research is transformation of power in the Russian new media. The shift from traditional media to “new media” has, after all, drastically changed the structure of media power – instead of the broadcasting model, “from one to many”, a network model is established: “from many to many”. Social media generate a model of population’s communication and information “self-service” with a branched system of redistributing attention. Our research aims to identify how attention and trust of the young Russian audience transforms within network interactions. A complicated social tool like media power, after all, relies on a very fragile foundation – human attention. With audience’s attention you have the media power, without this attention you don’t.

As we all remember so well, the power of “traditional” media was based on extremely solid social practices – the habits of reading and watching television built into the life rhythm of Soviet and Russian citizens. Nowadays, however, media consumption practices of the generations in the age range from 15 to 34 years change quickly depending on the dominant network technology.

We rely on sociological studies of young audience’s media behavior and its network preferences to explore how its attention and trust transform. Contemporary research uses the criterion of “involvement” to measure attention, which is a part of the analytical toolbox of editorial metrics. We are going to rely on Mediator metrics developed by Mail.ru. Another valuable basis for our research was provided by results of the monitoring conducted by VCIOM, Mediastandard, Levada Center, Deloitte and Zircon in 2018 – 2019.

Keywords: media power, attention, trust, “traditional media”, “new media”, “mass self communications”, destruction of attention, network-creating power.

For citation: Balmayeva SD. Attention, Trust and Power in Russian “New Media”. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today’s World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 297–304. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-J01.

Введение

В обществе «коммуникационного изобилия» [10; 11], благодаря дешевым цифровым каналам, очень быстро сформировалась новая модель медиапотребления, характерная для российской молодежи. Согласно данным, представленным в исследованиях «Медиатора» и «Делойт» [8, с. 19], для возрастной группы от 16 до 24 лет основным источником информации является Интернет: соцсети и блоги (70 %), а также официальные сайты (52 %). Для россиян старше 25 лет Интернет также является основным источником новостей, но они отдают предпочтение официальным новостным и аналитическим сайтам (66–83 %). Телевидение является основным источником информации лишь для россиян старше 65 лет – до 80 %.

По-видимому, сейчас можно говорить о сосуществовании разных систем управления вниманием, ориентированных на разные поколенческие аудитории. Одна, назовем ее «уходящая система принуждения к вниманию», с некогда мощными полиграфическими и вещательными ресурсами, «звездами» радио и ТВ федерального масштаба, пока еще

притягивающая «аудиторию 50+»), и другая – онлайн-Вселенная с броуновским движением мелких частиц интереса/внимания, где «бюджеты следуют за зрчками». Здесь сосуществуют сетевые макро- и микромиры, объединенные групповыми ценностями и интересами, и властвуют разные «повестки дня».

Процессы трансформации внимания молодой аудитории в новых медиа и тесно связанные с этим изменения социального доверия фиксируются во многих публикациях, но они не анализируются как столкновения **систем**. С нашей точки зрения, необходима новая «**оптика**» в видении этих социальных сдвигов.

Методы исследования

Методология нашего анализа предполагает обобщение итогов социологических и редакционных исследований. В описании медиаландшафта России Левада-центр отмечает несколько важных тенденций:

«1. Интернет и социальные сети, как источники новостей, по значимости сегодня опережают все остальные источники информации, кроме телевидения. За десять лет их аудитория выросла в три раза: с 9% до трети населения страны.

2. Новым источником информации об окружающем мире становятся видеоблоги и видеоблогеры... Среди самых молодых россиян до 25 лет... 19% смотрят их ежедневно. Телеграм-каналы являются важным источником новостей примерно для 1% россиян. На протяжении нескольких лет замеров наиболее популярными источниками новостей в Интернете являются Яндекс.Новости (их используют почти 40% россиян), Mail.ru Новости (15%) и Lenta.ru (10%).

3. Доверие россиян к интернет-ресурсам и социальным сетям растет. За 10 лет регулярных измерений оно выросло в три-четыре раза и сегодня колеблется вокруг 20% населения» [4].

Попробуем проанализировать, как в рамках этого медиаландшафта распределяются внимание и доверие молодой аудитории. Молодая аудитория, по данным «Медиатора», по-разному потребляет контент в зависимости от устройства, с которого его читают. «Это хорошо видно по воронке доскроллов на разных типах устройств. На десктопе больше пользователей доскролляют до конца материала, чем на мобильных. Однако доля действительно прочитавших материал примерно равна. В среднем вовлеченность пользователей в контент российских медиа выглядит так: доскроллы на десктопах – 71%; на мобильнике – 40%; прочтение на десктопах – 40% и на мобильнике 41%; время чтения на десктопах 0:59 и на мобильном 1:14 [8, с. 28].

Это, по сути, просматривание вместо чтения, минуты интереса, секунды внимания. Ведь за хрупкое внимание молодой аудитории идет непрерывная борьба в офлайн- и онлайн-реальности: френд-ленты соцсетей, каналы в мессенджерах, учеба/работа, игры, развлечения.

Тенденция «разрушения внимания» у молодой аудитории фиксируется во многих исследованиях, посвященных ее медиапотреблению [1; 2; 5]. «14 из 17 человек сообщили, что читают медиатексты каждый день, но чаще всего им хватает заголовка и иногда лида для того, чтобы сделать вывод о материале и больше его не читать; 12 из них сообщили, что могут продолжить внимательное чтение, если заголовок и/или лид покажутся интересными. Во всех остальных случаях это чтение “по

диагонали”. 15 человек предпочитают получать новости из Интернета, а не из теле-, радиоэфира или газет. Только один респондент включает утром телевизор, чтобы узнать о состоянии пробок в Москве, у остальных привычки просмотра раннего эфира уже нет» [1, с. 4].

Результаты и обсуждение

При внимательном анализе можно увидеть, что «разрушение внимания» у молодой аудитории – довольно сложный феномен. С одной стороны, его явной причиной является постоянный «информационный шум». Но другая причина кроется в сдвиге ценностных ориентаций. «Общенациональные новости, как показывают результаты эмпирических исследований, не интересуют молодежь ввиду заикленности на институциональных сторонах жизни и отведению аудитории роли пассивного созерцателя» [7, с. 31].

А роль созерцателя совершенно непривычна современной молодой аудитории, так как в сетевой коммуникации молодые люди быстро обретают навык быть «автором и комментатором», самостоятельно формирующим свое новостное «меню», в котором навигация подчинена либо индивидуальным интересам, либо влиянию френд-ленты пользователя. И в производстве собственных новостей, и в обсуждении актуальной для данной группы «повестки дня» мы не найдем даже тени «разрушенного внимания».

Острая борьба за внимание в современных медиа сопряжена с борьбой за перераспределение важнейшего социального капитала – доверия. Ранее в «традиционных медиа» управление «повесткой дня» целевой аудитории принадлежало редакциям СМИ, входило в их властные функции. Благодаря этому СМИ создавали репутации персонам и социальным институтам и, по сути дела, были «маршрутизаторами доверия». Теперь же в новых медиа (с множественными платформами и потоками) «повесткой дня» фрагментированных аудиторий управляют те «медиаакторы», которые смогли в отчаянной борьбе удержать хрупкое внимание пользователей и получить доступ к «взрачиванию доверия». Так, в результате исследования «Медиастандарта» выяснилось, что «молодые люди в наименьшей степени по сравнению с другими группами доверяют новостям по телевизору (46 %) и значительно сильнее других верят в целом контенту СМИ в Интернете (44 %). Например, о доверии «Яндекс Новостям» заявили 33 % молодых россиян (всех возрастов – 17 %), сообщениям в социальных сетях – 26 % (15 %), видео с YouTube – 31 % (12 %), каналам в Telegram – 12 % (всех возрастов – 4 %) [13].

Внимание и доверие, эти две взаимосвязанные социальные ценности, в современной информационной борьбе подвержены иногда крутой ломке: то, что вызывает внимание, может оказаться фейком, разрушающим доверие. Не случайно в целом российская ситуация последних пяти лет оценивается экспертами как «кризис доверия». Внимательный анализ этого кризиса заставляет нас уточнить, что мы понимаем под «доверием», и выделить те его характеристики, которые стали явными в новых медиа.

Мы согласны с точкой зрения Л. Д. Гудкова, утверждающего, что следует различать две разные формы доверия: институциональное доверие и доверие в структурах неформального взаимодействия [6]. Се-

тевая коммуникация в новых медиа как раз выглядит как неформальное взаимодействие (разговорный язык, эмоциональные оценки и т. д.), которое создает возможность доверительного отношения между участниками. В результате происходит сокращение социальной дистанции, пользователи могут рассчитывать на мгновенную реакцию в Сети на информацию особой важности для данной групповой общности. Благодаря такому сжатию социального пространства/времени, именно социальные сети стали территорией роста новых форм гражданской активности во многих странах мира [16]. В России началом сетевых форм мобилизации гражданской активности стали добровольческие отряды для тушения подмосковных пожаров летом 2010 года. Сетевая подготовка к митингам 2012 года тоже была важной «точкой роста» новых форм гражданской активности. Новый виток гражданской коммуникации и сетевого доверия мы увидели летом 2019 года в процессе защиты Ивана Голунова и участников «Московского дела».

Как констатируют социологи Левада-центра, «помощь задержанным на митингах сегодня оказывает целая коалиция правозащитных организаций, которая на момент протестов 2011–2012 гг. только-только формировалась. Наконец, сами протесты и задержания можно было наблюдать в прямом эфире небольших независимых телеканалов, в тысячах фотографий и видеороликов, расходящихся по социальным сетям, интернет-изданиям, популярным видеоблогам. Еще 10 лет назад такой плотной переплетенной сети сообществ, авторитетных фигур, изданий и блогов, каналов распространения информации просто не существовало» [3].

Этот интересный процесс изменения российского медиаландшафта, формирования «гражданского общества» на основе сетевых коммуникаций, уничтожающих социальные границы и создающих новое «пространство доверия», встречается с активным противодействием российских законодателей. Борьба за власть в «сетевой вселенной» и за контроль над Рунетом отмечена «точкой невозврата» – законопроект № 608767-7, внесенный в декабре 2018 года сенаторами Андреем Клишасом и Людмилой Боковой, большинством голосов был принят Госдумой в первом чтении. За документ проголосовали 334 депутата, против – 47.

Данное столкновение интересов показывает, что сетевые коммуникации многослойны: кроме внутрисетевой власти, управляющей вниманием, есть сетесозидающая власть. Мануэль Кастельс во «Власти коммуникации» [15] определяет ее как двойную власть: власть программирования целей сети и власть переключателей, которые контролируют точки соединения между стратегическими сетями [9, с. 65]. Эти социальные акторы могут взаимодействовать, а могут находиться и в ситуации острого противоречия. «...Метапрограммисты, имеющие возможность создания сетей, сами являются корпоративными сетями... Они программируют их для... максимизации прибыли на глобальном финансовом рынке, увеличения политической власти корпораций... а также для привлечения, создания и сохранения аудитории как средства накопления финансового и культурного капитала» [9, с. 457]. Их задача – «трансформировать людей в аудиторию, продавая нам имиджи наших жизней» [9, с. 458].

Двойственность ситуации заключается в том, что чем больше людей присоединится к свободной интерактивной коммуникации, тем больше владельцы сетей смогут заработать на нашем отказе от права на частную жизнь. Но и мы сможем черпать наши знания для борьбы за власть и свободу, лишь войдя в сети и критически изучая алгоритмы Сети. Яркий пример – борьба вокруг «Telegram» и конфликт сетесозидающей власти метапрограммиста Павла Дурова и Роскомнадзора. Отказ П. Дурова от передачи универсальных ключей шифрования из-за опасности последующего бесконтрольного доступа к переписке неограниченного круга лиц привел к взрывному росту доверия аудитории к мессенджеру и его создателю, что отразилось в росте стоимости его акций.

Важный вопрос о том, как программируемые правила сетевой коммуникации влияют на процессы доверия/недоверия, поставлен в интересной статье «Доверие как категория теории коммуникации в парадигме цифровой экономики». Авторы рассматривают коммуникацию в Интернете как гибридную коммуникацию, включающую действие неантропоморфного актора (программы, кода). «Данная гибридная модель представляется новой для практики и теории коммуникации, поскольку изменяется характер взаимодействия, состав субъектов: неантропоморфные и гибридные акторы становятся такими же автономными участниками коммуникации, как человек; владельцы программ, данных, инфраструктуры – непрямыми базисными субъектами. Исходя из сущности подобного взаимодействия, данную модель можно обозначить как конвергентно-гибридную» [14, с. 21].

Выводы

Дальнейшее развитие цифровых сетевых коммуникаций и социальное взросление российского цифрового поколения потребует серьезной критической рефлексии на темы «Что есть власть медиа?» и «Как существовать в условиях гибридного доверия/недоверия?». Ведь почти каждое наше действие будет действием нашей «цифровой личности», созданной и обработанной технологиями в ответ на запрос социальных структур, чью деятельность мы не сможем контролировать, чьи цели и коды вряд ли будут прозрачны для нашего понимания.

Информация об авторе

Светлана Дашиевна Балмаева, кандидат философских наук, доцент, декан факультета журналистики и медиакоммуникаций АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Svetlana D. Balmayeva, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Dean, Faculty of Journalism and Media Communications, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Аникина М. Е., Ермошкина Т. А., Исаков Д. З., Кобзев М. В. и др. Восприятие длинных текстов поколением «цифровых островитян» // Медиа-скоп. 2016. Вып. 1. URL: <http://mediascope.ru/?q=node/2089> (дата обращения: 15.04.2019).

2. Варганова Е. Л. Медиа в контексте общественных трансформаций: к постановке проблемы // МедиаАльманах. 2018. № 1 (84). С. 8–12.

3. Волков Д. Российское эхо московских протестов // Ведомости. 09.09.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/09/810759-eho-moskovskih-protestov> (дата обращения: 09.09.2019).
4. Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети // Левада-центр. 01.08.2019. URL: <http://www.levada.ru/2019/08/01/21088/> (дата обращения: 16.09.2019).
5. Вьюгина Д. М. Особенности медиапотребления цифрового поколения России // Медиаскоп. 2017. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2386> (дата обращения: 15.03.2019).
6. Гудков Л. Д. Доверие в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 8–47.
7. Дунас Д. В., Толоконникова А. В., Черевко Т. С. Актуальные концептуальные подходы к рассмотрению процесса медиапотребления онлайн-новостей молодежью // Вестник Московского университета. Сер. 10 : Журналистика. 2017. № 5. С. 30–50.
8. Егорова Н., Дюжарден Н. Как читают медиа в России 2017–2018. М. : Mail.ru group, 2018.
9. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : ИД Высшей школы экономики, 2016. 563 с.
10. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М. : ИД Высшей школы экономики, 2015. 308 с.
11. Коломиец В. П. Социология массовой коммуникации в обществе коммуникационного изобилия // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 3–14.
12. Население России по полу и возрасту: статистика, распределение (на 1.01.2017) // Statdata.ru : [сайт]. URL: http://www.statdata.ru/nasel_pol_vozr (дата обращения: 10.03.2019).
13. Образ журналиста в массовом сознании россиян : результаты исследования / Медиастандарт ; Циркон. М., 2018. URL: http://www.msindex.ru/wp-content/uploads/2018/10/Obraz-zhurnalista-v-massovom-sozdanii-rossiyan_doklad.pdf (дата обращения: 10.03.2019).
14. Шилина М. Г., Варганов С. А. Доверие как категория теории коммуникации в парадигме цифровой экономики (к постановке научной проблемы) // МедиаАльманах. 2019. № 1 (90). С. 20–38.
15. Castells M. Communication Power. Oxford : Oxford University Press, 2009. 592 p.
16. Castells M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Cambridge UK : Polity Press, 2017. xiv + 306 p.
17. Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford : Blackwell, 1996. 556 p.

Статья поступила в редакцию: 02.09.19
Принята к публикации: 15.10.19

References

1. Anikina ME, Yermoshkina TA, Iskakov DZ, Kobzev MV, et al. Vospriyatie dlinnykh tekstov pokoleniem «tsifrovyykh ostrovityan» [Perception of Long Texts by the Generation of Digital Natives]. *Mediascope = Mediascope*. 2016;1. Available from: <http://mediascope.ru/?q=node/2089> [Accessed 15.04.2019]. (In Russ.).
2. Vartanova EL. Media v kontekste obshchestvennykh transformatsii: k postanovke problemy [Media in the Context of Social Transformations: Concerning Articulation of Issue]. *MediaAl'manakh = Media Almanac*. 2018;1(84): 8–12. (In Russ.).
3. Volkov D. Rossiiskoe ekho moskovskikh protestov [Russian Echo of Moscow Protests]. *Vedomosti*. Website. 09.09.2019. Available from: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/09/810759-eho-moskovskikh-protestov> [Accessed 09.09.2019]. (In Russ.).

4. Volkov D, Goncharov S. Rossiiskii medialandshaft 2019: televidenie, pressa, internet i sotsial'nye seti [Russian Media Landscape 2019: Television, Press, Internet and Social Media]. *Levada-tsentr [Levada-Center]*. Website. 01.08.2019. Available from: <http://www.levada.ru/2019/08/01/21088/> [Accessed 16.09.2019]. (In Russ.).
5. Vyugina DM. Osobennosti mediapotrebleniya tsifrovogo pokoleniya Rossii [Features of Media Consumption by the Russian Digital Generation]. *Mediaskop = Mediascope*. 2017;4. Available from: <http://www.mediascope.ru/2386> [Accessed 15.03.2019]. (In Russ.).
6. Gudkov LD. Doverie v Rossii: smysl, funktsii, struktura [Trust in Russia: Meaning, Functions, Structure]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya = Public Opinion Bulletin*. 2012;2(112): 8–47. (In Russ.).
7. Dunas DV, Tolokonnikova AV, Cherevko TS. Aktual'nye kontseptual'nye podkhody k rassmotreniyu protsessa mediapotrebleniya onlain-novostei molodezh'yu [Current Conceptual Approaches to Considering the Process of Online News Media Consumption by the Youth]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10 : Zhurnalistsika = Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism*. 2017;5: 30–50. (In Russ.).
8. Egorova N, Dujardin N. *Kak chitayut media v Rossii 2017–2018 [How Media is Read in Russia in 2017–2018]*. Moscow: Mail.ru group; 2018. (In Russ.).
9. Castells M. *Vlast' kommunikatsii [Communication Power]*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2016. 563 p. (In Russ.).
10. Keane J. *Demokratiya i dekadans media [Democracy and media decadence]*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2015. 308 p. (In Russ.).
11. Kolomiets VP. Sotsiologiya massovoi kommunikatsii v obshchestve kommunikatsionnogo izobiliya [Sociology of Mass Communication in Society of Communicational Plentitude]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2017;6: 3–14. (In Russ.).
12. Statdata.ru: website. *Naselenie Rossii po polu i vozrastu: statistika, raspredelenie (na 1.01.2017) [Russian Population by Gender and Age: Statistics, Distribution (as of 01.01.2017)]*. Available from: http://www.statdata.ru/nasel_pol_vozr [Accessed 10.03.2019].
13. Fond «Mediastandart» [Mediastandard Foundation]. *Obraz zhurnalista v massovom soznanii rossiyan : rezul'taty issledovaniya [Image of a Journalist in Russians' Mass Consciousness: Research Findings]*. 2018. Available from: http://www.msindex.ru/wp-content/uploads/2018/10/Obraz-zhurnalista-v-massovom-sozdanii-rossiyan_doklad.pdf [Accessed 10.03.2019]. (In Russ.).
14. Shilina MG, Vartanov SA. Doverie kak kategoriya teorii kommunikatsii v paradigme tsifrovoi ekonomiki (k postanovke nauchnoi problemy) [Trust as a Category of Communication Theory in Digital Economy Paradigm (Concerning Articulation of Scientific Problem)]. *MediaAl'manakh = Media Almanac*. 2019;1(90): 20–38. (In Russ.).
15. Castells M. *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press; 2009. 592 p.
16. Castells M. *Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity Press; 2017. xiv + 306 p.
17. Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell; 1996. 556 p.

Submitted 02.09.19 Accepted 15.10.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J02
УДК 130.2:316.77

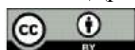
О власти визуальных образов в эпоху новых медиа

Алла В. Дроздова,
АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0003-4160-6554, e-mail: drozdovaalla@mail.ru

Аннотация. Идея «визуального поворота» и власти образов не ограничивается современностью, она многократно возникает в истории культуры, особенно тогда, когда появляются новые технологии воспроизводства или новые варианты образов. Новизна современной ситуации связана не только с количественным увеличением образов и с расширением предметного поля визуального, но и с тем, что поток визуальных образов, транслируемый с различных мобильных экранов, сформировал особую онлайн-овую, медиатизированную реальность. Современные визуальные образы, ставшие частью культурной медиаиндустрии, накладывают свой отпечаток на субъекта-зрителя, и в этом смысле они властны над нашим визуальным опытом, регистрируя те социальные перемены, которые происходят в современной культуре. Технические способы визуализации приводят к исчезновению ауретичности образа, автоматизации восприятия и индустриализации видения, опосредованного цифровой обработкой изображения. Именно такие цифровые образы конструируют нашу повседневность, властно навязывая те модели поведения и те социальные роли, с которыми идентифицирует себя человек. Цифровые образы указывают на социальные стратегии видимого, которые убирают или возвращают в поле социального зрения определенные явления или объекты, задавая или разрушая образные табу. Кроме того, в сетевой среде на смену репрезентации реальности приходит «публичная презентация» в режиме онлайн, которая радикально изменяет позиции воспринимаемого и воспринимающего. Для выявления специфики современной визуальной культуры и анализа властного влияния визуальных изображений на режимы видения и восприятия человека, его жизненный мир, способы идентификации были использованы методы и подходы визуальных исследований как междисциплинарной области гуманитарного знания.

Ключевые слова: визуальный образ, визуальный поворот, визуальная культура, визуальные исследования, медиареальность, техническая воспроизводимость, репрезентация, публичная презентация.

Для цитирования: Дроздова А. В. О власти визуальных образов в эпоху новых медиа // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 305–312. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J02.

On Power of Visual Images in the Era of New Media

Alla V. Drozdova

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-4160-6554, e-mail: drozdovaalla@mail.ru

Abstract. The idea of the “visual turn” and power of images is not a feature of the contemporary era; it has emerged in the history of culture multiple times, especially when new reproduction technologies or new options of images arose. The novelty of the contemporary situation has to do not only with quantitative proliferation of images and the expanding subject field of the visual but also with the fact that the flow of visual images transmitted from various mobile screens shaped a specific online mediatized reality. Contemporary visual images that have become a part of the cultural media industry make an impact on the subject viewer and, in this sense, wield power over our visual experience, registering the social changes occurring in the contemporary culture. Technical means of visualization cause disappearance of the image’s aural property, automation of perception and industrialization of vision, mediated by the image’s digital processing. It is such digital images that build our mundanity, imperiously imposing the behaviors and social roles that a person identifies with. Digital images indicate social strategies of the visible that remove certain phenomena or objects from or return them to the field of the social vision, creating or breaking image-related taboos. Additionally, representation of reality is superseded in the Internet environment by online “public representation” that drastically changes the positions of the perceived and the perceiver. Methods and approaches of visual studies as an interdisciplinary field of humanities knowledge were applied to identify specific features of contemporary visual culture and analyze visual images’ imperious influence on individual’s modes of vision and perception, their inhabited world and ways of identification.

Keywords: visual image, visual turn, visual culture, visual studies, media reality, technical reproducibility, representation, public presentation.

For citation: Drozdova AV. On Power of Visual Images in the Era of New Media. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today’s World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 305–312. Available from: doi:10.35853/UH-RMP-2019-J02.

Введение

В первом десятилетии XXI века визуальность стала формообразующим принципом всей современной культуры, ее доминантой стал не текст, а поток самых различных как офлайн-овых, так и онлайн-овых изображений, которые стали повсеместно окружать человека в его повседневной жизни (кино, видео, фотография, реклама, цифровые изображения). Ситуацию «возвращения образов» практически одновременно в конце XX века диагностировали теоретик культуры У. Митчелл [16] и историк культуры Г. Бём [14, s. 11–38], заговорив об особой силе воздействия образов, свободной от языка, иницируя новое внимание гуманитарной науки к визуальному. Однако сразу надо уточнить, что «революция изображений» – это не уникальное явление современности, сама идея «визуального поворота» многократно повторяется в истории культуры, особенно когда появляются новые технологии воспроизводства или новые варианты образов, связанные с новыми общественными, политическими или эстетическими движениями. Изобретение перспективы, станковой живописи, фотографии, кинематографа – все эти

новшества не только восхищали, но и пугали, вызывали жаркие споры, длящиеся столетиями. Вспомним, что для Византии VIII и IX веков вопрос об образах «тотчас обозначил бы, на чьей вы стороне в противостоянии императора и патриарха – радикальный ли вы иконоборец, стремящийся к очищению церкви от идолопоклонства, или консерватор, почитатель икон, защищающий традиционные литургические практики» [11, с. 22]. Иными словами, несмотря на первичность зрения по отношению к речи [4, с. 9], в истории культуры визуальные образы, несмотря на свою «зримую силу» и власть над человеком, каждый раз попадали под подозрение. Критика образов фиксировала зыбкость отношения между тем, что мы видим, и тем, что мы знаем, несоответствие между словом и образом. Именно поэтому в истории культуры визуальные повороты были связаны с беспокойством по поводу «новой визуальной доминанты», которую могли расценивать или как угрозу слову Божьему, или вербальной грамотности. Кроме того, доминирование языка и текста в культуре продолжительное время вытесняло изучение визуального на периферию, и только в современной ситуации, связанной с увеличением потока гетерогенных образов, возникает стремление не только совладать с ними посредством критического анализа, но и реабилитировать образ как способ постижения социального в современной культуре.

Методы исследования

Для выявления специфики современной визуальной культуры и анализа властного влияния визуальных изображений на режимы видения и восприятия человека, его жизненный мир, способы идентификации были использованы методы и подходы визуальных исследований как междисциплинарной области гуманитарного знания.

Результаты и обсуждение

Как изменилась власть визуальных образов в современной культуре? Новизна современной ситуации связана не только с количественным увеличением образов, но и с расширением предметного поля визуального, которое включает в себя, по мнению Джона А. Уокера, «фотографию, рекламу, анимацию, компьютерную графику, Диснейленд, декоративно-прикладное искусство, эко-дизайн, моду, граффити, ландшафтный дизайн, тематические парки, рок- и поп-перформансы, стилистику субкультур, татуировки, фильмы, телевидение и виртуальную реальность» [18]. Реконцептуализация теории образа стала «решительным шагом к тому, чтобы не ограничивать исследование образов лишь предметными сферами и тематическими полями, связанными с образностью и визуальностью» [2, с. 403], что и позволяет по-новому актуализировать взаимосвязь между образами, дискурсами, властью и знанием.

Другой, не менее важной, причиной является то, что поток визуальных образов, транслируемый с различных оптических носителей информации – экранов и гаджетов, сформировал особую реальность – медиареальность, благодаря которой наш мир стал объектом опосредованного наблюдения, рефлексии, интерпретации и оценки. Специфика современной ситуации такова: то, что мы переживаем как реальность нашего мира, по сути, является его визуальным конструированием.

нием. Колоссальное расширение образных миров и их гетерогенность достигаются посредством многочисленных медиа, именно они как носители визуальных образов задают рамку для наших мнений и убеждений, целей и потребностей. Они создают образную матрицу, согласно которой мы чувствуем и переживаем не столько органами наших чувств, сколько органами современных медиа [6]. Визуальные образы, ставшие по сути медиаобразами, репрезентируют одновременность события: образа и его восприятия, но в то же самое время им присуща характерная для «общества спектакля» медиальная манипуляция и постановочность.

Неслучайно, что с изменением коммуникационных технологий в современной культуре визуальные образы, ставшие массовыми и технически воспроизводимыми, вновь попали под подозрение. Сегодня нас призывают научиться жить в ситуации «ложных образов» [12], которые утратили свою достоверность и фактичность, т. е. стать критичными по отношению к образам, которые созданы цифровыми медиа. Поскольку современный визуальный образ сконструирован не только начиная с выбора ракурса или фрагмента съемки, но и определяется самим форматом медиа, его целевыми аудиториями, а также стратегиями продвижения [13]. Так, в рекламной индустрии образы становятся инструментами сегментации аудитории, их задача – привлечь аудиторию на тот или иной канал, поэтому каждый год агентства разрабатывают сценарии-тренды тех визуальных образов, которые способны захватить внимание аудитории. В этом мы видим одну из проблем, связанных с тем, что на первый план выходят не факты, а аффекты, когда визуальность используется как манипулятивная технология не только в сфере информационного телевизионного контента, но и в социальных сетях. Рассмотрим недавний пример аккаунта куриного яйца `word_record_egg`, фотография которого набрала за два месяца 53 миллиона лайков в инстаграме. Такой зрительский эффект говорит не только об иммерсивном характере современного цифрового образа, не имеющего «ни пола, ни возраста, ни религии» [8], сколько фиксирует виральный успех PR-кампании трансляции Супербоула на стриминговом сервисе Hulu. Техническая воспроизводимость образов, о которой писал В. Беньямин [3, с. 15–65], во-первых, лишает образ ауретичности и порождает стереотипы и клише восприятия. Тиражируемая однотипность изображений достигает таких масштабов, что мы не успеваем увидеть уникальность предметов, поскольку техника сжатия, присущая сетевым визуальным сообщениям, сокращает сложные формы в один быстро воспринимаемый образ. При этом важно отметить, что избыточность образной симуляции замещает собой реальность, и это перенасыщение визуальностью вовлекает нас в процесс общей дереализации, с «высоким техническим разрешением и четкостью не столько изображения, сколько самой реальности» [7, с. 115].

Во-вторых, современный зритель-пользователь оказывается во власти коммерческой составляющей визуального образа, его товарной формы, не имеющей собственного языка [1, с. 46] и потерявшей специфику своих выразительных средств. Поэтому отметим: с приходом сетевых источников исчезает дистанция между зрителем и визуальным образом (больше нет той классической традиции восприятия, которая предполагала созерцание как конкретную культурную практику или эс-

тетический опыт), а значит, изменяется и тип восприятия, воздействия, наблюдения и взгляда. Как уже было отмечено, с исчезновением ауретичности образа происходит автоматизация восприятия и индустриализация видения, опосредованного цифровой обработкой изображения. Так, постепенно, на смену репрезентации реальности приходит «публичная презентация» в реальном времени, которая радикально изменяет позиции воспринимаемого и воспринимающего. Именно такие цифровые образы конструируют нашу повседневность, властно навязывая, что носить, как отдыхать, что есть на завтрак, читать, слушать, как общаться, т. е. активно задают те модели поведения и те социальные роли, с которыми идентифицирует себя человек. Симптоматично, что через визуализацию частных, индивидуальных интересов и желаний транслируются ценности массовой потребительской культуры. Взгляд пользователя социальных сетей и «зрачок» его камеры обращен на себя, на фиксацию своих фото. Презентация себя, с одной стороны, демонстрирует, что Я существую здесь и сейчас, но, с другой, свидетельствует о том, что больше нет фиксированного Я [9, с. 189], и все наши убеждения и идентичность ставятся под сомнение. За короткий срок своего существования социальные сети стали коммерческими площадками для продвижения не только брендов компаний, но и личных брендов, имиджей, которые в полной мере должны отвечать ожиданиям своей целевой аудитории, поскольку продвижение Я-бренда строится по тем же самым маркетинговым законам, что и товара. Иными словами, визуальная репрезентация brand-self становится усовершенствованной формой рыночной зависимости, превращающей личность в средство достижения социального успеха, а современных зрителей в «атомизированное сообщество потребителей, чья чувственность притуплена повторением и спектаклем» [15].

Несмотря на критику цифровых образов, следует отметить, что современные социальные отношения опосредуются не однонаправленными, а интерактивными медиаобразами, сотрудничество в реальном мире тесно связано с вовлеченностью зрителя, ставшего просьюмером, который не просто пассивно потребляет информацию, но принимает участие в создании контента. Основным в сетевой культуре является обмен изображениями, или двусторонняя коммуникация между создателем и получателем сообщения. В этом смысле сетевая культура ценна и интересна не только технологиями, расширяющими наш опыт, но и тем, что цифровые технологии интенсифицируют коммуникацию с помощью изображения. То есть речь идет о новой визуальной компетенции и грамотности [5]: умения создавать собственные визуальные сообщения и блог-посты, визуально шутить, поздравлять, передавать визуальные новости, визуализировать настроение. Только сейчас в Instagram более 40 млрд загруженных фотографий, которые представляют собой огромный массив «оцифрованной реальности». Множественность сервисов, приложений позволяет не только «отфотошопить» свои изображения, применяя приемы монтажа и «наивного дизайна», но и воспользоваться коллективной копилкой изображений, существующих в Интернете, сохранить ее к себе на «доску», поделиться с другими пользователями. Таким образом, благодаря новым технологиям визуальная коммуникация обретает все большую самостоятельность по отношению к вербальной, ведь для цифровой коммуникации доста-

точно поделиться изображением, сделать смайл, при этом не используя слово. Однако, как мы уже отмечали, множественность создаваемого контента «обычных образов» не говорит о его разнообразии, это типичные снимки обычных людей в повседневной ситуации. В этом проявляется своеобразный парадокс сетевых визуальных изображений, им присуща нормативность, которая определяет формат и репертуар съемки, исходя из социально ожидаемых и одобряемых норм поведения. Так, например, Instagram является платформой с преобладающим количеством позитивных изображений: как «жить с удовольствием и красиво», как «быть счастливым». Иными словами, здесь нет места «серости и скуке» обычных будней. Складывается впечатление, что пользователи из зоны своего видения стараются исключить травмирующий опыт старения и смерти, при этом замещая профанное праздничным. Такая визуализация собственной жизни в социальных сетях, скорее, говорит об общей тенденции современной культуры – эстетизации жизненного мира. В этом смысле визуальные образы регистрируют общее, формируют «взгляд эпохи», его зрительный и культурный словарь, показывают нам то, «как нам разрешено или приходится смотреть», «как мы рассматриваем увиденное и неувиденное» [17, р. IX].

Заключение

Современные сетевые визуальные образы, ставшие частью культурной медиainдустрии, накладывают свой отпечаток на субъекта-зрителя, и в этом смысле они властны над нашим визуальным опытом, они формируют нашу повседневность и идентичность, регистрируя те социальные перемены, которые происходят в современной культуре. Более того, цифровые образы указывают на социальные стратегии видимого, которые фильтруют действительность, убирают или возвращают в поле социального зрения определенные явления или объекты, задавая или разрушая образные табу. Поэтому перед современными визуальными исследованиями стоит непростая задача, которую сформулировала американский философ и социолог С. Бак-Морс: научиться «читать изображения как эмблему и как симптом на языке основополагающих проблем социальной жизни» [10].

Информация об авторе

Алла Владимировна Дроздова, доктор культурологии, доцент, завкафедрой рекламы и связей с общественностью, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Alla V. Drozdova, Dr. Sci. (Cultural Studies), Associate Professor, Head of Department of Advertisement and Public Relations, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Аронсон О., Петровская Е. Что остается от искусства. М. : Институт проблем современного искусства, 2014.
2. Бахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 504 с. (Серия «Интеллектуальная история»).
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М. : Медиум, 1996.

4. Бергер Д. Искусство видеть. СПб. : Клаудберри, 2018.
5. Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 266 с.
6. Булгакова О. Тело медиа и медиальная бестелесность // НЛО (Новое литературное обозрение). 2012. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/telo-media-i-medialnaya-bestelesnost.html> (дата обращения: 17.04.2019).
7. Вирильо П. Машина зрения. СПб. : Наука, 2004. 140 с.
8. Корелина О. Помните яйцо, которое установило рекорд по лайкам в инстаграме? Журналисты нашли тех, кто все это придумал // Meduza. 04.02.2019. URL: <https://meduza.io/feature/2019/02/04/pomnite-yaytso-kotoroe-ustanovilo-rekord-po-laykam-v-instagrame-zhurnalisty-nashli-teh-kto-vse-eto-pridumal> (дата обращения: 10.04.2019).
9. Ловинк Г. Критическая теория интернета. М. : Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2019. 304 с.
10. Мир образов. Образы мира. Антология исследований визуальной культуры / сост., ред. пер., авт. вступ. ст., биограф. очерков и прим. Н. Н. Мазур. М. : Новое издательство, 2018. 544 с.
11. Митчелл У. Дж. Иконология. Образ. Текст. Идеология. М. : Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017.
12. Набиева А. Олег Аронсон: «Мы живем в мире принципиально ложных образов» // Korydor. 17.06.2015. URL: <http://www.korydor.in.ua/ua/opinions/oleg-aronson.html> (дата обращения: 15.04.2019).
13. Хезмондалш Д. Культурные индустрии / пер. с англ. И. Кушнаревой ; под науч. ред. А. Михалевой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 456 с. (Исследования культуры).
14. Boehm G. Die Wiederkehr der Bilder // G. Boehm (Hg.). Was ist ein Bild? Munchen, 1994. S. 11–38.
15. Kester G. H. Conversation Pieces: Community and Communication in Modern Art. University of California Press Books, 2013. 264 p.
16. Mitchell W. J. T. Picture Theory. Essays on Verbal and Visual Representation. Chicago : University of Chicago Press, 1994. P. 3–34.
17. Vision and Visuality (Discussions in Contemporary Culture – 2) / Ed. H. Foster. Seattle: Bay Press, 1988.
18. Walker J. A. Visual Culture and Visual Culture Studies // Art Book. 1998. Vol. 5, № 1. P. 14.

Статья поступила в редакцию: 08.08.19

Принята к публикации: 10.09.19

References

1. Aronson O, Petrovskaya E. *Chto ostaetsya ot iskusstva [What is Left from Art]*. Moscow: Institute of Contemporary Art Issues; 2014. (In Russ.).
2. Bachmann-Medic D. *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukach o kul'ture [Cultural Turns. New Benchmarks in Cultural Studies]*. Moscow: New Literary Review; 2017. 504 p. (In Russ.).
3. Benjamin V. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosp-roizvodimosti [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction]. Selected Essays*. Moscow: Medium; 1996. (In Russ.).
4. Berger J. *Iskusstvo videt' [Ways of Seeing]*. Saint Petersburg: Klaudberri; 2018. (In Russ.).
5. Boytsova OY. *Lyubitel'skie foto: vizual'naya kul'tura povsednevnosti [Amateur Photos: Visual Culture of Mundanity]*. Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg Press; 2013. 266 p. (In Russ.).
6. Bulgakova O. Telo media i medial'naya bestelesnost' [Media's Body and Media's Incorporeity]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*.

2012;5. Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/telo-media-i-medialnaya-bestelesnost.html> [Accessed 17.04.2019]. (In Russ.).

7. Virilio P. *Mashina zreniya [Machine of Vision]*. Saint Petersburg: Nauka; 2004. 140 p. (In Russ.).

8. Korelina O. Pomnite yaitso, kotoroe ustanovilo rekord po laikam v instagrame? Zhurnalisty nashli tekhn, kto vse eto pridumal [Remember the Egg that Set the Record in Instagram Likes? Journalists Found the People Behind it]. *Meduza*. Website. 04.02.2019. Available from: <https://meduza.io/feature/2019/02/04/pomnite-yaitso-kotoroe-ustanovilo-rekord-po-laykam-v-instagrame-zhurnalisty-nashli-teh-kto-vse-eto-pridumal> [Accessed 10.04.2019]. (In Russ.).

9. Lovink G. *Kriticheskaya teoriya interneta [Critical Theory of Internet]*. Moscow: Ad Marginem Press; 2019. 304 p. (In Russ.).

10. Mazur NN. (ed.) *Mir obrazov. Obrazy mira [World of Images. Images of the World]: Corpus of Visual Culture Studies*. Moscow: Novoye izdatel'stvo; 2018. 544 p. (In Russ.).

11. Mitchell WJ. *Ikonologiya. Obraz. Tekst. Ideologiya [Iconology: Image, Text, Ideology]*. Moscow: Kabinetnyi uchenyi; 2017. (In Russ.).

12. Nabieva A. Oleg Aronson: «My zhivem v mire printsipial'no lozhnykh obrazov» [Oleg Aronson: “We are Living in a World of Fundamentally False Images”]. *Korydor*. Website. 17.06.2015. Available from: <http://www.korydor.in.ua/ua/opinions/oleg-aronson.html> [Accessed 15.04.2019]. (In Russ.).

13. Hesmondhalgh D. *Kul'turnye industrii [The Cultural Industries]*. 2nd ed. Moscow: Higher School of Economics Press; 2018. 456 p. (In Russ.).

14. Boehm G. Die Wiederkehr der Bilder. In: Boehm G. (Hg.) *Was ist ein Bild?* Munchen; 1994. s. 11–38.

15. Kester GH. *Conversation Pieces: Community and Communication in Modern Art*. Oakland, CA: University of California Press Books; 2013. 264 p.

16. Mitchell WJT. *Picture Theory. Essays on Verbal and Visual Representation*. Chicago: University of Chicago Press; 1994. p. 3–34.

17. Foster H. (ed.) *Vision and Visuality (Discussions in Contemporary Culture – 2)*. Seattle: Bay Press; 1988.

18. Walker JA. Visual Culture and Visual Culture Studies. *Art Book*. 1998;5(1): 14.

Submitted 08.08.19 Accepted 10.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J03
УДК 323.2:004.77:32.019.52

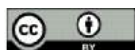
Роль, возможности и ограничения социальных сетей в выстраивании диалога между населением и властью: российская практика

Ольга С. Гилязова,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-6978-1162, e-mail: o.s.giliazova@urfu.ru

Аннотация. В данной статье мы, ориентируясь на исследования специфики интернет-аудитории социальных сетей, проведенные ВЦИОМ, БрендАналитикс, РБК и иными экспертными и информационными сообществами, рассматриваем роль, возможности и ограничения социальных сетей в выстраивании диалога между населением и представителями властных структур. С этой целью мы проводим оценку уровня активности и продуктивности присутствия представителей органов власти и наличия обратной связи с общественностью в таких социальных сетях, как «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook и Instagram. Теоретико-методологической основой статьи является вторичный анализ отечественных и западных публикаций, изучающих специфику соцсетей как платформы гражданской журналистики нового типа. А также – сравнительный анализ методов социологического исследования социально-цифровой активности. Предпочтение чиновниками соцпросов, неэффективных (в отличие от контент-анализа) для мониторинга социально-цифровой активности, способствует недооценке ими уровня популярности «народных» социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники») и ориентации на зарубежные (Facebook и Instagram) или офлайн-коммуникации. Это приводит к недостаточно быстрому реагированию представителей власти на острые проблемы и запросы общества и, как следствие – к распространению фейковой информации (особенно в условиях кризиса и паники). В нейтрализации данных явлений хорошо зарекомендовал себя такой инструмент политического прогнозирования, как автоматизированная система мониторинга (на основе контент-анализа) СМИ «Медialogия». В нашей статье мы, исследуя перспективы ее использования, приходим к выводу о необходимости ее более широкого распространения в практике мониторинга общественного мнения региональными и муниципальными органами власти.

Ключевые слова: медиалогия, социальные сети, органы власти, общественное мнение, фейки, вбросы.

Для цитирования: Гилязова О. С. Роль, возможности и ограничения социальных сетей в выстраивании диалога между населением и властью: российская практика // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире: сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – С. 313–325. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J03.

Social Media's Role, Opportunities and Limitations in Building a Dialogue between the Population and the Authorities: The Russian Practice

Olga S. Gilyazova,
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0002-6978-1162, e-mail: o.s.gilyazova@urfu.ru

Abstract. In this paper, we rely on research of specific features of social media's Internet audience conducted by VCIOM, BrandAnalytics, RBC and other expert and informational communities and consider the social media's role, opportunities and limitations in building a dialogue between the population and authorities' representatives. To this end, we assess the level of activity and productivity of authorities representatives' presence and the existence of feedback from the public on social media like VKontakte, Odnoklassniki, Facebook and Instagram. The paper's theoretical and methodology foundation is the secondary analysis of domestic and Western publications studying specific features of social media as a platform for civil journalism of a new type. Also, we apply comparative analysis of sociological research methods of socio-digital activity. Officials' reliance on opinion polls that are inefficient (unlike content analysis) in terms of monitoring the socio-digital activity leads to their underestimating the popularity level of social media (VKontakte, Odnoklassniki) "loved by the people" and preferring foreign ones (Facebook and Instagram) or offline communications. This causes officials' insufficiently quick reaction to acute problems and public needs and, consequently, distribution of fake information (especially under crisis and panic conditions). Medialogy automated mass media monitoring (content-based) system proved to be a good tool of political forecasting to neutralize these phenomena. In this paper, we research the prospects of its application and make a conclusion on the need of its broader deployment in the practice of public opinion monitoring by regional and municipal authorities.

Keywords: medialogy, social media, bodies of authority, public opinion, fakes, bogus stories.

For citation: Gilyazova OS. Social Media's Role, Opportunities and Limitations in Building a Dialogue between the Population and the Authorities: The Russian Practice. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 313–325. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-J03.

Введение

За последние десятилетия основным инструментом, которым люди пользуются в Интернете и благодаря которым получают большую часть контента, становятся социальные сети, что определяет актуальность их исследования. Изучению социологических причин роста их популярности посвящены труды многих исследователей (напр., [25; 24]). Акцент ставят либо на практических причинах, например на доступе к информации, финансовой выгоде и психологическом благополучии, либо на мотивах социального капитала, таких как доверие, репутация, чувство принадлежности [12; 36; 28]. «Службы социальных сетей (SNS) предоставляют мощные инструменты для генерирования социального капитала, поскольку они позволяют пользователям развивать новые связи и расширять свои персональные сети» [33, p. 16].

В отличие от традиционных СМИ социальные сети – не только канал, но и среда коммуникации. Социальные сети превращаются в платформу гражданской журналистики нового типа (см.: [11]), что вызывает естественную озабоченность властных структур, привыкших иметь дело с традиционной журналистикой. Вызреванию журналистики нового типа (см.: [3]), дрейфу от журналистики факта к журналистике мнений способствуют следующие уникальные черты Сети: «интерактивность, глокальность, сиблированность, оперативность, возможность онлайн-корректировки информации; для общения характерны прямой индивидуальный контакт (форматы один-к-одному, один-ко-многим, многие-к-одному), высокий уровень вовлеченности, значительная личная свобода» [17, с. 11]. Коммуникативная открытость Сети, «эффект присутствия» способствуют доверию к ней. Меняется и роль пользователя: из адресата коммуникации он превращается в ее адресанта. Социальные сети стирают грань между потребителем информации и ее производителем (см.: [1]). Все это накладывает отпечаток на поведение пользователей в социальных сетях и определяет специфику работы с общественным мнением, формируемом на их платформе.

Методы исследования

Теоретико-методологической основой исследования социальных сетей выступают труды таких классиков, как Н. Луман, М. Маклюэн, Э. Тоффлер, М. Кастельс, которые первыми обозначили ориентиры развития новых коммуникаций и их социальные последствия. Их идеи конкретизируются в работах современных отечественных и западных исследователей, изучающих активность пользователей социальных сетей, в том числе в связи с событиями, значимыми для общества (см., напр.: [5; 37; 31]), а также выявляют закономерности диффузии, конкуренции и эволюции мнений в социальных сетях. Изобилие моделей, используемых для анализа борьбы мнений в соцсетях: модель избирателя, модель Аксельрода (Axelrod), модель Шнайда (Sznajd), модель правила большинства и модель теории социального воздействия (см.: [30, р. 2]), – свидетельствует о сложности данной темы, актуальной в контексте изучения проблемы распространения фейков. Ситуацию, при которой «“поддельные новости вытесняют подлинные”, особенно в условиях избытка информации/новостей»¹ [32, р. 54] некоторые ученые называют пост-истиной (см.: [27]), когда люди считают, что эмоции более точны, чем факты [35]. В ситуации пост-истины становятся актуальными исследования по развенчанию фейковых новостей как намеренно созданной дезинформации [26; 34; 29]. Хотя «Facebook и другие компании социальных сетей внесли ряд алгоритмических и политических изменений, чтобы ограничить распространение ложного контента» [23, р. 1], проблема остается актуальной и вызывает тревогу зарубежных и отечественных политиков.

Результаты и обсуждение

Наиболее бурное развитие и рост количества пользователей показали такие отечественные социальные сети, как «Одноклассники» и «ВКонтакте», а также зарубежные Facebook и Instagram. В целом, сог-

¹ Здесь и далее перевод автора.

ласно исследованию ВЦИОМ, 62 % россиян пользуются социальными сетями хотя бы раз в неделю, однако каждая из соцсетей имеет свои особенности [8]. Анализ контингента подписчиков показывает, что российскими социальными сетями пользуются: «ВКонтакте» (имеет наиболее массовую аудиторию, 28 % посещают ежедневно) – в основном молодежь до 25 лет (43,9 %), если же поднять ценз до 35 лет – то уже от 70 % до 77,5 % по разным оценкам [9; 15]. Соцсеть «Одноклассники» занимает второе место по вовлеченности аудитории (19 % посещают ежедневно) и тоже представлена в основном группами до 35 лет, но большая часть ее аудитории – это люди среднего и пожилого возраста (старше 35 лет) – 62 % [8]. Причем, по оценке ВЦИОМ, «распределение аудитории Одноклассников по возрасту – наиболее близкое среди всех социальных сетей к общему распределению интернет-аудитории в России» [8]. Зарубежные же соцсети, такие как Facebook и Instagram (наиболее представленные в рамках российской аудитории), – тоже имеют свои особенности. Так, согласно уточнению ВЦИОМа, «среди пользователей Instagram 38 % – в возрасте 18–24 лет, 37 % – в возрасте 25–34 года (...). Среди аудитории Facebook больше всего людей в возрасте от 35 до 44 лет (28 %) и от 45 до 59 (26 %)» [8].

Проведенные ВЦИОМ исследования российской аудитории социальных сетей выявляют как гендерную разницу: например, Instagram – это типично «женская» социальная сеть (76 %), так и разницу в охвате аудитории по регионам (например, охват Facebook в Свердловской области всего 1,34 %). Различие в технических возможностях и предоставляемых сервисах (наличие развлечений, ограничения по размещению контента и т. п.), а также в охвате различных аудиторий пользователей сформировали определенное «реноме» каждой социальной сети. По оценке сайта БрендАналитикс, «ВКонтакте» – это молодежная развлекательная сеть, «Одноклассники» же больше ориентированы на межличностное общение, Facebook – сеть для деловых контактов, а Instagram – это женские фотоотчеты (определенного рода «глянец») [15]. В целом такие же оценки дают и другие специалисты в сфере работы с социальными сетями [9].

Если традиционные СМИ устроены по принципу «one-way», т. е. односторонней коммуникации, что облегчает контроль над информацией, то «социальные сети устроены иначе, в них нет устойчивых иерархий, нет единого транслирующего центра. Этот принцип коммуникации получил название two-way, т. е. двусторонней коммуникации» [10, с. 173], что способствует их общедоступности, малым подконтрольности и цензурируемости. Но при этом позволяют получать определенного рода поощрения (так, количество подписчиков, лайков, репостов является «мерилом» успеха). Все это порождает у части пользователей желание добиться «успеха» любой ценой: методом размещения лживых новостей, псевдосенсаций и т. п. Это создает определенного рода угрозы и вызовы для властных структур. В этих условиях у действующей власти любого уровня появляются две возможности для нейтрализации опасных и лживых «вбросов», а также для донесения своей позиции.

Во-первых, можно пойти по пути КНДР (где социальная сеть одна и жесточайшим образом цензурируется), КНР, Туркменистана; во-вто-

рых, можно предпочесть путь открытости и быть представленным на равных с обычными пользователями.

РФ в лице властных институтов пытается идти по второму пути. Так, «о большом внимании государства к социальным медиа говорят и планы «Единой России» по созданию специального сайта-агрегатора новостей официальных аккаунтов депутатов из числа партийцев, а также связанной с ними информации сторонних пользователей. Таким образом, пользователи смогут получить потенциально новый канал взаимодействия с властью, а также обеспечить виртуальную “неотрывность” федеральных законодворцев от регионов» [4, с. 87].

Впрочем, стремление встать на рельсы первого пути можно наблюдать в ряде недавно принятых федеральных законов. Это, прежде всего, федеральные законы от 18.03.2019 № 30-ФЗ [21] и № 31-ФЗ [22], корректирующие Федеральный закон от 27.07.2016 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [18], а также Федеральные законы № 27-ФЗ [19] и № 28-ФЗ [20], по которым вносятся изменения в КоАП РФ (штрафы за нарушения вышеназванных законов № 30-ФЗ и № 31-ФЗ). Суть и назначение данных законов, подписанных Президентом в один день, – в очистке СМИ, в том числе и Интернета, от заведомо недостоверной информации (т. н. фейковых новостей), а также от оскорблений в неприличной форме государства (и его символики), органов государственной власти, общества и конституции. Наличие отдельных случаев неверной правоприменительной практики, обусловленной злоупотреблением нормами данных ФЗ, вызвало необходимость уточнить позицию Кремля по этому вопросу. Как заявил журналистам пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков, «в нем (№ 30-ФЗ) идет речь об оскорблении символов власти, символов государственности и в данном случае это никак не может проецироваться на критику представителей власти» [14].

Если еще недавно в качестве достижений преподносилось наличие сайтов отдельных органов власти, принятие программ «открытого правительства», соответствующих «дорожных карт», то сейчас появилась навязчивая рекомендация чиновникам быть представленными в социальных сетях. С этой целью для них уже разработаны соответствующие обучающие процедуры. Как пишет РБК со ссылкой на источник, близкий к Администрации Президента РФ, «институт развития Интернета будет учить региональных чиновников реагировать на негатив в соцсетях (...). Руководителей входящих в округ регионов и их подчиненных будут учить работать с соцсетями, в частности вести официальные группы регионов, отвечать на жалобы и обращения пользователей, работать в условиях ЧС. Подобная работа экспертов из федерального центра велась с региональными властями и раньше, в том числе в период избирательных компаний, но не была официальной» [16].

Были разработаны и соответствующие инструменты для выявления и анализа поступающих вызовов, озвучиваемых в соцсетях бедах и проблемах граждан. Например, в конце 2017 года основной поставщик каналов связи органам власти ПАО «Ростелеком» осуществил за 8,5 млн рублей закупку у единственного поставщика прав доступа к системе мониторинга упоминаний и обработки обращений в социальных сетях и ugc-площадках (модуль «Инцидент» системы «Электронный офис», разработанной ООО «Медиалогия») [6]. Закупка была предназначена

для постоянного мониторинга практически всех регионов, что и производится на данный момент самим ПАО «Ростелеком» (но не региональными и муниципальными чиновниками; как можно предположить – это один из каналов контроля сотрудниками АП Президента РФ). Как сообщает информационный портал «РБК», это был определенного рода пилотный проект, и сейчас, до середины 2019 года, модуль «Инцидент» будет использоваться и всеми органами власти, причем его использование будет контролироваться представителями АП Президента РФ: «Кремль инициировал запуск программы отслеживания реакции региональных властей на жалобы россиян в социальных сетях... Мониторинг осуществляется по ключевым словам. Его результаты попадают к региональному администратору. Как правило, это сотрудник информационного управления правительства региона, и он решает, какие сообщения нуждаются в ответе властей. Их сортируют по профилям на уровне региональных министерств или муниципалитетов – в зависимости от масштаба проблемы. Те должны ответить на сообщение в соцсети. Ответ автоматически приходит региональному администратору в рамках “Инцидента”» [2]. Необходимость данной программы ярко продемонстрировали примеры с трагедией в городе Кемерово, когда на протяжении длительного (по мнению пользователей соцсетей) времени отсутствовала официальная информация. Такой информационный вакуум во многом способствовал распространению «фейков» о причинах и последствиях пожара (прежде всего, о количестве жертв) в «Зимней вишне» и позволил многим усомниться в компетенции действующей власти. Из произошедшего власти вынесли уроки, но реализация сильно запоздала, что показала предновогодняя трагедия (31.12.2018) в Магнитогорске: хотя пресс-служба губернатора Челябинской области постоянно выдавала текущую информацию в социальные сети, однако молчание про взорвавшийся микроавтобус-газель фактически свело к нулю все попытки опровергнуть версию теракта.

Если обратиться к реалиям Свердловской области (СО), то можно заметить, что региональные власти не оставляют без внимания социальные сети. Так, 01 октября 2018 г. правительство СО посредством ГАУ СО «Информационно-аналитический центр» разместило тендер на сумму более 2,5 млн рублей на оказание услуг по проведению социологического исследования на тему «Оценка аудиторией региональных и местных средств массовой информации Свердловской области», в котором наибольшее внимание было уделено соцсетям [7]. Благодаря реализации данной закупки были исследованы местные группы, выявлены лидеры общественного мнения, активные пользователи в нескольких городах нашего региона. Однако данное исследование, хотя и позволяет отчитаться в проведении мониторинга, но сам факт его выполнения с помощью опроса на улицах, а не в соцсетях, на которые и направлено исследование, вряд ли даст корректно достичь его цели. Ведь само место исследования (улицы вместо соцсетей) способствует определенной подмене объекта исследования. О репрезентативности выборки в таком случае трудно говорить, тем более что ее проверка, согласно условиям тендера, возложена на заинтересованное лицо – на самого «Исполнителя».

Таким образом, можно сделать вывод, что был использован лишний, по сути, инструмент, так как вместо покупки прав на модуль «Инцидент» (позволяющий постоянно осуществлять мониторинг вызовов)

была проведена не менее дорогая, но разовая акция (фактически без гарантий репрезентативности исследования). В то же время применение модуля «Инцидент» было бы более эффективно: он позволяет исследовать большую часть РФ с одновременным онлайн-перебором более 650 тыс. страниц активных пользователей соцсетей. И на этот модуль по факту тратится намного меньше средств, чем на соцпросы сотен горожан всего восьми муниципальных образований Свердловской области (см. технические задания обеих закупок). Уместнее было бы использовать преимущества новых инструментов, которые дают возможность реально выявлять активных пользователей и устанавливать их роль в коммуникации в качестве комментаторов, читателей, поставивших «лайк» или сделавших репост и т. п. Во время традиционных соцпросов респондент может и солгать, сказать то, что удобно слышать интервьюеру, тем более что иногда предлагается денежное вознаграждение за опрос. Зачем пренебрегать возможностями современных информационных технологий, учитывая, что сейчас их инструментарий позволяет напрямую исследовать объект исследования, а не косвенно – через описание совершаемых действий в социальных сетях?

По итогам проведенного разового мониторинга губернатор СО Е. В. Куйвашев потребовал от членов правительства СО осваивать соцсети, а не ограничиваться офлайновой коммуникацией. Однако, исполняя его поручение, многие члены правительства СО, включая самого губернатора, не учитывают различия аудиторий, охвата и сложившегося реноме различных соцсетей. И в итоге они представлены преимущественно в «глянцевом» Instagram или Facebook (который хоть и имеет реноме в качестве площадки для делового общения, но характеризуется крайне низким охватом в Свердловской области). Таким образом, в определенном смысле получается элитарный междусобойчик (см.: [13]). В свою очередь депутаты, главы городских округов, муниципалитетов также недостаточно представлены в «народных» соцсетях (которые как раз имеют большой охват разноплановой аудитории).

И на муниципальном уровне (учитывая, что МО в нашей области более восьмидесяти) не все чиновники торопятся выполнять поручение губернатора, тем более что они зачастую вообще не представлены в какой-либо социальной сети. Как следствие, руководители города и их пресс-службы вынуждены обращаться к крупным «народным» публичам, таким как, например, «Типичный Асбест» (более 30 тыс. подписчиков), к «Народному телевидению Асбеста» (более 10 тыс. реальных пользователей) с просьбой выявить подлинное мнение населения. Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что на данный момент многие представители власти на региональном и муниципальном уровнях не владеют самым главным: пониманием того, где происходит обсуждение населением важных и социально значимых событий, где необходима «мгновенная реакция».

Выводы

Прежде чем обязывать сотрудников правительства области вступать в онлайн-коммуникации с населением, стоит проанализировать, какая сеть охватывает большинство избирателей, откуда идет большинство сигналов и где происходит живое обсуждение. И тогда наглядно будет продемонстрировано, что львиная доля онлайн-общения происходит отнюдь не через «Instagram», а через «Одноклас-

сников» и «ВКонтакте». Недаром и на муниципальном уровне власти вынуждены просить помощи у тех групп в «народных» соцсетях, которые имеют большое количество подписчиков. Исходя из этого, рекомендуем органам власти обратить внимание на уже имеющийся удачный опыт других структур в использовании модуля «Инцидент» – тем более что действующее российское законодательство прямо показало, что оно не стремится применять данный модуль для установления цензуры, а, скорее, направлено на прямо противоположное – на быструю реакцию на выявляемые проблемы и угрозы.

«Инцидент» изначально создавался для оперативного реагирования на острые темы, которые поднимаются пользователями соцсетей. Для этого программа отбирает значимую информацию: жалобы, отзывы, негативные сообщения, вопросы, благодарности и т. п. Применяет иной метод социологического исследования, нежели опрос, а именно – контент-анализ. Обосновывая действенность и актуальность модуля «Инцидент» и ссылаясь на источник, близкий к Кремлю, РБК пишет: «Необходимость уделять больше внимания реакции на негативные для власти сообщения в соцсетях стала очевидна после всплеска комментариев в связи с трагедией в кемеровской «Зимней вишне» и ситуации вокруг мусорного полигона в Волоколамске... Власти регионов продемонстрировали неспособность адекватно реагировать на всплески недовольства в Интернете, а Администрации Президента надоело бороться с последствиями некомпетентности местных чиновников...» [2].

На данный же момент использование дорогих и зачастую устаревших инструментов для выявления площадок, где озвучиваются возникающие проблемы (не говоря уже о чем-то большем), приводит к тому, что органы власти нередко узнают последними о сформировавшемся общественном мнении. Это приводит к задержкам в решении проблем и устранении угроз и ставит сами власти в положение «виноватых» и «оправдывающихся». Таким образом, можно сделать вывод, что в связи с предпочтением офлайн-коммуникаций, неготовностью использовать новейший инструментарий и нежеланием обращаться к «народным» социальным сетям, которые рассматриваются экспертными сообществами как наиболее эффективные каналы политической коммуникации в Сети, диалог между представителями власти и населением оказывается затрудненным.

Диалог с населением необходимо вести на площадках, удобных и привычных именно для населения, а не только для самих представителей власти, причем им необходимо самим вступать в диалог, и при этом максимально оперативно.

Информация об авторе

Ольга Сергеевна Гилязова, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Olga S. Gilyazova, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Sociology and Technology, Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Анохов И. В. От средств массового вещания к средствам массового соучастия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 4. С. 482–495. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4).482-495.

2. Антонова Е., Дергачев В. Как Кремль будет реагировать на жалобы в соцсетях // РосБизнесКонсалтинг. 23.07.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/07/2018/5b50d1579a7947c62c195e8b?from=main> (дата обращения: 28.06.2019).
3. Варганова Е. Л. Новые медиа как фактор модернизации СМИ // Информационное общество. 2008. № 5–6. С. 37–39.
4. Губанов А. В., Зотов В. В. Социальные сети как новый инструмент государственного и муниципального управления в Российской Федерации // Коммуникология. 2017. Т. 5, № 4. С. 83–92. DOI 10.21453/2311-3065-2017-5-4-83-92.
5. Ермолаев В. П. Социальная сеть ВКонтакте как современный канал политической коммуникации // Социум и власть. 2017. № 3 (65). С. 63–73.
6. Закупка № 31705878017 : Закупка прав доступа к системе мониторинга упоминаний и обработки обращений в социальных сетях и ugc-площадках (модуль «Инцидент» системы «Электронный офис», разработанной ООО «Медиа-диалогия» // [Zakupki.gov.ru](http://zakupki.gov.ru) : [сайт]. 13.12.2017. URL: <http://zakupki.gov.ru/223/purchase/public/purchase/info/common-info.html?purchaseId=6056123&purchaseMethodType=IS> (дата обращения: 28.06.2019).
7. Закупка № 31806981285 : Оказание услуг по проведению социологического исследования на тему «Оценка аудиторией региональных и местных средств массовой информации Свердловской области» // [Zakupki.gov.ru](http://zakupki.gov.ru) : [сайт]. 01.10.2018. URL: <http://zakupki.gov.ru/223/purchase/public/purchase/info/documents.html?regNumber=31806981285> (дата обращения: 28.06.2019).
8. Каждому возрасту – свои сети : пресс-выпуск № 3577 // ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения). 12.02.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (дата обращения: 28.06.2019).
9. Котова Т. Особенности создания публикаций для разных социальных сетей // Нетология. 18.08.2017. URL: <https://netology.ru/blog/smm-differences> (дата обращения: 28.06.2019).
10. Крыштановская О. В., Филиппова А. М. Исследования политической коммуникации: государство и социальные сети // Вестник университета (государственный университет управления). 2018. № 6. С. 171–176. DOI 10.26425/1816-4277-2018-6-171-176.
11. Мансурова В. Д. Роль «народной журналистики» в публичном коммуникативном взаимодействии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2012. Т. 11, № 6. С. 44–47.
12. Молоковский Д. С., Нездюров А. Л. Перспективы использования автоматизированной системы мониторинга СМИ и медиа-анализа «Медиа-диалогия» для политического прогнозирования // Перспективы развития информационных технологий. 2014. № 20. С. 56–67.
13. Ольшанников А. Нерадивых чиновников в свердловском правительстве стало на одного меньше // Ura.ru : информационное агентство. 18.01.2019. URL: <https://ura.news/news/1052368118> (дата обращения: 28.06.2019).
14. Песков: закон об оскорблении госсимволов не должен распространяться на критику чиновников // ТАСС : информационное агентство. 27.06.2019. URL: <https://tass.ru/politika/6599870> (дата обращения: 28.06.2019).
15. Социальные сети в России: Цифры и тренды, осень 2018 // Brand Analytics. 04.12.2018. URL: <https://br-analytics.ru/blog/socseti-v-rossii-osen-2018/> (дата обращения: 28.06.2019).
16. Толстоухова Н. Чиновников научат вести себя в соцсетях // Российская газета. 30.01.2019. URL: <https://rg.ru/2019/01/30/chinovnikov-nauchat-vesti-sebia-v-socsetiah.html> (дата обращения: 28.06.2019).
17. Шилина М. Г. Медиакоммуникация: тенденции трансформации. Новые парадигмы исследований массовых коммуникаций // Медиаскоп. 2009. Вып. № 3. 17 с.
18. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) //

КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 28.06.2019).

19. Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (последняя редакция) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320399/ (дата обращения: 28.06.2019).

20. Федеральный закон от 18.03.2019 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (последняя редакция) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320403/ (дата обращения: 28.06.2019).

21. Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320400/ (дата обращения: 28.06.2019).

22. Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ (дата обращения: 28.06.2019).

23. Allcott H., Gentzkow M., Yu C. Trends in the diffusion of misinformation on social media // *Research and Politics*. 2019. Vol. 6 (2). P. 1–8. DOI: 10.1177/2053168019848554.

24. Boyd D. *It's Complicated: the Social Lives of Networked Teens*. New Haven ; London : Yale University Press, 2014. 296 p.

25. Boyd D. Taken Out of Context: American Teen Sociality in Networked Publics // SSRN. 09.12.2008. DOI: 10.2139/ssrn.1344756.

26. Colliander J. «This is fake news»: Investigating the role of conformity to other users' views when commenting on and spreading disinformation in social media // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 7. P. 202–215. DOI: 10.1016/j.chb.2019.03.032.

27. Cooke N. A. *Fake news and alternative facts: Information literacy in a post-truth era*. Chicago, IL : ALA Editions, 2018. 56 p.

28. Ellison N. B., Vitak J., Gray R., Lampe C. J. Cultivating social resources on social network sites: facebook relationship maintenance behaviors and their role in social capital processes // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2014. Vol. 19 (4). P. 855–870. DOI: 10.1111/jcc4.12078.

29. Flynn D. J., Nyhan B., Reifler J. The nature and origins of misperceptions: Understanding false and unsupported beliefs about politics // *Political Psychology*. 2017. Vol. 38(S1). P. 127–150. DOI: 10.1111/pops.12394.

30. Hu H. Competing opinion diffusion on social networks // *Royal Society Open Science*. 2017. Vol. 4, Issue 11. DOI: 10.1098/rsos.171160.

31. Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the World, Unite! The Challenges and Opportunities of Social Media // *Business Horizons*. 2010. Vol. 53(1). P. 59–68. DOI: 10.1016/j.bushor.2009.09.003.

32. Kovacic B. Gresham's Law and News in a Post-Truth World // *Asia Pacific Media Educator*. 2019. Vol. 29 (1). P. 54–57. DOI: 10.1177/1326365X19838926.

33. Kwak D., Kim W. Understanding the process of social network evolution: Online-offline integrated analysis of social tie formation // *PLoS ONE*. 2017. Vol. 12(5): e0177729. DOI: 10.1371/journal.pone.0177729.

34. Lazer D. M. J. et al. The Science of Fake News // *Science*. 2018. Vol. 359(6380). P. 1094–1096. DOI: 10.1126/science.aao2998.

35. McIntyre L. *Post-truth*. Cambridge, MA : The MIT Press, 2018. 240 p.

36. Steinfield C., Ellison N. B., Lampe C. Social capital, self-esteem, and use of online social network sites: A longitudinal analysis // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2008. Vol. 29(6). P. 434–445. DOI: 10.1016/j.appdev.2008.07.002.

37. Theocharis Y., Lowe W., van Deth J. W. Using Twitter to mobilize protest action: online mobilization patterns and action repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi movements // *Information, Communication and Society*. 2015. Vol. 18(2). P. 202–220. DOI: 10.1080/1369118X.2014.948035.

Статья поступила в редакцию: 01.07.19

Принята к публикации: 15.10.19

References

1. Anokhov IV. Ot sredstv massovogo veshchaniya k sredstvam massovogo souchastiya [From Mass Broadcasting Media to Mass Co-Participation Media]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Issues of Journalism Theory and Practice*. 2017;6(4): 482–495. Available from: doi:10.17150/2308-6203.2017.6(4).482–495. (In Russ.).

2. Antonova E, Dergachev V. Kak Kreml' budet reagirovat' na zhaloby v sotssetyakh [How Kremlin is Going to React to Complaints on Social Media]. *RosBusinessConsulting*. Website. 23.07.2018. Available from: <https://www.rbc.ru/politics/23/07/2018/5b50d1579a7947c62c195e8b?from=main> [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

3. Vartanova EL. Novye media kak faktor modernizatsii SMI [New Media as a Factor of Mass Media Modernization]. *Informatsionnoe obshchestvo = Information Society*. 2008;5-6: 37–39. (In Russ.).

4. Gubanov AV, Zotov VV. Sotsial'nye seti kak novyi instrument gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v Rossiiskoi Federatsii [Social Media as a New Tool of Federal and Municipal Governance in the Russian Federation]. *Kommunikologiya = Communicology*. 2017;5(4): 83–92. Available from: doi:10.21453/2311-3065-2017-5-4-83-92. (In Russ.).

5. Ermolaev VP. Sotsial'naya set' VKontakte kak sovremennyy kanal politicheskoi kommunikatsii [VKontakte Social Media as a Current Channel of Political Communication]. *Sotsium i vlast' = Society and Power*. 2017;3(65): 63–73. (In Russ.).

6. Bid No. 31705878017: Zakupka prav dostupa k sisteme monitoringa upominanii i obrabotki obrashchenii v sotsial'nykh setyakh i ugc-ploshchadkakh (modul' «Intsident» sistemy «Elektronnyi ofis», razrabotannoi OOO «Medialogiya») [Purchasing access rights to a system for monitoring mentions and processing addresses on social media and UGC venues (“Incident” module of “E-Office” system developed by Medialogy LLC)]. *Zakupki.gov.ru*. Official website. 13.12.2017. Available from: <http://zakupki.gov.ru/223/purchase/public/purchase/info/common-info.html?purchaseId=6056123&purchaseMethodType=IS> [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

7. Bid No. 31806981285: Okazanie uslug po provedeniyu sotsiologicheskogo issledovaniya na temu «Otsenka auditoriei regional'nykh i mestnykh sredstv massovoi informatsii Sverdlovskoi oblasti» [Rendering services on conducting an opinion poll on “Assessment of regional and local mass media in the Sverdlovsk Oblast by the audience”]. *Zakupki.gov.ru*. Official website. 01.10.2018. Available from: <http://zakupki.gov.ru/223/purchase/public/purchase/info/documents.html?regNumber=31806981285> [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

8. VCIOM [Russian Public Opinion Research Center]. *Kazhdomu vozrastu – svoi seti [Each Age to Their Own Media]: press release No. 3577*. 12.02.2018. Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

9. Kotova T. Osobennosti sozdaniya publikatsii dlya raznykh sotsial'nykh setei [Features of Creating Publications for Various Social Media]. *Netologiya [Netology]*. Website. 18.08.2017. Available from: <https://netology.ru/blog/smm-differences> [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

10. Kryshchanovskaya OV, Filippova AM. Issledovaniya politicheskoi kommunikatsii: gosudarstvo i sotsial'nye seti [Research of Political Communication: State and Social Media]. *Vestnik universiteta (gosudarstvennyi universitet upravleniya) = University Bulletin (State University of Management)*. 2018;6: 171–176. Available from: doi:10.26425/1816-4277-2018-6-171-176. (In Russ.).

11. Mansurova VD. Rol' «narodnoi zhurnalistiki» v publichnom kommunikativnom vzaimodeistvii [Role of “Citizen Journalism” in Public Communicative Interaction]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Istoriya, filologiya = Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, Philology*. 2012;11(6): 44–47. (In Russ.).

12. Molokovsky DS, Nezdyurov AL. Perspektivy ispol'zovaniya avtomatizirovannoi sistemy monitoringa SMI i media-analiza «Medialogiya» dlya politicheskogo prognozirovaniya [Prospects of Using Medialogy Automated Mass Media Monitoring and Media Analysis System for Political Forecasting]. *Perspektivy razvitiya informatsionnykh tekhnologii = Prospects of Information Technology Development*. 2014;20: 56–67. (In Russ.).

13. Olshannikov A. Neradivnykh chinovnikov v sverdlovskom pravitel'stve stalo na odnogo men'she [One Negligent Official Fewer in the Sverdlovsk Government]. *Ura.ru*. Website. 18.01.2019. Available from: <https://ura.news/news/1052368118> [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

14. TASS: information agency. *Peskov: zakon ob oskorblenii gossimvolov ne dolzhen rasprostranyat'sya na kritiku chinovnikov [Peskov: Law on Contempt of National Symbols Should Not be Applied to Criticism of Officials]*. 27.06.2019. Available from: <https://tass.ru/politika/6599870> [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

15. Brand Analytics: website. *Sotsial'nye seti v Rossii: Tsifry i trendy, osen' 2018 [Social Media in Russia: Numbers and Trends, Fall 2018]*. 04.12.2018. Available from: <https://br-analytics.ru/blog/socseti-v-rossii-osen-2018/> [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

16. Tolstoukhova N. Chinovnikov nauchat vesti sebya v sotssetyakh [Officials Will Be Taught Social Media Behavior]. *Rossiyskaya Gazeta*. 30.01.2019. Available from: <https://rg.ru/2019/01/30/chinovnikov-nauchat-vesti-sebia-v-socsetiah.html> [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

17. Shilina MG. Mediakommunikatsiya: tendentsii transformatsii. Noveye paradigmy issledovaniya massovykh kommunikatsii [Media Communication: Transformational Trends. New Paradigms of Mass Communication Research]. *Mediascope = Mediascope*. 2009;3. (In Russ.).

18. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ (the most recent revision). *Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii [On information, information technology and information security]*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

19. Federal Law of 18.03.2019 No. 27-FZ (the most recent revision). *O vnesenii izmenenii v Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh [On introducing changes in the Code of Administrative Offences of the Russian Federation]*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320399/ [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

20. Federal Law of 18.03.2019 No. 28-FZ (the most recent revision). *O vnesenii izmenenii v Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh [On introducing changes in the Code of Administrative Offences of the Russian Federation]*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320403/ [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

21. Federal Law of 18.03.2019 No. 30-FZ (the most recent revision). *O vnesenii izmeneniy v Federal'nyi zakon «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii [On introducing changes in Federal Law “On information, information technology and information security”]*. Available

from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320400/ [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

22. Federal Law of 18.03.2019 No. 31-FZ (the most recent revision). *O vnesenii izmenenii v stat'yu 15.3 Federal'nogo zakona «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii [On introducing changes in article 15.3, Federal Law “On information, information technology and information security”]*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).

23. Allcott H, Gentzkow M, Yu C. Trends in the diffusion of misinformation on social media. *Research and Politics*. 2019;6(2): 1–8. Available from: doi:10.1177/2053168019848554.

24. Boyd D. *It's Complicated: the Social Lives of Networked Teens*. New Haven: Yale University Press; 2014. 296 p.

25. Boyd D. Taken Out of Context: American Teen Sociality in Networked Publics. *SSRN*. 09.12.2008. Available from: doi:10.2139/ssrn.1344756.

26. Colliander J. “This is fake news”: Investigating the role of conformity to other users' views when commenting on and spreading disinformation in social media. *Computers in Human Behavior*. 2019;7: 202–215. Available from: doi:10.1016/j.chb.2019.03.032.

27. Cooke NA. *Fake news and alternative facts: Information literacy in a post-truth era*. Chicago: ALA Editions; 2018. 56 p.

28. Ellison NB, Vitak J, Gray R, Lampe CJ. Cultivating social resources on social network sites: facebook relationship maintenance behaviors and their role in social capital processes. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2014;19(4): 855–870. Available from: doi:10.1111/jcc4.12078.

29. Flynn DJ, Nyhan B, Reifler J. The nature and origins of misperceptions: Understanding false and unsupported beliefs about politics. *Political Psychology*. 2017;38(S1): 127–150. Available from: doi:10.1111/pops.12394.

30. Hu H. Competing opinion diffusion on social networks. *Royal Society Open Science*. 2017;4(11). Available from: doi:10.1098/rsos.171160.

31. Kaplan AM, Haenlein M. Users of the World, Unite! The Challenges and Opportunities of Social Media. *Business Horizons*. 2010;53(1): 59–68. Available from: doi:10.1016/j.bushor.2009.09.003.

32. Kovacic B. Gresham's Law and News in a Post-Truth World. *Asia Pacific Media Educator*. 2019;29(1): 54–57. Available from: doi:10.1177/1326365X19838926.

33. Kwak D, Kim W. Understanding the process of social network evolution: Online-offline integrated analysis of social tie formation. *PLoS ONE*. 2017;12(5): e0177729. Available from: doi:10.1371/journal.pone.0177729.

34. Lazer DMJ, et al. The Science of Fake News. *Science*. 2018;359(6380): 1094–1096. Available from: doi:10.1126/science.aao2998.

35. McIntyre L. *Post-truth*. Cambridge: The MIT Press; 2018. 240 p.

36. Steinfield C, Ellison NB, Lampe C. Social capital, self-esteem, and use of online social network sites: A longitudinal analysis. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2008;29(6): 434–445. Available from: doi:10.1016/j.appdev.2008.07.002.

37. Theocharis Y, Lowe W, van Deth JW. Using Twitter to mobilize protest action: online mobilization patterns and action repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi movements. *Information, Communication and Society*. 2015;18(2): 202–220. Available from: doi:10.1080/1369118X.2014.948035.

Submitted 01.07.19 Accepted 15.10.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J04
УДК 323.23:81'42

Особенности смысловой структуры политических предвыборных PR-публикаций

Элина В. Булатова,
Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0003-4797-1288, e-mail: elina2824@yandex.ru

Аннотация. Период выборов характеризуется существенным увеличением потока сообщений, адресованных электорату. Значительная часть этих сообщений является новостными PR-публикациями, имеющими ряд структурно-содержательных особенностей, описание которых с помощью комплексного подхода с использованием лингвостилистического и дискурсивного анализов текста представляется необходимым для оценки воздействующего потенциала политического дискурса.

В предвыборных PR-публикациях, моделирующих сообщения в рамках не-прямой коммуникации, формируется диадная смысловая структура, проявляющаяся в присутствии в логической схеме текста двух главных мыслей и двух аналитических оценок представленных ситуаций, соответствующих двум интенциям адресанта – эксплицитной и имплицитной. Эксплицитные элементы связаны с представлением информационного повода публикации, имплицитные создают благоприятный образ базисного субъекта PR и содержат рекомендации электорального характера. Подобное двойственное построение смысловой структуры медиатекста рассматривается в практике литературного редактирования как дефектное, однако для политических предвыборных PR-текстов оно является своеобразной прагматической нормой.

Другой особенностью смысловой структуры указанных материалов является семантическая неопределенность ряда компонентов и/или неопределенность логической связи между ними.

Отступление от постулатов Г. П. Грайса – продуцирование имплицитных смыслов и семантически неопределенных элементов – производится в расчете на воздействующий эффект, оценка которого определяет перспективу дальнейшего исследования новостных PR-текстов предвыборного дискурса.

Ключевые слова: смысловая структура текста, политический дискурс, политический PR, не-прямая коммуникация.

Для цитирования: Булатова Э. В. Особенности смысловой структуры политических предвыборных PR-публикаций // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 326–334. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J04.

Features of Sense-Bearing Structure of Political Pre-Election PR Publications

Elina V. Bulatova,
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-4797-1288, e-mail: elina2824@yandex.ru

Abstract. An election period involves a substantial growth in the flow of messages addressed to voters. News PR publications constitute a significant share of these messages; they have a number of structural and content features whose description with a comprehensive approach using linguo-stylistic and discursive textual analysis seems necessary to assess the political discourse's impact potential.

Pre-election PR publications modeling messages within non-direct communication include a dyadic sense-bearing structure evidenced by the presence of two main thoughts and two analytical estimates of the presented situations in the text's logical pattern, corresponding to two addresser's intentions – the explicit and the implicit one. Explicit elements have to do with the presentation of the publication's newsworthy event; the implicit ones create a favorable image of the basic PR subject and contain recommendations of electoral nature. Such dual construction of media text's sense-bearing structure is considered to be defective in the practice of literary editing but it is a certain pragmatic norm for political pre-election PR texts. Another feature of the abovementioned materials' sense-bearing structure is the semantic uncertainty of a number of components and/or uncertainty of the logical links between them.

Abandoning H. P. Grice's premises – producing implicit meanings and semantically uncertain elements – has the purpose of creating an impacting effect whose assessment determines the prospects of subsequent research of news PR texts within the pre-election discourse.

Keywords: sense-bearing textual structure, political discourse, political PR, non-direct communication.

For citation: Bulatova EV. Features of Sense-Bearing Structure of Political Pre-Election PR Publications. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 326–334. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-J04.

Введение

Одним из известных постулатов Г. П. Грайса является требование ясной манеры изложения, предполагающее необходимость упорядочивать сообщение, быть кратким, избегать неточности, неоднозначности [14, p. 45–47]. Л. М. Майданова также называет требования понятности и информативной новизны важнейшими требованиями к речи [4, с. 13]. Несмотря на то что постулаты Г. П. Грайса «слишком часто нарушаются», что свидетельствует, по мнению Н. И. Формановской, о том, что они являются «несколько идеализированными» [9, с. 51], аудитория заинтересована в получении актуальной «качественной» информации. Большое значение приобретает такая информация для электората в период политической борьбы – борьбы за власть. Лексема *власть* означает: 1. Право управления государством, политическое господство. 2. Органы государственного управления, правительство. || мн. ч. (власти). Должностные лица, начальство. 3. Право и возможность распоряжаться, повелевать, управлять кем-, чем-либо. 4. Могущество, гос-

подство, сила [6, с. 184]. *Политика* (гр. *politike* – искусство управления государством) характеризуется как деятельность общественных классов, партий, групп, определяемая их интересами и целями, а также деятельность органов государственной власти и государственного управления, выражающая социально-экономическую природу данного общества [5, с. 390]. Специфика политического дискурса рассматривалась многими исследователями (Е. И. Шейгал, Теун А. van Dijk и др.), однако ряд аспектов нуждается в уточнении. Комплексный подход с использованием лингвостилистического и дискурсивного **методов анализа текста** позволил описать характер смысловой структуры политических сообщений в свете интенций адресанта.

Объектом нашего рассмотрения явились тексты, написанные в рамках предвыборных кампаний. Это тексты PR-дискурса, обладающие, по А. Д. Кривоносову, признаками инициированности, оптимизированности и селективности [2, с. 33]. Об инициированности свидетельствует факт заказа и оплаты материалов. Признаки оптимизированности и селективности можно обнаружить с помощью анализа смысловой структуры медиатекста, которая в политических PR-публикациях имеет ряд особенностей, обусловленных непрямым характером коммуникации.

Непрямая коммуникация предполагает сознательное продуцирование адресантом имплицитных смыслов в расчете на их считывание адресатом. В. В. Дементьев описывает непрямую коммуникацию как коммуникацию содержательно осложненную, в которой понимание сообщения включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи несводимо к простому узнаванию знака. Итоговый смысл высказывания выводится слушающим, и для этого оказывается недостаточно одних правил языка [1, с. 4, 25, 44]. При этом передача нескольких коммуникативных смыслов происходит одновременно – согласно В. В. Дементьеву, это один из наиболее существенных признаков не прямой коммуникации, – а текст строится так, чтобы при множестве возможных продуцируемых адресатом смыслов не был забыт главный [1, с. 16, 126]. Немаловажно, что имплицитные смыслы обладают значительным воздействующим потенциалом. По мнению Е. Г. Толкуновой, суггестивный потенциал имплицитной информации объясняется многозначностью возможных интерпретаций, нечеткостью продуцируемого адресатом образа, не критичностью выводного знания, его личностным смыслом, поскольку восстановление имплицитного содержания происходит на основе собственной картины мира воспринимающего, в зависимости от его информационных потребностей [8, с. 54–55].

Текст не прямой коммуникации, включающий имплицитные смыслы, имеет, по В. В. Дементьеву, семиотическую модель диады. Члены диады представляют интенциональное состояние говорящего (план означаемого). «Означаемое» включает основную и дополнительные интенции говорящего, обуславливающие выбор определенной формы, а также «программу» ее интерпретации в данных обстоятельствах [1, с. 16, 75]. В политических PR-текстах, построенных по модели не прямой коммуникации, дополнительная интенция имеет открытый, явный характер, основная – скрытый. Учет «обстоятельств» создания текста

в данном случае является первоочередной коммуникативной задачей, поскольку, как указывает Т. А. ван Дейк, для описания и понимания жанров политического дискурса прежде всего необходимо учитывать контекст. Политический дискурс в первую очередь определяется не темой или стилем, а тем, кто с кем говорит, как, по какому поводу и с какими целями [12, р. 224]. Учет контекста – процесс реконтекстуализации соответствует, по мысли Д. Герартса, текущему, функционально-когнитивному периоду развития современной лингвистики, для которого характерно доминирование функции и смысла над формой, лексики – над синтаксисом, сферы употребления языка над лингвистической системой, приобретаемых характеристик над постоянными, изменчивости языка над его универсальностью, эмпирических наблюдений над интроспекцией [13, р. 41].

Результаты и обсуждение

Обратимся к характеристике новостных предвыборных PR-публикаций, яркой особенностью которых является диадный характер их смысловой структуры, проявляющийся в наличии двух главных мыслей (далее – ГМ) и двух аналитических оценок ситуации – выводов (далее – АОС) – эксплицитной и имплицитной. Эксплицитные ГМ и АОС связаны с репрезентацией информационного повода публикации. Имплицитная ГМ представляет базисный субъект PR в положительном свете, формирует благоприятное для него информационное поле, имплицитная АОС содержит рекомендации электорального характера.

Рассмотрим в качестве примера PR-заметку «Школа XXI века в округе Александра Иванова», опубликованную в издании «На смену!» – «информационном бюллетене кандидата в губернаторы Кировградской области Александра Иванова», на 4-й странице которого содержится информация о том, что бюллетень изготовлен по заказу кандидата на должность губернатора и оплачен из средств его избирательного фонда. Заметка имеет креолизованный характер: содержит, помимо вербальной части, две фотографии, на которых Александр Иванов (имена собственные изменены) запечатлен на пороге школы и в классе около карты Франции. Представим смысловую структуру публикации, анализ которой проведен с использованием методики, предложенной Л. М. Майдановой [3].

ГМ 1: 18 августа состоялось торжественное открытие после реконструкции французской гимназии № 32, которую можно назвать школой XXI века (выражена вербально и визуально, эксплицитно).

ФОН 1 (подводка к теме) к ГМ 2: Александр Иванов на крыльце школы (выражен визуально).

ГМ 2: Александр Иванов – политик, заботящийся о достойных условиях для осуществления образовательного процесса, – принял участие в торжественном открытии гимназии № 32 в своем избирательном округе (выражена вербально и визуально, эксплицитно и имплицитно).

ФОН 2 к ГМ 1 и ГМ 2: Для учеников гимназия распахнет двери уже 1 сентября.

КТ 1 (констатирующий тезис) к ГМ 1: Гимназия открылась после реконструкции, так как ее старое здание было построено более 70 лет назад.

Илл. (иллюстрация) к КТ 1: До 1953 года она существовала как общеобразовательная школа-семилетка, а в следующие десять лет была обычной десятилеткой. Лишь в 1965 году школа получила специализацию – углубленное изучение французского языка. С 1998 года учебное заведение стало называться «Французской гимназией».

РТ 1 (развивающий тезис) к КТ 1: За годы эксплуатации здание пришло в негодность, к тому же не вписывалось в современный жилой микрорайон, выросший возле автовокзала.

РТ 2 к РТ 1: Потому было принято решение о сносе ветхого здания и строительстве с нуля новой школы на его месте.

КТ 2 к ГМ 1: школа XXI века, так как в обновленной гимназии использовано полностью прозрачное остекление главной входной группы, которое добавит дневного света в холл и коридоры учебного заведения.

КТ 3 к ГМ 1: школа XXI века, так как пищеблок и медицинское отделение оборудованы по последнему слову техники, в гимназии есть свой стоматологический кабинет для учащихся и преподавателей.

КТ 4 к ГМ 1: школа XXI века, так как еще одним новшеством стал уникальный мультимедийный класс с функциями конференц-зала.

РТ к КТ 4: школьники смогут проводить презентации различных проектов, организовывать научные конференции и дискуссии, просматривать фильмы и многое другое.

КТ 5 к ГМ 1: школа XXI века, так как в здании два спортзала – большой и малый, причем последний может быть использован и для занятий хореографией, так как оснащен большими настенными зеркалами.

КТ 6 к ГМ 1: школа XXI века, так как актовый зал, рассчитанный на 160 зрительских мест, оборудован удобной сценой, гримерками и подсобными помещениями для хранения реквизита.

РТ к КТ 6: в нем смогут осуществлять творческую деятельность ребята из французского театра, действующего при гимназии.

КТ 7 к ГМ 1: школа XXI века, так как в обновленной гимназии будут обучаться 550 юных учеников, причем все – в одну смену (подпись к фотографии Александра Иванова у карты Франции).

Илл. к КТ 7: фотография, на которой Александр Иванов запечатлен у карты Франции.

КТ 1 к ГМ 2: Александр Иванов отметил: «Мне, как депутату от Бородинского района, очень приятно наблюдать, как наш район растет и развивается. Микрорайон вокруг старой школы быстро застраивался, необходимость в новой школе была острая. Вообще приятно, что в городе активно ведется строительство и реконструкция образовательных учреждений».

РТ к КТ 1: «Кстати, скоро гимназия № 32 получит и начальную школу».

КТ 2 к ГМ 2: «Когда я учился, таких новых технологий, красивых просторных классов не было вообще».

РТ к КТ 2: «В первом классе я учился третьим за партой, притом что я был в «Ж» классе. Мест не хватало».

КТ 3 к ГМ 2: «Сейчас дети будут учиться в одну смену» (повтор тезиса).

АОС 1: Конечно, без помощи от области и Федерации выполнить такие задачи будет сложно, но это наказ Президента России, и общими

усилиями мы должны его исполнить (выражена вербально, эксплицитно).

АОС 2: Александр Иванов, получив должность губернатора Кировградской области, будет способствовать решению поставленных задач – нужно выбрать Александра Иванова на данную должность (выражена имплицитно).

Отметим, что характерной особенностью смысловой структуры креолизованных публикаций является полифункциональность визуальных элементов. В рассмотренном тексте фотографии: 1) наглядно представляют предмет речи из ГМ 2 и фрагментарно – предмет речи из ГМ 1 (визуальный акцент сделан на Александре Иванове, фото которого на крыльце школы и у карты Франции являются свидетельством его интереса к учреждениям образования); 2) служат фоном (подводкой к теме): фотографии, как правило, в первую очередь привлекают внимание читателя, и именно по их содержанию адресат строит гипотезу о содержании всего материала; 3) выполняют роль иллюстраций к тезисам.

Об использовании диадного механизма непрямой коммуникации свидетельствует присутствие в логической схеме публикации двух главных мыслей и двух выводов. Подобное двойственное построение смысловой структуры медиатекста рассматривается в практике литературного редактирования как дефектное, требующее правки. Однако для политических предвыборных PR-текстов оно является своеобразной прагматической нормой.

Еще одной особенностью смысловой структуры указанных материалов является смысловая неопределенность некоторых элементов, а также неопределенность логической связи между ними. Рассмотрим несколько примеров из проанализированной публикации.

Во-первых, иллюстрация композиционно относится к КТ 7, поскольку оба эти элемента образуют блок из фотографии и подписи к ней. Однако компоненты блока не соотносятся по смыслу, и не вполне ясно, какой тезис иллюстрирует фото, на котором Александр Иванов что-то показывает на карте Франции, в то время как подпись к изображению сообщает, что 550 учеников будут учиться в одну смену.

Во-вторых, АОС 1 содержит семантически неполнозначное определение – указательное местоимение «*такие*», относящееся к определяемому существительному «задачи» («выполнить такие задачи будет сложно»): известно, что местоимения не называют предметы, признаки, количества, а только указывают на них. Возникает вопрос, какие именно задачи будет сложно выполнить. Можно предположить, что речь идет о реконструкции образовательных учреждений, однако прямо об этом не говорится, а на ближайшем синтаксическом расстоянии находится тезис об «одной смене», который не соответствует масштабам задач глобальной модернизации. В. В. Дементьев рассматривает семантическую неполнозначность в качестве одного из важных признаков непрямой коммуникации [1, с. 15].

В-третьих, необходимо отметить слабо выраженную логическую связь элементов, относящихся к ГМ 2: роль Александра Иванова в процессе модернизации школы № 32 не прояснена. На первой полосе издания содержится анонс заметки, размещенной на второй полосе: «Александр Иванов открыл школу XXI века. С. 2». Заметим, что, со-

гласно Словарю русского языка, *открыть* означает «положить начало существованию, деятельности (какого-либо учреждения, предприятия и т. п.). || Начать что-либо» [7, с. 685]. Фраза анонса допускает интерпретации: 1) Александр Иванов участвовал в церемонии открытия школы (в заметке об этом говорится так: «В мероприятии принял участие депутат Ключевской городской Думы Александр Иванов...»); 2) Александр Иванов принимал непосредственное участие в обновлении школы, в подготовке ее к открытию – «положил начало ее существованию» (в заметке данная информация отсутствует). Из публикации мы узнаём, что в Бородинском районе реконструировали школу, что на ее открытии присутствовал Александр Иванов, в чьем избирательном округе школа находится и который в этой школе ранее учился. В основной части заметки перечисляются преимущества реконструкции. В финале делается вывод, что работу по обновлению образовательных учреждений нужно продолжать. В тексте не говорится, имеет ли Александр Иванов отношение к процессу реконструкции школы, есть ли у него конкретные проекты по обновлению других школ района. В связи с отсутствием такой информации мы можем сделать вывод, что на оба вопроса ответ, вероятно, отрицательный. Однако анонс и акцентирование (методом повторения) фразы «*школа XXI века в округе Александра Иванова*» позволяют навести читателя на мысль о том, что между данными объектами есть связь, что депутат имеет непосредственное отношение к обновлению школы и у него есть планы реконструировать другие образовательные учреждения.

Подобная смысловая неопределенность нарушает приведенный выше постулат Г. П. Грайса. Заметим, что отступления от норм создания сообщения могут быть ненамеренными и намеренными. В первом случае речь может идти о дефекте, во втором – о запланированном воздействующем эффекте. Значимой в связи с этим представляется мысль Е. И. Шейгал о том, что неопределенность в политическом дискурсе является важнейшим элементом манипулирования, лежащим в основе стратегии мистификации (см.: [10, с. 52]). Все вышеизложенное позволяет говорить об оптимизированности и селективности информации, представленной в рассмотренной заметке.

Заключение

Таким образом, смысловая структура политических предвыборных PR-публикаций имеет ряд особенностей, обусловленных непрямым характером выстраиваемой коммуникации. Одной из таких особенностей является диадная модель логической схемы медиатекста, проявляющаяся в наличии двух главных мыслей и двух аналитических оценок ситуации – эксплицитной и имплицитной. Другой особенностью является смысловая неопределенность ряда элементов и/или неопределенность логической связи между ними. Можно предположить, что отступление от постулатов Г. П. Грайса – продуцирование имплицитных смыслов и семантически неопределенных элементов – делается в расчете на воздействующий эффект, оценка которого обозначает вектор дальнейшего изучения новостных предвыборных PR-публикаций.

Информация об авторе

Элина Валерьевна Булатова, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики департамента «Факультет журналистики», Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Elina V. Bulatova, Associate Professor, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Chair of Russian Language and Stylistics, Journalism Faculty Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 248 с.
2. Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. 288 с.
3. Майданова Л. М. Критика речи и литературное редактирование. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. 256 с.
4. Майданова Л. М. Очерки по практической стилистике. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1986. 184 с.
5. Словарь иностранных слов. М. : Русский язык, 1987. 608 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 1 : А – Й. М. : Русский язык, 1981. 698 с.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 2 : К – О. М. : Русский язык, 1983. 736 с.
8. Толкунова Е. Г. Семантическое описание современных русских рекламных текстов: суггестологический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 1998. 184 с.
9. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Русский язык, 2002. 216 с.
10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.
11. Школа XXI века в округе Александра Иванова // На смену! : информационный бюллетень кандидата в губернаторы Кировградской области Александра Иванова. 31.08.2017.
12. Dijk T. A. van. Political discourse and political cognition // *Politics as Text and Talk. Analytical approaches to political discourse* / ed. by P. A. Chilton, Ch. Schaffner. Amsterdam : Benjamins, 2002. P. 204–236.
13. Geeraerts D. Paradigm shifts in Linguistics // *Cognitive studies of language. Vol. XXXIV : Cognition and Communicatio in today's globalised world : papers of the VIII International Congress on Cognitive Linguistics. October, 10-12, 2018. M. : Lomonosov Moscow State University, 2018. 984 p.*
14. Grice H. P. Logic and Conversation // *Syntax and Semantics. Vol. 3 : Speech Acts* / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. New York : Academic Press, 1975. P. 41–58.

Статья поступила в редакцию: 11.07.19

Принята к публикации: 15.08.19

References

1. Demytyev VV. *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry [Non-Direct Communication and its Genres]*. Saratov: Saratov University Press; 2000. 248 p. (In Russ.).
2. Krivonosov AD. *PR-tekst v sisteme publichnykh kommunikatsii [PR Text in the System of Public Communications]*. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies; 2002. 288 p. (In Russ.).
3. Maidanova LM. *Kritika rechi i literaturnoe redaktirovanie [Speech Criticism and Literary Editing]*. Yekaterinburg: University for Humanities Press; 2001. 256 p. (In Russ.).

4. Maidanova LM. *Ocherki po prakticheskoi stilistike [Essays on Practical Stylistics]*. Sverdlovsk: Ural University Press; 1986. 184 p. (In Russ.).
5. *Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of Foreign Words]*. Moscow: Russkiy yazyk; 1987. 608 p. (In Russ.).
6. Evgenieva AP. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. T. 1 [Russian Dictionary: in 4 vol. Vol. 1]*. Moscow: Russkiy yazyk; 1981. 698 p. (In Russ.).
7. Evgenieva AP. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. T. 2 [Russian Dictionary: in 4 vol. Vol. 2]*. Moscow: Russkiy yazyk; 1983. 736 p. (In Russ.).
8. Tolkunova EG. *Semanticheskoe opisanie sovremennykh russkikh reklamnykh tekstov: Suggestologicheskii aspekt [Suggestology Outline of Contemporary Russian Advertising Texts]*. Barnaul: Altai State University; 1998. 184 p. (In Russ.).
9. Formanovskaya NI. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod [Speech Communication: Communicative and Pragmatic Approach]*. Moscow: Russkiy yazyk; 2002. 216 p. (In Russ.).
10. Sheigal EI. *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse]*. Moscow: Gnosis; 2004. 326 p. (In Russ.).
11. *Na smenu! [Taking Over!]: Informational Bulletin of Alexander Ivanov, Gubernatorial Candidate of the Kirovgrad Oblast*. 31.08.2017. (In Russ.).
12. van Dijk TA. Political discourse and political cognition. In: Chilton PA, Schaffner Ch. (eds.) *Politics as Text and Talk. Analytical approaches to political discourse*. Amsterdam: Benjamins; 2002. p. 204–236.
13. Geeraerts D. Paradigm shifts in Linguistics. In: *Cognitive studies of language. Vol. 34: Cognition and Communicatio in today's globalised world: papers of the 8th International Congress on Cognitive Linguistics. October 10–12, 2018*. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2018. 984 p.
14. Grice HP. Logic and Conversation. In: Cole P, Morgan JL. (eds.) *Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts*. New York: Academic Press; 1975. p. 41–58.

Submitted 11.07.19 Accepted 15.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J05
УДК 316.774:364.463

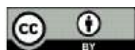
Развертывание дискурса в условиях дефицита информации

Светлана О. Калганова,
АНО ВО «Гуманитарный университет»;
Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-0194-0016, e-mail: svet.0.k@yandex.ru

Аннотация. Знаменитое «дело Скрипалей» и организация его продолжительного обсуждения в СМИ вызвали к жизни новый феномен – дискурс, который развивается весьма продолжительное время при отсутствии достаточной для предметного разговора базы. В статье на материале официальных и оппозиционных СМИ исследуются фундаментальные аспекты этого дискурса: информационное наполнение, модальность, эмоциональная тональность и временная ограниченность, в результате чего выявляются особые свойства этого малоизученного явления. Информационное наполнение характеризуется конфликтностью и дефицитом информации по существу при избытии журналистских материалов о Скрипалях. В статье показано, как за счет несущественных сведений с точки зрения прояснения главного события, породившего весь дискурс, создается информационная пена вокруг этой злободневной темы и как само событие в итоге ставится под сомнение. Описывается модальность гипотетичности, вызванная отсутствием достоверных фактов и строгой секретностью темы химического оружия в целом. Отмечается яркая эмоциональная окраска дискурса обсуждения «дела Скрипалей», отсутствие видимого, зависящего от участников завершения этой речевой коммуникации. Ее развертывание происходит толчками, за счет периодических вбросов информации. Делается вывод о том, что бесконечное продолжение данной темы носит искусственный характер и обслуживает некие политические и экономические цели в конфликте между Западом и Россией.

Ключевые слова: дискурс, тематическое развертывание, дефицит информации.

Для цитирования: Калганова С. О. Развертывание дискурса в условиях дефицита информации // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 335–345. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J05.

Discourse Deployment under Conditions of Shortage of Information

Svetlana O. Kalganova,

Liberal Arts University – University for Humanities;
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0002-0194-0016, e-mail: svet.0.k@yandex.ru

Abstract. The famous Skripal case and organization of its lengthy discussion in mass media generated a new phenomenon – a discourse that develops for quite a long time lacking a foundation for a substantive conversation. The paper uses materials from official and anti-establishment mass media to research the fundamental aspects of this discourse – its informational content, modality, emotional tonality and temporal limitedness, which leads to identifying the specific features of this poorly studied occurrence. The informational content is marked by a propensity to conflict and shortage of substantive information with the abundance of media materials about the Skripal family. The paper demonstrates how data that is insignificant from the perspective of clarifying the major event that has generated the whole discourse creates informational fluff around this hot subject and as a result the event itself is questioned. The paper explores the hypothetical modality caused by lack of reliable facts and extreme secrecy of the chemical weapons subject in general. Emphasis is made on the vivid sentiment of the discourse discussing the “Skripal case” and the lack of a visible conclusion of this speech communication dependent on its participants. This communication is deployed jerkily, through periodical information inputs. We arrive at the conclusion that the infinite prolongation of this subject is artificial by nature and serves some political and economic goals in the conflict between the West and Russia.

Keywords: discourse, subject deployment, shortage of information.

For citation: Kalganova SO. Discourse Deployment under Conditions of Shortage of Information. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 335–345. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-J05.

Введение

Вот уже полтора года в российских и западных СМИ обсуждается круг тем, так или иначе связанных с событиями в английском городке Солсбери, где 4 марта 2018 года нервно-паралитическим веществом «Новичок» были отравлены бывший сотрудник ГРУ, гражданин России и Великобритании Сергей Скрипаль и его дочь Юлия. Великобритания обвинила Россию в причастности к этому преступлению. Россия категорически отвергла обвинения. К этому конфликту подключились другие страны, заняв в нем ту или иную позицию. Казалось бы, за это время расследование, проведенное английскими спецслужбами, могло бы представить какие-то неопровержимые доказательства того, кто и как совершил эту попытку убийства. Однако все аргументы британской стороны сопровождаются модальностью неуверенности и логическими допущениями: «с высокой степенью вероятности вещество было произведено в России», поэтому «наиболее правдоподобной является версия о ее причастности к отравлению». России в этой ситуации еще сложнее: она доказывает, что не имеет отношения к громкому покушению. Самым хорошим доказательством в этой ситуации для человека

было бы алиби, но у страны такой возможности нет, поэтому причастна Российская Федерация к трагедии Скрипалей или непричастна, никаких решающих фактов в свою защиту она представить не в силах.

СМИ, естественно, пишут об этом международном политическом конфликте, занимая в нем позицию наблюдателя, который никак не может повлиять на существо вопроса. Ведь все сведения, которые могли бы появиться в этом деле с обеих сторон, составляют государственную тайну и строго засекречены, поэтому даже если бы кто-то из журналистов смог найти какие-то новые факты, он не смог бы доказать их достоверность. Таким образом, СМИ ничего не остается, как просто информировать аудиторию и как-то обсуждать тему знаменитого отравления, становясь, в зависимости от своей политической направленности, на ту или иную сторону конфликта. Первые несколько месяцев после случившегося появлялись какие-то новые сведения, которые могли пролить свет на то, что произошло в Солсбери 4 марта. Но давно уже в деле отравления Скрипалей никаких новых фактов не появляется. Аудитория давно разделилась на два лагеря, ожесточенные споры между которыми в социальных сетях и на форумах давно затихли и выродились в шутки о «мести кота Скрипалей» и ироничные размышления о том, что там делала в Британии дочка Навального (примеры с форума e1.ru). Казалось бы, СМИ как инструменты политического влияния на сознание отработали – общественное мнение сформировано, новой информации по делу нет, разговор должен сойти на нет: поговорили и забыли. И все же в СМИ тема продолжает обсуждаться. Этот удивительный феномен до сих пор не привлекал внимания исследователей политического дискурса. Журналистские материалы по «делу Скрипалей» исследовались в первую очередь как одно из проявлений информационной войны [5; 9], а также на предмет коммуникативных стратегий [2]. Мы ставим перед собой задачу, используя дискурсивный подход, проанализировать, как строится это обсуждение при минимуме фактов. Для объективности картины мы исследовали материалы как ориентирующихся на официальную точку зрения, так и оппозиционных СМИ за последние полтора года.

Методы исследования

Анализ журналистских публикаций проводится в рамках дискурсивного подхода. На сегодняшний день в науке нет единого, общепризнанного определения термина «дискурс» [12; 6]. В нашем исследовании под дискурсом мы понимаем социально упорядоченный механизм организации коммуникации, включающий правила построения текстов [11], и сам корпус текстов, в которых эти правила материализуются [4]. В свою очередь, тексты обладают определенными типологическими признаками (текстообразующими категориями), на своеобразие воплощения которых влияют правила дискурса, поэтому в настоящем исследовании мы используем также методiku категориального анализа текстов [7]. Поскольку мы исследуем совокупность публикаций как материальную реализацию дискурса, результат работы дискурсивных правил, для анализа были выбраны те категории, которые имеют устойчивые характеристики, имеющиеся в подавляющем большинстве текстов о Солсбери. К ним относятся: информационное наполнение (тематическое развертывание), модальность и тональность. Еще одна находящаяся

под влиянием дискурса категория, которую мы рассмотрим, во-первых, относится к числу более крупных категорий (таких, как целостность и связность), а во-вторых, проявляет дискурсивное своеобразие только на уровне всего корпуса текстов в целом, но не в отдельных публикациях. Это отсутствие завершенности при, казалось бы, информационной исчерпанности темы дискурса.

Отметим также, что создание текстов нередко подчиняется правилам нескольких дискурсов [15], в данном случае журналистского [12] и политического [13].

Результаты и обсуждение

Информационное наполнение дискурса характеризуется такими свойствами, как дефицит информации о самом событии и конфликтность.

Дефицит информации парадоксальным образом сочетается с обилием материалов на тему, по которой вроде бы и сказать нечего. Например, на сайте «Известий» с марта 2018-го по август 2019 года опубликовано 1 942 текста о Солсбери. Это новости, мнения, статьи. «Коммерсантъ» даже подготовил спецпроект о Скрипалях. О чем же пишут журналисты?

Тематическое ядро данного дискурса составляет информация, которая напрямую касается обстоятельств произошедшего. Она поступает по мере того, как следствие находит какие-то новые факты. Сначала было известно только о самом событии – отравлении, затем установили вещество, которым оно было совершено, потом появились еще два отравившихся, далее нашли двух россиян, которые оказались в этот момент неподалеку от дома Скрипалей. В первые месяцы все СМИ обо всем этом пишут как о точно установленных фактах, затем, поскольку Британия не предъявила никаких подтверждающих документов ни о состоянии жертв отравления, ни о том, как их лечили, ни о том, как было получено вещество, которым их пытались убить, ни о каких-либо других подробностях этого дела и его расследования, российская сторона и, соответственно, официальные СМИ начали высказывать сомнения и в достоверности сведений, ранее казавшихся бесспорными: *когда произошло так называемое “отравление”, я был уверен, что готовится “бомба” к чемпионату мира по футболу (radiorus, 23.08.2018)*. На данный момент обе стороны признают, что Скрипали исчезли, что незадолго до этого возле их дома проходили два россиянина, которые в тот же день улетели домой, и что у Юлии Скрипаль на шее появился большой шрам. Все остальное нуждается в доказательствах. Таким образом, само событие, послужившее точкой возникновения данного дискурса, в результате оказалось под сомнением.

Поскольку достоверно установленных фактов либо очень мало, либо они засекречены и к журналистам не попадают (*Британская полиция мало рассказывает о ходе расследования преступления – Meduza, 18.05.2018*), СМИ сообщают сведения о самом ходе следствия, однако и они не получают развития. На основе одних сведений строятся версии, о чем будет сказано ниже, другие – едва появившись, опровергаются (слух об эксгумации тела жены или сына Скрипаля, облетев многие СМИ, на следующий день был опровергнут: об этом сообщили 09.03.2018 РИА, Meduza и др.), третьи – упоминаются один-два раза,

ничего не доказывая и не опровергая, затем просто исчезают из информационного поля. Например, в соседнем с Солсбери городке нашли грузовик, который эвакуировал автомобиль С. Скрипаля, найдено 762 вещдока и 200 свидетелей («Известия», 17.03.18). Что произошло с грузовиком, на что указывают вещдоки, о чем сообщают свидетели – неизвестно. На вопросы читателей не дается никаких ответов, но количество новостей на актуальную тему растет. Передается смысл «следствие идет полным ходом», создается ощущение процесса расследования, но информация о результатах практически отсутствует.

К этому же блоку информации мы относим сообщения о пострадавших в результате первого инцидента в Солсбери, помимо главных жертв отравления. Из текста в текст повторяется информация сначала о 20, затем о 46 пострадавших, которые обратились за медицинской помощью и, получив ее, отправились домой, о пострадавшем во время осмотра дома Скрипаля полицейском, какой-то период находившемся в больнице. Что с ними было, как они себя чувствуют, – спустя месяц об этом уже ни слова.

Сообщается информация о главных героях события – Сергее и Юлии Скрипаль. С главным событием соотносятся сведения о состоянии их здоровья и об их телефонных разговорах с родственниками, но пишут не только об этом. Поиск сведений, напрямую не связанных с главным событием, приводит, по сути, к подмене темы: рассказывают историю вербовки Скрипаля, тогда еще сотрудника ГРУ, британскими спецслужбами в 1995 году, описывают, как он был разоблачен и осужден, а затем помилован и обменян на российских разведчиков (Meduza, 06.03.2018), дают слово тем, кто отбывал наказание вместе со Скрипалем, чтобы они поделились своими впечатлениями об этом человеке (iz.ru, 20.03.2018).

Много текстов появляется в результате споров о том, производила ли Россия «Новичок» и есть ли его запасы в стране сейчас. Такие материалы могут противоречить друг другу в рамках одного издания. Так, «Известия» 15 марта передают слова Небензи о том, что такого вещества в России никогда не производилось, а буквально накануне в этом же издании был опубликован материал, в котором один из создателей «Новичка», В. Углев, рассказывает, почему это вещество не вошло в список Конвенции о запрете химического оружия. «Русская служба Би-би-си» размещает материал с подробным описанием того, что такое нервно-паралитические вещества вообще, какова история их создания, каковы особенности их воздействия на организм человека (08.03.2018).

Однако львиную долю информационной пены вокруг нашумевшего отравления составляют материалы, посвященные перепалке официальных представителей Британии и России, а также различным политическим шагам конфликтующих сторон, таким как высылка дипломатов, отзыв разрешения на открытие британского консульства в Петербурге, призывы к бойкоту Чемпионата мира по футболу, санкции и т. п., а также заявлениям других стран по поводу всего происходящего. Количество материалов внутри одного издания может увеличиваться за счет повторов одной и той же новости. Так, в «Известиях» дважды, 6 и 13 марта, пересказывают слова экс-директора ФСБ о том, что Россия не практикует месть по политическим мотивам, позже четырежды в разных

формулировках повторяется новость о том, что Россия в ответ на действия Англии готова выслать британских дипломатов.

Ряд материалов представляет собой полную информационную пустоту. Например, 4 апреля в «Известиях» публикуется новость с заголовком «МИД РФ сообщило об ответе ОЗХО лишь на один вопрос по существу по ‘делу Скрипаля’». Читатель открывает текст в надежде узнать, на какой вопрос и какой ответ дала ОЗХО, но видит лишь повторение того, что сказано в заголовке, только в чуть более развернутой формулировке.

Таким образом, своеобразие тематического развертывания дискурса заключается в том, что на фоне буквально крупниц важных с точки зрения главного события сведений, в самом существовании которого в конце концов появились сомнения, взбивается пена из огромной массы несущественной информации.

Вторая черта тематического развертывания дискурса – конфликтность. Каждая сторона в соответствии с негласными правилами раскрытия преступлений пытается доказать, что покушение на Скрипалей невыгодно ей, но выгодно противнику.

СМИ, поддерживающие официальную позицию РФ, видят выгоду противоположной стороны сначала в том, чтобы негативно повлиять на выборы президента 2018 г. и попытаться сорвать Чемпионат мира по футболу 2018 года, затем в том, чтобы оказывать экономическое и политическое давление на Россию или прикрывать собственные политические промахи: *В МИД связали вбросы по делу Скрипалей с ситуацией вокруг Brexit (РИА, 28.02.2019)*.

Также лояльные к российской власти СМИ доказывают, что Скрипаль никакой опасности для России не представлял, поэтому его помиловали и выпустили за границу. Эксперт генерал-майор ФСБ в отставке А. Михайлов с шокирующей откровенностью говорит, что при необходимости Скрипаля могли отравить на зоне («Известия», 06.03.18), но такой необходимости не было.

Оппозиционные СМИ со ссылкой на западных коллег утверждают, что Скрипаль сообщал западным спецслужбам секретные сведения о принципах работы российской разведки и содействовал раскрытию российских агентов за границей, поэтому России надо было его устранить: *По мнению СМИ, попытка убийства могла стать мстью спецслужб за продолжающуюся агентурную деятельность Скрипаля. Британский советник по национальной безопасности Марк Сидвилл утверждает, что российская разведка вела слежку за Скрипалем последние пять лет и отслеживала электронную переписку его дочери (Meduza, 18.05.2018)*.

Конфликтность является частным случаем агрессивности, присущей политическому дискурсу в целом [3; 13].

Гипотетичность. Это вторая черта описываемого дискурса, которая выражается с помощью модальности неуверенности, представленной в текстах во всем разнообразии лингвистических средств [8, с. 178–191]. В условиях, когда обстоятельства дела либо неизвестны, либо строго засекречены, возникает масса версий по поводу того, что и как происходило. Так, например, в первые дни стало известно, что в крови Скрипаля нашли фентанил, и эксперт предположил, что сочетание этого седативного препарата с алкоголем могло стать причиной

инцидента («Известия», 06.03.18). По мере того как что-то прояснялось, какие-то гипотезы исчезали, но появлялись новые, по вновь открывшимся обстоятельствам. Так, например, было несколько версий того, каким именно образом отравляющее вещество попало к Скрипалям: «Новичок» распылили на Сергея и Юлию с дрона; вещество было в выхлопной трубе автомобиля; оно лежало в сумке Юлии – то ли в гречке, то ли в косметике, то ли в подарках; его нанесли на ручку двери. Строятся предположения и по поводу того, как могла произойти утечка «Новичка» с секретного предприятия в г. Шиханы, и по поводу действий Петрова и Боширова, и по поводу их личностей. Практически каждая новая деталь «дела Скрипалей», попадая в СМИ, тут же обрастает массой версий. Из первоначальных версий причин преступления (личный спор и покушение на убийство, спонсированное государством), выбирается затем та, что представляется обвиняющей стороне наиболее правдоподобной.

Все версии, касающиеся обстоятельств дела, первоначально даются со слов того или иного западного СМИ, которое, в свою очередь, ссылается на какой-то компетентный источник: контрразведку Великобритании Ми-5, полицию страны, сотрудника спецслужб. Иногда выстраивается целая цепочка того, как дошла информация до СМИ: *об этом* (о возможной причастности ГРУ к отравлению. – С. К.) *сообщает The New York Times со ссылкой на британских и американских чиновников, знакомых с ходом расследования покушения (Meduza, 16.07.2018)*. Очень редко это конкретный человек с должностью и ФИО. Эти версии могут опровергаться другими экспертами, тогда их имя указывается точно. Например, в «Новой газете» версию о том, что Юлия могла провезти отравляющее вещество в багаже, критикует полковник медслужбы И. А. Милютин (17.03.2019). В СМИ возникал спор о том, является ли Вил Мирзаянов экспертом по «Новичку», этому вопросу посвящен целый комплекс текстов в разных изданиях (Meduza, РИА, Новая газета, Бизнес FM, Коммерсант FM и др.). Большой объем публикаций составляют версии о том, живы ли Скрипали, настоящая ли Юлия, почему не показывают Сергея: *Эксперты хоронят Скрипалей («Московский комсомолец», 24.05.2018)*.

В настоящее время множатся версии по поводу того, к чему приведут санкции: *Антироссийские меры США могут ударить по двусторонней торговле и «Аэрофлоту» (kommersant.ru, 09.08.2019)*.

Интересно сочетание показателей уверенности и неуверенности в одном и том же высказывании по одному и тому же поводу: *«Мы полностью уверены в расследовании Великобритании и ее оценках, что Россия, вероятно, ответственна за нападение с использованием нервно-паралитического газа, которое произошло в Солсбери на прошлой неделе», – сказал Тиллерсон («Известия», 13.03.18)*.

Яркая эмоциональная оценочность. Данная характеристика присуща, главным образом, попавшим в описываемый дискурс репликам официальных лиц, которые эмоционально оценивают слова и действия одной из сторон конфликта. Палитра выражаемых эмоций – от удивления и возмущения до иронии: *В Кремле удивлены формулировками Лондона по «делу Скрипалей» («Известия», 15.03.18)*; *Министр обороны Великобритании предложил России отойти и заткнуться (Meduza, 15.03.18)*; *Кремль назвал хамством обвинения Британии по «делу Скри-*

наля» – («Известия», 25.03.18); *Белый дом считает отравление Скрипалей беспределом* (ТАСС, 13.03.18); *Лавров пошутил о «вмешательстве» России в погоду Японии* – (ТАСС, 21.03.18); *Лондону предложили найти «русский след» в отравлении Наполеона* – («Известия», 24.03.18). Эмоциональные слова, как правило, выносятся в заголовок. Языковые средства выражения эмоций в этих материалах подробно описаны Л. Гуревич [2].

В оппозиционных СМИ встречается ироническое конструирование позиции российской власти. По мнению блогера с сайта «Эха Москвы», смысл эмоционального выпада В. Путина, назвавшего Скрипалей «подонком» и «предателем», состоит в следующем: Кремль предлагает Западу решить вопрос с покушением... «по понятиям». *Парень всех «кинул», любая «семья» удавила бы такого урода, мы были «в своем праве», но напортачили немного, за что извиняемся, давайте прекращать этот «базар»* (*echo.msk.ru*, 04.10.2018).

Благодаря эмоциональным репликам перепалка разгорается всё сильнее. На каждый выпад враждебной стороны ищется не менее острый ответ. На предложение «заткнуться» российская сторона отвечает упреком в «интеллектуальной импотенции» и т. д. Вопросов по существу уже никто не задает: все равно ответов на них нет, и надежды получить их когда-либо тоже нет. Но разговор, тем не менее, набирает обороты.

Отсутствие завершенности (время существования дискурса). Возникновение исследуемого дискурса имеет точную дату – 04.03.2018, когда случился инцидент со Скрипалей. Обсуждение то ли произошедшего, то ли непроизошедшего отравления длится, как уже отмечалось, полтора года, и конца ему не видно. Оно развивается толчками, поскольку периодически так или иначе через СМИ аудитории о нем напоминают. Например, недавно с объявления американских санкций стартовал новый «сезон» «сериала» о Скрипалей. Опять множатся новости ни о чем: так, в материале РБК от 07.08.2019 «Шотландия-Ярд изучил связь между Путиным и отравлением Скрипалей» сообщается, что этой связи не обнаружено. И это повод, чтобы напомнить читателям всю историю и сообщить о продолжении расследования. А в ответ уже посол России потребовал продолжения расследования дела Скрипалей (РИА, 12.08.2019).

Заключение

Таким образом, у каждого адресанта и адресата описываемого дискурса в сознании осталась какая-то своя версия того, что произошло 4 марта 2018 г в Солсбери. И эти версии никак больше не подтверждаются и не опровергаются. Интрига поддерживается периодическими упоминаниями о массе имеющихся секретных сведений на эту тему, отсутствие новостей по существу объясняется опять же строгой секретностью, вал публикаций создается с помощью несущественной информации и различных версий, а эмоциональный накал обеспечивается оценочными комментариями и пересказом пикировки официальных сторон конфликта. В итоге постоянно находится информационный повод что-то написать на эту выгодную для реализации различных политических и экономических целей тему. А в сочетании с мерами политического и экономического воздействия, угрозами кибератак можно

рассматривать это направление информационной войны между Россией и Западом как один из элементов гибридной войны [10; 14], непосредственным участником которой становится каждый российский человек.

Информация об авторе

Светлана Олеговна Калганова, АНО ВО «Гуманитарный университет»; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Svetlana O. Kalganova, Liberal Arts University – University for Humanities; Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Асташова О. И., Булатова Э. В., Енина Л. В. и др. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война»: монография / под ред. Э. В. Чепкиной. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 196 с.
2. Гуревич Л. С. Корреляция уровней агрессии и транспарентности в политической риторике (на материале «дела Скрипалей») // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24, № 5. С. 52–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrelyatsiya-urovney-agressii-i-transparentnosti-v-politicheskoy-ritorike-na-materiale-dela-skripaley> (дата обращения: 12.08.2019).
3. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Вып. : Политический дискурс: история и современные исследования. 2002. № 3. С. 31–44.
4. Иванова Е. В. Когнитивное моделирование образа природы в медийном экологическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). С. 65–72.
5. Красько А. С., Ивкина П. Ю. Проблема информационной войны между Западом и Россией на примере «дела Скрипаля» // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций, этосов: сб. трудов Всероссийской научн. конф., Новосибирск, 26–27 апреля 2018 года. Новосибирск: Новосибирский государственный университет телекоммуникации и информатики, 2018. С. 362–350.
6. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров / отв. ред. С. А. Ромашко. М.: Институт научной информации по общественным наукам, 2000. С. 5–13.
7. Майданова Л. М. Категории текстообразования и композиция газетного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1987. 32 с.
8. Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Медиатекст в идеологическом контексте: монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. 304 с.
9. Манойло А. В. «Дело Скрипалей» как операция информационной войны // Вестник Московского областного государственного университета. 2019. № 1. С. 72–97.
10. Филимонов Г., Данюк Н. Гибридная война: интерпретации и реальность // Свободная мысль. 2017. № 3 (1663). С. 17–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29863384> (дата обращения: 13.08.2019).
11. Чепкина Э. В. Практики конструирования поля политики в журналистском дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11, вып. 6. С. 72–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-konstruirovaniya-polya-politiki-v-zhurnalistskom-diskurse> (дата обращения: 07.10.2019).

12. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000) : монография. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2006. 279 с.

13. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 2 (40). С. 53–59.

14. Freyer N. The Defense Identity Crisis: It's a Cybrid World // Parameters. 2009. Vol. 39, No. 3. URL: <https://www.questia.com/library/journal/1G1-214603038/the-defense-identity-crisis-it-s-a-hybrid-world> (дата обращения: 13.08.2019).

15. Kress G. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4. London : Academic Press, 1985. P. 27–41.

Статья поступила в редакцию: 14.08.19
Принята к публикации: 16.09.19

References

1. Astashova OI, Bulatova EV, Enina LV, et al. *Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta «informatcionnaya voyna» [Problems of Constructing Russians' Identity in Mass Media Discourse Under the Influence of "Information Warfare" Concept]*. Moscow: Kabinetnyi uchenyi; 2017. 196 p. (In Russ.).

2. Gurevich LS. Korrelyatsiya urovnei agressii i transparentnosti v politicheskoi ritorike (na materiale «dela Skripalei») [Correlation of Aggression and Transparency Levels in Political Rhetoric (Based on "Skripal case" Materials)]. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Transbaikalian State University Bulletin*. 2018;24(5): 52–61. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrelyatsiya-urovney-agressii-i-transparentnosti-v-politicheskoy-ritorike-na-materiale-dela-skripaley> [Accessed 12.08.2019]. (In Russ.).

3. Demyankov VS. Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoi filologii [Political Discourse as a Subject of Political Philology]. *Politicheskaya nauka. Vyp. : Politicheskii diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya = Political Science. Series: Political Discourse: History and Contemporary Research*. 2002;3: 31–44. (In Russ.).

4. Ivanova EV. Kognitivnoe modelirovanie obraza prirody v mediinom ekologicheskom diskurse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Chelyabinsk State University Bulletin*. 2009;7(145): 65–72. (In Russ.).

5. Krasko AS, Ivkina PY. Problema informatsionnoi voyny mezhdru Zapadom i Rossiei na primere «dela Skripalya» [Problem of Information Warfare between the West and Russia as Exemplified by the Skripal Case]. In: *Informatsionnye voyny kak bor'ba geopoliticheskikh protivnikov, tsivilizatsii, etosov [Information Warfare as a Struggle of Geopolitical Rivals, Civilizations, Ethoses]: Proceedings of All-Russian Scientific Conference, Novosibirsk, April 26–27, 2018*. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Telecommunications and Information Sciences; 2018. p. 362–350. (In Russ.).

6. Kubryakova ES. O ponyatiyakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoi lingvistike [On Notions of Discourse and Discursive Analysis in Contemporary Linguistics]. In: Romashko SA. (ed.) *Diskurs, rech', rechevaya deyatelnost': funktsional'nye i strukturnye aspekty [Discourse, Speech, Speech Activity: Functional and Structural Aspects]: Collection of reviews*. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences; 2000. p. 5–13. (In Russ.).

7. Maidanova LM. *Kategorii tekstoobrazovaniya i kompozitsiya gazetnogo teksta [Text Formation Categories and Newspaper Text Composition]*. Sverdlovsk: Ural State University; 1987. 32 p. (In Russ.).

8. Maidanova LM, Chepkina EV. *Mediatekst v ideologicheskom kontekste [Media Text in Ideological Context]*. Yekaterinburg: University for Humanities; 2011. 304 p. (In Russ.).

9. Manoilo AV. «Delo Skripalei» kak operatsiya informatsionnoi voyny [“Skripal Case” as an Information Warfare Operation]. *Vestnik Moskovskogo oblastnogo*

gosudarstvennogo universiteta = Moscow Region State University Bulletin. 2019;1: 72–97. (In Russ.).

10. Filimonov G, Danyuk N. Gibrinaya voyna: interpretatsii i real'nost' [Hybrid War: Interpretation and Reality]. *Svobodnaya mysl' = Free Thought.* 2017;3(1663): 17–24. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29863384> [Accessed 13.08.2019]. (In Russ.).

11. Chepkina EV. Praktiki konstruirovaniya polya politiki v zhurnalistskom diskurse [Practices of Political Field Construction in Journalism Discourse]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Istoriya. Filologiya = Novosibirsk State University Bulletin. Series: History. Philology.* 2012;11(6): 72–77. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-konstruirovaniya-polya-politiki-v-zhurnalistskom-diskurse> [Accessed 07.10.2019]. (In Russ.).

12. Chepkina EV. *Russkii zhurnalistskii diskurs: tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995–2000)* [Russian Journalism Discourse: Text-Generating Practices and Codes (1995–2000)]. Yekaterinburg: Ural University Press; 2006. 279 p. (In Russ.).

13. Chudinov AP. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoi kommunikatsii [Discursive Features of Political Communication]. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics.* 2012;2(40): 53–59. (In Russ.).

14. Freyer N. The Defense Identity Crisis: It's a Cybrid World. *Parameters.* 2009;39(3). Available from: <https://www.questia.com/library/journal/1G1-214603038/the-defense-identity-crisis-it-s-a-hybrid-world> [Accessed 13.08.2019].

15. Kress G. Ideological Structures in Discourse. In: *Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4.* London: Academic Press; 1985. p. 27–41.

Submitted 14.08.19 Accepted 16.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J06
УДК 659:396.1

Как бренды продвигают идеи феминизма (на примере рекламных кампаний Gillette и Reebok)

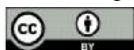
Юлия В. Архипова,
АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0006-609-245, e-mail: juliawa@k66.ru

Аннотация. В статье речь идет о том, как современная рекламная коммуникация берет на вооружение и активно продвигает идеи феминизма. Мировые бренды реализуют функции воспитания и социально-культурного регулирования, пытаются менять социальные установки и отстаивают идею равенства полов. Это связано с изменением маркетинговой стратегии – признанием женщин активным потребительским сегментом в категории товаров, традиционно предназначенных для мужчин. Поворот в маркетинге повлек за собой изменение идеологической парадигмы. Gillette и Reebok в своей новой рекламной коммуникации отказались от маскулинности и задали женский ракурс видения – представили мужской идеал глазами женщины и разрешили женщине смотреть на себя своими глазами, а не глазами мужчин. Тем самым оба бренда подняли проблему гендерного равенства и предложили всей мировой общественности обсудить это в формате реверсивной коммуникации – на официальных сайтах и в социальных сетях. Цель исследования – проследить, как реклама может менять социально-культурные установки. В качестве основного метода исследования выбран дискурс-анализ. Используя многообразие вербальных и визуальных семиотических единиц, реклама конструирует медиареальность, которая чутко реагирует на изменения в социальной и культурной жизни. Размещение рекламных сообщений на интерактивных площадках позволяет сделать потребителя активным участником процесса смыслопорождения, а также делает его сопричастным социокультурным изменениям.

Ключевые слова: феминизм, социальные установки, гендерные стереотипы, рекламная коммуникация, реверсивная коммуникация.

Для цитирования: Архипова Ю. В. Как бренды продвигают идеи феминизма (на примере рекламных кампаний Gillette и Reebok) // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 346–354. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J06.

© Ю. В. Архипова, 2019

How Brands Promote Feminist Ideas (Case Studies of Gillette and Reebok Promotional Campaigns)

Yulia V. Arkhipova

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0006-609-245, e-mail: juliawa@k66.ru

Abstract. The paper explores how contemporary advertising communication employs and actively promotes the ideas of feminism. Global brands perform the functions of mentoring and socio-cultural regulation, try to change social establishment and defend the idea of gender equality. This is related to changes in the marketing strategy – recognizing women as an active consumer segment in the category of commodities traditionally designed for men. A shift in marketing was followed by changes in the ideological paradigm. In their new advertising communication, Gillette and Reebok abandoned masculinity and established the female perspective – presented the male ideal through women’s eyes and allowed the woman to see herself through her own eyes, not men’s eyes. This way, both brands raised the issue of gender equality and offered the global public to discuss it in the reverse communication format – on official websites and social media. This research aims to track how advertisement can change social and cultural attitudes. Discourse analysis was selected as the main research method. Using a variety of verbal and visual semiotic units, advertisement builds a media reality that reacts to changes in social and cultural life very sensitively. Posting advertising messages on interactive venues turns the consumer into an active participant of the sense-making process and also makes them complicit in socio-cultural changes.

Keywords: feminism, social attitudes, gender stereotypes, advertising communication, reverse communication.

For citation: Arkhipova YuV. How Brands Promote Feminist Ideas (Case Studies of Gillette and Reebok Promotional Campaigns). In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today’s World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 346–354. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-J06.

Введение

Плюрализм современной западной культуры, основанной на идее всеобщего равенства, превратил феминизм из идеологии равноправия полов в альтернативную философскую концепцию социокультурного развития [9, с. 35]. Признание равноправия мужских и женских интересов в обществе все чаще становится определяющей моделью поведения представителей молодого поколения, отвергающего традиционные ценности. Долгое время социум настаивал на том, что именно маскулинное является культурной нормой, а любые феминистические проявления – культурным отклонением и чуть ли не разновидностью девиантного поведения. Вектор такого развития культуры был задан еще в древности, в VI–V вв. до н. э. античными философами. Именно они начали рассматривать женское тело «как деструктивное природное начало, влияние которого на культуру несет в себе угрозу и должно быть нейтрализовано» [8, с. 114]. С тех пор идеология женоненавистничества на долгий исторический период исключила женское из рационального философского мышления и из системы организации общест-

венной жизни. Идея женской ограниченности, зависимости от мужчины, второстепенности ее роли в обществе так глубоко прикипела в общественное сознание, что до сих пор любая попытка ее переосмысления вызывает острое неприятие значительной части населения. Изначально традиция половой дискриминации складывалась на основе признания очевидных биологических различий между полами – мужчина выше и сильнее, женщина ниже и слабее. Но со временем, помимо биологического, важную роль стали играть социальный и культурный аспекты [11]. И сегодня можно утверждать, что «в культуре мужское и женское существуют как элементы культурно-символических рядов» [9, с. 37]. Поэтому современный феминизм стремится уже не столько к достижению политико-правового равноправия мужчин и женщин, сколько к пересмотру духовных приоритетов западной культуры. «Пересмотр диктуется как раз фактом открытия того, что наш взгляд на природу общества, человека, культуры не нейтрален, как это казалось прежде, в половом отношении» [3, с. 167].

Поворот культуры к «гуманистическому феминизму» совпал с расцветом философии индивидуализма и интереса к проблемам самоопределения личности [12]. Стремление человека к свободе и независимости от устаревших социокультурных догм определило новый вектор развития западной культуры. Реклама отреагировала на произошедшие изменения одной из первых. Появился так называемый «фемвертайзинг» – определенный вид рекламы, где центральное место занимает идея, что женщины заслуживают большего [10]. Это не обязательно реклама женских товаров и предназначенная исключительно для женщин. Речь идет о рекламном продукте, продвигающем идеологию гендерного равенства и женского взгляда на мир как альтернативы мужскому. Термин принадлежит феминистскому portalу She Knows, который ввел его в 2014 году для обозначения феминных стратегий в рекламе. Но началом эпохи фемвертайзинга считают 2004 год, когда бренд Dove представил миру свою революционную рекламную кампанию Real Beauty, продвигающую новые стандарты красоты и «разрешающую» женщине любить себя такой, какая она есть, какой ее создала природа.

С тех пор мировые бренды с определенной периодичностью экспериментируют с форматом фемвертайзинга, выступая за права женщин. В своем стремлении занять прочные позиции в национальной и общественной идеологии, они постепенно отказываются от погони за отдельно взятым потребителем. Теперь они берут на себя функции воспитания и социально-культурного регулирования, пытаются менять социальные установки и отстаивают идею всеобщего равенства, в том числе гендерного. Меняется сам характер рекламной коммуникации. Реклама перестает быть просто рекламой и превращается в серьезный социокультурный дискурс.

Методы исследования

Поскольку наиболее важным в процессе анализа представляется понимание процесса смыслопорождения при получении рекламного сообщения, основным методом исследования выбран дискурс-анализ. Именно с помощью дискурс-анализа возможно определить основные составляющие процесса конструирования медиареальности и смыс-

лопорождения в ходе потребления вербальных и визуальных семиотических единиц, составляющих основу рекламного текста.

Результаты и обсуждение

Начало 2019 года в рекламной индустрии ознаменовалось сразу двумя скандальными событиями: 15 января компания Gillette выпустила рекламу с обновленным слоганом «Лучший мужчина, который может быть» («The best man can be»); 7 февраля российское представительство Reebok представило своим пользователям в социальной сети Instagram феминистскую рекламную кампанию «#Нивкакиерамки». По мнению большинства экспертов, обе рекламные кампании провалились, так как вызвали шквал негативных отзывов. Как на самом деле обстоят дела, еще предстоит выяснить, после того как оба бренда официально признают снижение уровня продаж или, наоборот, отчитаются об его повышении.

Оба бренда в своих новых рекламных кампаниях выступили революционерами, потому что, во-первых, в своем стремлении сделать мир лучше и современнее, замахнулись на гендерные стереотипы, а во-вторых, рискнули выйти на открытое обсуждение «острой» темы с интернет-общественностью.

Компания Gillette отказалась от слогана «Лучше для мужчины нет» ради нового «Лучший мужчина, который может быть». Бренд больше ничего не предлагает, а наоборот, ждет от мужчины конкретных действий: не обижать женщин, не оправдывать свои дурные поступки гендерным превосходством, любить и правильно воспитывать своих детей. То есть в своей рекламной коммуникации бренд больше не предлагает лучшие в мире лезвия для мужчин, а культивирует «правильные ценности». «Пришло время осознать, что бренды сильно влияют на общество. Как компания, которая призывает мужчин быть лучшей версией себя, мы должны быть уверены, что несем в мир правильные ценности» – с таким заявлением выступил представитель Gillette [1].

Этот воспитательный посыл был встречен обществом в штыки: «Кто такая Gillette, чтобы учить меня жизни?!» По мнению потребителей, бренд взял на себя слишком много. «Иногда людям полезно взглянуть в глаза своим порокам. Но бренды не имеют права вещать о морали – это задача церкви, семьи или уважаемых пожилых людей, которые могут с высоты опыта и доверия говорить остальным, как жить и какие ценности выбирать. Бренд должен работать для своих потребителей – это его единственная роль и задача», – заявляет обозреватель «New York Magazine» Джош Барро [1].

Общественность отказала бренду в праве воспитывать потребителя и менять его ценности. Поднятая в рекламе Gillette проблема сексуальных домогательств, гендерного превосходства и вседозволенности мужчин, а также готовность эту проблему открыто обсудить были восприняты как посягательство на устои.

Такой же революционной выглядит рекламная кампания Reebok. Российская акция «#Нивкакиерамки» является версией мировой рекламной кампании бренда #Wemorehuman с основным посылом «Женщина не должна извиняться за то, что она сильная». Российская версия с ее призывом «Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо» получилась даже более провокационной, чем западная. Агентство

Brand Analytics обчислило реакцию пользователей Интернета на кампанию: за два дня (7–8 февраля 2019 г.) пользователи написали более 25 тысяч негативных сообщений, вовлеченность пользователей составила 127 тысяч реакций. Более 70 % негативных сообщений было написано мужчинами [4].

Российские пользователи объявили бренду настоящий бойкот, открыто заявляя в своих интернет-постах о готовности отказаться от продукции Reebok и переключиться на приобретение продукции конкурентов. Российское руководство компании не выдержало такого натиска и начало удалять и править провокационный контент. По мнению аналитиков, оно допустило ряд грубых ошибок, следствием чего и стал вал разгневанных комментариев пользователей [4].

В качестве главной героини кампании «#Нивкакиерамки» российское представительство Reebok выбрало феминистку Залину Маршекулову, автора Telegram-канала «Женская власть». Также в кампании приняли участие чемпионка Европы по спортивной борьбе Анжелика Пиляева и боец ММА, тренер Юстына Грачык. Сделать лицом спортивного бренда журналистку и блогера – сама по себе идея очень смелая, а добавить к ней спортсменок, добившихся успеха в традиционно мужских видах спорта, – это, действительно, уже «ни в какие рамки». Компания открыто заявила о том, что готова пересмотреть общепринятые ценности и менять приоритеты.

Примечательно, что большинство пользователей, негативно оценивших обе кампании, и аналитиков, заявивших о рекламном провале, – мужчины. Голос женщин, в защиту которых выступили оба мировых бренда, отчетливо так и не прозвучал. И Gillette, и Reebok открыто заявили, что отныне готовы рассматривать женскую аудиторию как не менее значимый и авторитетный потребительский сегмент. И если женщины все-таки услышали и восприняли этот месседж, значит, все заявления о провале обеих рекламных кампаний (несмотря на очевидные ошибки) преждевременны.

Бренды задали новый ракурс видения. До сих пор вся визуальная культура и реклама были ориентированы на мужское видение, на что обращал внимание еще культуролог Джон Бергер в своей работе «Искусство видеть»: «Мужчины действуют, женщины показывают себя. Мужчины смотрят на женщин. Женщины наблюдают за тем, как на них смотрят. Это определяет не только отношения между мужчинами и женщинами, но и отношение большинства женщин к самим себе» [2, с. 41]. Женщины привыкли смотреть на себя глазами мужчин. И бренды долгое время поддерживали и даже культивировали это как культурную норму. Тот же Gillette активно внедрял в сознание потребителя стандарты маскулинности, показывая, каким должен быть настоящий мужчина; а от женщины требовал безупречной гладкости ног как обязательного условия привлечения мужского внимания.

И вот Gillette в своей новой рекламе буквально переворачивает все с ног на голову, предлагая посмотреть на мужчину глазами женщины. И результаты этой смены ракурса оказываются ошеломляющими: вместо игры мускулами и любования мужской силой – герой, стремящийся стать образцом нравственности и порядочности. Это социальный запрос женской части планеты. Если женщина, согласно принятым социальным установкам, должна все время стремиться понравиться мужчине,

то почему мужчине не стремиться соответствовать женскому идеалу и не стать лучшей версией себя?

Годами мировые бренды, предлагающие продукцию для женщин, выстраивали свои рекламные стратегии, манипулируя женскими страхами, которые они сами же порой и порождали. Они обещали избавление от целлюлита, тусклости волос, решение проблем недостаточно полных губ и маленькой груди. Очередной крем, шампунь, блеск для губ, белье и т. д. превращались в оружие в бесконечной борьбе за мужское внимание. В своей новой рекламной кампании Reebok предложил посмотреть на женщину ее собственными глазами. Новая концепция бренда дарит женщине возможность принимать себя такой, какая она есть («Мое тело – мое дело»); а мужчин, в воспитательных целях, делает объектом сексуальной агрессии («Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо»). Этот намеренный вызов призван поставить мужчину в положение слабого и обиженного, чтобы он почувствовал, как это неприятно.

Тема женского тела, которую так смело поднял бренд Reebok в своей новой рекламной кампании, – одна из ключевых в феминистских исследованиях. Ее популярность связана с попыткой фундаментального переосмысления культурного отношения к женскому телу. Несмотря на то что, на первый взгляд, женское тело всегда было предметом восхищения, источником вдохновения художников и поэтов, «именно оно оказывалось базисной основой дискриминации женщины» [3, с. 178]. Отсылкой к этому культурному лицемерию становится грубый и прямолинейный слоган Маршекуловой: «Когда говорят “носить на руках”, представляю, как меня носят в гробу». Феминистки отказываются от пассивной роли объекта мужского восхищения, они заявляют о праве женщины быть довольной своим телом, своими формами, вне зависимости от мужского одобрения: «Принимаю себя раз в день (после еды)».

Абсолютно феминистская по идеологии и стилистике, рекламная кампания вместе с тем высмеивает наиболее расхожие представления о феминизме. В нарочитой агрессивности и вызывающей дерзости слоганов скрыта тонкая ирония, направленная против мужских страхов, связанных с феминизмом: придут новые воинствующие амазонки, начнут доказывать свою силу и ловкость, отберут у мужчин все права и привилегии, в итоге изведут мужскую особь, построят свой, абсолютно женский мир. Возможно, эти страхи связаны с деятельностью радикальных феминисток, которые когда-то предложили «ликвидировать мужчин как класс» [7, с. 944].

На самом деле большинство современных феминисток не против мужчин и даже очень хорошо к ним относятся. По словам героинь рекламной кампании Reebok, они счастливы в отношениях с противоположным полом. Поэтому речь не идет о том, чтобы отобрать права и занять место мужчин (или, тем более, избавиться от них). Современный феминизм разрешает женщине быть сильной и при этом сохранять свою женственность. «Женщины отстаивают свое право на творческую реализацию, сохранение женственности и индивидуальности, участие в жизни общества, право быть не только лишь матерью и хозяйкой, но и в полной мере использовать свое право на самореализацию» [6, с. 60].

Именно это соединение силы и женственности, приправленное тонкой иронией, должны были продемонстрировать героини новой

рекламной кампании Reebok. Чтобы феминистические лозунги не звучали слишком пафосно, а вызов переводился в формат игры, в некоторые слоганы были включены известные мемы, характеризующие отношения полов («Я не договорила», «Ой, не всё»). Но феминизм для российского социума остается по-прежнему очень острой темой, не менее острой, чем тема сексуальных меньшинств. И разгневанные пользователи увидели в рекламных постерах лишь посягательство на их права, поспрашивание устоев и оскорбление общественных ценностей.

Заключение

Предпринятые мировыми брендами попытки изменения идеологической парадигмы возмутили (напугали) мужчин. Но так всегда происходит в случае изменения чего-то фундаментального и привычного. И как бы ни сопротивлялись мужчины и ни заявляли о провале рекламной коммуникации обоих брендов, поднятая ими информационная волна подготовила благоприятную почву для обсуждения наболевшей проблемы. Мы наблюдаем очередной этап борьбы за гендерное равенство в формате реверсивной коммуникации: обе рекламные кампании были изначально направлены на получение обратной связи (Gillette предложила обсуждение проблемы на специальном сайте, а Reebok изначально выбрала в качестве канала коммуникации социальную сеть, где можно отслеживать немедленную реакцию пользователей). И это тоже часть стратегии: чем больше реакции пользователей (даже гневной), тем больше поводов для обсуждения и разъяснения своей позиции.

Информация об авторе

Юлия Владимировна Архипова, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Реклама и связи с общественностью» факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Yulia V. Arkhipova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Advertisement and Public Relations, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Барро Дж. «Кто такая Gillette, чтобы учить меня жизни»: почему провалилась реклама бренда о вреде маскулинности // Vs.ru. 16.01.2019. URL: <https://vc.ru/marketing/55620-kto-takaya-gillette-chtoby-uchit-menya-zhizni-pochemu-provalilas-reklama-brenda-o-vrede-maskulinnosti> (дата обращения: 12.03.2019).
2. Бергер Дж. Искусство видеть / пер. с англ. Е. Шраги. СПб. : Клаудберри, 2012. 182 с.
3. Брандт Г. А. Природа женщины как проблема (концепции феминизма) // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 167–180.
4. Brand Analytics оценил реакцию пользователей на скандал с Reebok // Adindex.ru. 08.02.2019. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2019/02/8/269805.phtml> (дата обращения: 12.03.2019).
5. Герасимов М. 5 уроков скандала с Reebok: что должны знать бренды и агентства // Adindex.ru. 08.02.2019. URL: https://adindex.ru/publication/opinion/criticism/2019/02/8/269795.phtml?utm_source=adindex&utm_medium=internal_link&utm_campaign=in_focus (дата обращения: 12.03.2019).

6. Королева А. Н., Нечаева В. А. Новая женственность или Феминизм сегодня // *Современные проблемы социально-гуманитарных наук*. 2016. № 6 (8). С. 60–63.

7. Лопатина А. А. Феминизм как общественно-политическое явление современной жизни // *Аллея науки*. 2018. Т. 7, № 6 (22). С. 943–946.

8. Муслумова Т. В. Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления // *Вестник Шадринского государственного педагогического института*. 2015. № 4 (28). С. 114–120.

9. Рубанцова Т. А. Философия феминизма и культура // *Вестник Омского университета*. 1998. Вып. 4. С. 35–38.

10. Савина А. Мода на фемвертайзинг: Что не так с феминистской рекламой // *Wonder*. 13.02.2019. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/241147-femvertising> (дата обращения: 15.03.2019).

11. Alcoff L. Cultural Feminism versus Post-Structuralism: The Identity Crisis in Feminist Theory // *Signs*. 1988. Vol. 13, No. 3 (Spring). P. 405–436.

12. John-Steiner V. Sociocultural and Feminist Theory: Mutuality and relevance // Chaiklin S., Hedegaard M., Jensen U. J. (Eds.). *Activity theory and social practice: Cultural-historical approaches*. Aarhus : Aarhus University Press, 1999. Ch. 11.

Статья поступила в редакцию: 01.07.19

Принята к публикации: 19.09.19

References

1. Barro J. «Kto takaya Gillette, chtoby učit' menya zhizni»: pochemu provalilas' reklama brenda o vrede maskulinnosti [Who is Gillette to Teach Me Life: Why Brand's Advertisement on Harm of Masculinity Failed]. *Vs.ru*. Website. 16.01.2019. Available from: <https://vc.ru/marketing/55620-kto-takaya-gillette-cto-by-uchit-menya-zhizni-pochemu-provalilas-reklama-brenda-o-vrede-maskulinnosti> [Accessed 12.03.2019]. (In Russ.).

2. Berger J. *Iskusstvo videt' [Ways of Seeing]*. Saint Petersburg: Klaudberri; 2012. 182 p. (In Russ.).

3. Brandt GA. Priroda zhenshchiny kak problema (kontseptsii feminizma) [Woman's Nature as a Problem (Concepts of Feminism)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporaneity*. 1998;2: 167–180. (In Russ.).

4. Adindex.ru: website. *Brand Analytics otsenil reaktsiyu pol'zovatelei na skandal s Reebok [Brand Analytics Assessed Users' Reaction to Reebok Scandal]*. 08.02.2019. Available from: <https://adindex.ru/news/researches/2019/02/8/269805.phtml> [Accessed 12.03.2019]. (In Russ.).

5. Gerasimov M. 5 urokov skandala s Reebok: chto dolzhny znat' brendy i agentstva [5 Lessons from Reebok Scandal: What Brands and Agencies Should Know]. *Adindex.ru*. Website. 08.02.2019. Available from: https://adindex.ru/publication/opinion/criticism/2019/02/8/269795.phtml?utm_source=adindex&utm_medium=internal_link&utm_campaign=in_focus [Accessed 12.03.2019]. (In Russ.).

6. Koroleva AN, Nechaeva VA. Novaya zhenstvennost' ili Feminizm segodnya [New Femininity or Feminism Today]. *Sovremennyye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk = Contemporary Problems of Social Sciences and Humanities*. 2016;6(8): 60–63. (In Russ.).

7. Lopatina AA. Feminizm kak obshchestvenno-politicheskoye yavlenie sovremennoy zhizni [Feminism as a Social and Political Phenomenon of Contemporary Life]. *Alleya nauki = Science Alley*. 2018;7(6): 943–946. (In Russ.).

8. Muslumova TV. Feminizm: istoki, etapy razvitiya i osnovnyye napravleniya [Feminism: Origins, Development Stages and Major Trends]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute = Shadrinsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015;4(28): 114–120. (In Russ.).

9. Rubantsova TA. Filosofiya feminizma i kul'tura [Philosophy of Feminism and Culture]. *Vestnik Omskogo universiteta = Omsk University Bulletin*. 1998;4: 35–38. (In Russ.).

10. Savina A. Moda na femvertaizing: Chto ne tak s feministskoi reklamoi [Femvertising Fashion: What is Wrong with Feminist Advertising]. *Wonder*. Website. 13.02.2019. Available from: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/241147-femvertising> [Accessed 15.03.2019]. (In Russ.).

11. Alcoff L. Cultural Feminism versus Post-Structuralism: The Identity Crisis in Feminist Theory. *Signs*. 1988;13(3): 405–436.

12. John-Steiner V. Sociocultural and Feminist Theory: Mutuality and relevance. In: Chaiklin S, Hedegaard M, Jensen UJ. (eds.) *Activity theory and social practice: Cultural-historical approaches*. Aarhus: Aarhus University Press; 1999. Ch. 11.

Submitted 01.07.19 Accepted 19.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J07
УДК 659.118

Ambient media как новый тренд в социокультурном пространстве российского города

Екатерина А. Голубкова¹,
ORCID: 0000-0001-7932-7572, e-mail: ekaterina.golubkova@gmail.com.

Елена В. Грунт²,
ORCID: 0000-0002-2284-543X, e-mail: helengrunt2002@yandex.ru

^{1,2}Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В данной статье авторы рассматривают причины возникновения и особенности Ambient media в социокультурном пространстве города. Глобальные социокультурные изменения в современном мире приводят к перенасыщенности информацией, травматогенным факторам и, как следствие, к поиску новых адаптивных механизмов принятия личностью социальной реальности. Ненавязчивой, встроенной в окружающую среду и повседневные практики человека рекламной коммуникацией становится в современном обществе Ambient media.

Для анализа Ambient media как новой формы коммуникации авторами применены метод структурно-функционального анализа и системный подход.

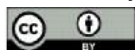
В статье доказано, что Ambient media – революционно новая и сравнительно молодая рекламная коммуникация, опровергающая традиционные представления о видах, методах и формах рекламы. Это коммуникация, предлагающая инновационные схемы взаимодействия с потребителем, с окружающей средой и изменяющая представления человека о социокультурном пространстве, в котором он существует.

Авторами выделены основные характеристики Ambient media, а также симптомы травмы для человека, которые могут характеризовать коммуникационные процессы в современном обществе.

Доказано, что в Европе и США Ambient media как новый вид коммуникации во всех смыслах вписан в городское пространство этих стран. Однако для современной России Ambient media как вид коммуникации является новым трендом в социокультурном пространстве российских городов.

Ключевые слова: Ambient media, рекламная коммуникация, новый тренд, социокультурное пространство, повседневность, медиаинфляция, социальные изменения.

Для цитирования: Голубкова Е. А., Грунт Е. В. Ambient media как новый тренд в социокультурном пространстве российского города // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 355–363. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J07.

Ambient Media as a New Trend in Socio-Cultural Space of Russian City

Ekaterina A. Golubkova¹,

ORCID: 0000-0001-7932-7572, e-mail: ekaterina.golubkova@gmail.com.

Elena V. Grunt²,

ORCID: 0000-0002-2284-543X, e-mail: helengrunt2002@yandex.ru

^{1,2}Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. This paper explores the reasons for emergence and the features of ambient media in an urban socio-cultural space. Global socio-cultural changes in the contemporary world lead to informational oversaturation, trauma-generating factors and, as a consequence, search for new adaptive mechanisms for an individual to accept the social reality. Ambient media become an unobtrusive advertising communication built into the environment and people's daily practices in the contemporary society.

To analyze ambient media as a new form of communication, the authors applied the method of structural and functional analysis and a systemic approach.

The paper argues that ambient media are a breakthrough, new and comparatively young advertising communication disproving traditional views of advertisement types, methods and forms. This is a communication offering innovative patterns of interaction with the consumer and the environment and changing individuals' notions of a socio-cultural space where they exist.

The authors identified the main features of ambient media, as well as the human trauma symptoms that can be caused by communication processes in the contemporary society:

It is demonstrated that ambient media as a new type of communication are in all respects integrated into the urban space of European countries and the USA. For contemporary Russia, however, ambient media as a type of communication are a new trend in the socio-cultural space of Russian cities.

Keywords: ambient media, advertising communication, new trend, socio-cultural space, mundanity, media inflation, social changes.

For citation: Golubkova EA, Grunt EV. Ambient Media as a New Trend in Socio-Cultural Space of Russian City. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 355–363. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-J07.

Введение

Современные медиа, как информационные, так и рекламные, в условиях информационного общества и развития электронной эпохи коммуникаций приобретают все большую власть и значение. Они способны трансформировать не только мировоззрение и образ жизни человека, но и социальную реальность. Современные медиа более не ограничены средствами массовой информации (СМИ) [11]. Сегодня к медиа мы можем отнести любых посредников в коммуникации человека с окружающим его социальным миром, таких как власть, право, любовь, искусство, деньги, город. Поэтому важнейшей задачей медиа является поиск того особого языка коммуникации, который позволит выстроить эффективную коммуникацию в измененном социокультурном пространстве.

Актуальность избранной темы исследования во многом обусловлена социокультурными изменениями последних лет, которые стали следствием процессов глобализации, урбанизации, развития мультимедийных технологий и медиаинфляции. Будучи наполнены сегодня как позитивными, так и негативными смыслами и являясь травматогенными социальными факторами, подобные изменения провоцируют ощущение собственного бессилия человека перед непрекращающимся потоком сообщений, снижение восприятия и интереса; провоцируют состояние тревоги и беспокойства; отсутствие или недостаток доверия традиционным формам рекламы. Научная проблема заключается в анализе новых форм медиа, способствующих поиску конструктивного сценария преодоления травматических социальных изменений и формирования новой социальной реальности – безопасной и комфортной для социальных акторов.

Ambient media – революционно новая и сравнительно молодая рекламная коммуникация, опровергающая традиционные представления о видах, методах и формах рекламы. Это коммуникация, предлагающая инновационные схемы взаимодействия с потребителем, с окружающей средой и изменяющая представления человека о социокультурном пространстве, в котором он существует. Ambient (в переводе с англ. «окружающий, охватывающий, обтекающий») – это рекламные сообщения, ненавязчиво встроенные в окружающую среду, средствами распространения которых становятся привычные потребителю объекты повседневности (поручни автобуса, квитанции ЖКХ, мусорный бак, дно бассейна, звездное небо). К сожалению, процесс нашего исследования затруднен практическим отсутствием научного анализа Ambient media отечественными авторами.

Методы исследования

Методологическую базу нашего исследования составили функциональный подход и системный анализ социальных медиа Н. Лумана [9; 2], современные теории коммуникации социологов и философов С. Шеннона [1], М. Мак-Люэна [11], теории социальных изменений современных философов и социологов П. Штомпки [3], П. Рокета [12], М. Мак-Каллоха [10]. В основе работы лежит использование как общих методов науки, так и конкретных методов, социологических исследований.

В разработке стратегического плана были использованы результаты эмпирических исследований группы шведских социологов: социологическое наблюдение на станциях метрополитена при взаимодействии с традиционными формами рекламы и Ambient media; проведение фокус-групп с демонстрацией разных форм рекламы [13]; экспертные интервью специалистов по маркетингу, рекламе, ПР на позициях топ-менеджеров из состава 100 коммуникационных агентств на территории северных штатов США, проведенные группой американских социологов [14].

Цель исследования – изучение причин возникновения и особенности Ambient media в социокультурном пространстве города.

Результаты и обсуждение

Причины возникновения новой формы рекламы могут быть объяснены свойствами коммуникации, сформулированными Луманом: такими как информационная перенасыщенность и непрерывность, ха-

рактрная для информационной эпохи [9]. Информация изменяет состояние социальной системы, функционируя как нечто новое, создающее смысл. Однако средства массовой информации стремятся к постоянному увеличению круга участников коммуникации в целях повышения рейтингов. Переизбыток информации порождает неопределенность успеха коммуникации и нестабильность системы коммуникации в целом. Неясно, принимаются ли сообщения реципиентом или оно отклоняется. Также неизбежно возникает и перегрузка мотивационных систем личности [11]. Результат восприятия коммуникации оказывается неопределенным и нестабильным, что, соответственно, порождает неясность в самой коммуникативной системе. Эти факты подтверждаются результатами эмпирических исследований. По результатам исследований, проведенных шведской группой исследователей в области коммуникаций под руководством М. Далена, в США в среднем на 1 человека приходится 1 500 контактов с рекламным сообщением ежедневно [13, p. 20]. Таким образом, приемник информации на сегодняшний день подвергается процессам значительной медиаинфляции. Именно перенасыщение информационными потоками побуждает индивида искать психологические и социальные способы защиты от информации, расцениваемой как излишняя и неактуальная.

Также значимым фактором, ограничивающим эффективное функционирование современных медиа, являются семантические шумы, возникающие на пути от источника к передатчику информации. Будучи связанными с внешними факторами, они воздействуют на сообщение, искажая его, разрушая его целостность, тем самым препятствуя приему и распознаванию его. Семантические шумы, по мнению Шеннона, могут быть вызваны различными факторами: семантическими искажениями, физическим состоянием коммуникационной среды, психологическими ограничениями реципиента, социокультурными помехами [1]. Осмысление концепции семантических шумов впервые в теории коммуникации поднимает вопрос о первостепенной значимости канала коммуникации, т. е. той среды – физического и социального пространств, которые формируют ситуационный контекст коммуникации.

Именно этот элемент – канал коммуникации – является определяющим в структуре Ambient media. В отличие от традиционных СМИ, существующих в рамках легко различимых форм доставки послания, таких как ТВ, радио, печатная реклама, ООН (out of home), электронные СМИ, в Ambient media каналом коммуникации становится сама среда. Во-первых, реципиент получает информацию не по формальным, внешним, отделенным от него каналам коммуникации, а в местах привычных и знакомых, связанных с повседневными практиками. Рекламное сообщение естественно растворяется в среде повседневности, не оставляя физической возможности его игнорирования [7]. Во-вторых, согласно теориям коммуникации Лассвелла [6] и Шеннона [1], канал коммуникации играет роль передатчика, доставщика содержания сообщения, однако в Ambient media сам канал коммуникации несет в себе содержание. Среда, параллельно с контекстом рекламного сообщения, становится стимулом для побудительной деятельности реципиента за счет трансформации внешнего стимула во внутренний мотив. Именно месторасположение рекламного сообщения побуждает получателя информации к распознаванию знаков, символов, смыслов, заложенных в рек-

ламный контекст. Так, например, в рекламе страховой компании на куриных яйцах основным источником информации о незащищенности, апелляции к чувству страха и побуждению к защите становится сам носитель. Канал становится содержанием. Таким образом, концепция Ambient media позволяет снизить семантические шумы, нарушающие целостность сообщения. Преодолеть шумы способна и избыточность передаваемых сигналов, т. е. многократное повторение сообщения. Однако это вновь приводит к информационному перенасыщению. Процесс рекламной коммуникации в Ambient media позволяет достичь распознавания информации получателем без повторов лишь при однократном контакте, что существенно повышает степень воздействия передаваемой информации.

Перенасыщение и избыточность рекламной информации могут рассматриваться как негативные, дисфункциональные последствия социальных изменений, которые приводят к нарушению привычного хода событий. Такие негативные последствия, казалось бы, позитивных социальных изменений, как информационная революция, развитие телекоммуникаций, способны нарушать «установленный мир жизни», являться травматогенными [3]. Речь идет о «травме, вызванной современностью, сильнее всего это проявилось в опыте XX в. и выразилось в усилении страхов, беспокойства конца XX в.» [3, с. 475]. Мы допускаем, что традиционные формы рекламы с присущими им процессами медиаинфляции, избыточности информации и навязываемого характера сообщений травматичны. Основываясь на концепции Штомпки, мы можем выделить те симптомы травмы, которые могут характеризовать коммуникационные процессы в современном обществе:

- отсутствие или недостаток доверия традиционным формам рекламы. Полностью или частично доверяют рекламе на ТВ – 63 %, рекламе в газетах – 60 %, в журналах – 58 % респондентов, согласно опросу Nielsen Global Trust 30 000 онлайн-респондентов в 60 странах мира [14, с. 75]. Это означает, что практически половина реципиентов рекламных сообщений подвержена травматическим изменениям;

- пассивность, ощущение собственного бессилия перед непрекращающимся потоком сообщений, следствием которого становится апатичное снижение восприятия и интереса к рекламным сообщениям;

- неопределенное состояние беспокойства, комплекс страхов, тревожное настроение.

Рассуждая о социогенезе Ambient-коммуникаций, современные философы М. Маккалох [10] и П. Рокет [12] выделяют следующие аспекты: во-первых, социальную концепцию выживаемости индивида в постоянно подверженном изменениям и агрессии социокультурном пространстве; во-вторых, формирование новой концепции субъекта, ориентированного на идеи самоопределения и личной ответственности.

Природа Ambient встречается сегодня, по мнению Рокета, в различных социокультурных проявлениях – от созерцательного кино до стиля эмбиент (фоновой) музыки. Формирование феномена Ambient-музыки – ненавязчивое фоновое звучание неакадемического жанра, распространившегося в Великобритании в 70-х годах XX столетия [4], исторически предвосхитила появление Ambient media. Ambient-музыка проникает в повседневные практики индивида, заполняя собой окружающее пространство, служит фоном для ежедневных занятий – со-

вершения покупок, ужина в ресторане, ожидания встречи. Слушателю предлагается выбор – быть включенным в музыку или игнорировать ее.

Концепция Ambient становится ответом на трансформацию социально-культурного пространства человека. Процессы глобализации, урбанизации, информационной перегрузки приводят к отчуждению среды, вынуждая городского жителя к поиску своей социальной ниши, к безопасному и комфортному существованию. Концепция Ambient, по нашему мнению, облегчает ему этот поиск, способствует расширению вариативности адаптационных процессов. Она также изменяет и моделирует коммуникативное пространство индивидуума, формируя новые сценарии на базе повседневных практик. Мак Каллох утверждает, что любая информация, естественно встраиваемая в окружающую среду, а не навязанная извне, преобразует городскую среду в устойчивую, безопасную и комфортную для человека.

Ambient становится следствием формирования новой концепции субъекта, ориентированного на идеи самоопределения и личной ответственности. В частности, Рокет связывает трансформацию субъективного опыта современного человека с появлением нелиберальных режимов социального контроля [12]. Ambient-коммуникации конструируют более позитивные, с одной стороны, и менее разрушительные социальные отношения – с другой. Это связано с тем, что они опираются на личный выбор и самоидентификацию субъекта, приглашая его принять активное участие в построении тех видов и способов социальной реальности, в которых ему хотелось бы жить и где бы он чувствовал себя комфортно, уверенно и защищённо.

В рамках концепции Smart ideas for smarter cities («Умные идеи для умных городов») IBM разместила щиты на стенах зданий, каждый из которых был трансформирован в утилитарный объект окружающей среды [5]: козырек сверху – зона для укрытия от дождя на остановках транспорта, козырек снизу – скамейка, еще один щит служил удобным пандусом для колясок и пешеходов с багажом. Коммуникационный посыл заключается в предложении горожанам делиться своими оригинальными идеями для улучшения жизни города. На щитах размещена ссылка в сети Интернет, где бренд IBM собирает «умные» идеи, чтобы сделать город еще лучше, еще «умнее». Данная коммуникация во всех смыслах вписана в городское пространство. Рекламными носителями становятся объекты повседневности, необходимые, помогающие людям. Привычная городская среда сама по себе становится сообщением о желании сделать жизнь города и людей в нем еще лучше. Улучшение повседневной жизни несет в себе жизнеутверждающую позицию, конструктив и инновационность. Ассоциативно человек переносит все полученные от коммуникации эмоции, символы и смыслы на источник коммуникации – бренд IBM.

Перефразируя Мак Каллоха, «Ambient – это простое имя для очень сложного набора явлений» [10, p. 24]:

- Ambient окружает человека, но не навязывает, не внедряется агрессивно;
- обладает эффектом персонализированного воздействия;
- предлагает необходимое, но не излишнее;
- являет нематериальное в окружающей среде;

- предполагает ненавязчивое познание среды, ведущее к построению субъективной картины мира.

Перефразируя Мак-Люэна, наиболее значимым для Ambient-коммуникаций становится принцип «media-be-the-message» [11], в отличие от принципа, характерного для традиционных медиа «message-is-the-message» – «сообщение есть сообщение». В Ambient media сама окружающая среда являет собой единственное необходимое для него послание. Примеры того, как сама среда становится сообщением, мы и находим в Ambient-формах – рекламе страховой компании на куриных яйцах, газированной воде в городском фонтане. Проведя анализ Ambient media, нам представляется возможным сформулировать свое определение Ambient media. Мы понимаем ее как нетрадиционную рекламную коммуникацию, основанную на личном опыте социального актора, органически вписанную в опыт повседневности и имеющую точное контекстное соответствие (совпадение) окружающей среде.

Ambient media широко распространена в Европе и США, однако в России Ambient-коммуникации встречаются редко, несмотря на результаты исследований и экспертное мнение специалистов-практиков по медиакommunikациям о высокой эффективности восприятия, запоминаемости и положительном отношении к Ambient как наиболее значимому средству офлайн-коммуникации на сегодняшний день.

Дальнейшее исследование будет направлено на изучение вопросов о том, насколько открыта и дружелюбна среда российского большого города для внедрения Ambient media, готов ли современный житель к трансформации повседневного опыта и привычной реальности посредством Ambient-коммуникаций, и др.

Заключение

Исследование показало, что современные медиа в условиях информационного общества более не ограничены средствами массовой информации (СМИ). Сегодня они способны трансформировать не только мировоззрение и образ жизни человека, но и социальную реальность. К таким медиа относятся Ambient media.

Ambient media – революционно новая и сравнительно молодая рекламная коммуникация, опровергающая традиционные представления о видах, методах и формах рекламы. Анализ Ambient media позволяет рассматривать их шире, чем рекламную или маркетинговую коммуникацию. Рекламными носителями становятся объекты повседневности. Привычная городская среда сама по себе становится сообщением о желании сделать жизнь города и людей в нем еще лучше.

Фактор влияния на социокультурную среду и опыт повседневности позволяет сформулировать утверждение об Ambient media как о социокультурном феномене. Как любое сложное явление, оно многогранно и многоаспектно.

Исследование зафиксировало, что данная коммуникация во всех смыслах вписана в городское пространство Запада. Если в Европе и США Ambient-коммуникация достаточно широко распространена в городском пространстве, то для российских городов данная коммуникация является новым трендом в социокультурном пространстве города.

Информация об авторах

Екатерина Александровна Голубкова, кафедра ИМК и брендинга Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Елена Викторовна Грунт, кафедра прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Ekaterina A. Golubkova, Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Elena V. Grunt, Department of Applied Social Science, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Дорофеева И. В. Модель Шеннона – Уивера и ее значение для развития теории коммуникации // Языковой дискурс в социальной практике : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Тверь : Тверской государственный университет, 2013. С. 49–53.
2. Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М. : Весь Мир, 2012. 248 с.
3. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М. : Логос, 2005. 664 с.
4. A Brief History of Ambient Music // The Joys of Ambient Music. 2012. URL: <http://joysofambient.blogspot.com/2012/03/brief-history-of-ambient-music.html> (дата обращения: 05.04.2019).
5. IBM – Smart Ideas for Smarter Cities // bsomultimedia.com. 2019. URL: <https://www.bsomultimedia.com/bsommedia/en/ibm-smart-ideas-for-smarter-cities/> (дата обращения: 05.04.2019).
6. Lasswell H. The structure and function of communication in society // The communication of ideas / L. Bryson (Ed.). New York : Harper and Row, 1948. P. 37–51.
7. Levordashka A., Utz S. Ambient awareness: From random noise to digital closeness in online social networks // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 60. P. 147–154. doi: 10.1016/j.chb.2016.02.037.
8. Lugmayr A., Serral E., Scherp A., Pogorelc B., Mustaquim M. Ambient media today and tomorrow // Multimedia tools and applications. 2013. Vol. 71. P. 7–37. DOI: 10.1007/s11042-012-1346-z.
9. Luhmann N. The Reality of the Mass Media. Stanford : Stanford University Press, 2000. 154 p.
10. McCullough M. Ambient Commons: Attention in the Age of Embodied Information. Cambridge, MA : The MIT Press, 2013. 351 p.
11. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Cambridge, MA : The MIT Press, 1994. 392 p.
12. Roquet P. Ambient Media: Japanese Atmospheres of the Self. Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 2016. 245 p.
13. Rosengren S., Modig E., Dahlen M. The value of ambient communication from a consumer perspective // Journal of Marketing Communications. 2015. Vol. 21, Issue 1. P. 20–32. DOI: 10.1080/13527266.2014.970825.
14. Shelton A. J., Wojciechowski L. P., Warner J. Ambient marketing practices in the United States: a professional view // Communication Today. 2016. Vol. 7, No 1. P. 66–80.

*Статья поступила в редакцию: 04.07.19
Принята к публикации: 19.08.19*

References

1. Dorofeeva IV. Model' Shennona – Uivera i ee znachenie dlya razvitiya teorii kommunikatsii [Shannon Weaver Model and its Significance for Development of Communication Theory]. In: *Yazykovoï diskurs v sotsial'noi praktike [Language Discourse in Social Practice]: Collection of Academic Papers from International Scientific and Practical Conference*. Tver: Tver State University; 2013. p. 49–53. (In Russ.).
2. Nazarchuk AV. *Uchenie Niklasy Lumana o kommunikatsii [Niklas Luhmann's Teaching on Communication]*. Moscow: Ves' Mir; 2012. 248 p. (In Russ.).
3. Shtompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva [Social Science. Analysis of Contemporary Society]*. Moscow: Logos; 2005. 664 p. (In Russ.).
4. The Joys of Ambient Music: website. *A Brief History of Ambient Music*. 2012. Available from: <http://joysofambient.blogspot.com/2012/03/brief-history-of-ambient-music.html> [Accessed 05.04.2019].
5. Bsomultimedia: website. *IBM – Smart Ideas for Smarter Cities*. 2019. Available from: <https://www.bsomultimedia.com/bsommedia/en/ibm-smart-ideas-for-smarter-cities/> [Accessed 05.04.2019].
6. Lasswell HD. The structure and function of communication in society. In: Bryson L. (ed.) *The communication of ideas*. New York: Harper and Row; 1948. p. 37–51.
7. Levordashka A, Utz S. Ambient awareness: From random noise to digital closeness in online social networks. *Computers in Human Behavior*. 2016;60: 147–154. Available from: doi:10.1016/j.chb.2016.02.037.
8. Lugmayr A, Serral E, Scherp A, Pogorelc B, Mustaqim M. Ambient media today and tomorrow. *Multimedia tools and applications*. 2013;71: 7–37. Available from: doi:10.1007/s11042-012-1346-z.
9. Luhmann N. *The Reality of the Mass Media*. Stanford: Stanford University Press; 2000. 154 p.
10. McCullough M. *Ambient Commons: Attention in the Age of Embodied Information*. Cambridge, MA: The MIT Press; 2013; 351 p.
11. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Cambridge, MA: The MIT Press; 1994. 392 p.
12. Roquet P. *Ambient Media: Japanese Atmospheres of the Self*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press; 2016. 245 p.
13. Rosengren S, Modig E, Dahlen M. The value of ambient communication from a consumer perspective. *Journal of Marketing Communications*. 2015;21,(1): 20–32. Available from: doi:10.1080/13527266.2014.970825.
14. Shelton AJ, Wojciechowski LP, Warner J. Ambient marketing practices in the United States: a professional view. *Communication Today*. 2016;7(1): 66–80.

Submitted 04.07.19 Accepted 19.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J08
УДК 659.113

О планировании периодической рекламы

Георгий А. Шматов,

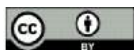
АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0001-9187-1490, e-mail: sga36@mail.ru

Аннотация. При периодическом размещении рекламы эффективный охват аудитории изменяется со временем, возрастая в течение флайта и уменьшаясь за время рекламного молчания. В этой связи возникают задачи исследования зависимостей величины охвата аудитории от таких параметров периодической рекламы, как длительность флайтов, период рекламного молчания, время забывания рекламы, а также задача вычисления и прогнозирования величины среднего эффективного охвата периодической рекламы. Эти задачи могут быть решены методами математической теории медиапланирования, развитой в ряде предыдущих работ автора. В настоящей работе изложены методы анализа некоторых показателей эффективности периодического размещения рекламы, развитые в рамках математической теории медиапланирования. Описаны методы оценки эффективного охвата аудитории при изменении указанных выше параметров периодической рекламы. Изложена методика управления уровнем коммуникативной эффективности периодической рекламы за счет изменения времени рекламного молчания, величины эффективного охвата флайта, его длительности, времени забывания рекламы. Полученные результаты позволяют проводить анализ и прогнозирование величин максимального, минимального и среднего охватов аудитории периодической рекламы в зависимости от параметров интенсивности рекламного воздействия, длительностей флайта и рекламного молчания. С помощью изложенных методов можно решать задачи управления уровнем коммуникативной эффективности периодической рекламы, осуществляемого за счет поиска оптимального соотношения перечисленных выше параметров периодического размещения рекламы. В частности, в работе показано наличие оптимального соотношения между длительностью рекламного молчания и периодом забывания рекламы, при которых периодическое размещение рекламы приводит к наибольшему эффекту усиления рекламного воздействия. В работе введено понятие области эффективности периодической рекламы – допустимого интервала изменения эффективного охвата аудитории, удовлетворяющего заданному рекламодателем критерию эффективности размещения рекламы. Изложена методика оценки величины областей эффективности периодической рекламы, приведены зависимости этих областей от времени рекламного молчания и времени забывания рекламы.

Ключевые слова: периодическая реклама, медиапланирование, эффективный охват, флайт, время жизни рекламы, длительность рекламного молчания.

Для цитирования: Шматов Г. А. О планировании периодической рекламы // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 364–373. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J08.

© Г. А. Шматов, 2019

On Planning Periodic Advertising

Georgy A. Shmatov,
Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0001-9187-1490, e-mail: sga36@mail.ru

Abstract. With periodic placement of advertisement, the efficient audience coverage changes over time, growing during the flight and reducing during the advertising silence. In this regard, it is incumbent to study the relation between the size of audience coverage and such parameters of periodic advertising as flights duration, advertising silence period and memory lag. It is also required to calculate and forecast the size of average efficient periodic advertising coverage. These tasks can be solved with methods of the mathematical media planning theory developed in author's earlier works. This paper outlines the methods of analyzing some performance indicators of periodic advertisement placement developed within the mathematical media planning theory. Methods of assessing the efficient audience coverage in case of changes in the abovementioned parameters of periodic advertising are described. The method of managing the level of periodic advertising's communicative efficiency by changing the advertising silence time, the size of efficient flight coverage, its duration and memory lag is outlined. The obtained results enable the analysis and forecasting of the sizes of maximum, minimum and average audience coverage by periodic advertising depending on parameters of advertising impact intensity, flight duration and advertising silence. The described methods make it possible to solve the tasks of managing the level of periodic advertising's communication efficiency, which is achieved by finding the optimal ratio of the abovementioned parameters of periodic advertisement placement. Specifically, the paper demonstrates the existence of the optimal ratio between the advertising silence duration and the memory lag that ensure maximum advertising impact enhancement with periodic advertisement placement. The paper introduces the notion of periodic advertising efficiency – the allowable interval of changes in the efficient audience coverage that satisfies the advertisement placement efficiency criterion established by the advertiser. The author presents the method of assessing the sizes of periodic advertising efficiency areas and provides these areas' dependency on the advertising silence time and memory lag.

Keywords: periodic advertising, media planning, efficient coverage, flight, advertisement life time, duration of advertising silence.

For citation: Shmatov GA. On Planning Periodic Advertising. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 364–373. Available from: doi:10.35853/UH-RMP-2019-J08.

Введение

В работах автора [8; 9; 10; 11] изложены основы математической теории планирования размещения рекламы в медиа разных типов. С помощью развитой в этих работах теории можно вычислять основные количественные характеристики планируемой мультимедийной рекламы, а именно эффективный охват аудитории, частотное распределение охвата, долю рекламного голоса, прогнозируемую прибыль, а также оценивать параметры периодической рекламы, ее коммуникативную и экономическую эффективность.

Поскольку непрерывное размещение рекламы требует больших затрат, используют также другие схемы, например непрерывное, но не-

равномерное по интенсивности размещение, а также различные виды флайтового размещения (периодическое, пульсирующее, импульсное и др.). В монографии [7, с. 280] для вывода на рынок новой марки рекомендуется в течение первых 1–3 месяцев расходовать 70 % рекламного бюджета. В книге [6, с. 473] выделяются 4 схемы распределения рекламной активности во времени для рекламы *новых* марок («*блиц-схема*», «*прямой клин*», «*обратный клин*», «*быстрая мода*») и 4 схемы для рекламы *устоявшихся* марок (схема для товаров с *регулярным циклом* приобретения, *схемы осведомленности*, *переменного охвата* и *сезонного опережения*). Эти схемы представляют собой либо варианты *непрерывного* размещения (блиц-схема, схема переменного охвата), либо разного вида варианты *флайтового* размещения, см. об этом также работы [3; 5]. Их использование позволяет экономить рекламный бюджет без снижения эффективности рекламного воздействия, что достигается благодаря *согласованию распределения рекламной активности* во времени с *особенностями потребления* товаров.

Изменяя длительность молчания между рекламными флайтами, можно регулировать величину результирующей коммуникативной эффективности воздействия периодической рекламы. Если период молчания мал, то запоминаемость рекламы увеличивается с каждым последующим рекламным воздействием, достигая высокого конечного уровня. Если же период молчания велик, то каждое последующее рекламное воздействие не приводит к повышению запоминаемости (нет накопления эффектов рекламного воздействия). Такую схему размещения рекламы можно считать вариантом импульсной рекламы.

Известно, что при периодическом размещении рекламы ее воздействие уменьшается с течением времени после каждого рекламного флайта. Эффективность рекламного воздействия определяется по влиянию рекламы на аудиторию и оценивается величиной той или иной характеристики, выбранной в качестве критерия эффективности (осведомленность о предмете рекламы, лояльность к ней, прогнозируемая прибыль и др.). Изучение показателей эффективности рекламы в зависимости от ее интенсивности и времени, прошедшего после завершения ее размещения, является предметом многочисленных исследований. Установлено, что после размещения рекламы осведомленность о предмете рекламы уменьшается со временем, как правило, по экспоненциальному закону [2, с. 484; 1, с. 632–635; 4, с. 101–103; 12]. Например, модель Adstock позволяет оценивать кумулятивный (накопленный) эффект рекламных воздействий на аудиторию в зависимости от числа повторений рекламы. Однако с помощью этой модели нельзя получить зависимости эффективного мультимедийного охвата аудитории от времени, параметров медиа, в которых размещается реклама (эффективной частоты, охвата флайта, рейтингов, предельных охватов и др.). В работе [9] была предложена модель оценки параметров периодической рекламы, которая позволяет проводить такого рода оценки.

Эффект воздействия рекламы оценивается по величине *доли* целевой аудитории, на которую реклама оказала влияние (достигнут заданный уровень осведомленности, лояльности, намерения купить рекламируемый товар и др.). Эта доля аудитории называется *эффективным охватом*, величина которого зависит от числа рекламных контактов, полученных средним представителем целевой аудитории. Методы вы-

числения зависимости эффективного охвата аудитории от параметров медиа и числа размещений рекламы в них изложены в работах [8; 11]. При периодическом размещении рекламы эффективный охват изменяется со временем, а его минимальное, максимальное и среднее значения становятся функцией параметров периодической рекламы – охвата и длительности флайтов, времени рекламного молчания и др. В этой связи возникает задача исследования величины эффективного охвата периодической рекламы, его минимального, максимального и среднего значений от перечисленных параметров. В настоящей работе приведены оценки величины минимального и максимального охватов периодической рекламы в зависимости от длительностей флайта, времени рекламного молчания, охвата флайта.

Методы исследования

В работах [8; 9] предложена теоретическая модель прогнозирования и оптимизации величины эффективного охвата периодической рекламы в зависимости от таких ее параметров, как эффективный охват флайтов, число флайтов, предельный охват, длительности флайтов и рекламного молчания, время забывания рекламы. Если параметры флайтов изменяются по величине с течением времени, то количественные оценки в этой модели проводятся *численными* методами. Если же параметры флайтов одинаковы (в этом случае размещение рекламы имеет строго периодический характер), то модель допускает *аналитический* подход к оценке эффективности периодической рекламы, элементы которого рассмотрены в настоящей работе.

На рис. 1 изображена зависимость эффективного охвата G от времени t при периодическом размещении рекламы, характеризуемого одинаковыми параметрами: t_0 и G – длительность флайта и его эффективный охват, T – длительность рекламного молчания (промежуток времени между флайтами). При перечисленных условиях период $T = t_0 + T$ рекламы является постоянным. В модели предполагается, что охват каждого флайта формируется в течение всей его длительности t_0 . Величина этого охвата является функцией *параметров медиа*, в которых планируется размещение рекламы (рейтинги, предельные охваты, доля постоянной аудитории и др.), *параметров эффективности* (эффективная частота, параметр забывания рекламы и др.), а также *числа размещений* рекламы в медиа. Этот охват аудитории в зависимости от перечисленных параметров может быть вычислен согласно теории медиапланирования, изложенной в работах [8; 11]. После окончания каждого флайта эффективный охват уменьшается согласно показательному закону в соответствии с экспериментально установленной зависимостью, которую можно записать в следующем виде: $G_n(t) = G_n 2^{-t/\tau}$, где G_n – величина охвата флайта с номером n , которая достигается за время t_0 к моменту завершения флайта, t – время, отсчитываемое с момента завершения флайта, τ – время, в течение которого величина эффективного охвата уменьшается *вдвое* (время полураспада рекламного воздействия после окончания размещения рекламы, “время жизни” рекламы, параметр забывания рекламы).

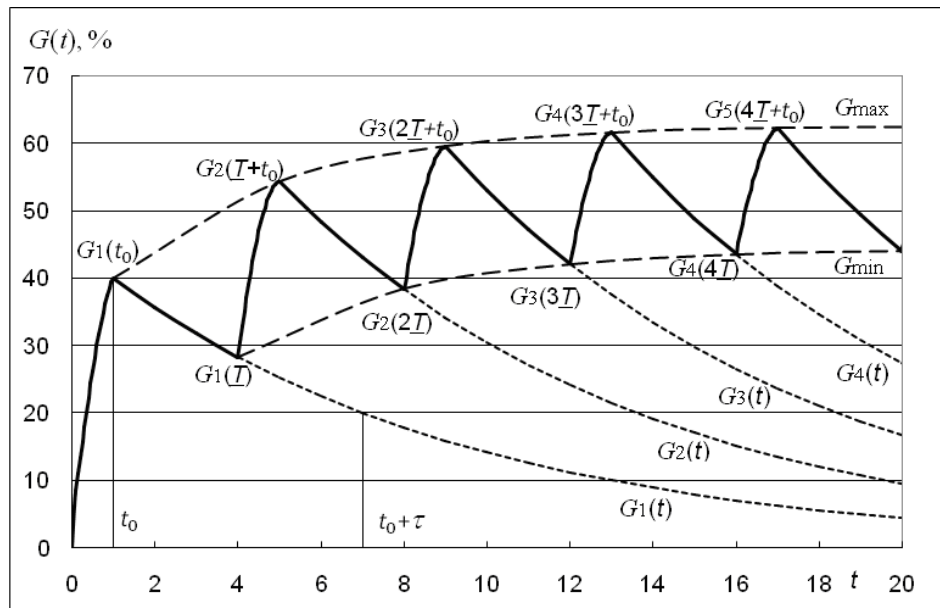

Рис. 1. Зависимость эффективного охвата от времени.
 $T = 4 t_0$, $T = 3 t_0$, $\tau = 6 t_0$, t_0 – длительность флайта, $G = 40\%$

В работах [8; 9] решена задача вычисления эффективного охвата $G(t)$ в любой момент времени, как между флайтами, так и в течение любого флайта, и в частности получены следующие формулы вычисления зависимостей максимального G_{\max} и минимального G_{\min} охватов периодической рекламы от параметров модели G, G^*, t_0, T, τ :

$$G_{\max} = G / [1 - (1 - \underline{G}) 2^{-T/\tau}], \quad (1)$$

$$G_{\min} = G_{\max} 2^{-T/\tau}, \quad (2)$$

где $\underline{G} = G/G^*$ – нормированный охват одиночного флайта; G^* – предельный охват медиа, в которых размещается реклама (оценивается по величине предельных охватов отдельных медиа); G – эффективный охват одиночного флайта, который зависит от параметров медиа и эффективности числа размещений рекламы.

Отметим, что формулы (1) и (2) получены для вычисления максимального G_{\max} и минимального G_{\min} охватов периодической рекламы в стационарном режиме, при котором максимальный G_{\max} и минимальный G_{\min} охваты периодической рекламы практически не изменяются во времени. Стабилизация величин G_{\max} и G_{\min} достигается при достаточно большом числе флайтов (на рис. 1 эта стабилизация происходит при $n > 5$).

Отметим, что зависимость эффективного охвата от времени в течение длительности самого флайта зависит от календарного плана размещения рекламы и может быть найдена только численными методами. Кроме численных методов расчета могут использоваться и аналитические оценки в предположении заданной зависимости числа размещений во времени (например, при постоянной во времени или изменяющейся по заданному закону интенсивности размещения рекламы).

Знание зависимостей G_{\max} и G_{\min} от параметров модели G , G^* , t_0 , T , τ позволяет *управлять* параметрами, с помощью которых можно оценивать эффективность периодической рекламы, а также оптимизировать ее рекламный бюджет. Формулы (1) и (2) справедливы для стационарной периодической рекламы, т. е. при $n > 1$; если же $n \sim 1$, то формулы для G_{\max} и G_{\min} имеют более громоздкий вид и здесь не приводятся.

За время рекламного молчания эффективный охват каждого флайта уменьшается от максимального G_{\max} до минимального G_{\min} значений согласно соотношению

$$G_n(t) = G_{\max} 2^{-\frac{t-t_0}{\tau}}, \quad t_0 \leq t \leq t_0 + T. \quad (3)$$

Средний охват за время рекламного молчания вычисляется по формуле для среднего значения функции на отрезке $t_0 \leq t \leq t_0 + T$:

$$G_{\text{cp}} = \frac{1}{T} \int_{t_0}^{t_0+T} G_n(t) dt, \quad (4)$$

которая легко интегрируется с учетом (3). Формула (4) дает возможность получать аналитические зависимости среднего охвата от параметров периодической рекламы (G , G^* , T , τ).

Для того чтобы получить более точные оценки среднего охвата за время T , нужно усреднить охват не только за время рекламного молчания T , но и за время флайта t_0 . Как упоминалось выше, зависимость эффективного охвата от времени в течение длительности флайта t_0 зависит от календарного плана размещения рекламы и может быть найдена только численными методами.

Результаты и обсуждение

В данном разделе проанализированы зависимости границ *областей эффективности* (G_{\min} , G_{\max}) периодической рекламы от параметров T , τ и G . Область эффективности периодической рекламы – это область изменения величины эффективного охвата, нижняя и верхняя границы которой определяются минимальным G_{\min} и максимальным G_{\max} охватами аудитории. Эти зависимости характеризуют уровни коммуникативной эффективности воздействия периодической рекламы. По величине G_{\min} и G_{\max} можно судить об эффективности рекламы, поскольку интервал (G_{\min} , G_{\max}) указывает пределы возможного изменения эффективного охвата (рис. 1). Например, если предельный минимальный охват G_{\min} оказывается практически *равным* охвату флайта G или даже *превосходит* G ($G_{\min} > tG$), то можно говорить о *высокой* эффективности рекламы, а если G_{\min} существенно *меньше* охвата флайта G , то коммуникативную эффективность периодической рекламы можно считать *низкой*.

На рис. 2 показаны зависимости максимального G_{\max} и минимального G_{\min} эффективных охватов от параметра забывания рекламы τ и времени рекламного молчания T , построенные согласно формулам (1) и (2). При этом время измерения τ и T может быть задано в любых, но одинаковых единицах (например, в днях, неделях и т. д.). Фактически

единица измерения времени задается величиной параметра забывания τ , которая подлежит *измерению* в каждом конкретном случае. Вычисления проводились при фиксированных значениях охвата одиночного флайта $G = 30\%$ и предельного охвата $G^* = 90\%$. На рис. 2 показаны зависимости минимального G_{\min} и максимального G_{\max} охватов от времени забывания рекламы τ . Согласно результатам, представленным на рис. 2, при увеличении времени τ забывания рекламы охваты G_{\min} и G_{\max} возрастают до максимально возможной (предельной) величины (90%). При этом G_{\max} всегда превосходит охват флайта G , а минимальный охват G_{\min} может существенно *превышать* величину охвата одиночного флайта (30%).

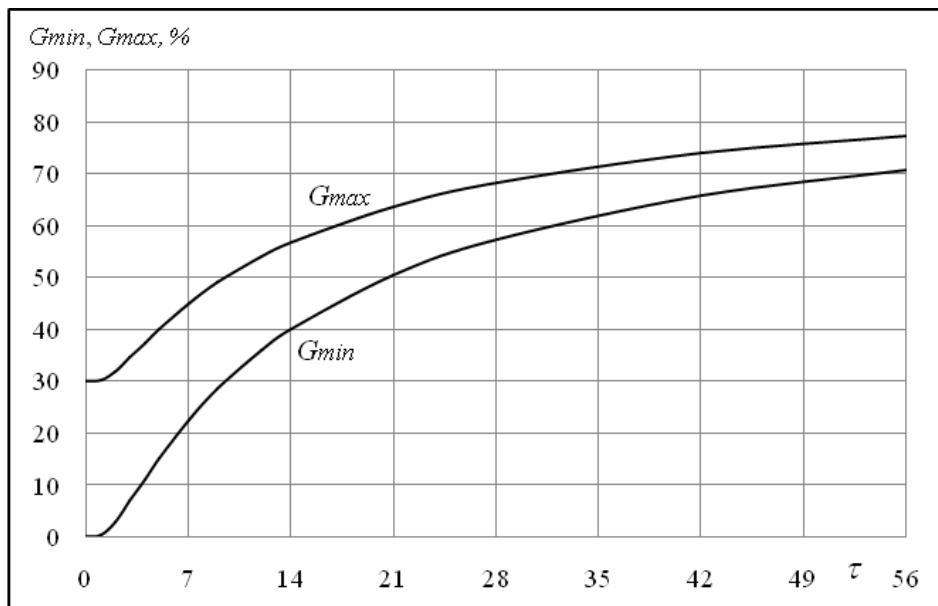

Рис. 2. Зависимость G_{\min} и G_{\max} от τ . $T = 14$, $G = 30\%$, $G^* = 90\%$

Рис. 3 демонстрирует характер уменьшения охватов G_{\min} и G_{\max} от времени рекламного молчания T . Величина G_{\max} с ростом T снижается до величины охвата одиночного флайта G , а величина минимального охвата G_{\min} уменьшается вплоть до 0. Например, при $\tau = 14$ минимальный охват равен охвату флайта $G_{\min} = G$, если $T = 11$ (что свидетельствует о высокой эффективности периодической рекламы), а если $T > 2\tau$, то происходит быстрое уменьшение эффективности рекламы, поскольку G_{\min} становится меньше 10% (при этом эффективность периодической рекламы является низкой).

Практическая значимость приведенных на рис. 2 и 3 результатов заключается в том, что эти зависимости позволяют оценивать уровень коммуникативной эффективности рекламы как функцию параметра забывания τ и длительности рекламного молчания T при заданных значениях охвата одиночного флайта G и предельного охвата G^* .

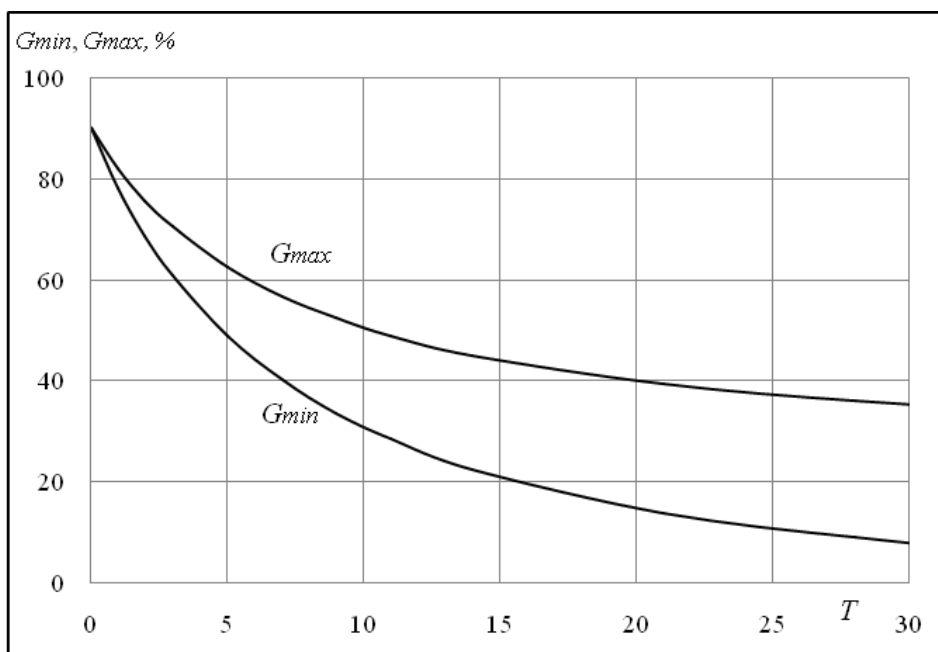

Рис. 3. Зависимость G_{min} и G_{max} от времени рекламного молчания T .
 $\tau = 14$ дней, $G = 30\%$, $G^* = 90\%$

Таким образом, результаты, представленные на рис. 2 и 3, демонстрируют возможность *управления* величиной минимального G_{min} и максимального G_{max} охватов периодической рекламы за счет выбора промежутка времени между флайтами T , или, другими словами, возможность управления уровнем коммуникативной эффективности периодической рекламы за счет изменения времени рекламного молчания и величины одиночного флайта. Особенный интерес представляют зависимости $G_{min}(T)$, поскольку они позволяют решить проблему *выбора* периода рекламного молчания, исходя из *планируемого* уровня рекламного воздействия, оцениваемого по минимальному эффективному охвату периодической рекламы.

Из формул (1), (2) и (4) следует, что при увеличении отношения длительности рекламного молчания ко времени забывания рекламы T/τ максимальный охват стремится к величине охвата одиночного флайта, а минимальный и средний охваты стремятся к нулю: $G_{max} \rightarrow G$, $G_{min} \rightarrow 0$, $G_{cp} \rightarrow 0$. Численный анализ выражений (2) и (4) показывает, что разность между средним и минимальным охватами $G_{cp} - G_{min}$ как функция отношения T/τ имеет *максимум* при определенном значении этого отношения. Расчеты показывают, что при изменении величины охвата одиночного флайта в интервале $20\% < G < 80\%$, максимальное значение разности $G_{cp} - G_{min}$ имеет место при $1,5 < T/\tau < 2,5$. Этот результат позволяет сделать вывод о том, что оптимальное соотношение между временем рекламного молчания и временем забывания рекламы, при котором периодическое размещение рекламы приводит к наибольшему эффекту усиления рекламного воздействия, находится в интервале $1,5 < T/\tau < 2,5$.

Заключение

Таким образом, в работе изложена методика количественной оценки эффективного охвата периодической рекламы. Эта методика позволяет решать задачи управления уровнем коммуникативной эффективности периодической рекламы за счет изменения времени рекламного молчания, величины охвата флайта и его длительности при любом заданном времени забывания рекламы.

Показано наличие оптимального соотношения между временем рекламного молчания и временем забывания рекламы, при которых периодическое размещение рекламы приводит к наибольшему эффекту усиления рекламного воздействия. Приведены зависимости областей эффективности периодической рекламы от времени рекламного молчания и времени забывания рекламы.

Информация об авторе

Георгий Артемович Шматов, старший научный сотрудник, кандидат физико-математических наук, доцент, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Georgy A. Shmatov, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Associate Professor, Senior Researcher, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Батра Р., Майерс Дж. Дж., Аакер Д. А. Рекламный менеджмент. СПб. : Вильямс, 2004. 784 с.
2. Бест Р. Маркетинг от потребителя. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2008. 760 с.
3. Бузин В. Н., Бузина Т. С. Медиапланирование. Теория и практика. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 497 с.
4. Дейан А. Реклама. СПб. : Нева, 2003. 128 с.
5. Назайкин А. Н. Медиапланирование. М. : ЭКСМО, 2010. 400 с.
6. Росситер Дж. Р., Перси Л. Реклама и продвижение товаров. СПб. : Питер, 2000. 656 с.
7. Сиссорс Дж. З., Бэрон Р. Б. Рекламное медиапланирование. СПб. : Питер, 2004. 412 с.
8. Шматов Г. А. Основы медиапланирования: эвристический подход. Екатеринбург : УрГУ, 2005. 332 с.
9. Шматов Г. А. Оптимизация периода размещения рекламы // Реклама: теория и практика. 2008. № 1. С. 8–15.
10. Шматов Г. А. Модели теории медиапланирования и риски неэффективного размещения рекламы // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15, № 1. С. 23–38.
11. Шматов Г. А. Основы экономико-математической теории медиапланирования. М. : Ленанд, 2019. 440 с.
12. Broadbent S. Modeling with Adstock // Journal of the Market Research Society. 1986. Vol. 26, № 4. P. 295–312.

*Статья поступила в редакцию: 03.07.19
Принята к публикации: 18.09.19*

References

1. Batra R, Myers JG, Aaker DA. *Reklamnyi menedzhment [Advertising Management]*. Saint Petersburg: Vil'yams; 2004. 784 p. (In Russ.).
2. Best R. *Marketing ot potrebitelya [Market-Based Management]*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2008. 760 p. (In Russ.).

3. Buzin VN, Buzina TS. *Mediaplanirovanie. Teoriya i praktika [Media Planning. Theory and Practice]*. Moscow: UNITY-DANA; 2012. 497 p. (In Russ.).
4. Deyan A. *Reklama [Advertising]*. Saint Petersburg: Neva; 2003. 128 p. (In Russ.).
5. Nazaikin AN. *Mediaplanirovanie [Media Planning]*. Moscow: EKSMO; 2010. 400 p. (In Russ.).
6. Rossiter JR, Percy L. *Reklama i prodvizhenie tovarov [Advertising Communications & Promotion Management]*. Saint Petersburg: Piter; 2000. 656 p. (In Russ.).
7. Sissors JZ, Baron RB. *Reklamnoe mediaplanirovanie [Advertising Media Planning]*. Saint Petersburg: Piter; 2004. 412 p. (In Russ.).
8. Shmatov GA. *Osnovy mediaplanirovaniya: evristicheskii podkhod [Media Planning Fundamentals: Heuristic Approach]*. Yekaterinburg: Ural State University Press; 2005. 332 p. (In Russ.).
9. Shmatov GA. Optimizatsiya perioda razmeshcheniya reklamy [Optimization of Advertisement Placement Period]. *Reklama: teoriya i praktika = Advertising: Theory and Practice*. 2008;1: 8–15. (In Russ.).
10. Shmatov GA. Modeli teorii mediaplanirovaniya i riski neeffektivnogo razmeshcheniya reklamy [Models of Media Planning Theory and Risks of Inefficient Advertisement Placement]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Journal of Economic Theory*. 2018;15(1): 23–38. (In Russ.).
11. Shmatov GA. *Osnovy ekonomiko-matematicheskoi teorii mediaplanirovaniya [Fundamentals of Economic and Mathematical Media Planning Theory]*. Moscow: Lenand; 2019. 440 p. (In Russ.).
12. Broadbent S. Modeling with Adstock. *Journal of the Market Research Society*. 1986;6(4): 295–312.

Submitted 03.07.19 Accepted 18.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J09
УДК [654.197+004.738.5]-052

Телевидение глазами цифрового поколения: к проблеме медиапотребления

Марина А. Мясникова,

Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-1501-0231, e-mail: avt89@yandex.ru

Аннотация. В фокусе рассмотрения проблема участия нового, цифрового поколения в процессе медиапотребления, и прежде всего в телесмотрении, в условиях, когда современная телеаудитория трансформируется в связи с появлением мобильных цифровых технологий. Цифровое поколение является самым ярким сегментом общества в смысле разнообразия интересов и активности медиапотребления, обладает новыми возможностями для выбора и оказывает влияние на старших.

Цель статьи: определение роли цифрового поколения в современных медиа-процессах; выявление его нынешних функций и сегодняшнего отношения к традиционному медиа, в частности к телевидению, а также к российскому телеконтенту.

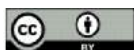
Методы исследования аудитории медиа также меняются. Основным объектом медиаметрических измерений становится процесс, а не результат медиапотребления. Однако на практике аудитория по-прежнему рассматривается как однородная масса, а не как динамическая система. Поэтому нельзя по «массовым» подсчетам судить о конкретных потребностях аудитории. Важно не просто делать замеры просмотров, но и изучать аудиторию с учетом содержания и форм потребляемых ею медиатекстов в процессе телекоммуникации.

В данном исследовании применен метод экспертного опроса внутри однородных групп молодежи и уделено внимание качественным характеристикам медиапотребления, в частности его мотивационной структуре и аудиторным потребностям. Представлены результаты трех экспертных опросов, проведенных среди студентов-журналистов Уральского федерального университета в возрасте от 17 до 27 лет на разных временных этапах. Установлены мотивы потребления телеконтента.

Выявлено, что новое цифровое поколение обращается к телеконтенту, который размещается на разных интернет-платформах. Молодежь критически относится к эфирному телевидению не только из-за конкуренции со стороны новых медиа, но и в силу низкого качества продукции профессиональных медиа. Кроме того, представители молодежной медиааудитории участвуют в массово-коммуникационных процессах не только как потребители, но и как создатели собственного видеоконтента.

Ключевые слова: медиапотребление, мобильные цифровые технологии, интернет-платформы, цифровое поколение, телевидение, телеаудитория.

Для цитирования: Мясникова М. А. Телевидение глазами цифрового поколения: к проблеме медиапотребления // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс,

А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019.
– С. 374–385. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J09.

Television from Digital Generation’s Perspective: Concerning the Problem of Media Consumption

Marina A. Myasnikova,

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-1501-0231, e-mail: avt89@yandex.ru

Abstract. The paper focuses on the problem of new digital generation’s participation in the media consumption process and first of all in television watching under conditions when the contemporary television audience transforms due to the emergence of mobile digital technologies. The digital generation is the most vivid segment of the society in terms of diverse interests and active media consumption; it possesses new selection opportunities and influences the elder generation.

This article aims to define the digital generation’s role in contemporary media processes; identify its current functions and current attitude to traditional media, particularly television, as well as Russian telecontent.

Methods of researching the media audience also change. The main object of mediometry measurements is now the process, not the result of media consumption. In practice, however, the audience is still viewed as a homogenous mass, not a dynamic system. That is why “mass” calculations cannot be used to judge specific audience needs. It is important not simply to measure views but also to study the audience, taking into account the content and formats of media texts consumed by it within the telecommunication process.

The research applies the expert survey method within homogenous groups of young people and focuses on qualitative properties of media consumption, specifically its motivation structure and audience needs. Results of three expert surveys conducted among 17–27 years old journalism students of the Ural Federal University at various times are presented. The motives of telecontent consumption are defined.

The paper reveals that the new digital generation relies on the telecontent posted on various online platforms. The youth have a critical attitude towards broadcast television not only because of competition from the new media but also due to low quality of professional media products. Additionally, representatives of the young media audience participate in mass communication processes not only as consumers but also as creators of their own video content.

Keywords: media consumption, mobile digital technologies, online platforms, digital generation, television, television audience.

For citation: Myasnikova MA. Television from Digital Generation’s Perspective: Concerning the Problem of Media Consumption. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today’s World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 374–385. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-J09.

Введение

Цифровым поколением именуют сегодня молодежь, родившуюся в начале 2000-х. Иначе ее называют «поколением Z». «Интернет как медиа отвечает всем запросам поколения Z, представляет собой главный источник новостной, развлекательной и учебной информации и даже влияет на выбор самого используемого медиаустройства – смартфона», – пишет исследователь Вьюгина [2]. Представители поколения Z, оказавшись в ситуации «цифрового раскола и неравенства», именуются также «цифровыми аборигенами» (*digital natives*), обычно противопоставляемыми «цифровым иммигрантам» (*digital immigrants*), приступившим к освоению цифровых технологий уже в зрелом возрасте. Эти обозначения были впервые применены к изучаемым группам людей в 2001 г. исследователем Марком Пренски [18]. Для обозначения поколения Z были использованы такие термины, как «цифровое племя» (*digital tribe*), «цифровое поколение» (*digital generation*) и пара «цифровые резиденты» (*digital residents*) и «цифровые посетители» (*digital visitors*) [20] в зависимости от принадлежности к разным возрастным стратам. Кроме того, молодежную аудиторию нередко определяют как «большепальцевое племя», имея в виду то, что молодые люди манипулируют своими мобильными телефонами с помощью больших пальцев [16], а также – «поколение txt», подчеркивая их склонность к написанию текстов sms [13]. Цифровое поколение легко осваивает современные информационно-коммуникативные технологии, отличаясь особой активностью и мобильностью в медиапотреблении, быстро схватывая все новое. Поэтому научный интерес к практикам медиапотребления этой аудиторной группы представляется нам *актуальным*.

От терминов «массовая аудитория» и «потребитель» мир все чаще переходит к определениям «пользователь» и «производитель информации». «Новые информационно-коммуникационные технологии трансформировали медиасистему в целом: постепенно формируется аудитория нового типа, которой свойственны обновленные поведенческие модели. <...> Происходит резкая индивидуализация, аудитория становится активной, избирательной и, как следствие, менее предсказуемой» [3, с. 120, 124]. Исследователи даже говорят о том, «что больше нет такого понятия, как аудитория, а есть группа лиц, которую можно назвать “пользователями”» [8].

Практики взаимодействия цифрового поколения с медиа сегодня становятся кросс-медийными, т. е. связаны одновременно с разнообразной медиапродукцией, производимой на телевидении, на радио, в редакциях газет, в интернет-изданиях, в социальных сетях, размещаемой на разных медиаплатформах и доставляемой потребителю в личных смартфонах. Сегодня вряд ли стоит разграничивать использование молодыми людьми тех или иных ресурсов, важно больше внимания уделять общему опыту работы с *контентом*. Однако изучение последнего по-прежнему недооценивается, хотя за этим понятием стоит *смысл* медиапослания. Мы убеждены, что разговор о медиапотреблении должен носить не только количественный, но и качественный характер и, безусловно, касаться контента. Вместе с тем на разных платформах может быть размещен один и тот же контент, в частности телевизионный. Вот почему в данной статье мы поставили перед собой цель исследовать взаимоотношения нового цифрового поколения именно с

телевизионным контентом. Кстати, плодотворность телевидения как производящего медиа постоянно подчеркивает генеральный директор Первого канала К. Эрнст [17]. Ведь оно в отличие от Интернета создает полноценный продукт коллективного творчества и долгоиграющего действия.

В связи с вышеизложенным нас интересовали следующие аспекты исследуемой проблемы. 1. *Какую* роль играет цифровое поколение в современных медиапроцессах? Остается ли оно частью мировой аудитории (в том числе и телевизионной) или принимает на себя иные функции? 2. *Как* оно относится к традиционным медиа, в частности к телевидению, чуду XX века и «застенчивому гиганту» [9, с. 352], которому еще недавно прочили победу над всеми другими СМИ, предрекая наступление эпохи одного сплошного телевидения? Хотя сегодня оно порой отступает под натиском новых медиа. 3. *Как* молодое поколение воспринимает подчас низкопробный телеконтент, вызывающий далеко не однозначные оценки и со стороны массовой аудитории? Ведь нередко именно качество контента (а не только тяга к современным мобильным устройствам) заставляет молодое поколение уходить с традиционных медиаплатформ.

Эти аспекты мы рассматриваем в данной статье на материале собственных наблюдений за практикой медиа, а также нескольких экспертных опросов студентов департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета, сопоставляя их результаты с наблюдениями и выводами авторитетных отечественных и зарубежных ученых. Как пишут исследователи из МГУ имени М. В. Ломоносова, «в вопросе медиапотребления студенты, и особенно те из них, кто обучается по программам «Журналистика» и «Медиа», будут демонстрировать нерепрезентативные в масштабах всей молодежи результаты в связи с выраженной технологической продвинутостью и потребительской избирательностью, что делает их медиапотребление полупрофессиональным. Тем не менее эти результаты представляют большую теоретическую ценность, так как позволяют выявить новые тренды в концентрированном виде» [6, с. 37]. Мы разделяем эту точку зрения.

Методы исследования

В связи с изменениями, происходящими с аудиторией медиа, трансформируются и методы ее изучения. На это обращают внимание многие ученые. Основным объектом медиаметрических исследований становится *процесс*, а не результат медиапотребления. Довольно общее, чисто теоретическое осмысление характера аудитории все чаще уступает место медиаметрическим исследованиям, теории строятся на основе активного сбора и систематизации эмпирических данных.

Однако на практике по-прежнему доминирует механистическое понимание аудитории как *простого множества* потребителей медиа-контента и преобладают количественные методы ее изучения. В большинстве публикаций сообщается о том, *что* и *в каком объеме* люди смотрят, но не раскрывается, *как* люди к этому относятся. То есть добываются рейтинговые показатели, не дающие знания о запросах отдельных аудиторных страт, о мотивации их обращения к медиа и конкретных оценках потребляемой продукции, а также о характере воз-

действия всего массива разнообразной информации на эти страты (в том числе и на отдельных индивидов). Ведь рейтинг – это всего лишь средство измерения определенного количества людей, одновременно включивших свои телеприемники, что вовсе не обнаруживает ту или иную степень их вовлеченности в телесмотрение и, более того, их *одобрение* демонстрируемого на экране контента. При этом характер телесмотрения сегодня оказывается или *спонтанным* (случайным), или *дискретным* (прерывистым), или *фоновым* (сопровождается другими занятиями, включая контакты с другими медиа), или даже *ограниченным* либо звуком, либо изображением [5].

Сегодня ведется поиск новых методов и подходов к изучению медиапотребления, учитывающих особенности современной коммуникации, связанной с мультиплатформенностью. Подробно такие методы описаны в статье другой группы исследователей МГУ имени М. В. Ломоносова [8]. Большое внимание в этой публикации уделяется информации о методах изучения молодежи как части медиааудитории: опросах, анкетировании (включая, онлайн-анкетирование), глубинных интервью, фокус-группах, дневниках медиапотребления, а также методах, применение которых возможно только при наличии специального программного обеспечения. Для изучения медиаактивности в мобильной среде используются трекеры цифровой активности на смартфоне или планшете. Нередко несколько методов применяются в комплексе. Исследования ведутся на индивидуальном и групповом уровнях. А для выявления мнения группы о важности взаимодействия с тем или иным медиа используется метод «сортировки». Определение наиболее важного для данной группы вида медиа позволяет выявить медиапривычки каждого отдельного участника группы. Мы в своем исследовании, как уже было сказано выше, применяли метод экспертного опроса внутри однородных групп студентов университета, при этом обращая внимание на качественные характеристики медиапотребления, в частности на мотивационную структуру и аудиторные потребности реципиентов. Мнение о том, что для изучения медиапотребления необходимо сочетание количественных и качественных показателей, сегодня звучит в научной среде все чаще [7].

Результаты и обсуждение

Наши наблюдения показывают, что телесмотрение действительно перестает быть массовым. Возникают новые способы медиапотребления и, соответственно, медиакommunikации. Многие ученые видят в телевизионном общении возможность взаимообмена и взаимообогащения информацией для совместной выработки новых смыслов. И вместе с тем, как известно, телевидение способно нести сильную воздействующую информацию. В то же время мы должны говорить о существовании власти не только медиа над аудиторией, но и аудитории над медиа. Важно понять, насколько *сильна* эта власть, *учитывается* ли она сторонами в процессе коммуникации и как *меняется*. Сама по себе эта власть проявляется, *во-первых*, в наличии реального выбора среди разнообразных источников и объектов информации; *во-вторых*, в возможности для аудитории прервать процесс коммуникации с данным СМИ в одностороннем порядке; *в-третьих*, в непосредственных откликах аудитории на то или иное сообщение СМИ и, *в-четвертых*,

в создании представителями публики собственного видеоконтента в Интернете (онлайн), конкурирующего с продукцией традиционных медиа (офлайн) [12]. Все это, безусловно, зависит от состояния и состава телеаудитории, которая в своем восприятии становится все более подвижной, непостоянной и прерывистой. *Массовость* ее оказывается относительной, а *индивидуализация* почти абсолютной. Аудитория отличается разнообразием ориентиров и устремлений, что служит фундаментальным условием существования телевизионного *синкрета* [11]. Изменения, происходящие с ней, выглядят как превращение «толпы» или «массы» в «функциональные группы зрительского интереса», – пишет исследователь С. Протодаьянов [15, с. 25]. А мы добавляем: в функциональные группы коммуникаторов-пользователей. Исключительно динамичное, открытое всему новому цифровое поколение сильнее других групп населения поддается основным веяниям времени.

В 2008 году мы опросили аудиторию студентов-журналистов в возрасте от 17 до 22 лет, задав им конкретные вопросы, касающиеся любимых и нелюбимых направлений телевидения, форматов и передач. В первую группу попали: новости, художественные и документальные фильмы, клипы, научно-популярные, познавательные, информационно-познавательные и познавательно-развлекательные передачи, во вторую – сериалы, ток-шоу и реалити-шоу. Участники опроса писали о недостатке детских, подростковых и молодежных передач. Предлагали добавить аналитику, качественные художественные и документальные фильмы, зарубежные новости, информацию о людях и разных территориях нашей страны, а также высказывали пожелание увеличить долю социальной рекламы и прямых трансляций концертов настоящей музыки (не «попсы»). При этом тогда молодые зрители смотрели телевизор еще довольно часто: от 1 до 3 раз в неделю (и по «ящику», и через Интернет).

В 2016 году мы опросили другую группу студентов-журналистов УрФУ, возраст которых варьировался теперь уже от 19 до 27 лет. Все писали о том, что российскому телевидению не хватает качественных информационных программ. По-прежнему молодежи не нравились ток-шоу, криминальные сериалы, низкосортные «мыльные оперы» и другие телепродукты, «рассчитанные на ущербную публику». Опрошенные в один голос отвергали «трэш-тенденции на современном российском телевидении, критикуя его за то, что «ему не хватает интерактивности, ориентации на аудиторию 16–22 лет». А ждали (по их собственным словам) больше интеллектуальных (краеведческих, исторических) передач и документальных фильмов, культурно-просветительских, научных и научно-развлекательных циклов, т. е. контента, рассчитанного на умную, интеллигентную аудиторию. И в то же время сами признавались, что кроме Первого канала, России 1 и НТВ смотрят ТНТ, СТС и Пятницу, как известно, специализирующиеся на развлечениях. Но при этом лишь «изредка, нерегулярно» обращают внимание на канал ОТР (Общественное телевидение России), который или совсем «не знают», или «не любят». А в программах канала Россия К (Культура) обнаруживают «монотонность» и «скуку». Хотя у того же канала отмечали и достоинства: показ документальных фильмов, художественных и образовательных программ.

В 2019 году нами вновь была опрошена небольшая группа студентов-журналистов в возрастном диапазоне 21–23 года. Но теперь практически все твердо ответили, что телевизор не смотрят вообще, хотя дома у родителей он есть. При этом все сообщили, что знакомятся с телеконтентом на других медиаплатформах, среди которых – YouTube, видеоресурсы Netflix, ivi, социальные сети, сайты телеканалов Россия К (Культура), «Пятница» и других. Из телеконтента предпочитают программы «Вечерний Ургант», «Орел и решка», «Белая студия», смотрят блогера VadComedian, ВДудь, интернет-проект «А поговорить» Елены Шихман, блог актера и режиссера Олега Меньшикова. Среди предпочитаемых каналов оказались Дождь и Живая природа. Но и к этому телеконтенту молодежь обращается нерегулярно: от 1 раза в неделю до 1–2 раз в месяц. И никто из опрошенных специально никогда не следит за телепрограммой. Что касается пожеланий к тем, кто делает телевидение сегодня, то они формулировались в том же ключе, как и раньше: «поменьше скандальных передач» (вроде «Детектора лжи» или «ДНК»), «побольше новых лиц», «аналитических программ с разными мнениями», «передач о путешествиях», «всего познавательного и умного». Предлагалось искать на телевидении «новый стиль для молодежи», а о канале Россия К (Культура) говорилось, что «молодежь в основе своей не смотрит его по-прежнему, так как считает скучным».

Как бы то ни было, мы убедились, что с телеконтентом цифровое поколение более или менее знакомо, хотя ищет его преимущественно в Интернете. Что касается *мотивов* потребления этого телеконтента, то, размещаясь в диапазоне от «узнать новости» и «получить новые знания, включая исторические факты» до «переключить внимание» и «отдохнуть, развлечься», они во многом совпадают с теми, что выявляются и западными исследователями. Так, Дж. Брайант и С. Томпсон, ссылаясь на Б. Гринберга и А. Рубина, упоминали следующий набор аудиторных потребностей: «обучение, привычка, поддержание компании, получение возбуждения, релаксация, уход от реальности, заполнение свободного времени» [1, с. 153]. Молодежь интересуется архитектурой, модой, кулинарией, психологией человеческих отношений, элементами так называемой повседневной культуры. Но домашний телевизор по-прежнему предлагает ей довольно пошлые зрелища. Как следствие, в условиях развития глобальных интернет-сетей традиционное (офлайн) телевидение кажется новому поколению немодным, лишенным актуальности, драйва.

Подтверждают эти наблюдения и социологи. В статье И. Полуэтовой, опубликованной в 2018 году, говорится о том, что «в городах России уже каждый второй старше 15 лет освоил практики просмотра видео в Интернете, а каждый третий смотрит “по запросу” профессиональное длинное видео (фильмы, телесериалы, телепередачи) не реже 1 раза в неделю.<...> Замещение телевидения новыми медиа в этой группе наиболее очевидно» [14]. Удивительно, но сегодня снижается интерес молодежи к телевидению даже как к источнику развлекательного контента. Результаты другого исследования, проведенного международной консалтинговой и аудиторской компанией Deloitte, целью которого было выяснить, как изменилась медиаактивность россиян за последние четыре года и какие тренды преобладали в 2018 году, показало, что «Интернет остается лидером по индексу роста ме-

диаактивности. Наиболее высокий показатель наблюдается среди студентов (+70 %). У телевидения индекс упал на 7 %, особенно заметно падает интерес у молодежи (-43 % у аудитории 16–19)» [10].

А между тем, по данным агентства Zenith, среднее время, которое пользователи тратят на мобильные устройства, с 2015 года «выросло с 80 до 130 минут в день. Среднегодовой темп роста этого показателя составил 13 %. Эксперты объясняют такую динамику наличием доступных смартфонов с хорошими экранами, быстрым интернет-соединением и развитием приложений» [4]. То есть мобильные устройства усиливают свое влияние. Недавно агентство Zenith составило прогноз потребления медиа в 57 странах мира с 2019-го по 2021 год. Доля мобильных устройств в глобальном медиапотреблении достигнет 27 % в 2019-м и 31 % в 2021 году. Но лидерство все равно еще останется за телевидением. «В 2019 году на него придется 35% глобального медиапотребления, а в 2021 году – 33%» [4]. А вот информация по России. В исследовании Mediascore говорится, что у нас смартфон стал основным устройством выхода в Интернет в 2019 году. «Пользователи от 12 до 64 лет тратят на него больше 75 % времени, проведенного онлайн. Доля эксклюзивной аудитории мобильного Интернета в начале 2019 года составила 35 %, по подсчетам GfK» [4].

В свою очередь, меняется и телевидение. На состоявшемся в апреле 2019 года в Москве третьем ежегодном форуме «TeleMultiMedia Forum 2019: настоящее и будущее медиапотребления в России и мире», являющемся одной из ключевых площадок для медиакоммуникационной отрасли, речь шла о том, что в семьях всегда будут телевизоры. Но они приобретут массу новых функций. «По факту это уже не просто телевизор, а более универсальное устройство, с помощью которого можно потреблять различный медиаконтент, как линейный, так и нелинейный, в том числе телевизионный. Правильнее называть его именно big screen, или “большой экран”. Скорее всего, в будущем в нем даже не будет приемника ТВ-сигнала» [19], – сказал директор по работе с органами государственной власти и внешним коммуникациям мультиплатформенного оператора цифровой среды «Триколор» Павел Стешин. Глава компании «Платформы и решения», основатель сервиса Tvigle.ru и онлайн-кинотеатра Start Егор Яковлев уверенно заявил, что человеку уже давно не нужны 200 телеканалов, так как он ничего не хочет выбирать. «У каждого пользователя будет только один персонализированный под его запросы телеканал» [19]. А директор по развитию медиапродуктов «ВКонтакте» Арсений Ашомко видит большие перспективы взаимодействия телеиндустрии с платформой «ВКонтакте», обладающей эффективными инструментами продвижения контента.

Заключение

1. Как видим, цифровое поколение активно участвует в медиапотреблении. Медиа становятся для молодежи возможностью самоидентификации и формирования собственной идентичности [6, с. 38–39].

2. Наши экспертные опросы показывают, что цифровое поколение перестает быть обычным телезрителем, являя собой новый тип аудитории, продолжающей потреблять телеконтент нерегулярно, выборочно, индивидуально, фильтруя нужную для себя информацию, чаще на мобильных платформах, нежели в рамках традиционного телевидения,

которое либо совсем выпадает из поля зрения молодежи, либо сохраняется по привычке.

3. Изучение медиапотребления требует сочетания количественных и качественных эмпирических методов, которые позволили выяснить, что к эфирному, программному телевидению молодежь относится критически не только из-за конкуренции со стороны новых медиа, продукция которых размещается на мобильных платформах, но и в силу довольно низкого и однообразного качества продукции профессиональных медиа, не удовлетворяющих поколение Z.

4. Представители медиааудитории (в том числе и молодежной) проявляют все большую активность, стремясь участвовать в массово-коммуникационных процессах в качестве не только потребителей, но и создателей собственного видеоконтента, размещаемого в Интернете, и вступая, таким образом, в прямую конкуренцию с профессиональными медиа.

5. Однако и традиционное телевидение постепенно приспосабливается к современным условиям медиапотребления. Новые технологии превращают домашний телевизор во все более универсальное устройство, с помощью которого можно потреблять различный медиаконтент, в том числе и телевизионный. А телеиндустрия вступает во взаимодействие с сетевыми платформами, обладающими эффективными инструментами продвижения телеконтента.

Информация об авторе

Марина Александровна Мясникова, доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры периодической печати и сетевых изданий, УИ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Marina A. Myasnikova, Dr. Sci. (Philology), Cand. Sci. (Art Criticism), Associate Professor, Professor, Department of Periodical Press and Online Media, Ural Institute for Humanities, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ : пер. с англ. М. : Изд. дом «Вильямс», 2004. 432 с.
2. Вьюгина Д. М. Интернет в ежедневном медиапотреблении цифрового поколения России // Медиаскоп. 2018. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2475> (дата обращения: 05.06.2019).
3. Вьюгина Д. М. От аудитории к медиапотребителю: трансформация концепции аудитории в медиаисследованиях // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 1. С. 119–127.
4. Георгиевская М. Zenith: доля мобайла в глобальном медиапотреблении достигнет 31 % в 2021 году // AdIndex.ru. 10.06.2019. URL: <https://gipp.ru/overview/obzory-sobytiy-v-media-srede/zenith-dolya-mobayla-v-globalnom-mediapotreblenii-dostignet-31-v-2021-godu/> (дата обращения: 03.06.2017).
5. Дондурей Д. Б. Граждане против гражданского общества. Телерейтинг как воспитатель нации // Искусство кино. 2013. № 4. С. 5–15.
6. Дунас Д. В., Толоконникова А. В., Черевко Т. С. Актуальные концептуальные подходы к рассмотрению процесса медиапотребления онлайн-новостей молодежью // Вестник Московского университета. Сер. 10 : Журналистика. 2017. № 5. С. 30–50.

7. Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / под ред. С. Д. Балмаевой и М. М. Лукиной. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. 304 с.

8. Кульчицкая Д. Ю., Варганов С. А., Дунас Д. В., Салихова Е. А. и др. Медиапотребление молодежи: специфика методологии исследования // Медиаскоп. 2019. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2529> (дата обращения: 24.05.2019).

9. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека : пер. с англ. 2-е изд. М. : Гиперборея : Кучково поле, 2007. 464 с.

10. Милош И. Deloitte: Тренды медиапотребления в России 2018 // Sostav.ru. 30.10.2018. URL: <https://www.sostav.ru/publication/trendy-mediapotrebleniya-v-rossii-34162.html> (дата обращения: 16.01.2019).

11. Мясникова М. А. Морфологический анализ современного российского телевидения. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2010. 320 с.

12. Мясникова М. А. Новые среды существования кинокритики и границы профессионализма // Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы. Челябинск : Изд-во Челябинского гос. университета, 2019. С. 219–222.

13. Омельченко Е. Л. Поколение Text: новые имена молодежной культуры // Рекламные идеи. 2008. № 2. С. 106–111.

14. Полуэхтова И. А. Динамика мотивационной структуры телепотребления россиян // Медиаскоп. 2018. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2508> (дата обращения: 15.01.2019).

15. Протодьяконов С. А. Политико-антропологические аспекты современного телевидения. М. : Рус. нац. фонд, 2003. 216 с.

16. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М. : ФАИР-Пресс, 2006. 416 с.

17. Эрнст К. Запах времени. Новый язык телевидения еще не создан // Искусство кино. 2012. № 4. С. 5–11.

18. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // On the Horizon. 2001. Vol. 9, No. 5. P. 1–6. URL: <https://doi.org/10.1108/10748120110424816> (дата обращения: 17.05.2019).

19. TeleMultiMedia Forum 2019: ключевые векторы трансформации медиаотрасли // Телеспутник. 15.04.2019. URL: <https://www.telesputnik.ru/materials/novosti-kompanii/news/telemultimedia-forum-2019-klyucheveye-vektory-transformatsii-mediaotrasli/> (дата обращения: 03.06.2019).

20. White D. S., Le Cornu A. Visitors and Residents: A new typology for online engagement // First Monday. 2011. Vol. 16, № 9. URL: <http://www.uic.edu/htbin/cgiwrap/bin/ojs/index.php/fm/article/viewArticle/3171/3049> (дата обращения: 15.05.2019).

Статья поступила в редакцию: 15.07.19

Принята к публикации: 15.10.19

References

1. Bryant J, Thompson S. *Osnovy vozdeistviya SMI [Fundamentals of Media Effects]*. Moscow: Vil'yams; 2004. 432 p. (In Russ.).

2. Vyugina DM. Internet v ezhednevnom mediapotreblenii tsifrovogo pokoleniya Rossii [Internet in Daily Media Consumption of Russia's Digital Generation]. *Mediaskop = Mediascope*. 2018;3. Available from: <http://www.mediascope.ru/2475> [Accessed 05.06.2019]. (In Russ.).

3. Vyugina DM. Ot auditorii k mediapotrebiteleyu: transformatsiya kontseptsii auditorii v mediaissledovaniyakh [From Audience to Media Consumer: Transformation of Audience Concept in Media Research]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Issues of Journalism Theory and Practice*. 2017;6(1): 119–127. (In Russ.).

4. Georgievskaya M. Zenith: dolya mobaila v global'nom mediapotreblenii dostignet 31 % v 2021 godu [Zenith: Mobile Share in Global Media Consumption to Reach 31% in 2021]. *AdIndex.ru*. Website. 10.06.2019. Available from: <https://gipp.ru/overview/obzory-sobytyi-v-media-srede/zenith-dolya-mobayla-v-globalnom-mediapotreblenii-dostignet-31-v-2021-godu/> [Accessed 03.06.2017]. (In Russ.).
5. Dondurey DB. Grazhdane protiv grazhdanskogo obshchestva. Telereiting kak vospitatel' natsii [Citizens VS Civil Society. Television rating as Nation's Mentor]. *Iskusstvo kino = Art of Cinema*. 2013;4: 5–15. (In Russ.).
6. Dunas DV, Tolokonnikova AV, Cherevko TS. Aktual'nye kontseptual'nye podkhody k rassmotreniyu protsessa mediapotrebleniya onlain-novostei molodezh'yu [Current Conceptual Approaches to Considering the Process of Online News Media Consumption by Young People]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10 : Zhurnalistika = Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism*. 2017;5: 30–50. (In Russ.).
7. Balmayeva SD, Lukina MM. (eds.) *Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016 [How New Media Changed Journalism. 2012–2016]*. Yekaterinburg: University for Humanities, 2016. 304 p. (In Russ.).
8. Kulchitskaya DY, Vartanov SA, Dunas DV, Salikhova EA, et al. Mediapotreblenie molodezhi: spetsifika metodologii issledovaniya [Media Consumption by Young People: Features of Research Methodology]. *Mediaskop = Mediascope*. 2019;1. Available from: <http://www.mediascope.ru/2529> [Accessed 24.05.2019]. (In Russ.).
9. McLuhan M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: The Extensions of Man]*. 2nd ed. Moscow: Hyperborea; 2007. 464 p. (In Russ.).
10. Milosh I. Deloitte: Trendy mediapotrebleniya v Rossii [Deloitte: Media Consumption Trends in Russia 2018]. *Sostav.ru*. Website. 30.10.2018. Available from: <https://www.sostav.ru/publication/trendy-mediapotrebleniya-v-rossii-34162.html> [Accessed 16.01.2019]. (In Russ.).
11. Myasnikova MA. *Morfologicheskii analiz sovremennogo rossiiskogo televideniya [Morphological Analysis of Contemporary Russian Television]*. Yekaterinburg: Ural University Press; 2010. 320 p. (In Russ.).
12. Myasnikova MA. Novye sredy sushchestvovaniya kinokritiki i granitsy professionalizma [New Environments of Film Criticism Existence and Limits of Professionalism]. In: *Zhurnalistskii tekst v novoi tekhnologicheskoi srede: dostizheniya i problem [Journalism Text in New Technological Environment: Achievements and Problems]*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press; 2019. p. 219–222. (In Russ.).
13. Omelchenko EL. Pokolenie Text: novye imena molodezhnoi kul'tury [Generation Text: New Names of Youth Culture]. *Reklamnye idei = Advertising Ideas*. 2008;2: 106–111. (In Russ.).
14. Poluekhtova IA. Dinamika motivatsionnoi struktury telepotrebleniya rossiyan [Motivational Structure Trends in Russians' Teleconsumption]. *Mediaskop = Mediascope*. 2018;4. Available from: <http://www.mediascope.ru/2508> [Accessed 15.01.2019]. (In Russ.).
15. Protodyakonov SA. *Politiko-antropologicheskie aspekty sovremennogo televideniya [Political and Anthropological Aspects of Contemporary Television]*. Moscow: Russian National Fund; 2003. 216 p. (In Russ.).
16. Rheingold H. *Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya [Smart Mobs: The Next Social Revolution]*. Moscow: FAIR-Press; 2006. 416 p. (In Russ.).
17. Ernst K. Zapakh vremeni. Novyi yazyk televideniya eshche ne sozdan [The Scent of Time. A New Television Language is Not Created Yet]. *Iskusstvo kino = Art of Cinema*. 2012;4: 5–11. (In Russ.).
18. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1. *On the Horizon*. 2001;9(5): 1–6. Available from: <https://doi.org/10.1108/10748120110424816> [Accessed 17.05.2019].

19. Telesputnik: website. *TeleMultiMedia Forum 2019: klyuchevye vektory transformatsii mediaotrasli* [*TeleMultiMedia Forum 2019: key vectors of the media industry transformation*]. 15.04.2019. Available from: <https://www.telesputnik.ru/materials/novosti-kompanii/news/telemultimedia-forum-2019-klyuchevye-vektory-transformatsii-mediaotrasli/> [Accessed 03.06.2019]. (In Russ.).

20. White DS, Le Cornu A. Visitors and Residents: A new typology for online engagement. *First Monday*. 2011;16(9). Available from: <http://www.uic.edu/htbin/cgiwrap/bin/ojs/index.php/fm/article/viewArticle/3171/3049> [Accessed 15.05.2019].

Submitted 15.07.19 Accepted 15.10.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J10
УДК 792.06:005+659.44

Разработка коммуникационной политики современного российского театра в новых институциональных условиях

Игорь М. Аликперов¹,

ORCID: 0000-0001-7460-4104, e-mail: aigor55@mail.ru

Инна А. Ахьямова²,

ORCID: 0000-0003-0390960x, e-mail: innaah@yandex.ru

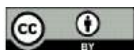
^{1,2} Екатеринбургская академия современного искусства,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. *Цель:* разработка модели коммуникационной политики современного театра через выявление ее возможностей и полифонии применения в условиях институциональных изменений для успешного позиционирования на конкурентном рынке культуры и искусств. *Проблема исследования.* Новые институциональные условия требуют от театральных организаций более эффективного продвижения своих проектов, но применяемые коммуникационные инструменты не позволяют театрам полностью выполнить управленческие задачи. *Актуальность исследования.* В настоящее время управленческая деятельность организаций социально-культурной сферы трансформируется в предпринимательскую деятельность, что требует от организаций инновационного менеджмента поиска новых, нестандартных управленческих подходов в своих коммуникациях с внешней средой. Рынки услуг культуры все больше становятся бизнес-рынками, а организации – бизнес-единицами, поэтому разработка модели коммуникационной политики театральной организации в рыночных условиях позволит увеличить их привлекательность, репутацию и посещаемость. *Методика исследования.* Для решения поставленной задачи авторами предложено использовать комплексный подход, включающий традиционные и специальные методы исследования. К традиционным методам мы относим: системный, сравнительный и логический анализ, письменный и устный опрос театральных зрителей и партнеров театров для выявления наиболее эффективных коммуникаций. В качестве специальных методов использованы контент-анализ электронных СМИ, сайтов театров и социальных сетей, SWOT-анализ для выявления предпочтений зрителей, моделирование. *Результатом исследования* станет внедрение комплексной системы коммуникаций в театральном менеджменте, что будет способствовать повышению социальной, маркетинговой, экономической эффективности деятельности театров.

Ключевые слова: менеджмент театра, коммуникационный менеджмент, нейминг, маркетинговые коммуникации, социальные коммуникации, инфлюенсеры.

Для цитирования: Аликперов И. М., Ахьямова И. А. Разработка коммуникационной политики современного российского театра в новых институциональных условиях // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 386–397. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J10.

© И. М. Аликперов, И. А. Ахьямова, 2019

Development of Contemporary Russian Theater's Communication Policy under New Institutional Conditions

Igor M. Alikperov¹,

ORCID: 0000-0001-7460-4104, e-mail: aigor55@mail.ru

Inna A. Akhyamova²,

ORCID: 0000-0003-0390960x, e-mail: innaah@yandex.ru

^{1,2} Yekaterinburg Academy of Contemporary Art, Yekaterinburg, Russia

Abstract. Goal: Developing a model of contemporary theater's communication policy through identification of its capabilities and application polyphony under conditions of institutional changes for successful positioning in the competitive market of culture and arts.

Research problem: New institutional conditions demand that theatrical organizations promote their projects more efficiently, yet the applied communication tools prevent theaters from implementing their management tasks in full.

Research relevance. The management activity of social and cultural organizations is currently transforming into entrepreneurial activity, which requires organizations to use innovative management and search for new, unconventional managerial approaches to their communications with the external environment. Markets of cultural services are becoming business markets to an ever greater degree as organizations are turning into business entities; so developing a model of theatrical organization's communication policy under market conditions makes it possible to improve its attractiveness, reputation and attendance.

Research method. To solve the set task, authors proposed applying a comprehensive approach that includes traditional and special research methods. We classify the following as traditional methods: systemic, comparative and logical analysis; written and verbal surveys of theatrical patrons and partners to identify the most efficient communications. Special methods include application of content analysis of online media, theaters' websites and social media accounts, SWOT analysis to identify patrons' preferences, and modeling.

Research result is going to be the implementation of a comprehensive communication system in theater management, improving social, marketing and economic efficiency of theaters' activity.

Keywords: theater management, communication management, naming, marketing communications, social communications, influencers.

For citation: Alikperov IM, Akhyamova IA. Development of Contemporary Russian Theater's Communication Policy under New Institutional Conditions. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 386–397. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-J10.

Введение

В настоящее время управленческая деятельность трансформируется в предпринимательскую деятельность не только в материальной сфере производства (промышленность, строительство, сельское хозяйство, транспорт и др.), но и в нематериальной сфере услуг (образование, здравоохранение, культура, искусство), что требует от организаций инновационного менеджмента, поиска новых, нестандартных подходов в управлении, эффективного использования маркетинговых ресурсов.

Социальной сфере деятельности все больше приходится погружаться в рыночную среду с целью зарабатывания внебюджетных средств, которые необходимы для развития материально-технической базы, модернизации основных фондов, продвижения своих услуг, привлечения лучших работников, увеличения фонда заработной платы сотрудников, решения социальных вопросов. Практически всем организациям приходится быть предпринимателями, продвигая свои услуги на конкурентных рынках. Рынки культурных, образовательных услуг все больше становятся *бизнес-рынками*, на которых практически действуют те же рыночные законы и тенденции, что и на любом рынке потребительских коммерческих услуг, при сохранении специфики их предоставления.

Таким образом современные культурные организации все больше превращаются в самостоятельные *бизнес-единицы*, что требует новых подходов в управлении ими. Важнейшими инструментами управленческой деятельности по достижению поставленных целей в новых институциональных условиях являются различные коммуникации, с помощью которых устанавливаются и поддерживаются не только деловые отношения, но решаются многие другие управленческие задачи, связанные с продвижением как самой организации, так и ее продуктов. Дополнительным фактором усложнения коммуникаций является глобализация производственной, информационной, образовательной, культурной среды, что предъявляет повышенные требования к их форме и содержанию.

Самостоятельность означает не только свободу и выбор действий, но и ответственность, что невозможно, прежде всего, без финансовой самостоятельности. Как и где им зарабатывать доходы в условиях жесткой конкуренции за потребителя? Мировой опыт и логика экономического развития подсказывают два основных пути:

1) удовлетворение спроса потребителей предложением на конкурентном рынке ценных привлекательных продуктов и тем самым получение доходов;

2) фандрайзинговую деятельность, которая включает PR-активность, спонсорство, меценатство, грантовую поддержку, государственные (муниципальные) заказы, формирование партнерских отношений с бизнес-структурами.

Успешное развитие любой компании в конкурентных рыночных условиях, коммерческой или некоммерческой, начинается с точного формулирования миссии и ее профессиональной реализации. Инструментом реализации является творческое использование комплекса маркетинга-микс, элементом которого являются маркетинговые коммуникации, с помощью которых возможны разработка ценностного нового культурного продукта и доведение его до потребителей с помощью различных коммуникаций.

В зарубежной научной литературе, а в последнее время и в российской литературе уделяется большое внимание маркетинговой политике организаций культуры, их коммуникациям с внешней средой: роли маркетинговых коммуникаций в культурном пространстве [1; 7] и как факторе антикризисного менеджмента [9], особенностям коммуникаций в театральном менеджменте [4; 2], управлению маркетинговыми коммуникациями в театре [5], их влиянию на репутацию театров [3] и на создание аудиовизуального бренда [10], влиянию маркетинговых

коммуникаций на экономику театров [6], а также применению коммуникаций со зрителями с нарушением зрения [8].

Организации культуры с разной степенью успешности используют маркетинг и маркетинговые коммуникации для продвижения своих услуг и продуктов, но, в силу институциональных и общественных изменений, менеджерам современного театра для решения управленческих и коммерческих задач необходимо использовать целый спектр коммуникаций для более успешного позиционирования организаций на конкурентном рынке театральных продуктов.

Методы исследования

Для решения поставленной задачи авторы использовали традиционные и специальные методы исследования. К традиционным методам мы относим: системный, сравнительный и логический анализ, письменный и устный опрос театральных зрителей и партнеров театров для выявления наиболее эффективных коммуникаций. В качестве специальных методов использованы контент-анализ электронных СМИ, сайтов театров и социальных сетей, SWOT-анализ для выявления предпочтений зрителей, моделирование.

Результаты и обсуждение

Письменный опрос был проведен среди преподавателей, сотрудников, студентов очного и заочного отделений Екатеринбургской академии современного искусства (ЕАСИ) в октябре 2018 года. Цель опроса – выявить отношение респондентов к инструментам продвижения театров, а также используемым коммуникациям со зрителями, чтобы в дальнейшем сформулировать рекомендации театрам для совершенствования их коммуникационной политики. Выбор данной целевой аудитории обоснован, так как в академии ведется подготовка менеджеров и других специалистов в сфере культуры, которые во время обучения проходят практику, участвуют в качестве волонтеров в различных проектах в учреждениях культуры. В опросе приняли участие 50 человек – 20 сотрудников и преподавателей ЕАСИ (1-я группа респондентов) и 30 студентов очного и заочного отделений 2, 3 и 4-го курсов (2-я группа респондентов), семь мужчин и 43 женщины (среди преподавателей и сотрудников соотношение 2 и 18, среди студентов – 5 и 25). Большинство опрошенных регулярно или периодически посещают театры (85 % из первой группы и 82 % из второй). Ключевые ответы и выводы следующие.

Общим лидером из критериев выбора спектакля являются мнения знакомых, коллег, родственников, т. е. личный источник рекламы в связи с некоммерческим характером их мнений (54 %), на втором месте – названия спектакля – 50 %, что предъявляет особые требования к неймингу спектаклей.

На вопрос «Какие носители рекламы спектакля Вас привлекают больше всего?», ответы распределились следующим образом (можно было выбирать несколько ответов, таблица 1). Как видно из таблицы, лидерами среди носителей в обеих группах является социальные сети (72 %), сайт театра (46 %), афиши на баннерах и щитах в городе (44 %), что позволяет оптимизировать и сконцентрировать ресурсы для продвижения именно в Интернете, а также выбрать разнообразные виды

контентов для привлечения разных целевых аудиторий на сайте театра и в социальных сетях.

Таблица 1

Предпочтения зрителей в носителях рекламы спектаклей

Ответы	Всего, чел./%	В том числе 1-я гр., чел./%	В том числе 2-я гр., чел./%
Афиша на фасаде театра	16/32	5/25	11/37
Афиши на баннерах и щитах в городе	22/44	9/45	13/43
Печатные афиши в газетах и журналах	4/8	1/5	3/10
Реклама на радиостанциях	5/10	2/10	3/10
Реклама на телевидении	10/20	5/25	5/17
Сайт театра	23/46	9/45	14/47
Сайты информагентств и кассовых организаций	8/16	3/15	5/17
Буклеты и флаеры	11/22	4/20	7/23
Социальные сети	36/72	13/65	23/77
СМС-информирование	1/2	0	1/3

90 % респондентов регулярно или иногда заходят на сайты театров и их аккаунты в социальных сетях. На вопрос «Какой информации не хватает на сайтах театров?», ответы распределились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов о нехватке информации на сайтах театров города

Ответы («мне не хватает»)	Всего, чел./%	В том числе 1-я гр., чел./%	В том числе 2-я гр., чел./%
оперативности	15/30	7/35	8/27
информативности	10/20	3/16	7/23
иллюстративности	18/36	5/25	13/43
эсклюзивности	21/42	6/30	15/50
познавательности	20/40	8/40	12/40
другое		акций, экскурсий	дизайна

Следует обратить внимание, что большинство опрошенных, как среди преподавателей, так и среди студентов, не получают индивидуальной информации, в то время как индивидуальный маркетинг является сегодня трендом коммуникационной политики успешных организаций.

В то же время предпочтения в получении информации выявили необходимость реструктуризации посылаемых сообщений (табл. 3).

Таблица 3

Предпочтения зрителей в получении информации от театров

Ответы	Всего, чел./%	В том числе 1-я гр., чел./%	В том числе 2-я гр., чел./%
Да, СМС-информирование	6/12	2/10	4/13
Да, на электронную почту	20/40	10/50	10/33
Да, в социальных сетях	20/40	4/20	16/53
Да, в почтовые ящики квартир	5/10	2/10	3/10
Не хочу	9/18	5/25	4/13

Как видно из таблицы, большинство респондентов хотели бы получать информацию на электронные носители, что подтверждает тренд на индивидуализацию коммуникаций с потребителями, в том числе с театральными зрителями.

Проведенный опрос показал объективную необходимость большего внимания менеджмента театров к эффективности использования коммуникаций.

На взгляд авторов, в управлении театральной организацией необходимо использовать разные виды коммуникаций, направленные на различные аудитории для достижения синергетического эффекта, отражающие весь спектр коммуникаций в управленческой деятельности современных театральных менеджеров. Многочисленные их контакты с театральной микросредой можно объединить в четыре группы.

1. Маркетинговые коммуникации. Цель – передача целевой аудитории конкурентной информации о продуктах театра. Инструментами маркетинговых коммуникаций являются рекламная деятельность, в которой все большую роль занимают BTL-акции взамен традиционных ATL-обращений; стимулирование сбыта, обеспечивающее лояльность клиентов и зрителей; личные продажи билетов и мероприятий театра, успешность которых зависит от личных коммуникаций менеджеров; прямой маркетинг, связи с общественностью. Данные коммуникации являются элементами продвижения театра и его продуктов, их целевой аудиторией являются зрители (физические и юридические лица), средства массовой информации.

2. Бизнес-коммуникации – сложный многоплановый процесс установления и развития деловых контактов между людьми как внутри организации, так и во внешней среде с целью эффективного решения задач организации, для которого характерны регламентированность, ролевые амплуа, строгий отбор используемых средств. Цель – установление и развитие деловых контактов, привлечение финансовых ресурсов. Данные контакты включают как внешние коммуникации с театральной средой (учредители театра, спонсоры, меценаты, деловые партнеры, государственные и международные организации), так и внутренние с персоналом театра (группой, службами театра, руководителями подразделений), которые, в свою очередь, подразделяются на вербальные и невербальные. Для данного вида коммуникаций характерны формализованность, регулярность, корпоративный стиль.

3. Социальные коммуникации – это передача информации, идей, впечатлений, эмоций посредством знаков, символов, фотографий посредством общения и ретрансляции информации в социальной среде. Цель – неформальное информирование и обсуждение театральных со-

бытий, формирование позитивного имиджа театра. Особенностью социальных коммуникаций является участие в процессе субъектов общественной деятельности, обратная связь для выработки общего или компромиссного взгляда на театральный продукт или театральную деятельность. Целевая аудитория данных коммуникаций – субъекты бизнес- и маркетинговых коммуникаций, к которым присоединяются волонтеры, общественные организации, социальные сети, блогеры. Растущая роль коммуникаций через социальные сети связана с их спецификой, включающей:

- мобильную обратную связь со зрителями, партнерами, помощниками;
- добровольность участия;
- неформальный характер общения;
- вовлеченность в процесс общения всех желающих;
- дискуссионность, поиск согласованной позиции по обсуждаемой теме даже при непримиримости исходных позиций и взглядов;
- возможность сокрытия персональных данных за никами, использования ложной или недостоверной информации.

Блогеры, интересные персоны в социальных сетях, профессиональные эксперты играют важную роль в продвижении театральных продуктов в качестве инфлюенсеров, чья роль в театральном менеджменте пока недооценена и недостаточно используется.

4. Личные коммуникации – процесс межличностного одновременного закрытого взаимодействия субъектов коммуникации и их влияния друг на друга. Цель – установление доверительных отношений с официальными лицами, субъективное обсуждение театральных событий. Данный вид коммуникаций дополняет бизнес-коммуникации с учредителями театра, государственными и международными организациями, спонсорами, меценатами, бизнес-партнерами, так как без лоббирования интересов театра трудно добиться расположения бизнеса и руководителей, в то же время персональные отношения между руководителями театров и этих организаций с целью решения профессиональных вопросов дополняют официальные. Такие отношения часто основываются на родственных, дружественных взаимовыгодных связях, нередко на коррупционных, и это может приносить свои дивиденды, но коммуникации на такой основе рискованны, так как смена власти, ее дружественных представителей может привести к потере расположения и, как следствие, источника доходов.

Важность и необходимость коммуникационного комплекса в продвижении театров сопровождается проблемами его применения.

1. Отсутствие механизма изучения спроса и влияния зрителей на репертуарную политику: как изучают руководители театров спрос, может ли публика влиять на репертуарную политику театра и какими соображениями руководствуются менеджеры театров, формируя репертуарную политику? Понятно, что рыночные законы в искусстве напрямую не работают, перед дирекцией театров стоят не только коммерческие, но и гуманитарные, эстетические, культурные, часто образовательные цели, но, с другой стороны, институциональные изменения в деятельности организаций культуры требуют учета спроса и изучения конъюнктуры рынка на услуги культурно-зрелищных организаций в регионе. Есть ли механизмы сегодня у театров в изучении этого спро-

са? Пожалуй, нет! Таким образом, слабым звеном является недостаточное использование мнения и эмоций зрителей в создании и продвижении культурного продукта.

2. Недостаточное или избыточное позиционирование спектаклей и программ на рынке, которые связаны с неверным выбором целевой аудитории и, как следствие, неточным и неэффективным выбором инструментов, носителей рекламы, нейминга (названия) спектаклей, времени продвижения и т. д.

3. Слабое использование постпродакшн-рекламы – интенсивные коммуникации с потенциальным зрителем осуществляются в допремьерный период согласно плану продвижения. В дальнейшем они возможны только в связи с большими событиями в жизни театра – гастролями, номинацией на театральные премии, юбилейными показами, государственными наградами и т. д., что затрагивает лишь немногие спектакли текущего репертуара. Анализ продаж спектаклей текущего репертуара театров показывает большой процент непроданных спектаклей текущего репертуара практически во всех театрах Екатеринбурга в отличие от большинства привозимых гастрольных спектаклей стационарных театров и антреприз при более дорогих билетах.

5. Недостаточное или некомплексное использование CRM-системы в театральных коммуникациях (Customer Relationship Management) – это прикладное программное обеспечение для организаций, предназначенное для автоматизации коммуникаций с клиентами организации, которая включает сбор, хранение и анализ информации о зрителях, партнерах и т. д. Данная система успешно используется в коммерческих структурах, позволяя быть в постоянном общении со своей целевой аудиторией. Для этого необходима лидогенерация – сбор контактной информации, добровольно предоставляемой клиентами для удобства их информирования. К сожалению, только в немногих учреждениях культуры создана CRM-система (в частности, в Свердловской государственной филармонии).

6. В содержании рекламных коммуникаций наблюдается акцент на информировании о дате премьер, авторах, постановочной группе, занятых актерах, редко о содержании спектакля, но практически не используются современные тренды рекламных коммуникаций – BTL-технологии, акцентирование на ценностях и эксклюзивности представлений.

7. В бизнес- и личных коммуникациях театра проблемой является непредсказуемость в сменяемости власти, курирующей культуру, от которой зависит благосклонность и предпочтения, возможность лоббирования при наличии дружественных и иных связей при фандрайзинговой деятельности.

8. Социальные коммуникации, при всей важности, открытости, массовости обсуждения театров и их продуктов, трансляции и ретрансляции мнений, страдают существенными недостатками – безапелляционностью, безответственностью, часто непрофессионализмом суждений.

Общим недостатком всех видов коммуникаций является отсутствие или недостаточный уровень мониторинга и анализа эффективности коммуникаций, степени их воздействия на целевую аудиторию, отсутствие системности и взаимосвязи всех видов коммуникаций, а главное –

отсутствие коммуникационной стратегии в продвижении как театральных продуктов, так и самого театра и ее взаимосвязи с экономическими и социальными показателями деятельности театра. Данная проблема связана с недостатками подготовки театральных менеджеров, в частности коммуникационной подготовки, практики использования всех видов коммуникаций для достижения синергетического эффекта.

Выводы

В управленческой деятельности менеджеров для эффективного продвижения театров необходимо использовать синергетику разных групп коммуникаций – маркетинговых, социальных, бизнес- и личных, наполняя их различными видами контентом – новостным, развлекательным, репутационным, продающим, познавательно-обучающим, полезным. В данном процессе следует исходить из особенности театральных продуктов, их целевой аудитории, поставленных целей. Модель коммуникационной политики театра представлена на рисунке.

В данную модель входят четыре группы коммуникаций.

1. Маркетинговые коммуникации с физическими и юридическими лицами, куда входят ATL- и BTL-реклама, личные продажи. Приоритетные виды контента здесь – полезный, новостной, репутационный, продажный, обучающий.

2. Бизнес-коммуникации – деловые контакты с юридическими и физическими лицами, в которых приоритетны новостной и репутационный контент.

3. Социальные коммуникации с физическими лицами с акцентом на полезном, новостном, развлекательном контенте.

4. Личные коммуникации с физическими лицами, в которых приоритетными будут новостной и развлекательный контент.

Комплекс четырех подсистем представляет собой предлагаемую модель аудирования управления коммуникациями театра: выработкой коммуникационной стратегии, планированием коммуникаций, проведением аудита, анализом данных аудита.

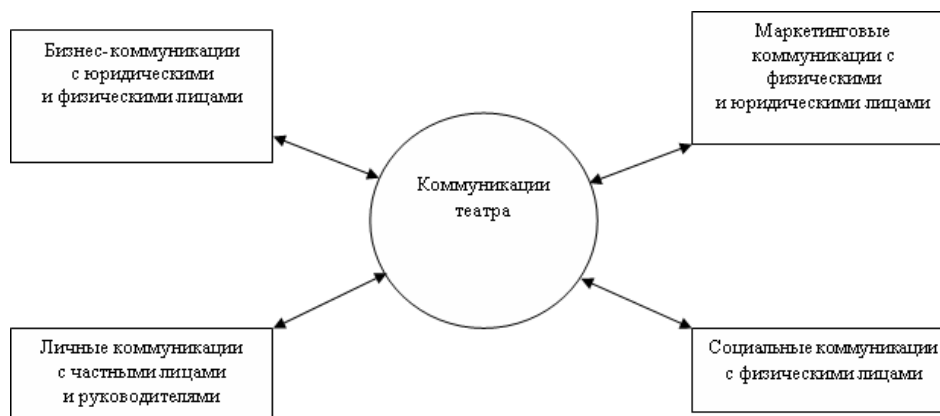

Рис. Модель коммуникационной политики театра

Слабым звеном в деятельности театров в настоящее время является недостаточное внимание к контент-планам, анализ данных аудита, который может быть выполнен с применением контент-анализа доку-

ментов путем оценки содержания, рассмотрения тональности, полноты информации, стиля формулировки или на основе результатов полевых исследований через изучение содержания коммуникации в учреждении на разных уровнях. В результате такого анализа можно выявить коммуникационный климат театра и его микросреды, ожидания и удовлетворенности зрителями уровнем коммуникаций, эффективность их использования и на этой основе выработать или скорректировать коммуникационную политику театра.

Внедрение комплексной системы коммуникаций в театральном менеджменте будет способствовать повышению социальной, маркетинговой, экономической эффективности деятельности театров. Это отразится на коммуникационном потенциале театра, позволит оптимально выстроить коммуникационную политику, направленную на формирование лояльности зрителей, улучшит его позиционирование на конкурентном рынке театрально-концертных услуг.

Информация об авторах

Игорь Михайлович Аликперов, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социокультурного развития территории, Екатеринбургская академия современного искусства (г. Екатеринбург, Россия).

Инна Анатольевна Ахьямова, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры социокультурного развития территории, ректор Екатеринбургской академии современного искусства (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Igor M. Alikperov, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Socio-Cultural Territory Development, Yekaterinburg Academy of Contemporary Art, Yekaterinburg, Russia

Inna A. Akhyamova, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Department of Socio-Cultural Territory Development, Rector, Yekaterinburg Academy of Contemporary Art, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Абрашкевичус Г. А. Роль театральной коммуникации в современном культурном пространстве // Таврические студии. 2016. № 11 (25). С. 15–19.
2. Защепкина В. В. Театр как особый тип коммуникации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 84. С. 983–992.
3. Етерскова А. В. Управление репутацией театра и компоненты ее построения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 5 (67). С. 180–184.
4. Подбужкая Е. В. Коммуникация в современном театре // Дружининские чтения : сборник материалов XV Всероссийской научно-практической конференции / под ред. И. Б. Шуванова, В. П. Шувановой, С. А. Барановой, Ю. Э. Макаревской. Сочи : Сочинский гос. ун-т, 2016. С. 191–193.
5. Рихновец А. А. Управление маркетинговыми коммуникациями в учреждении культуры // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты : сборник статей по материалам I–II междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 4–14 сентября 2017 г.) / отв. ред. М. А. Васинович. Новосибирск : Сибирская академ. книга, 2017. С. 43–49.
6. Besana A., Calzolari A. Economics, Strategy and Performance of Italian Performing Arts: When Advertising and Intangible Matter // Eurasian Studies in Business and Economics. 2017. Vol. 5. P. 915–924.
7. Buljubasic I., Kotrla D. Marketing as a business success factor in cultural institutions // Medunarodni znanstveni simpozij "Gospodarstvo istocne Hrvatske –

jucer, danas, sutra". Osijek : University of Strossmayer in Osijek, 2018. P. 738–746.

8. Campos L. B., Maia I., Rocha L., Rosa L. Redesign and Improvement of the System of Signaling and Visual Communication for the Rectory of the Federal Institute of Maranhao that Meets the Needs of Visually Impaired People // Rebelo F., Soares M. (eds). *Advances in Ergonomics in Design. AHFE 2018. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Springer, 2019. Vol. 777. P. 387–397.

9. Siddiqui A., Ng E., Burrows C., et al. Impact of Critical Event Checklists on Anaesthetist Performance in Simulated Operating Theatre Emergencies // *Cureus*. 2019. Vol. 11 (4). P. 344–353.

10. Villanueva Benito I. Marketing in the Opera of 21st century: creation of audiovisual brand // *Medcom*. 2017. Vol. 8 (2). P. 51–66. DOI: 10.14198/MEDCOM2017.

Статья поступила в редакцию: 08.07.19

Принята к публикации: 26.08.19

References

1. Abraskevichus GA. Rol' teatral'noi kommunikatsii v sovremennom kul'turnom prostranstve [Role of Theatrical Communication in Contemporary Cultural Space]. *Tavricheskie studii = Tavria Studies*. 2016;11(25): 15–19. (In Russ.).

2. Zashchepkina VV. Teatr kak osobyi tip kommunikatsii [Theater as a Special Type of Communication]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Multitopic Online Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University*. 2012;84: 983–992. (In Russ.).

3. Eterskova AV. Upravlenie reputatsiei teatra i komponenty ee postroeniya [Theater Reputation Management and Components of its Construction]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Moscow State University of Culture and Arts Bulletin*. 2015;5(67): 180–184. (In Russ.).

4. Podbutskaia EV. Kommunikatsiya v sovremennom teatre [Communication in Contemporary Theater]. In: Shuvanov IB, Shuvanova VP, Baranova SA, Makarevskaya YE. (eds.) *Druzhininskie chteniya [Druzhinin Readings]: Proceedings of the 15th All-Russian Scientific and Practical Conference*. Sochi: Sochi State University; 2016. p. 191–193. (In Russ.).

5. Rychnovets AA. Upravlenie marketingovymi kommunikatsiyami v uchrezhdenii kul'tury [Managing Marketing Communications at a Cultural Institution]. In: Vasinovich MA. (ed.) *Istoriya, politologiya, sotsiologiya, filosofiya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [History, Political Science, Social Science, Philosophy: Theoretical and Practical Aspects]: Collection of Papers Based on Proceedings of the I–II International Scientific and Practical Conference. Novosibirsk, September 4–14, 2017*. Novosibirsk: Siberian academic book; 2017. p. 43–49. (In Russ.).

6. Besana A, Calzolari A. Economics, Strategy and Performance of Italian Performing Arts: When Advertising and Intangible Matter. *Eurasian Studies in Business and Economics*. 2017;5: 915–924.

7. Buljubasic I, Kotrla D. Marketing as a business success factor in cultural institutions. In: *Gospodarstvo Istocne Hrvatske – jucer, danas, sutra [International Scientific Symposium "Economics of Eastern Croatia – Yesterday, Today, Tomorrow"]*. Osijek: University of Strossmayer in Osijek; 2018. p. 738–746.

8. Campos LB, Maia I, Rocha L, Rosa L. Redesign and Improvement of the System of Signaling and Visual Communication for the Rectory of the Federal Institute of Maranhao that Meets the Needs of Visually Impaired People. In: Rebelo F, Soares M. (eds.) *Advances in Ergonomics in Design. AHFE 2018. Advances in Intelligent Systems and Computing, Vol. 777*. Springer; 2019. p. 387–397.

9. Siddiqui A, Ng E, Burrows C, et al. Impact of Critical Event Checklists on Anaesthetist Performance in Simulated Operating Theatre Emergencies. *Cureus*. 2019;11(4): 344–353.

10. Villanueva Benito I. Marketing in the Opera of 21st century: creation of audiovisual brand. *Medcom*. 2017;8(2): 51–66. Available from: doi:10.14198/MEDCOM2017.

Submitted 08.07.19 Accepted 26.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J11
УДК 070.11

Профессиональные ценности будущих журналистов

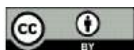
Наталья Л. Антонова¹,
ORCID: 0000-0002-2063-4970, e-mail: n-tata@mail.ru
Виктория Р. Хафизова²,
ORCID: 0000-0002-5377-0960, e-mail: vikakhaf@mail.ru
^{1,2} Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье раскрываются профессиональные ценности студентов-журналистов. Обоснованием является трансформация ценностей в профессиональной деятельности журналистов, происходящая в условиях медиатизации общества и развития новых информационно-коммуникационных технологий. Следствием трансформации становятся такие проблемы, как публикация непроверенной/недостоверной информации, искажение фактов, навязывание недостоверной повестки дня. Среди медиаэкспертов ведутся активные споры о сохранении профессиональной этики журналистов. В связи с этим возникает необходимость изучать профессионально-ценностные ориентации студентов – будущих журналистов, начинающих знакомство с профессией в стенах вуза. Объектом нашего исследования стали студенты факультетов журналистики Уральского федерального университета и Гуманитарного университета. В рамках исследования был проведен онлайн-опрос среди обучающихся (n = 202), а также два интервью с руководителями факультетов для глубинного понимания ситуации в современном журналистском образовании. Полученные результаты свидетельствуют о том, что ведущие позиции в системе профессиональных ценностей студентов-журналистов занимают фактчекинг, точность и честность. Журналист в представлениях студентов – это новатор, способный создавать уникальный контент, его цель заключается в раскрытии правды и помощи людям. Следовательно, можно прийти к выводу, что, несмотря на сомнения медиаэкспертов в сохранении профессиональных ценностей в современной журналистике, студенты отвечают на ценностные запросы медиасреды и вместе с тем ориентированы на воспроизводство традиционных принципов журналистской этики.

Ключевые слова: ценности, профессиональные ценности, фактчекинг, доверие, студенты-журналисты, образование.

Благодарности: исследование проведено при поддержке проекта «Мой первый грант» Уральского гуманитарного института (Уральский федеральный университет).

Для цитирования: Антонова Н. Л., Хафизова В. Р. Профессиональные ценности будущих журналистов // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 398–406. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J11.

Professional Values of Future Journalists

Natalya L. Antonova¹,

ORCID: 0000-0002-2063-4970, e-mail: n-tata@mail.ru

Viktoria R. Khafizova²,

ORCID: 0000-0002-5377-0960, e-mail: vikakhaf@mail.ru

^{1,2}Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The paper deals with professional values of journalism students. The grounds for research are the transformation of values in journalists' professional activity that occurs under conditions of society mediatization and development of new information and communication technologies. The consequences of this transformation include problems like publication of non-validated / non-authentic information, distortion of facts, imposing a false agenda. Media experts are engaged in active debates on preserving the journalists' professional ethics. In this regard, a need emerges to study professional and value orientations of students – future journalists who are beginning to get acquainted with this profession at a higher education institution. The object of our research was students from Journalism Faculty of the Ural Federal University and the University for Humanities. The research included an online survey of students (n = 202), as well as two interviews with Faculty Heads for profound understanding of the situation in the contemporary journalism education. The findings evidence that fact checking, accuracy and integrity are among the top professional values of journalism students. A journalist, in students' view, is an innovator capable of creating unique content; their purpose is disclosing the truth and helping people. We can therefore conclude that students respond to value demands of the media environment and at the same time they are oriented at reproducing the traditional principles of journalism ethics, despite media experts' doubts of preserving professional values in contemporary journalism.

Keywords: values, professional values, fact checking, trust, journalism students, education.

Acknowledgments: this research is supported by Ural Institute for Humanities project “My First Grant” (Ural Federal University).

For citation: Antonova NL, Khafizova VR. Professional Values of Future Journalists. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 398–406. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-J11.

Введение

Коммуникационная революция меняет структуру социальных связей и отношений в информационной сфере. Развитие инновационных электронных средств массовой коммуникации упростило процесс изготовления и распространения информации. С появлением новых медиа меняются функции и роль журналиста. Новые технологические и социальные условия ведут к трансформации профессиональных ценностей журналистов [1]. Как утверждают М. Дьюз (M. Deuze) и Д. Ешуа (D. Yeshua), Интернет «формирует и переосмысливает ряд моральных и этических проблем, с которыми сталкиваются журналисты при работе в Интернете или использовании онлайн-ресурсов» [17, p. 276].

Новые медиа требуют новой этики, поскольку утверждаемые десятилетиями профессиональные кодексы и закреплённые в них этические принципы сегодня теряют свою актуальность. Дж. Диас-Кампо (J. Diaz-Campo) и Ф. Сегудо-Бой (F. Segado-Boj), проанализировав 99 про-

фессиональных кодексов разных стран, пришли к выводу о том, что только 9 из них содержат упоминания об Интернете и информационно-коммуникационных технологиях [18]. Кроме того, эти упоминания выражены лишь заявлением о том, что онлайн-журналистика подчиняется тем же принципам, что и традиционная журналистика.

Вместе с тем в цифровую эпоху в качестве регулятора информационных отношений выступает «медиаэтика». «Цифровая медиаэтика, являясь последствием развития цифровых информационно-коммуникационных технологий, охватывает весь комплекс этических вопросов, возникающих в цифровой медиасреде» [2, с. 89]. Недостовверная повестка дня, необоснованная и непроверенная информация, искажение фактов – эти и другие проблемы становятся ведущими характеристиками информационного потока в сети Интернет. По мнению В. В. Смеюхи, непрофессионализм сотрудников массмедиа выражается в непреднамеренном искажении информации, излишней эмоционализации публикаций, ведущей к провокации аудитории на участие в псевдодискуссиях [11, с. 41]. Широкое распространение получили зарубежные неологизмы [20], жаргонная лексика [8].

В российском поле исследований новых медиа развернута дискуссия о современном положении и статусе журналистов, практиках и нормах профессиональной деятельности. Российский медиаисследователь В. Гатов полагает, что в связи с уходом журналистики в Интернет ценности профессии заменяются антиценностями. Например, ценность достоверности информации теряет важность перед антиценностью оперативности [5, с. 253]. Эксперт в области профессиональной этики журналистов Б. Н. Лозовский утверждает, что качество информации, ее соответствие действительности, репутация источников и персонажей во внимание не принимаются вообще. При этом никто не несет ответственности ни за действия, ни за слова, ни за что бы то ни было, в итоге – хаос в понимании ценностей [9, с. 9]. По оценке С. К. Шайхитдиновой, новые медиа выступают фактором, порождающим нездоровую конкуренцию и неформальные практики в гонке за рейтингами и вниманием аудитории [15]. В ситуации, когда реализация этических принципов современной журналистики ставится под сомнение, необходимо найти баланс между яркой формой, удерживающей внимание читателя/зрителя, и достойным содержанием, отвечающим принципам настоящей журналистики [3, с. 103].

Проблема публикации непроверенной информации в России нашла свое решение в Законе о запрете фейковых новостей. 29 марта 2019 года вступили в силу изменения, внесенные в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», касающиеся блокировки «недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности» [6]. Закон предусматривает штрафы от 30 тысяч до 500 тысяч рублей в зависимости от статуса нарушителя и последствий публикации.

Наряду с законодательной инициативой одним из инструментов современного функционирования общности журналистов в условиях медиатизации общества становится система профессиональной под-

готовки специалистов, ориентированная на новые вызовы общественного развития в цифровую эпоху. В нашем исследовании мы предприняли попытку осуществить анализ профессиональных ценностей студентов, которые в ближайшее время пополнят ряды журналистов, работающих в современном медийном пространстве.

Методы исследования

М. Рокич (M. Rokeach) определил ценность как разновидность устойчивого убеждения о предпочтительных способах поведения [21]. Опираясь на определение М. Рокича, С. Н. Шварц (S. N. Schwartz) утверждает, что ценности – это «идеи или убеждения, которые относятся к желаемым конечным состояниям или поведению, которое выходит за рамки конкретных ситуаций, и определяют выбор или оценку поведения и событий» [23, р. 4]. Ценности – это широкие предпочтения, касающиеся соответствующих направлений действий или результатов [22]. Это присущая человеку система убеждений, которая направляет действия и поведение человека [16].

Ценности можно определить как нормативные принципы, имеющие объективные значения, но субъективные интерпретации. Ценности отличаются от этики тем, что не различают действий в соответствии с правильным и неправильным [24, р. 574].

Согласно классификации М. Рокича, можно выделить две категории ценностей: инструментальные ценности, которые представляют предпочтительные способы поведения, и терминальные ценности, которые являются желаемыми состояниями, целями, которых стремится достичь индивид [21]. Как правило, инструментальные ценности лежат в основе профессиональных этических кодексов и объединений, которые устанавливают этические нормы и принципы для представителей профессионального сообщества.

Профессиональные ценности журналиста представляют собой социальные ориентиры и средства, позволяющие журналисту в процессе своей деятельности достигать личных социально значимых результатов [12, с. 23]. Поскольку профессиональные ценности начинают формироваться в процессе получения высшего образования, целью нашего исследования стал анализ профессиональных ценностей будущих журналистов.

В 2018 году нами был проведен онлайн-опрос студентов факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета (n = 40) и студентов факультета журналистики Уральского федерального университета (n = 162). Для проведения опроса была разработана авторская анкета, состоящая из 38 вопросов. Обработка данных была проведена с использованием программы обработки и анализа социологической информации «Vortex».

Распределение опрошенных по полу выглядит следующим образом: 77 % опрошенных – девушки, 23 % – юноши. Средний возраст опрошенных составил 20,5 лет. 27 % респондентов – студенты 1-го курса бакалавриата, 18 % – 2-го курса, 20 % – 3-го курса, 25 % – 4-го курса. Кроме того, каждый десятый опрошенный получает высшее образование в магистратуре Уральского федерального университета (УрФУ). Большая часть (76 %) респондентов имеет опыт работы в редакции СМИ, при этом каждый четвертый из них работал в составе редак-

ционного коллектива более одного года. На момент опроса в СМИ работали 61 % опрошенных студентов.

Для глубинного понимания и социологического осмысления профессиональных устремлений студентов в будущей профессиональной деятельности мы также провели экспертные интервью. Путеводитель интервью включал 12 открытых вопросов. В качестве экспертов выступили руководители факультетов ($n = 2$). Мы провели транскрипцию текстов интервью, выделили общее и особенное в ответах информантов.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования показали, что студенты-журналисты планируют работать в конвергентных СМИ (30,6 %), на телевидении (22,6 %), в интернет-СМИ (14,5 %). Каждый второй опрошенный полагает, что журналист – это, прежде всего, новатор, способный создавать уникальный контент.

Согласно данным опроса, лидирующие позиции в системе профессиональных ценностей занимают фактчекинг (70 %), точность (57 %), честность (57 %). Стоит отметить, что следование этим ценностям повышает доверие аудитории и к СМИ, и к самому журналисту. Этот факт отмечает Е. Варганова: «Журналист – это человек неравнодушный, вовлеченный в жизнь общества, ценности которого он разделяет. Он не может не уважать свою аудиторию, для которой пишет, в противном случае у аудитории не возникнет к нему доверия» [4, с. 9].

Вопрос доверия к СМИ поднимается и в исследовании, проведенном фондом «Медиастандарт» и исследовательской группой «ЦИРКОН» в 2018 году. Результаты исследования показывают, что 44 % опрошенных доверяют информации, получаемой из сети Интернет, при этом основную группу составляет молодежь. Так, о доверии «Яндекс Новостям» заявил каждый третий молодой россиянин, сообщениям в социальных сетях – 26 %, видео с YouTube – 31 %, каналам в Telegram – 12 % [13].

Молодое поколение – это «цифровые аборигены», повседневные практики которых формируются под воздействием новых информационно-коммуникационных технологий. Для привлечения и удержания молодежной аудитории интернет-издания зачастую используют неформальные, но действенные и эффективные методы. Например, в целях повышения интернет-трафика создаются фейковые новости – преднамеренное представление ложных или вводящих в заблуждение сведений [19, р. 108]. Согласно исследованию, проведенному ФОМ в 2018 году, на вопрос «Вам когда-нибудь встречались или не встречались новости, сообщения, которым вы поверили и которые потом оказались вымышленными, фейковыми?» положительно ответили 47 % населения. Большинство считает, что фейковые новости причиняют большой вред, который заключается в том, что такие сообщения дезинформируют, вводят в заблуждение [14].

Обращаясь к результатам нашего исследования, можно утверждать, что молодое поколение журналистов стремится, тем не менее, воспроизвести в своей будущей деятельности те профессиональные ценности, которые заложены в Кодексе профессиональной этики российского журналиста [7]. Кроме того, ценностными ориентирами своей

будущей миссии в профессиональной деятельности для студентов становятся раскрытие правды (52 %) и помощь людям (42 %).

Следует отметить, что руководители факультетов журналистики также уверены в жизнеспособности традиционных для журналистики ценностей: *«Есть принципы в профессиональной деятельности, которых данное сообщество придерживается на уровне социального инстинкта. Либо эта профессия выживает, либо умирает, если мы каких-то ценностей не соблюдаем»* (жен., декан факультета телерадио журналистики). Другой декан утверждает: *«Сегодня мало чего устоявшегося... не случайно получил распространение термин “текущая современность”. Однако ключевые, я бы назвал их “базовыми”, ценности, а именно: первичный контакт журналиста с источником, проверка полученных сведений, грамотным русским языком составленный текст, ответственность перед источниками и аудиторией – вечны»* (муж., декан факультета журналистики).

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют прийти к следующим выводам. Во-первых, лидирующие позиции в системе профессиональных ценностей будущих журналистов занимают фактчекинг, точность и честность. Во-вторых, студенты-журналисты в качестве миссии своей будущей профессиональной деятельности рассматривают раскрытие правды и помощь людям.

Таким образом, можно говорить о том, что, несмотря на активные споры о наличии/отсутствии профессиональной этики в современной журналистике, студенты отвечают на ценностные запросы современной медиасреды и вызовы новых медиа, при этом сохраняется ориентация на традиционные ценности, воспроизводство которых осуществляется уже не одно десятилетие в профессиональном сообществе.

Информация об авторах

Наталья Леонидовна Антонова, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Виктория Рауфовна Хафизова, аспирант кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Natalya L. Antonova, Dr. Sci. (Sociology), Professor, Ural Federal University, Department of Applied Sociology, Yekaterinburg, Russia.

Viktoriya R. Khafizova, Postgraduate Student, Ural Federal University, Department of Applied Sociology, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Антонова Н. Л., Хафизова В. Р. Студенты-журналисты: профессиональные намерения и ценностные ориентации в условиях медиатизации общества // Известия УрФУ. Серия 3 : Общественные науки. 2019. № 2 (188). С. 39–46.

2. Афанасьева Е. А. Создание и распространение контента: этические регуляторы в цифровом медиапространстве // Журналистский ежегодник. 2014. № 3. С. 89–91.

3. Балмаева С. Д. «Новые медиа»: как изменение медиапотребления изменяет журналистику // Судьба печатной прессы в эпоху Интернета : кол-

- лективная монография / под ред. М. В. Загидуллиной, С. И. Симаковой. Челябинск : Изд-во Чел. ун-та, 2018. С. 99–105.
4. Вартанова Е. Современный журналист в представлениях общества // *МедиаАльманах*. 2016. № 2 (73). С. 8–10.
5. Гатов В. Будущее журналистики // *Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016* / под науч. ред. С. Балмаевой, М. Лукиной. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. С. 206–267.
6. Законопроект № 606593-7 о внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/606593-7> (дата обращения: 16.05.2019).
7. Кодекс профессиональной этики российского журналиста : одобрен Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 г., Москва // *Техэксперт*. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901854413> (дата обращения: 16.05.2019).
8. Красникова Е. Жаргоны и просторечия в языке публицистики // *Высшее образование в России*. 2000. № 5. С. 82–88.
9. Лозовский Б. Н. Профессиональная культура журналиста: в поисках места этике // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры*. 2015. Т. 138, № 2. С. 7–13.
10. Представления журналистов о профессии и профессиональном сообществе : общий аналитический отчет по результатам научно-исследовательских работ. М. : Комитет гражданских инициатив, 2017. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/dd6/zhurnalisty_otchet.pdf (дата обращения: 20.05.2019).
11. Смеюха В. В. Медиатизация общества: проблемы и последствия // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки*. 2015. № 18 (215). С. 38–42.
12. Тулупов В. В. Профессиональные ценности и профессиональная компетентность журналистов // *Журналистский ежегодник*. 2016. № 5. С. 22–23.
13. Фонд «Медиастандарт» опубликовал исследование образа журналистов в глазах жителей России // Фонд «Медиастандарт». 22.10.2018. URL: <http://www.msindex.ru/news/2018-10-22/fond-mediastandard-opublikoval-issledovanie-obraza-zhurnalistov-v-glazah-zhitelej-rossii/> (дата обращения: 20.05.2019).
14. Fake news // Фонд «Общественное мнение». 26.06.2018. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14054> (дата обращения: 26.05.2019).
15. Шайхитдинова С. К. Новые медиа и «старые» нормы: к проблеме саморегулирования современной инфосферы // *Вестник экономики, права и социологии*. 2017. № 2. С. 184–187.
16. Bardi A., Schwartz S. H. Values and Behavior: strength and structure of relations // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol. 29, no. 10. P. 1207–1220. DOI: 10.1177/0146167203254602.
17. Deuze M., Yeshua D. Online Journalists Face new Ethical Dilemmas. Lessons from the Netherlands // *Journal Mass Media Ethics*. 2001. № 16 (4). P. 273–292. DOI: 10.1207/S15327728JMME1604_03.
18. Diaz-Campo J., Segado-Boj F. Journalism ethics in a digital environment: How journalistic codes of ethics have been adapted to the Internet and ICTs in countries around the world // *Telematics and Informatics*. 2015. № 32 (4). P. 735–744. DOI: 10.1016/j.tele.2015.03.004.
19. Gelfert A. Fake news: a definition // *Informal Logic*. 2018. Vol. 38, Issue 1. P. 84–117. DOI: 10.22329/il.v38i1.5068.
20. Mustajoki A., Vepreva I. T. Metalinguistic portrait of fashionable words // *Komp'juternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii*. 2015. Vol. 1, Issue 14. P. 453–467.
21. Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York : Free Press, 1973.
22. Schermerhorn J., Hunt J., Osborn R. *Organizational Behavior*. 9th ed. Hoboken, NJ : Wiley, 2005.

23. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. № 25. P. 1–65. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6.

24. Tsetsura K., Valentini C. The “Holy” Triad in Media Ethics: A Conceptual Model for Understanding Global Media Ethics // *Public Relations Review*. 2016. № 42. P. 573–581. DOI: 10.1016/j.pubrev.2016.03.013.

Статья поступила в редакцию: 28.06.19

Принята к публикации: 02.10.19

References

1. Antonova NL, Khafizova VR. Studenty-zhurnalisty: professional'nye namereniya i tseinnostnye orientatsii v usloviyakh mediatizatsii obshchestva [Journalism Students: Professional Intentions and Value Orientations under Conditions of Society Mediatization]. *Izvestiya UrFU. Seriya 3 : Obshchestvennyye nauki = Ural Federal University News. Series 3: Social Sciences*. 2019;2(188): 39–46. (In Russ.).

2. Afanasieva EA. Sozдание i rasprostranenie kontenta: eticheskie regulatory v tsifrovom mediaprostranstve [Content Creation and Distribution: Ethic Regulators in Digital Media Space]. *Zhurnalistickii ezhegodnik = Journalist Annual*. 2014;3: 89–91. (In Russ.).

3. Balmayeva SD. «Novye media»: kak izmenenie mediapotrebleniya izmenyaet zhurnalistiku [“New Media”: How Changes in Media Consumption Change Journalism]. In: Zagidullina MV, Simakova SI. (eds.) *Sud'ba pechatnoi pressy v epokhu Interneta [Fate of Printed Media in the Internet Era]*. Chelyabinsk: Chelyabinsk University Press; 2018. p. 99–105. (In Russ.).

4. Vartanova E. Sovremenniy zhurnalist v predstavleniyakh obshchestva [Contemporary Journalist in Society's Eyes]. *MediaAl'manakh = Media Almanac*. 2016;2(73): 8–10. (In Russ.).

5. Gatov V. Budushchee zhurnalistiki [Future of Journalism]. In: Balmayeva S, Lukina M. (eds.) *Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016 [How New Media Changed Journalism. 2012–2016]*. Yekaterinburg: University for Humanities; 2016. p. 206–267. (In Russ.).

6. Draft bill № 606593-7 on introducing changes in article 15-3, Federal Law «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» [“On information, information technologies and information security”]. *Legislation support system Zakonotvorchestvo (“Law-Making”)*. Website. 2019. Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/606593-7> [Accessed 16.05.2019]. (In Russ.).

7. Kodeks professional'noi etiki rossiiskogo zhurnalista [Russian Journalist's Professional Ethics Code]: approved by Congress of Russian Journalists on June 23, 1994, Moscow. *TechExpert*. Website. 1994. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901854413> [Accessed 16.05.2019]. (In Russ.).

8. Krasnikova E. Zhargony i prostorechiya v yazyke publitsistiki [Jargons and Common Parlance in Opinion Journalism]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2000;5: 82–88. (In Russ.).

9. Lozovsky BN. Professional'naya kul'tura zhurnalista: v poiskakh mesta etike [Journalist's Professional Culture: Finding a Place for Ethics]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1 : Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury = Ural Federal University News. Series 1: Issues of Education, Science and Culture*. 2015;138(2): 7–13. (In Russ.).

10. Civil Initiatives Committee. *Predstavleniya zhurnalistov o professii i professional'nom soobshchestve [Journalists' Views of Profession and Professional Community]: General Analytical Report Based on Research Papers*. 2017. Available from: http://www.zircon.ru/upload/iblock/dd6/zhurnalisty_otchet.pdf [Accessed 20.05.2019]. (In Russ.).

11. Smeyukha VV. Mediatizatsiya obshchestva: problemy i posledstviya [Society Mediatization: Problems and Effects]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Gumanitarnye nauki = Scientific News of Belgorod State University. Series: Humanities. 2015;18(215): 38–42. (In Russ.).

12. Tulupov VV. Professional'nye tsennosti i professional'naya kompetentnost' zhurnalistov [Journalists' Professional Values and Professional Competence]. *Zhurnalistskii ezhegodnik = Journalist Annual.* 2016;5: 22–23. (In Russ.).

13. Fond «Mediastandart» [Mediastandard Foundation]. *Fond «Mediastandart» opublikoval issledovanie obraza zhurnalistov v glazakh zhitelei Rossii [Mediastandard Foundation Published a Research on the Image of Journalists in the Eyes of Russian Citizens]*. 22.10.2018. Available from: <http://www.msindex.ru/news/2018-10-22/fond-mediastandart-opublikoval-issledovanie-obraza-zhurnalistov-v-glazah-zhitelej-rossii/> [Accessed 20.05.2019]. (In Russ.).

14. Fond «Obshchestvennoe mnenie» [Public Opinion Foundation]. *Fake news.* 26.06.2018. Available from: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14054> [Accessed 26.05.2019]. (In Russ.).

15. Shaikhitdinova SK. Novye media i «starye» normy: k probleme samoregulirovaniya sovremennoi infosfery [New Media and “Old” Norms: Concerning the Issue of Contemporary Information Environment's Self-Regulation]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Economics, Law and Sociology Bulletin.* 2017;2: 184–187. (In Russ.).

16. Bardi A, Schwartz SH. Values and Behavior: strength and structure of relations. *Personality and Social Psychology Bulletin.* 2003;29(10): 1207–1220. Available from: doi:10.1177/0146167203254602.

17. Deuze M, Yeshua D. Online Journalists Face new Ethical Dilemmas. Lessons from the Netherlands. *Journal Mass Media Ethics.* 2001;16(4): 273–292. Available from: doi:10.1207/S15327728JMME1604_03.

18. Diaz-Campo J, Segado-Boj F. Journalism ethics in a digital environment: How journalistic codes of ethics have been adapted to the Internet and ICTs in countries around the world. *Telematics and Informatics.* 2015;32(4): 735–744. Available from: doi:10.1016/j.tele.2015.03.004.

19. Gelfert A. Fake news: a definition. *Informal Logic.* 2018;38(1): 84–117. Available from: doi:10.22329/il.v38i1.5068.

20. Mustajoki A, Vepreva IT. Metalinguistic portrait of fashionable words. *Komp'yuternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii = Computer linguistics and intellectual technologies.* 2015;1(14): 453–467.

21. Rokeach M. *The Nature of Human Values.* New York: Free Press; 1973.

22. Schermerhorn J, Hunt J, Osborn R. *Organizational Behavior.* 9th ed. Hoboken: Wiley; 2005.

23. Schwartz SH. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology.* 1992;25: 1–65. Available from: doi:10.1016/S0065-2601(08)60281-6.

24. Tsetsura K, Valentini C. The “Holy” Triad in Media Ethics: A Conceptual Model for Understanding Global Media Ethics. *Public Relations Review.* 2016;42: 573–581. Available from: doi:10.1016/j.pubrev.2016.03.013.

Submitted 28.06.19 Accepted 02.10.19

**6. Секция социально-культурного
сервиса и туризма**

Hospitality & Tourism

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-HT01
УДК 16:379.83

Социальные логики туризма

Елена Ю. Погорельская,

АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-9723-465X, e-mail: schreibigus@mail.ru

Леонид С. Чернов,

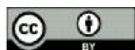
Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (УИУ РАНХиГС),
г. Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0003-2277-2899, e-mail: leon-chernov@yandex.ru

Аннотация. Авторы данной работы анализируют туризм с точки зрения логики глобального туристического процесса, с точки зрения «туристической машины» и с точки зрения символического потребления, которое происходит во время туристического путешествия. Туристическая машина является индустрией и подчинена законам рынка, внутри которого турист-потребитель находится под влиянием массы внешних факторов, от технического сопровождения туристического тура до сервисных услуг личностного психологического характера. Туристическое производство роднит феномен туризма с феноменом массового общества и тех явлений, которые с ним связаны. Безусловно, глобальный туристический рынок заинтересован в массовом турпотоке и новых манипулятивных приемах, при помощи которого можно убедить и заставить туриста захотеть именно того, чего хочет туристический менеджмент. Однако авторы данной статьи отмечают, что символическое, которое присутствует в современной культуре, имманентно принадлежит и туризму. Символическое, которое относится к личностному, экзистенциальному, внутреннему, характерно проявляется во время туристического путешествия. Именно в ситуации путешествия, перехода, смены привычной обстановки человек переживает себя наиболее полно. События туризма, которые кажутся внешними и схематически отчужденными, в современную эпоху становятся внутренними событиями субъекта и во взаимодействии этих двух направлений/логик авторы видят перспективы и ресурсы туристического процесса. Туризм становится одним из способов поддержания живого в культуре машинерии и чужих желаний.

Ключевые слова: туристская деятельность, технологии туризма, туристический опыт, символ, туристская индустрия.

Для цитирования: Погорельская Е. Ю., Чернов Л. С. Социальные логики туризма // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 409–417. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-HT01.

Social Logics of Tourism

Elena Y. Pogorel'skaya

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-9723-465X, e-mail: schreibigus@mail.ru

Leonid S. Chernov

Ural Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (RANERA), Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-2277-2899, e-mail: leon-chernov@yandex.ru

Abstract. The authors analyze tourism in regards to the logic of the global tourist process, the logic of a “touristic machine” and logic of symbolic consumption which takes place during a tourist trip. A touristic machine is an industry and is subject to the law of market within which a consumer (tourist) is influenced by various external factors ranging from the technical support of a tour to services of a psychological nature. Tourism manufacturing brings together the phenomenon of tourism and the phenomenon of mass society. The global tourism market is interested in a flood of tourists and new manipulative techniques with the help of which a tourist can be forced and persuaded to wish exactly what a tourism manager wishes. However, the authors argue that the symbolic that exists in today’s culture is inherent to tourism too. The symbolic that relates to the individual specifically manifests itself during a trip. It is in situations of travel that a person experiences a full range of sensations. In the modern era tourism events that seem to be external and schematically alienated become a subject’s inward events, and the authors see prospects and resources of a touristic process in the interaction between these two directions/logics.

Keywords: tourist activities, technologies of tourism, tourist experience, symbol, tourist industry.

For citation: Pogorel'skaya EYu, Chernov LS. Social Logics of Tourism. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 409–417. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-HT01.

Введение

Туризм в современном мире – явление глобального характера. Это связано не только с тем, что самые отдаленные и труднодоступные участки планеты являются местом «потенциальной высадки» путешественника, но и с тем, что современные практики туризма задействуют в своем существовании и развитии практически все возможные социальные связи и взаимодействия, которые на данный момент удалось «соорудить» современному глобальному социальному организму.

Как формируются социальные логики туризма, какие компоненты и противоречия можно в них выделить, что задает мощный туристский импульс миллионам туристов и как нам описать «целое» современного туристского мира? На наш взгляд, такая постановка вопроса крайне актуальна и прагматична.

Современные исследования по туризму, как правило, носят «полевой характер», т. е. касаются решения эмпирических насущных задач и перспектив развития той или иной туристской сферы. Мир туризма в научных работах зачастую представлен в «разобранном виде». Мы во многом остаемся наследниками Нового времени: прямым наследием Декарта является расколотый мир. Мы по-прежнему разделяем внеш-

нее и внутреннее, объективное и субъективное, вещь и идею, знаковое и символическое, тело и душу, и, несмотря на то что мы каким-то чудесным образом справляемся с собственным существованием в таком расколотом мире, тайна «шишковидной железы», или связи антагонистов, остается в силе. На материале туризма мы попробуем совместить то, что в традиционных философских и социологических подходах представлено как противоречие.

В своей работе мы опирались на исследования постструктуралистской и постмодернистской школ философии, а конкретно на труды Ж. Бодрийера, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, которые в наиболее яркой форме представили основные цивилизационные парадоксы и расхождения, в результате чего обозначились глобальные цивилизационные разрывы. Туризм, в данной связи, можно рассматривать как один из наиболее заметных социальных феноменов, в котором все противоречия цивилизации нашли свое отражение.

В то же время наша работа во многом обязана фундаментальным идеям Платона, М. Хайдеггера, М. К. Мамардашвили, работы которых ставят проблему подлинного/целостного существования человека, его символического бытия. Именно обострение цивилизационных противоречий и жажда целостности, не утраченная человеком, задает основную проблематику работы.

Данная статья предлагает философский подход к социальным логикам, динамически формирующим современный туризм. Логика технологического процесса туристской деятельности переплетается с иррациональной логикой уникального символического присутствия человека «в нужном месте в нужное время».

Методы исследования

В статье используется *структуралистская* методология, позволяющая видеть за массивом эмпирического материала устойчивые структуры социальных связей, при идентификации которых происходит понимание основ туристской деятельности. «Под “структурами” имеются в виду генерирующие структуры: они сами должны быть генерированы, но, будучи генерированы, они, в свою очередь, генерируют другое, например, генерируют нас в каких-то состояниях. Они резонансом порождают что-то внутри нас» [4, с. 128]. Кроме того, в статье представлено *феноменологическое* обращение к экзистенциальному опыту туриста, которое позволяет увидеть, как туристский технологический процесс становится индивидуальным символическим приобретением конкретного человека. Для решения проблемы связи различных социальных логик туризма используется *акторно-сетевая теория* [3], предполагающая, что все агенты взаимодействия имеют единый онтологический статус и в живом процессе взаимодействия туристов и туристских технологий происходит их естественное переплетение.

Результаты и обсуждение

В законе Российской Федерации «Об основах туристской деятельности» мы находим государственное определение основных понятий: что такое туризм и что такое туристская деятельность.

«Туризм – временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – ли-

ца) с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания.

Туристская деятельность – туроператорская и турагентская деятельность, а также иная деятельность по организации путешествий» [9].

Из определений видно, что понятие «туризм» содержит в себе представление о различных формах существования туристов, а туристская деятельность в основном предполагает организационные моменты по их осуществлению. Турист существует, прежде всего, в актуальном состоянии временного выезда с места постоянного жительства без получения дохода в месте временного пребывания. Туристскую же деятельность осуществляют специально обученные люди, владеющие практиками организации путешествий. Казалось бы, перед нами технологическая структура. Туристская деятельность представлена как машинное производство, в котором все детали взаимосвязаны, коммуницируют. Туристы мало чем отличаются от деталей глобальной туристской машины, составленной из взаимодействия средств перемещения, средств размещения, средств общественного питания, индустрии развлечений, страховой сферы и т. д. Здесь «речь идет не о сопоставлении человека и машины, направленном на оценку соответствий, возможных и невозможных замещений одного другим, а о том, что следует заставить человека и машину вступить в коммуникацию, дабы показать, как человек составляет деталь вместе с машиной или составляет деталь с чем-то другим, чтобы создать машину» [2, с. 607]. Можно ли туристов рассматривать как элемент/деталь машины, проявлять в отношении их власть и каковы пределы этой власти? Согласимся, что в отношении туристов власть проявляют все: от политиков самого высокого ранга до официанта отеля.

Если оставаться в рамках классических субъект-субъектных отношений, в которых предполагается, что моя свобода упирается в/ограничивается свободой другого, то тогда сходит на нет технологичность туристского процесса, т. е. турист выпадает из производственного процесса. Для того чтобы турист оставался в технологическом бизнес-процессе, необходимо рассматривать его как ресурс, который дает доход, средство для получения денег, и здесь «свобода» субъекта будет «неучитываемым фактором», который можно редуцировать. Туриста следует рассматривать, скорее, как «бесконечный ресурс желания» [2], из которого можно «качать желания», как из недр земли качают нефть, – и конвертировать их в денежные знаки. Свободное время человека должно быть продано.

Как известно, классические интерпретации культуры предполагают выделение дихотомий. Одной из таких дихотомий является противопоставление символического и знакового, рассмотренное в современной философии Ж. Бодрийяром. Ж. Бодрийяр, разбирая логический статус предметов, выводит символическое «по ту сторону знака». Если функциональное (польза), меновое (цена), статусное (знак) различия между собой взаимосвязаны, то символическое, по Ж. Бодрийяру, полностью выносится из системы потребления. Таким образом, рассматривая туризм с точки зрения потребительской логики, мы имеем взаи-

мосвязь следующих компонентов: интереса туриста (польза), потребительской стоимости тура (цена), стратификационной позиции тура и потребителя (знак). Например, можно рассматривать тур в Гватемалу как возможность реализовать потребность туриста в отдыхе/развлечениях. Тур покупается за деньги, которые турист мог потратить иначе; покупка тура свидетельствует об определенной покупательной способности туриста, демонстрируя которую он попадает в определенное стратификационное звено в общественных взаимосвязях. В целом логика туристского рынка, как и любого рынка, – это логика власти, хотя существует демократическая иллюзия о доступности туристских продуктов и услуг, а также общности автодорог, закусок и исторических памятников. Кажется, что потребление универсально, отсюда – демократично. Но, «на самом деле, ценности и критерии потребления подвергаются мнимой универсализации лишь затем, чтобы еще успешнее привязать “безответственные” классы (т. е. не обладающие властью решения) к потреблению и, тем самым, сохранить для руководящих классов исключительность их власти» [1, с. 64]. В таком обществе человек свободен только как потребитель, т. е. несвободен, поскольку свобода является символической ценностью. Символические предметы, вынесенные Бодрийяром на другой полюс общественных отношений, предполагают логику, выходящую за концепт рынка, – это логика очарования и страсти. Логика незаменимости, выраженная в любви к Предмету. Предмет в символическом обмене принципиально единственен и неповторим, он, как таковой, неотделим от человеческих отношений, он связывает людей и, – абсолютно уникален. Можно ли говорить об уникальности туров? Ответ, напрашивающийся как очевидный, – нет, туризм понятие массовое, оперирующее массовым продуктом; туры не уникальны.

Однако следует учитывать тот факт, что люди в ситуации турпоездки обычно не чувствуют отчуждения, напротив, путешествие для многих необходимо не как статусное действие, а как мера по возвращению человека в себя.

Метафизическое деление на утилитарное, меновое, знаковое, с одной стороны, и символическое – с другой кажется слишком радикальным. Аспект непримиримости этих позиций можно рассмотреть как один из идеальных типов, который расставляет акценты, но не имеет прямого отношения к реальности. В реальности все гораздо спокойнее, и такие дуальные агенты выступают не как враги, а являются «симбиозом отношений» на манер ленты Мёбиуса. Лента Мёбиуса – фигура, в которой не существует «внутри» и «снаружи», поскольку одно постепенно становится другим. Если мы взглянем на отношения функционального/менового/знакового и символического в туризме, то на самом деле эти отношения очень сложно разделить. Несмотря на мнимую неуникальность туров, жизнь у человека одна, и сколько бы ты ни читал о Гватемале, приедешь ты все равно в свою Гватемалу, а не в ту, о которой читал. Символическое защищено уникальным человеческим опытом. Душа, по Платону, – странница [6]. Мало кто из людей накрепко связывает свою жизнь с путешествиями; чаще в ситуации странника, или, по-современному, – туриста, человек оказывается нечасто.

Разрывая циклическое однообразие повседневности, турист с необходимостью попадает в экзистенциальный опыт, который забирает

его целиком. В туристической ситуации всегда происходит эксперимент с собой. Степень экспериментирования может быть разная, но узнавание человеком себя, а не только мира происходит с неизбежностью. Туристический эксперимент вырывает человека из привычных связей существования, часто из родного языка, культуры, климата, и ставит перед фактом совсем другой социальной и природной реальности. Придя в движение, человек будет иметь дело не только с новым, но и с предшествующим опытом, который будет меняться только потому, что человек пошел вперед. Придя в движение, человек попадает в новые зависимости, сплетения; с необходимостью возрастает интенсивность его жизни, человек «начинает чувствовать себя». Может ли человек «почувствовать себя» в Гватемале, этом сердце мира Майя? О Гватемале говорят как о стране вечной весны [8, с. 5]. Для российских туристов Гватемала безвизовая страна. И хотя между странами нет прямых перелетов, можно сделать стыковку в Мадриде или Франкфурте, Амстердаме или Панаме. А «стыковка» – это уже шаг в сторону технического, с его функциональностью и денежными эквивалентами, exchange [11]. И получается, что символическая потребность в самоидентичности требует для своей реализации определенных условий индустриального порядка, с иным режимом существования, и именно потому, что есть этот технологический режим, наше путешествие в Гватемалу становится возможным. «Технологии проникают внутрь жизненного мира и текстурируют его» [7, с. 140]. Нам только кажется, что турист независим, и его экзистенциальные потребности самодостаточны, и он все может сам. Но на самом деле, на достижение его цели работают другие. Логика символического и технического в туризме работает по принципу обратной связи: чем более человек стремится реализовать свои туристские цели, тем с большим числом взаимосвязанных элементов туристской индустрии он взаимодействует, и получается, что частный интерес туриста обеспечивается тесной связью с интересами других людей.

Новый опыт всегда символичен, поскольку с необходимостью захватывает человека целиком, спасает от рассеянности, от того, что мы в обычной жизни зовем рутиной повседневности – «за символом стоит бытие» [5, с. 148]. Символические ситуации являются теми условиями, при вхождении в которые человек начинает выдавать следствия, творя из себя, как из материала, столкнувшись, наконец, с бесконечностью своего собственного символа. Жизненная тема странничества является архетипической: поиск Потерянного Рая, поиск Истины, поиск Себя. Несомненно, что туризм – цивилизованный вариант путешествия – воплощает эти внутренние цели человека. Но, несмотря на то что в самой идее странничества лежит ощущение разорванности экзистенции и идеала, именно непосредственная включенность человека в туристический опыт свидетельствует о том, что *целостность достижения*. Мир перетекает в человека и остается в нем навсегда.

Говорят, что мы путешествуем не для того, чтобы сбежать от жизни, а для того, чтобы жизнь не сбежала от нас. В этой простой фразе заключен основной секрет волшебного свойства туризма – повернуть человека к себе.

Заключение

Современный туризм часто рассматривается как технологический и законосообразный процесс, в котором отношение к человеку сворачивается в абстрактный клиенториентированный подход, т. е. технологичный и формальный в своей сути [10]. Но положительный и повторяющийся опыт миллионов туристов свидетельствует о том, что технологии не отчуждают человека от собственной сущности, а, скорее, выступают *проявлением* этой сущности. Лучше всего человек может понять то, что сделал сам. Человек создает технологии и инструменты, а потом эти инструменты определяют пути, по которым будет двигаться сам человек. «Настало время не бояться вторжения нечеловеческого в наши жизненные миры: они никогда не принадлежали нам одним» [7, с. 162]. Туристские технологии и личная жизнь туриста тесно переплетаются в актуальном туре, и в этом сцеплении пропадает барьер между внешним и внутренним, утилитарным и меновым, знаковым и символическим, остается целостный *процесс связи* разнородных элементов, с разными режимами бытия, которые, тем не менее, актуализируют потенции друг друга, делая возможный туристический опыт реальным.

Имея дело с налаженными вещами, например с авиаперевозками или отработанным циклом гостиничного сервиса, двигаясь в системе туристского технологического процесса по проложенным рельсам, человек может впасть в иллюзию, что его тур в Гватемалу – законченное, неиндивидуальное явление. На самом деле личностный туристский опыт шаг за шагом разворачивается, созревает и оформляется «вот тут и теперь», в ситуации актуального путешествия. И чем более душа туриста настроена на создание своего уникального туристского продукта, чем мощнее ее символическое начало, чем четче настроен фокус видения, тем больше мировых чудес откроется туристу в его «массовом» туре.

Информация об авторах

Елена Юрьевна Погорельская, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Леонид Сергеевич Чернов, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Elena Y. Pogorel'skaya, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at Tourism and Hospitality chair, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Leonid S. Chernov, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, associate professor at Philosophy and Political Sciences chair, Ural Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANERA), Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М. : Академический проект, 2007. 335 с. (Философские технологии).
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 672 с. (Philosophy).

3. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
4. Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики). СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2012. 320 с.
5. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
6. Платон Афинский. Федр : диалоги. М. : Директ-Медиа, 2004. 106 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=30250> (дата обращения: 22.06.2019).
7. Салин А. Как упаковать жизненный мир в черный ящик: инструкция по сборке // Логос. 2018. № 5 (28). С. 137–168.
8. Турист: все о спортивном, экскурсионном, экстремальном и экзотическом туризме и оздоровительном отдыхе. 2018. № 5. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=497695> (дата обращения: 22.06.2019).
9. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (последняя редакция). URL: <https://base.garant.ru/136248/> (дата обращения: 22.06.2019).
10. Baum T. Human Resource Management for Tourism, Hospitality and Leisure. An International Perspective. London : Thomson, 2006. 326 p.
11. Cultural and Heritage Tourism in the Developing World. A Regional Perspective / ed. by D. J. Timothy, G. P. Nyaupane. London : Routledge, 2009. 260 p.

Статья поступила в редакцию: 28.06.19
Принята к публикации: 21.08.19

References

1. Baudrillard J. *K kritike politicheskoj ekonomii znaka [For a Critique of the Political Economy of the Sign]*. Moscow: Academic Project; 2007. 335 p. (In Russ.).
2. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]*. Yekaterinburg: U-Faktoriya; 2007. 672 p. (In Russ.).
3. Latour B. *Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva [Science in action]*. Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg Press, 2013. 414 p. (In Russ.).
4. Mamardashvili MK. *Vil'nyusskie leksii po sotsial'noi filosofii: (Opyt fizicheskoi metafiziki) [Vilnius Lectures on Social Philosophy: an Experience of Physical Metaphysics]*. Saint Petersburg: Azbuka; 2012. 320 p. (In Russ.).
5. Mamardashvili MK, Pyatigorskiy AM. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke [Symbol and Consciousness: Metaphysical Meditations on Consciousness, Symbolism and Language]*. Moscow: School “Languages of Russian culture”; 1997. 224 p. (In Russ.).
6. Plato of Athens. *Fedr [Phaedrus]: the Dialogues*. Moscow: Direkt-Media; 2004. 106 p. Available from: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=30250> [Accessed 22.06.2019]. (In Russ.).
7. Salin A. *Kak upakovat' zhiznennyi mir v chernyi yashchik: instruktsiya posborke [How to Pack a Life-world into a Black Box: An Assembly Instruction]*. *Logos* = *Logos*. 2018;5(28): 137–168. (In Russ.).
8. *Turist: vse o sportivnom, ekskursionnom, ekstremal'nom i ekzoticheskom turizme i ozdorovitel'nom otdykh [The Tourist: Everything about Sport, Excursion, Extreme and Exotic Tourism and Health Holidays]*. Moscow: Tourist Publishing House; 2018. Vol. 5. Available from: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=497695> [Accessed 22.06.2019]. (In Russ.).

9. The Federal Act of 24.11.1996 № 132-FL (the most recent revision). *Ob osnovakh turistskoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii [On the Fundamentals of Tourist Activities in the Russian Federation]*. Available from: <https://base.garant.ru/136248/> [Accessed 22.06.2019]. (In Russ.).

10. Baum T. *Human Resource Management for Tourism, Hospitality and Leisure. An International Perspective*. London: Thomson; 2006. 326 p.

11. Timothy DJ, Nyaupane GP. (eds.) *Cultural and Heritage Tourism in the Developing World. A Regional Perspective*. London: Routledge; 2009. 260 p.

Submitted 28.06.19 Accepted 21.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-HT02
УДК 316.334.2:338.46-052-057.187

Идеология клиенториентированного сервиса: институционально-общностные основания

Снежана А. Рамзина,
АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0001-9937-1175, e-mail: media-plan@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования идеологических оснований сервиса обусловлена значимостью обслуживания в системе общественных отношений на уровне взаимодействия социальных общностей. Институциональная регуляция взаимодействия субъектов сервиса требует изучения путей институционально-общностного развития социальных связей участников: потребителей, представителей бизнес-сообщества сервисного сектора и властных структур. Институциональные характеристики сервиса раскрывают его связь с общественными процессами, выявляют проблемы социального взаимодействия между разными общностными субъектами.

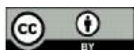
Социологический подход позволяет определить возможности формирования устойчивости сервисного взаимодействия социальных общностей. Цель исследования – изучение институционально-общностных оснований идеологии сервиса – актуализирована необходимостью создания организационной модели сервиса, способной расширять границы клиенториентации в сервисных взаимодействиях. Опираясь на традиции символического интеракционизма, на общностный, институциональный, функциональный, системный подходы социологии, можно обнаружить условия формирования социального баланса интересов субъектов сервиса на общностном и институциональном уровнях взаимодействия. Общностный подход, дополненный маркетинговой теорией, позволил охарактеризовать характер социального влияния каждого субъекта сервиса на содержание и формы взаимодействий.

Социальный контекст формирования отношений взаимодействующих общностей охарактеризован с позиций институционального подхода. Идеология клиенториентации сервиса способна преодолеть институциональные противоречия, обеспечить стабильность в социальном пространстве сервисных практик. Нацеленность бизнеса сервисной сферы на удовлетворение запросов потребителей определяет преимущество позиции потребителя в рыночных отношениях сервисной общностной триады. Взаимодействие между предпринимателями и органами власти нацелено на обеспечение полноценной жизни граждан – потребителей в рамках государственной политики и усилий бизнеса в сервисном секторе экономики.

Ключевые слова: социальный институт сервиса, социальное взаимодействие, институционально-общностные основания взаимодействия, структура общественных отношений, клиенториентированный сервис.

Для цитирования: Рамзина С. А. Идеология клиенториентированного сервиса: институционально-общностные основания // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 418–427. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-HT02.

© С. А. Рамзина, 2019

An Ideology of Client-Oriented Service: Institutional and Commonality-Based Foundations

Snezhana A. Ramsina,

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0001-9937-1175, e-mail: media-plan@mail.ru

Abstract. The relevance of studying ideological foundations of service is determined by the significance of service in the system of social relations at the level of social commonalities interactions. An institutional regulation of the interaction between subjects of service requires exploring ways of institutional and commonality-based development of the participants' social ties: consumers, representatives of the business community of the servicing sector and state agencies. Institutional characteristics of service disclose its links to social processes and reveal the problems of social interactions between different community subjects.

A sociological approach allows for identifying opportunities for shaping sustainable service interaction of social commonalities. The study aims to explore institutional and commonality-based foundations of the ideology of service – the necessity to create an organizational model of service capable of extending the boundaries of client-orientation in service interactions is actualized. Based on the tradition of symbolic interactionism, commonality-driven, institutional, functional, and system approaches in sociology conditions for forming the social balance of the interests of service subjects at commonality-based and institutional levels of interaction were found. A commonality approach complemented by the theory of marketing made it possible to characterize the nature of the social impact of each service subject on the substance and forms of interaction.

The social context of shaping relationships between interacting commonalities is characterized from the perspective of an institutional approach. The ideology of client-orientedness is able to overcome institutional controversies, provide stability in the social space of service practices. The focus of servicing business on the satisfaction of consumer needs defines the advantageous position of the consumer in market relations of service commonality-based triad. Collaboration between entrepreneurs and the authorities is targeted to the provision of a fulfilling life of the citizens- the consumer within the framework of state policy and business efforts in the servicing sector of the economy.

Keywords: social institution of service, social interaction, commonality-based and institutional foundations of interaction, structure of social relations, client-oriented service.

For citation: Ramsina SA. An Ideology of Client-Oriented Service: Institutional and Commonality-Based Foundations. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 418–427. Available from: doi: 10.35853/UfH-RMP-2019-NT02.

Введение

Актуальность исследования идеологических оснований сервиса в социальном плане обусловлена значимостью сервиса в жизнедеятельности потребителя и укорененностью этого явления в системе общественных отношений на уровне взаимодействия социальных общностей. Институциональная регуляция взаимодействия субъектов сервиса требует изучения путей институционально-общностного развития социальных связей участников обслуживания.

В научном плане актуальность формирования идеологии сервисного взаимодействия социальных общностей задается перспективами социологического подхода. Изучение институционально-общностных оснований клиенториентированного сервиса позволяет охарактеризовать модель сервиса, способную адаптироваться к изменениям внешней среды, выявить возможности расширения границ клиенториентации в сервисных взаимодействиях.

Социально-экономическая и политическая ситуация российской действительности актуализирует проблему организации клиенториентированного сервиса через изучение взаимосвязи между социальными факторами и потребностями субъектов на общностном и институциональном уровнях взаимодействия. Определение перспектив идеологии сервиса необходимо для достижения стабильности в социальном пространстве сервисных практик.

Изучение институционально-общностных оснований взаимодействия участников в сервисном секторе потребовало обращения в широкому кругу источников по социологии, маркетингу и др. Рассматриваемые участники сервиса – потребители, представители бизнес-сообщества и властных структур – характеризуются нами как социальные общности на основании учения работ Б. Мерсера, Г. Олпорта, Н. Смелзера, Я. Щепаньского, Г. Е. Зборовского, В. А. Ядова и др.

Динамика социального взаимодействия раскрыта в трудах классиков социологии Э. Гидденса, И. Гофмана, Ч. Кули, Р. Мертона, Дж. Мида, Р. Парка, Т. Парсонса, Н. Элиаса, отечественных ученых М. О. Мнацаканяна, П. А. Сорокина, др.

Актуальные вопросы взаимодействия потребителей и сервисных служащих дополнены фокусом маркетинга отношений и маркетинга услуг. Это труды П. Гембла, К. Макклафлина, П. Темпорала, М. Тротта, Р. Бландела, Э. Гаммессона, В. Зейтамля, К. Лавлока, К. Хаксевера, А. Парасурамана, Е. В. Песоцкой и др. Вопросы становления клиенториентации рассматривались в работах С. Варго и Р. Лаш, утвердивших парадигму сервисно-доминантного развития маркетинга в условиях сервисизации экономики.

Управленческие и сервисные практики обслуживания с позиций сервисологии и менеджмента изучались Г. А. Аванесовой, В. Джеромом, И. Имшинецкой, Ю. П. Свириденко, В. Г. Стахановым, В. Н. Федцовым и др.

Чаще сервис исследуется как вид экономической деятельности, а выделенный аспект институционализации взаимодействия субъектов сервиса представляется перспективным и в социологическом, и в маркетинговом контексте. Институционально-общностный подход к изучению взаимодействия между предпринимателями и органами власти сервисного сектора с целью обеспечения полноценной жизни потребителей заключается в определении идеологии сервисной клиенториентации. Проблемы формирования баланса интересов потребителей, бизнеса и властных структур разрешаются на уровне идеологических оснований.

Методы исследования

Общностный, институциональный, функциональный, системный подходы социологии обнаруживают условия формирования идеологических оснований консолидации интересов субъектов сервиса на общностном и институциональном уровнях взаимодействия. С позиций символического интеракционизма охарактеризован характер социального взаимодействия. Трактовки фигуративной социологии определили власть в качестве ядра межобщностных отношений. Понимание категории социальной общности, вслед за В. А. Ядовым, Г. Е. Зборовским, др., позволили соединить макро- и микропарадигму, учесть субъектно-деятельностную компоненту форм социальной организации.

В методическом плане актуальна проблема измерения удовлетворенности качеством сервисного взаимодействия общностей. Социологический подход к изучению институционально-общностных ценностных оснований сервиса усилен методами маркетинга услуг. Степень удовлетворенности потребителя измеряема по методике SERQUAL, позволяющей выделить детерминанты количественных и качественных параметров оценки удовлетворенности.

Результаты и обсуждение

Разнообразие форм сервиса в системе общественных связей и отношений его субъектов создается на макроуровне (в процессе институционализации сервиса); на мезоуровне развивается во взаимодействиях потребителей и производителей услуг; закрепляется в рутинных практиках обслуживания на микроуровне межличностных контактов.

Основу включения сервиса в институциональные отношения составляет явление взаимодействия. С позиции символического интеракционизма сервисное взаимодействие участников представляет собой фокусированные обмены, реализуемые через личные контакты. Одномоментные с сервисной деятельностью акты потребления выступают в форме множества нефокусированных взаимодействий сопричастующих субъектов [3, с. 214].

Изменчивость условий контакта субъектов сервисной деятельности – общностей потребителей, производителей услуг и представителей органов власти (Н. Элиас обозначает это понятие фигурацией) – задает форму социального взаимодействия. На макроуровне сервисная фигурация – это правила оказания и реализации услуг, на микроуровне она проявляется в индивидуальных поведенческих характеристиках, реализуемых в социальной структуре обслуживания. Содержание сервиса формируется интересом, целями, мотивом соучастия общностных субъектов взаимодействия, профессионально-деловыми, ценностными особенностями их потенциала, моделями поведения в современной институциональной среде [6, с. 6].

На основании общностного подхода охарактеризуем специфику сервисных субъектов, эффекты их влияния на порядок сервисного взаимодействия. Всем субъектам присущи относительное единство, сходство интересов и разделяемых норм, тождество условий жизнедеятельности, обусловленное относительным совпадением социальных позиций членов общности. Все общностные участники сервиса наделены особой силой влияния, изучение которой с позиций маркетин-

говой теории конкурирующих сил М. Портера расширяется социологической трехмерной перспективой трактовки власти, изложенной С. Льюксом в работе «Власть: радикальный взгляд». Феномен коллективного действия и его системного эффекта оказывается решающим в понимании третьего измерения власти. Факторы внешнего принуждения взаимодействий акторов усложняются множественностью конфликтующих, различных по своему характеру интересов индивидов в составе общности [8, с. 24].

Массовая общность потребителей образуется в рамках потребления, продолжительность пребывания индивида в общности определяется возникновением и удовлетворением потребностей. Это неустойчивое образование с размытыми границами, гетерогенным составом, слабыми социальными связями между членами. В основе взаимосвязи потребителей лежат сходные потребности, интересы (которые С. Льюкс определяет как публичные предпочтения), ожидания получения качественной услуги. Нацеленность бизнеса сервисной сферы на удовлетворение потребностей потребителей определяет преимущество позиции потребителя в рыночных отношениях сервисной общностной триады. Потребительская удовлетворенность – основная цель производственной и коммерческой активности сервисных организаций. ДETERМИНАНТАМИ количественных параметров оценки удовлетворенности потребителей выступают безопасность и стабильность услуг, получаемых от провайдера, качественными параметрами – осязаемость, эмпатия, надежность, гарантия. Потребительская ценность сервисного продукта, как и репутация производителя услуг, обусловлены степенью учета потребительских запросов, выявленных явных и латентных потребительских предпочтений. Потребительские приоритеты способны влиять на управленческие бизнес-решения в маркетинге, продажах и сервисной политике коммерческих организаций, производящих и реализующих услуги.

Групповые общности взаимодействующих производителей услуг и представителей отраслевых органов власти принадлежат к социальному институту сервиса. Они наделены всеми институциональными атрибутами, органичны по своему характеру, целостностны. Этим социальным общностям присущи территориальное единство, устойчивость солидарных социальных связей между членами, которые закрепляются строгой организационной структурой в системе разделяемых норм, правил и ценностей через нормативные документы: должностные инструкции, уставы, регламенты.

Силы влияния на порядок сервисного взаимодействия со стороны производителей услуг проявляются в возможностях формирования запросов потребителей. Эффекты манипуляции потребительскими желаниями реализуются через стратегии ценовой дискриминации, программы лояльности, разнообразие приемов стимулирования сбыта. Коммерческие интересы предпринимателей нацелены на создание такого социального порядка сервиса, в котором потребители перестают сопротивляться желанию тратить все больше на потребительские товары и услуги. «Манипулирование желаниями, которое вынуждает людей действовать вразрез с их собственными интересами, демонстрирует власть потребительского капитализма» [3, с. 298]. Однако активность

сервисного бизнес-сообщества сдерживается продуктом деятельности представителей властных структур.

Закрытая групповая социальная общность чиновников сервисного сектора обладает уникальной возможностью влияния на формирование социального контекста всей структуры сервисных практик через установление нормативно-правового поля взаимодействия. Ускорение или отставание в развитии социальных и экономических процессов, в том числе в сфере сервиса, обусловлены целенаправленными действиями экономических и политических группировок совместно с представителями законодательной и исполнительной власти [1, с. 272]. Корпоративные интересы власти, в случае презентации собственного интереса в качестве всеобщего, минимизируют возможности бизнес-сообществ, не связанных с властью.

Социально-экономический и политический порядок институциональной среды сервиса устанавливает модели поведения участников взаимодействия: правовые и противоправные, инновационные и традиционные, индивидуальные и коллективные. Условия формирования сервисного пространства взаимоотношений между сервисными служащими, представителями властных структур и гражданами – потребителями, обладают признаками нелинейности и целостности [7, с. 9]. И предприниматели услуговой сферы, и потребители, разделяя установленный смысл сервисных действий, продуцируют как солидарности (формальные и неформальные), так и конфликты (с властью или в рамках своего сообщества).

Проблемы взаимодействия общностей клиентов и сервисных служащих задаются рядом оснований, выявленных в ходе регулярных социологических, маркетинговых исследований центра изучения культуры сервиса и туризма Гуманитарного университета (г. Екатеринбург) в период 2005–2018 гг. Среди них:

- разность экономического, социального, культурного потенциала субъектов сервиса;
- расхождение ожиданий, мотивов, интересов, ценностных ориентаций;
- отсутствие диалогового режима во взаимоотношениях между общностями;
- слабость социальных связей и отношений между субъектами в сфере обслуживания.

Социальному взаимодействию этих социальных общностей свойственна устойчивая социальная интеграция на основе разделяемых ценностей и ценностных ориентаций.

Противоположная тенденция дезинтеграции макросреды сервиса отмечается во взаимодействии социальных общностей производителей и потребителей услуг с представителями властных структур. Отмечаются расхождения между потребностями граждан и институциональной структурой, формально созданной для удовлетворения потребностей [4, с. 7], между формальными правилами сервисных практик и социальной реальностью этих практик в заданных институциональных условиях.

Институт сервиса так организует взаимоотношения между общностями, что повторяемость сервисных взаимодействий предопределяет социальную стабильность [5, с. 460]. В ходе взаимодействия фор-

мируется обоснованность усредненных ожиданий участников. Через обмен социальными действиями происходит становление социальных институтов, регулирующих смысловое взаимодействие, взаимное ожидание участников. Об этом писал М. О. Мнацаканян, комментируя теорию понимающей социологии М. Вебера [9, с. 22].

Наше понимание социального института сервиса основано на взглядах Г. Спенсера и рассматривается с позиций деятельностного подхода как форма организации совместной деятельности субъектов сервисной сферы. Институциональные связи обеспечивают баланс во взаимодействии общностей, устанавливают способы удовлетворения потребностей. Система социальных норм и ценностей выступает гарантом схожести деятельностных практик участников. Нормы, обеспечивающие единство отношений между общностными представителями органов власти, организаций сервисной сферы и потребителями, устанавливаются правовыми актами: Гражданским кодексом РФ, ФЗ «О защите прав потребителей»; отраслевыми нормативными актами; внутренними нормативными актами предприятий. Регулирование отношений осуществляется нормами общегражданского и профессионального этикета, корпоративной культурой и культурой обслуживания.

Через принуждения, ограничения и награды социальный институт сервиса дает возможность обеспечить соблюдение нормативных условий существования общностей. Потребность в самореализации субъектов сервисного взаимодействия удовлетворяется посредством интегративных возможностей института сервиса. Информационная функция обеспечивает накопление, отбор и трансляцию регламентов обслуживания и потребления, эталонов поведения, социального контроля защиты интересов участников сервиса – общности потребителей и предпринимателей сервисного сектора.

Институциональная проблематика взаимодействия бизнес-сообщества условной сферы и чиновников предопределяет разрывы качества организации сервисного контакта непосредственных участников. В анализе проблем взаимодействия деятельностный подход трактовки социального института сервиса дополняется статусно-ролевым, в котором институт выступает в качестве социальных ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения социальных потребностей (этот взгляд изложен Н. Смелзером).

Обозначим ряд институциональных проблем, препятствующих конструированию цивилизационного социального контекста всей структуры сервисных практик взаимодействия:

- деформация формальных норм и правил: незавершенность институционального дизайна создает условия, где практики регулируются неформальными нормами;
- пренебрежение властей к правам граждан и ответное безразличие граждан к установленным законом обязанностям;
- возникновение институциональных ловушек, самовоспроизводящихся норм, при которых выход из проблемной ситуации сложнее, чем пребывание в ней [7, с. 9–10].

Комплекс мер защиты интересов и потребителей, и организаций – основа баланса социального порядка сервиса. Социальный баланс интересов субъектов проявляется в формировании прагматической идеологии сервиса, который задается взаимозависимостью потребностей

субъектов распределения сервисного продукта [2]. Функциональная направленность идеологии сервисной клиенториентации предполагает разработку долгосрочных целей социально-экономического развития сервисного сектора. Важнейшей функцией сервисной идеологии является выработка идеологических установок, определяющих состав общности представителей законодательной и исполнительной власти и вектор направленности их усилий на отстаивание интересов. На институциональном уровне идеология определяет социальный порядок сервиса, на уровне сервисной корпорации – конкурентное преимущество компании.

В основе сотрудничества бизнеса и власти лежит общий интерес в платежеспособном населении, потребляющем услуги. И государственная политика, и усилия бизнеса в сервисном секторе экономики должны быть направлены на обеспечение полноценной жизни граждан-потребителей. Цель сотрудничества одновременно выступает результатом совместных усилий, за который и представители бизнеса, и чиновники несут ответственность перед обществом.

Правила взаимодействия, ресурсы организаций – инструменты становления долгосрочного партнерства в клиенториентации сервиса. На институциональном уровне идеология определяет социальный порядок сервиса, на уровне сервисной корпорации – конкурентное преимущество компании. Потребность бизнеса в поддержании обратной связи с потребителем формирует сервисный потенциал, являющийся механизмом функционирования рыночного сектора. Социальная стабильность реализуется за счет развития гибких управленческих подходов, внедрения сервисных технологий, адаптирующихся к меняющимся условиям российской правовой, экономической системы, к изменениям потребностей и интересов, ценностных ориентаций и потребителей, и производителей услуг [10]. Эффективность организации институциональной среды сервиса оценивается в эквиваленте степени ответственности государства за состояние сектора услуг в соответствии с международными социальными стандартами. Взаимная заинтересованность предпринимателей сферы услуг и государства друг в друге определяет возможности гарантий целостности экономического пространства, благоприятного социально-экономического климата бизнес-среды, повышение уровня удовлетворенности условиями жизни населения – потребителей услуг.

Заключение

Жизненный цикл отношений между общностными субъектами формируется широким социальным контекстом в условиях сопряженности процессов обслуживания и потребления во времени и пространстве. Все общностные участники сервиса наделены особой силой влияния на порядок взаимодействия. Приоритет потребностей потребителей предопределяет управленческие бизнес-решения организаций, производящих и реализующих услуги. Силы влияния на порядок сервисного взаимодействия со стороны производителей услуг проявляются в возможностях манипуляции потребительскими желаниями. Социальная общность представителей органов власти обладает возможностью влияния на формирование социального контекста всей структуры сервисных практик. Институциональность сервиса харак-

теризует единые социальные пространства взаимодействующих общностей как условия реализации вектора клиенториентированных отношений сотрудничества между субъектами.

Действенные ограничения и меры защиты интересов государства, сервисных организаций и потребителей в способах удовлетворения потребностей задают предпосылки формирования идеологии сервиса. На институциональном уровне идеология определяет социальный порядок сервиса, на уровне сервисной корпорации – конкурентное преимущество компании, на уровне потребления – степень удовлетворенности и удовольствие от обслуживания. Исследовательская перспектива клиенториентированного взаимодействия субъектов сервиса и потребления определяет уровень компетентности участников, степень удовлетворенности их потребностей и ожиданий. Институциональные средства регулирования и самоорганизации взаимодействия обеспечивают повышение социально-культурного потенциала сервисной клиенториентации.

Информация об авторе

Снежана Александровна Рамзина, кандидат социологических наук, доцент, завкафедрой социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Snezhana A. Ramsina, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, head of Hospitality and Tourism chair, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Амосов А. И. Исследование спиралей эволюции российской экономики и социального устройства. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 311 с.
2. Бизнес и государство: формы и проблемы // ИП-информ. 2019. URL: <https://ipinform.ru/razvitie-biznesa/o-biznese/biznes-i-gosudarstvo.html> (дата обращения: 15.05.2019).
3. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко ; под науч. ред. С. Гавриленко ; НИУ «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 336 с.
4. Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 525 с.
5. Гудков Л. Д. Российская повседневность // Гудков Л. Д. Абортивная модернизация. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 459–490.
6. Заславская Т. И., Шабанова М. А. Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность. Ст. 1 : Социальные особенности и взаимодействия в проблемной институциональной среде // Общественные науки и современность. 2012. № 4. С. 5–23. URL: <http://naukarus.com/uspeshnye-ekonomicheskie-aktory-kak-potentsialnaya-modernizatsionnaya-obschnost-statya-1-sotsialnye-osobennosti-i-vzaimod> (дата обращения: 15.05.2019).
7. Конструирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 262 с.
8. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд / пер. с англ. А. И. Кырлежева. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 240 с.

9. Мнацакян М. О. Социальное поведение, социальные общности, социальная реальность (О природе предмета социологической науки) // СОЦИС. 2003. № 2. С. 21–28.

10. The Principles of Service Design Thinking – Building Better Services // Interaction Design Foundation. 2019. URL: <https://www.interaction-design.org/literature/article/the-principles-of-service-design-thinking-building-better-services> (дата обращения: 17.06.2019).

Статья поступила в редакцию: 08.07.19

Принята к публикации: 12.08.19

References

1. Amosov AI. *Issledovanie spiralei evolyutsii rossiiskoi ekonomiki i sotsial'nogo ustroistva [Research on spirals of the Russian economy evolution and the social fabric]*. Moscow: Political encyclopedia; 2016. 311 p. (In Russ.).

2. IP-inform: website. *Biznes i gosudarstvo: formy i problemy [Business and the state: forms and problems]*. 2019. Available from: <https://ipinform.ru/razvitiye-biznesa/o-biznese/biznes-i-gosudarstvo.html> [Accessed 15.05.2019]. (In Russ.).

3. Giddens A, Sutton P. *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii [Essential Concepts in Sociology]*. Moscow: Publishing house of High School of Economics; 2018. 336 p. (In Russ.).

4. Patrushev SV. (ed.) *Grazhdanskoe i politicheskoe v rossiiskikh obshchestvennykh praktikakh [The civil and the political in the Russian social practices]*. Moscow: Russian political encyclopedia (RUSPOEN); 2013. 525 p. (In Russ.).

5. Gudkov LD. Rossiiskaya povsednevnost' [The Russian everydayness]. In: *Abortivnaya modernizatsiya [An abortive modernization]*. Moscow: Russian political encyclopedia (RUSPOEN); 2011. p. 459–490. (In Russ.).

6. Zaslavskaya TI, Shabanova MA. Uspeshnye ekonomicheskie aktory kak potentsial'naya modernizatsionnaya obshchnost'. Stat'ya 1 : Sotsial'nye osobennosti i vzaimodeistviya v problemnoi institutsional'noi srede [Successful economic actors as a potential modernization-driven commonality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 2012;4: 5–23. Available from: <http://naukarus.com/uspeshnye-ekonomicheskie-aktory-kak-potentsialnaya-modernizatsionnaya-obshchnost-statya-1-sotsialnye-osobennosti-i-vzaimod> [Accessed 15.05.2019]. (In Russ.).

7. Patrushev SV, Filippova LE. (eds.) *Konstruirovaniye sovremennoi politiki v Rossii: institutsional'nye problem [The construction of current politics in Russia: institutional problems]*. Moscow: Political encyclopedia; 2018. 262 p. (In Russ.).

8. Lukes S. *Vlast': Radikal'nyi vzglyad [The power: A Radical View]*. Moscow: Publishing house of State University – High School of Economics; 2010. 240 p. (In Russ.).

9. Mnatsakanyan MO. Sotsial'noe povedenie, sotsial'nye obshchnosti, sotsial'naya real'nost' (O prirode predmeta sotsiologicheskoi nauki) [Social behavior, social commonalities, social reality]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Studies*. 2003;2: 21–28. (In Russ.).

10. Interaction Design Foundation. *The Principles of Service Design Thinking – Building Better Services*. 2019. Available from: <https://www.interaction-design.org/literature/article/the-principles-of-service-design-thinking-building-better-services> [Accessed 17.06.2019].

Submitted 08.07.19 Accepted 12.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-HT03
УДК 008:379.85

Потребитель – государство – бизнес – культура: проблема, тенденции, новации в развитии туризма

Людмила А. Мясникова¹,

ORCID: 0000-0001-8251-6251, e-mail: lyuanam@mail.ru

Ольга Ю. Голомидова²,

ORCID: 0000-0002-4560-986X, e-mail: o-minina@mail.ru

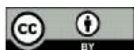
^{1,2} АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье декларируется актуальность научно-теоретического анализа современного туризма в силу возрастающей роли туризма в мировой экономике, политике, социальной сфере и культуре. Целью статьи является анализ основных проблем, тенденций и перспектив туристской отрасли в контексте радикальных изменений современного мира. В рамках междисциплинарного подхода авторы опираются на статистические показатели развития туристской отрасли, анализируют экономико-политический контекст, в котором развивается российский и мировой туризм, опираются на культурологические методы с учетом урбанистики и регионалистики. Выделяется ряд проблем отрасли: туризм является «заложником» политической конъюнктуры, что в конечном итоге негативно отражается на игроках туристского рынка и конечных потребителях турпродукта; высокий уровень рисков в туристском бизнесе вкупе с несовершенством законодательной базы также приводит к дестабилизации рынка, а принимаемые управленческие, технологические решения и вносимые в отраслевой закон корректировки показывают свою недостаточную эффективность. Авторами отмечается необходимость кардинальных изменений в системе регулирования отрасли и то, что помимо экономического и политического контекста очень важно учитывать социально-культурные аспекты туризма. При этом авторы сосредотачиваются на одном из наиболее показательных из них – на взаимосвязи туризма с городской культурой. Делается вывод о том, что эффект от развития туризма противоречив. В определенных случаях мы сталкиваемся с его негативной стороной – это провоцирует «туризмофобию» со стороны местного населения и иные проблемы. Но при грамотном подходе можно обернуть «минусы» в «плюсы». Вместе с тем новации, касающиеся социокультурных аспектов сферы туризма, еще раз демонстрируют назревшую необходимость ее реформирования.

Ключевые слова: туризм, культура, город, бизнес, политика, «ответственный туризм».

Для цитирования: Мясникова Л. А., Голомидова О. Ю. Потребитель – государство – бизнес – культура: проблема, тенденции, новации в развитии туризма // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мишек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 428–440. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-HT03.

© Л. А. Мясникова, О. Ю. Голомидова, 2019

Consumer – State – Business – Culture: The Problem, Trends, and Novelties in Tourism Development

Lyudmila A. Myasnikova¹,

ORCID: 0000-0001-8251-6251, e-mail: lyuanam@mail.ru

Olga Yu. Golomidova²,

ORCID: 0000-0002-4560-986X, e-mail: o-minina@mail.ru

^{1,2}Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The paper declares the relevance of scientific and theoretical analysis of contemporary tourism due to the growing role of tourism in the global economy, politics, social sphere and culture. The paper aims to analyze the main problems, trends and prospects of the tourism industry in the context of drastic changes in the contemporary world. The authors rely on statistical indicators of tourism industry development within the interdisciplinary approach, analyze economical and political context where Russian and global tourism is developing, and apply cultural studies methods, taking into account urban studies and regional studies. A series of industry-specific problems is identified: tourism is “held hostage” by the political situation, which eventually has a negative impact on tourism market players and end consumers of the tourism product; the high risk level in the tourism business combined with the imperfect legal framework also destabilizes the market, while managerial and technological decisions adopted along with adjustments introduced in the industry law demonstrate insufficient efficiency. The authors note the need for drastic changes in the system of industry regulation and the fact that, besides the economic and political context, it is crucial to take into account tourism’s social and cultural aspects. At the same time the authors focus on one of the most indicative of these – tourism’s relation with the urban culture. The conclusion is made that tourism development has a contradictory effect. In certain cases, we face its negative side, which causes “tourism phobia” among the local population and other problems. But correct approach may turn “cons” into “pros”. That said, innovations related to social and cultural aspects of the tourism field demonstrate the pressing need for its reformation once again.

Keywords: tourism, culture, city, business, politics, “responsible tourism”.

For citation: Myasnikova LA, Golomidova OYu. Consumer – State – Business – Culture: The Problem, Trends, and Novelties in Tourism Development. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today’s World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 428–440. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-HT03.

Введение

Соотношение человека и власти является одной из ключевых проблем многих наук, это соотношение претерпело культурно-историческую трансформацию. В контексте радикальных изменений в современном мире и в России оно также приобретает особенности. Специфику проблем отношения человека и власти выделяют различные научные дисциплины, а также особые аспекты выявляются и в различных видах практик.

В данной статье речь идет о сфере туризма. Туризм предстает и как социокультурная практика, и как экономическая деятельность, которая в настоящее время требует правового, политического, общественного регулирования.

Казалось бы, далеко не главный для туризма вопрос о человеке и власти в современных условиях становится крайне важным. Человек – потребитель туристских услуг, но вместе с тем он и активный деятель. Турист становится элементом системы туризма. Все, что происходит с туризмом (и как с отраслью экономики, и как с феноменом культуры, и как с особой практикой организации и совершения путешествий), напрямую касается потребителя. Все вышесказанное свидетельствует об актуальности избранной темы.

Целью статьи является анализ основных проблем, коллизий, тенденций и перспектив развития туризма в контексте радикальных изменений современного мира. Главным объектом анализа является российский туризм. В России, как и во многих странах, туризм занимает все более значимое место в социуме, в экономике, в культуре. На него обращает серьезное внимание государство. Туризм за век своего существования из поездок с развлекательными, познавательными или оздоровительными целями превратился в отрасль экономики, сферу бизнеса и культуры. Его субъектами выступают не только (а порой и не столько) туристы, но и туроператоры, турагенты, поставщики туристских услуг (перевозчики, отельеры, рестораторы, организаторы развлечений, страховые компании), а также органы управления. Турист нередко становится заложником тех коммуникаций, которые характерны для туризма в целом. Ясно, что необходимо теоретическое осмысление тех процессов, которые характерны для современного туризма. Вместе с тем наука о туризме (туристика) еще только формируется. Есть насущная необходимость целостного, междисциплинарного подхода, позволяющего понять и решить проблемы туризма.

Методология

Методология вытекает из обозначенных выше аспектов. Туризм преимущественно рассматривается как сфера экономики, как вид деятельности, как особая разновидность путешествий. В последние годы все больше внимания уделяется социальным и культурным аспектам развития туризма. Широко используется ресурсный подход (в рамках географии туризма), приобретают популярность страноведческие методы (в рамках регионалистики и страноведения). Однако чаще всего специалисты-практики (организаторы путешествий и поставщики услуг), как и руководители, крайне мало внимания обращают на работы социально-культурного плана, что негативно сказывается на туризме.

В статье применяется междисциплинарный подход с учетом экономических, правовых, политических, социально-культурных аспектов. Используются статистические методы, анализ экономико-политического контекста, анализ правовых проблем туризма. Особо следует выделить культурологические методы с учетом урбанистики и регионалистики.

Результаты и обсуждение

Несмотря на то что экономика и политика многих стран переживают если не кризис, то далеко не лучшие времена, туризм продолжает развиваться. Он занимает третье место в мировой экономике, принося ежегодно до \$1,7 трлн, а последний прирост составил 7 %. При этом 55 % всех поездок по миру приходится именно на туристские цели [7].

Рост туристских потоков увеличивается в последние 3–5 лет не на 4–5 %, как ранее, а на 7–8 % в год. Ежегодно более миллиарда людей отправляются в туристские путешествия (в 2017 году, по данным ЮНВТО, число туристов составило 1 323 млн человек, что на 84 млн больше, чем в 2016-м). При этом прирост традиционно одной из самых «туристических» стран – Германии – и, казалось бы, туристского аутсайдера – Африки – почти сравнялись: Германия – 8 % Африка – 9 %. В 2018 году лидером стали Великобритания и США, но и Китай остается лидером выездного туризма, а траты китайцев на турпоездки намного опережают все другие страны (в 2017 году китайцы потратили \$352 млрд, а занимающие второе место жители США – \$135 млрд) [6]. Россия входит в первую десятку по количеству выездных путешествий, но также наращивает потенциал внутреннего и въездного туризма.

Проблемы, стоящие перед российским туризмом, с одной стороны, сходны с общемировыми и европейскими, с другой – имеют свою специфику. Если в ряде туристских дестинаций Европы (Дубровник, Барселона, Венеция, Амстердам и др.), а также некоторых островных дестинациях (не только европейских) речь идет о «сверхтуризме» и «туризмофобии» в связи с переизбытком туристских потоков и их негативным воздействием на окружающую природу, культуру и социальную сферу, то в России пока стоит задача увеличения въездного туризма как фактора развития экономики страны. Иностранцы туристы посещают преимущественно Москву, Санкт-Петербург, Байкал, Золотое кольцо, в последние годы – Казань, Сочи. Остальные регионы пока не могут похвастаться получением значительных доходов от туризма, да и сами местные жители не рассматривают свои города как потенциально интересные туристам.

Чемпионат мира по футболу, прошедший в России в 2018 году, стал весьма значимым событием для туризма. Во многих городах, не слишком избалованных крупными мероприятиями, футбольные матчи стали настоящим праздником не только спорта, но и культуры в целом. Гости искренне восхищались многими достопримечательностями регионов, которые их жителям казались привычными и не особенно выдающимися. Появилась уверенность в том, что регионы могут стать привлекательными центрами туризма, а также осознание необходимости развития туристской инфраструктуры, туристских продуктов, туристских пространств, работы над туристскими брендами регионов, созданием туристских кластеров.

Вместе с тем в туризме обнаруживается множество проблем. А. Осуленко подчеркнул, что «несколько лет назад туризм ни в коей мере не зависел от политики. Сегодня туризм – инструмент политики» [6]. Действительно, санкции США и многих европейских государств в отношении России напрямую задевают и туристскую отрасль. Отечественные политики тоже не остаются в стороне: «закрытие» Турции, Египта, отношения с Грузией, Украиной имеют целью не только безопасность и благополучие туристов, но экономические и имиджевые «наказания». Однако наказанными оказались не только те, к кому применили санкции, но и туристы, и бизнесмены «наказываемых». Так, Египет достаточно удачно заместил сектор российского туризма путешественниками из других стран, хоть и пережил при этом серьезные потери. Положительным же было то, что улучшилась инфраструктура

и повысился уровень безопасности: новые аэропорты с новым оборудованием и технологиями борьбы с терроризмом. Российские туроператоры уже довольно скептически относятся к срокам «открытия» Египта и полагают, что придется выстраивать взаимоотношения с партнерами чуть ли не с нуля. Если Турция для привлечения россиян пыталась финансово помогать российским туроператорам, то у Египта, похоже, таких намерений нет.

Второй блок проблем российского туризма связан с высоким уровнем риска туристского бизнеса и недоработками законодательства. Август–сентябрь – традиционный период крушения крупных туроператоров, хотя в последние годы и в другие периоды происходят банкротства и скандалы: прежде всего, возникает необходимость каким-то образом возвращать туристов на родину из-за неспособности туроператоров выполнять свои обязанности. Фактически ежегодный уход с рынка крупных туроператоров («Нева», «Элита Трэвел», «Натали Турс», «PolarTour», «Жемчужная река») вряд ли прекратится. При этом «уходы туроператоров с рынка сопровождались откровенно мошенническими схемами» [6]: иногда, зная о своих задолженностях поставщикам услуг, туроператоры продолжали продавать туры потребителям, понимая, что те окажутся в крайне затруднительном положении. Туристы не только не могли возместить свои финансовые потери, но и оказывались без помощи и поддержки за пределами своей страны. Всей туристской отрасли и государству приходилось принимать беспрецедентные меры, чтобы люди могли вернуться на родину.

Казалось бы, именно забота о потребителях заставила увеличить финансовую нагрузку на туроператоров. Предоставление достаточно высоких финансовых гарантий для включения в реестр туроператоров, создание новых фондов («Турпомощь» и др.), ужесточение законодательства, новые формы отчетности, новые управленческие структуры не привели к желаемым результатам: туристы в случае краха туроператора получают мизерную компенсацию (на уровне 2 000–4 000 руб.), турагентам резко снизили комиссию (вместо 10–14 % стали платить 4–7 %), страховые компании отказываются работать с туроператорами из-за высоких рисков, убытки терпят перевозчики, отельеры, принимающие операторы. Выход ищут в подтасовке статистики (как приписки, так и попытки уменьшить отчетные цифры обслуживаемых клиентов), чтобы снизить финансовое бремя взносов и выплат в фонды. Предпринимаются попытки разрешения указанных проблем – этому способствует их обсуждение на конгрессах туроператоров и турагентов. Произошла смена руководства Ростуризма, а также сближение туризма с Министерством экономики вместо ведомств спорта и культуры. Разрабатывались программы по снижению налогового бремени представителей гостиничного сектора, программы поддержки туризма пожилых людей, а также молодежи, людей с ограниченными физическими возможностями. Сюда же можно отнести попытки внедрения электронной путевки (пока не увенчавшиеся успехом) и электронной визы (пока точно реализуемые). Все понимают необходимость нового «Закона о туризме», где будут преодолены слабости нынешнего законодательства. Речь идет не о том, чтобы в главный отраслевой закон были просто внесены отдельные исправления, а о том, чтобы он был переписан заново.

Государство заинтересовано в развитии туризма, что неоднократно декларировалось и президентом, и правительством, а также в рамках обсуждения программ развития туризма на разных уровнях. Вместе с тем представители турбизнеса констатируют отсутствие поддержки со стороны государства, ведь даже после государственных решений о «закрытии» какого-либо направления туроператоры не получают компенсаций, хотя фактически осуществляют эвакуацию туристов за свой счет – это дважды произошло на египетском направлении и один раз на турецком [8]. После «закрытия» Турции многие туроператоры оказались на грани краха. Помощь была оказана турецкой стороной, а не собственным государством.

Зарина Догузова – нынешний глава Ростуризма – отметила следующие параметры роста российского туризма: рост объема туристической индустрии с 3,2 трлн рублей в 2017 г. до 16,3 трлн рублей в 2035-м, увеличение более чем в два раза количества внутренних туристических поездок на одного жителя: с 0,4 поездки в 2017 г. до 1,0 в 2035-м; увеличение экспорта туристических услуг с \$8,9 млрд в 2017 г. до \$28,6 млрд в 2035-м [5].

Обсуждая политические и экономические аспекты туризма, специалисты мало внимания уделяют социально-культурному аспекту, без которого, однако, трудно что-либо рекомендовать для оздоровления отрасли и развития науки о туризме. И если экономические, правовые, политические ракурсы туристской деятельности всем понятны и лежат на поверхности, то социально-культурные требуют более пристального и углубленного анализа.

Социально-культурологический анализ туризма предполагает множество возможностей и параметров. Остановимся на одном наиболее важном и показательном – на взаимосвязи туризма с городской культурой.

Город является средой, породившей массовый туризм, сформировавшей предпосылки для его развития и трансформации, становления туризма как бизнес-индустрии и как сферы экономики. Развитие туризма коррелировало с историческим развитием городов и городской культуры. Стрессы, сложности и соблазны индустриальных городов – новой для человека среды – провоцировали людей на поиск «убежища» на лоне природы. При этом происходила закладка будущей индустрии массового туризма. Следствием перехода к постиндустриальному развитию стало формирование массовой культуры и общества потребления. При этом туризм также приобрел черты потребительской практики, маркера социального статуса и стал превращаться в прибыльный бизнес. На этом фоне происходит осознание роли туристских мифов и брендов территорий для формирования туристского интереса и мотивации путешествий. Современный этап в развитии городской культуры и туризма подразумевает постепенное осознание роли культурной и символической экономики города, попытки каждого из них найти свое «лицо», свою нишу и повысить привлекательность как для местных жителей, так и для гостей города. Туризм, в свою очередь, по-новому осмысляет и использует городское пространство, оказывает на него ответное влияние. Избыточность возможностей и впечатлений влечет появление новых форм туристских практик, многие из которых основаны на использовании нетрадиционных для туризма прошлого ресурсов.

Появление новых форм и видов туризма связано, в частности, со «сменой поколений» в туризме. Так, Нейдет Деленер [10] выделяет следующие типы современных туристов:

Тихое поколение (пенсионеры), для которых путешествие является проявлением стремления к роскоши, удовлетворенности, хвастовству и комфорту.

Поколение X – пока движущая сила туризма;

Поколение Y («рабы экрана») – для его представителей характерно стремление оставаться дома, предпочитая тратить деньги на электронику. Но это поколение довольно гетерогенно – часть его представителей, напротив, приобщается к путешествиям активнее и в более раннем возрасте в сравнении с предыдущими поколениями. Они становятся «продвинутыми» путешественниками с большим опытом поездок, путешествуют по экзотическим, отдаленным, нестандартным маршрутам.

Поколение M – «M» означает многозадачность и мобильность – это поколение, которое выросло с iPod, текстовыми сообщениями на их сотовых телефонах и другими формами непрерывной и мгновенной связи. Оно требует новых форматов путешествия, в то же время стремясь упростить планирование поездок.

Если говорить о России, то у нас несколько иное понимание и обозначение социально-культурных типов: молодое поколение, выросшее с iPod, относят к поколению Z. Однако если говорить о портрете типичного российского туриста, ключевыми ценностями которого считаются путешествия и возможность увидеть мир и который тратит деньги на впечатления, а не на вещи, то поколение Z (молодежь 18–24 лет) составляет порядка 30 % из таковых. Около 20 % составляют 35–40-летние, больше половины (57,2 %) зарубежных туристов – мужчины [8].

З. Бауман противопоставлял туриста паломнику, подчеркивая его поверхностность, потребительские настроения, удовлетворенность массовым продуктом, туристскими симулякрами [2]. Современный туризм нельзя свести только к «массовому туризму», о котором говорил З. Бауман. Мотивация туристов различна: это и эскапизм, т. е. бегство от неподлинности бытия, стремление познакомиться с демистифицированной реальностью, и поиск идентичности через общение с Иным, и стремление к новым впечатлениям (в том числе «синдром кодака»), и волонтерство.

Современный туризм характеризуется большим разнообразием видов: агротуризм, гастрономический и энологический туризм, «черный» туризм и т. п., сегодня уже можно говорить о виртуальном, космическом или даже фальш-туризме.

Можно констатировать рост разнообразия туристских мотиваций, разновидностей туризма, направлений и количества туристов. Как уже отмечалось, одной из негативных тенденций в развитии туризма является переизбыток посетителей отдельных городов и достопримечательностей, порождающий «туризмофобию». ЮНВТО определила пропускную способность туризма как «максимальное количество людей, которые могут посетить туристическое направление одновременно, не вызывая разрушения физической, экономической и социокультурной среды и не приемлемого снижения в качестве удовлетворения посетителей» [12]. Общих нормативов «туристской емкости» не существует, в каж-

дом случае необходим индивидуальный подход, как и в вопросе о мерах минимизации негативных последствий. В настоящее время целью для организаторов туризма становится не «устойчивый туризм», а «ответственный туризм». Чтобы создать программы «ответственного туризма», необходимо выявить различные типы городов – туристских дестинаций.

Можно условно выделить четыре типа городов:

1) узкоспециализированные туристские города, напрямую зависимые от туристского рынка (Канкун, Марракеш, Макао, Анталья, Венеция, Лас-Вегас, Суздаль и т. п.);

2) города, в которых туристская индустрия не выполняет градообразующей функции, но является важной и неотъемлемой частью городской экономики (Мадрид, Рим, Прага, Москва, Санкт-Петербург, Казань и т. п.);

3) города, не являющиеся центрами туризма и не претендующие на это (города, в которых прием туристов невозможен в силу их особого статуса – например, ЗАТО в России; города, в которых представлена сфера туризма, но не предпринимается специальных усилий для его развития – например, Иннополис, и т. д.);

4) города, которые исторически не были ориентированы на развитие туристской индустрии, но в настоящий момент стремятся реализовать себя как туристские центры (например, бывшие промышленные города Урала).

Для каждого из указанных типов характерны свои особенности в развитии туризма. Первые два типа городов особенно явно испытывают на себе влияние так называемого овертуризма. Прежде всего, с этой проблемой столкнулись города-музеи с богатым культурно-историческим наследием и центры познавательного туризма, а также центры круизного туризма, особенно в тех случаях, где он сочетается с культурно-познавательным [1], что привело к открытым протестам жителей подобных городов и призывам к ограничению числа туристских визитов – в частности, к акциям на Майорке, в Барселоне, Венеции [11]. Меры борьбы с негативными последствиями «чрезмерного туризма», действительно, могут быть сосредоточены на изменении числа туристов и попытках коррекции их поведения, перераспределении графиков посещения городских достопримечательностей, создании новых маршрутов и т. п., но они также должны фокусироваться на заинтересованности принимающей стороны. Для того чтобы положительные аспекты развития туризма оставались видимыми и понятными для местных жителей, необходимо понимать проблемы и основные причины недовольства жителей таких городов, включать их в повестку дня при обсуждении перспектив развития туризма на самом высоком уровне. Все эти аспекты и являются базовыми для «ответственного туризма».

Кроме того, города первых двух типов, равно как и те города, которые только планируют развиваться в качестве туристских центров, подвергаются критике за изменение или утрату локальной идентичности, ориентацию на ожидания туриста, а не на аутентичные особенности, опору на туристские симулякры. Примеры симулякров в туризме мы находим уже в исследованиях 40-летней давности, в частности у Ж. Бодрийера [3], но сегодня этот вопрос приобретает еще большую актуальность. Кроме того, четвертый тип городов ориентируется на создание особых туристских пространств, инфраструктуры, на

поиск «изюминки» и разнообразие туров, которые будут полезны для улучшения жизни горожан.

В то же самое время туризм приносит и массу позитивных изменений. Некоторые из них очевидны: создание новых рабочих мест, развитие инфраструктуры, повышение безопасности в исторически нетуристских городах. Иные не лежат на поверхности, но не менее значимы. Несмотря на критику туристской «постановочной реальности», развитие туризма стимулирует улучшение историко-культурной «ткани» города, а туристские «симулякры» отчасти способствуют сохранению аутентичности, местной культуры и традиций, стимулируют проведение работы по идентификации элементов уникальности облика дестинации. Упомянутые выше новые формы туристских практик, которые часто опираются на нетрадиционные для туризма прошлого ресурсы, «оживляют» определенные городские пространства (например, заброшенные индустриальные объекты), а иной раз и целые города (к примеру, «мертвую» Припять). Если вести речь о новых формах туристских практик, нельзя не упомянуть, что с учетом некоторых из них стоит в принципе задуматься о корректировке понятия туризма как минимум для теоретиков «туристики», а как максимум, возможно, и на законодательном уровне. В частности, речь идет об «имманентном туризме».

Под имманентным (от *лат.* «пребывающий внутри») туризмом мы понимаем экскурсии-прогулки или туры выходного дня, ориентированные на местных жителей, позволяющие почувствовать себя туристом внутри собственного города. Последние годы в крупных городах формат подобных экскурсий-прогулок набирает популярность: их организуют городские музеи (в Екатеринбурге особенно активно этим занимается Музей истории города), иные учреждения культуры (Библиотека им. Белинского, ГЦСИ «Урал» и т. д.), городские сообщества и общественные организации, инициативные горожане, желающие поделиться своим видением города.

С точки зрения законодательства мероприятия подобного формата не вписываются в классическое определение туризма, так как туризм всегда предполагает выезд за пределы обычной среды (с места постоянного проживания) продолжительностью более суток с осуществлением как минимум одной ночевки. С экономической и юридической точек зрения подобное разделение оправдано (к компаниям, осуществляющим деятельность по организации туров, и компаниям, выполняющим исключительно функции экскурсионного бюро, применяются принципиально разные законодательные требования и ограничения), но для потребителя, незнакомого с официальными определениями, эти понятия используются на уровне синонимов. Однако даже если следовать строгим определениям, то современный турист может отправиться в полноценный тур по родному городу (и такая практика действительно имеет место): кто-то таким образом устраивает себе сравнительно недорогой отдых или проводит романтическое свидание, подобный опыт также давно используется travel-блогерами – достаточно снять номер в отеле своего города, предусмотреть насыщенную программу и погрузиться в атмосферу приключений и путешествий без утомительных перелетов на другой конец света. Таким образом, опираясь на определение туристского центра как интегрального символа интереса, соединяющего в себе все мотивы индивидуума относительно рек-

реационных ресурсов, который воплощен в виде конкретного места отдыха туриста, включающего все его рекреационные возможности: природные, культурно-исторические, экологические, этнические, социально-демографические, инфраструктурные [4], можно утверждать, что в одном крупном городе есть несколько туристских центров. Например, для Москвы проживание в центре города, в районе Измайловского парка или на Юго-Западе будет подразумевать разный комплекс рекреационных возможностей, которые нельзя перенести в любое другое место. Таким образом, если в приведенном выше примере отель будет располагаться на другом конце Москвы, незнакомом «туристу» и не включенном в маршрут его повседневных перемещений, то мы получаем практически полное соответствие классическому пониманию туризма: тут имеет место и ночевка, и выезд с постоянного места жительства, однако при этом человек не покидает физически административных границ своего населенного пункта.

Улавливать и отслеживать подобные изменения важно для специалистов турбизнеса и смежных отраслей, так как учет актуальных тенденций позволяет получить позитивный социокультурный (включение в туристско-экскурсионную деятельность традиционно нетуристских и иной раз «неблагополучных» районов, формирование гражданской позиции по некоторым актуальным для города вопросам – отношение к сохранению культурно-исторического наследия, судьбе определенных городских пространств) и экономический (например, могут быть полезны застройщикам и девелоперам, осуществляющим реализацию строительных проектов в «непопулярных» районах, так как позволяют «пересмотреть» карту города их потенциальным клиентам) эффекты. Для законодателя учет этих тенденций важен с точки зрения возможной корректировки официальных определений и законодательства в области туризма в целом – ведь помимо официального определения туризма пересмотру следует подвергнуть и, например, понятие «экскурсовод». Сегодня главным отраслевым законом определяет его как «профессионально подготовленное лицо, осуществляющее деятельность по ознакомлению экскурсантов (туристов) с объектами показа в стране (месте) временного пребывания» [9], а дополнительными приказами и квалификационными справочниками уточняются требования к данной категории специалистов (высшее гуманитарное и дополнительное профессиональное образование). На практике же благодаря добровольной системе аккредитации экскурсоводов во многих регионах, а также развитию интернет-ресурсов, подобных Tripster, экскурсоводом сегодня может стать человек без специализированного (и вовсе без гуманитарного) образования и «академической» подготовки, но имеющий нестандартное авторское видение ресурсов, делающих город привлекательным для гостя. Соответственно стоит задуматься о пересмотре официальных определений и требований к таким специалистам в плане уточнения, снижения либо, напротив, ужесточения критериев профессиональной пригодности.

Заключение

В статье выявлены как позитивные тенденции, так и негативные аспекты современного этапа развития туризма. Российский туризм обнаруживает, с одной стороны, рост, а с другой – серьезные проблемы,

препятствующие требуемой государством более серьезной финансово-экономической отдаче от туризма. Туризм превратился в зону бизнеса с высоким уровнем риска. Проводимые структурно-организационные, управленческие, нормативно-правовые реорганизации порой лишь усугубляли финансовую нагрузку на туроператоров. Необходима «перезагрузка» всей нормативно-правовой и организационно-управленческой сфер туризма. Частично эти аспекты учитываются в программах развития российского туризма до 2035 года.

Если нормативно-правовые и экономические проблемы и перспективы отрасли широко обсуждаются, то социально-культурным аспектам его развития специалисты-практики уделяют недостаточное внимание. Одной из тенденций (и вместе с тем проблем) мирового туризма является «туризмобия» как результат овертуризма. Происходит смена парадигм развития туризма: от «устойчивого развития» к «ответственному развитию». Чтобы найти решение этих проблем, необходимо обратиться к прояснению взаимосвязи и взаимовлияния города (городской культуры) и туризма. Городская культура породила туризм, является существенным фактором его воспроизводства и развития. В свою очередь туризм влияет на город и городскую культуру. Их взаимосвязь прослежена в статье. При планировании «ответственного туризма» нужно учитывать типы городов (у каждого типа свои задачи, ресурсы, возможности) и новые реалии в системе туризма. Эти новые реалии («туризмобия», овертуризм, опасность утраты культурной идентичности и т. д.), а также новые виды туризма (фальш-туризм, виртуальный туризм, «черный» туризм, «имманентный» туризм) должны быть теоретически осмыслены и, возможно, учтены при разработке законодательной базы туризма, а также в туристской практике.

Информация об авторах

Людмила Анатольевна Мясникова, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Ольга Юрьевна Голомидова, ст. преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Lyudmila A. Myasnikova, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Socio-Cultural Service and Tourism, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Olga Yu. Golomidova, Senior Teacher, Department of Socio-Cultural Service and Tourism, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Айгина Е. В. Сверхтуризм и туризмобия: новые явления или старые проблемы? // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т. 12, № 4. С. 41–55.

2. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/218/219> (дата обращения: 23.09.2019).

3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Постум, 2015. 240 с.

4. Зорин И. В., Каверина Т. П., Квартальнов В. А. Туризм как вид деятельности. М. : Финансы и статистика, 2005. 288 с.

5. Как «перезагрузят» туризм в России, и когда визы уйдут в прошлое // Profi.travel. 2019. 12 сентября. URL: <https://profi.travel/news/43564/details> (дата обращения: 24.09.2019).
6. Турпром : бюллетень. 2019. 22 февраля (№ 33 (3502)). URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/?id=181732&page=> (дата обращения: 23.02.2019).
7. Турпром : бюллетень. 2019. 23 сентября (№ 176 (3645)). URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/?id=181732&page=> (дата обращения: 23.09.2019).
8. Турпром : бюллетень. 2019. 27 августа (№ 158 (3627)). URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/?id=181732&page=> (дата обращения: 28.08.2019).
9. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ (последняя редакция) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 08.09.2019).
10. Delener N. Current trends in the global tourism industry: evidence from the United States // *Revista de Administracao Publica*. 2010. № 44 (5). С. 1125–1137. URL: <https://dx.doi.org/10.1590/S0034-76122010000500006> (дата обращения: 07.09.2019).
11. First Venice and Barcelona: now anti-tourism marches spread across Europe // *The Guardian*. 2017. 10 Aug. URL: <https://www.theguardian.com/travel/2017/aug/10/anti-tourism-marches-spread-across-europe-venice-barcelona> (дата обращения: 07.09.2019).
12. World Tourism Organization (UNWTO); Centre of Expertise Leisure, Tourism & Hospitality; NHTV Breda University of Applied Sciences; NHL Stenden University of Applied Sciences. ‘Overtourism’? – Understanding and Managing Urban Tourism Growth beyond Perceptions : Executive Summary // UNWTO. Madrid, 2018. URL: <https://doi.org/10.18111/9789284420070> (дата обращения: 06.09.2019).

Статья поступила в редакцию: 02.09.19
Принята к публикации: 10.10.19

References

1. Aigina EV. Sverkhturizm i turizmofobiya: novye yavleniya ili starые problemy? [Super Tourism and Tourism Phobia: New Phenomena or Old Problems?]. *Sovremennye problemy servisa i turizma = Contemporary Problems of Service and Tourism*. 2018;12(4): 41–55. (In Russ.).
2. Bauman Z. Ot palomnika k turistu [From Pilgrim to Tourist]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. 1995;4: 133–154. Available from: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/218/219> [Accessed 23.09.2019]. (In Russ.).
3. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsii [Simulacra and Simulation]*. Moscow: Postum; 2015. 240 p. (In Russ.).
4. Zorin IV, Kaverina TP, Kvartalnov VA. *Turizm kak vid deyatel'nosti [Tourism as an Activity]*. Moscow: Finance and Statistics; 2005. 288 p. (In Russ.).
5. Profi.travel: website. *Kak «perezagruzyat» turizm v Rossii, i kogda vizy uйдut v proshloe [How Tourism is Going to be “Reset” in Russia and When Visas Will Become a Thing of the Past]*. 12.09.2019. Available from: <https://profi.travel/news/43564/details> [Accessed 24.09.2019]. (In Russ.).
6. *Turprom [Tourism Industry]: Bulletin No. 33 (3502)*. 22.02.2019. Available from: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/?id=181732&page=> [Accessed 23.02.2019]. (In Russ.).
7. *Turprom [Tourism Industry]: Bulletin No. 158 (3627)*. 27.08.2019. Available from: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/?id=181732&page=> [Accessed 28.08.2019]. (In Russ.).

8. *Turprom [Tourism Industry]: Bulletin No. 176 (3645)*. 23.09.2019. Available from: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/?id=181732&page=> [Accessed 23.09.2019]. (In Russ.).

9. Federal Law of 24.11.1996 No. 132-FZ (latest revision). *Ob osnovakh turistskoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii [On fundamentals of tourism activity in the Russian Federation]*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ [Accessed 08.09.2019]. (In Russ.).

10. Delener N. Current trends in the global tourism industry: evidence from the United States. *Revista de Administracao Publica*. 2010;44(5): 1125–1137. Available from: <https://dx.doi.org/10.1590/S0034-76122010000500006> [Accessed 07.09.2019].

11. The Guardian. *First Venice and Barcelona: now anti-tourism marches spread across Europe*. 10.08.2017. Available from: <https://www.theguardian.com/travel/2017/aug/10/anti-tourism-marches-spread-across-europe-venice-barcelona> [Accessed 07.09.2019].

12. World Tourism Organization (UNWTO); Centre of Expertise Leisure, Tourism & Hospitality; NHTV Breda University of Applied Sciences; NHL Stenden University of Applied Sciences. *'Overtourism'? – Understanding and Managing Urban Tourism Growth beyond Perceptions: Executive Summary*. 2018. Available from: <https://doi.org/10.18111/9789284420070> [Accessed 06.09.2019].

Submitted 02.09.19 Accepted 10.10.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-HT04
УДК [379.83:549](470.5)

Проблема развития минералогического туризма на Урале

Евгений Ю. Базаров,
АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-7708-0841, e-mail: bazarov_uit@mail.ru

Аннотация. Тема развития минералогического туризма особенно актуальна для Уральского региона, богатые природные ресурсы которого позволят создавать привлекательный турпродукт. Минералогический туризм в Свердловской области развивается в рамках автотуристического кластера, объединяющего объекты и экологического, и активного, и культурно-познавательного туризма.

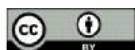
Цель исследования – изучение процесса развития минералогического туризма в Свердловской области и на Урале в целом. Особое внимание в статье уделено анализу процесса реализации региональной программы. В исследовании использован сравнительный анализ, контент-анализ законодательства и нормативных документов РФ. Проанализированы проблемы внедрения кластерного подхода в минералогическом туризме, изучен опыт развития регионального туристского кластера.

Минералогический туризм не развивается на Урале в должной мере в силу действующих законодательных ограничений. Частная инициатива по созданию привлекательных минералогических туров и парков тормозится запретом на право самостоятельного поиска драгоценных минералов. Программы развития внутреннего и въездного туризма обеспечивают в регионе создание необходимой инфраструктуры (коммуникаций, сервиса), но не развивают сами объекты показа минералогических туров, в силу наличия ограничений на их эффективное использование.

Город Екатеринбург – федеральный центр Уральского региона, претендующий на проведение событийных мероприятий мега-масштаба (ЭКСПО-2025 и др.), нуждается в презентации и использовании рекреационных ресурсов региона в полной мере и в открытом инновационном формате.

Ключевые слова: въездной и внутренний туризм, минералогический туризм; кластерный подход, региональная программа, геопарк.

Для цитирования: Базаров Е. Ю. Проблема развития минералогического туризма на Урале // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 441–449. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-HT04.

Problem of Mineralogical Tourism Development in the Urals

Evgeny Yu. Bazarov,

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-7708-0841, e-mail: bazarov_uit@mail.ru

Abstract. The subject of mineralogical tourism development is particularly relevant for the Urals region whose rich natural resources make it possible to create an attractive tourism product. Mineralogical tourism in the Sverdlovsk Oblast is developing within the car tourism cluster, uniting locations of environmental, active and cultural & educational tourism.

The goal of this research is studying the process of developing mineralogical tourism in the Sverdlovsk Oblast and the Urals as a whole. The paper focuses on analyzing the process of regional program implementation. The research applies comparative analysis and content analysis of legislation and regulatory documents of the Russian Federation. Problems of cluster approach implementation in the mineralogical tourism are analyzed; the experience of developing the regional tourism cluster is studied. Mineralogical tourism is not properly developing in the Urals due to the effective legislative restrictions. Private initiative on creating attractive mineralogical tours and parks is hindered by a ban on the right for independent search for precious minerals. Programs of developing domestic and inbound tourism provide for creation of the required infrastructure (communications, service) in the region but do not develop the actual places of interest for mineralogical tours due to restrictions on their effective application.

Yekaterinburg is the federal center of the Ural region aspiring to host mega-events (EXPO 2025, etc.); it needs to present and use region's recreational resources to the full extent in the open investment format.

Keywords: inbound and domestic tourism, mineralogical tourism, cluster approach, regional program, geopark.

For citation: Bazarov EYu. Problem of Mineralogical Tourism Development in the Urals. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 441–449. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-HT04.

Введение

Актуальность исследования развития нового вида туризма в дестинации определяется необходимостью создания адекватных условий для его роста. Свердловская область, как и весь Уральский регион, являлась долгое время территорией, обеспечивающей большой поток туристов, выезжающих в другие туристские центры России и мира. Современный аэропорт «Кольцово» обеспечивал вылет миллионам пассажиров в год. Наличие аэропорта, соответствующего международным стандартам, стало одним из условий развития делового туризма в Екатеринбурге – федеральном центре Уральского региона. В городе к моменту проведения одного из первых крупных событийных мероприятий (ШОС-2009) появились и отели ведущих мировых брендов (Хайят, Новотель и др.). Создание крупных выставочных и конгресс-площадей (Екатеринбург-ЭКСПО, Демидов-центр) и улучшение инфраструктуры города в целом позволили городу позиционировать себя на российском и мировом рынке МICE-индустрии как новый город-выставка. Поток

туристов, прибывающих с деловыми целями, увеличился. Необходимость создания привлекательных 2–3-дневных туров по области для прибывающих гостей заставила обратить внимание и на другие виды туризма, имеющие богатый потенциал для развития. В программе развития въездного и внутреннего туризма Свердловской области, принятой к осуществлению несколько лет назад, минералогическому туризму придается приоритетное значение, наряду с экологическим, активным, промышленным и сельским туризмом. Развитие этих видов туризма было решено развивать в рамках кластерного подхода, призванного обеспечить объединение усилий власти, бизнеса и общественности.

Формирование туристских кластеров способствует развитию внутреннего и въездного туризма и развитию региона в целом. Кластерный подход был разработан профессором Гарвардской школы М. Портером [13]. Кластер предполагает концентрацию усилий на ограниченной географически территории всех участников; наличие конкурентных преимуществ компаний-лидеров, которые и формируют кластер, включая поддерживающие и обслуживающие предприятия. Кластер предполагает кооперацию и особую координацию между участниками кластера. Исследованием кластерного подхода в туризме занимались такие ученые, как И. С. Баранова [1], И. Р. Гафуров [3], Л. К. Гуриева [4], И. В. Зорин [5], Л. Мазей [12].

Геолого-минералогический туризм во всем мире пользуется большой популярностью. В мировой практике в настоящее время регион, где осуществлялась или развивается добыча полезных ископаемых, рассматривается как перспективный с точки зрения развития минералогического вида туризма. Он развивается в тех регионах, где находятся месторождения ценных минералов, где создаются условия и возможности для знакомства с объектом интереса и для сбора коллекционных образцов. За рубежом все известные объекты показа создаются как бизнес-проекты, имеющие государственную поддержку [2].

Методы исследования

С опорой на системный, функциональный и структурный подходы возможна аналитика внедрения кластерного подхода в туристскую сферу, призванного служить целям развития регионов. В исследовании использован сравнительный анализ, контент-анализ законодательства и нормативных документов РФ. Проанализированы проблемы внедрения кластерного подхода в минералогическом туризме, изучен опыт развития регионального туристского кластера.

Результаты и обсуждение

К объектам показа в минералогическом туризме относятся специализированные музеи с коллекцией камней, действующие предприятия по добыче минералов, а также территории, где велась промышленная добыча, где все еще можно найти образцы минералов. Наибольшей популярностью пользуется последний тип туристских объектов. И это объяснимо, так как здесь всегда присутствует интерактивная составляющая, включающая туристов в самостоятельный поиск минералов. Эта модель минералогического туризма развивается и в Европе (Австрия, Норвегия, Великобритания), и в Америке (Аляска), и в Африке (ЮАР). Везде турист приобретает право поиска минералов на опреде-

ленной территории и пополнения собственной коллекции, включая самоцветы и золото. Ограничения касаются, как правило, только объема вывозимого коллекционного материала. Объем денежной массы, оставляемой туристами во время поездки, многократно превышает стоимость найденных драгоценностей. Этот факт осознан и претворен в действующий механизм привлечения туристского потока.

Аметистовая шахта недалеко от г. Луосто, Финляндия (единственная доступная для посещения в Европе) принимает до 25 000 посетителей в год. В то же время в Великобритании заповедную зону «Побережье Юрского периода» стремятся посетить туристы со всего мира (ЮНЕСКО включил объект в список мирового наследия), причем ознакомиться с информацией о любом объекте можно заранее. Выпускаются также буклеты, схемы, карты, и зачастую раздача этого материала является бесплатной – это позволяет даже обходиться без экскурсовода, поскольку материал подается доступным языком. Несомненным плюсом при этом является то, что за символическую плату можно собирать кристаллы минералов самому – это легально – или в качестве аттракциона приобрести контейнер с грунтом, промыть его и забрать с собой добытые собственноручно камни (независимо от их величины) или сделать из них украшения [2].

В России есть несколько регионов, где потенциал для развития минералогического туризма достаточно высок. Кавказ, Алтай и Урал являются лидерами в этом перечне. Одной из целей развития минералогического туризма в Российской Федерации, в частности на Урале, является популяризация региона как в нашей стране, так и за ее границами. В то же время данный вид туризма развит лишь в отдельных регионах России. Связано это с несколькими причинами: в мировой практике минералогические туры (экскурсии) обычно проводятся на полностью выработанных месторождениях, в России же – на действующих месторождениях.

Минералогический туризм может стать «визитной карточкой» Урала, если для его развития будут устранены действующие препоны. Ресурсов для развития этого вида туризма на Урале достаточно. В мире известно более трех тысяч видов минералов, из которых около тысячи видов можно найти на Урале. Именно здесь найдено первое золото в России. Александриты, топазы, рубины, турмалины, изумруды, малахит, аметисты... – это далеко не полный перечень минералов, которыми богаты Уральские горы. Предмет особой гордости – Мурзинско-Адуйский самоцветный пояс, или «Самоцветная полоса Урала», где создается одноименный национальный парк [8]. Некоторые камни этого самоцветного пояса считаются лучшими в мире.

По ряду причин можно говорить о Свердловской области как о ключевой в Уральском регионе с точки зрения развития минералогического туризма: первые российские минеральные руды (золото, платина), уникальные поделочные камни (орлец, малахит, яшма, родонит) и самоцветы (агаты, александриты, демантоиды, изумруды, турмалины, топазы и др.) были найдены здесь, в том числе крокоит, минерал, из которого был получен новый элемент – хром. К наиболее перспективным относятся Мурзинское месторождение топазов, турмалинов и бериллов, Березовское золоторудное месторождение (где было найдено первое россыпное золото в России), изумрудная полоса у поселка Ма-

лышева и природно-минералогический заказник «Режевской» (аметисты, опалы, топазы, турмалины) и др.

До начала XVIII века считалось, что в России нет месторождений драгоценных камней. Все изменилось в 1668 году, именно к этому году относится первое официальное свидетельство, сообщающее о том, что уральские рудознатцы нашли близ Мурзинского острога месторождения самоцветных камней – топазы и горный хрусталь, а также медную руду. На данный момент многие самоцветы Урала имеют международное признание, однако самыми востребованными считаются александриты, топазы, демантоиды и аметисты. Александриты – редкие драгоценные камни, а уральские александриты считаются лучшими в мире из-за своего уникального свойства – плеохроизма – перемены цвета в зависимости от освещения. Первый александрит (разновидность хризоберилла) был добыт на Малышевском (Мариинском) месторождении (единственное на территории России и крупнейшее в Европе месторождение изумрудов). В 1768 году открыты аметисты (разновидность кварца). Этот самоцвет, по мнению специалистов, не имеет на международном рынке соперников в связи с тем, что камни сохраняют свой блеск при смене освещения с дневного на искусственное. Необычно то, что загораются красными отблесками те камни, которые обнаружены вблизи Санарки или Мурзинки. В 1868 году был найден демантоид (разновидность граната). Только на Среднем Урале разработаны крупные месторождения, из них самое значимое – Каркодинское месторождение. Оно является поставщиком минерала на мировой рынок.

На сегодняшний день на Урале находятся сотни копей, где добывается около тысячи видов самоцветов, при этом новые виды всё продолжают открывать, например ферроворонцовит и цыганкоит, открытые в 2017 году на Воронцовском месторождении под г. Краснотурьинском (Свердловская область) [2]. В 2019 году найден изумруд весом более 1,5 кг на Малышевском руднике (г. Асбест).

Понятия «геология» и «минералогия» часто не дифференцируются. Однако между ними есть различия, так же как и между разновидностями туризма: геолого-минералогическим, геологическим, минералогическим или индустриально-минералогическим туризмом.

В горно-геологическом туре акцент делается на посещениях и изучении геологических объектов, в том числе уникальных: горных ландшафтов, ущелий, солончаков, каньонов, лесов и связанных с ними объектов. Это могут быть важные с научной точки зрения геологические обнажения, следы сейсмической активности, ценные палеонтологические объекты, отдельные объекты неживой или живой природы и т. п. Полноценно знакомить с подобными объектами могут только профессиональные геологи. Этот вид туризма еще можно отнести к экологическому.

С другой стороны, существует отдельное понятие «минералогический туризм», куда можно отнести посещения предприятий по добыче минералов, геологических и минералогических музеев, а не только памятников природы. Однозначного мнения о том, как сформулировать определение минералогического туризма, нет. Он объединяет в себе различные аспекты: исторические, геологические, промышленные, добычу полезных ископаемых и проч. Таким образом, принято говорить,

что минералогический туризм – это сопряжение элементов образовательного и познавательного видов туризма, а также исторического, промышленного, экологического и спелеологического.

В Российской Федерации принято разделять камни на три группы: драгоценные (ювелирные) камни, поделочные – для производства камнерезных изделий, промежуточную группу ювелирно-поделочных камней. В соответствии с законодательством РФ не каждый турист, а тем более иностранный, нашедший минералы, сможет забрать находки себе. Например, изумруды, относящиеся к первой категории драгоценных камней, являются собственностью государства. А такие минералы, как берилл, кварц, флюорит, турмалин, полевой шпат и некоторые другие, туристы могут увезти домой без опасений. Иностранные же туристы должны получить разрешение Росохранкультуры на вывоз найденных камней, что невыгодно отличает минералогический туризм в России от европейского.

О возможности формирования и развития бренда на основе минералогических особенностей Урала говорит «Стратегия развития туризма в Свердловской области» [9], где упоминается «самоцветная полоса» и меры по развитию этого направления: «С 2011 года начали работу интерактивные туристские центры по промывке золота и посещению золотодобывающих шахт на “родине первого российского золота” в городе Березовском, поиску изумрудов на одном из трех крупнейших мировых месторождений этого драгоценного камня (рабочий поселок Малышева)» [9]. Стоит отметить, что экскурсия в Березовский стала наиболее востребованной в силу близости к Екатеринбургу этого места, а также наличия инфраструктуры и интерактивной программы для туристов.

Уже несколько лет реализуется региональная программа по созданию автотуристского кластера «Самоцветное кольцо Урала», которая предполагает создание комплекса взаимосвязанных мероприятий, включающих улучшение качества дорог и придорожного сервиса, среди которых и создание «минералогического парка в селе Мурзинка» [8].

Приоритетным является «обустройство наиболее перспективных объектов показа исходя из следующих туристских аттракций: тема “русского золота”, уральских самоцветов, уральского железа и меди. Организация интерактивных программ по “поиску, намыву, добыче” уральских минералов требует проработки вопросов получения необходимых разрешений на вывоз коллекционных образцов минералов за пределы Свердловской области, в том числе за рубеж» [6].

Программа развития автотуристского кластера «Самоцветное кольцо Урала» была реализована в 2015–2018 гг., целью ее являлось формирование конкурентоспособного кластера, соответствие его современным стандартам качества, объединение предприятий гостеприимства и взаимодополнение услуг. Среди задач упоминалось и «создание благоприятных условий для развития природно-минералогического заказника “Режевской”, с включением минералогической зоны в районе села Мурзинка (Горноуральский городской округ – Режевской городской округ)» [6].

Ряд туров в этом направлении представлен у различных туроператоров и в экскурсионных бюро. Иногда это бывают многодневные туры (3–7 дней), чаще – однодневные экскурсии, например экскурсия

«Мурзинская слобода», предлагаемая для детской и взрослой аудитории турагентством «Уральский калейдоскоп» уже несколько лет [7]. Тур-оператор «Королевство путешествий» предлагает все сезонную программу «Уральские самоцветы» с посещением Липовского карьера, минералогического музея имени А. Е. Ферсмана в Мурзинке, аттракцион по сбору минералов, посещение копей и фабрики по изготовлению бус (Мурзинская слобода – центр камнерезного искусства) и др. [10]. Однако при организации туров мы сталкиваемся с законодательными ограничениями, например в Федеральном законе от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», а именно в ст. 2 № 41-ФЗ, где указано: «собственником незаконно добытых драгоценных металлов и драгоценных камней является Российская Федерация», а не тот, кто фактически минералы добыл, даже если местом добычи является дачный участок этого человека [11]. При этом в ст. 4 № 41-ФЗ говорится о том, что «добыча драгоценных металлов, добыча драгоценных камней могут осуществляться исключительно организациями, получившими в порядке, установленном настоящим ФЗ и другими федеральными законами, специальные разрешения (лицензии)» [11].

Заключение

Самый популярный в мире вид минералогического туризма с правом самостоятельного поиска минералов на Урале затруднен в силу действующих законодательных ограничений. Частная инициатива по созданию настоящих минералогических туров и гео-минералогических парков здесь тормозится запретом на право самостоятельного поиска драгоценных минералов [11]. Программы развития туризма, опирающиеся на кластерный подход, обеспечивают в регионе создание необходимой инфраструктуры (коммуникаций, сервиса), но не развивают сами объекты показа. Приехав в знаменитую «Мурзинку», где велась добыча самоцветов, туристы могут ознакомиться с коллекцией в старом музее им. А. Ферсмана и лишь дойти по тропинке до старых копей (шахт). В Режевском минералогическом заказнике туристы имеют право лишь на сбор отдельных полудрагоценных камней.

Таким образом, богатый самоцветами Урал рассматривается как перспективный с точки зрения наличия ресурсного обеспечения для развития минералогического туризма. Однако практика показывает, что развитие этого направления туризма на Урале замедляется из-за ряда нерешенных вопросов на федеральном уровне, а также из-за незавершенности модернизации самих объектов показа.

Информация об авторе

Евгений Юрьевич Базаров, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Evgeny Yu. Bazarov, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Socio-Cultural Service and Tourism, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Баранова И. С. Характерные черты развития туристской дестинации г. Екатеринбург // Научный форум: инновационная наука : сб. ст. по материалам XI междунар. науч.-практ. конференции. № 2 (11). М. : Изд. «МЦНО», 2018. С. 14–19.
2. Ворошук Д. В. Геолого-минералогический туризм как основа для продвижения Свердловской области (и Уральского региона в целом) на международном и российском туристическом рынке : проект программы // *Ural Expeditions & Tours*. 2009. URL: <http://welcome-ural.ru/add/785/> (дата обращения: 20.03.2019).
3. Гафуров И. Р., Васильев В. Л., Кашбиева Р. Р. Инновационные кластеры и социально-экономическое развитие регионов. Анализ методических подходов. М. : Анкил, 2012. 291 с.
4. Гуриева Л. К., Созиева З. И. Туристский кластер региона: проблемы и перспективы создания // *Региональная экономика: теория и практика*. 2009. № 22. С. 72–80.
5. Зорин А. И. Концептуальное дидактическое проектирование туристских дестинаций. М. : Советский спорт, 2012. 80 с.
6. Концепция Стратегии развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2035 года : утв. приказом Министерства инвестиций и развития Свердловской области от 17 сентября 2018 г. № 194. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550192567> (дата обращения: 20.03.2019).
7. Подобрать тур по Свердловской области // Уральский калейдоскоп : турагентство. 2019. URL: <http://www.discoverural.com/catalog.html> (дата обращения: 20.03.2019).
8. Постановление правительства Свердловской области от 24 февраля 2015 года № 111-ПП «Об утверждении комплексной программы Свердловской области «Развитие автотуристского кластера “Самоцветное кольцо Урала” до 2018 года». URL: <http://docs.cntd.ru/document/411718633> (дата обращения: 20.03.2019).
9. Стратегия развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2030 года : утв. Указом Губернатора Свердловской области от 13 февраля 2015 г. № 70-УГ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/429010098> (дата обращения: 20.03.2019).
10. Уральские самоцветы // Королевство путешествий : [сайт]. 2019. URL: <https://kingtur.ru/katalog-turov-1/korporativnyi-otdyih/uralskie-samotsvetyi/poedemte-v-murzinku> (дата обращения: 20.03.2019).
11. Федеральный закон от 26.03.1998 № 41-ФЗ (ред. от 23.05.2018) «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/#dst12 (дата обращения: 20.03.2019).
12. Mazzei L. A. *Inhabited silence in qualitative research: putting poststructural theory to work*. New York : Peter Lang, 2007. xvi, 141 p.
13. Porter M. E. *Location. Competition and Economic Development: Local Clusters in a Global Economy* // *Economic Development Quarterly*. 2000. Vol. 14, № 1. P. 15–34.

Статья поступила в редакцию: 01.07.19
Принята к публикации: 20.09.19

References

1. Baranova IS. *Kharakternye cherty razvitiya turistskoi destinatsii g. Ekaterinburg* [Characteristic Features of Yekaterinburg Development as a Tourist Destination]. In: *Nauchnyi forum: innovatsionnaya nauka [Scientific Forum: Innovative Science]: Collection of Articles Based on Proceedings of the 11th*

International Scientific and Practical Conference. Moscow: MCNO Publishing House; 2018. Vol. 2 (11). p. 14–19. (In Russ.).

2. Voroshchuk DV. Geologo-mineralogicheskii turizm kak osnova dlya prodvizheniya Sverdlovskoi oblasti (i Ural'skogo regiona v tselom) na mezhdunarodnom i rossiiskom turistichestkom rynke [Geological and Mineralogical Tourism as a Foundation of Promoting the Sverdlovsk Oblast (and the Ural Region in General) at the International and Russian Tourism Market]. *Ural Expeditions & Tours*. Website. 2009. Available from: <http://welcome-ural.ru/add/785/> [Accessed 20.03.2019]. (In Russ.).

3. Gafurov IR, Vasiliev VL, Kalbeeba RR. *Innovatsionnye klasteri i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regionov. Analiz metodicheskikh podkhodov [Innovative Clusters and Socio-Economic Development of Regions. Analysis of Method Approaches]*. Moscow: Ankyt; 2012. 291 p. (In Russ.).

4. Gurieva LK, Sozieva ZI. Turistskii klaster regiona: problemy i perspektivy sozdaniya [Region's Tourism Cluster: Problems and Prospects of Creation]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*. 2009;22: 72–80. (In Russ.).

5. Zorin AI. *Kontseptual'noe didakticheskoe proektirovanie turistskikh destinatsii [Conceptual Didactic Design of Tourist Destinations]*. Moscow: Soviet Sport; 2012. 80 p. (In Russ.).

6. Ministry of Investment and Development of the Sverdlovsk Oblast. *Kontseptsiya Strategii razvitiya vnutrennego i v"ezdnogo turizma v Sverdlovskoi oblasti na period do 2035 goda [Concept of Domestic and Inbound Tourism Development Strategy in the Sverdlovsk Oblast Until 2035]*. 17.09.2018. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/550192567> [Accessed 20.03.2019]. (In Russ.).

7. Urals Kaleidoscope: website. *Podobrat' tur po Sverdlovskoi oblasti [Selecting a Tour around the Sverdlovsk Oblast]*. 2019. Available from: <http://www.discoverural.com/catalog.html> [Accessed 20.03.2019]. (In Russ.).

8. Decree of the Government of the Sverdlovsk Oblast of February 24, 2015 No. 111-PP. *Ob utverzhdenii kompleksnoi programmy Sverdlovskoi oblasti «Razvitie avtoturistskogo klastera “Samotsvetnoe kol'tso Urala” do 2018 goda» [On approving a comprehensive program “Gem Ring of the Urals” Car Tourism Cluster Development Until 2018 in the Sverdlovsk Oblast]*. 2015. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/411718633> [Accessed 20.03.2019]. (In Russ.).

9. *Strategiya razvitiya vnutrennego i v"ezdnogo turizma v Sverdlovskoi oblasti na period do 2030 goda [Strategy of Domestic and Inbound Tourism Development in the Sverdlovsk Oblast Until 2030]*: approved by Decree of the Governor of the Sverdlovsk Oblast of February 13, 2015 No. 70-UG. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/429010098> [Accessed 20.03.2019]. (In Russ.).

10. Kingdom of Travels: website. *Ural'skie samotsvety [Ural Gems]*. 2019. Available from: <https://kingtur.ru/katalog-turov-1/korporativnyi-otdyh/uralskie-samotsvety/poedemte-v-murzinku> [Accessed 20.03.2019]. (In Russ.).

11. Federal Law of 26.03.1998 No. 41-FZ (revision of 23.05.2018). *O dragotsennykh metallakh i dragotsennykh kamnyakh [On precious metals and gems] (with amendments and additions, put into force from 01.06.2018)*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/#dst12 [Accessed 20.03.2019]. (In Russ.).

12. Mazzei LA. *Inhabited silence in qualitative research: putting poststructural theory to work*. New York: Peter Lang; 2007. xvi, 141 p.

13. Porter ME. Location. Competition and Economic Development: Local Clusters in a Global Economy. *Economic Development Quarterly*. 2000;14(1): 15–34.

Submitted 01.07.19 Accepted 20.09.19

7. Секция информационных технологий

Information Technologies

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT01
УДК 339.138:004.9

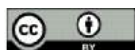
От рекламной интеграции к кобрендингу: развитие маркетинговых альянсов в цифровой среде

Александр В. Агеносов¹,
ORCID: 0000-0001-6108-1287, e-mail: aleks.agenosov@gmail.com
Наталья В. Хмелькова²,
ORCID: 0000-0002-2395-6959, e-mail: Umnichka-72@mail.ru
^{1,2} АНО ВО «Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье методологически обосновывается суть перехода от формата нативной рекламы (рекламной интеграции) к кобрендингу (альянсу брендов) с участием компаний и влиятельных лиц (лидеров мнений, инфлюенсеров), взаимодействующих в цифровой среде. Подобный переход трактуется авторами как процесс стратегического развития маркетингового сотрудничества в цифровом пространстве, поскольку кобрендинг предполагает выпуск на рынок новых продуктов и сопровождается формированием новых рынков и потребностей. Предлагается авторский подход к рассматриваемой проблеме с позиции типологии маркетинговых альянсов, базирующейся на модели комплекса маркетинга. На его основе концептуализируются отличия рекламных интеграций и кобрендинга. Обосновывается необходимость рассмотрения роли инфлюенсеров в реализации альянсов брендов с позиции теории брендинга. Выделяются различия маркетинга, основанного на рекомендации «звезд» (celebrity endorsements), и маркетинга влияния (influencer marketing). На базе предложенной методологии исследуются реальные кейсы кобрендинга в цифровой среде с участием российских и зарубежных компаний, связанные с формированием нового рынка гендерно нейтральной косметики. В заключении делается вывод о необходимости дальнейшего изучения маркетинговых альянсов в цифровом пространстве для формирования полноценной теоретико-методологической базы и накопления эмпирического материала по изучаемому вопросу.

Ключевые слова: нативная реклама, рекламная интеграция, кобрендинг, альянс брендов, влиятельное лицо (лидер мнения), инфлюенсер.

Для цитирования: Агеносов А. В., Хмелькова Н. В. От рекламной интеграции к кобрендингу: развитие маркетинговых альянсов в цифровой среде // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 453–463. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT01.

From Advertisement Integration to Co-Branding: Marketing Alliances Development in Digital Environment

Alexander V. Agenosov¹,

ORCID: 0000-0001-6108-1287, e-mail: alexs.agenosov@gmail.com

Natalya V. Khmelkova²,

ORCID: 0000-0002-2395-6959, e-mail: Umnichka-72@mail.ru

^{1,2}Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The paper provides a methodological explanation of the essence of shifting from the native advertising format (advertisement integration) to co-branding (brand alliance) involving companies and influencers (opinion leaders) that interact in the digital environment. Such a shift is interpreted by the authors as a process of strategic development of marketing cooperation in the digital environment, since co-branding involves launching new products to the market and is accompanied by creating new markets and needs. The authors propose their own approach to the issue in hand from the perspective of marketing alliance typology based on the marketing complex model. Differences between advertisement integrations and co-branding are conceptualized following this model. The need to consider influencers' role in forging brand alliances is explained from the branding theory perspective. Differences between celebrity endorsements marketing and influencer marketing are identified. The proposed methodology is applied to study actual cases of co-branding in the digital environment involving Russian and foreign companies that are associated with shaping a new market of gender-neutral cosmetics. Eventually, a conclusion is made on the need for further study of marketing alliances in the digital space to establish a comprehensive theoretical and methodology foundation and accumulate empirical material on the issue in hand.

Keywords: native advertising, advertisement integration, co-branding, brands alliance, influencer (opinion leader).

For citation: Agenosov AV, Khmelkova NV. From Advertisement Integration to Co-Branding: Marketing Alliances Development in Digital Environment. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 453–463. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-IT01.

Введение

Компании в современном информационном мире не могут реализовывать свои товары без использования цифрового маркетинга. С развитием цифрового мира он эволюционирует, расширяя сферу своего влияния и видоизменяя формы.

Важным трендом последних лет становится рост маркетинговой активности компаний в социальных сетях. Популярность социальных сетей обусловлена кардинальными изменениями в поведении потребителей. Ф. Котлер отмечает, что в цифровую эру процесс покупки товара становится все более социальным [3]. Сообщества потребителей превращаются в важный фактор формирования отношения к бренду. Для отдельных категорий покупателей, к числу которых принято относить поколение миллениалов, влияние социального окружения часто является определяющим. Одновременно снижается эффективность воздействия на потребительское поведение традиционных рекламных кампаний.

Возможный выход из сложившейся ситуации компании видят в активном использовании новых форм маркетинговых коммуникаций, реализующих потенциал цифрового маркетинга. В ряду наиболее востребованных форм цифровых коммуникаций ведущее место занимает нативная реклама или рекламная интеграция.

Суть нативной рекламы заключается в интеграции рекламной информации о товаре в уже существующий либо специально создаваемый контент (в блоге, на сайте, канале). Механизм реализации рекламной интеграции основан на взаимодействии производителей и лидеров мнений (инфлюенсеров). Блоги и аккаунты в социальных сетях в рамках рекламных интеграций выступают в качестве рекламных площадок, а производители привлекают блогеров, в наибольшей степени релевантных позиционированию их товаров.

Вместе с тем возможности и перспективы маркетингового сотрудничества компаний и лидеров мнений в цифровой среде не исчерпываются лишь сферой продвижения. Они значительно шире и распространяются за пределы формата нативной рекламы в направлении более глубокой интеграции компаний и лидеров мнений в рамках кобрендинга или альянсов брендов.

При этом если формат нативной рекламы в настоящее время рассмотрен в научной литературе достаточно подробно и изучен в значительном числе эмпирических исследований, то вопросам кобрендинга с участием брендом, присутствующих в цифровой среде, только начинает уделяться внимание. Вместе с тем такой интерес уже заметен, хотя в настоящее время можно говорить лишь об отдельных пионерных публикациях по данному вопросу. Отметим в связи с этим статью 2018 года «The Role of the Partner Brand's Social Media Power in Brand Alliances» А.-К. Купфер, Н. Палер вор дер Холт, Р. В. Кюблера, Т. Хенниг-Турау, авторы которой предлагают рассматривать сотрудничество компаний с лидерами мнений в социальных медиа с позиции концепции кобрендинга. Они также отмечают, что ключевым приоритетом в таких исследованиях должно являться изучение того, какие стратегические преимущества может получить компания от положения и влияния других брендов в социальных сетях [10, p. 25].

Мы полагаем, что подобная постановка научной проблемы имеет хорошие перспективы с точки зрения углубления существующего понимания форм маркетингового взаимодействия в цифровой среде. Вместе с тем она нуждается в соответствующем методологическом обосновании и методическом обеспечении. Необходимость решения данной задачи предопределила **цель** представленной статьи, а ее содержание отражает вклад авторов в научную дискуссию по данному вопросу. По результатам исследования можно утверждать, что формат кобрендинга в сравнении с нативной рекламой имеет более значительный стратегический потенциал, поскольку способствует появлению новых продуктов и рынков, обеспечивает формирование новых рыночных потребностей.

Методы исследования

При написании статьи авторы исходили из теории стратегических альянсов, согласно которой взаимодействия производителей и лидеров мнений в цифровой среде являются маркетинговым альянсом, поскольку

ку представляют собой относительно долговременное партнерство сторон в сфере маркетинга, предполагающее сохранение их юридической самостоятельности. В качестве методологии изучения маркетинговых альянсов применялась авторская типология, основанная на концепции комплекса маркетинга, на базе которой были концептуализированы различия форматов нативной рекламы и кобрендинга. Авторский подход предполагает фиксацию элементов системы, которые обеспечивают воспроизводство альянсов и реализацию целей их функционирования. В качестве таких элементов выступают переменные, образующие комплекс маркетинга, – продукт, цена, распределение и продвижение [8, с. 67]. Роль инфлюенсеров в кобрендинговых маркетинговых альянсах была рассмотрена авторами с позиции теории брендинга.

Результаты и обсуждение

Применение модели комплекса маркетинга для типологизации маркетинговых альянсов позволяет выделить рекламные, сбытовые, ценовые и продуктовые альянсы, или кобрендинг. В рамках авторского подхода кобрендингом является только тот маркетинговый альянс, который заключен на уровне первого элемента комплекса маркетинга. Это позволяет фиксировать ключевое отличие кобрендинга от других форм маркетинговых альянсов – наличие у партнеров общего продукта, разработанного при их совместном участии. Данный методологический подход мы применяем для обоснования сущности перехода от рекламных интеграций к кобрендингу с лидерами мнений. С позиции модели комплекса маркетинга данные формы маркетинговых альянсов имеют концептуальные различия.

Результаты проведенного сравнительного анализа по ряду критериев, важных с точки зрения понимания описываемого перехода, обобщены в таблице 1.

Рекламная интеграция представляет собой маркетинговый альянс, заключенный для целей совместного продвижения или кросс-маркетинга. Она предполагает объединение партнеров для совместного участия в общей рекламной кампании или промо-акции. Рекламную интеграцию, как было отмечено выше, также обозначают термином «нативная реклама», поскольку предполагается, что рекламируемый продукт должен быть органично вписан в контентную политику платформы (блога, сайта, канала), на котором он продвигается. При этом важно отметить, что формат рекламной интеграции не предполагает разработки нового продукта. Платформа подбирается применительно к уже существующим товарам и их целевой аудитории.

Коренным отличием кобрендинга в этом контексте является наличие специфического продукта, как правило специально разработанного исходя из целей и задач альянса. На этом аспекте кобрендинга, в частности, акцентирует внимание М. Линдстром, считающий, что «компании формируют союзы между своими брендами (или осуществляют так называемый совместный брендинг) в случае, если такое объединение необходимо для образования нового предприятия или выпуска нового продукта» [4, с. 163]. Аналогичного взгляда придерживается Д. Аакер. Он утверждает, что совместный брендинг представляет собой классический способ достижения синергизма, когда два бренда имеют возможность разделить между собой расходы и риски, связанные с разра-

боткой и производством нового товара [1, с. 356]. К. Парк, С. Джун и А. Шокер определяют кобрендинг как объединение двух или более брендов (брендов-компонентов) для производства одного уникального продукта (составного бренда) [11].

Таблица 1

**Рекламная интеграция и кобрендинг:
концептуальные различия¹**

Критерии	Рекламная интеграция (нативная реклама)	Кобрендинг с влиятельными лицами
Трактовка	Совместная рекламная кампания с влиятельным лицом (инфлюенсером)	Совместная разработка и брендинг продукта с влиятельным лицом (инфлюенсером)
Уровень взаимодействия (элемент комплекса маркетинга)	Продвижение	Продукт
Понимание роли инфлюенсера	Медианоситель	Бренд («приглашенная» марка)
Цель для компании	Получение доступа к целевой аудитории влиятельного лица (фолловерам), расширение продаж товара	Создание ценности для целевой аудитории влиятельного лица (фолловеров), развитие бренда
Характеристика продукта	Как правило, существующий продукт	Новый продукт, созданный специально под проект кобрендинга
Инструмент	Интеграция продукта в существующий или специально созданный контент влиятельного лица	Разработка продукта при участии влиятельного лица
Механизм взаимодействия	Использование влиятельного лица и его платформы для создания уникального канала продвижения товара	Использование влиятельного лица и его платформы для создания уникального товара
Логика взаимодействия	Поиск влиятельного лица «под продукт»	Поиск и разработка продукта «под влиятельное лицо»

Такое представление о кобрендинге позволяет обосновать суть его концептуальных отличий от рекламной интеграции. Во-первых, происходит переход от сотрудничества на уровне продвижения к продуктовому альянсу и трансформация цели взаимодействия. Если в первом случае, как мы отмечали ранее, речь идет о получении доступа к целевой аудитории влиятельного лица (фолловерам) и расширении продаж товара, то в случае кобрендинга возникает возможность генерирования новой уникальной ценности. Во-вторых, изменяется логика сотрудничества. В рамках рекламной интеграции под уже существующий продукт компания ищет релевантную площадку и лидера мнений. В условиях альянса брендов продукт разрабатывается «под влиятельное лицо» и при его непосредственном участии. В терминологии теории кобрендинга это означает, что компания-производитель выступает в качестве «принимающей» марки, а инфлюенсер выполняет роль «приглашенной» марки. В-третьих, коренным образом изменяется представление о самом влиятельном лице. Если в рамках рекламной интеграции он выступает как медианоситель, альтернативный традиционным СМИ, то кобрендинг требует рассмотрение инфлюенсера и его роли в реализации маркетинговой стратегии с позиции теории брендинга.

¹ Составлено авторами.

Согласно подходу К. Л. Келлера [2, с. 56, 338], потребительский капитал бренда формируется за счет первичных и вторичных ассоциаций. Источниками первичных ассоциаций выступают элементы бренда: товар, название товара, логотип, слоган, упаковка и комплекс маркетинга – стратегии использования элементов 4P для продвижения бренда. В свою очередь, источниками вторичных ассоциаций могут быть любые внешние по отношению к бренду объекты, с которых могут быть перенесены ассоциации. В рамках альянса брендов в качестве источника вторичных ассоциаций для «принимающей» марки выступает «приглашенная» марка. Для успешной интеграции вторичных ассоциаций объекта в капитал бренда необходимы следующие условия:

- знакомство потребителей с объектом;
- наличие в их сознании четких, сильных, благоприятных ассоциаций в отношении данного объекта;
- возможность интеграции ассоциаций этого объекта в капитал «принимающей» марки.

Таким образом, кобрендинг с влиятельным лицом возможен только в том случае, когда он обладает сильным персональным брендом с «наработанным» потребительским капиталом, который компания-производитель хотела бы перенести на продукт, разрабатываемый в рамках альянса, для придания ему уникальной ценности.

В связи с этим важно отметить существенные отличия в работе компаний-производителей с инфлюенсерами и селебрити (табл. 2).

Таблица 2

**«Рекомендации звезд» и «маркетинг влияния»:
сравнительный анализ²**

Критерий	«Знаменитости» (селебрити)	«Лидеры мнений» (инфлюенсеры)
Маркетинговая технология	Рекомендация «звезд» (celebrity endorsements)	Маркетинг влияния (influencer marketing)
Форма передачи сообщения о продвигаемом товаре	Формальная	Искренняя
Поведение привлекаемой целевой аудитории	Низкая вовлеченность	Высокая вовлеченность
Размер и состав привлекаемой целевой аудитории	Широкий, неселективный охват, низкая релевантность	Узкий, избирательный охват, высокая релевантность
Контент в рамках цифровой платформы	Разнонаправленный, без четкого фокуса	Узконаправленный, сфокусированный на конкретной тематике
Стратегия продвижения товара	Универсальность, «для всех»	Уникальность, аутентичность, «для избранных»
Уровень доверия со стороны целевой аудитории	Низкий	Высокий
Характер взаимодействия с целевой аудиторией	Пассивный, односторонний	Интерактивный, двусторонний

² Составлено авторами.

Несмотря на то что грань между ними в современном цифровом мире часто слабо различима и знаменитости постоянно наращивают свое присутствие в социальных сетях, маркетинг, основанный на рекомендации «звезд» (celebrity endorsements), возникший задолго до наступления эры Интернета, не тождествен маркетингу влияния (influencer marketing), который является порождением цифровой эпохи.

Как отмечают эксперты, в работе с селебрити часто трудно достигнуть уникальности и аутентичности, а значит, и доверия со стороны целевой аудитории. Часто знаменитости одновременно продвигают несколько различных товаров, что приводит к размыванию их позиционирования и невозможности формирования четкого персонального бренда. Помимо прочего, рекомендации звезд выступают «пассивной» формой традиционной рекламы, обеспечивая максимальную известность и широкий охват аудитории при относительно низких показателях ее релевантности и вовлеченности.

В свою очередь, задача инфлюенсеров заключается в том, чтобы сделать продукт компании частью своей личной персональной истории и достигнуть максимально искренних и доверительных отношений с целевой аудиторией. Важно также отметить интерактивный характер взаимоотношений инфлюенсера с подписчиками, направленный на их вовлечение в активный диалог и взаимодействие. Иными словами, маркетинг влияния, благодаря своему четкому фокусу и «нишевой» направленности, предполагает, что инфлюенсеры выходят на лояльную целевую аудиторию, адресуют ей четкий месседж, что способствует последовательному формированию их персонального бренда, наращиванию его потребительского капитала. Все это является хорошей предпосылкой для формирования альянсов брендов.

Предлагаемая нами методология и методы исследования могут быть применены для изучения реальных кейсов кобрендинга в цифровой среде. В качестве иллюстрации нами рассмотрены два примера, связанные с одним из заметных трендов, активно меняющихся в последнее время мировую индустрию красоты. Этот тренд связан с трансформацией рыночных потребностей и появлением на рынке новых продуктов, что, как мы отмечали ранее, принципиально важно для кобрендинга.

По мнению экспертов, бьюти-рынок, как и фэшн-индустрия в целом, в настоящее время переживает бум «инклюзивности», связанный с акцентом на расовом, возрастном, гендерном, весовом и ростовом разнообразии, который, в частности, сопровождается появлением гендерно нейтральной косметики, а также «boy beauty», предполагающей выпуск отдельных коллекций косметических средств для мужчин [6].

Вместе с тем, несмотря на то что компании лишь начинают осваивать этот новый для себя рынок, во многом связанный с разрушением привычных стереотипов и эксплуатацией табуированных тем, в цифровом пространстве вопрос: «Кто разбирается в косметике лучше: мужчины или женщины?» – уже давно на повестке дня. Более того, наблюдается бум популярности мужчин – бьюти-блогеров.

Российский бренд Organic Kitchen в 2018 году выпустил на рынок 30 новых продуктов в коллаборации с блогерами. По замыслу компании, рецептуру косметических средств разработали сами известные персоны Инстаграма под руководством технологов Organic Shop, воп-

лотив в жизнь собственные идеи. Для кобрендинга компания выбрала актрис, визажистов, бьюти-экспертов, дизайнеров, фотографов, журналистов [7]. Наряду с женщинами в число участников проекта вошел и Сергей Остриков, «позиционирующий» как первый русскоязычный мужчина – бьюти-блогер, трендсеттер, совершивший несколько лет назад прорыв в отечественной блогосфере. На протяжении восьми лет он ведет свой бьюти-блог и считается авторитетным экспертом в данной области. В медийном пространстве он активно продвигает идеи гендерной нейтральности макияжа и популяризирует использование мужчинами косметики и средств по уходу. На его страницу в Инстаграме на момент написания статьи было подписано 41,4 тыс. человек. При его участии была выпущена косметическая маска ULTRAMASK. Рецепт продукта был разработан с учетом особенностей кожи самого блогера, который принял участие и в создании дизайна упаковки. В ней, как и в названии продукта (от слова «ультрамарин»), доминирует синий цвет, что отражает увлечение Сергея творчеством художника Ива Кляйна.

За рубежом безусловным лидером тренда на разрушение гендерных стереотипов является марка профессиональной косметики M.A.C Cosmetics, сформулировавшая новую философию бренда: «Косметика для всех возрастов, полов и рас». В рамках данной концепции были выпущены лимитированные линии косметики с участием знаменитостей. Лицами бренда стали женщина-трансгендер Кейтлин Дженнер и братья Гарри и Питер Бранты. При участии братьев Брант компания запустила первую линию косметики Brant Brothers, предназначенную для мужчин.

В конце 2017 года стало известно о первом опыте сотрудничества бренда с блогерами [9]. В качестве партнера для кобрендинга был выбран Патрик Старр – профессиональный визажист и звезда YouTube, размещающий на своем канале уроки макияжа. В медийном пространстве блогер предстает в образе эпатажной транс-дивы, который является его фирменным стилем и отражением личной философии «Бьюти для всех». На его канал на YouTube на момент написания статьи было подписано более 4,4 миллиона человек, а на страницу в Инстаграме – 4,7 миллиона человек. Сотрудничество продолжалось в течение 2018 года. В его рамках было выпущено пять сезонных коллекций декоративной косметики (из них две рождественские) [5], включающих помаду, тени, блеск для губ, пудру, состав и дизайн которых транслировали предпочтения самого блогера. В частности, его любовь к ярким цветам, блеску и гламуру.

Таким образом, важно подчеркнуть, что в обоих рассмотренных нами примерах были наглядно реализованы описанные выше методологические особенности альянсов брендов с влиятельными лицами. В частности, для проекта кобрендинга специально разрабатывались новые продукты, которые носили максимально персонифицированный характер и полностью отражали личность инфлюенсера.

Заключение

В целях дальнейшего развития предложенных в статье подходов следует отметить, что цифровые технологии меняют маркетинг. Без присутствия в цифровом пространстве производителям трудно оставаться актуальными и востребованными в условиях трансформации моделей потребительского поведения. Уникальный потребительский опыт и комьюнити в социальных сетях повышают уровень доверия к бренду, становятся важными факторами принятия решения о покупке и формирования потребительской лояльности.

Компании активно включаются в «цифровую гонку». Использование цифрового маркетинга превращается в мейнстрим. В этих условиях особую важность приобретает поиск таких форм цифрового маркетинга, которые позволили бы производителям максимально эффективно взаимодействовать с целевой аудиторией, опираясь на потенциал, заложенный в информационных технологиях.

Сотрудничество с влиятельными лицами в рамках формата «нативной рекламы» позволяет успешно решать данную проблему. Компании испытывают интерес к данной форме маркетинговых коммуникаций. Вместе с тем, одновременно наблюдается развитие маркетинговых альянсов производителей и лидеров мнений за пределы хорошо изученного формата рекламной интеграции в направлении расширения сотрудничества сторон и выхода на уровень разработки и продвижения совместных продуктов (кобрендинга).

Совместный брендинг имеет важные концептуальные отличия от рекламных интеграций и позволяет не только решать задачи продвижения уже существующих товаров, но и формировать новые рыночные тренды и потребительские стереотипы, драйверами и проводниками которых выступают влиятельные лица.

Примеры рекламных интеграций и кейсы кобрендинга, в том числе рассмотренные в данной статье, нуждаются в дальнейшем детальном изучении, что будет способствовать формированию полноценной теоретико-методологической базы и накоплению эмпирического материала для формирования успешных маркетинговых альянсов в цифровой среде.

Информация об авторах

Александр Васильевич Агеносов, кандидат технических наук, доцент, факультет компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет (г. Екатеринбург, Россия).

Наталья Владимировна Хмелькова, доктор экономических наук, доцент, факультет компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Alexander V. Agenosov, Cand. Sci. (Engineering), Associate Professor, Department of Computer Technologies, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Natalya V. Khmelkova, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Computer Technologies, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Аакер Д. А. Создание сильных брендов. М. : Изд. дом Гребенникова, 2003. 340 с.
2. Келлер К. Л. Стратегический бренд-менеджмент: создание, оценка и управление марочным капиталом. М. : Вильямс, 2005. 704 с.
3. Котлер Ф. Маркетинг 4.0. От традиционного к digital // STGY.DGTL. 10.06.2018. URL: <https://stgy.digital/marketing-4-0-kotler-summary/> (дата обращения: 09.06.2019).
4. Линдстром М. Чувство бренда. Воздействие на пять органов чувств для создания выдающихся брендов : пер. с англ. М. : Эксмо, 2006. 271 с.
5. MAC анонсировали рождественскую коллекцию макияжа от Патрика Старрра // Fancy-journal. 16.11.2018. URL: <https://fancy-journal.com/news/beauty-news/24428-mac-anonsirovali-rozhdestvenskuyu-kollektsiyu-makiyazha-ot-patrika-starrra> (дата обращения: 09.06.2019).
6. Сенина А. 3 тренда, изменивших бьюти-индустрию в 2018 году // Buro247. 02.09.2018. URL: <https://www.buro247.ru/news/beauty/2-sep-2018-trend-beauty-industry-key-changes.html> (дата обращения: 09.06.2019).
7. Совместная коллекция Organic Kitchen и блогеров // Elle.ru. 24.07.2018. URL: <https://www.elle.ru/krasota/novosty/sovmejnaya-kollekciya-organic-kitchen-i-bloggerov-id6789121/> (дата обращения: 09.06.2019).
8. Хмелькова Н. В. Теоретико-методологические основы ко-брендинга. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. 324 с.
9. Чурай М. Мужчина beauty-блогер стал лицом известного косметического бренда // Clutch. 07.11.2018. URL: <https://clutch.ua/style/krasota/muzhchina-beauty-blogger-stal-licom-izvestnogo-kosmeticheskogo-brenda> (дата обращения: 09.06.2019).
10. Kupfer A.-K., Pahler vor der Holte N., Kubler R. V., Hennig-Thurau Th. The Role of the Partner Brand's Social Media Power in Brand Alliances // Journal of Marketing. 2018. Vol. 82 (May). P. 25–44.
11. Park C. W., Jun S. Y., Shocker A. D. Composite Branding Alliances: An Investigation of Extension and Feedback Effects // Journal of Marketing Research. 1996. Vol. 33. November. P. 453–466.

Статья поступила в редакцию: 21.06.19
Принята к публикации: 12.08.19

References

1. Aaker DA. *Sozdanie sil'nykh brendov [Creating Powerful Brands]*. Moscow: Grebennikov Publishing House; 2003. 340 p. (In Russ.).
2. Keller KL. *Strategicheskii brend-menedzhment: sozdanie, otsenka i upravlenie marochnym kapitalom [Strategic Brand Management. Building, Measuring, and Managing Brand Equity]*. Moscow: Vil'yams; 2005. 704 p. (In Russ.).
3. Kotler Ph. Marketing 4.0. Ot traditsionnogo k digital [Marketing 4.0: Moving from Traditional to Digital]. *STGY.DGTL*. Weblog. 10.06.2018. Available from: <https://stgy.digital/marketing-4-0-kotler-summary/> [Accessed 09.06.2019]. (In Russ.).
4. Lindstrom M. *Chuvstvo brenda. Vozdeistvie na pyat' organov chuvstv dlya sozdaniya vydayushchikhsya brendov [Brand Sense: Build Powerful Brands through Touch, Taste, Smell, Sight, and Sound]*. Moscow: Eksmo; 2006. 271 p. (In Russ.).
5. Fancy-journal: website. *MAC anonsirovali rozhdestvenskuyu kolleksiю makiyazha ot Patrika Starrra [MAC Announces a Christmas Makeup Collection by Patrick Starrr]*. 16.11.2018. Available from: <https://fancy-journal.com/news/beauty-news/24428-mac-anonsirovali-rozhdestvenskuyu-kollektsiyu-makiyazha-ot-patrika-starrra> [Accessed 09.06.2019]. (In Russ.).
6. Senina A. 3 trenda, izmenivshikh b'utyi-industriyu v 2018 godu [3 Trends That Changed Beauty Industry in 2018]. *Buro247*. Website. 02.09.2018. Available

from: <https://www.buro247.ru/news/beauty/2-sep-2018-trend-beauty-industry-key-changes.html> [Accessed 09.06.2019]. (In Russ.).

7. Elle.ru: website. *Sovmestnaya kolleksiya Organic Kitchen i blogerov [Joint Collection by Organic Kitchen and Bloggers]*. 24.07.2018. Available from: <https://www.elle.ru/krasota/novosty/sovmejnaya-kollekciya-organic-kitchen-i-bloggerov-id6789121/> [Accessed 09.06.2019]. (In Russ.).

8. Khmelkova NV. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy ko-brendinga [Theoretical and Methodology Foundations of Co-Branding]*. Yekaterinburg: University for Humanities; 2013. 324 p. (In Russ.).

9. Churai M. Muzhchina beauty-blogger stal litsom izvestnogo kosmeticheskogo brenda [Male Beauty Blogger Becomes Face of Famous Makeup Brand]. *Clutch*. Website. 07.11.2018. Available from: <https://clutch.ua/style/krasota/muzhchina-beauty-blogger-stal-licom-izvestnogo-kosmeticheskogo-brenda> [Accessed 09.06.2019]. (In Russ.).

10. Kupfer A-K, Pahler vor der Holte N, Kubler RV, Hennig-Thurau T. The Role of the Partner Brand's Social Media Power in Brand Alliances. *Journal of Marketing*. 2018;82(May): 25–44.

11. Park CW, Jun SY, Shocker AD. Composite Branding Alliances: An Investigation of Extension and Feedback Effects. *Journal of Marketing Research*. 1996; 33(November): 453–466.

Submitted 21.06.19 Accepted 12.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT02
УДК 316.77:004.77

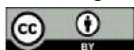
Цифровизация и ее воздействие на политическое медиапространство: теоретический аспект

Екатерина Г. Грибовод,
ФГБУН Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-1192-5952, e-mail: gribovod_kate@bk.ru

Аннотация. Процесс цифровизации как новая теоретическая рамка для изучения экономических, социальных, политических практик активно присутствует в научном дискурсе, однако концептуальная природа цифровизации недостаточно разработана. В статье проводится анализ феномена цифровизации как с позиции теоретического осмысления влияния цифровых и новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на различные социальные институты и процессы, так и с позиции выявления и классификации методологических подходов, существующих в гуманитарном дискурсе, интерпретирующих процесс цифровизации политического медиапространства. Предпринята попытка определения основных этапов формирования политического медиапространства, выделены ключевые массмедийные инструменты на каждом этапе. В данном исследовании выделяется технократический, дискурсивный и кратологический подходы, позволяющие выявить особенности цифровой трансформации политического медиапространства. В условиях формирования цифрового общества политическое медиапространство, с одной стороны, рассматривается как инструмент «мягкой силы», а с другой стороны – как совокупность информационных ресурсов, массмедийных институтов, каналов, сетей, формирующих определенную информационную инфраструктуру страны, региона, города.

Ключевые слова: цифровизация, медиатизация, медиапространство, политическое медиапространство, цифровое общество.

Для цитирования: Грибовод Е. Г. Цифровизация и ее воздействие на политическое медиапространство: теоретический аспект // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 464–471. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT02.

Digitization and its Impact on Political Media Space: Theoretical Aspect

Ekaterina G. Gribovod,
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-1192-5952, e-mail: gribovod_kate@bk.ru

Abstract. The process of digitization as the new theoretical framework for studying economic, social and political practices is actively applied in the academic discourse, yet the conceptual nature of digitization is not sufficiently studied. The paper analyzes the digitization phenomenon both from the perspective of theoretical comprehension of the impact of digital and novel information and communication technologies (ICT) on various social institutions and processes, and from the perspective of identifying and classifying methodology approaches that exist in the humanities discourse and interpret the process of political media space digitization. An attempt is made to define the main stages of the political media space formation; key mass media tools are identified at each stage. The research identifies the technocratic, discursive and cratological approaches making it possible to identify the features of political media space's digital transformation. Under conditions of digital society emergence, the political media space is considered to be, on the one hand, a "soft power" instrument and on the other hand, a combination of information resources, mass media institutions, channels and networks building a certain information infrastructure of a country, a region, a city.

Keywords: digitization, mediatization, media space, political media space, digital society.

For citation: Gribovod EG. Digitization and its Impact on Political Media Space: Theoretical Aspect. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 464–471. Available from: doi: 10.35853/UH-RMP-2019-IT02.

Введение

В настоящее время технологические изменения предопределили вектор исследований цифровых гуманитарных наук. Феномен цифровизации, или цифровой трансформации, активно изучается в разных научных плоскостях: как социально-политическое (цифровое правительство, цифровая дипломатия и пр.), социально-экономическое (цифровая экономика, умный город и др.) явление, так и как культурный, философский, технический, правовой феномены и др. В статье мы опираемся на более традиционное определение цифровизации как процесса преобразования информации из аналогового (письменной, физической и прочее) в цифровой формат [7; 10]. Данное исследование посвящено рассмотрению феномена цифровизации в целом и его влиянию на политическое медиапространство в частности. Появление и быстрое развитие новых форм СМИ функционально меняют привычный ландшафт политического медиапространства. Современные массмедийные и цифровые технологии являются не просто ресурсом цифровой трансформации общества, а формируют определенную среду, конкурирующую за активную аудиторию с традиционным медиапространством.

Методы исследования

В рамках поставленной цели исследования применяются общенаучные методы, а именно: анализ, сравнение, обобщение. Кроме того, к числу основных методов относятся: категориальный анализ, дискурсивный, кратологический, технократический и концептуальный подходы. Стоит отдельно отметить, что в статье применен системный анализ, позволивший выявить технологический и коммуникационный потенциалы процесса цифровизации, направленного на трансформацию и преобразование ключевых сфер и отдельных элементов социальных институтов.

Результаты и обсуждение

Ракурсы исследования процесса цифровизации в научном дискурсе

В основном интерес отечественных исследователей сконцентрирован на изучении цифровизации экономических процессов в России [6; 10]. Разработка стратегии цифровой экономики, моделирование рисков и последствий внедрения инноваций и информационно-коммуникационных технологий неразрывно связаны с множеством параллельных процессов. Стоит выделить как кадровое и правовое обеспечение процесса цифровизации экономики, так и техническое сопровождение, внедрение программных продуктов и их обслуживание.

Наравне с цифровизацией экономики данный процесс активно проникает в систему образования [8; 15]. Разработка электронной информационно-образовательной среды в высших учебных заведениях, дистанционное обучение и виртуальная академическая мобильность за счет различных образовательных проектов по типу MOOC (massive open online course), например Открытое образование, Coursera и др., а также внедрение цифровых и информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс – важный этап реализации концепции Образование 4.0. В сфере массмедиа процесс цифровизации достаточно четко прослеживается с появлением новых медиа, а именно социальных сетей, мессенджеров, смартфонов и других гаджетов.

Стоит отметить, что в сфере государственных услуг, как и в политике в целом, происходит цифровая трансформация властных структур и институтов, в первую очередь затрагивающая именно сектор предоставления муниципальных и государственных услуг населению. Ряд исследователей фиксируют переход от электронного правительства к цифровому [5; 1]. Также среди концептов, которые присутствуют в политическом дискурсе и описывают процесс цифровизации политики и сферы государственного и муниципального управления, стоит выделить понятия «кибергосударство», «государство как платформа» [2].

Цифровая трансформация социальных институтов приводит к изменению понимания и оценки границ физического пространства. В научный оборот вводятся понятия, интерпретирующие новые формы пространств, например «киберпространство», «виртуальное пространство», «сетевое пространство» и прочие. Несмотря на абстрактные, философские конструкты «пространство», «технология», «информация», данные концепты формируют широкий смысловой каркас исследовательского поля, затрагивающий разные грани взаимодействия власти и массовых коммуникаций.

Теоретический аспект исследования цифровизации политического медиапространства

Медиатизация политических, социальных, правовых процессов и институтов приводит к формированию определенной коммуникативной среды – медиапространства. Следовательно, оцифровывание указанных процессов с помощью новых массмедиа выводит медиапространство на качественно новый уровень. Несмотря на обширный тезаурус дефиниций категории «медиапространство» и исследований, посвященных интерпретации данного феномена, стоит выделить ряд научных работ. Н. Коулдри и А. Маккарти рассматривают медиапространство как многомерный, диалектический феномен и междисциплинарную концепцию, изучающую взаимосвязь пространства и массмедиа [14]. И. М. Дзялошинский классифицирует методологические парадигмы, описывающие медиапространство в отечественной и зарубежных научных работах [4]. Исследование Е. Г. Ним затрагивает теоретико-методологические аспекты теории медиапространства [9]. Ф. И. Шарков определяет медиапространство как «часть социального пространства», выявляя тенденцию «визуализации политического медиапространства» [11]. Отметим, что в статье мы опираемся на определение политического медиапространства как «виртуального политического пространства существования и функционирования дискурсов, конструируемых с помощью медиатехнологий, медиаинструментов, символов средств массовой коммуникации (СМК), и которое рассматривается как компонент информационной стратегии страны или региона» [3, с. 10].

Политическое медиапространство трансформировалось по мере появления новых форм массовой коммуникации и изменений в социальных коммуникативных практиках. Первый этап конструирования политического медиапространства связан с появлением печатных СМИ. Подчеркнем, что технологии, которые транслировали и передавали информацию, были важным инструментом формирования медиапространства и его аудитории. Благодаря изобретению паровоза впервые местные газеты смогли расширить аудиторию и получить межрегиональный статус [12, р. 84]. На следующем этапе конструирование политического медиапространства стало возможным с помощью электронных средств массовой коммуникации и аналоговых массмедиа (телеграф, радио, телевидение). Границы пространства начинают расширяться, захватывая новые аудитории, приобретая глобальный статус, переходя к узконаправленному вещанию и коммуникации политических акторов с аудиторией. Новый этап формирования медиапространства связывают с появлением и внедрением цифровых технологий и цифровизации сферы массмедиа. Появление цифровых и новых информационно-коммуникационных технологий и продуктов, например смартфонов, мессенджеров, приложений по определению местоположения (мобильные карты) и др., изменило способ ощущения, распознавания и использования пространства. Кроме того, в академическом дискурсе изменения в понимании и ощущении пространства, в том числе политического медиапространства, связывают с такими этапами, как развитие доцифровых электронных медиа и цифровых медиа [13].

Современные исследования цифровизации политического медиапространства опираются на следующие теоретико-методологические подходы.

С позиции технократического подхода политическое медиапространство конструируется с помощью новых информационно-коммуникационных технологий и новых медиа (мессенджеров, социальных сетей и др.). Традиционные характеристики (границы, протяженность, плотность и т. д.), присущие концепту «пространство», нивелируются. На смену физическому (реальному, осязаемому) приходит виртуальное пространство, обладающее отличительными чертами сетевой среды, социальной сети, а именно мобильностью, конвергентностью, интероперабельностью и прочее. Новые формы организации социума (например, флешмоб, умная толпа) [16], формирование которых стало возможным с помощью современных средств связи (сотовые телефоны, мобильная связь, планшеты и другие гаджеты и новые технологии), можно отнести к последствиям цифровизации политического медиапространства. Отметим, что цифровое политическое медиaproстранство может существовать одновременно с традиционным медиапространством, являясь информационной калькой или дубликатом.

В рамках дискурсивного подхода процесс цифровизации позволяет создавать и сохранять политическое медиапространство с помощью интернет-дискурса, визуального дискурса (инсталляции, перформансы и др.), мемов и прочего. Данный подход акцентирует внимание на структуре, компонентах и содержании политического медиапространства, формируемого как совокупность различных политических текстов, презентаций, ритуалов, видео-, фото-, аудиоконтента и др.

Стоит отдельно выделить кратологический подход, который позволяет исследовать политическое медиапространство как инструмент мягкой силы политического актора в цифровом обществе. Цифровая трансформация архитектуры международных отношений, направленность на цифровую дипломатию смещают акцент в сторону символической оценки политического медиапространства. Медиадискурсы, технологии постправды, фрейминга, установки повестки дня, прайминга становятся важными мягкими инструментами конструирования политического ландшафта национального киберпространства. Оперативное реагирование на информационные угрозы и вызовы зависит от эффективности и результативности национальных информационных инфраструктур.

Таким образом, изучение научных работ отечественных и зарубежных авторов показывает, что единого понимания цифровизации и цифровизации политического медиапространства в научном дискурсе еще не сформировано, анализ и оценка преимуществ и рисков данного феномена рассмотрены крайне фрагментарно. В связи с появлением цифрового общества как элемента глобального медиапространства вопрос определения границ и содержания медиапространства приобретает междисциплинарность. В связи с цифровизацией многих социальных процессов политическое медиапространство трансформируется как на уровне содержания (дискурсов), так и на технологическом уровне (инфраструктуры и принципов коммуникации и управления).

Заключение

Ландшафт политического медиапространства изменяется вслед за глобализацией и медиатизацией. В контексте цифровой трансформации политическое медиапространство можно рассматривать как информационно-коммуникативный и символический ресурс политического актора, а также как техническую информационную инфраструктуру, включающую традиционные СМИ и новые медиа. Несмотря на то что традиционные СМИ остаются важными инструментами конструирования медиапространства, мобильный поворот и переход к цифровому обществу заставляют исследователя искать эффективную теорию, способную проанализировать процессы и механизмы, а также возможности и вызовы данного типа социума. Цифровое неравенство, низкая цифровая грамотность населения, обеспечение безопасности персональных данных, информационные войны – все эти вопросы приобретают актуальность в связи с цифровизацией социально-политических процессов. Процесс цифровизации как новая теоретическая концепция всецело учитывается исследователями социально-политических и экономических процессов, однако концептуальная природа цифровизации требует дополнительного изучения и анализа.

Информация об авторе

Екатерина Григорьевна Грибовод, кандидат политических наук, младший научный сотрудник отдела философии, ФГБУН Институт философии и права Уро РАН (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Ekaterina G. Gribovod, Cand. Sci. (Political Science), Junior Researcher, Philosophy Section, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Архипова З. В. Трансформация «электронного правительства» в «цифровое правительство» // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26, № 5. С. 818–824. DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(5).818-824.
2. Волкова О. А., Титова М. В. Кибергосударство Российская Федерация. Цифровая трансформация методом платформенного управления // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 6 (32). С. 66–73.
3. Грибовод Е. Г. Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург : УрФУ, 2017. 21 с.
4. Дзялошинский И. М. Категория медиапространства в зарубежных и российских исследованиях // Российские исследования массмедиа и журналистики в международном контексте : сб. ст. / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2013. 200 с.
5. Косоруков А. А. Цифровое правительство в практике современного государственного управления (на примере Российской Федерации) // Тренды и управление. 2017. № 4. С. 81–96.
6. Махалин В. Н., Махалина О. М. Управление вызовами и угрозами в цифровой экономике России // Управление. 2018. № 2 (20). С. 57–60.
7. Моисеева А. А. Условия и последствия диджитализации современного общества: социально-экономический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 216–226.

8. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107–113.
9. Ним Е. Г. Медиапространство: основные направления исследований // Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 14. С. 31–41.
10. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118). С. 46–63.
11. Шарков Ф. И. Визуализация политического медиапространства // ПОЛИС. Политические исследования. 2016. № 5. С. 97–107. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.08>.
12. Bunz M. The Silent Revolution: How Digitalization Transforms Knowledge, Work, Journalism and Politics Without Making Too Much Noise. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. 160 p. DOI: 10.1057/9781137373502.
13. Einav G. (ed.). The New World of Transitioned: Digital Realignment and Industry Transformation. Springer International Publishing Switzerland, 2015. 151 p.
14. Mediaspace: Place, Scale and Culture in a Media Age / N. Couldry, A. McCarthy (eds.). London : New York : Routledge, 2004. 303 p.
15. Otto D. Using Virtual Mobility and Digital Storytelling in Blended Learning: Analysing Students' Experiences // Turkish Online Journal of Distance Education. 2018. Vol. 19, no. 4. P. 90–103. DOI: 10.17718/tojde.471657.
16. Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. New York : Harper Perennial, 1994. VIII, 335 p.

Статья поступила в редакцию: 11.07.19
Принята к публикации: 12.08.19

References

1. Arkhipova ZV. Transformatsiya «elektronnogo pravitel'stva» v «tsifrovoe pravitel'stvo» [E-Government Transformation into Digital Government]. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Baikal State University News*. 2016;26(5): 818–824. Available from: doi:10.17150/2500-2759.2016.26(5).818-824. (In Russ.).
2. Volkova OA, Titova MV. Kibergosudarstvo Rossiiskaya Federatsiya. Tsifrovaya transformatsiya metodom platformennogo upravleniya [Cyber Space of the Russian Federation. Digital Transformation Through Platform Management Method]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economy: Development and Improvement Prospects*. 2018;6(32): 66–73. (In Russ.).
3. Gribovod EG. *Mediatizatsiya politiki kak institutsional'no-kommunikativnyi protsess i informatsionno-strategicheskii resurs [Mediatization of Politics as an Institutional and Communicative Process and an Informational and Strategic Resource]: author's summary of PhD Thesis in Political Science*. Yekaterinburg: Ural Federal University; 2017. 21 p. (In Russ.).
4. Dzyaloshinsky IM. Kategoriya mediaprostranstva v zarubezhnykh i rossiiskikh issledovaniyakh [Media Space Category in Foreign and Russian Research]. In: Korkonosenko SG. (ed.) *Rossiiskie issledovaniya massmedia i zhurnalistiki v mezhdunarodnom kontekste [Russian Research of Mass Media and Journalism in the International Context]: Collection of Articles*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2013. 200 p. (In Russ.).
5. Kosorukov AA. Tsifrovoe pravitel'stvo v praktike sovremennogo gosudarstvennogo upravleniya (na primere Rossiiskoi Federatsii) [Digital Government in Practice of Contemporary Public Administration (Case Study of the Russian Federation)]. *Trendy i upravlenie = Trends and Management*. 2017;4: 81–96. (In Russ.).

6. Makhalin VN, Makhalina OM. Upravlenie vyzovami i ugrozami v tsifrovoi ekonomike Rossii [Managing Challenges and Threats in Russia's Digital Economy]. *Upravlenie = Management*. 2018;2(20): 57–60. (In Russ.).

7. Moiseeva AA. Usloviya i posledstviya didzhitalizatsii sovremennogo obshchestva: sotsial'no-ekonomicheskii analiz [Conditions and Effects of Contemporary Society's Digitization: Social and Economic Analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2017;39: 216–226. (In Russ.).

8. Nikulina TV, Starichenko EB. Informatizatsiya i tsifrovizatsiya obrazovaniya: ponyatiya, tekhnologii, upravlenie [Educational Informatization and Digitization: Notions, Technologies, Management]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*. 2018;8: 107–113. (In Russ.).

9. Nim EG. Mediaprostranstvo: osnovnye napravleniya issledovaniya [Media Space: Main Research Dimensions]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast' = Business. Society. Power*. 2013;14: 31–41. (In Russ.).

10. Khalin VG, Chernova GV. Tsifrovizatsiya i ee vliyanie na rossiiskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski [Digitization and its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management Consulting*. 2018;10(118): 46–63. (In Russ.).

11. Sharkov FI. Vizualizatsiya politicheskogo mediaprostranstva [Visualization of Political Media Space]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya = POLIS. Political Studies*. 2016;5: 97–107. Available from: doi:10.17976/jpps/2016.05.08. (In Russ.).

12. Bunz M. *The Silent Revolution: How Digitalization Transforms Knowledge, Work, Journalism and Politics Without Making Too Much Noise*. Basingstoke: Palgrave Macmillan; 2014. 160 p. Available from: doi:10.1057/9781137373502.

13. Einav G. (ed.) *The New World of Transitioned: Digital Realignment and Industry Transformation*. Springer International Publishing Switzerland; 2015. 151 p.

14. Couldry N, McCarthy A. (eds.) *Mediaspace: Place, Scale and Culture in a Media Age*. London: Routledge; 2004. 303 p.

15. Otto D. Using Virtual Mobility and Digital Storytelling in Blended Learning: Analysing Students' Experiences. *Turkish Online Journal of Distance Education*. 2018;19(4): 90–103. Available from: doi:10.17718/tojde.471657.

16. Rheingold H. *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. New York: Harper Perennial; 1994. viii, 335 p.

Submitted 11.07.19 Accepted 12.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT03
УДК 37:004.5

Цифровые технологии в образовании: история, проблемы и возможности

Дарья М. Ковба,

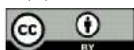
Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-2048-0967, e-mail: daria_kovba@mail.ru

Аннотация. Повсеместное распространение цифровых технологий затронуло и систему образования. Школам и вузам стало жизненно необходимо реорганизовать себя и эффективно использовать новые технологии. Вместе с тем этот процесс сопряжен с рядом трудностей. Данная статья посвящена исследованию влияния цифровых технологий на образовательный процесс. В ней рассмотрены два основных вопроса: 1) каковы особенности изменения образовательного процесса под влиянием технологий и основные этапы его эволюции; 2) какие возможности и проблемы существуют в связи с активным внедрением в сферу образования цифровых технологий. Методологическую основу исследования составил комплекс методов (анализ, синтез и другие) и подходов (системный, концептуальный и дискурсивный). Выделены три периода технологической интеграции: 1) доцифровой, 2) внедрение персональных компьютеров, 3) эпоха сети Интернет; проанализирована их специфика. Установлено, что с внедрением каждой новой технологии завышенные социальные ожидания не всегда оправдывались. Фактическое использование устройств было низким, а преподаватели не в полной мере овладевали новыми инструментами. Описанные в статье технологические изменения привели к формированию разрывов поколений и смене философско-педагогических подходов, причем на сегодняшний день приобретает популярность коннективизм. Установлено, что, несмотря на ряд возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями в образовании (гибкость, инклюзивность и персонализация), возникает ряд проблем (неравенства, конфиденциальности, безопасности), а также сложностей технического и социально-психологического характера. Делается вывод о том, что фигура преподавателя пока не может уйти в прошлое, а цифровые технологии лучше всего использовать в качестве дополнения к нормальному обучению, а не в качестве его замены.

Ключевые слова: цифровые технологии, образование, подходы к образованию, цифровой разрыв, коннективизм.

Для цитирования: Ковба Д. М. Цифровые технологии в образовании: история, проблемы и возможности // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 472–480. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT03.

© Д. М. Ковба, 2019

Digital Technologies in Education: History, Problems and Opportunities

Darya M. Kovba,

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-2048-0967, e-mail: daria_kovba@mail.ru

Abstract. The universal expansion of digital technologies had an impact on the educational system, too. Schools and higher education institutions have a vital need to reorganize themselves and apply new technologies efficiently. At the same time, this process entails a number of challenges. This paper is devoted to studying the influence of digital technologies on the educational process. It dwells on two main issues: 1) what the features of educational process changes under the influence of technologies and the main stages of its evolution are; 2) what opportunities and problems are generated by active implementation of digital technologies in education. The methodology foundation of the research is comprised of a series of methods (analysis, synthesis and more) and approaches (systemic, conceptual and discursive). Three periods of technological integration are identified: 1) pre-digital, 2) implementation of personal computers, 3) Internet era; their specific features are analyzed. It is established that inflated social expectations were not always met with the implementation of each new technology. Actual use of devices was low, while teachers did not fully master the new tools. Technological changes outlined in the paper led to generation gaps and a change of philosophical and pedagogical approaches, whereas connectivism is gaining popularity nowadays. It is established that despite a number of opportunities provided by digital technologies in education (flexibility, inclusion and personalization), a series of problems emerges (inequality, confidentiality, safety), as well as some technical and socio-psychological challenges. A conclusion is made that the teacher's figure cannot yet become a thing of the past and digital technologies are best used as a supplement to regular learning, not its replacement.

Keywords: digital technologies, education, approaches to education, digital divide, connectivism.

For citation: Kovba DM. Digital Technologies in Education: History, Problems and Opportunities. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 472–480. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-IT03.

Введение

Внедрение в образовательные учреждения тех или иных видов цифровых технологий представляет собой общемировую тенденцию. В условиях быстрого развития информационной сферы, повышения мобильности многих сфер общественной жизни задача цифровизации образовательной системы оказывается весьма актуальной. Образование в XXI веке призвано сочетать традиционные педагогические приемы и методы с новыми, основанными на применении современных технологий с целью формирования у школьников и студентов необходимых знаний, умений и навыков. Переживаемый этап развития общества ставит перед образовательными учреждениями ряд проблем, среди которых можно выделить необходимость постоянного повышения качества образовательных услуг, их доступности и актуализации учебных программ. Предполагается, что одним из действенных способов их

решения является внедрение цифровых технологий, которые позволяют сформировать качественно новую образовательную среду.

Высокую степень актуальности проблематики цифровизации образовательной среды подтверждает большое количество исследований, связанных освещением того или иного аспекта данной темы как в российской, так и в мировой науке. В отечественной науке поднимаются как общие проблемы использования цифровых технологий в учебных заведениях [3; 1; 2], так и более узкие, специальные вопросы (виды программного обеспечения, роботизация в образовании, игровые интерактивные технологии обучения, внедрение программирования в школьные программы и многие другие) (см., например, журнал «Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия «Информационные компьютерные технологии в образовании»). Дискурсивное поле англоязычных источников составляют такие понятия, как «цифровой разрыв» [7], «цифровая эволюция», «цифровые аборигены» и «цифровые мигранты» [11, p. 2], электронное обучение и образование (*e-Learning*, *e-education*), «Образование 3.0» [13]. Несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию данной проблематики, до сих пор не сложилось единства мнений как по поводу оценки этапов внедрения цифровых технологий, так и относительно их влияния на образовательную среду. Таким образом, данная статья посвящена исследованию цифровых технологий и их роли в образовательном процессе. В ней будут рассмотрены два основных вопроса:

1. Каковы особенности изменения образовательного процесса под влиянием цифровых технологий и основные этапы его эволюции?

2. Какие возможности и проблемы существуют в связи с активным внедрением в сферу образования цифровых технологий?

Данное исследование опирается на достаточно большой массив работ, преимущественно англоязычный: исследование значения цифровых технологий для образовательных учреждений [12]; анализ роли компьютерных технологий в образовании с опорой на риторику цифрового разрыва [14]; изучение последствий внедрения электронных курсов в университетские программы [9]; исследование истории внедрения информационных технологий в образовательную сферу [6]; анализ вызовов и возможностей, возникающих благодаря внедрению новых технологий в школы и вузы [4]; исследование требований, предъявляемых к образовательной системе [8]; анализ повышения эффективности учебы благодаря внедрению портативных мобильных устройств [10]; исследование, определяющее эффективную степень внедрения цифровых технологий в образовательный процесс [5]; выделение различных образовательных парадигм в зависимости от изменения используемых технологий [13].

Методы исследования

При написании статьи использовался ряд методов и подходов. Методологическую основу исследования составил системный подход, позволивший сосредоточиться на поиске целостных характеристик изучаемого предмета и построить многоуровневую структуру анализа цифровых технологий в образовании. При помощи концептуального подхода раскрывается ряд понятий, связанных с цифровизацией образо-

вательной системы. Благодаря применению дискурсивного подхода появилась возможность сконцентрировать внимание на концептосфере цифрового образовательного пространства и выявить существующие там тренды. Анализ позволил выделить отдельные этапы, особенности и проблемы внедрения цифровых технологий в образование, а синтез полученных сведений сделал возможным обобщение различных подходов к проблеме.

Результаты и обсуждение

Словосочетанием «цифровые технологии» в данной статье обозначаются многофункциональные устройства с подключением к сети Интернет, так как сам термин «цифровой» отсылает к цифрам «0» и «1», являющимся основой Всемирной паутины. Сегодня широко распространено признание того, что с помощью такого оборудования и программ можно изменить способ организации, динамику и структуру учебного процесса школьников и студентов. Анализ источников показал, что появление новых технологий, в том числе цифровых, и внедрение их в образовательный процесс каждый раз сопровождалось ожиданием революции в преподавании.

Можно выделить три периода технологической интеграции: доцифровой, внедрение персональных компьютеров и эпоха сети Интернет [6, р. 1].

В *доцифровой период* (1890–1970 гг.) началось использование телевидения, радио и кино в образовании. Однако революции не произошло: степень внедрения этих трех технологий оказалась довольно низкой. Инструменты были дорогостоящими, технически сложными, а учителя не чувствовали себя уверенными, когда использовали их. Исследования показали, что качество обучения также значительно не улучшилось [6, р. 2]. Тем не менее существовало два положительных последствия: 1) появились дополнительные возможности визуализации знаний. Например, если ранее учащиеся могли лишь прочесть об извержении вулканов, то фильмы предоставляли им возможность увидеть этот процесс; 2) начало развиваться дистанционное обучение. Если раньше оно представляло собой прохождение заочных тестов, которое не сопровождалось взаимодействием ученика и учителя, то с появлением двусторонней радиосвязи такая возможность появилась.

В 1980-х годах настольные компьютеры на Западе стали достаточно доступными, и ими стали оснащать учебные классы в школах. Начался *период персональных компьютеров (ПК)*. Как и на предыдущем этапе, в общественном мнении существовала уверенность в их положительном воздействии на обучающихся. Можно выделить две цели, на которые было направлено внедрение ПК: 1) обеспечение технической грамотности и подготовка школьников и студентов к будущей успешной работе, что соответствовало снижению доли неквалифицированного ручного труда и увеличению наукоемких отраслей; 2) повышение эффективности образовательного процесса благодаря использованию ПК. Положительным следствием этого периода стало увеличение инструментария педагогов: с внедрением компьютеров появилась возможность использовать широкий спектр обучающих программ, электронных и справочных материалов, тестовых заданий. В то же время стал намечаться «*цифровой разрыв*» – многоуровневое и многомерное явление

ние, связанное с социальным неравенством на глобальном, национальном и индивидуальном уровнях [14, p. 117]. Школы в неблагополучных или отдаленных районах не смогли обеспечить учащимся такой же уровень доступа к компьютерам, как в более богатых районах. Кроме того, учителя нередко сами не до конца осваивали новые устройства, а большая часть программного обеспечения не предназначалась для использования в образовательных целях.

С 1990-х гг. начался *период распространения сети Интернет*. Первоначально ресурсы были статичными (Web 1.0), но с начала 2000-х гг. контент стал динамичным, появилась возможность взаимодействия пользователей и рецензирования контента (Web 2.0). Для образовательной системы важными достижениями оказались облегченный поиск материала с использованием слов-подсказок, распространение энциклопедических материалов (например, Википедии), социальное взаимодействие (онлайн-группы и чаты, видеоконференции), внедрение интерактивных досок. С 2007 г. мощьность смартфонов и планшетных устройств изменили способ доступа к контенту. В некоторых странах начала внедряться практика использования персональных мобильных устройств школьниками и студентами – «*Bring Your Own Digital Device*» [10, p. 64]. В вузах поощрялось использование чатов, онлайн-ресурсов, внедрялись потоковые групповые видео, совместная сетевая работа, групповая авторизация, что значительно продвинуло доступность дистанционных курсов. За последние несколько лет онлайн-площадки превратились в массовые онлайн-курсы с возможностью одновременной работы нескольких тысяч студентов. В то же время исследования выявили улучшение эффективности образования в результате внедрения цифровых технологий лишь на 12 % [6, p. 7].

Таким образом, с каждой новой технологией социальные ожидания были очень высокими, но они не всегда оправдывались. Фактическое использование устройств в классах и аудиториях было низким, а преподаватели не в полной мере овладевали новыми инструментами.

Описанные выше технологические изменения привели к формированию разрывов поколений и смене образовательных подходов. В настоящее время системой образования руководят люди *поколения X* (родившиеся с 1946-го по 1965 г.) и *поколения Y* (1981–1995 гг.). Они находятся в процессе «социализации», приспособления к современным цифровым технологиям, в отличие от своих детей, представителей *поколения Z* (родившихся после 1995 г.), которые активно осваивают эти технологии уже в процессе взросления [12, p. 8]. Людей, родившихся до 1965 г., называют «цифровыми мигрантами», а позже – «цифровыми аборигенами» или «технически подкованными» [11, p. 1]. Данные концепты породили многочисленные дебаты в СМИ: представители одного лагеря скорбят об утраченных навыках критического мышления, отмечают гуманитарный регресс школьников и студентов и настаивают на ограничении использования цифровых технологий в образовании; представители другого лагеря утверждают, что современные школьники и студенты обладают принципиально новыми возможностями и способностями, поэтому необходима перестройка образовательного процесса [1, с. 46]. Новый образовательный подход обозначается терминами *коннективизм* (философско-педагогические подходы раскрыты в

Таблице) и *Образование 3.0* [2, с. 66; 13], предполагающие ориентацию на ученика и активное использование цифровых инструментов.

Таблица

Философско-педагогические подходы*

Подход	Особенности подхода	Методы
Бихевиоризм	ориентация на преподавателя; обучающийся пассивен; использование внешнего стимула – положительного подкрепления	лекция, повторения, заучивание материала, тестовые задания
Когнитивизм	ориентация на преподавателя; обучающийся не пассивен, он активно исследует окружающий мир	лекция, визуальные инструменты (ментальные карты, графики для улучшения запоминания информации), тестовые задания и эссе
Конструктивизм	ориентация на обучающегося; опора учащегося на личный (внутренний) опыт, активность и проявление социальных навыков в образовательном процессе	групповая работа учащихся, самостоятельная учеба, основанная на получении личного опыта, получение экспертной оценки
Коннектевизм	ориентация на обучающегося; самостоятельное обучение в Сети; преподаватель не предоставляет материала	самостоятельный поиск информации, обмен информацией и источниками, совместное производство знаний

* Источники: [6; 12].

Кроме формирования самостоятельности обучающегося, внедрение цифровых технологий в образование способствует следующим положительным изменениям:

- возможности *персонализации* учебных курсов [9, р. 18];
- увеличению *гибкости* образовательного процесса, позволяющей студентам сочетать учебу в школе, колледже и на дому;
- повышению *инклюзивности* – способности справиться с проблемами инвалидности учащихся (физической, эмоциональной, когнитивной), логистики (проживание вдали от места обучения) и некоторыми другими [8, р. 3].

В то же время внедрение цифровых технологий обнажило ряд сложностей и проблем:

- 1) низкую уверенность преподавателей при использовании новых типов технологий, усугубляющуюся растущим разнообразием последних [3, с. 128]; консерватизм преподавателей [12, р. 9];
- 2) несоответствие знаний, умений и навыков выпускников требованиям, предъявляемым рынком, что связано с более медленным внедрением цифровых технологий в учебные учреждения, по сравнению с коммерческими компаниями.
- 3) технологические проблемы (доступ к Wi-Fi, увеличение числа розеток и др.);
- 4) пагубное воздействие на здоровье, вызванное постоянным использованием компьютерных технологий, особенно у младших школьников [5, р. 9];

5) проблему неравенства (так, в случае с политикой «Bring Your Own Digital Device», не все учащиеся имеют современные мобильные устройства) и «цифрового разрыва»;

6) отсутствие убедительных доказательств повышения качества образования в результате его цифровизации и формирования новых умений, которыми обладают современные молодые люди в сравнении с доцифровым поколением [1, с. 47];

7) проблемы конфиденциальности и электронной безопасности [12, р. 14].

Заключение

Таким образом, несмотря на чрезвычайно высокую оценку обществом цифровых технологий, усилившую давление на школы и вузы с целью скорейшей интеграции этих технологий в образовательный процесс, не произошло ожидаемых кардинальных, революционных преобразований. Важность использования цифровых технологий в образовании давно доказана, и нет сомнений в том, что они привлекают молодых людей, поэтому самые главные вопросы сегодня – это то, насколько хорошо они используются, насколько согласуются с учебной программой, насколько продуманы и эффективны. Завоевывающий все большую популярность коннективизм имеет целый ряд положительных качеств: ориентацию на ученика, обеспечение его высокой мотивацией, новизну, воспитание самостоятельности, обеспечение гибкости и включенности. Однако, несмотря на возможность автоматизации образования, фигура преподавателя продолжает играть огромную роль в обеспечении эффективности образовательного процесса. Цифровые технологии больше не являются чем-то из ряда вон выходящим, и учащиеся ожидают встречи с ними в школе, вузе и в дальнейшем на работе, но для того, чтобы эти технологии оказались действительно полезными, предстоит решить целый ряд технических, социальных и психологических проблем.

Информация об авторе

Дарья Михайловна Ковба, кандидат политических наук, младший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Darya M. Kovba, Cand. Sci. (Political Science), Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Игнатова Н. Ю. Образование в цифровую эпоху : монография. Нижний Тагил : НТИ (филиал) УрФУ, 2017. 128 с. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/54216/1/978-5-9544-0083-0_2017.pdf (дата обращения: 15.06.2019).

2. Калимуллина О. В., Троценко И. В. Современные цифровые образовательные инструменты и цифровая компетентность: анализ существующих проблем и тенденций // Открытое образование. 2018. № 3. С. 61–73. DOI: <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2018-3-61-73>

3. Карабельская И. В. Использование цифровых технологий в образовательном процессе высшей школы // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия : Экономика. 2017. № 1. С. 127–131.

4. Endrizzi L. Digital Technologies in Higher Education: Challenges and Opportunities // Dossier de veille de l'IFE. 2012. Vol. 78 (October). URL: <http://>

perso.ens-lyon.fr/laure.endrizzi/wp-content/uploads/2013/10/DA-Endrizzi-78-october-2012-digital-technologies-in-HE.pdf (дата обращения: 20.06.2019).

5. Higgins S., Xiao Z., Katsipataki M. The Impact of Digital Technology on Learning: A Summary for the Education Endowment Foundation. 2012. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/d26b/b59f2536107b57f242b8289b1eb6f51d8765.pdf?_ga=2.150349878.1824352888.1561623503-242479478.1561623503 (дата обращения: 15.06.2019).

6. Howard S., Mozejko A. Considering the history of digital technologies in education // Henderson M., Romero G. (Eds.). Teaching and Digital Technologies: Big Issues and Critical Questions. Port Melbourne : Cambridge University Press; 2015. p. 157–168. URL: <https://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=2830&context=sspapers> (дата обращения: 20.06.2019).

7. Kim S. H., Bagaka J. The Digital Divide in Students' Usage of Technology Tools: A Multilevel Analysis of the Role of Teacher Practices and Classroom Characteristics // Contemporary Issues in Technology and Teacher Education. 2005. Vol. 5, № 3–4. P. 318–329.

8. Laurillard D. Digital technologies and their role in achieving our ambitions for education. UCL IOE Press, 2008. 40 p.

9. Mudrak M. Personalized e-course implementation in university environment // International Journal of Information and Communication Technologies in Education. 2018. № 7. P. 17–29. DOI: <https://doi.org/10.2478/ijicte-2018-0006>.

10. Newhouse C. P., Cooper M., Pagram J. Bring Your Own Digital Device in Teacher Education // Journal of Digital Learning in Teacher Education. 2015. Vol. 31, №2. Pp. 64–72. DOI: <https://doi.org/10.1080/21532974.2015.1011292>.

11. Prensky M. Digital natives, digital immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9, № 5. P. 1–6.

12. Trevor M. Digital Technologies and Implications for Education in 21st Century Digital technologies: Implications for educational organizations and settings in the twenty-first century // Educational Futures. 2016. № 7. P. 5–25.

13. Watson W. R., Watson S. L., Reigeluth C. M. Education 3.0: breaking the mold with technology // Interactive Learning Environments. 2013. Vol. 23, № 3. P. 332–343. DOI: <https://doi.org/10.1080/10494820.2013.764322>.

14. Yilmaz C., Albayrak M. Information Technologies, Computer Use and Digital Divide in Education // Toplumve Demokrasi. 2008. № 3. P. 113–122.

Статья поступила в редакцию: 01.07.19
Принята к публикации: 12.08.19

References

1. Ignatova NY. *Obrazovanie v tsifrovuyu epokhu [Education in the Digital Era]*. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil Institute (Branch) of Ural Federal University; 2017. 128 p. Available from: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/54216/1/978-5-9544-0083-0_2017.pdf [Accessed 15.06.2019]. (In Russ.).

2. Kalimullina OV, Trotsenko IV. Sovremennye tsifrovye obrazovatel'nye instrumenty i tsifrovaya kompetentnost': analiz sushchestvuyushchikh problem i tendentsii [Contemporary Digital Education Tools and Digital Competence: Analysis of Existing Problems and Trends]. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2018;3: 61–73. Available from: doi:10.21686/1818-4243-2018-3-61-73 (In Russ.).

3. Karabelskaya IV. Ispol'zovanie tsifrovyykh tekhnologii v obrazovatel'nom protsesse vysshei shkoly [Digital Technologies Application in College Education Process]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya : Ekonomika = Ufa State Petroleum Technical University Bulletin. Science, Education, Economics. Series: Economics*. 2017;1: 127–131. (In Russ.).

4. Endrizzi L. Digital Technologies in Higher Education: Challenges and Opportunities. *Dossier de veille de l'IFE*. 2012;78(October). Available from: <http://>

perso.ens-lyon.fr/laure.endrizzi/wp-content/uploads/2013/10/DA-Endrizzi-78-october-2012-digital-technologies-in-HE.pdf [Accessed 20.06.2019].

5. Higgins S, Xiao Z, Katsipataki M. *The Impact of Digital Technology on Learning: A Summary for the Education Endowment Foundation*. 2012. Available from: https://pdfs.semanticscholar.org/d26b/b59f2536107b57f242b8289b1eb6f51d8765.pdf?_ga=2.150349878.1824352888.1561623503-242479478.1561623503 [Accessed 15.06.2019].

6. Howard S, Mozejko A. Considering the history of digital technologies in education. In: Henderson M, Romero G. (eds.) *Teaching and Digital Technologies: Big Issues and Critical Questions*. Port Melbourne: Cambridge University Press; 2015. p. 157–168. Available from: <https://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=2830&context=sspapers> [Accessed 20.06.2019].

7. Kim SH, Bagaka J. The Digital Divide in Students' Usage of Technology Tools: A Multilevel Analysis of the Role of Teacher Practices and Classroom Characteristics. *Contemporary Issues in Technology and Teacher Education*. 2005;3-4: 318–329.

8. Laurillard D. *Digital technologies and their role in achieving our ambitions for education*. UCL IOE Press; 2008. 40 p.

9. Mudrak M. Personalized e-course implementation in university environment. *International Journal of Information and Communication Technologies in Education*. 2018;7: 17–29. Available from: doi:10.2478/ijicte-2018-0006.

10. Newhouse CP, Cooper M, Pagram J. Bring Your Own Digital Device in Teacher Education. *Journal of Digital Learning in Teacher Education*. 2015;31(2): 64–72. Available from: doi:10.1080/21532974.2015.1011292.

11. Prensky M. Digital natives, digital immigrants. *On the Horizon*. 2001;9(5): 1–6.

12. Trevor M. Digital Technologies and Implications for Education in 21st Century Digital technologies: Implications for educational organizations and settings in the twenty-first century. *Educational Futures*. 2016;7: 5–25.

13. Watson WR, Watson SL, Reigeluth CM. Education 3.0: breaking the mold with technology. *Interactive Learning Environments*. 2013;23(3): 332–343. Available from: doi:10.1080/10494820.2013.764322.

14. Yilmaz C, Albayrak M. Information Technologies, Computer Use and Digital Divide in Education. *Toplumve Demokrasi*. 2008;3: 113–122.

Submitted 01.07.19 Accepted 12.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT04
УДК 005:004.45

Использование ERP-систем для эффективного управления бизнесом

Татьяна Ф. Шитова,
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-3613-8541, e-mail: shitovatat@yandex.ru

Аннотация. Область применения современных ERP-систем довольно разнообразна. Сегодня их успешно используют как в сфере производства материальных ценностей, так и в сферах оказания услуг, выполнения работ. Учет специфики деятельности бизнеса имеет принципиальное значение при выборе программного обеспечения, которое позволит автоматизировать деятельность каждого структурного подразделения организации и предприятия в целом. Проблема выбора и внедрения современных ERP-систем для управления бизнесом требует проведения детального анализа с целью выявления преимуществ и недостатков их применения, а также определения экономических выгод от использования информационно-аналитической системы. При проведении исследования мы опирались на методы экономического и сравнительного анализа, использовали системный подход. Основной целью исследования являлся поиск аргументов, доказывающих целесообразность приобретения ERP-системы. В статье приводятся данные исследования, содержащие информацию об экономических выгодах, которые может получить предприятие после внедрения ERP-системы. По мнению автора статьи, использование современной информационно-аналитической системы позволяет решать одну из важнейших задач – повысить надежность и управляемость бизнеса при помощи современных информационных технологий, что особенно важно в условиях усложняющихся процедур управления предприятием.

Ключевые слова: 1С:ERP Управление предприятием 2.

Для цитирования: Шитова Т. Ф. Использование ERP-систем для эффективного управления бизнесом // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 481–489. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT04.

ERP Systems Application for Efficient Business Management

Tatyana F. Shitova,
Ural Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-3613-8541, e-mail: shitovatat@yandex.ru

Abstract. Contemporary ERP systems have various applications. Today, they are successfully used both in material value adding areas and in services rendering / work performance areas. Taking into account the business' specific features is crucial for selection of software that will automate the activities of each organizational structural unit and the enterprise as a whole. The task of selecting and implementing contemporary ERP systems for business management requires conducting detailed analysis to identify the advantages and drawbacks of their application, as well as determine economic benefits from application of this information and analytical system. In this research, we relied on methods of economic and comparative analysis and used a systemic approach. The main purpose of research is finding arguments proving the practical value of purchasing an ERP system. The paper presents this research containing information on economic benefits that an enterprise could gain after ERP system implementation. According to the author, using a contemporary information and analytical system makes it possible to solve one of the most important tasks – improve business reliability and controllability through application of contemporary information technologies, which is particularly relevant as enterprise management procedures are growing ever more complicated.

Keywords: 1С:ERP Enterprise Management 2.

For citation: Shitova TF. ERP Systems Application for Efficient Business Management. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 481–489. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-IT04.

Введение

Современный этап развития мировой экономики характеризуется усилением кризисных явлений. Принятие импровизационных и интуитивных решений постепенно сменяется принятием взвешенных и обоснованных управленческих решений. Наличие большого количества различных факторов, влияние которых необходимо правильно оценить, заставляет собственников бизнеса использовать современные информационные технологии.

Статья посвящена проблеме выбора и внедрения ERP-систем для эффективного управления финансовыми, материальными, трудовыми и т. д. ресурсами предприятия. В ней рассматриваются вопросы использования ERP-систем для успешного управления бизнесом, экономические выгоды, получаемые предприятием при эксплуатации систем комплексного управления предприятием.

В настоящее время ERP-системы являются эффективным инструментом для успешного ведения бизнеса. С их помощью осуществляются поиск и принятие взвешенных управленческих решений.

ERP-системы SAP, «1С:ERP Управление предприятием 2», Oracle, Microsoft Dynamics, Галактика и др. содержат большой набор справочников, документов, отчетов, позволяющих эффективно решать многочисленные управленческие задачи [11, р. 249].

Проведенный нами анализ популярности информационных систем управления предприятием показал, что наибольшей востребованностью в России последние 10 лет пользуются ERP-системы немецкой компании SAP и российской фирмы «1С» [5; 6; 7]. Функциональные возможности данных систем позволяют решать целый спектр различных задач, в числе которых выступают и задачи управления финансовыми, трудовыми, материальными и другими ресурсами предприятия. С помощью ERP-систем можно эффективно управлять производственными процессами, закупками, продажами, материальными запасами; осуществлять управление взаимоотношениями с сотрудниками и партнерами; выполнять операции планирования и контроля денежных средств; параллельно вести несколько различных видов учета (управленческий, кадровый, бухгалтерский, налоговый и т. д.).

Несмотря на колоссальные возможности информационных систем управления, в нашей стране они только-только начинают приобретать значение действенных помощников управленческого персонала. Причины данного явления существует несколько. Перечислим некоторые из них, являющиеся на сегодняшний день, с нашей точки зрения, наиболее типичными для российской реальности.

1. Сохранение техноцентричного подхода, ориентированного на управление сверху – вниз.
2. Высокая стоимость ERP-систем¹.
3. Необходимость дополнительных финансовых вложений, связанных с обновлением и поддержкой ERP-системы.
4. Отсутствие навыков работы с современными информационно-аналитическими системами, необходимость обучения работе с ними управленческого персонала, а также рядовых сотрудников предприятия.

Методы исследования

Системный подход, методы экономического и сравнительного анализа.

Результаты и обсуждение

Проблема выбора ERP-системы не потеряет своей актуальности до тех пор, пока на рынке программного софта не появится монополист, программный продукт которого будет использоваться подавляющим количеством пользователей. На данный момент ситуация такова. Немецкой компании SAP принадлежит практически половина рынка программного софта информационных систем управления предприятием, и данная тенденция сохраняется в течение длительного периода времени [10, с. 131]. Российская фирма «1С» занимает вторую строку данного рейтинга, ей принадлежит чуть больше 30 % рынка. Программным

¹ Цена российской ERP-системы «1С:ERP Управление предприятием 2» на сегодняшний день составляет 360 000 рублей, версия ПРОФ – 696 000 руб., «1С:ERP Управление предприятием 2. Корпоративная поставка» – 2 298 000 руб. Стоимость SAP превышает стоимость «1С:ERP Управление предприятием 2» в несколько раз.

продуктам Microsoft, Галактика, Oracle и др. в совокупности принадлежит менее 20 %.

При выборе ERP-системы руководители предприятий принимают во внимание не только показатель цена – качество, но и способность программы «подстроиться» под особенности деятельности предприятия. Немаловажное значение имеют и сроки внедрения. Самым широким набором инструментов для проведения учетных и аналитических процедур располагает программный продукт компании SAP, но стоимость немецкой ERP-системы многократно превышает стоимость программных продуктов фирмы «1С», и сроки внедрения российской ERP-системы, как минимум, в 2 раза меньше².

В настоящее время основные споры ведутся не о том, стоит или не стоит приобретать информационно-аналитическую систему для управления бизнесом, а о том, какой из них отдать предпочтение, как правильно расставить приоритеты между параметрами: набор функциональных возможностей, цена программного продукта, сроки внедрения.

Информационно-аналитические системы SAP, «1С:ERP Управление предприятием 2» («1С:ERP УП 2»), Галактика и др. позволяют эффективно решать задачи управления бизнесом, повышения его прозрачности; осуществлять учет и контроль материальных и нематериальных потоков; минимизировать затраты; снижать себестоимость. Благодаря широкому спектру разнообразных инструментов, они позволяют проводить детальный анализ финансовых и нефинансовых показателей. Информация, хранящаяся в учетных регистрах системы, отвечает требованиям актуальности, полезности, полноты, непротиворечивости, сопоставимости. Это позволяет руководителям различных уровней использовать информационную систему в качестве эффективного инструмента в процессе поиска правильных управленческих решений.

В ERP-системе все данные хранятся в единой информационной базе, что способствует оперативному поиску необходимых данных и быстрому реагированию управленческого персонала на происходящие изменения, а также выработке управленческих решений на основе актуальной и достоверной информации. В ERP-системы заложены механизмы интеграции структурных подразделений, благодаря чему управленческий персонал получает возможность контролировать и координировать работу каждого центра финансовой ответственности и каждого структурного подразделения как в штатной, так и в критической ситуации [9, с. 1008].

Для успешного развития бизнеса, повышения конкурентоспособности предприятия, своевременного и адекватного реагирования на многочисленные угрозы руководитель компании должен опираться не только на высококвалифицированный персонал, способный предложить оптимальные пути решения проблемы, но и на информационные технологии, содержащие аналитические инструменты, позволяющие оценить последствия принятия каждого варианта решения.

² Срок внедрения российской ERP-системы «1С:ERP Управление предприятием 2» составляет менее полугода, а срок внедрения и адаптации программы SAP занимает от 6 до 12 месяцев.

Проблема «живучести» в России техноцентричного подхода в управлении связана, в том числе, и с тем, что зачастую руководство предприятия не использует ИТ-технологии, позволяющие осуществить выбор наиболее оптимального варианта решения проблемы из нескольких имеющихся. Опасение совершить ошибку при принятии управленческого решения заставляет руководителя оставлять без внимания предложения по решению проблемных ситуаций, поступающие от подчиненных, и полагаться на собственные знания, опыт и интуицию. Между тем использование информационно-аналитических систем, таких как SAP и «1С:ERP Управление предприятием 2», позволяет взвесить все «за» и «против» каждого варианта решения проблемы, оценить риски и принять взвешенное и обоснованное решение [2, с. 56].

С каждым годом круг решаемых управленческих задач расширяется, при этом актуализируется проблема эффективности затрат, связанных со сбором и обработкой данных [8]. Еще более острой становится проблема их хранения, поскольку объемы информации, поступающей из различных источников, стремительно возрастают. Возможностей центральных информационных хранилищ данных уже становится недостаточно, появляется необходимость использования операционных баз и витрин данных.

Использование информационно-аналитических систем позволяет эффективно решать указанные проблемы за счет интеграции системы с другими хранилищами данных, а также ее собственных возможностей хранения больших массивов данных.

Минимизация затрат на сбор и обработку данных о событиях финансово-экономической деятельности предприятия в ERP-системах достигается однократным вводом и автоматическим распределением этих данных по различным учетным регистрам. Благодаря такому принципу добавления новых данных в систему, имеется возможность параллельного ведения нескольких видов учета (управленческого, регламентированного, международного и т. д.) без дополнительных трудозатрат и финансовых вложений.

Использование ERP-систем позволяет получить целостное представление о деятельности предприятия, его бизнес-процессах, ключевых ресурсах, оценить влияние внешних и внутренних факторов, потенциальных рисков.

Продемонстрируем возможности ERP-систем на примере «1С:ERP Управление предприятием 2».

Прежде всего отметим, что данная информационно-аналитическая система содержит подсистему «Финансовый результат и контроллинг», позволяющую вести управленческий учет в полном соответствии с законодательством Российской Федерации и отвечающую всем требованиям пользователя системы. Последнее достигается благодаря возможности настраивать систему и адаптировать ее применительно к конкретному предприятию с учетом особенностей его деятельности. Также подсистема «Финансовый результат и контроллинг» содержит инструменты для финансового планирования и бюджетирования [1, с. 8]. Отчеты данной подсистемы позволяют проводить анализ планов и бюджетов, контролировать их исполнение.

Система «1С:ERP УП 2» позволяет проводить планирование ресурсов на стратегическом, тактическом и оперативном уровнях, осу-

ществлять проверку планов на исполнимость. Если на каком-то уровне исполнения плана выявляется дефицит ключевого ресурса (производственных мощностей, материальных запасов, узкоквалифицированных специалистов и т. д.), то планы можно пересмотреть и откорректировать [3, с. 112].

Одной из приоритетных задач управленческого учета является сопоставление плановых показателей с фактическими [4, с. 372]. Отчеты, входящие в состав системы «1С:ERP Управление предприятием 2», позволяют управленческому персоналу предприятия получить доступ к управленческой информации в соответствии с их должностными обязанностями и разграничением прав доступа к конфиденциальным данным. На основе этих данных они могут осуществлять полноценный анализ деятельности центров финансовой ответственности и компании в целом.

К управленческой информации сегодня предъявляются очень высокие требования. Механизмы, заложенные в систему «1С:ERP УП 2», в полной мере соответствуют этим требованиям. Благодаря им управленческая информация обладает следующими качествами:

- сопоставимостью с бухгалтерской информацией;
- рентабельностью³;
- краткостью и полезностью (достигается за счет возможности вывода информации в удобном для анализа и восприятия виде⁴);
- достаточностью (обеспечивается за счет возможности системы хранить большие массивы данных, что позволяет аккумулировать любую информацию, необходимую руководителю компании и менеджерам);
- актуальностью (достигается за счет наличия в системе регистров сведений, позволяющих хранить данные с привязкой к дате и времени). Пользователь системы может легко получать нужную информацию на любую дату, которая будет достоверной и полной.

Среди приоритетных задач управленческого учета стоит назвать обеспечение доступа управленческого персонала к полной и непротиворечивой информации. Для ее успешного решения необходимо выполнить следующие требования:

- организовать хранилище данных, содержащее исчерпывающую информацию обо всех событиях финансово-экономической деятельности предприятия;
- разграничить права доступа к управленческой информации в зависимости от характера исполняемых обязанностей руководителя каждого уровня.

Решение данной задачи позволит:

- осуществлять непрерывный контроль деятельности каждого структурного подразделения и центра финансовой ответственности

³ В «1С:ERP УП 2» пользователь системы тратит минимум времени на ввод и обработку данных. Это стало возможным за счет того, что большая часть данных, используемых в управленческом учете, берется из регистров бухгалтерского учета.

⁴ Рентабельность информации реализована в «1С:ERP УП 2» с помощью отчетов, которые формируются на основе данных учетных регистров [9, с. 1018]. Причем отчеты, предназначенные для управленческого персонала, можно формировать с высокой степенью детализации, в тех аналитических разрезах, которые требуются управленцу [4, с. 85].

предприятия, анализировать результаты их работы как в текущем месяце, так и на протяжении нескольких периодов;

- анализировать рентабельность производства, выполнять оценку существующих и новых направлений выпуска продукции (оказания услуг, выполнения работ), осуществлять расчет их себестоимости;
- минимизировать издержки;
- осуществлять учет материальных и нематериальных ресурсов предприятия;
- контролировать величину доходов и расходов предприятия;
- отслеживать соответствие фактических данных плановым показателям;
- контролировать финансовый результат деятельности предприятия.

Современные ERP-системы успешно справляются со всеми перечисленными выше задачами. Помимо стандартных отчетов, представляющих информацию в удобном для анализа и восприятия виде, в системе «1С:ERP Управление предприятием 2» содержится специальный инструмент «Монитор целевых показателей», который пользователь настраивает самостоятельно в зависимости от того, состояние каких показателей ему необходимо держать на особом контроле. При этом он может выбрать вид отображаемых данных: текстовый или/и графический. Кроме того, для данных, отображаемых на мониторе целевых показателей, можно получить подробное описание.

Приведем усредненные данные экономического эффекта от внедрения системы управления предприятием фирмы «1С», сообщенные 30 января 2018 г. генеральным директором фирмы «1С» Б. Г. Нуралиевым на Пленарном заседании XVIII МНПК «Новые информационные технологии в образовании»:

- снижение материальных расходов на 12 %;
- уменьшение запасов материалов на 20 %;
- сокращение издержек производства на 20 %;
- увеличение объема выпуска продукции на 29 %, уменьшение ее себестоимости на 8 %;
- уменьшение трудозатрат персонала на 35 %;
- сокращение сроков исполнения обязательств перед клиентами на 26 %;
- увеличение прибыли на 14 %;
- ускорение процесса формирования управленческой и регламентированной отчетности более чем в 3 раза.

Выводы

На основании вышесказанного можно прийти к заключению о том, что использование ERP-систем позволяет повысить качество управления бизнесом, улучшить координацию и интеграцию управленческого персонала различных уровней, создать эффективно действующую систему обеспечения руководителей актуальной информацией.

Информация об авторе

Татьяна Федоровна Шитова, кандидат социологических наук, доцент Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Tatyana F. Shitova, Cand. Sci. (Social Science), Associate Professor, Ural Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Бобровников А. Э. Финансовое планирование и бюджетирование. М. : ООО «1С-Паблишинг», 2018. 313 с. (Серия «1С:Академия ERP»).
2. Власова Л. Г. Концепция прикладного решения «1С:ERP Управление предприятием 2» М. : ООО «1С-Паблишинг», 2016. 134 с.
3. Гартвич А. В. Планирование закупок, производства и продаж в «1С:Предприятия 8». М. : ООО «1С-Паблишинг» : Изд. дом «Питер», 2006. 160 с.
4. Нечеухина Н. С., Шитова Т. Ф., Полозова Н. А. Контроллинг как система информационно-аналитической поддержки принятия управленческих решений // Экономика и промышленная политика: теория и инструментарий : монография. СПб. : Санкт-Петерб. политехн. ун-т Петра Великого, 2014. С. 370–399.
5. Попсулин С. «1С» и SAP укрепили позиции на рынке ERP-систем в России // CNews. 24.06.2016. URL: http://www.cnews.ru/news/top/2016-06-24_sap_i_1s_ukrepili_pozitsii_na_rynke_korporativnogo (дата обращения: 23.05.2019).
6. Российский рынок ERP-систем // Integral. 31.08.2016. URL: <http://integral-russia.ru/2016/08/31/rossijskij-rynok-erp-sistem/> (дата обращения: 23.05.2019).
7. Современные ERP-системы на российском рынке: сравнительный обзор // Integral. 23.01.2018. URL: <http://integral-russia.ru/2018/01/23/sovremennye-erp-sistemy-na-rossijskom-rynke-sravnitelnyj-obzor/> (дата обращения: 23.05.2019).
8. Толкач В. Контроллинг – немецкая идея, получившая международное признание // Управление производством. 05.06.2011. URL: http://www.up-pro.ru/library/management_accounting/controlling/kontrolling-tolkach.html (дата обращения: 17.05.2019).
9. Шитова Т. Ф. Ведение контроллинга с помощью информационно-аналитической системы «1С:ERP Управление предприятием 2» // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21, № 9. С. 1007–1023.
10. Шитова Т. Ф. Управление деятельностью предприятия с помощью современных информационных систем // Вопросы управления. 2018. № 6 (36). С. 128–134.
11. Necheuhina N. S., Gagarina N. M., Shitova T. F., Mukhanova N. V. Information technologies of controlling as a factor of innovative development of telecommunication companies // International conference “Quality Management, Transport and information technologies”. Saint-Petersburg, Russia, 24–30 September 2017. Saint-Petersburg : ETU “LETI”, 2017. P. 244–251.

*Статья поступила в редакцию: 20.06.19
Принята к публикации: 12.08.19*

References

1. Bobrovnikov AE. *Finansovoe planirovanie i byudzhetrovanie [Financial Planning and Budgeting]*. Moscow: 1C-Publishing LLC; 2018. 313 p. (In Russ.).
2. Vlasova LG. *Kontsepsiya prikladnogo resheniya «1S:ERP Upravlenie predpriyatiem 2» [Concept of 1C:ERP Enterprise Management 2 Applied Solution]*. Moscow: 1C-Publishing LLC; 2016. 134 p. (In Russ.).
3. Hartwich AV. *Planirovanie zakupok, proizvodstva i prodazh v «1S:Predpriyatii 8» [Planning of Purchasing, Manufacturing and Sales in 1C: Enterprise 8]*. Moscow: 1C-Publishing LLC; 2006. 160 p. (In Russ.).
4. Necheuhina NS, Shitova TF, Polozova NA. Kontrolling kak sistema informatsionno-analiticheskoi podderzhki prinyatiya upravlencheskikh reshenii [Controlling as a System of Information and Analytical Support for Management Decision-Making]. In: *Ekonomika i promyshlennaya politika: teoriya i instrumentarii [Economics and Industrial Policy: Theory and Toolbox]*. Saint Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; 2014. p. 370–399. (In Russ.).
5. Popsulin S. «1S» i SAP ukrepili pozitsii na rynke ERP-sistem v Rossii [1C and SAP Reinforced their Positions in Russian Market of ERP Systems]. *CNews*. Website. 24.06.2016. Available from: http://www.cnews.ru/news/top/2016-06-24_sap_i_1s_ukrepili_pozitsii_na_rynke_korporativnogo [Accessed 23.05.2019]. (In Russ.).
6. Integral: website. *Rossiiskii rynek ERP-sistem [Russian Market of ERP Systems]*. 31.08.2016. Available from: <http://integral-russia.ru/2016/08/31/rossijskij-rynok-erp-sistem/> [Accessed 23.05.2019]. (In Russ.).
7. Integral: website. *Sovremennye ERP-sistemy na rossiiskom rynke: sravnitel'nyi obzor [Contemporary ERP Systems in Russian Market: Comparative Review]*. 23.01.2018. Available from: <http://integral-russia.ru/2018/01/23/sovremennye-erp-sistemy-na-rossijskom-rynke-sravnitelnyj-obzor/> [Accessed 23.05.2019]. (In Russ.).
8. Tolkach V. Kontrolling – nemetskaya ideya, poluchivshaya mezhdunarodnoe priznanie [Controlling – a German Idea That Gained International Acclaim]. *Upravlenie proizvodstvom [Production Control]*. Website. 05.06.2011. Available from: http://www.up-pro.ru/library/management_accounting/controlling/kontrolling-tolkach.html [Accessed 17.05.2019]. (In Russ.).
9. Shitova TF. Vedenie kontrollinga s pomoshch'yu informatsionno-analiticheskoi sistemy «1C:ERP Upravlenie predpriyatiem 2» [Controlling with 1C:ERP Enterprise Management 2 Information and Analytical System]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet = International Accounting*. 2018;21(9): 1007–1023. (In Russ.).
10. Shitova TF. Upravlenie deyatelnost'yu predpriyatiya s pomoshch'yu sovremennykh informatsionnykh sistem [Enterprise Activity Management with Contemporary Information Systems]. *Voprosy upravleniya = Management Issues*. 2018;6(36): 128–134. (In Russ.).
11. Necheuhina NS, Gagarina NM, Shitova TF, Mukhanova NV. Information technologies of controlling as a factor of innovative development of telecommunication companies. In: *International conference “Quality Management, Transport and information technologies”*. Saint Petersburg, 24–30 September, 2017. Saint Petersburg: Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”; 2017. p. 244–251.

Submitted 20.06.19 Accepted 12.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT05
УДК 378:004

Организация самоконтроля студентов при обучении математике средствами информационно-образовательной среды

Вероника И. Белоусова¹,

ORCID: 0000-0002-9440-350X, e-mail: vkazarina@mail.ru

Галина М. Ермакова²,

ORCID: 0000-0001-7446-4121, e-mail: g.m.ermakova@mail.ru

Ксения С. Поторочина³,

ORCID: 0000-0002-6327-5592, e-mail: ksen83@mail.ru

Наталья В. Чуксина⁴,

ORCID: 0000-0002-3644-3423, e-mail: natalia_vl_ch@mail.ru

Ирина А. Шестакова⁵,

ORCID: 0000-0002-1187-5182, e-mail: kb76@mail.ru

^{1, 2, 3, 4, 5} Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

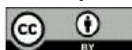
Аннотация. В настоящее время использование потенциала цифровой образовательной среды позволяет эффективно решать многие проблемы обучения, в том числе проблемы организации диагностики и контроля результатов учебной деятельности. Применение информационных технологий меняет взгляды на способы и средства контроля успеваемости студентов. В данном исследовании самоконтроль в учебно-познавательной деятельности студентов рассматривается как неотъемлемая часть каждого этапа процесса обучения математике. С учетом возможности использования в учебном процессе Уральского федерального университета системы дистанционного обучения (СДО) «Гиперметод», была разработана методика организации обучения математике, обеспечивающего самопроверку студентами готовности к восприятию материала, пошаговый самоконтроль и самодиагностику итоговых результатов усвоения материала.

В качестве основного средства самоконтроля рассматривается тест в СДО «Гиперметод». Выполнение теста дает студентам возможность получения быстрой обратной связи на этапе самоконтроля результатов обучения. При этом автоматизация тестирования существенно уменьшает нагрузку на преподавателя.

Ключевые слова: самоконтроль, тестовый контроль, СДО «Гиперметод», высшее образование, цифровая образовательная среда.

Для цитирования: Белоусова В. И., Ермакова Г. М., Поторочина К. С., Чуксина Н. В., Шестакова И. А. Организация самоконтроля студентов при обучении математике средствами информационно-образовательной среды // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 490–498. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT05.

© В. И. Белоусова, Г. М. Ермакова, К. С. Поторочина,
Н. В. Чуксина, И. А. Шестакова, 2019

Organization of Student's Self-Control during Mathematical Classes Delivered Through Information Educational Environment

Veronika I. Belousova¹,
ORCID: 0000-0002-9440-350X, e-mail: vkazarina@mail.ru
Galina M. Yermakova²,
ORCID: 0000-0001-7446-4121, e-mail: g.m.ermakova@mail.ru
Ksenia S. Potorochina³,
ORCID: 0000-0002-6327-5592, e-mail: ksen83@mail.ru
Nataliya V. Chuksina⁴,
ORCID: 0000-0002-3644-3423, e-mail: natalia_vl_ch@mail.ru
Irina A. Shestakova⁵,
ORCID: 0000-0002-1187-5182, e-mail: kb76@mail.ru
^{1, 2, 3, 4, 5} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. Nowadays, tapping the potential of digital educational environment makes it possible to solve numerous educational problems efficiently; specifically, problems of organizing diagnostics and control of learning activity's deliverables. Application of information technologies changes the perception of ways and means of controlling students' performance. This research explores self-control in students' learning and educational activity as an integral part of every stage of the process of learning mathematics. Taking into account the capabilities of using Gipermetod remote learning system in the academic process at the Ural Federal University, a method of organizing mathematical training was developed, ensuring students self-assessment of their readiness for material perception, step-by-step self-control and self-diagnostics of the final results of material retention.

In Gipermetod remote learning system, a test is considered as the main means of self-control. Doing this test gives students an opportunity to get quick feedback at the stage of self-control of learning results. Additionally, testing automation significantly reduces professors' workload.

Keywords: self-control, test control, Gipermetod remote learning system, higher education, digital educational environment.

For citation: Belousova VI, Yermakova GM, Potorochina KS, Chuksina NV, Shestakova IA. Organization of Student's Self-Control during Mathematical Classes Delivered Through Information Educational Environment. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 490–498. Available from: doi:10.35853/UH-RMP-2019-IT05.

Введение

На сегодняшний день система образования находится в состоянии постоянного изменения, реформирования и модернизации. Глобальный эксперимент с формами, методами и средствами обучения тесно связан со стремительным развитием информационных технологий, поиском наиболее эффективных моделей обучения. В условиях нестабильности современный студент, с одной стороны, оказывается в среде, перенасыщенной информацией, новейшими средствами обучения, позволяющими ее осваивать, с другой стороны – в среде, требующей умения самостоятельно работать с этой информацией, готовности выбирать, осваивать и использовать имеющиеся ресурсы.

Особенно остро проблема самостоятельности возникает при обучении студентов первого курса. Переход из школьной среды с повышенным внешним контролем со стороны учителей и родителей в студенческую среду самоорганизации выявляет проблемы учеников с самоуправлением, самоконтролем и, соответственно, самообучением.

При этом способность к самоконтролю является одним из важнейших условий успешного обучения студентов. Наличие способности к самоконтролю изменяет позицию человека по отношению к собственной деятельности: он начинает не только критически оценивать ее результаты, но и переосмысливать цели деятельности, изменять алгоритмы и стратегию решения задач.

Подчеркнем, что создание условий для самоконтроля в процессе обучения должно носить двусторонний характер. Во-первых, необходимо создать внешние условия, перестроить содержание и организацию учебного процесса так, чтобы самоконтроль в осознанной форме явно присутствовал на каждом этапе учебного процесса. Во-вторых, создать внутренние условия для развития самоконтроля, т. е. включить в состав формируемых у студентов приемов учебно-познавательной деятельности приемы и способы самоуправления.

Методы исследования

Анализ методической литературы и обобщение педагогического опыта показали многообразие способов формирования в учебном процессе приемов самоконтроля и самообучения. Н. С. Манвелов и С. Г. Манвелов предлагают использовать с этой целью специализированные задания с готовым образцом для сверки, тренажеры для закрепления материала, дидактические игры с взаимопроверкой и т. п. [5]. В исследованиях многих ученых и практиков активно развивается направление использования цифровых технологий, возможностей платформ дистанционного обучения, мобильных телефонов [8; 12].

Результаты педагогических исследований [3], экспериментов [11], научно-прикладных проектов [2] показали, что использование возможностей информационно-коммуникационных технологий позволяет организовать учебный процесс наиболее эффективно. Цифровые технологии радикально меняют содержание преподаваемых дисциплин и форму их подачи. Быстрыми темпами развивается массовое онлайн-образование. Студенты всё чаще дополняют свое образование онлайн-курсами – формат удобен не только возможностью получить знания от лучших специалистов, но и возможностью обучения в свободное время [10].

Таким образом, методология настоящего исследования основывается на работах в областях организации смешанной модели обучения [1; 12] и применения информационно-коммуникационных технологий в образовании [9]. Среди методов исследования, помимо анализа нормативных документов и научно-методической литературы, использовались наблюдение, моделирование учебного процесса, педагогический эксперимент, тестирование.

Результаты и обсуждение

На сегодняшний день в числе наиболее перспективных тенденций развития образования отмечают расширение возможностей традиционной модели образовательной системы на основе создания цифрового

образовательного пространства [6]. Важнейшими задачами, на которые направлено формирование единого цифрового образовательного контента, являются:

- повышение качества образования и академической мобильности студентов (получение доступа к онлайн-курсам ведущих ученых лучших вузов страны и мира);

- обеспечение вариативности индивидуальных образовательных траекторий, в том числе профессиональных траекторий будущих выпускников.

Развитие дистанционного обучения на электронных образовательных платформах сделало возможным соединить преимущества разных форм обучения. Одним из главных преимуществ дистанционных технологий является возможность организовать контроль обучения в автоматизированной тестовой форме, предполагающей быструю обратную связь студент – СДО – преподаватель. Кроме того, дистанционные технологии позволяют организовать общение с преподавателем в разных режимах: в виде чата, форума, онлайн-лекции и т. п.

В ФГАОУ ВО УРФУ одной из платформ для организации дистанционного обучения используется СДО «Гиперметод». С учетом возможностей системы была предложена методика организации учебной деятельности по математике с акцентом на самоконтроле студентов. Реализация методики направлена на улучшение таких показателей контроля, как систематичность, системность, степень самостоятельности студентов в выполнении индивидуальных работ.

Для организации самоконтроля в системе обучения математике были выделены следующие направления:

1. Переоценка роли предварительного контроля – введение этапа проверки готовности студента к восприятию лекционного материала.

2. Увеличение доли текущего самоконтроля и самопроверки студентами за счет использования цифровых технологий и средств обучения.

3. Автоматизация процедуры самопроверки студентом необходимых знаний, умений и навыков с помощью тестовой системы контроля в СДО «Гиперметод».

Основным элементом учебного процесса в СДО «Гиперметод» является учебный курс, разбиваемый на разделы. В них размещаются группы занятий, формируемые по желаемому принципу (лекции, практические занятия, тестовый контроль, проект и т. д.). Создавая теоретическое занятие, преподаватель может подключать к нему файлы или другие ЭОР с лекциями, методическими пособиями, электронными учебниками и т. д.

Для подготовки студентов к контрольным мероприятиям в «Информационных ресурсах» – закладке «Материалы курса» – преподаватель размещает учебно-методический комплекс дисциплины. В него добавляются информационные ресурсы разных типов: файлы (*.doc, *.pdf), HTML-страницы, HTML-сайты, ссылки на внешние источники и др.

С точки зрения нашего исследования наиболее значимым преимуществом дистанционных технологий является возможность организовать автоматизированный контроль обучения в тестовой форме. При этом среда «Гиперметод» позволяет устанавливать желаемые параметры тестирования и выбирать нужный тип тестовых заданий: оди-

ночный выбор; множественный выбор, соответствие, упорядочение, классификацию, наполнение формы, выбор по карте на картинке, выбор из набора картинок.

Для организации общения участников учебного процесса система предлагает такие инструменты, как новости, форум, блог, wiki, чат, контакты, сообщения, файловое хранилище.

С помощью новостей преподаватель может донести до всех слушателей какую-либо полезную информацию. К новости можно присоединить изображение, помещающееся на странице вместе с текстовой информацией.

Рассмотрим средства организации самоконтроля по математике в СДО «Гиперметод» на каждом этапе обучения.

I. Предварительный этап. В качестве средств самоконтроля можно выделить:

- 1) задания на актуализацию знаний и умений, необходимых для усвоения лекции;
- 2) претест для самопроверки готовности к лекции.

При разработке претеста необходимо обратить внимание на тот материал, который в дальнейшем поможет слушателям усвоить содержание лекции. Вопросы претеста могут быть направлены на проверку и актуализацию как теоретических (знание определения понятий, их свойств, необходимых формул, формулировок теорем), так и практических (умение осуществлять определенные математические операции, применять алгоритмы решения основных задач курса, знание специальных приемов решения задач и т. п.) знаний студентов.

II. Этап усвоения нового материала. Средствами самоконтроля являются:

- 1) опорные схемы лекций;
- 2) опорные схемы решения типовых задач;
- 3) лекционные тексты с пробелами.

После проведения лекционных и практических занятий преподаватель выкладывает в изучаемый раздел дистанционного курса опорные схемы по пройденной лекции и практическому занятию. По данным схемам студент может достаточно быстро восстановить в памяти лекционную информацию и использовать ее на практическом занятии, а также для выполнения домашних работ или теста на закрепление материала. Для более тщательной проработки лекционного материала преподаватель может подготовить текстовые материалы лекций с пропущенными утверждениями, формулами и другими элементами, очень важными для усвоения материала курса. Работая с таким конспектом, студент заполняет недостающие пробелы теоретическими выкладками, собственными замечаниями и рассуждениями, вопросами к материалу и т. п.

III. Этап закрепления и контроля. В качестве средств самоконтроля можно выделить:

- 1) тренировочные тесты;
- 2) тесты итоговой самодиагностики.

Преподаватель выдает слушателям тесты и задания на закрепление нового материала в виде соответствующих занятий. Помимо этого целесообразно прикрепить к материалам курса примерный вариант контрольной работы.

Рассмотрим важнейшие требования к тестам для закрепления и самоконтроля усвоения материала курса.

Требование 1. Контроль правильности выполнения задачи должен быть двух видов: прямой и косвенный. Прямой контроль оценивает правильность решения задачи по ее конечному результату. Косвенный контроль проверяет логику решения, правильность выбранного метода, промежуточные этапы решения задачи и, главное, – знание теоретической основы решения.

Требование 2. Используемый для самодиагностики тест должен содержать различные компоненты: теоретический, практический и метапредметный. Рассмотрим их подробнее.

1. Теоретический. Данный компонент помогает оценить качество усвоения основных понятий курса. Имеющиеся в тесте вопросы теоретической направленности (на знание понятийного и доказательного аппарата математики) компенсируют недостатки организации промежуточного контроля решением типовых задач. Эти вопросы осуществляют косвенный контроль правильности выполнения тестовых заданий, включающих:

- определение ключевых понятий курса;
- установление связей между понятиями;
- выявление закономерностей, зависимостей;
- проверку знаний основных теоретических фактов (теорем, свойств, формул и т. п.);
- распознавание типовых задач курса.

2. Практический. В первую очередь к этому компоненту относятся тестовые задания, предназначенные для проверки непосредственно правильности ответа. Такие задания, как правило, требуют однозначного ответа на вопрос задачи (что характерно для задач вычислительного характера).

Кроме проверки правильности ответа, практические задания подразумевают:

- разбивку задачи на подзадачи;
- проверку промежуточных результатов решения (результатов выполнения подзадач);
- проверку знаний основных приемов решения типовых задач;
- интерпретацию результатов решения задачи;
- проверку адекватности результатов решения.

3. Метапредметный. Обеспечивает расширение функций промежуточного контроля. Если целью первых компонентов является проверка предметных результатов обучения, то целью метапредметного компонента – проверка и повышение уровня сформированности общеучебных умений, например уровня владения научно-исследовательскими методами и эвристическими приемами решения задач. Метапредметный компонент включает следующие задания:

- выявление ошибки в рассуждениях;
- проверку информационно-аналитических умений;
- проверку развития прогностических умений и т. п.

Сочетание всех перечисленных компонентов обеспечивает комплексный самоконтроль усвоения студентом содержания курса.

Заключение

Цифровая образовательная среда предоставляет широкие возможности для организации самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов. Преподаватель может разместить в системе учебно-методический комплекс дисциплины, донести до слушателей необходимую информацию, увидеть динамику работы слушателей с материалами курса и в целом определить степень готовности студента к каждому этапу обучения.

Автоматизация выполнения заданий в тестовой форме стимулирует студентов к систематическому самоконтролю учебно-познавательной деятельности, компенсируя недостатки системы обучения.

Разработанная в рамках исследования методика организации самоконтроля учебно-познавательной деятельности студентов внедрена в учебный процесс. Результаты внедрения обсуждались на IV Международной научно-практической конференции в г. Пензе, 2018 г. [7].

Информация об авторах

Вероника Игоревна Белоусова, доцент Департамента информационных технологий и автоматики, Институт радиотехники и информационных технологий – РТФ, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Галина Михайловна Ермакова, доцент Департамента информационных технологий и автоматики, Институт радиотехники и информационных технологий – РТФ, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Ксения Сергеевна Поторочина, доцент Департамента информационных технологий и автоматики, Институт радиотехники и информационных технологий – РТФ, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Наталья Владимировна Чуksина, доцент Департамента информационных технологий и автоматики, Институт радиотехники и информационных технологий – РТФ, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Ирина Александровна Шестакова, доцент Департамента информационных технологий и автоматики, Институт радиотехники и информационных технологий – РТФ, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Veronika I. Belousova, Associate Professor, Department of Information Technology and Automatics, Engineering School of Information Technologies, Telecommunications and Control Systems – Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Galina M. Yermakova, Associate Professor, Department of Information Technology and Automatics, Engineering School of Information Technologies, Telecommunications and Control Systems – Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Ksenia S. Potorochina, Associate Professor, Department of Information Technology and Automatics, Engineering School of Information Technologies, Telecommunications and Control Systems – Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Nataliya V. Chuksina, Associate Professor, Department of Information Technology and Automatics, Engineering School of Information Technologies, Telecommunications and Control Systems – Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Irina A. Shestakova, Associate Professor, Department of Information Technology and Automatics, Engineering School of Information Technologies, Telecommunications and Control Systems – Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Андреева Н. В. Практика смешанного обучения: история одного эксперимента // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 3. С. 20–28.
2. Исследование новых форм организации образовательного процесса с использованием открытых онлайн-курсов. Екатеринбург : УрФУ, 2019. 243 с. URL: <http://itoo.urfu.ru/ru/article/science> (дата обращения: 07.09.2019).
3. Красильникова В. А. Сравнительный анализ методов контроля знаний студентов УСПО // Профессиональное образование. 2000. № 10. С. 22–24.
4. Локоть Н. В. Повышение качества математического образования студентов-заочников с помощью предтестов в условиях модульного обучения // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. № 9. С. 134–140.
5. Манвелов Н. С., Манвелов С. Г. Ресурсы развития самоконтроля при обучении математике // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (24). С. 182–186.
6. Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 25.10.2016 № 9). М., 2016. URL: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvoAG.pdf> (дата обращения: 07.09.2019).
7. Потгорочина К. С., Харитонов А. А. Организация дистанционной поддержки очного курса обучения математике в системе Гиперметод // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей IV Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 2. Пенза : МЦНС «Наука и просвещение», 2018. С. 218–222.
8. Савина А. Г. Цифровая трансформация образовательного пространства: реалии и перспективы // Актуальные аспекты фундаментальных и прикладных исследований : сборник научных трудов / под общ. ред. И. Г. Паршутиной. Орел : ОрелГУЭТ, 2017. С. 208–211. URL: http://orelgiet.ru/userfiles/1517394673_part6.pdf (дата обращения: 07.09.2019).
9. Садова В. А. Современные информационные технологии как фактор развития познавательной самостоятельности студентов университета // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 9 (115). С. 196–202.
10. Тульчинский Г. Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. № 6. С. 121–136.
11. Belousova V. I., Knysh A. A., Potorochina K. S. Automation of intermediate remote education student control when teaching mathematics // Proceedings of the 1st International Scientific Conference “Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth” (MTDE 2019). Atlantis Press, 2019. P. 584–590. DOI <https://doi.org/10.2991/mtde-19.2019.117>
12. Handbook of Distance Education / Ed. by M. G. Moore, W. C. Diehl. Fourth edition. New York : Routledge, 2019. 580 p.

Статья поступила в редакцию: 10.09.19

Принята к публикации: 14.10.19

References

1. Andreeva NV. Praktika smeshannogo obucheniya: istoriya odnogo eksperimenta [Blended Learning Practice: History of an Experiment]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2018;23(3): 20–28. (In Russ.).
2. Ural Federal University. *Issledovanie novykh form organizatsii obrazovatel'nogo protsessa s ispol'zovaniem otkrytykh onlain-kursov [Studying New Forms of Educational Process Organization Using Open Online Courses]*. Yekaterinburg: UrFU; 2019. 243 p. Available from: <http://itoo.urfu.ru/ru/article/science> [Accessed 07.09.2019]. (In Russ.).

3. Krasilnikova VA. Sravnitel'nyi analiz metodov kontrolya znaniy studentov USPO [Comparative Analysis of Methods of Controlling Students' Knowledge at Secondary Vocational Education Institutions]. *Professional'noe obrazovanie = Vocational Education*. 2000;10: 22–24. (In Russ.).

4. Lokot' NV. Povyshenie kachestva matematicheskogo obrazovaniya studentov-zaochnikov s pomoshch'yu predtestov v usloviyakh modul'nogo obucheniya [Improving Quality of Mathematical Education of Extra-Mural Students Using Pre-Tests Within Module-Based Learning]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya = Psychology and Pedagogy: Method and Problems of Practical Application*. 2009;9: 134–140. (In Russ.).

5. Manvelov NS, Manvelov SG. Resursy razvitiya samokontrolya pri obuchenii matematike [Resources of Developing Self-Control in Studying Mathematics]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2013;3(24): 182–186. (In Russ.).

6. Presidential Council on Strategic Development and Priority Projects. *Sovremennaya tsifrovaya obrazovatel'naya sreda v Rossiiskoi Federatsii [Charter of Priority Project on Contemporary Digital Educational Environment in the Russian Federation]*: approved by Presidium of Presidential Council on Strategic Development and Priority Projects (minutes of 25.10.2016 No. 9). Moscow; 2016. Available from: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgJAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf> [Accessed 07.09.2019]. (In Russ.).

7. Potorochina KS, Kharitonova AA. Organizatsiya distantsionnoi podderzhki ochnogo kursa obucheniya matematike v sisteme Gipermetod [Organization of Remote Support on Intramural Mathematics Course in Gipermetod System]. In: *Sovremennye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii [Contemporary Scientific Research: Topical Issues, Achievements and Innovations]: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference*. Penza: Science and Enlightenment International Academic Collaboration Center; 2018. Vol. 2. p. 218–222. (In Russ.).

8. Savina AG. Tsifrovaya transformatsiya obrazovatel'nogo prostranstva: realii i perspektivy [Digital Transformation of Educational Space: Realities and Prospects]. In: Parshutina IG. (ed.) *Aktual'nye aspekty fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy [Topical Aspects of Fundamental and Applied Research]: Collection of Academic Papers*. Orel: Orlov State University of Economics and Trade; 2017. p. 208–211. Available from: http://orelgiet.ru/userfiles/1517394673_part6.pdf [Accessed 07.09.2019]. (In Russ.).

9. Sadova VA. Sovremennye informatsionnye tekhnologii kak faktor razvitiya poznavatel'noi samostoyatel'nosti studentov universiteta [Contemporary Information Technologies as a Factor of Developing Educational Independence in University Students]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Orenburg State University Bulletin*. 2010;9(115): 196–202. (In Russ.).

10. Tulchinsky GL. Tsifrovaya transformatsiya obrazovaniya: vyzovy vysshei shkole [Digital Transformation of Education: Higher School Challenges]. *Filosofskie nauki = Philosophical Sciences*. 2017;6: 121–136. (In Russ.).

11. Belousova VI, Knysh AA, Potorochina KS. Automation of intermediate remote education student control when teaching mathematics. In: *Proceedings of the 1st International Scientific Conference "Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth" (MTDE 2019)*. Atlantis Press; 2019. p. 584–590. Available from: doi:10.2991/mtde-19.2019.117.

12. Moore MG, Diehl WC. (eds.) *Handbook of Distance Education*. 4th ed. New York: Routledge; 2019. 580 p.

Submitted 10.09.19 Accepted 14.10.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT06
УДК 378[005.6:004]

Новые возможности для совершенствования систем управления качеством образования в вузах

Александр П. Исаев,

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-9539-5011, e-mail: ap_isaev@mail.ru

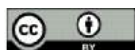
Елена П. Пьянзина,

АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-7634-4024, e-mail: pz-gu@yandex.ru

Аннотация. Цель работы состоит в исследовании новых возможностей для совершенствования систем управления качеством образования в вузах. В работе использовались методы анализа данных, полученных из документов, и экспертной оценки. В статье дается анализ основных недостатков существующих систем управления качеством образования в вузах и указывается их причина. Рассматриваются вопросы повышения качества образования на основе увеличения объема информации обратной связи в электронной информационно-образовательной среде вуза. Дано описание разработанных авторами инструментов увеличения объема и качества информации обратной связи, получаемой в образовательном процессе. Карта качества текущего образовательного процесса определяет критерии оценки образовательного процесса по показателям обратной связи, а мониторинг текущего учебного процесса обеспечивает их получение. На основе данных инструментов представлена модель усовершенствованной системы управления качеством, в которой используется стратегия управления по отклонениям, механизмы оперативного управления и среднесрочного планирования развития образовательной системы вуза. Проведен анализ условий, обеспечивающих успешное внедрение новых механизмов системы управления качеством образования в вузе. В целом в статье показаны новые возможности развития систем управления качеством образования в вузе на основе использования мониторинга текущего учебного процесса по показателям обратной связи.

Ключевые слова: управление качеством образования, информационно-образовательная среда, мониторинг учебного процесса, информация обратной связи, текущий учебный процесс.

Для цитирования: Исаев А. П., Пьянзина Е. П. Новые возможности для совершенствования систем управления качеством образования в вузах // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 499–509. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT06.

New Opportunities for Education Quality Management Systems Improvement at Higher Education Institutions

Alexander P. Isayev,
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-9539-5011, e-mail: ap_isaev@mail.ru
Elena P. Pyanzina,
Liberal Arts University – University for Humanities,
Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-7634-4024, e-mail: pz-gu@yandex.ru

Abstract. This paper aims at researching new opportunities for improving education quality management systems at higher education institutions. Methods of analyzing data procured from documents and expert estimates were used in the research. The paper analyzes main disadvantages of the existing education quality management systems at higher education institutions and indicates the cause thereof. Issues of education quality improvement are explored, based on increasing the volume of feedback information in colleges' electronic information and educational environment. The authors have developed tools for improving the volume and quality of feedback information received within the educational process; they provide a description of these tools. Quality map of the current educational process determines the criteria for evaluating the academic process based on feedback indicators, while monitoring of the current academic process helps procure these. Based on these tools, the model of an improved quality management system is provided, which applies the strategy of management by deviations, mechanisms of quick management and mid-term planning of developing the college's educational system. Conditions ensuring successful implementation of the new mechanisms of education quality management system at a higher education institution are analyzed. Overall, the paper demonstrates new opportunities for developing the education quality management systems at a higher education institution based on applying feedback-based monitoring of the current academic process.

Keywords: education quality management, information and educational environment, academic process monitoring, feedback information, current academic process.

For citation: Isayev AP, Pyanzina EP. New Opportunities for Education Quality Management Systems Improvement at Higher Education Institutions. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 499–509. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-IT06.

Введение

Современные условия требуют от образовательной организации, обеспечивающей выпуск компетентных и творческих специалистов по различным направлениям, внедрять, развивать и поддерживать эффективную и результативную систему управления качеством образовательного процесса. В Федеральной целевой программе развития образования на 2016–2020 годы обозначена задача: «формирование востребованной системы оценки качества образования и образовательных результатов». Одним из главных направлений работы по повышению качества высшего образования является цифровизация систем и механизмов управления основными видами деятельности и процессами вуза.

Информационные системы предоставляют доступ к образовательным ресурсам в текстовой и визуализированной форме, обеспечивают контент обучения, методические инструменты для учебной работы, процесс контроля и оценки результатов обучения, включая тестирование и аттестацию, являются основой для управления образовательным процессом. Без использования цифровых инструментов сейчас невозможно обеспечивать и поддерживать эффективность системы управления качеством образовательного процесса. Поэтому вполне закономерно, что большинство подходов к совершенствованию информационных систем вуза сводится к анализу аппаратного и программного обеспечения, поиску новых вариантов использования технологий обучения на основе цифровых инструментов [2]. Но рост эффективности этих инструментов для систем управления качеством образования в большей мере зависит от организационных, методических и психолого-педагогических характеристик образовательного процесса, которые используются в информационно-образовательной среде (ИОС). Поэтому актуальной задачей также является и совершенствование методического оснащения систем управления качеством образования.

Цель данной работы состоит в исследовании новых возможностей для повышения эффективности систем управления качеством образования в вузах. В ней будут рассмотрены три основных вопроса: недостатки систем управления качеством образования в вузе; возможности увеличения объема информации обратной связи для управления образовательным процессом; новые способы организации управления качеством образования.

Методы исследования

Исследование систем управления качеством образования в вузах проводилось методами анализа данных, полученных из документов и экспертной оценки.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования показывают, что существующие в образовательных организациях электронные ИОС преимущественно ориентированы на требования надзорных органов к деятельности вуза. Этим во многом определяются те недостатки, которые имеют системы управления качеством образования в вузах. К основным недостаткам и ограничениям этих систем в реализации функций управления качеством образования можно отнести следующие:

- отсутствие достаточной открытости результатов деятельности вуза для многих участников и интересантов подготовки выпускников (студенты, их родители, работодатели);
- отсутствие мотивирующей функции для профессорско-преподавательского состава и административно-технического персонала вуза, что снижает их активность в совершенствовании своего педагогического и методического мастерства;
- отсутствие совместной целенаправленной деятельности потребителей образовательных услуг (обучающихся, их родителей, преподавателей и персонала вуза) по улучшению качества образовательных услуг, что снижает эффективность отдела управления качеством образования по выстраиванию системы УКО;

- разработку среднесрочных и долгосрочных планов развития вуза без углубленного анализа основных тенденций и без учета появившихся новых направлений и актуальных профилей подготовки, что приводит к снижению востребованности образовательных услуг, предлагаемых вузом;

- отсутствие мониторинга и прогнозирования изменений условий внутренней и внешней среды вуза, влияющей на осуществление образовательной деятельности, что ведет к недооценке возникающих проблем и затрудняет своевременное принятие управленческих решений по их устранению.

Ориентация на требования надзорных органов не должна быть основной задачей в развитии систем управления качеством образования и информационно-образовательной среды вуза. Прежде всего они необходимы для повышения его конкурентоспособности, которая определяется качеством подготовки выпускников и их востребованностью на рынке трудовых ресурсов. А это, в свою очередь, в основном зависит от организации образовательного процесса, качества образовательных ресурсов и их доступности для основных участников образовательного процесса, квалификации и заинтересованности преподавателей в результатах обучения, а также от готовности студентов к профессиональному и личностному развитию.

Системы управления качеством образования необходимы для принятия эффективных организационных и методических решений, направленных на совершенствование образовательного процесса. Для этих целей используется информация прямой и обратной связи в системе управления вузом. Как известно, различие между прямой и обратной связями заключается в том, что прямая связь в системах управления обеспечивает передачу информации с выхода одной функционирующей подсистемы на вход другой подсистемы, а обратная связь — с выхода одной подсистемы на вход той же подсистемы [5]. Преимущество информации обратной связи состоит в том, что ее получение позволяет сравнить результаты функционирования подсистемы с ожидаемыми параметрами и, при их расхождении или желании их улучшить, продумать и предпринять необходимые действия. Информация прямой связи не дает такой возможности. В вузовских системах объем информации прямой связи явно доминирует над объемом обратной связи в принимаемых оценках и решениях. Создание электронно-образовательных систем привело к увеличению объема информации, которую можно использовать в управлении качеством образования, но доля информации прямой связи, которая используется для управления образовательным процессом, остается на том же доминирующем уровне. Проведенный анализ показал, что соотношение информации прямой связи и обратной связи при компьютеризации систем управления качеством образования фактически не меняется, основную ее часть составляет информация прямой связи, которая значительно чаще используется в принятии управленческих решений (таблица).

Таблица

Виды информации, используемой в управлении образовательной системой вуза

Информация в ЭИОС	Модуль ЭИОС	Периодичность получения
Информация прямой связи		
Результаты вступительных испытаний и ЕГЭ	Модуль «Приемная кампания»	1 раз в год
Образовательные программы	Модуль доступа к образовательным программам	постоянно
Рабочие программы учебных модулей и дисциплин	Модуль доступа к учебным программам	постоянно
Учебный план и расписание занятий	Модуль доступа к учебным планам	постоянно
Профессиональные характеристики ППС	Модуль ППС	постоянно
Обеспеченность образовательными ресурсами	Модуль «Образовательные ресурсы»	постоянно
Материально-техническая обеспеченность (МТО)	Модуль МТО	постоянно
Аппаратная и программная информационная обеспеченность	Программно-технологический модуль	постоянно
Нормативно-правовые требования к высшему образованию	Модуль нормативно-правовые требования к образованию	постоянно
Информация обратной связи		
Результаты сессий	Модуль «Учебный процесс»	1 раз в семестр
Уровень сохраненных остаточных знаний (индивидуальные результаты и средние показатели по учебным группам)	Система тестирования	1 раз в семестр
Востребованность выпускников на рынке труда	Модуль «Работа с выпускниками»	1 раз в год
Данные о НИР преподавателей и студентов	Модуль «Портфолио»	1 раз в полугодие или по запросу
Результаты анкетирования участников образовательного процесса	Модуль «Оценка удовлетворенности образовательным процессом»	1 раз в год

Информация обратной связи в системе управления вузом накапливается в результате проведения анализа промежуточных результатов обучения с периодичностью от полугода и более, а также управленческого мониторинга. Данный вид мониторинга направлен на оценку эффективности принятых в вузе организационно-административных решений. Он реализуется через сбор данных о наличии библиотек, нормативно-правовых и методических документов; материально-технической оснащенности учебного процесса; достижениях студентов за последние пять лет; формах повышения квалификации преподавателей [1; 8]. В указанных мероприятиях к информации обратной связи относятся лишь промежуточные результаты обучения студентов и ежегодные достижения студентов за последние пять лет. Из этого можно сделать вывод о том, что даже небольшой объем информации обратной связи, который используется в управлении образовательным процессом вуза, имеет отсроченный характер, что хорошо видно в представленной выше таблице. Поэтому результаты управленческих решений,

направленных на совершенствование образовательного процесса, можно оценить не ранее чем через полгода или год.

При этом указанные результаты обучения, выраженные в академических оценках, имеют относительную достоверность для определения изменения эффективности образовательного процесса после реализации организационно-административных решений. Таким образом, для повышения эффективности управления образовательным процессом явно не хватает информации обратной связи о текущем состоянии образовательной системы. Соответственно механизмы управления качеством образования в вузе требуют кардинальных изменений в направлении увеличения показателей и информации обратной связи.

По мнению авторов, новые возможности для совершенствования систем управления качеством образования в вузах связаны с созданием инструментов для получения информации обратной связи с небольшим периодом запаздывания (отсроченности), от недели до месяца. Таким инструментом может стать мониторинг текущего образовательного процесса, для осуществления которого в отдельных вузах разработан специальный методический арсенал [3; 4; 6].

В качестве одного из вариантов нового концептуального подхода авторы предлагают систему управления качеством образования на основе расширенной ИОС за счет увеличения в ней доли информации обратной связи о текущем образовательном процессе. Основным инструментом получения данной информации является разработанная авторами карта управления качеством текущего образовательного процесса. Модель карты с неполным набором критериев анализа образовательного процесса представлена на рисунке. Она выполняет функции: *навигатора сбора информации* о состоянии и качестве текущего образовательного процесса и *базы оперативного управления* качеством образования.

По критериям карты качество текущего образовательного процесса (рисунок) определяется через оценку основных форм обучения, используемых в образовательных программах по направлениям и профилям подготовки. К таким формам обучения относятся лекции, практические занятия, лабораторные работы, семинары, самостоятельная работа, контрольно-оценочные мероприятия. Все эти формы обучения могут реализовываться: 1) на аудиторных занятиях и в традиционной самостоятельной работе с помощью бумажных технологий; 2) с использованием средств электронного обучения; 3) в смешанном варианте, когда используются как традиционные, так и электронные технологии. Систематическая процедура сбора оценок качества текущего образовательного процесса представляет собой мониторинг, методология и инструменты которого представлены во многих работах [1; 2; и др.]. В отдельных случаях современные электронные инструменты мониторинга используются в узкоспециализированных целях повышения качества образования [11]. Для сбора информации по показателям, представленным в карте (рисунок), необходим мониторинг текущего учебного процесса.

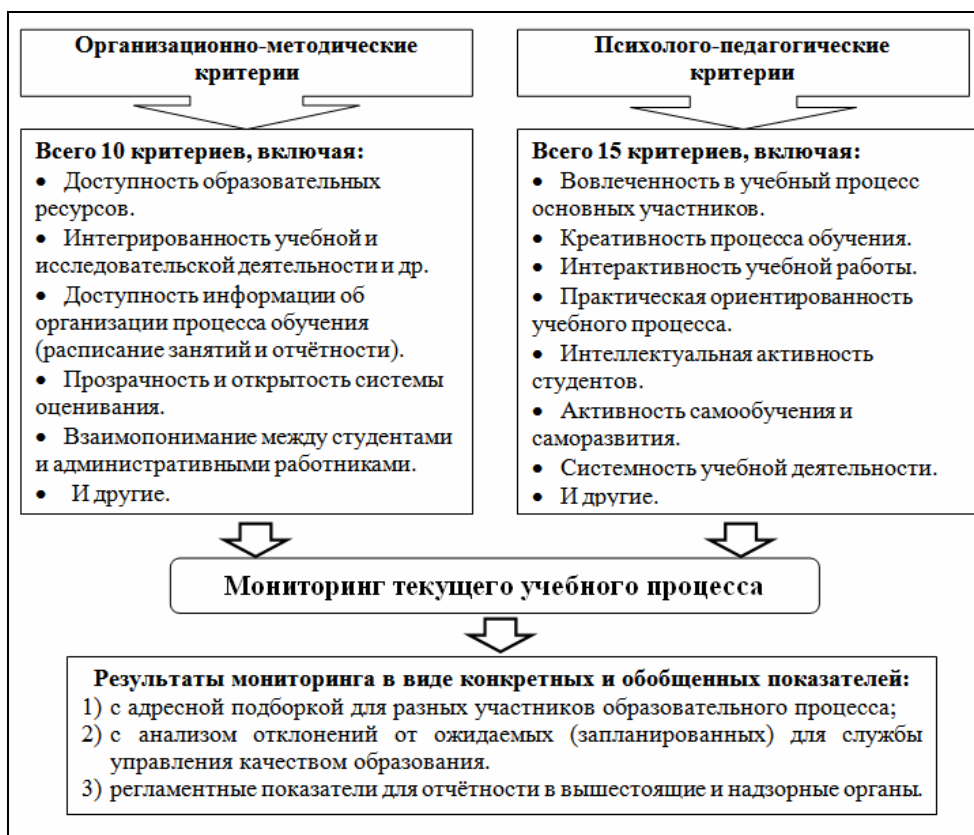

Рис. Модель карты качества текущего образовательного процесса

Разработанный мониторинг текущего учебного процесса построен на оценках его основных участников. Преподаватели, студенты и другие субъекты образовательного процесса с помощью специально разработанного методического инструментария оценивают те формы и виды учебной работы, в которых принимают непосредственное участие. Результаты мониторинга структурируются по дисциплинам, учебным модулям, образовательным программам, по факультетам и вузу в целом. Основной единицей анализа результатов мониторинга является образовательный процесс, реализуемый в масштабе образовательной программы. Данный мониторинг может иметь разную периодичность, но для того, чтобы выполнять свою основную функцию, он должен проводиться не реже одного раза в три месяца или дважды в семестр.

Надо заметить, что внедрение самой процедуры мониторинга учебного процесса повышает его эффективность в части планирования, организации, а также взаимоотношений между различными категориями субъектов учебного процесса с позиций управления его качеством [3]. Результаты мониторинга текущего учебного процесса имеют практическое значение для всех участников. Преподаватели получают информацию, которая позволяет им целенаправленно работать над повышением эффективности проводимых учебных занятий и организации самостоятельной работы, а также в целом совершенствовать свое педагогическое мастерство. Обратная связь для студента по вопросу о

характере его учебной работы имеет значение не только для совершенствования самоорганизации и стиля учебно-практической деятельности, но и для развития самосознания [7], особенно в части формирования адекватной самооценки своих способностей и достижений. Руководители и другие сотрудники вуза получают информацию, которая позволяет им улучшать организацию, технические и информационные условия образовательного процесса в конкретных направлениях подготовки и формах учебной работы.

Главное достоинство электронной ИОС с расширенным объемом информации обратной связи заключается в том, что результаты мониторинга текущего учебного процесса позволяют внедрить в систему управления качеством образования *стратегию управления по отклонениям*. Для реализации данной стратегии, с одной стороны, нужна достоверная и комплексная оценка качества образовательного процесса в виде измеряемых показателей, а с другой – механизмы коррекции выявленных отклонений от запланированных или ожидаемых параметров. Первое условие в полной мере обеспечивается предложенной моделью мониторинга текущего учебного процесса, а второе условие требует специальных организационно-методических инструментов и моделей управленческих действий, которые, по мнению авторов, пока отсутствуют в культуре вузовского менеджмента. Данная задача относится к разработке инновационных решений и проектов организационных мероприятий, что выходит за рамки темы данной статьи.

Внедрение стратегии управления по отклонениям позволяет создать в системе менеджмента вуза два контура: *оперативного управления и среднесрочного планирования* развития университета. Первый контур работает на основе регулярного получения информации обратной связи о состоянии текущего образовательного процесса. Второй контур работает на основе аналитики большого объема данных о качестве образовательного процесса, который накапливается в результате многих коротких циклов мониторинга текущего учебного процесса и других данных, получаемых в образовательной системе вуза, в том числе представленных выше в таблице.

Необходимо обратить внимание на трудности внедрения инноваций в образовательный процесс в виде систем мониторинга и новых электронных ИОС, которые встречаются в большинстве случаев [9]. При внедрении системы управления качеством образования на основе расширенной ИОС они были особенно заметны на первых его этапах. Сбор информации обратной связи, осуществляемый через участников образовательного процесса, вызывает определенное сопротивление в основном со стороны студентов и преподавателей, потому что у них появляются небольшие дополнительные функции. Им приходится один или два раза в неделю заполнять карточку экспертов и отвечать на вопросы анкет (в большинстве случаев путем выбора вариантов ответа или в графической форме). Хотя работа с одним опросом, который проводится дистанционно в электронной форме, занимает не больше 7–8 минут, студенты и преподаватели воспринимают ее как излишнюю, пока не поймут ее практического смысла и не получат первых результатов в виде информации с конкретными показателями эффективности тех видов учебной работы, в которых они участвовали. Отношение к своим функциям участия в мониторинге текущего учебного процесса

меняется на позитивное, когда в полученных результатах они видят полезную для себя информацию, которую можно использовать для совершенствования своей обучающей (преподаватели) и учебной (студенты) деятельности. Поэтому главным условием успешного внедрения данной системы является обеспечение информацией обратной связи о текущем учебном процессе основных его участников.

Не менее важным условием создания электронной ИОС с расширенным объемом информации обратной связи и внедрения разработанных инструментов повышения эффективности системы управления качеством образования является организация командной работы ее сотрудников. В данную инновационную команду обязательно должны входить представители всех факультетов вуза.

Заключение

Выполненное исследование позволило выявить:

- существенные недостатки в системе управления качеством образования вуза, причиной которых является преимущественная их ориентация на внешние требования административных органов власти по сравнению с внутренними потребностями;

- значительный резерв информации обратной связи в образовательном процессе вуза, который не используется в системе управления;

- методический опыт, накопленный в высшем образовании, который можно использовать для создания инструментов повышения эффективности систем управления качеством образования в вузах.

Предложенные авторами инструменты в виде карты качества текущего образовательного процесса и мониторинга текущего учебного процесса, а также модели управления качеством образования на основе двух контуров использования информации обратной связи позволяют преодолеть или минимизировать выявленные их недостатки. Для успешного внедрения данных организационно-методических инструментов важно учитывать трудности, связанные с вовлечением сотрудников вуза и обучаемых в процесс управления качеством образования.

Исследование показало наличие резервов повышения эффективности управления качеством образования в вузе на основе увеличения объема информации обратной связи.

Информация об авторах

Александр Петрович Исаев, доцент, доктор экономических наук, профессор кафедры систем управления энергетикой и промышленными предприятиями Высшей школы экономики и менеджмента УрФУ им. первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Елена Павловна Пьянзина, ст. преподаватель кафедры информационных технологий факультета компьютерных технологий АНО ВО «Гуманитарный университет», директор Центра мониторинга качества образования (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Alexander P. Isayev, Associate Professor, Dr. Sci. (Economics), Professor, Department of Economics of Industrial and Energy Systems, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Elena P. Pyanzina, Senior Teacher, Department of Information Technology, Computer Technologies Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities; Director, Center of Educational Quality Monitoring, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Борисова Е. В., Галочкин А. Н. Педагогический мониторинг как условие обеспечения качества в системе образования // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2014. № 6. С. 76–81.
2. Власюк Л. Л., Захарова С. А. Современные технологии управления качеством вузовского образования // *Мир образования – образование в мире*. 2015. № 3 (59). С. 209–215.
3. Зинченко В. О. Мониторинг качества учебного процесса в вузе: результаты эксперимента // *Вестник Костромского государственного университета. Серия : Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2016. № 4. С. 188–192.
4. Исаев А. П., Валуева Л. В., Мартынова Е. В., Плотников Л. В. Инструмент оценки и повышения эффективности текущего учебного процесса в вузе // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2016. № 2. С. 77–83.
5. Лоусон Г. Путешествие по системному ландшафту. М. : ДМК Пресс, 2013. 370 с.
6. Овчинникова И. Г., Курзаева Л. В., Полякова И. В. Мониторинг образовательного процесса вуза // *Современные наукоемкие технологии*. 2009. № 11. С. 82–85. URL: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=25965> (дата обращения: 09.07.2019).
7. Остроумова Е. Н. Информационно-образовательная среда вуза как фактор профессионально-личностного саморазвития будущего специалиста // *Фундаментальные исследования. Педагогические науки*. 2011. № 4. С. 37–40.
8. Попов А. И., Ракитина Е. А. Оценка качества технического образования в процессе совместной деятельности обучающихся // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2015. № 5. С. 67–69.
9. Серафимович И. В., Конькова О. М., Райхлина А. В. Формирование электронной информационно-образовательной среды вуза: интеракция, развитие, профессиональное мышление, управление // *Открытое образование*. 2019. № 1. С. 14–26.
10. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 09.07.2019).
11. Li Y. L., Wang L. X. Using iPad-based mobile learning to teach creative engineering within a problem-based learning pedagogy // *Education and information technologies*. 2018. Vol. 23, No. 1. P. 555–568.

Статья поступила в редакцию: 11.07.19
Принята к публикации: 12.08.19

References

1. Borisova EV, Galochkin AN. Pedagogicheskii monitoring kak uslovie obespecheniya kachestva v sisteme obrazovaniya [Pedagogical Monitoring as a Quality Assurance Condition in Educational System]. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly) = Alma Mater (Graduate School Bulletin)*. 2014;6: 76–81. (In Russ.).
2. Vlasyuk LL, Zakharova SA. Sovremennyye tekhnologii upravleniya kachestvom vuzovskogo obrazovaniya [Contemporary Quality Management Technologies for Higher Education]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire = World of Education – Education around the World*. 2015;3(59): 209–215. (In Russ.).
3. Zinchenko VO. Monitoring kachestva uchebnogo protsessa v vuzе: rezul'taty eksperimenta [Quality Monitoring of Academic Process at Higher Education Institution: Results of an Experiment]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Kostroma State University Bulletin. Series: Pedagogy. Psychology. Socio-Kinetics*. 2016;4: 188–192. (In Russ.).

4. Isayev AP, Valueva LV, Martynova EV, Plotnikov LV. Instrument otsenki i povysheniya effektivnosti tekushchego uchebnogo protsessa v vuze [Current Academic Process Efficiency Assessment and Improvement Tool at Higher Education Institution]. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly) = Alma Mater (Graduate School Bulletin)*. 2016;2: 77–83. (In Russ.).

5. Lawson H. *Puteshestvie po sistemnomu landshaftu [A Journey through the systems Landscape]*. Moscow: DMK Press; 2013. 370 p. (In Russ.).

6. Ovchinnikova IG, Kurzaeva LV, Polyakova IV. Monitoring obrazovatel'nogo protsessa vuza [Educational Process Monitoring at Higher Education Institution]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Contemporary Research-Intensive Technologies*. 2009;11: 82–85. Available from: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=25965> [Accessed 09.07.2019]. (In Russ.).

7. Ostroumova EN. Informatsionno-obrazovatel'naya sreda vuza kak faktor professional'no-lichnostnogo samorazvitiya budushchego spetsialista [Information and Educational Environment of Higher Education Institution as Factor of Professional and Personal Self-Development of Future Professionals]. *Fundamental'nye issledovaniya. Pedagogicheskie nauki = Fundamental Research. Pedagogical Sciences*. 2011;4: 37–40. (In Russ.).

8. Popov AI, Rakitina EA. Otsenka kachestva tekhnicheskogo obrazovaniya v protsesse sovmestnoi deyatel'nosti obuchayushchikhsya [Assessment of Technical Education Quality in the Process of Students' Collective Activity]. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly) = Alma Mater (Graduate School Bulletin)*. 2015;5: 67–69. (In Russ.).

9. Serafimovich IV, Konkova OM, Raikhlina AV. Formirovanie elektronnoi informatsionno-obrazovatel'noi sredy vuza: interaktsiya, razvitie, professional'noe myshlenie, upravlenie [Shaping Electronic Information and Educational Environment of Higher Education Institution: Interaction, Development, Professional Thinking, Management]. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2019;1: 14–26. (In Russ.).

10. Federal Law of the Russian Federation of December 29, 2012 No. 273-FZ. *Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii [On education in the Russian Federation]*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ [Accessed 09.07.2019] (In Russ.).

11. Li YL, Wang LX. Using iPad-based mobile learning to teach creative engineering within a problem-based learning pedagogy. *Education and information technologies*. 2018;23(1): 555–568.

Submitted 11.07.19 Accepted 12.08.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT07
УДК 378:004

Формирование прикладных математических компетенций студентов вуза с использованием информационных технологий

Ольга В. Куликова¹,

ORCID: 0000-0003-4728-7603, e-mail: kulikova1000@rambler.ru

Алла А. Кныш²,

ORCID: 0000-0002-2526-2715, e-mail: knysh.alla84@gmail.com

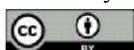
^{1,2} ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Авторы статьи рассматривают проблему развития прикладных математических компетенций студентов экономического вуза в условиях современной цифровой экономики. Компетенции человека образуют различные системы способностей и проявляются на разных уровнях при решении значимых для человека учебных и профессиональных задач. Обучение математическим дисциплинам может целенаправленно развивать определенные компетенции студентов. Пассивное, активное и интерактивное обучение студентов математике и ее прикладным аспектам создает условия для развития интеллектуальных компетенций. Современная цифровая экономика требует интеграции математического и компьютерного моделирования в единое целое для решения сложных производственных задач. Развитие производства и общества в двадцать первом веке формирует у студентов определенный тип мышления: хорошее восприятие фрагментов больших потоков информации и при этом трудности в установлении логических взаимосвязей. В настоящее время студенты часто испытывают затруднения в составлении абстрактных моделей реальных процессов и явлений. Им трудно выполнять математические операции без использования вычислительной техники при решении прикладных задач. Это связано с тем, что такая деятельность требует от них проявления теоретического типа мышления. Педагогическая задача состоит в том, чтобы найти пути развития прикладных математических компетенций, необходимых для успешной адаптации в информационно-технологическом пространстве.

Ключевые слова: прикладные математические компетенции, информационные технологии, математические методы, математическое моделирование, цифровая экономика.

Для цитирования: Куликова О. В., Кныш А. А. Формирование прикладных математических компетенций студентов вуза с использованием информационных технологий // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 510–519. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-IT07.

© О. В. Куликова, А. А. Кныш, 2019

Shaping Applied Mathematical Competences of College Students Using Information Technology

Olga V. Kulikova¹,

ORCID: 0000-0003-4728-7603, e-mail: kulikova1000@rambler.ru

Alla A. Knysh²,

ORCID: 0000-0002-2526-2715, e-mail: knysh.alla84@gmail.com

^{1,2}Ural State University of Economics,
Yekaterinburg, Russia

Abstract. Authors of the paper explore the problem of developing applied mathematical competences of students from an economics college under conditions of the contemporary digital economy. Individual competences form various systems of capabilities and manifest themselves at various levels when solving academic and professional tasks relevant for the individual. Teaching mathematical disciplines can intentionally develop certain students' competences. Passive, active and interactive ways of teaching mathematics and its applied aspects to students create conditions for developing intellectual competences. Contemporary digital economy requires the integration of mathematical and computer modeling into a single whole to solve complex production tasks. Development of production and society in the twenty first century shapes a certain kind of thinking among students – good perception of fragments within massive information flows and simultaneously complications with establishing logical links. Students are currently challenged to create abstract models of real processes and phenomena. They are hard put to perform mathematical operations without using computing devices when solving applied tasks. This is related to the fact that such activity requires a theoretical type of thinking. The pedagogical task is finding the ways of developing applied mathematical competences required for successful adaptation in the information and technology space.

Keywords: applied mathematical competences, information technology, mathematical methods, mathematical modeling, digital economy.

For citation: Kulikova OV, Knysh AA. Shaping Applied Mathematical Competences of College Students Using Information Technology. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 510–519. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-IT07.

Введение

В условиях современной экономики производство развивается высокими темпами. Это приводит к изменению содержания многих профессий. В такой ситуации профессиональные навыки требуют непрерывного развития. Ученые прогнозируют, что в будущем возрастет количество рабочих мест в когнитивных и творческих профессиях с высоким доходом. Они также отмечают, что и ручной труд с низкой зарплатой также останется весьма востребованным [8]. Автоматизация многих производственных операций приведет к значительному уменьшению занятости в стандартных рутинных профессиях со средним доходом.

Многие выпускники вуза в начале своей трудовой карьеры испытывают затруднения в решении сложных профессиональных задач на конкретном производстве. Опыт профессиональной деятельности приводит к осознанию проблемы недостатка в развитии общекультурных,

общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Преодолеть разрыв между существующим и требуемым уровнем развития компетенций можно с помощью системы непрерывного образования [2, с. 316–324].

Современные информационные технологии на производстве предъявляют высокие требования к бакалаврам экономики. Они должны уметь анализировать большие массивы данных о функционировании экономической системы, прогнозировать динамику сложных процессов в экономике и моделировать различные варианты их протекания, эффективно использовать информационно-коммуникативные технологии и Интернет. Также они должны быть способны к самообразованию в области экономических наук [5].

Особое значение в современной экономической ситуации приобретают математические компетенции. Они обеспечивают возможность активно заниматься исследованиями, моделированием функционирования и развития экономических систем, процессов и явлений, способствуют успешному освоению наукоемких экономических теорий, создают условия для осознанного использования компьютерных программ по выполнению экономических расчетов.

Современная жизнь так устроена, что многие молодые люди много времени проводят в Интернете. Большой поток вербальной и образной информации формирует у них клиповый и концептуальный типы мышления [7, с. 53–56]. Клиповое мышление впитывает фрагменты информации. Оно способствует отражению в сознании человека наборов несвязанных элементов. Каждый человек формирует свой смысл. Такой смысл может быть неадекватным, но человек не думает об этом. Концептуальное мышление визуализирует идеи. Образ может включать оригинальные взаимосвязи объектов. Человек оценивает его субъективно и не всегда достоверно. Клиповый тип мышления и концептуальный тип мышления вместе образуют современный тип мышления. Такое мышление отражает действительность в новых сочетаниях и связях [7, с. 53–56].

Методы исследования

Методики развития прикладных математических компетенций отражают логику понятийного теоретического типа мышления [4, с. 120–128]. Студенты вузов обычно имеют современный тип мышления (клиповый, концептуальный), поэтому они испытывают затруднения в восприятии и понимании логических взаимосвязей математического текста. Они стараются формально применять программное обеспечение компьютеров для выполнения математических вычислений. Они не проявляют интереса к алгоритмам работы программы и методам приближенных вычислений.

Проблема состоит в необходимости развития математических компетенций не на базе понятийного мышления, а на базе клипового и концептуального типов мышления. Это требование современной цифровой экономики. Результаты разнообразных педагогических исследований отмеченной проблемы не дают однозначных ответов.

Методология исследования включает работы по управлению компетенциями [9, р. 278–292], менеджменту знаний [10], математическому моделированию [6, с. 94–106], развитию математических компе-

тенций студентов [11, р. 85–90]. Методы исследования включают наблюдение, анализ понятий, моделирование дидактических процессов.

Результаты и обсуждение

В условиях современной цифровой экономики предлагается рассматривать прикладные математические компетенции студентов как способности применять математические методы для решения задач профессиональным содержанием. Под прикладными математическими компетенциями студентов мы будем понимать систему способностей совершать определенные действия. Выделим способности, входящие в данную систему.

Первая способность – это восприятие научного вклада математиков в исследованиях современных экономистов. Студенты смогут более осознанно понять содержание современных экономических учений, если они будут знакомы с идеями нобелевских лауреатов в области экономики, которые были математиками [1]. Изучение исторического материала активизирует познавательный интерес студентов к изучению дисциплины. Данный материал можно успешно использовать при организации исследовательской и проектной деятельности студентов.

Вторая способность – это проведение анализа содержания задачи с экономической составляющей и определение соответствующей математической модели. Выбор адекватной математической модели для решения учебной задачи способствует пониманию студентами взаимосвязи экономических объектов и математической символики. Осознанное понимание, восприятие и воспроизведение математических формул хорошо структурируют умственную деятельность студентов, корректируют клиповое мышление студентов и конкретизируют концептуальное мышление.

Третья способность – это применение математических методов для решения учебных задач с экономическим содержанием. Важную роль играет умение устанавливать взаимосвязи между искомыми величинами и исходными данными. Корректное применение инструкции, в которой представлена последовательность математической деятельности студентов, приводит к получению планируемого результата. Знание технологии рационально организует практическую деятельность студентов при решении учебных задач с профессионально ориентированным содержанием. Это создает условия для интеграции клипового и концептуального типов мышления студентов.

Четвертая способность – это использование информационно-коммуникационных технологий при решении учебных задач с экономическим содержанием. Поиск ответа при выполнении заданий с большим объемом числовых данных приводит студентов к осознанию необходимости активно использовать программное обеспечение компьютеров. Автоматизация рутинных вычислений освобождает время для качественного анализа экономических взаимосвязей. Однако часто возникают ситуации, когда студенты не знают механизма работы компьютерной программы. В этом случае они не могут оценить адекватность полученного результата. Если произошла техническая ошибка, то маловероятно, что она будет обнаружена и исправлена.

Пятая способность – это прогнозирование результатов математического и компьютерного моделирования при решении учебных за-

дач. Объективная интерпретация результатов решения задачи с помощью моделирования средствами математики и вычислительной техники отражает ситуацию, тесно связанную с реальными задачами современного производства. Умение виртуально моделировать сложные статистические и динамические процессы при решении учебных задач с прикладным экономическим содержанием выступает основой для формирования теоретического типа мышления студентов.

Прикладные математические компетенции студентов развиваются целенаправленно в процессе изучения математических дисциплин. Процесс обучения формирует заданную систему способностей. Студенты изучают математические модели для описания экономических систем, процессов и явлений. Они учатся применять математические методы для решения задач с прикладным содержанием. Они используют компьютерное моделирование для выполнения лабораторных работ по математике и математическим дисциплинам.

Авторы статьи предлагают выделить три принципа организации обучения студентов математическим дисциплинам. *Первый принцип*: ориентация прикладных математических компетенций на профессиональную экономическую деятельность. *Второй принцип*: логическая взаимосвязь математических компетенций абитуриентов, студентов, бакалавров. *Третий принцип*: интеграция образовательных технологий и информационно-коммуникационных технологий.

Построение педагогической технологии обучения математике студентов экономического вуза на основе представленных принципов позволяет преподавателю актуализировать значимость математического и компьютерного моделирования в развитии современного производства. Студенты имеют возможность наглядно увидеть применение математических инструментов для решения сложных экономических проблем. Система математических понятий формируется последовательно и логично, а прикладные математические компетенции развиваются целенаправленно.

Приведем пример учебной оптимизационной задачи, рассматриваемой при изучении *линейного программирования*, которое представляет собой не только науку о методах исследования и отыскания экстремальных (наибольших и наименьших) значений линейной функции, на неизвестные которой наложены линейные ограничения, но и специальный класс оптимизационных задач, в котором все отношения между переменными выражаются линейными функциями, а переменные принимают действительные значения. Математической моделью экономической задачи называется совокупность математических соотношений, описывающих рассматриваемый экономический процесс. Для составления математической модели необходимо выбрать переменные задачи, составить систему ограничений и задать целевую функцию.

Математическая модель задачи линейного программирования (ЗЛП) называется основной, если ограничения в ней представлены в виде уравнений при условии неотрицательности переменных. В этом случае она имеет следующий вид:

$$L(X) = \sum_{j=1}^n c_j x_j \rightarrow \max(\min), \quad (1)$$

$$\sum_{j=1}^n a_{ij} x_j \leq (\geq, =) b_i, x_j \geq 0, i = \overline{1, m}, j = \overline{1, n}. \quad (2)$$

Функция $L(X)$ (1) называется целевой функцией. Неравенства (2) образуют систему, которая включает m неравенств с n переменными и называется системой ограничений ЗЛП.

Содержание ЗЛП формулируется следующим образом: необходимо найти набор действительных чисел (вектор) $X_{\text{опт}} = (x_1, x_2, \dots, x_n)$, доставляющий экстремум (максимум или минимум) линейной целевой функции (1) и удовлетворяющий системе ограничений (2).

Задача. В обязанности менеджера торговой фирмы входит не только продажа микроволновых печей и морозильных камер, но и организация транспортировки товаров покупателям. Продажа покупателю одной микроволновой печи приносит менеджеру 6 баллов, а одной морозильной камеры – 9 баллов. Пропорционально количеству набранных баллов менеджеру по итогам рабочего дня выплачивается премия. Хранение на складе одной микроволновой печи занимает два условных места, а морозильной камеры – 3 условных места. Менеджер может использовать на складе в течение одного рабочего дня не более 27 мест для хранения товаров. Транспортировка приобретенной покупателями продукции осуществляется двумя транспортными средствами – пикапом и минивеном. Микроволновые печи удобнее доставлять пикапом, а морозильные камеры – минивеном. Эффективность транспортировки минивеном одной микроволновой печи оценивается коэффициентом (–1), а эффективность транспортировки одной морозильной камеры – коэффициентом 4. Использование минивена считается целесообразным, если доставка товаров покупателям оценивается коэффициентом транспортировки, равным не менее чем трем единицам. Эффективность транспортировки пикапом одной микроволновой печи оценивается коэффициентом 3, а эффективность транспортировки морозильной камеры – коэффициентом (–1). Использование пикапа считается целесообразным, если доставка товаров покупателям оценивается коэффициентом транспортировки, равным не менее чем тринадцати единицам. Какое количество микроволновых печей и морозильных камер необходимо продать менеджеру за рабочий день, чтобы получить максимальную премию? Какое транспортное средство целесообразно использовать для доставки товаров покупателям? [3].

Решая данную задачу, на первом этапе студенты строят ее математическую модель.

Введем переменные: x_1 – количество микроволновых печей, проданных в день менеджером; x_2 – количество морозильных камер, проданных в день менеджером. Целевая функция $L(X)$ – премиальное вознаграждение менеджеру за проданные товары.

Математическая модель задачи имеет следующий вид:

$$\begin{cases} 2x_1 + 3x_2 \leq 27, \\ -x_1 + 4x_2 \geq 3, \\ 3x_1 - x_2 \geq 13, \\ x_1 \geq 0, x_2 \geq 0. \end{cases}$$

Решение данной задачи целесообразно рассмотреть с помощью MS Excel. В библиотеку программного обеспечения электронных таблиц MS Excel входит программа «Поиск решения», которая позволяет находить в автоматическом режиме значения переменных величин.

Представленный кейс целенаправленно создает условия для погружения студентов в экономико-математическое моделирование.

Прикладные математические компетенции студентов проявляются на трех уровнях: 1) выполнение простых тестов по математическим дисциплинам; 2) решение учебных математических задач с экономическим содержанием; 3) проведение учебных исследований экономических явлений и процессов. Клиповый тип мышления неплохо обеспечивает успешное выполнение тестов и решение простых учебных задач. Концептуальный тип мышления позволяет иметь определенные учебные достижения при решении учебных задач с экономическим содержанием. Теоретический тип мышления предоставляет возможность проектировать и реализовывать учебно-исследовательскую и научно-исследовательскую деятельность в процессе освоения в вузе математики и математических дисциплин. При изучении экономических дисциплин прикладные математические компетенции студентов могут развиваться только в том случае, если студенты применяют математическое и компьютерное моделирование при выполнении упражнений или решении учебных задач по различным разделам экономики.

Результаты педагогических наблюдений. Если студенты проявляют *первый* уровень развития прикладных математических компетенций, то они не способны применять математическое и компьютерное моделирование при изучении других дисциплин. Если студенты проявляют *второй* уровень развития прикладных математических компетенций, то они способны применять математическое и компьютерное моделирование при решении простых учебных задач только по инструкции. Если студенты проявляют *третий* уровень развития прикладных математических компетенций, то они способны применять математическое и компьютерное моделирование при решении различных учебных задач с экономическим содержанием.

Пассивное обучение математическим дисциплинам (посещение лекций) формирует у студентов вуза прикладные математические компетенции на первом уровне. В их сознании закладывается основа экономико-математической картины мира. Активное обучение математическим дисциплинам (решение учебных задач с экономическим содержанием) формирует у студентов вуза прикладные математические компетенции на втором уровне. В сознании студентов развиваются различные взаимосвязи математических понятий. Интерактивное обучение математическим дисциплинам (выполнение учебных исследований) формирует у студентов вуза прикладные математические компетенции на третьем уровне. В сознании студентов закрепляются разнообразные модельные преобразования.

Заключение

Авторами статьи написано учебное пособие для студентов экономического вуза по результатам проведенных исследований [3]. Содержание и структуру этой работы определили требования современной цифровой экономики. С учетом экономико-управленческой направленности обучения студентов экономических направлений подготовки, на занятиях по математике особое внимание уделяется экономическому приложению оптимизационных задач, что помогает получить представления о возможностях практического применения математических методов в решении конкретных экономических задач, в том числе и с помощью информационных технологий. Важно, чтобы будущие экономисты научились решать не только конкретную задачу, но и могли увидеть и выделить существенные закономерности, составить математические модели при решении экономических задач, осуществить поиск значений искомым величин с помощью компьютерных приложений и программ, провести анализ полученных результатов и предложить адекватный прогноз.

Текст пособия описывает технологию компьютерного моделирования при решении задач линейного программирования. Дидактические материалы раскрывают взаимосвязь компьютерных и математических моделей задач линейного программирования. Компьютерное моделирование проводится средствами функций и программ электронных таблиц Excel. Такой подход учитывает потребности студентов в приобретении навыков использования возможностей электронных таблиц Excel. Система заданий позволяют организовать пассивное, активное и интерактивное обучение студентов на занятиях по математическим дисциплинам. Рассмотренная выше задача взята из данного пособия.

Развитие современных информационных и телекоммуникационных технологий изменит производство, общество и мышление. Человек адаптируется к достижениям современной экономики и развивает свои компетенции. Прикладные математические компетенции формируются в процессе математической деятельности, но проявляются во многих видах интеллектуальной деятельности. Умение составлять адекватные математические и компьютерные модели экономических систем, процессов и явлений повышает конкурентную способность современного бакалавра экономики на рынке занятости.

Информация об авторах

Ольга Валентиновна Куликова, доцент кафедры шахматного искусства и компьютерной математики, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Алла Александровна Кныш, старший преподаватель кафедры шахматного искусства и компьютерной математики, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Olga V. Kulikova, Associate Professor, Department of Chess Art and Computer Mathematics, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.

Alla A. Knysh, Senior Teacher, Department of Chess Art and Computer Mathematics, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Боярский М. Д., Локшин М. Д., Харитонов И. О. Применение математических методов в исследованиях нобелевских лауреатов по экономике : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Уральского государственного экономического университета, 2018. 82 с.
2. Коковихин А. Ю., Кансафарова Т. А., Шарапова Н. В. Современная экономика: разрыв в компетенциях и институты рынка труда // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15, № 2. С. 316–324.
3. Куликова О. В., Кныш А. А., Миронов Д. С. Анализ экономического приложения задач линейного программирования с помощью ИКТ : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Уральского государственного экономического университета, 2018. 85 с.
4. Куликова О. В., Чуев Н. П. Развитие творческих способностей и культуры мышления студентов вуза при изучении математики // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2012. № 3(15). С. 120–128.
5. Мельников Ю. Б., Боярский М. Д., Локшин М. Д. Определение приоритетов обучения математике будущих экономистов и инженеров на основе моделей математики // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=27321> (дата обращения: 23.06.2019).
6. Мельников Ю. Б., Онохина Е. А., Шитиков С. А. Улучшение адекватности экономических моделей // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19, № 1. С. 94–106. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-1-8
7. Пендикова И. Г. Клиповое и концептуальное мышление как разные уровни процесса мышления // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2016. № 1. С. 53–56.
8. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Издательство «Э», 2017. 208 с.
9. Kleit F. The Design of a Sustainable Competency-Based Human Resources Management: A Holistic Approach // Knowledge Management & E-Learning : An International Journal. 2010. No. 2 (3). P. 278–292.
10. Lin C., Yeh J.-M., Tseng S.-M. Case Study on Knowledge-Management Gaps // Journal of Knowledge Management. 2005. Vol. 9, No. 3. P. 36–50.
11. Ostylovskaya O. A., Shershneva V. A. The formation of a research competence of a bachelor learning mathematics in a two-level system of education // Bulletin of Krasnoyarsk state pedagogical University named after V. P. Astafiev. 2016. № 3 (37). P. 85–90.

Статья поступила в редакцию: 11.09.19

Принята к публикации: 14.10.19

References

1. Boyarsky MD, Lokshin MD, Kharitonov IO. *Primenenie matematicheskikh metodov v issledovaniyakh nobelevskikh laureatov po ekonomike [Application of Mathematical Methods in Research by Nobel Prize Winners in Economics]*. Yekaterinburg: Ural State University of Economics Press; 2018. 82 p. (In Russ.).
2. Kokovikhin AY, Kansafarova TA, Sharapova NV. *Sovremennaya ekonomika: razryv v kompetentsiyakh i instituty rynka truda [Contemporary Economics: Competence Gap and Labor Market Institutions]*. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Journal of Economical Theory*. 2018;15(2): 316–324. (In Russ.).
3. Kulikova OV, Knysh AA, Mironov DS. *Analiz ekonomicheskogo prilozheniya zadach lineinogo programmirovaniya s pomoshch'yu IKT [Analysis of Economic Application of Linear Programming Problems Using ICT]*. Yekaterinburg: Ural State University of Economics Press; 2018. 85 p. (In Russ.).

4. Kulikova OV, Chuev NP. Razvitie tvorcheskikh sposobnostei i kul'tury myshleniya studentov vuza pri izuchenii matematiki [Developing Creative Abilities and Thinking Culture in College Students while Studying Mathematics]. *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya = Ural State University of Railway Transport Bulletin*. 2012;3(15): 120–128. (In Russ.).
5. Melnikov YB, Boyarsky MD, Lokshin MD. Opredelenie prioritetrov obucheniya matematike budushchikh ekonomistov i inzhenerov na osnove modelei matematiki [Defining Priorities of Teaching Mathematics to Future Economists and Engineers Based on Mathematical Models]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Contemporary Problems of Science and Education*. 2017;6. Available from: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=27321> [Accessed 23.06.2019]. (In Russ.).
6. Melnikov YB, Onokhina EA, Shitikov SA. Uluchshenie adekvatnosti ekonomicheskikh modelei [Improving Adequacy of Economic Models]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Ural State University of Economics News*. 2018;19(1): 94–106. Available from: doi:10.29141/2073-1019-2018-19-1-8 (In Russ.).
7. Pendikova IG. Klipovoe i kontseptual'noe myshlenie kak raznye urovni protsessa myshleniya [Clip Thinking and Concept Thinking as Different Levels of Thinking Process]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya : Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Science Bulletin. "Society. History. Contemporaneity" Series*. 2016;1: 53–56. (In Russ.).
8. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution]*. Moscow: "E" Publishing House; 2017. 208 p. (In Russ.).
9. Kleit F. The Design of a Sustainable Competency-Based Human Resources Management: A Holistic Approach. *Knowledge Management & E-Learning: An International Journal*. 2010;2(3): 278–292.
10. Lin C, Yeh J-M, Tseng S-M. Case Study on Knowledge-Management Gaps. *Journal of Knowledge Management*. 2005;9(3): 36–50.
11. Ostylovskaya OA, Shershneva VA. The formation of a research competence of a bachelor learning mathematics in a two-level system of education. *Bulletin of Krasnoyarsk state pedagogical University named after V. P. Astafiev*. 2016;3(37): 85–90.

Submitted 11.09.19 Accepted 14.10.19

8. Секция физической культуры и спорта

Physical Culture & Sports

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS01
УДК 796.422.12-053.67

Компетентностно ориентированная технология подготовки юных легкоатлетов-спринтеров

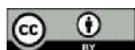
Виктор В. Гайл¹,
ORCID: 0000-0002-9612-8142, e-mail: v.v.gail@urfu.ru
Анатолий В. Чудиновских²,
ORCID: 0000-0001-6561-7413, e-mail: a.v.chudinovskikh@urfu.ru
Антон П. Фаттахов³,
ORCID: 0000-0002-0379-9028, e-mail: fattakhov.a95@yandex.ru
^{1, 2, 3} Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Предпосылкой данного исследования является необходимость расширения содержания образования в детских спортивных школах с использованием компетентностного подхода и отсутствие попыток его внедрения в подготовку легкоатлетов-спринтеров. Цель исследования – обосновать, разработать и в ходе опытно-поисковой деятельности проверить эффективность технологии компетентностно ориентированной подготовки спринтеров 12–14 лет. Эта технология базируется на теории поэтапного формирования ориентировочной основы действий. Для решения поставленных задач нами использовались следующие методы исследования: сравнительный, системный анализ психолого-педагогической, медико-биологической литературы, изучение практического опыта, наблюдение и самонаблюдение; психолого-педагогические и социологические (опрос, тестирование, экспертная оценка); экспериментальные (формирующий эксперимент). Экспертная оценка эффективности формирования компетенций проводилась с помощью квалиметрической методики. Определена структура и содержание 5 компетенций легкоатлета-спринтера. Сформированность компетенций у спортсменов в экспериментальной группе достигла высокого уровня. Его величины при оценке общих для легкоатлетов способностей: определять структуру и содержание разминки, правильно выполнять упражнения на развитие двигательных качеств, вести правильный образ жизни составили 85,1, 86,2 и 89,5 % соответственно. Уровень сформированности специальных компетенций – способности выполнять двигательные действия в соответствии с правилами техники спринтерского бега и способности настраиваться на соревнования – оказался несколько ниже и составил 71,9 и 73,3 % соответственно. Учитывая относительно непродолжительный период компетентностно ориентированного обучения (3 месяца), приведенные показатели, на наш взгляд, вполне можно расценивать положительно.

Ключевые слова: легкая атлетика, спринтерский бег, компетенции спортсмена, образовательная технология.

Для цитирования: Гайл В. В., Чудиновских А. В., Фаттахов А. П. Компетентностно ориентированная технология подготовки юных легкоатлетов-спринтеров // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мишек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 523–531. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS01.

© В. В. Гайл, А. В. Чудиновских, А. П. Фаттахов, 2019

Competence-Oriented Technology of Young Sprint Athletes Training

Viktor V. Gayl¹,

ORCID: 0000-0002-9612-8142, e-mail: v.v.gail@urfu.ru

Anatoly V. Chudinovskikh²,

ORCID: 0000-0001-6561-7413, e-mail: a.v.chudinovskikh@urfu.ru

Anton P. Fattakhov³,

ORCID: 0000-0002-0379-9028, e-mail: fattakhov.a95@yandex.ru

^{1,2,3} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. This research is triggered by the need to expand the educational content at children's sport schools, applying a competence-based approach, and also by the lack of attempts to implement it in sprint athletes training. The research aims to explain, develop and test, within pilot searching efforts, the efficiency of competence-oriented technology for training 12–14-year-old sprinters. This technology is based on the theory of stage-by-stage creation of benchmark basis for activities. To solve the above tasks, we used the following research methods: comparative and systemic analysis of psychological and pedagogical, medical and biological literature; studying practical experience; observational methods (observation and self-observation); psychological, pedagogical and sociological methods (polls, testing, expert estimates); experimental methods (a teaching experiment). The expert evaluation of competence-building efficiency was conducted with the qualimetric method. The structure and content of 5 sprint athlete competences were identified. A high level of competence-building was achieved with athletes in the experimental group. There, numeric indicators of general athletes' capabilities – determining warm-up structure and content, performing motor development exercises correctly, maintaining a healthy lifestyle – were 85.1%, 86.2% and 89.5% respectively. The level of special competences – capability to perform motor actions according to rules of the sprint running technique, capability to psyche up for competitions – was slightly lower, reaching 71.9% and 73.3% respectively. Taking into account the relatively short period of competence-oriented training (3 months), we believe that the above performance indicators can be considered positive.

Keywords: track-and-field, sprinting, athletes' competences, educational technology.

For citation: Gayl VV, Chudinovskikh AV, Fattakhov AP. Competence-Oriented Technology of Young Sprint Athletes Training. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 523–531. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PS01.

Введение

В современной научно-методической литературе имеются обширные сведения о применении компетентностного подхода в педагогической практике. Необходимость его использования в спорте отмечается многими авторами [2]. В профессиональных стандартах устанавливаются компетенции для тренеров и спортсменов без конкретизации в соответствии со спецификой вида спорта. Исследователями предпринимаются попытки определить содержание и структуру компетенций, формирование которых у спортсменов позволяет более активно и сознательно приобретать огромный багаж знаний и умений, необходимых в соревновательной деятельности и подготовке к ней [9]. Однако ис-

следования в этом направлении весьма малочисленны и затрагивают отдельные аспекты подготовки в различных видах спорта.

Цель исследования – обосновать, разработать и в ходе опытно-поисковой деятельности проверить эффективность технологии компетентностно ориентированной подготовки спринтеров 12–14 лет.

Методы исследования

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: сравнительный, системный анализ психолого-педагогической, медико-биологической литературы, изучение практического опыта, наблюдательные (наблюдение и самонаблюдение); психолого-педагогические и социологические (опрос, тестирование, экспертная оценка); экспериментальные (формирующий эксперимент); стандартные методики количественного и качественного анализа.

Так, в работе Е. В. Кудряшева с соавт. [3], рассматривается формирование технической компетенции теннисисток. О неполном соответствии существующей программы подготовки фигуристов современным требованиям сообщает Ю. Н. Тишков [7]. Он отмечает, что реализация современного стандарта подготовки фигуристов может подготовить спортсмена, действующего лишь по шаблону. В изменяющихся условиях фигурист нередко теряется. Выходом из данной ситуации автор считает выделение компетенций фигуриста и внедрение их в тренировочный процесс. Формирование коммуникативной компетенции у футболистов предлагает Б. В. Рыкова [6]. Автор считает, что выработка специальных систем сигналов, их знание и применение во время игры способствуют более успешной синхронизации действий команды. В исследовании И. Н. Трутаевой [8] проводится сравнительный анализ компетенций тренера и спортсмена в конькобежном спорте. Е. П. Новоселовой апробирована образовательная технология начального обучения гольфу [4]. S. Drake с соавторами [11] описывают компетенции велосипедиста. Их структура представлена следующим образом: физическая и физиологическая подготовка, тренировочное и соревновательное поведение, психологическое, эмоциональное и социальное поведение, техническая и тактическая компетенции, знания об инвентаре. Данную структуру предлагается реализовывать в течение трех фаз: предсоревновательной, ранней соревновательной и поздней соревновательной. Критериями их выделения определяются возраст, цели и основные приоритеты развития. В данном исследовании приводится более 100 компетенций. По нашему мнению, далеко не все из них являются таковыми. Компетенции велосипедиста более точно структурированы в исследовании И. С. Потапова [5]. Не отрицая положительного влияния данных работ на развитие компетентностного подхода в спортивной подготовке, следует признать их существенный недостаток – отсутствие инструментария оценки уровня сформированности предлагаемых компетенций. Лишь в единичных работах приводятся материалы по оцениванию результатов. Так, Laura Bortoli и др. предлагают шкалу, названную Borg Category Ratio (CR-10) scale, отражающую уровень сформированности компетенций молодых спортсменов [10]. Отсутствие каких-либо работ и попыток внедрения компетентностного подхода в подготовку легкоатлетов-спринтеров определяет актуальность данной работы. Цель исследования – обосновать, разработать и в ходе опытно-

поисковой деятельности проверить эффективность технологии компетентностно ориентированной подготовки спринтеров 12–14 лет.

Общими компетенциями должен обладать каждый легкоатлет независимо от его специализации. Их формирование позволяет снизить риск получения травм, индивидуализировать процесс тренировки. Выделены следующие общие компетенции: способность определять структуру и содержание разминки; способность правильно выполнять упражнения кондиционной тренировки; способность выполнять правила здоровьесбережения. К специальным компетенциям спринтера мы отнесли техническую – способность выполнять двигательные действия в соответствии с правилами техники спринтерского бега и психологическую – способность настраиваться на соревнования.

Образовательная технология формирования всех пяти компетенций у спортсменов имеет структуру, состоящую из блоков: диагностического; целевого; информационного; деятельностного; результативно-коррекционного. Диагностический блок направлен на получение информации об исходном уровне сформированности каждой компетенции. С помощью квалиметрической методики оценки получены данные об уровне знаний и понимания, о сформированности умений. Способность осмысливать теоретические знания проверялась при выполнении заданий на анализ и синтез. Знания оценивались с помощью тестовых заданий с акцентом на спринтерском беге. Оценка умений юных легкоатлетов осуществлялась при выполнении пробных забегов, свободного бега, выхода со стартовых колодок и финиширования. Качество обучения оценивалось экспертами из числа квалифицированных тренеров. Фиксировалось выполнение каждым спортсменом основных опорных точек (ООТ) – правил техники. Уровень обученности определялся по соотношению выполняемых ООТ к общему их числу для данного двигательного действия. Задачей целевого блока является формулирование базовых целей для дальнейшей работы, выявление наиболее проблемных зон, распределение задач и приоритетов в обучении каждого спортсмена и всей группы. Информационный блок образовательной технологии представлен учебным пособием и наглядными материалами, которые содержат структурированные сведения, освоение которых необходимо для формирования компетенций. Деятельностный блок содержит способы обучения, специальные упражнения и задания, направленные на закрепление отдельных ООТ. Для формирования знаний в каждой компетенции проводились мини-лекции с объяснением основных правил, беседы с ответами на вопросы, использовались средства наглядности, самостоятельно изучались учениками разделы разработанного нами пособия. В начале тренировок словесно воспроизводились правила техники, объяснялась необходимость их выполнения. На тренировках спортсмены проводили самоанализ выполнения, что позволило повысить активность занимающихся в обучении. Результативно-коррекционный блок включает мероприятия по проверке эффективности обучения, выявлению текущего и итогового уровня сформированности компетенций. Анализ выполнения компетентностно ориентированных заданий позволяет выявить неосвоенные элементы содержания каждой компетенции, предложить задания с повторением теоретического материала, выбрать специальные упражнения, позволяющие закрепить недостаточно освоенные правила техники.

Результаты и обсуждение

Формирующий эксперимент проводился в отделении легкой атлетики спортивной школы «Росток» (г. Екатеринбург) в сентябре – ноябре 2018 г. Контрольную группу составили юноши 12–14 лет в составе 16 человек, экспериментальную – 14 сверстников.

По завершении формирующего эксперимента определялся уровень сформированности каждой компетенции легкоатлета с помощью разработанных нами компетентностно ориентированных заданий. Как видно на таблицы 1, сформированность компетенций у спортсменов в экспериментальной группе достигла высокого уровня. Его величины при оценке общелегкоатлетических способностей – определять структуру и содержание разминки, правильно выполнять упражнения на развитие двигательных качеств, вести правильный образ жизни – составили 85,1, 86,2 и 89,5 % соответственно. Показатели сформированности специальных компетенций – способность выполнять двигательные действия в соответствии с правилами техники спринтерского бега и способность настраиваться на соревнования – оказались несколько ниже и составили 71,9 и 73,3 % соответственно. Учитывая относительно непродолжительный период апробации компетентностно ориентированного обучения легкоатлетов-спринтеров 12–14 лет, приведенные показатели, на наш взгляд, вполне можно расценивать положительно.

Таблица 1

Компетенции	Макс. балл	$M \pm m$	Уровень освоения, %
Способность определять структуру и содержание разминки	47	$40,00 \pm 0,76$	85,1
Способность правильно выполнять упражнения на развитие двигательных способностей	53	$45,66 \pm 0,65$	86,2
Способность правильно выполнять упражнения кондиционной тренировки	34	$30,41 \pm 0,49$	89,5
Способность настраиваться на соревнования	29	$21,25 \pm 0,66$	73,3

Результаты итоговой оценки сформированности технической компетенции – способность выполнять двигательные действия в соответствии с правилами техники (табл. 2) показывают в целом высокий ее уровень – 83,2 %. Видно, что формирование способности к анализу ситуаций и двигательных действий происходило несколько медленнее, чем в других компонентах данной компетенции. По нашему мнению, это обусловлено трудностью аналитической деятельности в указанном возрасте.

Таблица 2

**Уровень сформированности технической компетенции
и ее компонентов в экспериментальной группе
в начале и конце эксперимента**

№ п.п.	Компоненты компетенции	Макс. балл	В начале		В конце	
			$M \pm m$	Уровень освоения, %	$M \pm m$	Уровень освоения, %
1	Знание – запоминание, воспроизведение	8	$0,83 \pm 0,24$	10,41	$7,16 \pm 0,21$	89,6
2	Знание – понимание	11	$1,83 \pm 0,21$	16,6	$9,33 \pm 0,35$	84,8
3	Выполнение в известной ситуации	29	$3,66 \pm 0,35$	12,64	$24,58 \pm 0,51$	84,8
4	Анализ	11	$3,00 \pm 0,37$	27,27	$8,00 \pm 0,37$	72,7
	Итоговый балл по компетенции в целом	59	$9,33 \pm 0,80$	15,82	$49,08 \pm 0,98$	83,2

В таблице 3 представлены результаты формирования ориентировочной основы двигательных действий в спринтерском беге. Видно, что средние величины количества освоенных ООТ в экспериментальной группе обладают статистически достоверными отличиями от таковых в контрольной группе (*t*-критерий Стьюдента).

Таблица 3

**Динамика обученности двигательным действиям спринтеров
12–14 лет в контрольной (К) и экспериментальной (Э) группах
в начале и в конце эксперимента**

Двигательные действия	Группа	В начале		В конце	
		$M \pm m$	<i>P</i>	$M \pm m$	<i>P</i>
Старт и разгон, кол-во выполняемых ООТ	К	$1,38 \pm 0,14$	0,9	$3,45 \pm 0,19$	0,0017
	Э	$1,41 \pm 0,16$		$4,33 \pm 0,16$	
Бег по дистанции, кол-во выполняемых ООТ	К	$2,02 \pm 0,21$	0,524	$2,11 \pm 0,29$	0,0008
	Э	$3,52 \pm 0,32$		$4,69 \pm 0,52$	
Финиширование, кол-во выполняемых ООТ	К	$1,38 \pm 0,13$	0,616	$2,47 \pm 0,19$	0,0183
	Э	$1,33 \pm 0,17$		$2,8 \pm 0,09$	

Заключение

Ориентировочная основа двигательных действий в спринте, построенная в виде последовательности основных опорных точек – правил техники, требующих концентрации внимания при обучении [1], составила стержень технической компетенции. Таким образом, теория формирования ориентировочной основы двигательных действий, предложенная М. М. Богеном, может выступать в качестве методологической основы проектирования компетентностно ориентированной технической подготовки в спорте.

Информация об авторах

Виктор Вадимович Гайл, доцент, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой теории физической культуры Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Анатолий Владимирович Чудиновских, доцент, кандидат биологических наук, профессор кафедры теории физической культуры Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Антон Павлович Фаттахов, магистрант Института физической культуры, спорта и молодежной политики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Viktor V. Gayl, Associate Professor, Cand. Sci. (Pedagogy), Head of Department of Physical Culture Theory, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Anatoly V. Chudinovskikh, Associate Professor, Cand. Sci. (Biology), Professor, Department of Physical Culture Theory, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Anton P. Fattakhov, Graduate Student, Institute of Physical Culture, Sports and Youth Policy, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Боген М. М. Физическое воспитание и спортивная тренировка: обучение двигательным действиям: теория и методика. Изд. 2-е, доп. М. : Либроком, 2010. 193 с.

2. Бондаренко М. П. Разработка новой системы оплаты труда профессиональных спортсменов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15993> (дата обращения: 10.05.2019).

3. Кудряшев Е. В., Ижболдина Е. А., Кораблева О. В., Паначаев В. Д. Моделирование технической подготовленности квалифицированных спортсменов, специализирующихся в настольном теннисе // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2015. № 2 (35). С. 54–58.

4. Новоселова Е. П., Чудиновских А. В. Содержание компетентностно ориентированного начального обучения гольфу // Здоровье, физическая культура и спорт в высшей школе: опыт, проблемы и перспективы : материалы Всеросс. заочной науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 250–255.

5. Потапов И. С., Чудиновских А. В. Формирование компетенций велосипедиста в шоссейных гонках у юношей 13–14 лет // Современные проблемы развития физической культуры и спорта : сборник материалов международной научно-практической конференции. Актобе : Актюбинский региональный гос. ун-т, 2018. С. 399–404.

6. Рыкова Б. В., Синяев С. С. Формирование коммуникативной компетенции как фактор успешной спортивной деятельности футболистов высокой квалификации // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 281–284.

7. Тишков Ю. Н. Теоретические предпосылки модернизации тренировочного процесса фигуристов // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 241–242.

8. Трутаева И. Н. Разграничение компетенций между тренером и спортсменом в условиях трехциклового периодизации тренировочного процесса конькобежцев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Образование. Педагогические науки. 2012. № 4 (263). С. 111–116.

9. Ямалетдинова Г. А. Педагогика физической культуры и спорта. М. : Юрайт, 2017. 244 с.

10. Bortoli L., Bertollo M. et al. Competence, achievement goals, motivational climate, and pleasant psychobiosocial states in youth sport // Journal of Sports Sciences. 2011. № 29 (2). P.171–180.

11. USA Cycling Athlete Competency Statement. Colorado Springs : USA Cycling, 2001. URL: <http://s3.amazonaws.com/USACWeb/forms/coaches/AthleteCompetency2001.pdf> (дата обращения: 10.05.2019).

Статья поступила в редакцию: 18.06.19

Принята к публикации: 19.09.19

References

1. Bogen MM. *Fizicheskoe vospitanie i sportivnaya trenirovka: obuchenie dvigatel'nykh deistviyam: teoriya i metodika [Physical Education and Sports Training: Teaching Motor Actions: Theory and Method]*. 2nd ed. Moscow: Librocom; 2010. 193 p. (In Russ.).
2. Bondarenko MP. Razrabotka novoi sistemy oplaty truda professional'nykh sportsmenov [Developing a New System of Professional Athletes' Compensation]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Contemporary Problems of Science and Education*. 2014;6. Available from: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15993> [Accessed 10.05.2019]. (In Russ.).
3. Kudryashev EV, Izboldina EA, Korableva OV, Panachaev VD. Modelirovanie tekhnicheskoi podgotovlennosti kvalifitsirovannykh sportsmenok, spetsializiruyushchikhsya v nastol'nom tennise [Modeling Technical Preparation Level of Qualified Female Athletes Specializing in Table Tennis]. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoi kul'tury i sporta = Pedagogical and Psychological, Medical and Biological Problems of Physical Culture and Sport*. 2015;2(35): 54–58. (In Russ.).
4. Novoselova EP, Chudinovskikh AV. Soderzhanie kompetentnostno orientirovannogo nachal'nogo obucheniya gol'fu [Content of Competence-Oriented Initial Golf Training]. In: *Zdorov'e, fizicheskaya kul'tura i sport v vysshei shkole: opyt, problemy i perspektivy [Health, Physical Culture and Sport in Graduate Schools: Experience, Problems and Prospects]: Proceedings of All-Russian Virtual Scientific and Practical Conference with International Attendance*. Yekaterinburg: Ural University Press; 2018. p. 250–255. (In Russ.).
5. Potapov IS, Chudinovskikh AV. Formirovanie kompetentsii velosipedista v shosseinykh gonkakh u yunoshei 13–14 let [Building Cyclist's Competences in Road Racing for 13–14-Year-Old Boys]. In: *Sovremennye problemy razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta [Contemporary Problems of Physical Culture and Sport Development]: Proceedings of International Scientific and Practical Conference*. Aktobe: Aktobe Regional State University; 2018. p. 399–404. (In Russ.).
6. Rykova BV, Sinyaev SS. Formirovanie kommunikativnoi kompetentsii kak faktor uspekhov sportivnoi deyatel'nosti futbolistov vysokoi kvalifikatsii [Building Communicative Competence as a Factor of Successful Sports Activities in Top-Qualification Soccer Players]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2012;4: 281–284. (In Russ.).
7. Tishkov YN. Teoreticheskie predposylki modernizatsii trenirovochnogo protsessa figuristov [Theoretical Prerequisites of Figure Skater's Training Process Modernization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Bulletin*. 2008;317: 241–242. (In Russ.).
8. Trutaeva IN. Razgranichenie kompetentsii mezhdu trenerom i sportsmenom v usloviyakh trekhtsiklovoi periodizatsii trenirovochnogo protsessa kon'kobezhitsev [Distinguishing Competences between Coach and Athlete under Conditions of Three-Cycle Periods in Speed Skaters Training Process]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki = South Ural State University Bulletin. Series: Education. Pedagogical Sciences*. 2012;4(263): 111–116. (In Russ.).
9. Yamaletdinova GA. *Pedagogika fizicheskoi kul'tury i sporta [Pedagogy of Physical Culture and Sport]*. Moscow: Urait, 2017. 244 p. (In Russ.).

10. Bortoli L, Bertollo M, et al. Competence, achievement goals, motivational climate, and pleasant psychobiosocial states in youth sport. *Journal of Sports Sciences*. 2011;29(2): 171–180. (In Russ.).

11. USA Cycling. *USA Cycling Athlete Competency Statement*. Colorado Springs; 2001. Available from: <http://s3.amazonaws.com/USACWeb/forms/coaches/AthleteCompetency2001.pdf> [Accessed 10.05.2019]. (In Russ.).

Submitted 18.06.19 Accepted 19.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS02
УДК 613.71-055.2

Изменение физического и функционального состояния женщин молодого возраста, занимающихся калланетикой

Ирина Н. Гернет,

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-0965-468X, e-mail: irinagernet@yandex.ru

Валентина Н. Пушкина,

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»;
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6092-7102, e-mail: taiss43@yandex.ru

Аннотация. Современные фитнес-центры стараются привлекать клиентов интересными названиями методик, улучшающих двигательную активность. Особый интерес у женщин молодого возраста вызывают методы, направленные на коррекцию массы тела и приобретение желаемых форм. Не многие задумываются о пользе для здоровья, большинство интересуется конечный результат. Среди множества фитнес-методов встречаются те, которые до сих пор не имеют научного обоснования их эффективности и безопасности для здоровья человека. Исследование посвящено оценке эффективности воздействия на биологический возраст, антропометрические показатели, функциональное состояние сердечно-сосудистой и дыхательной систем и уровень работоспособности у женщин молодого возраста, имеющих и не имеющих вредную привычку курить. Для решения поставленных задач использовались теоретические методы исследования: системный, логический анализ медицинской и психолого-педагогической литературы, обобщение педагогического практического опыта. У женщин в динамике занятий оценивали индивидуальный биологический и должный возраст; антропометрические данные, функциональные показатели дыхательной и сердечно-сосудистой систем; определяли уровень работоспособности при помощи теста PWC170 по методике Л. И. Абросимовой, мышечной выносливости, уровень физической подготовленности по показателям развития гибкости, силы и т. д. Проведенное исследование показало, что калланетика является эффективным методом коррекции биологического возраста, антропометрических показателей, при этом благоприятно влияет на кардиореспираторную систему и уровень работоспособности, но курение частично нивелирует положительное воздействие методики.

Ключевые слова: калланетика, женщины молодого возраста, биологический возраст, кардиореспираторная система, уровень работоспособности, физические качества.

Для цитирования: Гернет И. Н., Пушкина В. Н. Изменение физического и функционального состояния женщин молодого возраста, занимающихся калланетикой // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 532–540. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS02.

© И. Н. Гернет, В. Н. Пушкина, 2019

Changes in Physical and Functional Condition of Young Women Doing Callanetics

Irina N. Gernet,

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0965-468X, e-mail: irinagernet@yandex.ru

Valentina N. Pushkina,

Moscow City Pedagogical University;
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6092-7102, e-mail: taiss43@yandex.ru

Abstract. Contemporary fitness centers try to attract customers with interesting names of methods improving motor activity. Young women are particularly interested in methods aimed at body mass correction and achieving the desired shapes. Not many of them consider health benefit; most are interested in the final outcome. Numerous fitness methods include those whose efficiency and safety for human health still has no scientific evidence. This research is devoted to assessing the efficiency of impacting the biological age, anthropometric indicators and functional condition of cardiovascular and respiratory system, as well as working capacity of young women having and not having the harmful habit of smoking. To solve the above tasks, theoretical research methods were applied: systemic and logical analysis of medical, psychological and pedagogical literature; generalization of practical pedagogical experience. As women were taking exercise, their individual biological and proper age was measured along with anthropometric indicators and functional indicators of respiratory and cardiovascular system; working capacity was measured with PWC170 test following L. I. Abrosimova's method; muscular stamina and physical fitness levels were measured by flexibility, strength, etc. development indicators. The conducted research demonstrated that Callanetics was an efficient method of correcting the biological age and anthropometric indicators, while making a beneficial impact on cardio-respiratory system and working capacity; smoking, however, frequently neutralizes the technique's positive impact.

Keywords: Callanetics, young women, biological age, cardio-respiratory system, working capacity, physical characteristics.

For citation: Gernet IN, Pushkina VN. Changes in Physical and Functional Condition of Young Women Doing Callanetics. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 532–540. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PS02.

Введение

Калланетика – это комплекс упражнений гимнастической направленности, созданный Каллан Пинкней. Программа статических гимнастических упражнений направлена на сокращение и растяжение мышц. По мнению ряда авторов, всего один час применения калланетики соответствует семи часам занятий шейпингом или 24 часам аэробики [1; 2; 3; 4; 11].

В основе система калланетик состоит из статических нагрузок и растяжения мышц после каждого упражнения, целью которых является избегание мышечных болей и избыточной гипертрофии мышечных волокон. Во время выполнения упражнений в статическом режиме происходят сокращения отдельных мышечных волокон [5; 12]. В основу закладываются принципы стретчинга и статического сокращения

мышц, которые вызывают активность глубоких мышечных групп. Комплекс упражнения составлен с учетом того, чтобы в работу вовлекались одновременно все основные мышцы тела. Имеются данные, что регулярные тренировки калланетикой способствуют коррекции физиологических изгибов позвоночника, увеличивают обмен веществ, снижают массу тела, повышают гибкость, эластичность мышечно-связочного аппарата, стрессоустойчивость и уверенность в своих силах [8; 9]. В литературных источниках встречается информация о том, какое воздействие на женский организм в различные возрастные периоды оказывает такое оздоровительное направление, как калланетика. Кроме того, рассматриваются вопросы воздействия такого вида физических нагрузок на кардиореспираторную систему, физическую и функциональную подготовленность [6; 7, 10]. Несмотря на распространенность применения калланетики в фитнес-центрах, ее влияние на организм молодых женщин исследовано недостаточно. Информация в литературных источниках встречается очень скудная и часто не имеет под собой научно-методического подтверждения.

Поэтому цель нашего исследования заключалась в оценке эффективности влияния методики калланетик на физическое и функциональное состояние, уровень физической работоспособности женщин молодого возраста.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи.

1. Оценить биологический возраст у женщин молодого возраста, сравнить его с паспортным в динамике применения системы калланетик.

2. Выявить динамику антропометрических и функциональных показателей у обследуемых женщин.

3. Проанализировать изменение физических качеств и уровень работоспособности у женщин, занимающихся по системе калланетик.

Методы исследования

В исследовании приняли участие 30 женщин молодого возраста, проживающих в военном гарнизоне (г. Мончегорск, Мурманской области), разделенных на 2 группы – курящих и некурящих. В контрольную группу (КГ) вошли 15 некурящих женщин (возраст $31,4 \pm 1,2$ год). Основную группу (ОГ) составили 15 курящих женщин (возраст $28,4 \pm 1,2$ лет). Все женщины были домохозяйками, женами военнослужащих. В период исследования женщины добровольно посещали занятия по методике калланетик 3 раза в неделю по 60 минут, комплекс состоял из 29 базовых упражнений. Дополнительно с участницами эксперимента проводились индивидуальные консультации и беседы на темы «Здоровый образ жизни», «Влияние курения на здоровье молодой женщины», «Вредные привычки», «Принципы правильного питания».

У женщин до начала тренировок и после применения комплекса калланетик (после 4 месяцев занятий) проведено изучение изменений антропометрических показателей (длина тела, см, и масса тела, кг), показателей калиперометрии (проводилось исследование толщины девяти базовых кожно-жировых складок, полученные данные суммировались и сравнивались в динамике), гипоксических функциональных проб (проба Штанге и проба Генчи), артериального давления, частоты

сердечных сокращений. На основе полученных показателей были рассчитаны: ударный объем сердца (УОС), минутный объем кровообращения (МОК), общее периферическое сопротивление сосудов (ОПСС), индекс массы тела (ИМТ). Уровень работоспособности определялся при помощи теста РWC170 по методике Л. И. Абросимовой с соавт. Оценивались показатели мышечной выносливости (количество выполненных модифицированных отжиманий), сердечно-дыхательная выносливость (показатель частоты сердечных сокращений через минуту отдыха после выполнения теста «Ступенька» (24 подъема в минуту, высота ступеньки 22 см, нагрузка 3 мин.), гибкость (расстояние, на которое удалось дотянуться кончиками средних пальцев рук при наклоне вперед с прямыми ногами) и силовые показатели (показатель кистевой динамометрии ведущей руки). Все показатели переводились в баллы, и проводилась оценка парадигмы тренированности женщин; проводилась оценка биологического возраста женщин относительно паспортного.

Результаты и обсуждение

Биологический возраст (БВ) – истинный показатель старения организма. Он тесно связан с показателями жизнеспособности человека. Оценка состояния здоровья по определению БВ отражает влияние на организм внешних условий и наличие (или отсутствие) патологических изменений. Потому необходимо следить за показателем своего биологического старения. На начало и конец обследования паспортный возраст женщин оставался без изменения. Биологический возраст у женщин, ведущих здоровый образ жизни (КГ), на момент исследования был ниже паспортного на 6 % ($p > 0,05$). У женщин основной группы биологический возраст достоверно превышал паспортный на 20 % ($p < 0,05$), что, видимо, связано с наличием вредной привычки курения. После 4 месяцев занятий калланетикой и посещения бесед о здоровом образе жизни у женщин обеих групп была отмечена положительная динамика: в контрольной группе БВ уменьшился еще на 6 % и стал достоверно ниже паспортного на 12 % ($p < 0,05$), в основной группе исследования биологический возраст достоверно снизился на 9 % ($p < 0,05$). После проведения бесед на темы, посвященные здоровому образу жизни, итоги опроса показали, что часть женщин из основной группы уменьшили количество выкуриваемых сигарет в день, что, вероятно, способствовало снижению их биологического возраста. Тем не менее, несмотря на положительную динамику показателей биологического возраста в данной группе, на момент окончания исследования его превышение над паспортным возрастом составляло 9 % ($p > 0,05$) (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика показателей биологического возраста
у женщин молодого возраста, М ± m**

Период обследования	Паспортный возраст (1)	Биологический возраст (2)	Достоверность различий между паспортным и биологическим возрастом внутри групп, p
Основная группа (n = 15)			
1-е исследование	26,8 ± 1,93	32,4 ± 2,0	1-2*
2-е исследование	26,8 ± 1,93	29,2 ± 2,1*	
Контрольная группа (n = 15)			
1-е исследование	31,4 ± 1,54	29,6 ± 1,7	-
2-е исследование	31,4 ± 1,54	27,8 ± 1,5	1-2*

Примечание: *p < 0,05

В обеих группах – и КГ и ОГ – наблюдается снижение показателя ИМТ: у женщин контрольной группы показатель достоверно снизился на 2,1 % (p < 0,05), в основной группе исследования – на 2,6 % (p < 0,05) (табл. 2). У курящих женщин уменьшение показателей каллиперометрии составило 9,9 % (p < 0,01), у некурящих женщин – 7,3 % (p < 0,01).

Таблица 2

**Динамика антропометрических показателей
у обследуемых женщин, М ± m**

Период исследования	ИМТ, кг/м ²	Каллиперометрия, см
Основная группа (n = 15)		
1-е исследование	25,2 ± 1,0	127,2 ± 2,1
2-е исследование	24,6 ± 1,1*	114,6 ± 2,1**
Контрольная группа (n = 15)		
1-е исследование	22,8 ± 1,6	122,8 ± 4,2
2-е исследование	22,4 ± 1,5*	113,8 ± 3,3**

Примечание: *p < 0,05, **p < 0,01

В начале исследования показатели пробы Штанге у женщин основной группы были достоверно ниже, чем у женщин контрольной группы (p < 0,01) (табл. 3), что свидетельствует о более высоком уровне функционального потенциала кардиореспираторной системы у женщин КГ. После цикла занятий по системе калланетик результаты и в пробе Штанге, и в пробе Генче увеличились в обеих группах, хотя показатели в контрольной группе остались выше на 12 %, чем в группе курящих женщин.

В контрольной группе отмечено достоверное повышение УОС на 6 % и МОК на 14 %, а также снижение ОПСС на 13 %, что свидетельствует о выраженном улучшении работы сердца и регионарной гемодинамики.

Таблица 3

Динамика кардиореспираторных показателей у молодых женщин, $M \pm m$

Период исследования	Проба Штанге, с	Проба Генчи, с	УОС, мл	МОК, мл	ОПСС ₂ , дин/см ²
Основная группа (n = 15)					
1-е исследование	35,5 ± 2,3	28,6 ± 2,2	54,7 ± 2,7	4275,1 ± 275,8	2193,6 ± 149,3
2-е исследование	40,1 ± 3,4**	30,8 ± 2,3	55,0 ± 2,1	4394,6 ± 272,5	2159,3 ± 122,2
Контрольная группа (n = 15)					
1-е исследование	**43,4 ± 1,3	27,6 ± 3,3	50,7 ± 1,5	3557,4 ± 23,4	**2647,8 ± 15,7
2-е исследование	**46,4 ± 2,2*	**32,8 ± 2,8**	53,9 ± 1,3*	4053,1 ± 62,2*	**2313,0 ± 43,6**

Примечание: *p < 0,05, **p < 0,01

У женщин основной группы значительных изменений в деятельности сердечно-сосудистой системы не наблюдается – УОС и ОПСС не изменяются, наблюдается тенденция к увеличению МОК. Полученные данные свидетельствуют о том, что курение крайне негативно влияет на функциональное состояние сердечно-сосудистой системы, даже при включении физических тренировок.

В исследуемых группах наблюдается увеличение уровня работоспособности. У женщин основной группы показатель увеличился на 8,2 % (p > 0,05), у женщин контрольной группы – на 21,1 % (p < 0,05) (табл. 4).

Уровень сердечно-дыхательной выносливости в основной группе остался на уровне «ниже среднего», у женщин в контрольной группе – достоверно увеличился на 66 % (p < 0,01) и с уровня «ниже среднего» поднялся на средний уровень. Между группами различия были статистически достоверными (p < 0,05).

Силовые показатели мышц, мышечной выносливости в обеих группах имели достоверную положительную динамику (p < 0,05), но более выраженное улучшение мышечной выносливости наблюдалось у женщин контрольной группы (p < 0,05). У женщин обеих групп достоверно улучшилась гибкость (p < 0,05), ее уровень повысился до значений «выше среднего».

Таблица 4

Динамика уровня работоспособности и развития физических качеств у женщин, $M \pm m$

Период исследования	РВС 170	Мышечная сила	Мышечная выносливость	Сердечно-дыхательная выносливость	Гибкость
Основная группа (n = 15)					
1 исследование	13,2 ± 1,3	2,0 ± 0,3	2,40 ± 0,2	1,60 ± 0,4	3,8 ± 0,4
2 исследование	14,3 ± 1,1*	3,40 ± 0,4*	3,00 ± 0,3*	1,60 ± 0,6	4,4 ± 0,2*
Контрольная группа (n = 15)					
1 исследование	12,7 ± 1,2	2,2 ± 0,5	3,0 ± 0,5	1,8 ± 0,3	4,0 ± 0,6
2 исследование	15,4 ± 1,0*	3,60 ± 0,2*	*4,2 ± 0,4*	*3,00 ± 0,6**	4,6 ± 0,4*

Примечание: *p < 0,05, **p < 0,01

Выводы

• У женщин контрольной группы, не имеющих вредной привычки, биологический возраст на начальном этапе исследования был ниже паспортного на 6 % и после регулярных занятий калланетикой снизился и стал соответствовать значениям – 12 %. У курящих женщин до начала тренировок по системе калланетик биологический возраст превышал паспортный на 17 %. После окончания эксперимента величины биологического возраста относительно паспортного уменьшились на 10 %.

• В основной и контрольной группах отмечено снижение жирового компонента на 9–11 %, что свидетельствует об эффективности применения методики калланетик для коррекции фигуры.

• В группе некурящих женщин наблюдается выраженное улучшение функционального состояния кардиореспираторной системы – после 4 месяцев тренировок по системе калланетик отмечено повышение УОС на 6 % и МОК на 14 % и снижение ОПСС на 13 %, что свидетельствует о выраженном улучшении работы сердца и регионарной гемодинамики. У курящих женщин положительной динамики не наблюдается, что может быть вызвано напряжением механизмов адаптации кардиореспираторной системы к физическим нагрузкам в условиях воздействия на организм женщин веществ, содержащихся в сигаретах.

• У женщин в обеих группах зарегистрировано улучшение физической работоспособности, увеличение силовых показателей, мышечной выносливости и гибкости с более выраженной положительной динамикой данных показателей в группе некурящих женщин.

Таким образом, занятия по системе калланетик можно рекомендовать женщинам в качестве оздоровительной тренировки, способствующей коррекции фигуры и общему оздоровлению организма. Но необходимо учитывать тот факт, что курение значительно снижает эффективность оздоровительного эффекта. Проведение дополнительной профилактики по вопросам «Здоровый образ жизни», «Влияние курения на здоровье молодой женщины», «Вредные привычки», «Принципы правильного питания» среди женщин, занимающихся оздоровительными методиками на базах фитнес-центров, повысит эффективность их отказа от курения и тем самым приведет к повышению эффективности применения этих методик.

Информация об авторах

Ирина Николаевна Гернет, кандидат медицинских наук, доцент кафедры физического воспитания и безопасности жизнедеятельности института естествознания и спортивных технологий ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Москва, Россия).

Валентина Николаевна Пушкина, доктор биологических наук, доцент, заведующая кафедрой физического воспитания и безопасности жизнедеятельности ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»; профессор кафедры физического воспитания Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (г. Москва, Россия).

Information about the authors

Irina N. Gernet, Cand. Sci. (Medicine), Associate Professor, Department of Physical Education and Life Safety, Institute of Natural Sciences and Sport Technologies, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia.

Valentina N. Pushkina, Dr. Sci. (Biology), Associate Professor, Head of Department of Physical Education and Life Safety, Moscow City Pedagogical University; Professor, Department of Physical Education, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Список литературы

1. Бурбо Л. Калланетика за 10 минут в день. Ростов н/Д : Феникс, 2006. 224 с.
2. Вейдер С. Суперфитнес. Лучшие программы мира. От калланетики и пилатеса до стрип-аэробики и танца живота. 2-е изд. Ростов н/Д : Феникс, 2006. 288 с.
3. Гернет И. Н., Пушкина В. Н., Соколова А. В. Влияние занятий калланетикой на морфофункциональное состояние женщин молодого возраста. Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2108. С. 25–29.
4. Желобкович М. П., Купчинов Р. И. Оздоровительно-развивающий подход к физическому воспитанию студенческой молодежи. Минск : РУМЦ ФВМ, 2004. 212 с.
5. Зюрин Э. А., Петрук Е. Н. Стимулирование физической активности взрослого населения через формирование доступной физкультурно-спортивной среды // Вестник спортивной науки. 2019. № 2. С. 64–69.
6. Михайлова Т. В., Полиевский С. А. Экспортный мониторинг // Проблемы и перспективы формирования здорового образа жизни в информационном обществе : сборник статей междунар. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 5–6 июля 2017 г. Иркутск : Мегатраст, 2017. С. 149–156.
7. Николенко О. В., Навтиков А. Э., Угольников Г. М., Серегин В. Н. Морфофункциональные аспекты воздействия занятий калланетикой на организм женщин старшей возрастной группы // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2011. № 8. С. 70–72.
8. Полиевский С. А., Цой Е. В., Мохаммед А. А. И. Технологии стимуляции и восстановления (СиВ) работоспособности и функционального состояния студентов-спортсменов // Терапевт. 2019. № 1 (142). С. 9–19.
9. Селуянов В. Н. Технология оздоровительной физической культуры. М. : СпортАкадемПресс, 2001. С. 62–75.
10. Томсон В. Калланетика для красоты и здоровья. Ростов н/Д : Феникс, 2006. 108 с.
11. Томсон В. Суперкалланетика. Быстрый результат за минимальное время. Ростов н/Д : Феникс, 2008. 154 с.
12. Ян Л. Калланетика. СПб. : Вектор, 2008. 109 с.
13. Ямалетдинова Г. А. Оценка уровня физического здоровья по результатам самодиагностики // Лечебная физкультура и спортивная медицина. 2012. № 4 (100). С. 40–46.

Статья поступила в редакцию: 04.07.19
Принята к публикации: 19.09.19

References

1. Burbo L. *Kallanetika za 10 minut v den' [Callanetics in 10 Minutes a Day]*. Rostov-on-Don: Phoenix; 2006. 224 p. (In Russ.).
2. Vader S. *Superfitnes. Luchshie programmy mira. Ot kallanetiki i pilatesa do strip-aerobiki i tantsa zhivota [Super Fitness. Best Global Programs. From Callanetics and Pilates to Strip Aerobics and Belly Dance]*. 2nd ed. Rostov-on-Don: Phoenix; 2006. 288 p. (In Russ.).
3. Gernet IN, Pushkina VN, Sokolova AV. *Vliyanie zanyatii kallanetiki na morfofunktsional'noe sostoyanie zhenshchin molodogo vozrasta [Impact of Callanetics Exercises on Young Women's Morpho-Functional State]*. Arkhangel'sk: Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; 2108. p. 25–29. (In Russ.).
4. Zhelobkovich MP, Kupchinov RI. *Ozdorovitel'no-razvivayushchii podkhod k fizicheskomu vospitaniyu studencheskoi molodezhi [Fitness-Based and Developmental Approach to Student Youth's Physical Education]*. Minsk: Rep. center of physical education and sports; 2004. 212 p. (In Russ.).

5. Zyurin EA, Petruk EN. Stimulirovanie fizicheskoi aktivnosti vzroslogo naseleniya cherez formirovanie dostupnoi fizkul'turno-sportivnoi sredy [Stimulating Adult Population's Physical Activity by Creating Accessible Physical Culture and Sports Environment]. *Vestnik sportivnoi nauki = Sport Science Bulletin*. 2019;2: 64–69. (In Russ.).

6. Mikhailova TV, Poliyevskiy SA. Ekosportivnyi monitoring [Eco-Sports Monitoring]. In: *Problemy i perspektivy formirovaniya zdorovogo obraza zhizni v informatsionnom obshchestve [Problems and Prospects of Establishing Healthy Lifestyle in Information Society]: Proceedings of International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, July 5–6, 2017*. Irkutsk: Megaprint; 2017. p. 149–156. (In Russ.).

7. Nikolenko OV, Navtikov AE, Ugol'kov GM, Seregin VN. Morfofunktsional'nye aspekty vozdeistviya zanyatii kallanetikoi na organizm zhenshchin starshei vozrastnoi gruppy [Morpho-Functional Aspects of Callanetics Exercises on Senior Women's Bodies]. *Pedagogika, psikhologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta = Pedagogy, Psychology and Medical & Biological Problems of Physical Education and Sport*. 2011;8: 70–72. (In Russ.).

8. Poliyevskiy SA, Tsoy EV, Mohammed AAl. Tekhnologii stimulyatsii i vosstanovleniya (SiV) rabotosposobnosti i funktsional'nogo sostoyaniya studentov-sportsmenov [Techniques of Stimulation and Restoration of Students Athletes' Working Capacity and Functional State]. *Terapevt = General Practitioner*. 2019;1(142): 9–19. (In Russ.).

9. Seluyanov VN. *Tekhnologiya ozdorovitel'noi fizicheskoi kul'tury [Fitness-Based Physical Culture Technology]*. Moscow: SportAcademPress; 2001. p. 62–75. (In Russ.).

10. Thomson V. *Kallanetika dlya krasoty i zdorov'ya [Callanetics for Beauty and Health]*. Rostov-on-Don: Phoenix; 2006. 108 p. (In Russ.).

11. Thomson V. *Superkallanetika. Bystryi rezul'tat za minimal'noe vremya [Super Callanetics. Quick Result in Minimum Time]*. Rostov-on-Don: Phoenix; 2008. 154 p. (In Russ.).

12. Yan L. *Kallanetika [Callanetics]*. Saint Petersburg: Vector; 2008. 109 p. (In Russ.).

13. Yamaletdinova GA. Otsenka urovnya fizicheskogo zdorov'ya po rezul'tatam samodiagnostiki [Assessment of Physical Health Level Based on Self-Diagnostics Results]. *Lechebnaya fizkul'tura i sportivnaya meditsina = Remedial Exercise and Sports Medicine*. 2012;4(100): 40–46. (In Russ.).

Submitted 04.07.19 Accepted 19.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS03
УДК [796.03:316.334.52](470+571)

Исследование активности взрослого населения в физкультурно-спортивной деятельности

Эдуард А. Зюрин¹,

ORCID: 0000-0003-0596-504X, e-mail: zurin@vniifk.ru

Елена Н. Петрук²,

ORCID: 0000-0001-7380-821X, e-mail: petruk_e@vniifk.ru

^{1,2} ФГБУ «Федеральный научный центр физической культуры и спорта»
(ФГБУ ФНЦ ВНИИФК), г. Москва, Россия

Елена Н. Бобкова³,

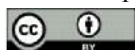
³ ФГБОУ ВО «СГАФКСТ» (ФГБОУ ВО «Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма»), г. Смоленск, Россия
ORCID: 0000-0002-4141-2146, e-mail: gtosmolensk@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся данные исследования физкультурно-спортивной активности взрослого населения по результатам социологического исследования, в котором приняли участие 5 703 человека. В ходе работы выявлены мотивы выбора двигательной активности, предпочтительные формы занятий, показатели активности населения различных возрастных групп. На основе полученных результатов делается вывод о том, что причиной низкой двигательной активности населения является недостаточность мест для занятий физическими упражнениями, обусловленная социальной и экономической средой проживания. Высказывается предположение, что факторами роста двигательной активности населения могут выступать: доступность и качество физкультурно-спортивной услуги, спорта и отдыха для всех возрастных групп и социально-демографических категорий населения [2], в частности необходимы поиск механизмов организации и проведения семейных занятий физическими упражнениями и активного досуга; оценка уровня двигательной активности медицинскими работниками (краткие консультации в этой области); формирование на государственном и общественном уровнях социально значимой и одобряемой потребности (моды) в физической активности (изменение поведенческих привычек через борьбу с низкой активностью, формирование потребности в движении (создание регулярных спортивных привычек)); разработка моделей физической подготовки по возрастным группам с учетом половозрастных особенностей. Все это позволит повысить его физическую активность, что внесет значительный вклад в улучшение здоровья населения страны.

Ключевые слова: двигательная активность, социологические исследования, занимающиеся, формы.

Для цитирования: Зюрин Э. А., Петрук Е. Н., Бобкова Е. Н. Исследования активности взрослого населения в физкультурно-спортивной деятельности // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мищек [и др.]. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – С. 541–548. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS03.

© Э. А. Зюрин, Е. Н. Петрук, Е. Н. Бобкова, 2019

Researching Adult Population's Activity in Physical and Sports Activities

Eduard A. Zyurin¹,

ORCID: 0000-0003-0596-504X, e-mail: zurin@vniifk.ru

Elena N. Petruk²,

ORCID: 0000-0001-7380-821X, e-mail: petruk_e@vniifk.ru

^{1,2}Federal Research Center of Physical Culture and Sport, Moscow, Russia

Elena N. Bobkova³,

³Smolensk State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism, Smolensk, Russia

ORCID: 0000-0002-4141-2146, e-mail: gtosmolensk@mail.ru

Abstract. The paper quotes data from research on adult population's physical and sports activity based on the result of a social study involving 5,703 people. During the research, motives of selecting motor activity, preferred exercise forms, indicators of population activity across various age groups were identified. Based on research findings, a conclusion is made that population's low motor activity is caused by the availability of venues for physical exercise and the social and economic living environment. It is suggested that population's motor activity growth factors could be: availability and quality of physical exercise and sports services, sport and recreation for all age groups and population's social and demographical categories [2]; specifically, mechanisms of organizing and conducting family classes with physical exercise and active recreation need to be found; the level of motor activity should be assessed by healthcare workers (brief consultations on that subject); socially significant and approved need (fashion) for physical activity should be shaped at the state and public level (changing behaviors and habits by fighting low activity, creating the need for movement (building regular sports habits)); models of physical training across different age groups need to be developed, taking into account gender and age features. All this will enhance physical activity, making a significant contribution towards improving the health of the country's population.

Keywords: motor activity, social studies, exercisers, forms.

For citation: Zyurin EA, Petruk EN, Bobkova EN. Researching Adult Population's Activity in Physical and Sports Activities. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 541–548. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PS03.

Введение

В данной работе затрагивается вопрос о том, что Россия на современном этапе пытается занять достойное положение в глобальном мировом сообществе и отстоять свои конкурентные преимущества. Поиск новых точек экономического роста предполагает максимальную реализацию человеческого потенциала [1, с. 255]. В рамках формирования «экономического прорыва» Президентом страны В. В. Путиным ставится задача по увеличению ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет, повышению ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет и увеличению доли населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, до 55 % [5]. Таким образом, проблема привлечения населения к двигательной активности [3], увеличение продолжительности трудового периода жизни экономически активного населения, разработка методик по сохранению и укреплению здо-

ровья, поиск новых подходов к мотивации различных категорий и социальных групп населения к здоровому образу жизни являются своеобразным вызовом государству и обществу и свидетельствуют об актуальности нашего исследования.

Цель исследования: изучить физкультурно-спортивную активность населения РФ и факторы, влияющие на ее реализацию среди различных возрастных групп.

Методы исследования

Социологические методы, эвристические методы, метод математической статистики.

Результаты и обсуждение

Данные социологического исследования о возможных механизмах вовлечения различных категорий граждан в физкультурно-спортивную деятельность, проведенного ФГБУ ФНЦ ВНИИФК в 2018 году, выявили устойчивую закономерность в том, что у населения есть запрос на занятия физической культурой, о чем свидетельствуют результаты проведенного исследования среди взрослого населения в 53 субъектах Российской Федерации с репрезентативной выборкой (5 703 человека).

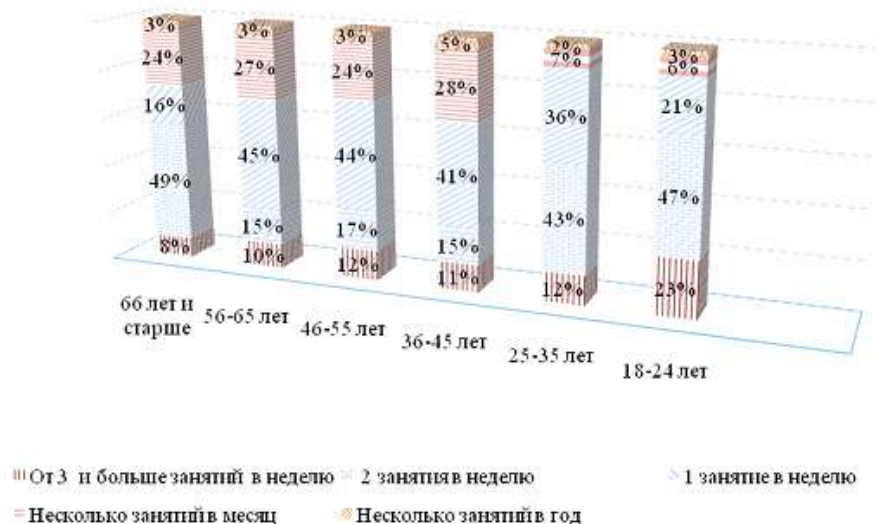

Рис. 1. Количество респондентов, занимающихся физической культурой и спортом, %

Так, рисунок 1 показывает, что двигательная активность взрослого населения носит разнонаправленный характер – наиболее регулярно используют физические упражнения в распорядке дня молодежь 18–24 лет (70 %) и взрослое население от 25 до 35 лет (55 %), а также самая старшая возрастная группа населения (66 лет и старше) – 57 %.

Наибольшее количество респондентов, выбирающих организованные занятия в фитнес-центрах, представлено в возрастных группах 18–24 (66 %), 25–35 лет (54 %) и 36–45 лет (51 %). Самостоятельные занятия (дома или на улице) предпочитают респонденты в возрасте от 46 до 66 лет и старше (58 %, 65 % и 72 % соответственно) (рис. 2). Вызывает опасение низкий процент респондентов, практикующих тре-

нировку по месту учебы или работы (от 1 до 4 %). Поэтому в тех случаях, когда люди не могут найти время для занятий спортом и физической деятельностью, важно создать условия для занятий физической активностью на рабочем месте, поощряя сотрудников к объединению для коллективной физкультурно-спортивной деятельности.

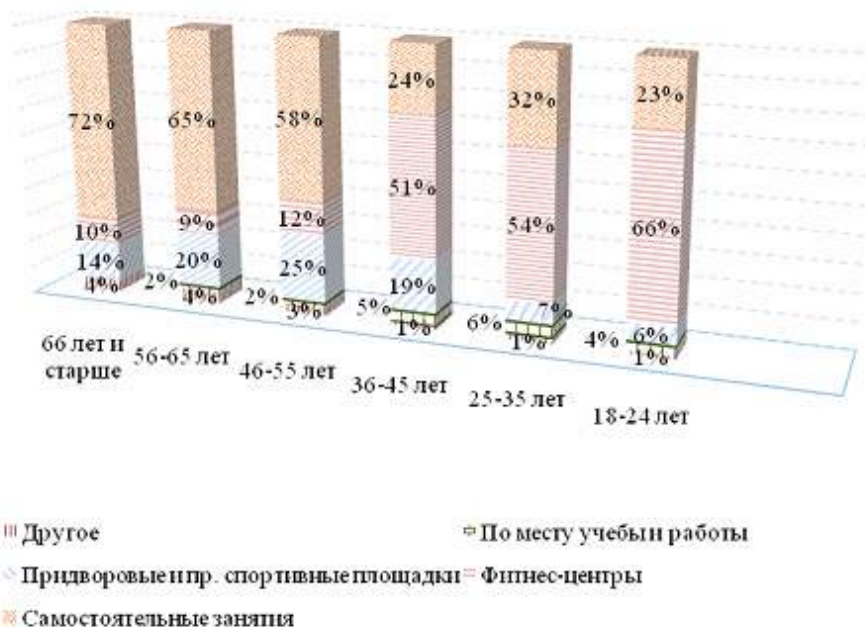

Рис. 2. Предпочитаемые формы проведения занятий физической культурой и спортом, %

При оценке характера нагрузок во время занятий физической культурой и спортом 36 % опрошенных, систематически занимающихся физической культурой и спортом, отмечают, что предпочитают нагрузку высокой интенсивности, а у занимающихся от случая к случаю она составляет 16 %. Занятия с умеренной нагрузкой среди систематически занимающихся физической культурой и спортом составляют 24 %, а у занимающихся от случая к случаю – 34 %. Занятия с низкой интенсивностью предпочитают 33 % систематически занимающихся физической культурой и спортом и 44 % занимающихся эпизодически (рис. 3).

Рис. 3. Распределение характера нагрузок во время занятий физической культурой и спортом среди опрошенных, %

Данные рис. 4 свидетельствуют о том, что по мере увеличения возраста респондентов физическая нагрузка снижает интенсивность. С увеличением возраста респонденты предпочитают тренироваться либо умеренно, либо комбинировать более высокую нагрузку с более умеренной.

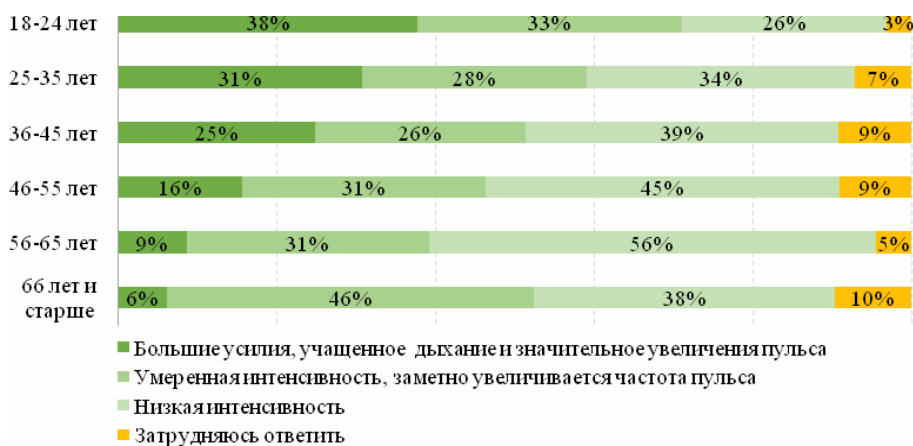

Рис. 4. Оценка нагрузок респондентами во время занятий физической культурой и спортом, %

Это находит подтверждение в результатах мониторинга физической подготовленности населения в возрасте от 25 лет и старше, участвующего в реализации программы комплекса ГТО (результаты статистической отчетности 2-ГТО) (рис. 5).

Наименее физически подготовленным к выполнению нормативных требований (тестов) комплекса ГТО является население Российской Федерации в возрасте от 40 лет и старше (VIII–XI ступени). Из общего числа взрослого населения (16 450 человек), принявшего участие в мероприятиях по реализации комплекса ГТО, лишь незначительное количество граждан (в среднем до 5 %) в состоянии выполнить тесты ГТО.

Согласно сведениям статистического наблюдения (форма 2-ГТО), в 2017 году 121 566 человек в возрасте от 25 до 80 лет и старше выполнили государственные требования Комплекса ГТО, что составляет 0,1 % от численности населения в возрасте от 6 лет и старше и 0,4 % от занимающегося физической культурой и спортом. По данным 2018 года, – 0,2 и 0,9 % соответственно [4]. Произошедшие изменения демонстрируют незначительные изменения качественного показателя активности взрослого населения в физкультурно-спортивной деятельности и требуют дальнейшего поиска возможностей привлечения к ней демографических групп, которые сейчас недостаточно проявляют себя в физкультурной и спортивной активности.

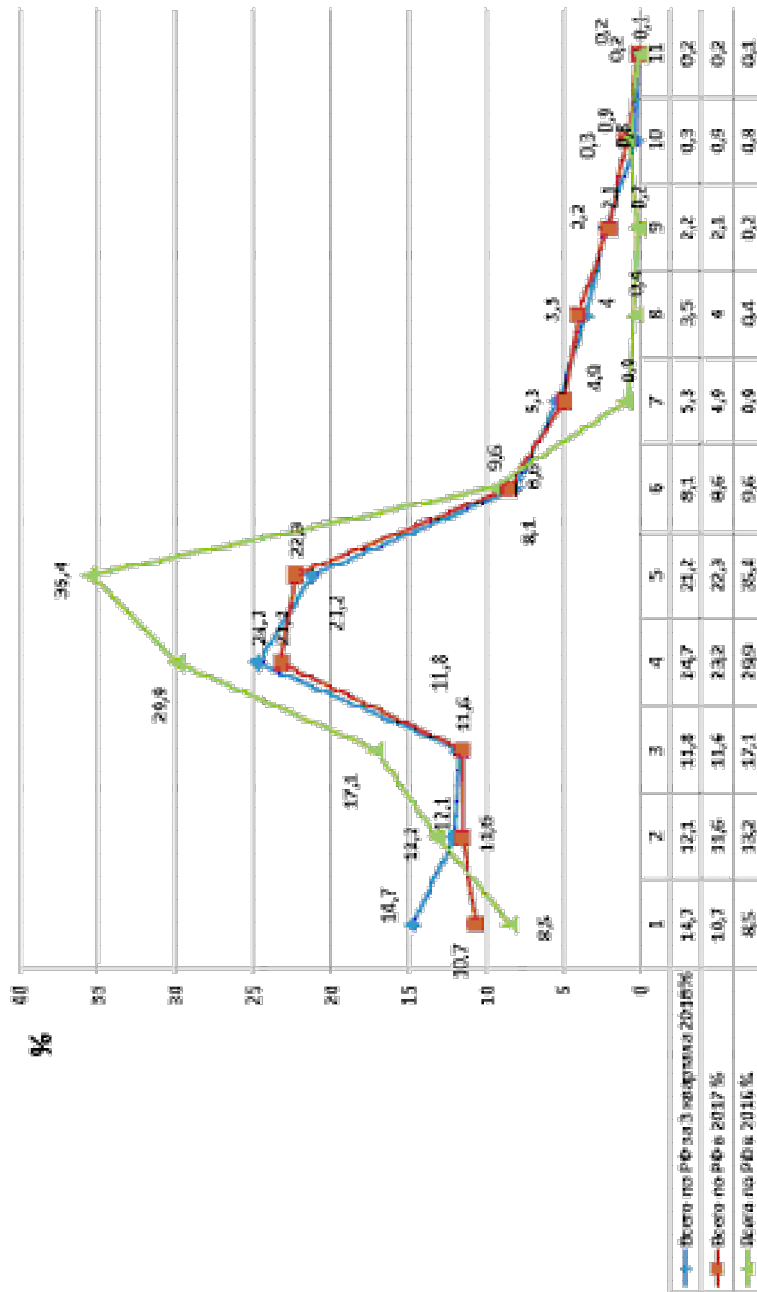

Рис. 5. Доля населения РФ, выполнившего испытания комплекса ГТО по ступеням, %

Выводы

Показатели социологического опроса и мониторинга физической подготовленности взрослого населения по результатам реализации комплекса ГТО в Российской Федерации демонстрируют четкую тенденцию – смещение «спортивной» активности различных категорий населения с объектов спорта ближе к месту жительства, что позволяет сделать вывод о том, что населением формируется заказ на комфортную и доступную физкультурно-спортивную среду по месту жительства, на развитие спортивно-общественной инфраструктуры, отвечающей потребностям жителей. При этом большая часть опрошенных выбирает двигательный режим при занятиях физической культурой и спортом от 2 до 6 часов в неделю. Следующим немаловажным фактором, способствующим повышению физической активности взрослого населения, является формирование понятной системы физической подготовки населения при информационно-пропагандистской поддержке органов управления в области физической культуры и спорта.

В рамках поиска механизмов решения задач необходимо перейти от разрозненных исследований в области физического воспитания населения к системным, от оценки – к анализу и прогнозированию. Все это возможно осуществить только на основе понимания потребности населения в физической активности, что, в свою очередь, позволит определить особенности развития массового спорта, его инфраструктуры и материально-технического обеспечения.

Информация об авторах

Эдуард Адольфович Зюрин, кандидат педагогических наук, заместитель генерального директора, ФГБУ ФНЦ ВНИИФК (ФГБУ «Федеральный научный центр физической культуры и спорта») (г. Москва, Россия).

Елена Николаевна Петрук, научный сотрудник, ФГБУ ФНЦ ВНИИФК (ФГБУ «Федеральный научный центр физической культуры и спорта») (г. Москва, Россия).

Елена Николаевна Бобкова, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной работе, ФГБОУ ВО «СГАФКСТ» (ФГБОУ ВО «Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма») (г. Смоленск, Россия).

Information about the authors

Eduard A. Zyurin, Cand. Sci. (Pedagogy), Deputy Director General, Federal Research Center of Physical Culture and Sport, Moscow, Russia.

Elena N. Petruk, Researcher, Federal Research Center of Physical Culture and Sport, Moscow, Russia.

Elena N. Bobkova, Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Vice-Rector for Research, Smolensk State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism, Smolensk, Russia.

Список литературы

1. Алиев З. Т. Конкурентные преимущества России в мировом развитии // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. № 16. С. 255–261.

2. Гайл В. В., Буркова А. М. Историко-генетический анализ введения комплекса «Готов к труду и обороне» в XX веке. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 47 с.

3. Гернет И. Н., Пушкина В. Н., Соколова А. В., Корельская И. В. Влияние занятий калланетикой на морфофункциональное состояние женщин молодого возраста // Современные проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта : сборник II Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию подготовки специалистов в сфере физической культуры и спорта в Архангельской области (Архангельск, 6–

7 декабря 2018 года). Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2018. С. 140–144.

4. Зюрин Э. А., Куренцов В. А., Бобкова Е. Н. Мониторинг физической подготовленности населения субъектов Российской Федерации, определяющий готовность к выполнению нормативов ВФСК ГТО VI–XI ступени // Вестник спортивной науки. 2018. № 4. С. 46–49.

5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. 07.05.2018. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (дата обращения: 04.06.2019).

Статья поступила в редакцию: 21.06.19

Принята к публикации: 19.09.19

References

1. Aliyev ZT. Konkurentnye preimushchestva Rossii v mirovom razvitiy [Russia's Competitive Advantages in Global Development]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya) = University Bulletin (State University of Management)*. 2014;16: 255–261. (In Russ.).

2. Gayl VV, Burkova AM. *Istoriko-geneticheskii analiz vvedeniya kompleksa «Gotov k trudu i oborone» v XX veke [Historical and Genetic Analysis of Introducing “Ready for Labor and Defense” Program in the 21st Century]*. Yekaterinburg: Ural University Press; 2016. 47 p. (In Russ.).

3. Gernet IN, Pushkina VN, Sokolova AV, Korelskaya IV. Vliyaniye zanyatii kallanetikoi na morfofunktsional'noe sostoyaniye zhenshin mladogo vozrasta [Impact of Callanetics Exercises on Young Women's Morpho-Functional State]. In: *Sovremennyye problemy i perspektivy razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta [Contemporary Problems and Prospects of Physical Culture and Sport Development]: Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific Conference with International Attendance Devoted to the 70th Anniversary of Training Physical Culture and Sport Professionals in the Arkhangelsk Oblast (Arkhangelsk, December 6–7, 2018)*. Arkhangelsk: Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; 2018. p. 140–144. (In Russ.).

4. Zyurin EA, Kurentsov VA, Bobkova EN. Monitoring fizicheskoi podgotovlennosti naseleniya sub"ektov Rossiiskoi Federatsii, opredelyayushchii gotovnost' k vypolneniyu normativov VFSK GTO VI–XI stupeni [Monitoring Physical Fitness of Population of Subjects of the Russian Federation Determining their Readiness to Comply with “Ready for Labor and Defense” All-Russian Physical and Sports Program, Level 6–11]. *Vestnik sportivnoi nauki = Sport Science Bulletin*. 2018;4: 46–49. (In Russ.).

5. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204. *O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda [On national goals and strategic tasks of the Russian Federation development until 2024]*. Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> [Accessed 04.06.2019]. (In Russ.).

Submitted 21.06.19 Accepted 19.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS04
УДК 373:796.03-055.52

Организационно-педагогическое сопровождение физической активности родителей учащихся общеобразовательной школы

Вера С. Макеева,
ФГБОУ ВО «РГУФКСМиТ» (Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма), г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5969-4324, e-mail: vera_191@mail.ru

Ксения Е. Бруй,
ГОУ ВО Московской области Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0045-063X, e-mail: ksenia_tokareva1990@mail.ru

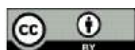
Аннотация. В исследовании приводятся данные о характере педагогического сопровождения физкультурно-спортивной активности учащихся 7-х классов посредством воздействия на поведение родителей в данном процессе. Предполагается, что педагогическое сопровождение, направленное на смену отношения родителей к физкультурно-спортивной деятельности их детей, будет способствовать развитию процессов самопознания, саморазвития, самообразования и самосовершенствования всех членов семьи.

В опросе приняли участие 82 родителя учащихся параллели 7-х классов. Раскрываются особенности знаний родителей о ценностях и роли физкультурно-спортивной активности в организации жизнедеятельности своих детей и личной роли в данном процессе на исходном этапе эксперимента. Педагогическое сопровождение, построенное на включении методов диагностики, самонаблюдения и дифференцирования физической нагрузки, а также соблюдение ряда педагогических условий способствуют изменению отношения родителей и учащихся общеобразовательной школы к физкультурно-спортивной активности [5].

Показана эффективность влияния педагогического сопровождения на степень сформированности опыта управления родителями поведения детей в рамках физкультурно-спортивной деятельности. Установлено, что большинство (70 %) родителей отмечают положительное влияние физической активности на отношения между родителями и детьми в достижении поставленных целей и задач физического развития и физического совершенствования.

Ключевые слова: социально-педагогическое сопровождение, родители, ученики, физкультурно-спортивная активность, мотивация, ценности.

Для цитирования: Макеева В. С., Бруй К. Е. Организационно-педагогическое сопровождение физической активности родителей учащихся общеобразовательной школы // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 549–556. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS04.

Organizational and Pedagogical Physical Activity Support for General Education School Students' Parents

Vera S. Makeyeva,

Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE),
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5969-4324, e-mail: vera_191@mail.ru

Kseniya Ye. Bruy,

Moscow Region State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0045-063X, e-mail: ksenia_tokareva1990@mail.ru

Abstract. The research quotes data on the nature of pedagogical support for physical and sports activity of 7th grade students by impacting their parents' behavior in this process. It is suggested that pedagogical support aimed at changing parents' attitude to their children's physical and sport activities will help develop self-cognition, self-development, self-education and self-improvement processes in all family members.

82 parents of 7th-grade cohort students participated in the survey. Features of parents' knowledge of physical and sport activity's value and role in organizing their children's lives and parents' personal role in this process is explored at the initial stage of the experiment. Pedagogical support based on including methods of diagnostics, self-observation and differentiated physical exercise, as well as meeting a number of pedagogical conditions helps change parents' and general education school students' attitude to physical and sport activity [5].

Efficiency of pedagogical support is demonstrated, as it impacts the level of experience in parents' management of their children's behavior within physical and sports activity. It is established that the majority of parents (70%) noted a positive impact of physical activity on relations between parents and children in achieving the set goals and the tasks of physical development and physical improvement.

Keywords: social and pedagogical support, parents, school students, physical and sports activity, motivation, values.

For citation: Makeyeva VS, Bruy KYe. Organizational and Pedagogical Physical Activity Support for General Education School Students' Parents. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 549–556. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PS04.

Введение

Главными целями школы, учителя и родителей является включение ученика в самостоятельную деятельность [2; 7, с. 8]. Одним из эффективных средств самопознания своих возможностей, развития и организации жизнедеятельности выступает физкультурно-спортивная активность [3; 9]. Задача учителя и родителя состоит в том, чтобы вовремя направить усилия ученика, умело организовать данный процесс без ущерба для его здоровья и личностного развития [10; 14].

Целью настоящего исследования является педагогическое сопровождение физической активности родителей в формировании физического и психического здоровья на пути к жизненному самоопределению их детей.

На исходном этапе эксперимента проведен опрос на предмет выявления у родителей отношения к физкультурно-спортивной активности в общем и их детей в частности.

Методы исследования

В опросе приняли участие родители учащихся параллельных 7-х классов в количестве 82 человек в общеобразовательной школе Московской области. Методика педагогического сопровождения включала методы оценки психофизических состояний по простейшим функциональным пробам и тестам, обучение методам самонаблюдений, разработку средств и методов повышения физической активности с учетом особенностей организма, текущего состояния и предпочтений в выборе средств и методов физической активности [4, с. 41]. Оценка эффективности методики педагогического сопровождения родителей определяли по экспертной оценке учителей физической культуры, работающих с учащимися 7-х классов.

Результаты и обсуждение

Опрос, проведенный среди родителей о роли физкультурно-спортивной деятельности в развитии их детей, показал, что больше 70 % всех респондентов хотят, чтобы их дети занимались совершенствованием физических кондиций, и считают, что это необходимо. Однако большинство родителей полагают, что в рамках физкультурно-спортивной деятельности саморазвитие школьника, его самообразование и самосовершенствование происходит само по себе, как элемент учебного процесса и роста.

О степени физкультурно-спортивной активности родителей судили по данным опроса. Выяснилось, что только 14 % родителей имеют четкое представление о сущности и роли данного понятия в жизни человека. Большая часть (47 %) опрошенных родителей имели расплывчатые и неясные представления, выделяя лишь проявление двигательной активности и отмечая развитие физических качеств и физическое развитие в целом. Влияние на поведение через сформированность волевых качеств указали 11 % респондентов. Часть (12 %) участников опроса указали на то, что физкультурно-спортивная активность косвенно влияет на развитие моральных и нравственных качеств. Итоги анкетирования на исходном этапе исследования позволяют констатировать тот факт, что в большинстве своем родители понимают значение и роль ценностей физической активности в жизни их детей. Но при этом у третьей части респондентов нет четкого представления о том, что и как следует делать, чтобы физкультурно-спортивная активность стала регулярным и важным атрибутом жизни детей, особенно в пубертатном периоде развития, когда многие родители испытывают ряд дополнительных сложностей в общении с детьми.

Часть (14 %) респондентов, вероятнее всего, имея накопленный негативный опыт в период обучения в школе, предложили исключить дисциплину «физическая культура» из программы школы как вредную для внешнего вида и настроения их детей (потливость, растрепанность, усталость и пр.). А 16 % респондентов не стали отвечать на вопросы. Полагаем, что «постоянная занятость, неумение регулировать свои состояния, наличие проблем более важных, с их точки зрения, а также

неопределенность системы образования в вопросах формирования потребности в физкультурных занятиях» мешают сформировать позитивное отношение к физической активности у себя и у детей [9; 5].

Полярные точки зрения родителей и наличие проблем потребовали разработать и внедрить методику педагогического сопровождения родителей в плане смены их отношения к физкультурно-спортивной активности, в первую очередь в их сознании, чтобы позитивно воздействовать на ценности и взгляды детей. Для решения задач педагогического сопровождения деятельности родителей в целях эффективной организации физкультурно-спортивной деятельности их детей разработана методика, построенная на диагностировании исходного уровня физической подготовленности и физического развития родителей по данным простейших функциональных проб и тестов, их обучении методам самонаблюдения за своими состояниями, индивидуально-типологическом подходе и учете следующих организационно-педагогических условий:

- продолжительности – непрерывности педагогического процесса;
- субъект-субъектных отношений в триаде учитель – родитель – ученик;
- саморазвития и самосовершенствования;
- активности, самостоятельности, адаптивности, целеустремленности, гибкости;
- целенаправленного наблюдения;
- профессионального консультирования, личностного участия, сотрудничества и инициирования;
- упреждения [4; 8; 11].

Педагогическое сопровождение родителей рассматривается нами как особый процесс, напрямую не связанный с обучением, воспитанием, образованием. Его основная цель – оказание помощи родителям в саморазвитии и самостоятельности на пути к индивидуализации целесообразного пути развития подростка через совместную и самостоятельную деятельность. Это специально организованное влияние на их личность, направленное на оказание помощи в решении проблем, связанных с физическим и психическим здоровьем, успешным обучением, физкультурно-спортивным совершенствованием, межличностной коммуникацией, учебным и жизненным самоопределением. Реализация методики в практике работы с родителями семиклассников в первую очередь была акцентирована на ценностно-смысловых характеристиках физической активности. В совместном общении сформулированы ответы на вопросы: «зачем?» и «почему?» нужна физическая активность; произведена оценка психофизических состояний; предложены методы их регулирования в повседневной практике; выявлены предпочтения в выборе средств и методов физической активности; сделаны попытки участия в различных видах и формах физической активности, соответствующих возможностям конкретной личности.

Вся указанная работа направлена не на возможность переноса негативных моментов во взаимодействии родитель – подросток, учитель – родитель, учитель – ученик, а на поиск позитивного переноса накопленного опыта на будущее взаимодействие в триаде учитель – родитель – ученик во всем его многообразии. От того, как сложатся эти отношения на этапе переходного периода для подростка, будет складываться сте-

пень его самореализации в учебной деятельности и жизнедеятельности, при котором «личное» не теряется, а самостоятельно проявляет себя. Учитывая, что для подросткового возраста характерны стремление к самостоятельности, желание оградить себя от вмешательства взрослых в жизнь подростков, важно чутко подойти к этому их стремлению, но с учетом их реальных возможностей. Включение подростков в процесс сопереживания успехов и неудач своих родителей в физической активности способствует более глубокому осознанию и переживанию ценностей физической культуры в жизнедеятельности всей семьи.

Заключение

Как показали результаты исследования, проделанная работа способствовала накоплению позитивного отношения и направленности родителей на регулярное использование физических упражнений в повседневной жизни. По экспертным оценкам учителей, у значительной части родителей отмечен возросший уровень сформированности опыта управления не только своими действиями и поступками в рамках физкультурно-спортивной активности, но и поведением своих детей, при акцентировании внимания не только на двигательной составляющей, но и на формировании личностных качеств (целеустремленности, настойчивости, смелости и др.). Изменения, произошедшие в поведении родителей к концу исследования, достоверно подтверждаются результатами анкетного опроса.

Установлено, что более 90 % респондентов отмечают положительное влияние занятий и изменение отношения к физкультурно-спортивной активности в первую очередь у себя, а также во взаимоотношениях со своими детьми. Занятия помогли им понять себя и свои возможности, разобраться в недостатках и достоинствах своего развития и физической подготовленности, разработать стратегию последующих действий для самопознания, совершенствования и саморазвития, понимая это как модель переноса своего опыта на поведение своих детей [13, с. 139–141].

Все без исключения считают, что физкультурно-спортивная активность обеспечивает эффективность процесса самосовершенствования и саморазвития для продуктивной жизнедеятельности. А накопленный опыт двигательной деятельности, объем знаний, умений, навыков дает устойчивую мотивацию к систематическим занятиям, вызывая положительные внутриличностные изменения, снижая эффект избегания физической активности, который закономерно возникает в процессе физкультурно-спортивной деятельности в виде усталости, утомления [6].

Если на первом этапе исследования родители уделяли мало внимания вопросам физической активности, то к середине эксперимента больше половины родителей стали не только отслеживать характер физической активности своих детей, но и самостоятельно, и даже с детьми, посещать дополнительные занятия в тренажерном зале, бассейне, бегать по утрам, участвовать в спортивно-массовых мероприятиях школы. Физическая активность становится элементом их нового, здорового образа жизни, способствует повышению ответственности, осуществлению поиска здорового стиля поведения, организации своей жизнедеятельности. Увеличение количества учащихся и их родителей, занимающихся физкультурой самостоятельно, вне школы, к концу ис-

следования, позволяет констатировать факт положительной перестройки взглядов на ценности и роль физкультурно-спортивной деятельности.

Информация об авторах

Вера Степановна Макеева, доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «РГУФКСМиТ» (Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма) (г. Москва, Россия).

Ксения Евгеньевна Бруй, кандидат педагогических наук, ГОУ ВО Московской области Московский государственный областной университет (г. Москва, Россия).

Information about the authors

Vera S. Makeyeva, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE), Moscow, Russia.

Kseniya Ye. Bruy, Cand. Sci. (Pedagogy), Moscow Region State University, Moscow, Russia.

Список литературы

1. Гернет И. Н., Пушкина В. Н., Оляшев Н. В., Брюнина А. В. Влияние занятий физической культурой на показатели кардиореспираторной системы у детей дошкольного возраста // Агаджанянские чтения : материалы II Всероссийской научно-практической конференции (26–27 января 2018 г., г. Москва). М. : РУДН, 2018. С. 112–113.

2. Костюкова Т. А., Грибоедова Т. П. Семья и школа: готовность к социально-образовательному партнерству // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2008. Вып. 3 (77). С. 47–50.

3. Лигута В. Ф. Отношение родителей к физической культуре, здоровому образу жизни и физическому воспитанию детей // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 12 (177). С. 33–39.

4. Макеева В. С. Дифференцированный подход в формировании физической культуры обучающихся // Педагогическое образование и наука. 2013. № 4. С. 41–43.

5. Малкин В. Р., Рогалева Л. Н. Психологическая работа в детско-юношеской спортивной школе : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. 99 с.

6. Полиевский С. А., Ямалетдинова Г. А., Петрушкина Т. И., Заборова В. А., Гуревич К. Г. Двигательная активность и здоровье школьников в мегаполисе // Физическая культура в школе. 2019. № 2. С. 45–52.

7. Прыгин Г. С. Психология самостоятельности : монография. Ижевск ; Набережные Челны : Изд-во Института управления, 2009. 408 с.

8. Сериков В. В. Личностно-развивающее образование как одна из культурологических образовательных моделей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (106). С. 30–35.

9. Спирин В. К. Организационно-методические условия неэффективного построения уроков физической культуры в рамках традиционной системы физического воспитания // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2008. № 6. С. 11–14.

10. Устинова Г. Н. Взаимодействие семьи и школы в вопросах сохранения здоровья школьников // Здоровьесберегающее образование. 2010. № 4 (8). С. 76–80.

11. Хазова С. А., Османов Р. З., Магомедов Р. М., Манько И. Н. Система соуправления физическим воспитанием школьников и результаты ее практической реализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3 : Педагогика и психология. 2015. Вып. 2. С. 167–175.

12. Щетинина С. Ю. Педагогические условия реализации модели интегрированной воспитывающей физкультурно-спортивной среды // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2014. № 1 (107). С. 185–192.

13. Ямалетдинова Г. А. Система самоуправления учебно-познавательной деятельностью студентов в сфере физической культуры : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. 278 с.

14. Ramzaninezhad R., Rahmaninia F., Hemmatinezhad M. A., Benar N., Hoseini Keshtan M. Goals of participation in physical education classes // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2011. № 7. С. 111–117.

Статья поступила в редакцию: 12.06.19

Принята к публикации: 19.09.19

References

1. Gernet IN, Pushkina VN, Olyashev NV, Bryunina AV. Vliyanie zanyatii fizicheskoi kul'turoi na pokazateli kardiorespiratornoi sistemy u detei doskol'nogo vozrasta [Impact of Physical Exercise on Cardiorespiratory System Indicators in Pre-School Age Children (Summary)]. In: *Agadzhanyanovskie chteniya [Agadzhanyan Readings]: Proceedings of 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference (January 26–27, 2018, Moscow)*. Moscow: RUDN University; 2018. p. 112–113. (In Russ.).

2. Kostyukova TA, Griboyedova TP. Sem'ya i shkola: gotovnost' k sotsial'no-obrazovatel'nomu partnerstvu [Family and School: Readiness for Social and Educational Partnership]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2008;3(77): 47–50. (In Russ.).

3. Liguta VF. Otnoshenie roditel'ei k fizicheskoi kul'ture, zdorovomu obrazu zhizni i fizicheskomu vospitaniyu detei [Parents' Attitude to Physical Culture, Healthy Lifestyle and Children's Physical Education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2016;12(177): 33–39. (In Russ.).

4. Makeyeva VS. Differentsirovannyi podkhod v formirovanii fizicheskoi kul'tury obuchayushchikhsya [Differentiated Approach in Shaping Students' Physical Culture]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka = Pedagogical Education and Science*. 2013;4: 41–43. (In Russ.).

5. Malkin VR, Rogaleva LN. *Psikhologicheskaya rabota v detsko-yunosheskoj sportivnoi shkole [Psychological Work at Children and Youth Sports School]*. Yekaterinburg: Ural University Press; 2013. 99 p. (In Russ.).

6. Poliyevskiy SA, Yamaletdinova GA, Petrushkina TI, Zaborova VA, Gurevich KG. Dvigatel'naya aktivnost' i zdorov'e shkol'nikov v megapolise [School Students' Motor Activity and Health in a Megalopolis]. *Fizicheskaya kul'tura v shkole = Physical Culture at School*. 2019;2: 45–52. (In Russ.).

7. Prygin GS. *Psikhologiya samostoyatel'nosti [Psychology of Independence]*. Izhevsk: Institute of Management Press; 2009. 408 p. (In Russ.).

8. Serikov VV. Lichnostno-razvivayushchee obrazovanie kak odna iz kul'turologicheskikh obrazovatel'nykh modelei [Personal Developmental Education as One of Cultural Science Educational Models]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Volgograd State Pedagogical University Bulletin*. 2016;2(106): 30–35. (In Russ.).

9. Spirin VK. Organizatsionno-metodicheskie usloviya neeffektivnogo postroeniya urokov fizicheskoi kul'tury v ramkakh traditsionnoi sistemy fizicheskogo vospitaniya [Organizational and Method Conditions of Inefficient Composition of Physical Culture Classes Within Traditional System of Physical Education]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka = Physical Culture: Upbringing, Education, Training*. 2008;6: 11–14. (In Russ.).

10. Ustinova GN. Vzaimodeistvie sem'i i shkoly v voprosakh sokhraneniya zdorov'ya shkol'nikov [Family/School Interaction in Issues of Preserving School Students' Health]. *Zdorov'esberegayushchee obrazovanie = Health-Saving Education*. 2010;4(8): 76–80.

11. Khazova SA, Osmanov RZ, Magomedov RM, Manko IN. Sistema soup-ravleniya fizicheskim vospitaniem shkol'nikov i rezul'taty ee prakticheskoi realizatsii [System of Co-Managing School Children's Physical Education and Results of its Practical Implementation]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3 : Pedagogika i psikhologiya = Adyghe State University Bulletin. Series 3: Pedagogy and Psychology*. 2015;2: 167–175. (In Russ.).

12. Schetinina SY. Pedagogicheskie usloviya realizatsii modeli integrirovannoi vospityvayushchei fizkul'turno-sportivnoi sredy [Pedagogical Conditions of Implementing the Model of Integrated Mentoring Physical and Sports Environment]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta = Lesgaft University Transactions*. 2014;1(107): 185–192. (In Russ.).

13. Yamaletdinova GA. *Sistema samoupravleniya uchebno-poznavatel'noi deyatel'nost'yu studentov v sfere fizicheskoi kul'tury [Self-Management System of Students' Learning and Cognitive Activity in Physical Culture]*. Yekaterinburg: University for Humanities; 2013. 278 p. (In Russ.).

14. Ramzaninezhad R, Rahmaninia F, Hemmatinezhad MA, Benar N, Hoseini Keshtan M. Goals of participation in physical education classes. *Pedagogika, psikhologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta = Pedagogy, Psychology and Medical & Biological Problems of Physical Education and Sport*. 2011;7: 111–117. (In Russ.).

Submitted 12.06.19 Accepted 19.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS05
УДК 796.015.6-057.875

Обоснование экспресс-методов восстановления работоспособности студентов-спортсменов в динамике учебно-тренировочного дня

Сергей А. Полиевский¹,

ORCID: 0000-0002-6742-6175, e-mail: sergei.polievskii@mail.ru

Елена В. Цой²,

ORCID: 0000-0002-8477-8906, e-mail: e_tsoy@mail.ru

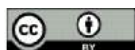
^{1,2} Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (РГУФКСМиТ), г. Москва, Россия

Аннотация. В связи с повышенным уровнем нервно-эмоциональных и физических нагрузок студентов-спортсменов (учебных и спортивных) в статье приведены материалы по обоснованию средств нормализации функционального состояния организма студентов-спортсменов, по отбору средств срочной стимуляции и восстановления в динамике учебно-тренировочного дня для самостоятельного применения студентами. Выполнен анализ существующей приборно-методической базы и средств восстановления и стимуляции (СВиС) работоспособности на основе выявления психофизиологического статуса в динамике учебного дня на учебных занятиях. Прослежены возможности немедикаментозных и бесприборных экспресс-средств и методов срочного восстановления работоспособности студентов из арсенала восточной медицины (Китай, Индия, Корея, Япония – мудры, Су Джок, массаж особых точек на пальцах, ладони и ушной раковине). Они отличаются простотой, малым временем процедуры и высокой эффективностью. В результате применения восточных техник отмечена положительная динамика восстановления работоспособности и самочувствия студентов.

В комплексы для студентов-спортсменов рекомендовано включать только апробированные, наиболее эффективные, понятные и доступные на практике средства стимуляции и восстановления в виде восточных практик, с их использованием с учетом функционального состояния. Отмечены желательность безвредности процедуры, простота и кратковременность проведения, ясность с временным интервалом и пролонгированностью воздействия.

Ключевые слова: ароматерапия, восстановление, мудры, студенты-спортсмены; срочная эффективность, Су Джок-терапия.

Для цитирования: Полиевский С. А., Цой Е. В. Обоснование экспресс-методов восстановления работоспособности студентов-спортсменов в динамике учебно-тренировочного дня // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 557–565. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS05.

Substantiation of Express Methods of Restoring Student Athletes' Working Capacity within Academic and Training Day

Sergey A. Poliyevskiy¹,

ORCID: 0000-0002-6742-6175, e-mail: sergei.polievskii@mail.ru

Elena V. Tsoy²,

ORCID: 0000-0002-8477-8906, e-mail: e_tsoy@mail.ru

^{1,2} Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE), Moscow, Russia

Abstract. Considering the student athletes' enhanced level of neural, emotional and physical stress (academic and sport stress), the paper provides materials substantiating the means of normalizing the functional state of athlete students' bodies and selecting urgent stimulation and restoration methods during an academic and training day that could be applied by students independently. The existing pool of devices and methods, as well as the means for restoring and stimulating working capacity are analyzed based on identifying the psycho-physiological status during the academic day at academic classes. Opportunities for non-medicine and non-device express means and methods of urgent restoration of students' working capacity are explored, borrowing from the Oriental medicine arsenal (Chinese, Indian, Korean and Japanese mudras; Sujok massage of special points on fingers, palms and auricle). They are simple, the procedure takes little time and is highly efficient. Application of Oriental techniques results in a positive trend of restoring students' working capacity and general state.

It is recommended to include only validated, most efficient, understandable and practically available means of stimulation and restoration from the number of Oriental practices into complexes for student athletes, and these means' application should take into account the functional state. It is preferable for the procedure to be harmless, simple and quick and for its time interval and effect duration to be clear.

Keywords: aroma therapy, restoration, mudras, student athletes, immediate effect, Sujok therapy.

For citation: Poliyevskiy SA, Tsoy EV. Substantiation of Express Methods of Restoring Student Athletes' Working Capacity within Academic and Training Day. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 557–565. Available from: doi:10.35853/UH-RMP-2019-PS05.

Введение

За последнее время, в связи с повышенной умственной и психической нагрузкой на организм студента, резко повысилась частота и выраженность симптомов СХУ (синдром хронической усталости), особенно при высоких нервно-эмоциональных и физических нагрузках студентов-спортсменов (учебных и спортивных). При этом психофизические отрицательные сдвиги нарушают деятельность коры головного мозга, вызывают ошибки, снижение функциональных резервов организма.

В этом случае перенапряжение (разной степени выраженности) регуляторных систем рассматривается как преморбидное состояние. Симптоматика выражается в подъеме артериального давления и та-

хикардии, снижении работоспособности, перенапряжении при переутомлении нервно-мышечного аппарата, что в конечном итоге приводит к развитию СХУ, к высокой заболеваемости, отрицательно сказывается на здоровье. Естественно, что перечисленные состояния студента-спортсмена прямо сказываются на его спортивной и общей работоспособности.

Указанные причины актуализируют задачу самооздоровления студентов-спортсменов (ССС), для которых характерен этот синдром в большей степени из-за нервно-психического перенапряжения в условиях высокой двигательной активности, и тем более в состоянии предболезни [1; 2; 6; 7; 8].

Поэтому важно обеспечить усиление внимания самих студентов к своему здоровью. Это и есть самооздоровление как комплекс оздоровительных мероприятий без приема лечебных препаратов. Особенно важно внедрить систему самооздоровления в учебно-тренировочный процесс студентов ослабленных, предрасположенных к заболеваниям или подверженных им (при их типичных заболеваниях и преморбидных состояниях).

По данным исследования студентов РГУФКСМиТ [2], около трети студентов имеют выраженные симптомы предболезни с понижением функционального состояния в течение учебно-тренировочного дня. Эти данные вызывают тревогу, учитывая тот факт, что при отборе в спортивные вузы к состоянию физического здоровья предъявляются повышенные требования, и актуализируют данное исследование.

Методы исследования

Особый интерес представляют стимуляторы-восстановители, обладающие срочным оздоровительным эффектом.

К их числу относятся приемы рефлексотерапии из арсенала восточной медицины [3 и др.]. Рефлексология как наука базируется на представлении, что на конечных частях тела (руках, ступнях, ушах) имеется система отражения внутренних органов и всего организма в целом. Поэтому ручное воздействие на эти специфические области может стимулировать организм.

В работе использованы немедикаментозные и бесприборные экспресс-средства и методы срочного восстановления работоспособности студентов из арсенала восточной медицины (Китай, Индия, Корея, Япония – мудры, Су Джок, массаж особых точек на кистях рук и ушной раковине). Рекомендуются использование акупунктурных точек корпоральной рефлексотерапии и Су джок-терапии [4; 5; 10].

Эти восточные практики, по данным ряда авторов, отличаются высокой эффективностью при достаточной доступности и простоте, высокой скоростью проявления эффекта, выраженной иногда в минутах и секундах, универсальностью. Они практически не требуют заучивания и запоминания местоположения точек и зон воздействия.

В данной статье предложены методы для быстрого восстановления общего самочувствия и устранения болезненных симптомов у спортсменов-студентов, преимущественно из арсенала восточной медицины.

Имеется особая точка на подушечке среднего пальца руки, которую используют в военной медицине. Этот метод резко снижает давление. Сознание проясняется, в глазах становится ясно. При выдерживании

давления в течение минуты (можно кончиком авторучки) достаточно болезненна.

А еще есть точка на ногах. Называется точкой устранения злости. Она также очень болезненна. Находится она перед бугорком стопы.

В случае запора или болей в желудке следует потереть и сжимать указательный палец в течение минуты. Воздействие на средний палец отражается на дыхательной системе, кровообращении, сердечной мышце и тонком кишечнике, а на указательный – на желудке и толстом кишечнике. Растирание и вытяжение большого пальца отражается на сердечно-сосудистой системе.

Рекомендуются следующие точки воздействия:

1) точка находится в центре ступни, в углублении. При сгибании пальцев стопы, там образуется складка;

2) точка находится на руке, между суставами большого и указательного пальцев, на тыльной поверхности кисти;

3) точка в центре ладони;

4) точка под кончиком носа, на верхней губе;

5) точка на макушке головы. Все точки массируются большим или указательным пальцем.

Вращательный массаж осуществляется круговыми движениями в области зоны соответствия с частотой вращения около 60 оборотов в минуту.

Это воздействие также производится со значительным давлением. Следует выполнять вращательные движения массажного типа в разных направлениях до появления ощущения тепла и исчезновения болевого синдрома.

Уникальным естественным методом снижения артериального давления в китайской медицине является легкий массаж особой линии на лице, которая, начинаясь немного ниже мочки уха, спускается по шее. Надавливать на эту линию не следует, а рекомендуется проводить, лишь слегка касаясь кончиками пальцев, от ее начала до конца.

Процедуру повторяют не менее 10 раз с обеих сторон головы.

Следующее упражнение за 5 минут улучшает кровообращение и снижает артериальное давление. В расслабленном состоянии без давления кончиками пальцев провести массаж линии от мочки уха дугой по направлению к носу с обеих сторон. Полноценной медицинской технологией наряду с иглоукалыванием является точечный массаж. Теоретическая основа – наличие энергетических каналов, которыми каждый орган нашего тела напрямую связан с определенными точками на теле.

Главное – найти соответствующую точку с последующим регулярным массажем.

С целью регуляции массы тела используются 5 точек, к числу которых относится точка на лице между верхней губой и носом посреди желобка. Переедание в состоянии стресса проходит при ее стимуляции дважды в день, по 5 минут.

Некоторые легкие позы йоги помогут укрепить мышцы брюшного пресса, японская техника «Джин шин джитсу» поможет расслабиться за 5 мин. и др.

Мудра – в индуизме и буддизме – символическое, ритуальное расположение кистей рук, ритуальный язык жестов. Мудра – это йога паль-

цев рук. Для активизации меридианов, восстановления потока энергии и направления ее по телу имеется несколько комбинаций пальцев.

Дыхательные упражнения, установки, визуализации направлены на усиление воздействия мудр и обеспечение немедленного эффекта: ясности ума, прилива сил на фоне умиротворенности, радости. Так, стимуляция иммунитета осуществляется при помощи мудры поднимающей; при сердечном приступе, боли в сердце, сердцебиении, дискомфорте в области сердца с тревогой и тоской, инфаркте миокарда помогает мудра, спасающая жизнь (первая помощь). Состояния психической слабости, стресса снимает мудра земли.

Мудра улучшает самооценку, дарит уверенность в себе, защищает от негативных внешних энергетических воздействий. Мудр много, они просты в реализации и непродолжительны.

Как доказательная база использованы анкетные опросы, анализ состояния проблемы, метод педагогического эксперимента.

Результаты и обсуждение

Предварительно проведен анализ с апробацией приборно-тренажерной базы средств восстановления и стимуляции (СВиС).

Так, определены возможности для тренировки дыхательной мускулатуры студентов-спортсменов дыхательного тренажера «Power breathe».

В связи с тем, что к концу учебно-тренировочного дня происходит ухудшение зрения, появляется синдром «усталости глаз» в работе. Для защиты и поддержания зрительной функции использовался поливитаминный и полиминеральный препарат «Лютеин-комплекс» с высоким содержанием свободного лютеина.

Можно использовать энергетический тренинг РС – мышцы [10]. По причине тесной связи между расположенной в основании таза мышцей *Pubococcygeus* (РС – мышцы) и головным мозгом, при усиленном его тренинге происходит мощная подпитка центральной нервной системы.

Апробированы методы воздействия на кожно-мышечную чувствительность кистей рук, а также дано обоснование Су джок-стимуляции с применением аппликаторов в виде валиков, пластин и колец [11].

Можно применять теплопроцедуру как средство местного прогревания. Для этого используется солевая грелка-аппликатор, а также работа с эбонитовым диском Гончарова, для восстановления и улучшения состояния при синдроме хронической усталости (СХУ).

При болях в спине особенно важны упражнения на растяжку (стретчинг), так как они являются профилактикой от боли и травм.

К СВиС можно отнести эфирные масла. Для ароматерапии используют специальные аромалампы. При психическом истощении, стрессе, чувстве тревоги, нервозности рекомендуется использовать пихтовое масло, эфирное масло иланг-иланг и др.

Для внедрения СВиС нужно знать время наступления утомления отдельных функций и систем.

Было проведено пилотное анкетирование 25 студентов-спортсменов.

24,0 % студентов отметили ухудшение самочувствия с 3-го часа работы (конец 2-го); 36,0 % - в конце 5-го часа и 40 % респондентов – в конце 4-го часа работы. Ухудшение процесса мышления начиная с 4-го часа отмечают 100 % опрошенных.

Усталость мышц спины отметили 36,0 % респондентов уже к концу 3-го часа работы, а еще 64,0 % обратили на это внимание в конце 5-го часа.

При качественном анализе анкетного массива по сменам и дням недели было установлено следующее.

В абсолютном большинстве случаев к концу недели имеет место более раннее наступление утомления отдельных функций при его большей выраженности.

Проведен также пилотный опрос студентов РГУФКСМиТ (42 опрошенных студента 4-го курса) о применении ими СВиС в процессе занятий.

Из общего массива опрошенных всего 7 студентов применяли СВиС, да и то нерегулярно, хотя нужду в этом отметили 29 человек.

Большинство (27) студентов хотят использовать СВиС со срочным эффектом, и 21 студент согласен их использовать, если они эффективны, кратковременны, просты и доступны.

Определена возможность использования в процессе учебно-тренировочного дня студента-спортсмена различных оздоровительных средств, характеризующихся быстрым эффектом.

Студенты были ознакомлены с практиками, им были раскрыты их возможности и особенности воздействия на организм, после чего был проведен просмотр презентации с описаниями практик.

Студентам были розданы Дневники выполнения мероприятий по оздоровлению и стимуляции работоспособности и самочувствия и Схема оценки влияния элементов комплексной программы экспресс-методов восстановления работоспособности с заданием их апробации и использования.

Всего в эксперименте участвовали 25 студентов. По заданию им нужно было в течение двух недель выполнять упражнения специального комплекса, состоящего из 14 упражнений, а затем зафиксировать каждое выполненное задание в анкетах и оценить свое самочувствие.

Затем следовало отметить итоговые показатели восстановления самочувствия.

В результате проведенного анкетирования определились следующие особенности стимуляции.

18 (72 %) человек отдали предпочтение упражнениям под номерами 1 (особая точка на пальце), 6 (идеальные руки – секрет японских гейш), 8 (зажим уха прищепкой на 5 секунд), 10 (мудра знания), 13 (мудра энергии), в связи с видимым улучшением общего самочувствия и выполняли их регулярно.

4 (16 %) студента выполняли весь комплекс данных упражнений.

Остальные 3 (12 %) человека выполняли упражнения нерегулярно.

По итогам выполнения упражнений студенты отметили (чел. (%)):

19 (76) – улучшение общего самочувствия, повышение умственной и физической работоспособности; 5 (20) – улучшение сна; 3 (12) – повышение тонуса организма; 7 (28) – улучшение зрения; 2 (8) – улучшение слуха.

Заключение

Следует отметить не только желательность, но и в ряде случаев необходимость применения вышеперечисленных и других оздоровительных бескровных техник самооздоровления [3; 7; 10] с целью пре-

дотвращения болезненных симптомов. СВиС – это широкий спектр оздоровительного воздействия как на весь организм, так и на отдельные функции [10].

Выявлены безвредность процедур, простота и минимум затраченного времени на проведение оздоровительных мероприятий, пролонгированность воздействия. Использование всех средств ни в коем случае не уменьшает значимости традиционных средств и методов той же направленности, что может предотвратить эффект привыкания, даже если они более трудоемкие, как при коллективном, так и при индивидуальном использовании.

Студенты-спортсмены в большей степени отметили для себя стимуляторы-восстановители с более быстрым оздоровительным эффектом, для эффективного занятия спортом и отдельно для учебного процесса.

Представляет интерес вопрос: применять ли СВиС в комплексе (хотя это и тяжело выполнить организационно, но было бы целесообразно при синхронизации временных интервалов падения работоспособности отдельных функций) или давать их по показаниям, в момент появления конкретного выраженного симптома утомления?

По итогам анкетирования студентов-спортсменов должны выбираться наиболее адекватные средства и методы для использования в стимуляционно-восстановительной программе.

В настоящее время проходит апробация этих и других восстановительных средств, а также экспресс-методик контроля функционального состояния. Их использование нуждается в обсуждении и даже в пропаганде, так как в ряде случаев это эффективнее средств традиционной медицины. Отобранные средства и методы восточной медицины являются относительно универсальными по своему действию, оказывают общее восстанавливающее действие, эффективны, доступны и просты в использовании. Они должны быть представлены в Медицинском справочнике спортсмена.

Информационное обеспечение студента-спортсмена, знания и навыки, касающиеся средств минимизации симптомов утомления и повышения работоспособности в состоянии усталости, представляются актуальными и в связи с климатическими изменениями в сторону экстремизации. Применение восточных техник обеспечивает положительную динамику восстановления работоспособности и самочувствия студентов.

Рекомендации

В рамках системы самооздоровления студентов-спортсменов (ССС) основными требованиями отбора должны быть минимизация времени практики или процедуры, понятность описания, простота и доступность использования. Показаниями могут быть как выраженные симптомы утомления конкретной функции, так и ее профессионально-спортивная значимость.

Отмечена желательность безвредности процедуры, ясность с временным интервалом и пролонгированностью воздействия. Использование всем арсеналом средств, описанных в данной статье, ни в коей мере не снижает ценности других средств, которые при одинаковой направленности могут быть использованы для предотвращения эф-

фекта привыкания у студентов-спортсменов, как коллективно, так и индивидуально.

Можно рекомендовать в качестве основных стимулирующих работоспособность в процессе лекционных, семинарских и практических занятий упражнения: особую точку на пальце, секрет японских гейш, защипывание уха, мудры знания и энергии

По итогам анкетирования студентов-спортсменов должны выбираться наиболее адекватные средства и методы для использования в стимуляционно-восстановительной программе или по отдельности.

Информация об авторах

Сергей Александрович Полиевский, доктор медицинских наук, профессор кафедры спортивной медицины, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (РГУФКСМиТ) (г. Москва, Россия).

Елена Валентиновна Цой, соискатель кафедры спортивной медицины, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (РГУФКСМиТ) (г. Москва, Россия).

Information about the authors

Sergey A. Poliyevskiy, Dr. Sci. (Medicine), Professor, Department of Sport Medicine, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE), Moscow, Russia.

Elena V. Tsoy, Postgraduate Student, Department of Sport Medicine, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE), Moscow, Russia.

Список литературы

1. Глиненко В. М., Полиевский С. А., Лакшин А. М., Иванов А. А., Катаева В. А., Гвоздева Т. Ф., Кожевникова Н. Г. Самооздоровление и физическая реабилитация студентов при донозологических, преморбидных состояниях и срыве адаптации. М. : МГМСУ, 2008. 59 с.
2. Иванов А. А., Полиевский С. А. Актуализация системы самооздоровления студентов-спортсменов // Образование и саморазвитие. 2010. № 6 (22). С. 24–32.
3. Островский В. А. К здоровью в позе «Лотоса» // Планета Wellness. 2004. № 3. С. 4.
4. Пак Ч. В. Су Джок для всех. М. : Су Джок академия, 2001. 136 с.
5. Пак Ч. В. Су Джок-терапия в экстренных ситуациях. М. : Су Джок академия, 2001. 206 с.
6. Подколзин А. А., Донцов В. И., Мороз И. Н., Дмитриев Н. Н. Диагностика и лечение синдрома хронической усталости : методические рекомендации. М. : ВУНМЦ, 1997. 39 с.
7. Полиевский С. А., Григорьева О. В. Преморбидные состояния студентов и проблема самооздоровления // Терапевт. 2017. № 8 (127). С. 30–38.
8. Полиевский С. А., Иванов А. А., Рыбаков В. Б. Преморбидные состояния, двигательная активность и самооздоровление студентов // Преподаватель XXI век. 2009. № 3. С. 125–134.
9. Полиевский С. А., Иванов А. А., Церябина В. В. Иммуитет спортсменов в состоянии предболезни // The European Journal for sport sciences technology. 2011. Vol. 1. P. 97–102.
10. Полиевский С. А., Иванов А. А., Ямалетдинова Г. А. Средства и методы оздоровления, восстановления и стимуляции работоспособности студенческой молодежи : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. 217 с.
11. Полиевский С. А., Цой Е. В., Мохамед А. А. И. Приемы и методы самооздоровления студентов-спортсменов в динамике учебно-тренировочного дня // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : материалы XXI российской научно-практической кон-

ференции (с международным участием), 12–13 апреля 2019 года : доклады / редкол. : Л. А. Закс и др. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. С. 880–884.

Статья поступила в редакцию: 19.06.19

Принята к публикации: 19.09.19

References

1. Glinenko VM, Poliyevskiy SA, Lakshin AM, Ivanov AA, Kataeva VA, Gvozdeva TF, et al. *Samoozdorovlenie i fizicheskaya rehabilitatsiya studentov pri donozologicheskikh, premorbidnykh sostoyaniyakh i sryve adaptatsii* [Students' Personal Health Improvement and Physical Rehabilitation in Pre-Neurological and Pre-Morbid Conditions and Misadaptation]. Moscow: Moscow State University of Medicine and Dentistry; 2008. 59 p. (In Russ.).
2. Ivanov AA, Poliyevskiy SA. Aktualizatsiya sistemy samoozdorovleniya studentov-sportsmenov [Updating the System of Student Athletes' Personal Health Improvement]. *Obrazovanie i samorazvitie = Education and Self-Development*. 2010;6(22): 24–32. (In Russ.).
3. Ostrovsky VA. K zdorov'yu v poze «Lotosa» [Towards Health in Lotus Position]. *Planeta Wellness = Wellness Planet*. 2004;3: 4. (In Russ.).
4. Pak CV. *Su Dzhok dlya vsekh* [Sujok for Everyone]. Moscow: Sujok Academy; 2001. 136 p. (In Russ.). (In Russ.).
5. Pak CV. *Su Dzhok-terapiya v ekstrennykh situatsiyakh* [Sujok Therapy in Emergency Situations]. Moscow: Sujok Academy; 2001. 206 p. (In Russ.).
6. Podkolzin AA, Dontsov VI, Moroz IN, Dmitriev NN. *Diagnostika i lechenie sindroma khronicheskoi ustalosti* [Diagnosis and Treatment of Chronic Fatigue Syndrome]. Moscow: All-Russian Academic, Scientific and Method Center for Continuous Medical and Pharmaceutical Education; 1997. 39 p. (In Russ.).
7. Poliyevskiy SA, Grigorieva OV. Premorbidnye sostoyaniya studentov i problema samoozdorovleniya [Students' Pre-Morbid Conditions and Problem of Personal Health Improvement]. *Terapevt = General Practitioner*. 2017;8(127): 30–38. (In Russ.).
8. Poliyevskiy SA, Ivanov AA, Rybakov VB. Premorbidnye sostoyaniya, dvigatel'naya aktivnost' i samoozdorovlenie studentov [Students' Pre-Morbid Conditions, Motor Activity and Personal Health Improvement]. *Prepodavatel' XXI vek = 21st Century Teacher*. 2009;3: 125–134. (In Russ.).
9. Poliyevskiy SA, Ivanov AA, Tseryabina VV. Immunitet sportsmenov v sostoyanii predbolezni [Athletes' Immunity in Pre-Morbid State]. *The European Journal for sport sciences technology*. 2011;1: 97–102. (In Russ.).
10. Poliyevskiy SA, Ivanov AA, Yamaletdinova GA. *Sredstva i metody ozdorovleniya, vosstanovleniya i stimulyatsii rabotosposobnosti studencheskoi molodezhi* [Means and Methods for Health Improvement, Restoration and Working Capacity Stimulation in Student Youth]. Yekaterinburg: University for Humanities; 2016. 217 p. (In Russ.).
11. Poliyevskiy SA, Tsoy EV, Mohamed AAI. Priemy i metody samoozdorovleniya studentov-sportsmenov v dinamike uchebno-trenirovochnogo dnya [Techniques and Methods of Student Athletes' Personal Health Improvement during Academic and Training Day]. In: Zaks LA, et al. (eds.) *Rossiiskii chelovek i vlast' v kontekste radikal'nykh izmenenii v sovremennom mire* [Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World]: Proceedings of the 21st Russian Scientific and Practical Conference (with International Participation), April 12–13, 2019. Yekaterinburg : University for Humanities; 2019. p. 880–884. (In Russ.).

Submitted 19.06.19 Accepted 19.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS06
УДК 37.025-057.875

Особенности восприятия учебной информации современными студентами высшей школы

Татьяна М. Резер,

Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
Web of Science Researcher ID R-1801-2016
ORCID: 0000-0002-4793-9918, e-mail: t.m.rezer@urfu.ru

Аннотация. С проблемами усвоения учебной информации студентами повсеместно сталкиваются преподаватели высшей школы. Многозадачность, «смартфон-зависимость», высокая скорость восприятия информации, клиповое мышление как атрибуты современности требуют исследования их в педагогической практике. Цель исследования: выявить особенности восприятия учебной информации современными студентами высшей школы. Методы исследования: комплексный подход к изучению человека, феномен запоминания незавершенных действий, биосоциальный подход к изучению человека и медико-педагогический подход в комплексном изучении человека, позволившие выделить особенности восприятия учебной информации. Результаты: в 51,1 % случаев студенты пару раз за семинар заглядывают в смартфон, в 10,3 % случаев заглядывают каждые пять минут и только в 0,4 % случаев студенты никогда не отвлекаются на занятиях. Вывод: линейное мышление у молодых людей необходимо активно развивать как инструмент, позволяющий человеку успешно проходить периоды своего становления, и на его основе развивать научное знание, поэтому необходимо адаптировать образовательные технологии, используемые в педагогической практике, с учетом цифровизации образования и распространения клипового мышления.

Ключевые слова: высшая школа, формы и типы обучения, особенности мышления, особенности восприятия информации студентами, практическое обучение, компетентностный подход.

Благодарности: благодарим руководство Института государственного управления и предпринимательства, поддержавших внутренний грант, за счет которого идет финансирование данного исследования.

Для цитирования: Резер Т. В. Особенности восприятия учебной информации современными студентами высшей школы // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 566–575. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS06.

© Т. М. Резер, 2019

Features of Academic Information Perception by Contemporary Higher School Students

Tatyana M. Rezer

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
Web of Science Researcher ID R-1801-2016
ORCID: 0000-0002-4793-9918, e-mail: t.m.rezer@urfu.ru

Abstract. Higher school teachers universally face the problems of students' perception of academic information. Multi-tasking, "smartphone addiction", high speed of informational perception and clip thinking as attributes of modern times require studying them in pedagogical practice. This research aims to identify the features of academic information perception by contemporary higher school students. Research methods – the comprehensive approach to studying the human, the phenomenon of remembering uncompleted actions, the bio-social approach to studying the human and the medical & pedagogical approach to a comprehensive study of human – helped identify the features of academic information perception. The findings are: students glance at their smartphones a couple of times during the seminar in 51,1 % cases; they glance at them every five minutes in 10,3 % cases, and only in 0,4 % do students never get distracted in classes. The conclusion is: young people's linear thinking needs to be actively developed as a tool enabling an individual to go through the periods of their formation successfully, and use this thinking as the basis for developing academic knowledge, so educational technologies used in pedagogical practice need to be adapted to reflect educational digitization and the spreading clip thinking.

Keywords: higher school, forms and types of learning, features of thinking; features of students' perception of information, practical training, competence-based approach.

Acknowledgments: we would like to thank the management of Institute of Public Administration and Entrepreneurship that supported an internal grant funding this research.

For citation: Rezer TM. Features of Academic Information Perception by Contemporary Higher School Students. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 566–575. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PS06.

Введение

Основными особенностями современной молодежи являются: «клиповое мышление», преобладание виртуальной жизни над реальной, высокая скорость восприятия информации, фрагментарность мысли, отсутствие авторитета старшего поколения, индивидуализм, идеология потребления. Таким образом, в системе образования обозначилась принципиально новая проблема: традиционная система передачи систематизированной научной и профессиональной информации и объяснительно-иллюстративный тип обучения являются сегодня малоэффективными и использоваться в привычном объеме не должны.

Мы поставили перед собой два вопроса: «Можно ли говорить о смене типа мышления и восприятия информации у современных студентов?» и «Следует ли преподавателям высшей школы адаптировать образовательные технологии и образовательный процесс в целом к

выявленным изменениям в мышлении студентов и особенностям восприятия информации?»

Обзор литературы. Анализ специализированной литературы помог выделить ряд подходов и принципов для изучения образовательных технологий и возможности их адаптации в образовательном процессе в условиях распространения клипового мышления [19]. Анализ литературы по методологии обучения в высшей школе на основе компетентностного и практико-ориентированных подходов с позиции коммуникации, трансляции знаний, технических навыков [15], мышления, эмоций, ценностей и отражение их в повседневной практике в целях обеспечения интересов индивида и общества [17], рефлексии и оценки собственных знаний, умений на основе принципа единства профессиональных навыков и личностных характеристик [21], оценки качества образования [14], уровня сформированности компетенций [16], формирования портфолио будущего специалиста [23], а также с позиции современных подходов и форм обучения в высшем образовании [18].

Нами проведен сравнительный анализ на основе изучения работ по использованию практико-ориентированного обучения в высшей школе в России [2], в азиатских странах [3], в США [27], в управлении компанией [20], в получении опыта в оценке бизнес-рисков [25], в развитии стратегического мышления у студентов [22]. Особое внимание было уделено работам, исследующим подготовку государственных и муниципальных служащих [13; 1], изучены нормативные правовые акты в этой сфере. Рассмотрены особенности использования компетентностного подхода в высшей школе [10; 4].

Термин «мышление клипа» впервые был представлен Элвином Тоффлером в его книге «Третья волна» [26]. Современные люди перегружены информацией, мы получаем ее везде и каждую минуту. Объем информации значительно увеличился, а ее качество оставляет желать лучшего. Повсеместно фиксируется зависимость современного человека от смартфона и отношение к нему не только как к технологическому инструменту, повышающему качество жизни. «Клиповое мышление» авторы рассматривают с позиции психологических дефицитов и пространственного фокуса [6], отражения перцептивных процессов и сенсорной памяти [5], соотношения с линейным мышлением и пониманием текста [12; 24], с позиций изменения образовательных технологий в высшей школе [7].

Компетентностный подход в России получил распространение в результате поиска новых моделей модернизации и стандартизации российского высшего образования. Компетентностный подход – это комплекс общих принципов, необходимых для определения целей образования, организации образовательного процесса и оценки его результатов, что и отражено в требованиях федеральных государственных образовательных стандартов по направлениям и специальностям подготовки. Применение практико-ориентированного и компетентностного подходов в образовательном процессе актуально, на наш взгляд, в подготовке бакалавров и магистров. Прохождение практик студентами знакомит их с профессиональной средой и корпоративной культурой и особенностями профессиональной среды.

Например, для приобретения навыков в профессиональной деятельности будущих чиновников в России принят Указ Президента РФ

от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», в котором Правительству РФ было поручено представить предложения и рекомендации по внедрению новых принципов кадровой политики в системе государственной гражданской службы. В Указе Президента РФ предусмотрено развитие института наставничества на государственной гражданской службе. Министерством труда и социальной защиты РФ разработано методическое обеспечение для организации системы наставничества на государственной гражданской службе и предложен методический инструментарий по применению наставничества на государственной гражданской службе [8]. Данное методическое обеспечение применимо и к муниципальной службе.

Методы исследования

Теоретическую основу исследования составили следующие подходы: комплексный подход к изучению человека, феномен запоминания незавершенных действий, биосоциальный подход к изучению человека и медико-педагогический подход в комплексном изучении человека [9]. Формы и типы обучения, с помощью которых научная и профессиональная информация может быть адаптирована к передаче в условиях «клипового мышления», многозадачность и особенности восприятия современных студентов высшей школы исследовались в период с 2014-го по 2018 г. на базе Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Для оценки эффективности форм и типов обучения был использован метод опроса, проведен анализ мнений студентов о качестве их образования (413 студентов). Основываясь на ориентации клипового мышления, мы выделили личностный подход, сравнительный анализ и взаимодействие. Методы педагогического наблюдения и мониторинга позволили определить уровень сформированности компетенций, необходимый для эффективной и результативной работы в органах государственного и муниципального управления.

Результаты и обсуждение

Одним из способов нивелирования негативных последствий клипового мышления является *практическая ориентированность* занятий со студентами. Студентам также должна быть предоставлена возможность работать с большими объемами информации и самостоятельно искать подходящий для решения вопроса материал, только после обработки которого студент может сделать вывод о верности или неверности какого-либо утверждения (тот самый *legal research*). Практико-ориентированное обучение – это вид обучения, целью которого является формирование у студентов умений и навыков практической работы, используемых сегодня в разнообразных сферах социальной и профессиональной практики, а также формирование понимания того, где, как и для чего полученные умения и навыки используются на практике. Так, в практико-ориентированном обучении многих вузов зарубежных стран в течение многих лет используется система GLOBUS, которая является упражнением в процессе практического обучения студентов о различных аспектах управления компанией. Студенты полу-

чают опыт и практику в оценке бизнес-рисков в условиях конкуренции, а также в стратегическом мышлении о положении компании на рынке.

В США, благодаря большому количеству образовательных программ и частных специализированных образовательных организаций, образование более направлено на практику. Частных вузов больше, чем государственных. Они предлагают практико-ориентированную подготовку в различных областях, таких, например, как управление бизнесом, компьютерными технологиями, промышленностью и т. д. В США повсеместно распространена государственная поддержка практико-ориентированных учебных заведений.

Справедливость приведенных выводов подтверждают данные опроса, проведенного среди студентов Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление». В опросе приняли участие 413 студентов в возрасте от 18 до 28 лет. Так, 70 % респондентов в качестве *предпочтительной* формы обучения указывают семинарские занятия, 56 % респондентов – практические мастер-классы, при этом только 46 % опрошенных указывают на предпочтительность лекционных занятий. Отвечая на вопрос *об эффективности той или иной формы обучения*, 34 % респондентов выбирают семинарские занятия, еще 30 % респондентов – практические мастер-классы и лишь только 5 % респондентов считают лекцию эффективной формой обучения. Поэтому *деятельность* мы рассматриваем как самую главную особенность и цель практико-ориентированного и компетентностного обучения в высшей школе в России и зарубежных странах, потому что организационная, педагогическая и физиологическая суть обоих видов обучения не меняется. Изменяются только социально-экономические и технологические условия, влияющие на образовательные политики разных стран.

Понимая, что в образовательном процессе мы сталкиваемся с новым типом мышления и личностными характеристиками студентов, присущими новому поколению обучающихся и новой генерации специалистов, мы провели опрос, касающийся поведения студентов в учебной деятельности. На вопрос «Как много времени Вы тратите на чтение?» – мы получили следующий ответ: 44,7 % студентов читают один час в день, 28 % студентов читают один час в неделю, а 21,9 % студентов просматривают только по пути на учебу новости.

Так, с первого раза информацию усваивают только 39,9 %, а в 63,5 % случаев студентам требуется несколько раз прочитать учебную информацию и повторить. Нам было интересно узнать о том, каким образом лучше усваивается новая информация студентами: в 53,7 % случаев студенты сказали, что это моменты, когда информация обсуждается, в 28,3 % случаев студенты указали на текстовый вид информации, т. е. когда читают, и только 11,6 % респондентов сказали, что информация лучше всего усваивается, когда они просматривают видео, т. е. видят картинку, а 66 % студентов отметили необходимость использования во время занятий мультимедиа.

Нам показался своевременным вопрос об отвлечении студентов во время образовательного процесса. Мы задали вопрос «Как часто Вы отвлекаетесь на социальные сети и новости во время занятий?» и получили следующую картину: в 51,1 % случаев студенты пару раз за

семинар заглядывают в смартфон, в 32,2 % случаев студенты отвлекаются, когда приходят сообщения, 10,3 % заглядывают *каждые пять минут* и только 0,4 % студентов никогда не отвлекаются на занятиях.

Заключение

Особенности мышления и восприятия учебной информации студентами высшей школы необходимо воспринимать как существующую реальность. «Клиповое мышление» необходимо воспринимать как данность, возникшую на конкретном историческом и технологическом этапе развития общества, а также как психолого-физиологический механизм, защищающий человека от информационной перегрузки.

В образовательном процессе линейное мышление у молодых людей необходимо активно развивать как инструмент, позволяющий человеку свободно и успешно проходить периоды своего становления и на его основе развивать научное знание. Данные, полученные при исследовании, необходимо учитывать при адаптации образовательных технологий и педагогической практики в целом в условиях цифровизации образования: только 6,4 % современных студентов высшей школы не отвлекаются во время занятий на информационные сети; 4,6 % студентов не читают учебников и учебной литературы; 40,7 % студентов испытывают перегруженность информацией; всего 7,8 % студентов отметили лекцию как эффективную форму обучения.

Информация об авторе

Татьяна Михайловна Резер, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ, профессор кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Tatyana M. Rezer, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Honored Teacher of the Russian Federation, Professor, Department of Theory, Methodology and Legal Framework of State and Municipal Administration, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Аралбаева Г. Г. Роль практико-ориентированного подхода в учебном процессе вуза при обучении студентов направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всероссийской научно-методической конференции. Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2018. С. 1252–1255.
2. Ашутова Т. В. Применение практико-ориентированного подхода к обучению будущих педагогов-дизайнеров в вузе // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 156–162.
3. Ворожбит О. Ю., Кривошапов В. Г. Практико-ориентированный подход к образованию в вузах как фактор развития национальной инновационной системы // Управление экономическими системами. 2012. № 47. URL: <http://uecs.ru/uecs47-472012/item/1724-2012-11-30-06-11-58> (дата обращения: 15.01.2019).
4. Гольдман А. А., Семенов А. С., Егорова А. А. Организация практико-ориентированного обучения по техническим направлениям подготовки специалистов (на примере МПТИ (ф) СВФУ и АК «Алроса») // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 9-2. С. 274–278.
5. Горобец В. В., Ковалев В. В. «Клиповое мышление» как отражение перцептивных процессов и сенсорной памяти // Мир психологии. 2015. № 2 (82). С. 94–100.

6. Исаева А. Н., Малахова С. А. «Клипное мышление»: психологические дефициты и альтернативы (пространственный фокус) // Мир психологии. 2015. № 4 (84). С. 177–191.

7. Кузнецова Е. В., Резер Т. М. Клипное мышление как фактор изменения образовательных технологий в высшей школе // Акмеология профессионального образования : материалы 14-й Всероссийской научно-практической конференции, 14–15 марта 2018 г., Екатеринбург. Екатеринбург : Издательство РГППУ, 2018. С. 367–370.

8. Методический инструментарий по применению наставничества на государственной гражданской службе (утв. Минтрудом России). М. : Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, 2013. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=572083#> (дата обращения: 02.06.2019).

9. Резер Т. М. Теория и технология подготовки медико-педагогических кадров в среднем профессиональном образовании : монография. М. : Владос, 2007. 333 с.

10. Троянская С. Л. Основы компетентностного подхода в высшем образовании : учебное пособие. Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. 176 с.

11. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2338.

12. Фрумкин К. Г. Клипное мышление и судьба линейного текста // Топос. 22.09.2010. URL: <http://www.topos.ru/article/7371> (дата обращения: 16.06.2019).

13. Чистякова В. И. Реализация практико-ориентированного подхода в организации производственной практики бакалавров профиля Государственное и муниципальное управление // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, № 3. С. 1215–1223. DOI: 10.153/PEMW20170311.

14. Cardona S., Velez J., Tobon S. Contribucion de la evaluacion socioformativa al rendimiento academico en pregrado // Educar. 2016. Vol. 52, No. 2. P. 423–447. DOI: 10.5565/rev/educar.763

15. Chuenjitwongsa S., Oliver R. G., Bullock A. D. Competence, competency-based education, and undergraduate dental education: a discussion paper // European Journal of Dental Education. 2018. Vol. 22, No. 1. P. 1–8. DOI: 10.1111/eje.12213.

16. Edlbring S., Dahlgren M., Edstrom D. W. Characteristics of two questionnaires used to assess interprofessional learning: Psychometrics and expert panel evaluations // BMC Medical Education. 2018. Vol. 18 (1). P. 40. DOI: 10.1186/s12909-018-1153-y.

17. Epstein R. M., Hundert E. M. Defining and assessing professional competence // Journal of the American Medical Association. 2002. Vol. 287, No. 2. P. 226–235. DOI: 10.1001/jama.287.2.226.

18. Ilyashenko L. K. Monitoring of Quality of Students' Training in Technical Universities as A Pedagogical System // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8, No. 3. P. 475–484.

19. Jones Ch., Ramanau R., Cross S., Healing G. Net generation or Digital Natives: Is there a distinct new generation entering university? // Computers & Education. 2010. Vol. 54 (3). P. 722–732. DOI: 10.1016/j.compedu.2009.09.022.

20. Knotts U. S., Keys J. B. Teaching Strategic Management with a Business Game // Simulation & Gaming. 1997. Vol. 28 (4). P. 377–394. DOI: 10.1177/1046878197284004.

21. Marin R. N., Concepcion Y., Vichot I. B. Competences. Some reflections on its shaping of human personality in the process of teachers training in high education // ATENAS. 2018. Vol. 2, No. 42. P. 48–60.

22. Mason J. C. Business schools: Striving to meet customer demand // Management Review. 1992. Vol. 81, No. 9. P. 10–15.

23. Pool A. O., Govaerts M. J. B., Jaarsma D. A. D. C., Driessen E. W. From aggregation to interpretation: how assessors judge complex data in a competency-based portfolio // *Advances in Health Sciences Education*. 2018. Vol. 23 (2). P. 275–287. DOI: 10.1007/s10459-017-9793-y.

24. Resnik M. *Lifelong Kindergarten: Cultivating Creativity through Projects, Passion, Peers, and Play*. Cambridge, MA : The MIT Press, 2017. 208 p.

25. Schmuck R. Teaching Strategic Management by Business Simulation Games // *Studies from Education and Society*. 2016. P. 90–97. URL: <http://www.irisro.org/edusoc2016nov/25SchmuckRoland.pdf> (дата обращения: 15.01.2019). DOI: 10.18427/iri-2016-0088.

26. Toffler A. *The third wave*. New York : Morrow, 1980. 544 p.

27. Wissemma J. G. *Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition*. Cheltenham, UK ; Northampton, MA, USA : Edward Elgar, 2009. 252 p.

Статья поступила в редакцию: 17.06.19

Принята к публикации: 19.09.19

References

1. Aralbayeva GG. Rol' praktiko-orientirovannogo podkhoda v uchebno-m protsesse vuza pri obuchenii studentov napravleniya podgotovki «Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie» [Role of Practice-Oriented Approach in College's Academic Process of Training Students in 'State and Municipal Administration' Discipline]. In: *Universitetskii kompleks kak regional'nyi tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury [University Complex as Regional Center of Education, Science and Culture]: Proceedings of All-Russian Scientific and Method Conference*. Orenburg: Orenburg State University; 2018. p. 1252–1255. (In Russ.).

2. Ashutova TV. Primenenie praktiko-orientirovannogo podkhoda k obucheniyu budushchikh pedagogov-dizainerov v vuze [Application of Practice-Oriented Approach to Training Future Design Teachers at a Higher Education Institution]. *Samarskii nauchnyi vestnik = Samara Science Bulletin*. 2017;6(1): 156–162. (In Russ.).

3. Vorozhbit OY, Krivoshepov VG. Praktiko-orientirovannyi podkhod k obrazovaniyu v vuzakh kak faktor razvitiya natsional'noi innovatsionnoi sistemy [Practice-Oriented Approach to College Education as a Factor of National Innovative System Development]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami = Economic Systems Management*. 2012;47. Available from: <http://uecs.ru/uecs47-472012/item/1724-2012-11-30-06-11-58> [Accessed 15.01.2019]. (In Russ.).

4. Goldman AA, Semenov AS, Egorova AA. Organizatsiya praktiko-orientirovannogo obucheniya po tekhnicheskim napravleniyam podgotovki spetsialistov (na primere MPTI(f) SVFU i AK «Alrosa») [Organization of Practice-Oriented Training in Technical Disciplines (Case Study of North-Eastern Federal University (Mirny Polytechnic Institute (branch)) and Alrosa JSC)]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Contemporary Research-Intensive Technologies*. 2016;9-2: 274–278. (In Russ.).

5. Gorobets VV, Kovalev VV. «Klipovoe myshlenie» kak otrazhenie pertseptivnykh protsessov i sensornoi pamyati [“Clip Thinking” as Reflection of Perceptive Processes and Sensor Memory]. *Mir psikhologii = World of Psychology*. 2015;2(82): 94–100. (In Russ.).

6. Isaeva AN, Malakhova SA. «Klipovoe myshlenie»: psikhologicheskie defitsity i al'ternativy (prostranstvennyi fokus) [“Clip Thinking”: Psychological Shortages and Alternatives (Spatial Focus)]. *Mir psikhologii = World of Psychology*. 2015;4(84): 177–191. (In Russ.).

7. Kuznetsova EV, Rezer TM. Klipovoe myshlenie kak faktor izmeneniya obrazovatel'nykh tekhnologii v vysshei shkole [Clip Thinking as a Factor of Changing Educational Technologies in Higher School]. In: *Akmeologiya professional'nogo*

obrazovaniya [Acmeology of Professional Education]: Proceedings of the 14th All-Russian Scientific and Practical Conference, March 14–15, 2018, Yekaterinburg. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University Press; 2018. p. 367–370. (In Russ.).

8. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. *Metodicheskii instrumentarii po primeneniyu nastavnichestva na gosudarstvennoi grazhdanskoj sluzhbe [Method Toolbox of Applying Mentorship at Public Service]*. Moscow; 2013. Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=572083#> [Accessed 02.06.2019]. (In Russ.).

9. Rezer TM. *Teoriya i tekhnologiya podgotovki mediko-pedagogicheskikh kadrov v srednem professional'nom obrazovanii [Theory and Technology of Training Medicine and Pedagogy Professionals in Secondary Vocational Education]*. Moscow: Vlados; 2007. 333 p. (In Russ.).

10. Troyanskaya SL. *Osnovy kompetentnostnogo podkhoda v vysshem obrazovanii [Fundamentals of Competence-Based Approach in Higher Education]*. Izhevsk: Udmurt University Publishing Center; 2016. 176 p. (In Russ.).

11. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 601. Ob osnovnykh napravleniyakh sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya [On main dimensions of improving the system of state administration]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoi Federatsii = Corpus of Legislation of the Russian Federation*. 2012. Vol.19. item 2338. (In Russ.).

12. Frumkin KG. Klipovoe myshlenie i sud'ba lineinogo teksta [Clip Thinking and Fate of Linear Text]. *Topos = Topos*. 22.09.2010. Available from: <http://www.topos.ru/article/7371> [Accessed 16.06.2019]. (In Russ.).

13. Chistyakova VI. Realizatsiya praktiko-orientirovannogo podkhoda v organizatsii proizvodstvennoi praktiki bakalavrov profilya Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie [Implementation of Practice-Oriented Approach in Organizing On-the-Job Practice of Bachelor Students in State and Municipal Administration Discipline]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire = Vocational Education in Contemporary World*. 2017;7(3): 1215–1223. Available from: doi:10.153/PEMW20170311. (In Russ.).

14. Cardona S, Velez J, Tobon S. Contribución de la evaluación socioformativa al rendimiento académico en pregrado. *Educar*. 2016;52(2): 423–447. Available from: doi:10.5565/rev/educar.763.

15. Chuenjitwongsa S, Oliver RG, Bullock AD. Competence, competency-based education, and undergraduate dental education: a discussion paper. *European Journal of Dental Education*. 2018;22(1): 1–8. Available from: doi:10.1111/eje.12213.

16. Edelbring S, Dahlgren M, Edstrom DW. Characteristics of two questionnaires used to assess interprofessional learning: Psychometrics and expert panel evaluations. *BMC Medical Education*. 2018;18(1): 40. Available from: doi:10.1186/s12909-018-1153-y.

17. Epstein RM, Hundert EM. Defining and assessing professional competence. *Journal of the American Medical Association*. 2002;287(2): 226–235. Available from: doi:10.1001/jama.287.2.226.

18. Ilyashenko LK. Monitoring of Quality of Students' Training in Technical Universities as A Pedagogical System. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018;8(3): 475–484.

19. Jones Ch, Ramanau R, Cross S, Healing G. Net generation or Digital Natives: Is there a distinct new generation entering university? *Computers & Education*. 2010;54(3): 722–732. Available from: doi:10.1016/j.compedu.2009.09.022.

20. Knotts US, Keys JB. Teaching Strategic Management with a Business Game. *Simulation & Gaming*. 1997;28(4): 377–394. Available from: doi:10.1177/1046878197284004.

21. Marin RN, Concepcion Y, Vichot IB. Competences. Some reflections on its shaping of human personality in the process of teachers training in high education. *ATENAS*. 2018;2(42): 48–60.

22. Mason JC. Business schools: Striving to meet customer demand. *Management Review*. 1992;81(9): 10–15.

23. PoolAO, Govaerts MJB, Jaarsma DADC, Driessen EW. From aggregation to interpretation: how assessors judge complex data in a competency-based portfolio. *Advances in Health Sciences Education*. 2018;23(2): 275–287. Available from: doi:10.1007/s10459-017-9793-y.

24. Resnik M. *Lifelong Kindergarten: Cultivating Creativity through Projects, Passion, Peers, and Play*. Cambridge, MA: The MIT Press; 2017. 208 p.

25. Schmuck R. Teaching Strategic Management by Business Simulation Games. *Studies from Education and Society*. 2016: 90–97. Available from: doi:10.18427/iri-2016-0088.

26. Toffler A. *The third wave*. New York: Morrow; 1980. 544 p.

27. Wissema JG. *Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition*. Cheltenham, UK: Edward Elgar; 2009. 252 p.

Submitted 17.06.19 Accepted 19.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS07
УДК 796

Есть ли различия в стилях деятельности тренеров в индивидуальных и командных видах спорта?

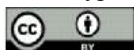
Людмила Н. Рогалева¹,
ORCID: 0000-0002-6870-9409, e-mail: liudmila.rogaleva@yandex.ru
Валерий Р. Малкин²,
ORCID: 0000-0002-3903-1870, e-mail: valerymalkin@yandex.ru
Анастасия М. Буркова³,
ORCID: 0000-0002-0108-7086, e-mail: am.burkova@mail.ru
Роман А. Вичужанин⁴,
ORCID: 0000-0001-8912-7144, e-mail: vichuzhanin.r@yandex.ru
^{1, 2, 3, 4} Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования стиля деятельности тренеров, работающих в командных и игровых видах спорта. В связи с этим целью исследования явилось выявление различий в стилях тренеров в зависимости от специфики видов спорта. В исследовании приняли участие 45 тренеров. В процессе исследования нами была использована совокупность теоретических (системный, сравнительный, логический анализ психологической и педагогической, методической литературы, изучения и обобщения практического психологического опыта) и эмпирических (наблюдение и самонаблюдение, опрос, анкетирование) методов исследования. С помощью специально разработанного опросника и методов математической статистики были получены новые результаты. Для тренеров как индивидуальных, так и командных видов спорта наиболее характерен эмоционально-методический стиль. В то же время есть и различия, которые связаны с тем, что у тренеров индивидуальных видов спорта преобладает прямая взаимосвязь между эмоционально-импровизационным и эмоционально-методическим стилем, в то время как в командных видах спорта наблюдается прямая взаимосвязь между эмоционально-методическим стилем и рассуждающе-методическим стилем. Практическая значимость исследования связана с разработкой стратегии подготовки тренеров для индивидуальных и командных видов спорта. Дальнейшее наше исследование будет связано с изучением личностных качеств, детерминирующих стили деятельности тренера, с учетом гендерных особенностей.

Ключевые слова: стиль деятельности, тренеры, индивидуальные виды спорта, командные виды спорта.

Для цитирования: Рогалева Л. Н., Малкин В. Р., Буркова А. М., Вичужанин Р. А. Есть ли различия в стилях деятельности тренеров в индивидуальных и командных видах спорта? // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 576–583. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS07.

© Л. Н. Рогалева, В. Р. Малкин,
А. М. Буркова, Р. А. Вичужанин, 2019

Are There Differences in Styles of Coaches' Work in Individual and Team Sports?

Lyudmila N. Rogaleva¹,

ORCID: 0000-0002-6870-9409, e-mail: liudmila.rogaleva@yandex.ru

Valery R. Malkin²,

ORCID: 0000-0002-3903-1870, e-mail: valerymalkin@yandex.ru

Anastasia M. Burkova³,

ORCID: 0000-0002-0108-7086, e-mail: am.burkova@mail.ru

Roman A. Vichuzhanin⁴,

ORCID: 0000-0001-8912-7144, e-mail: vichuzhanin.r@yandex.ru

^{1, 2, 3, 4} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The paper presents the results of studying the style of coaches working in team and competitive sports. In this regard, the research intended to identify differences in coaching styles depending on specific features of sports. 45 coaches participated in the study. During the research, we used the combination of theoretical (systemic, comparative, logical analysis of psychological, pedagogical and method literature, studying and generalizing practical psychological experience) and empirical (observation and self-observation, polls, surveying) research methods. The specially developed questionnaire and methods of mathematical statistics yielded novel results. The emotional method-based style turned out to be the most typical one for coaches in both individual and team sports. However, there are some differences, too, associated with the fact that coaches in individual sports have a powerful direct relationship between emotional improvised and emotional method-based style, while team sports feature a direct relation between emotional method-based and reasoning method-based styles. The practical significance of this research lies in developing the strategy of training coaches for individual and team sports. Our further research will be associated with studying personal traits determining coaches' style taking into account gender features.

Keywords: style of work, coaches, individual sports, team sports.

For citation: Rogaleva LN, Malkin VR, Burkova AM, Vichuzhanin RA. Are There Differences in Styles of Coaches' Work in Individual and Team Sports? In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 576–583. Available from: doi:10.35853/UH-RMP-2019-PS07.

Введение

Современный профессиональный спорт нуждается в изучении тренера как субъекта профессиональной деятельности, как целостной личности, определяющей выбор способов построения собственного пути в спорте [1; 3; 4; 5; 15].

Тренер является ключевой фигурой в спорте, так как именно от него зависит успешность спортсменов и развитие вида спорта в целом. Каждый тренер в силу особенностей типа темперамента, характера, способностей, различных установок и целей деятельности, опыта и стажа работы имеет свой, неповторимый стиль деятельности [2; 7; 8; 9; 11; 12; 13].

Под стилем деятельности понимается устойчивая система индивидуально-своеобразных приемов и способов, возникающая для согласования собственной индивидуальности с внешними условиями деятельности [6; 14].

При изучении стиля работы тренеров ряд авторов делает акцент на общих характеристиках того или иного стиля деятельности тренеров, которые могут быть связаны со спецификой вида спорта [1; 13].

В то же время проводимых исследований в данном направлении недостаточно, что и определило выбор цели исследования, которая заключалась в выявлении особенностей стилей деятельности тренеров в индивидуальных и командных видах спорта.

Методы исследования

В исследовании приняли участие 40 тренеров командных и индивидуальных видов спорта, соответственно по 20 человек в каждой группе. Из них 35 женщин, средний возраст которых составил 24,5 и 15 мужчин, со средним возрастом 32 года. Для оценки стиля деятельности тренера использовался опросник А. М. Марковой (1993), который был адаптирован применительно к деятельности тренера.

С помощью опросника оценивают четыре стиля педагогической деятельности: эмоционально-импровизационный стиль (ЭИС), эмоционально-методический стиль (ЭМС), рассуждающе-импровизационный стиль (РИС), рассуждающе-методичный стиль (РМС). В качестве качественного метода исследования использовался письменный опрос тренеров относительно используемого ими стиля деятельности в работе со спортсменами. Для проведения сравнительного анализа использовались методы математической обработки результатов (t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ по Пирсону).

Результаты и обсуждение

В ходе проведенного исследования были получены данные, позволяющие сравнить преобладающие стили деятельности тренеров в индивидуальных и командных видах спорта (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение доминирующих стилей деятельности тренеров индивидуальных и командных видах спорта

Респонденты	Средние значения	Средние значения	t-критерий
	Тренеры командных видов спорта	Тренеры индивидуальных видов спорта	
Эмоционально-импровизационный стиль (ЭИС)	7,65	7,25	-
Эмоционально методический стиль (ЭМС)	15,55	15,5	-
Рассуждающе-импровизационный стиль (РИС)	14	11,5	$P \leq 0,01$
Рассуждающе-методичный стиль (РМС)	11,55	11,4	-

Согласно полученным результатам, отраженным в таблице 1, наиболее характерным для тренеров как в индивидуальных, так и в командных видах спорта является эмоционально-методический стиль (ЭМС). При сравнении выборок по t-критерию Стьюдента различий по данному компоненту нет. Это связано с тем, что тренеры ориентированы как на тренировочный процесс работы со спортсменами, так и на результаты своих учеников. Достоинством данного стиля является ориентация на знания и методику работы со спортсменами, желание заинтересовать

учащихся, методичность, владение методами и приемами активизации спортсменов. К недостаткам данного стиля относят завышенную самооценку, которая связана с демонстрацией и сменой настроения как на тренировках, так и на соревнованиях.

Что касается других стилей, то нами выявлены достоверные различия по рассуждающе-импровизационному стилю (РИС), который более выражен у тренеров командных видов спорта, в отличие от тренеров в индивидуальных видах спорта.

Тренер, использующий рассуждающе-импровизационный стиль (РИС), ориентирован и на процесс, и на результаты обучения, но, по сравнению с приверженцами эмоционально-методического стиля, меньше говорит сам, предпочитая воздействовать на спортсменов косвенным путем. К достоинству использования данного стиля относят контактность, проницательность, тренеры обладают объективной самооценкой и сдержанностью.

Относительно прочих стилей можно сказать, что к ним тренеры прибегают меньше, правда роль рассуждающе-методического стиля (РМС) несколько выше по проявлению, чем эмоционально-импровизационного стиля (ЭИС).

Это связано с тем, что эмоционально-импровизационный стиль (ЭИС) связан больше с ориентацией на процесс. Тренер ориентирован на сильных и заинтересованных в своем росте спортсменов, использует достаточно много средств в ходе деятельности, руководит коллективной работой, создает благоприятный психологический климат, но ориентирован больше на процесс, а не достижение высокого спортивного результата.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее характерным стилем деятельности тренеров индивидуальных и командных видов спорта является эмоционально-методический стиль. Наряду с указанным стилем, тренеры командных видов спорта также используют рассуждающе-импровизационный и рассуждающе-методичный стили, в то время как тренеры индивидуальных видов имеют меньшее разнообразие. Данный факт свидетельствует о важности влияния вида спорта на выбор стиля деятельности тренеров.

Следующий анализ посвящен изучению взаимосвязи между стилями, который позволяет определить двустороннюю взаимосвязь и особенности сочетания стилей деятельности тренеров (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционный анализ взаимосвязи между стилями деятельности у тренеров индивидуальных видов спорта (по Пирсону)

Стили деятельности	ЭИС	ЭМС	РИС	РМС
Эмоционально-импровизационный стиль (ЭИС)	-	0,628**	-0,183	-0,086
Эмоционально-методический стиль (ЭМС)	0,628**	-	0,281	-0,017
Рассуждающе-импровизационный стиль (РИС)	-0,183	0,281	-	-0,208
Рассуждающе-методичный стиль (РМС)	-0,086	-0,017	-0,208	-

Как показал корреляционный анализ по Пирсону, в стилях деятельности тренеров индивидуальных видов спорта выявлена прямая связь между эмоционально-импровизационным (ЭИС) и эмоционально-методическим (ЭМС) стилями. Это говорит о преобладании эмоционального компонента в стиле деятельности тренеров индивидуальных видов спорта.

В качестве примеров приведены высказывания самих тренеров об особенностях их стиля работы.

Тренер по дзюдо (женщина 25 лет): «В своей работе чаще всего практикую коллективное обсуждение и показ наглядно приемов и бросков в дзюдо. Стараюсь показывать задания как можно более эмоционально и зрелищно. По подготовке к занятиям чаще всего стараюсь подготовить план подготовки к главному старту, поэтому планирую учебно-воспитательный процесс, поддерживая его согласно подготовленности каждого спортсмена».

Между другими компонентами существуют слабые связи, но можно отметить, что эмоционально-импровизационный стиль и рациональные стили имеют хотя и слабую, но отрицательную связь, поэтому можно говорить, что те тренеры, которые будут предпочитать рациональный стиль, будут меньше использовать эмоциональные стили.

Приведем пример высказывания тренеров индивидуальных видов спорта, предпочитающих рациональный стиль.

Тренер-инструктор по тяжелой атлетике (35 лет): «Я чаще всего тщательно планирую свою работу, следуя всегда намеченному плану, но периодически могу отойти от плана, исходя из ситуации. Предпочитаю меньше говорить, больше использую наглядный пример, подсказку, уточняющие вопросы».

Тренер по борьбе (25 лет): «Для меня важен результат спортсменов. Для выявления результата стоит вести дневник спортсмена, но не только тренировочных мероприятий, но и соревновательных выступлений. Каждые 2–3 недели вывозить спортсменов на соревнования, и каждую пятницу проводить день борьбы, а также разнообразить деятельность игровыми занятиями».

Результаты по стилям деятельности тренеров командных видов спорта представлены в таблице 3.

Таблица 3

Корреляционный анализ взаимосвязи между стилями деятельности у тренеров командных видов спорта (по Пирсону)

Стили деятельности	ЭИС	ЭМС	РИС	РМС
Эмоционально-импровизационный стиль (ЭИС)	-	0,191	0,261	-0,209
Эмоционально-методический стиль (ЭМС)	0,191	-	0,041	0,709**
Рассуждающе-импровизационный стиль (РИС)	0,261	0,041	-	0,080
Рассуждающе-методичный стиль (РМС)	-0,209	0,709**	0,080	-

Данные таблицы 3 показывают, что в деятельности тренеров командных видов спорта существует прямая взаимосвязь между эмоционально-методическим и рассуждающе-методичным стилями, которой

нет у тренеров индивидуальных видов спорта. Это подтверждает точку зрения Бабушкина (1985) относительно влияния вида спорта на стиль работы тренера. Так, тренеры командных видов спорта должны не только показать, но и объяснить стратегию и тактику игры, уметь управлять взаимодействием игроков.

Вот как пишет тренер по баскетболу (26 лет, женщина): «Провожу постоянный анализ занятий, очень ценю обратную связь. Планирую структуру тренировки, много времени уделяю тактическому компоненту, меняю формат тренировок, ориентируюсь на конечный результат».

Тренер по футболу: «Главное – планирование тренировочного процесса, внесение записей в блокнот, с дальнейшей аналитической работой... Главное для меня – тренировочный процесс и подготовка команды к достижению целей».

Выводы

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать несколько выводов.

1. Наиболее выраженным для тренеров индивидуальных и командных видов спорта является эмоционально-методический стиль.

2. У тренеров командных видов спорта наряду с эмоционально-методическим стилем присутствуют такие стили, как рассуждающе-импровизационный и рассуждающе-методический. Это вызвано тем, что стиль деятельности тренера в командных видах спорта требует ощутимо большего репертуара поведения, чем в индивидуальных видах спорта.

3. В деятельности тренеров индивидуальных видов спорта выявлена сильная прямая взаимосвязь между эмоционально-импровизационным и эмоционально-методическим стилями. Это свидетельствует о доминировании эмоционального компонента в их стиле деятельности.

4. В командных видах спорта в деятельности тренеров отмечается прямая взаимосвязь между эмоционально-методическим и рассуждающе-методическим стилями. Это объясняется спецификой командных видов спорта, когда от тренера требуется большая аналитическая работа, связанная с управлением игроками и их взаимодействием.

Информация об авторах

Людмила Николаевна Рогалева, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории физической культуры, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Валерий Рафаилович Малкин, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории физической культуры, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Анастасия Михайловна Буркова, доцент кафедры сервиса и оздоровительных технологий, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Роман Алексеевич Вичужанин, магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Lyudmila N. Rogaleva, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Physical Education Theory, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Valery R. Malkin, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Physical Education Theory, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Anastasia M. Burkova, Associate Professor, Department of Service and Health Technologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Roman A. Vichuzhanin, Graduate Student, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Бабушкин Г. Д. Специфика деятельности тренера. Омск : ОГИФК, 1985. 68 с.
2. Бодров В. А., Дружинина В. Н. Психология профессиональной деятельности. М. : ПЕР СЭ, 2003. 844 с.
3. Деркач А. А., Исаев А. А. Педагогическое мастерство тренера. М. : Физкультура и спорт, 1981. 376 с.
4. Жукова О. Л. Акмеология физической культуры и спорта. Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2004. 122 с.
5. Ильина Н. Л. Психология тренера. СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2016. 109 с.
6. Климов Е. А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань : Изд-во Казанского университета, 1969. 280 с.
7. Корх А. Я. Тренер: деятельность и личность. М. : Терра-Спорт, 2000. 120 с.
8. Макеева В. С., Баркалов С. Н., Пушкина В. Н., Оляшев Н. В. Управление психофизической готовностью курсантов-спортсменов юридических вузов // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 3. С. 210–228.
9. Малкин В. Р., Рогалева Л. Н. Психология спорта. Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2008. 262 с.
10. Маркова А. К. Психология труда учителей. М. : Просвещение, 1994. 192 с.
11. Николаев А. Н. Успешность деятельности тренера // Теория и практика физической культуры. 2003. № 12. С. 29–35.
12. Сучилин А. А. Изучение личностных качеств тренера // Вопросы оптимизации учебно-тренировочного процесса юных футболистов : сборник статей. Волгоград : ВГИФК, 1988. С. 69–78.
13. Сысоев Ю. В. Стиль руководства тренера спортсменами и спортивным коллективом. М. : Рос. акад. естеств. наук, 1997. 150 с.
14. Толочек В. А. Стили деятельности: ресурсный подход. М. : Институт психологии РАН, 2015. 365 с.
15. Yamaletdinova G. A., Rapoport L. A. Self-management with the Cognitive Activity of Students at High Schools in the Context of Physical and Sports direction // The European Journal for sport sciences technology. 2011. Vol. 1. P. 164–179.

Статья поступила в редакцию: 12.08.19

Принята к публикации: 19.09.19

References

1. Babushkin GD. *Spetsifika deyatel'nosti trenera [Specific Features of Coach's Work]*. Omsk: Omsk State Institute of Physical Culture; 1985. 68 p. (In Russ.).
2. Bodrov VA, Druzhinina VN. *Psikhologiya professional'noi deyatel'nosti [Psychology of Professional Activity]*. Moscow: PER SE; 2003. 844 p. (In Russ.).
3. Derkach AA, Isaev AA. *Pedagogicheskoe masterstvo trenera [Coach's Pedagogical Craft]*. Moscow: Physical Culture and Sport; 1981. 376 p. (In Russ.).
4. Zhukova OL. *Akmeologiya fizicheskoi kul'tury i sporta [Acmeology of Physical Culture and Sport]*. Yekaterinburg: UGTU-UPI; 2004. 122 p. (In Russ.).
5. Ilyina NL. *Psikhologiya trenera [Coach's Psychology]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 2016. 109 p. (In Russ.).

6. Klimov EA. *Individual'nyi stil' deyatel'nosti v zavisimosti ot tipologicheskikh svoistv nervnoi sistemy [Individual Style Depending on Typological Nervous System Properties]*. Kazan: Kazan University Press; 1969. 280 p. (In Russ.).

7. Korkh AI. *Trener: deyatel'nost' i lichnost' [Coach: Activity and Personality]*. Moscow: Terra-Sport; 2000. 120 p. (In Russ.).

8. Makeyeva VS, Barkalov SN, Pushkina VN, Olyashev NV. Upravlenie psikhofizicheskoi gotovnost'yu kursantov-sportsmenov yuridicheskikh vuzov [Managing Psycho-Physical Readiness of Student Athletes at Law Schools]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Journal of Psychology*. 2017;14(3): 210–228. (In Russ.).

9. Malkin VR, Rogaleva LN. *Psikhologiya sporta [Psychology of Sport]*. Yekaterinburg: UGTU-UPI; 2008. 262 p. (In Russ.).

10. Markova AK. *Psikhologiya truda uchitelei [Psychology of Teachers' Work]*. Moscow: Prosveshcheniye; 1994. 192 p. (In Russ.).

11. Nikolaev AN. Uspeshnost' deyatel'nosti trenera [Success Rate of Coach's Work]. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and Practice of Physical Culture*. 2003;12: 29–35. (In Russ.).

12. Suchilin AA. Izuchenie lichnostnykh kachestv trenera [Studying Coach's Personal Traits]. In: *Voprosy optimizatsii uchebno-trenirovochnogo protsessa yunikh futbolistov [Issues of Optimizing Young Soccer Players' Academic and Training Process]: Collection of Articles*. Volgograd: Volgograd State Institute of Physical Culture; 1988. p. 69–78. (In Russ.).

13. Sysoev YV. *Stil' rukovodstva trenera sportsmenami i sportivnym kolektivom [Coach's Style of Managing Athletes and Sports Team]*. Moscow: Russian Academy of Natural Sciences; 1997. 150 p. (In Russ.).

14. Tolochek VA. *Stili deyatel'nosti: resursnyi podkhod [Styles of Activity: Resource-Based Approach]*. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences; 2015. 365 p. (In Russ.).

15. Yamaletdinova GA, Rapoport LA. Self-management with the Cognitive Activity of Students at High Schools in the Context of Physical and Sports direction. *The European Journal for sport sciences technology*. 2011;1: 164–179.

Submitted 12.08.19 Accepted 19.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS08
УДК 378(073):[796.01:159.9]

**Реализация проекта
«Теория и практика достижения превосходства
в спорте» в подготовке магистрантов
Сетевого университета СНГ**

Людмила Н. Рогалева¹,
ORCID: 0000-0002-6870-9409, e-mail: liudmila.rogaleva@yandex.ru

Валерий Р. Малкин²,
ORCID: 0000-0002-3903-1870, e-mail: valerymalkin@yandex.ru

Эльнора И. Лукманова³,
ORCID: 0000-0003-4355-4276, e-mail: elyalukmanova@mail.ru

^{1,2,3} Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

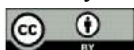
Альфия А. Гумерова⁴,
⁴ Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Республика Казахстан
ORCID: 0000-0002-3122-255X, e-mail: gumerovaalfiya5@gmail.com

Аннотация. В статье раскрываются новые подходы в области подготовки магистрантов, обучающихся на международных программах двух дипломов в России и Казахстане. Представлены результаты проекта «Теория и практика достижения превосходства в спорте». Цель проекта заключалась в разработке дисциплин, базирующихся на современных теоретических подходах и научных достижениях в области психологии спорта, а также практических заданий, позволяющих быстро включить магистрантов в научную деятельность. В качестве методологической базы проекта была выбрана концепция превосходства, которая первоначально была воплощена в области спорта, а затем в других областях (бизнесе, образовании, здравоохранении). Использовались такие методы исследования: системный, сравнительно-сопоставительный анализ философской, психологической, педагогической, методической и медицинской литературы, изучение психолого-педагогического опыта проектирования; наблюдательные (прямое и косвенное наблюдение); праксиметрические (анализ результатов опытно-экспериментальной деятельности, контент-анализ). Разработанный проект объединен общей идеей и включает в себя 4 дисциплины. В статье раскрываются задачи каждой дисциплины, особенности содержания и прогнозируемые результаты в развитии компетенций студентов. Результаты практической деятельности доказали интерес студентов к новым дисциплинам, повышение мотивации к выбору тем магистерских диссертаций, соответствующих современным направлениям исследований. Основным итогом работы по данному курсу является формирование нового поколения студентов, готовых к академическому обмену, саморазвитию и достижениям в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: достижение превосходства, спорт, международный образовательный проект.

Благодарности: статья подготовлена в рамках «Проект–победитель» Грантового конкурса Стипендиальной программы Владимира Потанина 2016/2017 и разрабатывалась на средства гранта Фонда В. Потанина.

© Л. Н. Рогалева, В. Р. Малкин,
Э. И. Лукманова, А. А. Гумерова, 2019

Для цитирования: Рогалева Л. Н., Малкин В. Р., Лукманова Э. И., Гумерова А. А. Реализация проекта «Теория и практика достижения превосходства в спорте» в подготовке магистрантов Сетевого университета СНГ // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 584–591. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS08.

Implementing “Theory and Practice of Achieving Excellence in Sport” Project for Graduate Students Training at CIS Network University

Lyudmila N. Rogaleva¹,

ORCID: 0000-0002-6870-9409, e-mail: liudmila.rogaleva@yandex.ru

Valery R. Malkin²,

ORCID: 0000-0002-3903-1870, e-mail: valerymalkin@yandex.ru

Elnara I. Lukmanova³,

ORCID: 0000-0003-4355-4276, e-mail: elyalukmanova@mail.ru

^{1,2,3} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Alfiya A. Gumerova⁴,

⁴ Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

ORCID: 0000-0002-3122-255X, e-mail: gumerovaalfiya5@gmail.com

Abstract. The paper explores new approaches in the area of training graduate students who take double degree international programs in Russia and Kazakhstan. Results of “Theory and Practice of Achieving Excellence in Sport” project are presented. This project was aimed at developing disciplines based on contemporary theoretical approaches and scientific achievements in sports psychology and also practical knowledge, making it possible to quickly involve graduate students in academic activity. The concept of excellence, which was initially manifested in sports and then in other areas (business, education, healthcare), was selected as the project’s methodology basis. The following research methods were used: systemic, comparative and contrastive analysis of philosophical, psychological, pedagogical, method and medical literature, studying psychological and pedagogical design experience; observation methods (direct and indirect observation); archival research (analyzing the results of pilot and experimental activity, content analysis). The developed project is united by a shared idea and includes 4 disciplines. The paper outlines each discipline’s tasks, features of its content and forecasted results in developing students’ competence. Results of practical activity proved students’ interest in new disciplines and enhanced motivation to select subjects for their Master’s Theses relevant for contemporary research areas. The main output of working on this course is building a new generation of students ready for academic exchange, self-development and professional achievements.

Keywords: achieving excellence, sport, international educational project.

Acknowledgments: the paper is prepared with *Winner Project* Grant Competition of Vladimir Potanin Fellowship Program 2016–2017 and was developed on grant funds from Potanin Foundation.

For citation: Rogaleva LN, Malkin VR, Lukmanova EI, Gumerova AA. Implementing “Theory and Practice of Achieving Excellence in Sport” Project for Graduate Students Training at CIS Network University. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today’s World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 584–591. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PS08.

Введение

В эпоху глобализации образования становится очевидным необходимость интеграции вузов России и Казахстана в подготовке специалистов. В Казахском национальном университете им. аль-Фараби и Уральском федеральном университете в течение трех лет реализуется международная магистерская образовательная программа двух дипломов, которая с 2017 года включена в Сетевой университет СНГ по подготовке специалистов в области спорта и спортивной психологии.

В ходе совместной реализации данной программы достигнуты определенные успехи, что позволяет говорить о перспективности данной формы международного сотрудничества в области образования. Одним из совместных проектов стала разработка курса «Теория и практика достижения превосходства в спорте».

Актуальность данного проекта заключается в том, что современная система образования, прежде всего магистратура, предполагает разработку новых курсов для магистрантов, включающих в себя современные результаты теоретической и практической деятельности в избранной сфере деятельности, что обеспечивает возможность быстрого и эффективного их включения в научную деятельность. Особенность проекта заключалась в согласовании теоретико-методологических подходов к реализации профилирующих предметов магистерской программы в двух ведущих университетах разных стран – России и Казахстана.

Цель проекта заключалась в разработке учебных материалов, опирающихся на современную научную литературу в области психологии спорта.

Курс разработан в формате электронного образовательного ресурса, включающего лекции, презентации, практические занятия, учебные задания и контрольные тестовые задания, размещенные в среде «Гиперметод» на портале Уральского федерального университета.

Методы исследования

Использовались следующие методы исследования: системный, сравнительно-сопоставительный анализ философской, психологической, педагогической, методической и медицинской литературы, изучение психолого-педагогического опыта проектирования; наблюдательные (прямое и косвенное наблюдение); праксиметрические (анализ результатов опытно-экспериментальной деятельности, контент-анализ).

Результаты и обсуждение

В курс «Теория и практика достижения превосходства в спорте» включены 4 дисциплины:

- «Концепция превосходства в спорте»;
- «Психология эмоционального интеллекта в спорте»;
- «Система психологического сопровождения спортсменов на всем протяжении спортивной карьеры»;
- «Research methods and experience» (на английском языке).

Методологической основой проекта является концепция превосходства. Превосходство как многозначный психологический термин означает достижение выдающихся результатов, пика мастерства в своем деле. При этом подразумевается достижение превосходства в поста-

новке целей, в реализации самого процесса достижения целей, в обеспечении качества и конечного результата деятельности. Первоначально концепция превосходства была воплощена в области спорта, а затем и в других областях деятельности (бизнесе, образовании, науке и т. д.) [5].

Концепция превосходства методологически прогрессивна и привлекательна, так как в свете ее образование рассматривается, прежде всего, как источник личностного развития человека в течение всей жизни, основание для перехода от «школьных знаний» к «жизненной компетенции» (Moham, 2015). В связи с этим опора на данную концепцию в образовании предполагает развитие личностного потенциала студентов, формирование у них направленности на достижения в профессиональной деятельности.

Рассмотрим подходы, реализуемые в разработанном курсе, их новизну и отличие от существующих учебных дисциплин.

Дисциплина «Концепция превосходства в спорте» включает 4 раздела:

- «Превосходство как многозначный термин»;
- «Теоретические подходы к достижению превосходства в спорте»;
- «Ментальная тренировка как путь достижения превосходства в спорте и жизни»;
- «Тренинги достижения превосходства в спорте».

При изучении первого раздела студентам предлагается, с одной стороны, познакомиться со взглядами Альфреда Адлера, который рассматривал превосходство как ведущий мотив поведения и деятельности человека, а с другой стороны – с тематикой Всемирных конгрессов по «Превосходству в спорте и жизни» (2015, Индия; 2019, Швеция) и Всемирного конгресса по спортивной психологии (2017, Испания).

В рамках второго раздела студенты анализируют зарубежные теории достижений в спорте, такие как теория мотивации достижения цели, атрибутивная теория, теория самодетерминации, теория самоэффективности. Знание данных теорий позволяет студентам лучше понимать мотивы поведения спортсменов [7; 9].

Кроме зарубежных теорий достижений превосходства, мы знакомим студентов с отечественными теориями, которые по ряду положений согласуются со взглядами зарубежных авторов.

В частности, нами рассматриваются такие отечественные теории, как теория достижения «акме», представленная в рамках психолого-акмеологического подхода Б. Г. Ананьева, А. А. Бодалева, Л. А. Рудкевича, а также теория становления личности субъектом жизнедеятельности, раскрываемая в трудах классика субъектного подхода С. Л. Рубинштейна.

В качестве нового материала студентам предлагается изучить статьи из сборника Abbe Brady и Bridget Grenville-Cleave «Positive psychology in sport and physical activity» [5]. Студенты изучают феномен «выученной беспомощности» в спорте, его последствия и пути профилактики, принципы «безопасного спорта», особенно детско-юношеского спорта, проблемы «оптимизма и надежды в спорте» и «эффективного жизненного стиля» и другие.

Особое место занимает изучение проблемы жизнестойкости в спорте. Жизнестойкость рассматривается как один из адаптационных ресурсов личности к стрессовым ситуациям, отвечающий за достижение высоких результатов в спорте. В рамках практических занятий сту-

денты могут оценить уровень развития жизнестойкости у себя, разработать личностный проект по развитию жизнестойкости для спортсменов разных возрастных групп. Как показала практика, у студентов высокий интерес к данной теме мотивирует на постановку и реализацию новых целей.

В третьем разделе – «Ментальная тренировка как путь достижения превосходства в спорте и жизни» – студентам предлагаются практические знания, т. е. знания об использовании ментальной тренировки [7; 8].

В разделе «Тренинги достижения превосходства в спорте» студенты знакомятся с разработкой и программой составления тренингов по повышению уверенности в себе и самоэффективности, стрессоустойчивости и самоуправлению.

Направленность тренингов определяется теми качествами, которые необходимы для достижения успешности в спорте. Согласно исследованию Л.-Э. Унесталя, который сопоставил целый ряд психологических характеристик спортсменов-чемпионов с характеристиками атлетов, имеющих более низкий уровень мастерства, основные различия между ними связаны с четырьмя показателями:

- положительным образом «Я»;
- привлекательным образом цели;
- позитивным настроением;
- способность сохранять (контролировать) хорошее настроение, положительные эмоции и чувства [8].

Все эти факторы поддаются тренировке при помощи целостной системы ментального тренинга (как метода продвижения к превосходству), включающей освоение техники полного мышечного расслабления, визуализацию желаемого, формирование идеомоторных представлений требуемых движений, а также вхождение в измененное состояние сознания – поток, когда человек теряет ощущение течения времени и полностью поглощен процессом своей текущей деятельности.

К числу новых дисциплин можно отнести «Психологию эмоционального интеллекта в спорте», которая в настоящее время достаточно востребована для образования, так как ориентирована на развитие общекультурных компетенций студентов, связанных, прежде всего, с пониманием эмоций других людей и управлением ими.

Целью дисциплины «Психология эмоционального интеллекта в спорте» является знакомство студентов с основными понятиями и моделями эмоционального интеллекта, умением диагностировать эмоциональный интеллект спортсменов и разрабатывать тренинги по его развитию с учетом возрастных особенностей.

В рамках курса изучаются следующие темы:

- «История изучения эмоционального интеллекта»;
- «Современное понимание эмоционального интеллекта»;
- «Теоретические модели эмоционального интеллекта»;
- «Эмоциональный интеллект, эмоциональная компетентность и эмоциональная креативность»;
- «Эмоциональный интеллект и личностные особенности спортсменов»;
- «Управление самооценкой в ситуации неудачи в спорте»;
- «Эмоциональный интеллект и адаптивность в спорте»;

- «Развитие эмоционального интеллекта»;
- «Профилактика эмоционального выгорания в спорте».

Дисциплина «Психология эмоционального интеллекта в спорте», как показала практика работы, выводит студентов на обсуждение вопросов, которые еще недостаточно изучены в области спортивной психологии, формирует интерес к проблеме развития эмоционального интеллекта спортсменов.

Еще одним нововведением следует признать разработку дисциплины «Research methods and experience» на английском языке, который создавался совместно преподавателями КазНУ и УрФУ.

Важно отметить, что в КазНУ практика проведения ряда дисциплин магистратуры на английском языке является уже сложившейся, для УрФУ курсы на английском языке для магистерских программ являются скорее исключением, чем правилом.

Курс «Research methods and experience» строился на материале учебных пособий, опубликованных на английском языке, а также на материалах научных конгрессов по спортивной психологии [4; 6; 7; 9; 10].

Особенностью лекционного материала на английском языке является тот фактор, что презентации лекций озвучены, поэтому студенты могут и читать, и слушать информацию. Еще одной особенностью курса является включение студентов в работу с литературой в базах данных Scopus и Web of Science.

В ходе дисциплины используется новый формат требований: ориентация на использование интернет-ресурсов (на английском языке), анализ исследований на английском языке и обсуждение материалов конгрессов (на английском), написание эссе и аннотаций статей (на английском языке) и т. д.

В связи с этим мы считаем, что внедрение дисциплин на английском языке – это шаг вперед, который позволяет готовить студентов к новым требованиям, связанным с формированием представлений о развитии мировой науки, требует совершенствования навыков владения иностранным языком и работе с научной литературой на английском языке.

Своевременность курсов на английском языке подтверждается тем, что магистранты принимали активное участие в разработке курса.

В дисциплине «Система психологического сопровождения спортсменов на всем протяжении спортивной карьеры» основной акцент делается на материалах научных исследований в области психологии спорта, проводимых преподавателями и магистрантами института физической культуры, а также на научных проблемах, имеющих важное прикладное значение для психологической работы со спортсменами.

В основу курса положены материалы учебных пособий, написанных авторами курса, таких как «Психологические методы подготовки спортсменов», «Спорт – это психология», «Психологическая работа в детско-юношеской спортивной школе» [1; 2; 3].

В основе курса лежит идея создания системы психологического обеспечения на всем протяжении спортивной карьеры. Студентам предлагается изучить алгоритм работы спортивного психолога и тренера по психологической подготовке спортсменов, начиная с начального уровня подготовки до уровня высшего спортивного мастерства. В ходе практических занятий ставятся задачи познакомить студентов с

использованием психотехнологий в спорте и уметь проектировать программы по управлению психологической подготовкой спортсменов.

Перспективность внедрения курса «Теория и практика достижения превосходства в спорте» в образовательную программу тесно связана с тематикой магистерских диссертаций студентов, которая соответствует ключевым направлениям исследований мировой спортивной психологии.

Заключение

Главный вектор современного образования, связанный с интеграцией и глобализацией, имеет свои преимущества, связанные, прежде всего, с объединением разных образовательных институтов в развитии общества через развитие личностного потенциала студентов.

Курс «Теория и практика достижения превосходства в спорте» соответствует вызовам времени и предлагает новые подходы к обучению студентов в рамках двухдипломного образования студентов магистратуры Сетевого университета СНГ по подготовке специалистов в области спорта и спортивной психологии.

Информация об авторах

Людмила Николаевна Рогалева, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории физической культуры, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Валерий Рафаилович Малкин, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории физической культуры, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Эльнара Ильдаровна Лукманова, магистрант кафедры теории физической культуры, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Альфия Анваровна Гумерова, магистрант кафедры общей и прикладной психологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан).

Information about the authors

Lyudmila N. Rogaleva, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Physical Education Theory, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Valery R. Malkin, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Physical Education Theory, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Elnara I. Lukmanova, Graduate Student, Department of Physical Education Theory, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Alfiya A. Gumerova, Graduate Student, Department of General and Applied Psychology, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Список литературы

1. Малкин В. Р., Рогалева Л. Н. Психологические методы подготовки спортсменов. М. : Юрайт : Изд-во Уральского университета, 2018. 96 с.

2. Малкин В. Р., Рогалева Л. Н. Спорт – это психология. М. : Спорт, 2015. 176 с.

3. Малкин В. Р., Рогалева Л. Н. Психологическая работа в детско-юношеской спортивной школе. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2013. 99 с.

4. Abstracts of the ISSP 13th World Congress of Sport Psychology (July 21–26, 2013, Beijing, China). Beijing : Beijing Sport University, 2013. 299 p.

5. Brady A., Grenville-Cleave B. Positive psychology in sport and physical activity. New York : Routledge, 2018. 274 p.

6. Howitt D., Cramer L. Research Methods in Psychology. 5th edition. London : Pearson Education Limited, 2017. 552 p.

7. Moham J. *Excellence: A Multidimensional Appraisal*. Chandigarh : Panjab University Press, 2015.
8. Unestahl L.-E. *Hipnosis, Selfhypnosis and mental training*. 2nd edition. Stockholm, 2011.
9. Proceedings of the XIV ISSP World Congress of Sport Psychology (Sevilla (Spain), 10–14 July, 2017) / S. Gangyan, J. Cruz, J. C. Jaenes (eds.). Sevilla, 2017. 690 p.
10. Russell Ju., Lintern F., Gauntlett L., Davies J. *Cambridge International AS and A Level Psychology*. Cambridge University Press, 2016. 368 p.

Статья поступила в редакцию: 01.07.19
Принята к публикации: 19.09.19

References

1. Malkin VR, Rogaleva LN. *Psikhologicheskie metody podgotovki sportsmenov [Psychological Methods of Athlete Training]*. Moscow: Urait; 2018. 96 p. (In Russ.).
2. Malkin VR, Rogaleva LN. *Sport – eto psikhologiya [Sport is Psychology]*. Moscow: Sport; 2015. 176 p. (In Russ.).
3. Malkin VR, Rogaleva LN. *Psikhologicheskaya rabota v detsko-yunosheskoi sportivnoi shkole [Psychological Work in Children and Youth Sports Schools]*. Yekaterinburg: Ural University Press; 2013. 99 p. (In Russ.).
4. Abstracts of the ISSP 13th World Congress of Sport Psychology (July 21–26, 2013, Beijing, China). Beijing: Beijing Sport University; 2013. 299 p.
5. Brady A, Grenville-Cleave B. *Positive psychology in sport and physical activity*. New York: Routledge; 2018. 274 p.
6. Howitt D, Cramer L. *Research Methods in Psychology*. 5th ed. London: Pearson Education Limited; 2017. 552 p.
7. Moham J. *Excellence: A Multidimensional Appraisal*. Chandigarh: Panjab University Press; 2015.
8. Unestahl L-E. *Hipnosis, Selfhypnosis and mental training*. 2nd ed. Stockholm; 2011.
9. Gangyan S, Cruz J, Jaenes JC. (eds.) *Proceedings of the 14th ISSP World Congress of Sport Psychology (Sevilla (Spain), 10–14 July, 2017)*. Sevilla; 2017. 690 p.
10. Russell J, Lintern F, Gauntlett L, Davies J. *Cambridge International AS and A Level Psychology*. Cambridge University Press; 2016. 368 p.

Submitted 01.07.19 Accepted 19.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS09
УДК 796.071.4:[371.13+371.14]

О подготовке и переподготовке преподавателей для физического воспитания студентов

Галина А. Ямалетдинова¹,

¹ АНО ВО «Гуманитарный университет»;
Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-4697-4228, e-mail: yamalga@mail.ru

Сергей И. Белых²,

ORCID: 0000-0002-1770-1116, e-mail: kf.physical_education@donnu.ru

Михаил Г. Коляда³,

ORCID: 0000-0001-6206-4526, e-mail: kolyada_mihail@mail.ru

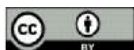
Ольга С. Олейник⁴,

ORCID: 0000-0001-8473-3276, e-mail: oliinyk11.olga@gmail.com
^{2,3,4} Донецкий национальный университет, г. Донецк, Украина

Аннотация. Предпосылкой для обоснования проводимого исследования является проблема перехода от телесно ориентированного подхода к личностно ориентированному подходу к физическому воспитанию молодежи. В качестве методологии исследования была выбрана личностно ориентированная парадигма, лежащая в основе подготовки и переподготовки преподавателей для физического воспитания студентов, а в качестве инструмента реализации этой парадигмы была предложена модель совершенствования такой подготовки преподавательского корпуса. Представленная модель фиксирует наиболее важные структурные элементы, которые апробируются в ходе педагогического эксперимента: усиление мотивации будущих преподавателей к собственной физкультурной деятельности, оценку эффективности ряда элективных дисциплин. Она предполагает целевую установку на осуществление деятельности преподавателя физического воспитания культуры здоровья и отражает саму систему знаний о здоровье и личную ответственность за свое здоровье и здоровье своих подопечных. Обозначены этапы формирования профессиональной компетентности преподавателей и учебные дисциплины, которые будут в наибольшей степени способствовать достижению поставленных целей. Эти этапы входят в единый процесс физического и духовного воспитания для формирования у будущих преподавателей знаний и умений в области культуры здоровья. Как один из путей достижения целей был предложен ввод новых элективных учебных дисциплин для будущих преподавателей физического воспитания, а именно: «Педагогическая антропология», «Личностно ориентированное физическое воспитание» и «Креативная валеология». Сделан вывод, что использование личностно ориентированного подхода к обучению будущих преподавателей физического воспитания и построенная на этой основе модель их подготовки и переподготовки должна способствовать формированию воспитания культуры их здоровья в быстромеменяющемся мире, нацеленном на физическое совершенствование ее индивидов.
Ключевые слова: телесно ориентированное физическое воспитание, личностно ориентированный подход, подготовка преподавателей.

Для цитирования: Ямалетдинова Г. А., Белых С. И., Коляда М. Г., Олейник О. С. О подготовке и переподготовке преподавателей для физического воспитания студентов

© Г. А. Ямалетдинова, С. И. Белых,
М. Г. Коляда, О. С. Олейник, 2019

// Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 592–601. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS09.

On Training and Retraining Teachers for Students' Physical Education

Galina A. Yamaletdinova¹,

¹ Liberal Arts University – University for Humanities;
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-4697-4228, e-mail: yamalga@mail.ru

Sergey I. Belykh²,

ORCID: 0000-0002-1770-1116, e-mail: kf.physical_education@donnu.ru

Mykhailo G. Kolyada³,

ORCID: 0000-0001-6206-4526, e-mail: kolyada_mihail@mail.ru

Olga S. Oleynik⁴,

ORCID: 0000-0001-8473-3276, e-mail: oliinyk11.olga@gmail.com
^{2,3,4} Donetsk National University, Donetsk, Ukraine

Abstract. The conducted study was triggered by the problem of transition from a body-oriented approach to a personality-oriented approach in young people's physical education. The personality-oriented paradigm underlying training and retraining of teachers for students' physical education was selected as the research methodology, and the model of improving such training of the teaching staff was suggested as a tool for implementing this paradigm. The presented model reflects the most important structural elements that we wished to test during the pedagogical experiment – improving future teachers' motivation for their own physical activity and assessing the efficiency of a number of elective subjects. The model is based on the assumed target of implementing activities by a health culture physical education teacher and reflects the actual system of knowledge concerning health and personal responsibility for teachers' own health and that of students under their care. Also, the stages of building teachers' professional competence and basic academic disciplines that will make the greatest contribution towards the achievement of the set goals are provided. The outlined stages represent a single process of physical and spiritual education to build future teachers' knowledge and skills in the field of health culture. As a way to achieve these goals, it was proposed to introduce new elective disciplines for future teachers of physical education, namely: Pedagogical Anthropology, Personality-Oriented Physical Education and Creative Valeology. The conclusion is made that application of the personality-oriented approach to train future physical education teachers and the model of their training and retraining based on this approach would promote building their health culture education in the quickly changing world aimed at physical perfection of its individuals.

Keywords: body-oriented physical education, personality-oriented approach, training teachers.

For citation: Yamaletdinova GA, Belykh SI, Kolyada MG, Oleynik OS. On Training and Retraining Teachers for Students' Physical Education. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 592–601. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PS09.

Введение

Постановка проблемы. По данным исследований [3; 8; 13; 14; 16] телесно ориентированный подход к физическому воспитанию молодежи остается пока малоэффективным. Поэтому сегодня поставлен вопрос о лично-ориентированном подходе к занятиям физической культурой и спортом [2, с. 12]. Но модернизацию физкультурного образования надо начинать не с макияжа технологий и переформулирования целей, а с пересмотра ее базиса. Таким основанием фундаментальной перестройки выступает преподаватель физической культуры, определяющий эффективность всего процесса обучения [4]. Именно он является главным «движителем» в определении реальных целей и в разработке рациональных технологий оздоровления, развития и физкультурно-спортивной подготовленности населения [11; 12; 17].

Цель исследования заключается в совершенствовании модели подготовки и переподготовки преподавателей физического воспитания, способных к осуществлению лично-ориентированного физического воспитания студентов.

При административно-командном процессе физического воспитания, который был построен на субъект-объектных (преподаватель – студент) отношениях, самые значительные результаты показывали студенты, которые регулярно посещали практические и теоретические занятия по физической культуре, и затем они снижались по мере их постоянного посещения [5]. Не показатели физического развития, а именно *физкультурная деятельность* выступает тем надежным ориентиром, избрав который можно реально определять требования к проектированию и построению системы лично-ориентированного физического воспитания студентов [2].

Исследователь Г. О. Ключкина выделяет три основных подхода к совершенствованию процесса физического воспитания [7].

1. *Спортивно-ориентированный подход.* Он основывается на введении в учебную программу физической подготовки требований, реализуемых через освоение практических навыков того или иного вида спорта, рассматриваемых через эффективный метод организации учебно-воспитательной работы в образовательных учреждениях.

2. *Личностно ориентированный подход.* В нем педагогические воздействия направляются на развитие личностных достижений студента, опирающихся на его индивидуальные способности и склонности.

3. *Средо-ориентированный подход.* Он означает создание в образовательном учреждении такой инфраструктуры и такого образа жизни, в том числе и для самих педагогов, которые направляют студентов к освоению ценностей физической культуры [2].

Методы исследования

Во время эксперимента были использованы следующие методы: анализ нормативно-правовых документов, педагогическое наблюдение, педагогический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, анкетирование, интервьюирование, беседы, метод экспертных оценок и метод педагогического моделирования.

Исследования и педагогический эксперимент проводились с 2008-го по 2014 год на базе Донецкого национального университета, Запо-

рожского национального технического университета, Национального горного университета г. Днепропетровска и Черниговского национального педагогического университета имени Т. Г. Шевченко.

Результаты и обсуждение

Профессия тренера-преподавателя физической культуры всегда была, есть и будет востребована. Сегодня общество отдает предпочтение выпускникам элитных вузов, которые гарантируют высокий уровень подготовки своих выпускников. Если физкультурные и спортивные учебные заведения не успевают перестраиваться в фарватере инновационных педагогических идей, то они оказываются неконкурентоспособными и постепенно вытесняются с рынка образовательных услуг.

Нами подготовлена и проходит апробацию модель совершенствования подготовки преподавателей физического воспитания (рисунок). Модель не претендует на то, чтобы охватить все возможные подходы к совершенствованию процесса профессиональной подготовки, эта задача в нашем исследовании не ставится. Но она фиксирует наиболее важные аспекты, которые выдвигает современное информационное общество [6], а именно: усиление мотивации будущих преподавателей к собственной физкультурной деятельности, проблемы формирования их профессиональной компетентности, готовность к субъект-субъектным отношениям со студентами, вопросы ответственности за свое здоровье и здоровье своих подопечных [10].

В связи с обозначенными актуальными вопросами построенной модели, нами были определены задачи, которые необходимо реализовать в процессе обучения: создавать и формировать у начинающих преподавателей целостную систему знаний о своем здоровье, которая бы включала в себя все аспекты педагогики, психологии, этики, физиологии и гигиены; готовить педагога к формированию духовного самосознания, быть требовательным и ответственным по отношению к своему здоровью и здоровью воспитанников, готовя будущего преподавателя к самостоятельной жизни и профессиональной деятельности во взаимодействии с окружающими людьми и средой [9]; воспитывать высокую физическую и духовную культуру, которая является основой профессионального образования, и формировать необходимые качества, убеждения, нормы поведения; постоянно заниматься самовоспитанием и самосовершенствованием; повышать уровень педагогической культуры и образованности согласно современным требованиям, которые предъявляются образовательным сообществом к будущему преподавателю физического воспитания [15]. Процесс физического и духовного воспитания будет способствовать формированию у будущего преподавателя компетентностей в области культуры здоровья, подразумевающих:

- знание структуры и связи физической культуры с гуманитарными, профессиональными и общеобразовательными блоками дисциплин;
- оценку государственных образовательных стандартов, учебных рабочих программ и планов, различных образовательных технологий с точки зрения их влияния на здоровье обучающихся;
- владение формами, средствами и методами педагогической деятельности, навыками анализа учебно-тренировочного процесса с позиции объединения физического и духовного воспитания; своевремен-

ную диагностику и корректирование духовного, физического и психического состояния человека для сбережения его здоровья;

- понимание закономерностей и особенностей поэтапного физического, психического и духовного развития человека, через знания критериев оценки их нормы и отклонений;

- способы и средства коррекции и реабилитации; резервы адаптации человека к воздействию факторов внешней среды (географических, климатических, экологических и социально-экономических);

- владение знаниями и требованиями к среде проживания для сохранения здоровья людей разного возраста; умениями диагностировать и оценивать возрастную норму и отклонения функционального состояния сердечно-сосудистой, дыхательной и нервной систем здорового человека и умениями замечать сенсорные, моторные и центральные нарушения коммуникативного поведения и речи;

- владение знаниями о типологических особенностях физического и психического состояния здорового человека и умение их определять и диагностировать;

- умение определять работоспособность и готовность к систематическим физическим и умственным нагрузкам;

- умение определять уровень физической нагрузки и степень утомления на учебно-тренировочных занятиях согласно физической подготовленности занимающихся;

- умение проводить осмотр и фиксировать данные антропометрии и психофизиологических показателей занимающихся на протяжении учебно-тренировочного процесса;

- знание об особенностях динамики физического и психического развития обучающихся, имеющих физические и другие отклонения;

- умение управлять процессами обучения и воспитания согласно особенностям индивидуального развития;

- знание о строении и функциях организма человека и влиянии на него неблагоприятных факторов;

- навыки проводить самостоятельные занятия для укрепления собственного здоровья с использованием физических нагрузок и естественных природных факторов; умение оценивать и корректировать свое физическое состояние; способность устранять вредные привычки.

Проведя огромную исследовательскую работу и опираясь на практический педагогический опыт, а также с учетом нормативных требований Государственного образовательного стандарта по направлению подготовки «Физическое воспитание, спорт и здоровье человека», приходим к выводу о целесообразности включения в содержание образования комплекса новых элективных учебных дисциплин для студентов-магистрантов: «Педагогическая антропология», «Личностно ориентированное физическое воспитание» и «Креативная валеология». Исходя из парадигмы личностно ориентированного обучения, общей чертой использования этих дисциплин будет диалог преподавателя и студентов в широком смысле этого слова. Именно использование диалогического подхода, как воплощения субъект-субъектного взаимодействия на основе равенства позиций партнеров по общению, уважения ценностей другого человека, уважительного и толерантного отношения к его мыслям, идеям, образу жизни и физическому самосовершенствованию.

Рис. Модель совершенствования подготовки и переподготовки преподавателей физического воспитания

Выводы

Предложенная модель совершенствования подготовки и переподготовки преподавателей физического воспитания вносит существенные коррективы в процесс такой подготовки. Основным акцентом такой модели делается на усилении мотивации будущих преподавателей к собственной физкультурной деятельности, на проблемах формирования их профессиональной компетентности, на формировании готовности к субъект-субъектным отношениям со студентами, на воспитании ответственности за свое здоровье и здоровье своих подопечных. Предлагается в систему подготовки будущих преподавателей физического воспитания ввести новые элективные курсы: «Педагогическая антропология», «Личностно ориентированное физическое воспитание» и «Креативная валеология», которые в своей основе несут элементы личностно ориентированной парадигмы, имеют очевидные преимущества перед так называемым телесно ориентированным подходом к физическому воспитанию молодежи. Личностно ориентированное обучение будущих преподавателей физического воспитания и построенная на этой основе модель должны повысить эффективность подготовки будущих специалистов физического воспитания, дадут им возможность стать конкурентоспособными в быстроменяющемся мире, нацеленном на физическое совершенствование индивидов.

Информация об авторах

Галина Александровна Ямалетдинова, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой оздоровительной тренировки и профессионально-прикладной физической подготовки АНО ВО «Гуманитарный университет»; профессор кафедры теории физической культуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Сергей Иванович Бельх, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный работник физической культуры и спорта Украины, Заслуженный тренер Украины, заведующий кафедрой физического воспитания и спорта Донецкого национального университета (г. Донецк, Украина).

Михаил Георгиевич Коляда, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой инженерной и компьютерной педагогики Донецкого национального университета (г. Донецк, Украина).

Ольга Сергеевна Олейник, преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Донецкого национального университета (г. Донецк, Украина).

Information about the authors

Galina A. Yamaletdinova, Dr. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Head of Department of Fitness Training, Professional and Applied Physical Training, Liberal Arts University – University for Humanities; Professor, Department of Physical Education Theory, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Sergey I. Belykh, Cand. Sci. (Pedagogy), Professor, Honored Worker of Physical Culture and Sports of Ukraine, Honored Coach of Ukraine, Head of Department of Physical Education and Sport, Donetsk National University, Donetsk, Ukraine.

Mykhailo G. Kolyada, Cand. Sci. (Pedagogy), Professor, Head of Department of Engineering and Computational Pedagogy, Donetsk National University, Donetsk, Ukraine.

Olga S. Oleynik, Teacher, Department of Physical Education and Sport, Donetsk National University, Donetsk, Ukraine.

Список литературы

1. Белых С. И. К определению вектора модернизации вузовской дисциплины «Физическое воспитание» в Украине // Проблемы совершенствования физического воспитания студентов : материалы междунар. науч.-практ. конф., 2–3 февраля 2012 г. М. : РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2012. С. 11–13.
2. Белых С. И. Ценность здоровья в структуре личности студента: от деклараций к деятельности здравоохранения // Теорія і практика фізичного виховання. 2011. № 3. С. 369–375.
3. Веракса А. Н., Кондратичев А. Н., Рассказова Е. И. Апробация диагностического инструментария по выявлению роли феномена «спортивное удовольствие» в завершении спортивной карьеры // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8, № 1. С. 137–155. DOI: 10.17759/psyedu.2016080113
4. Виленский М. Я., Пешкова Н. В. Построение процесса физического воспитания студентов на основе личностно-развивающего подхода // Культура физическая и здоровье. 2006. № 2. С. 20–24.
5. Выдрин В. М. Неспециальное (непрофессиональное) физкультурное образование // Теория и практика физической культуры. 1995. № 5–6. С. 15–17.
6. Зюрин Э. А., Масыгина Н. В. Информатизация в системе дополнительного профессионального образования, как механизм интенсификации образовательного процесса // Вестник спортивной науки. 2018. № 2. С. 55–58.
7. Ключкина Г. О. Современные подходы к организации учебного процесса непрофессионального физкультурного образования // Модернизация физического воспитания и спорта в Российской Федерации : сборник материалов Российской науч.-практ. конф. с международным участием, 6–10 сентября 2010 г. / ред. В. М. Баршай, С. Н. Литвиненко. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2010. С. 46–48.
8. Куликов Л. М., Рыбаков В. В., Великая Е. А. Спортивная тренировка: управление, системность, адаптация, здоровье // Теория и практика физической культуры. 2009. № 7. С. 26–30.
9. Макеева В. С., Шавырина С. В. Управление психофизическим состоянием в процессе физического воспитания // Образование и саморазвитие. 2010. Т. 1, № 17. С. 225–230.
10. Макеева В. С., Токарева К. Е., Поляков Д. О. Формирование готовности к полисубъектному взаимодействию бакалавра физической культуры // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. С. 151
11. Наталов Г. Г. С чего начать модернизацию образования // Теория и практика физической культуры. 2003. № 12. С. 2–12.
12. Резер Т. М. Теория и технология подготовки медико-педагогических кадров в среднем профессиональном образовании : монография. М. : Гуманит. изд. центр «Владос», 2007. 333 с.
13. Сабирова Ф. М. Современные средства оценивания результатов обучения. Елабуга : Изд-во Елабужского пед. ун-та, 2007. 79 с.
14. Шумова Н. С., Бабиева Н. С., Байковский Ю. В. Формирование навыка самооценивания у спортсменок-волейболисток // Теория и практика физической культуры. 2018. № 11. С. 14–17.
15. Ямалетдинова Г. А., Макеева В. С. Культурологические аспекты образовательной подготовки студентов в сфере физической культуры // Образование и саморазвитие. 2011. № 3 (25). С. 119–125.
16. Piaw C.Y. Effects of computer-based testing on test performance and testing motivation // Computers in Human Behavior. 2012. Vol. 28. P. 1580–1586. DOI: 10.1016/j.chb.2012.03.020.

17. Rezer T., Symaniuk N., Kuznetsova E. Educational technologies in the era of «clip thinking» // INTED Proceedings. 12th international technology, education and development conference (INTED). 5–7 March, 2018, Valencia, Spain. Valencia, 2018. P. 6129–6133. DOI: 10.21125/inted.2018.1446.

Статья поступила в редакцию: 04.07.19
Принята к публикации: 19.09.19

References

1. Belykh SI. K opredeleniyu vektora modernizatsii vuzovskoi distsipliny «Fizicheskoe vospitaniye» v Ukraine [Concerning Identification of Modernization Vector in “Physical Education” College Discipline in Ukraine]. In: *Problemy sovershenstvovaniya fizicheskogo vospitaniya studentov [Problems of Students' Physical Education Improvement]: Proceedings of International Scientific and Practical Conference, February 2–3, 2012*. Moscow: Gubkin Russian State University of Oil and Gas; 2012. p. 11–13. (In Russ.).
2. Belykh SI. Tsennost' zdorov'ya v strukture lichnosti studenta: ot deklaratsii k deyatel'nosti zdavostroitel'stva [Value of Health in Student's Personality Structure: From Declarations to Health-Building Activity]. *Teoriya i praktika fizichnogo vikhovannya = Theory and Practice of Physical Education*. 2011;3: 369–375. (In Russ.).
3. Veraksa AN, Kondratichiev AN, Rasskazova EI. Aprobatsiya diagnosticheskogo instrumentariya po vyyavleniyu roli fenomena «sportivnoe udovol'stvie» v zavershenii sportivnoi kar'ery [Validating Diagnostic Toolbox for Identifying the Role of “Sport Pleasure” Phenomenon in Finishing Sports Career]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2016;8(1): 137–155. Available from: doi:10.17759/psyedu.2016080113. (In Russ.).
4. Vilensky MY, Peshkova NV. Postroenie protsessa fizicheskogo vospitaniya studentov na osnove lichnostno-razvivayushchego podkhoda [Building the Process of Students' Physical Education Based on Personality Development Approach]. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e = Physical Culture and Health*. 2006;2: 20–24. (In Russ.).
5. Vydrin VM. Nespetsial'noe (neprofessional'noe) fizkul'turnoe obrazovanie [Non-Specialized (Non-Vocational) Physical Culture Education]. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and Practice of Physical Culture*. 1995;5-6:15–17. (In Russ.).
6. Zyurin EA, Masyagina NV. Informatizatsiya v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya, kak mekhanizm intensivifikatsii obrazovatel'nogo protsessa [Informatization in the System of Additional Vocational Education as a Mechanism of Educational Process Intensification]. *Vestnik sportivnoi nauki = Sport Science Bulletin*. 2018;2: 55–58. (In Russ.).
7. Klyuchkina GO. Sovremennye pokhody k organizatsii uchebnogo protsessa neprofessional'nogo fizkul'turnogo obrazovaniya [Contemporary Approaches to Organizing the Academic Process of Non-Vocational Physical Culture Education]. In: Barshay VM, Litvinenko SN. (eds.) *Modernizatsiya fizicheskogo vospitaniya i sporta v Rossiiskoi Federatsii [Modernization of Physical Education and Sport in the Russian Federation]: Proceedings of Russian Scientific and Practical Conference with International Attendance, September 6–10, 2010*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press; 2010. p. 46–48. (In Russ.).
8. Kulikov LM, Rybakov VV, Velikaya EA. Sportivnaya trenirovka: upravlenie, sistemnost', adaptatsiya, zdorov'e [Sport Practice: Management, Consistency, Adaptation, Health]. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and Practice of Physical Culture*. 2009;7: 26–30. (In Russ.).
9. Makeyeva VS, Shavyrina S.V. Upravlenie psikhofizicheskim sostoyaniem v protsesse fizicheskogo vospitaniya [Managing Psycho-Physical State within Physical Education Process]. *Obrazovanie i samorazvitie = Education and Self-Development*. 2010;1(17): 225–230. (In Russ.).

10. Makeyeva VS, Tokareva KE, Polyakov DO. Formirovanie gotovnosti k polisub'ektnomu vzaimodeistviyu bakalavra fizicheskoi kul'tury [Building Readiness for Multi-Subject Interaction in Undergraduate Student of Physical Education]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Contemporary Problems of Science and Education*. 2015;4: 151 (In Russ.).
11. Natarov GG. S chego nachat' modernizatsiyu obrazovaniya [What to Begin Educational Modernization With]. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and Practice of Physical Culture*. 2003;12: 2–12. (In Russ.).
12. Rezer TM. *Teoriya i tekhnologiya podgotovki mediko-pedagogicheskikh kadrov v srednem professional'nom obrazovanii [Theory and Technology of Training Medicine and Pedagogy Professionals in Secondary Vocational Education]*. Moscow: Vldos; 2007. 333 p. (In Russ.).
13. Sabirova FM. *Sovremennye sredstva otsenivaniya rezul'tatov obucheniya [Contemporary Means of Assessing Training Results]*. Yelabuga: Yelabuga Pedagogical University Press; 2007. 79 p. (In Russ.).
14. Shumova NS, Babieva NS, Baykovsky YV. Formirovanie navyka samoocenivaniya u sportsmenok-voleibolistok [Building Self-Assessment Skill in Female Volleyball Players]. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and Practice of Physical Culture*. 2018;11: 14–17. (In Russ.).
15. Yamaletdinova GA, Makeyeva VS. Kul'turologicheskie aspekty obrazovatel'noi podgotovki studentov v sfere fizicheskoi kul'tury [Cultural Studies Aspects of Educational Training for Physical Culture Students]. *Obrazovanie i samorazvitie = Education and Self-Development*. 2011;3(25): 119–125. (In Russ.).
16. Piaw CY. Effects of computer-based testing on test performance and testing motivation. *Computers in Human Behavior*. 2012;28: 1580–1586. Available from: doi:10.1016/j.chb.2012.03.020.
17. Rezer T, Symaniuk N, Kuznetsova E. Educational technologies in the era of «clip thinking». In: *INTED Proceedings. 12th international technology, education and development conference. 5–7 March, 2018, Valencia, Spain*. Valencia; 2018. p. 6129–6133. Available from: doi:10.21125/inted.2018.1446.

Submitted 04.07.19 Accepted 19.09.19

DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS10
УДК 796

Показатели развития профессиональных компетенций у тренеров по чирлидингу

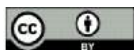
Галина А. Ямалетдинова,
АНО ВО «Гуманитарный университет»;
Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-4697-4228, e-mail: yamalga@mail.ru
Степан Е. Семенов,
Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0001-6245-0208

Аннотация. Профессиональные функции тренера давно расширились от простой подготовки спортсменов к соревнованиям до исполнения многочисленных ролей руководителя, педагога, психолога и др. С ростом популярности чирлидинга, совершенствованием методики, средств, условий спортивной подготовки повышаются требования к мастерству основных субъектов спорта, возрастает востребованность тренера как ключевой фигуры в воспитании успешных чирлидеров. Особенно это важно для спортсменов детских спортивных школ, где тренер воспитывает личность, необходимую обществу. В связи с этим целью исследования явилось изучение уровня развития профессиональных компетенций у тренеров по чирлидингу разной квалификации. Для реализации сформулированной цели использовались методы исследования: ретроспективный анализ психолого-педагогической литературы, изучение педагогического опыта, анкетирование, тестирование. Проведено исследование для определения необходимых профессиональных компетенций тренера по чирлидингу с учетом опыта педагогической деятельности. С помощью методик определялся уровень развития рефлексивности, волевой саморегуляции, эмпатийных тенденций, личностной агрессивности и конфликтности, диалогичности межличностных отношений, креативности. Выявлено, что тренеры с большим стажем практической работы обладают более высоким уровнем развития таких показателей, как конструктивность отношений (83 %), индекс настойчивости (83 %), знаковое мышление (67 %), креативность (33 %). У тренеров с меньшим стажем практического опыта наблюдается развитие этих качеств, в большинстве случаев, на среднем уровне. Следовательно, уровень развития компетенций, необходимых для эффективного профессионального становления тренера, в первую очередь зависит от наличия личного опыта и содержания системы образования.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, тренер, спорт, чирлидинг.

Для цитирования: Ямалетдинова Г. А., Семенов С. Е. Показатели развития профессиональных компетенций у тренеров по чирлидингу // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сб. науч. тр. XXI российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 года) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 602–610. – ISBN 978-5-7741-0372-0. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-PS10.

© Г. А. Ямалетдинова, С. Е. Семенов, 2019

Indicators of Professional Skills Development in Cheerleading Coaches

Galina A. Yamaletdinova,

Liberal Arts University – University for Humanities;
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-4697-4228, e-mail: yamalga@mail.ru

Stepan Ye. Semenov,

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0001-6245-0208

Abstract. By now, coach's professional functions have long been expanded: from merely training an athlete for competitions to performing multiple roles of a manager, teacher, psychologist, etc. With the growing popularity of cheerleading and improvement of methods, means and conditions of sports training, with enhanced requirements to skills in major sport subjects, the demand for a coach as the key figure in training successful cheerleaders also grows. It is particularly important for athletes from children sports schools where a coach is bringing up an individual the society needs. In this regard, the research was aimed at studying the level of professional skills development in cheerleading coaches of various qualifications. To achieve the above goal, the following research methods were applied: retrospective analysis of psychological and pedagogical literature, studying pedagogical experience, surveying, testing. A research was conducted to identify the required professional skills of cheerleading coaches, taking into account pedagogical activities. Methods were used to identify the development level of reflection capability, willful self-regulation, empathic trends, personal aggressiveness and propensity to conflict, dialogue-based structure of inter-personal relations and creativity. It was found that coaches with greater practical work experience had a much higher level of indicators like constructive relations (83 %), persistence index (83 %), sign-based thinking (67 %) and creativity (33 %). Most coaches with smaller practical experience had a medium level of these properties' development. Consequently, the level of skills required for coach's efficient professional development primarily depends on the personal experience and the content of educational system.

Keywords: professional skills, coach, sport, cheerleading.

For citation: Yamaletdinova GA, Semenov SYe. Indicators of Professional Skills Development in Cheerleading Coaches. In: Zaks LA, Semitko AP, Mitsek SA, et al. (eds.) *Russian Man and Power in the Context of Dramatic Changes in Today's World: Collection of academic papers from the 21st Russian scientific-practical conference (with international participation) (Yekaterinburg, April 12–13, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 602–610. Available from: doi:10.35853/UfH-RMP-2019-PS10.

Введение

Спорт уже давно стал неотъемлемой частью нашей жизни. Учитывая его стремительное развитие, возникает необходимость в подготовке высококвалифицированных специалистов в данной сфере деятельности [3; 4; 5; 8]. В подготовке таких специалистов заинтересованы не только будущие и действующие спортсмены, но и само Российское государство. Лидирование на спортивной мировой арене – престиж нашего государства, подъем страны в рейтинге мирового сообщества, повышение интереса к ней, как к сильному сопернику и как к стране, обладающей колоссальным опытом организации соревнований международного уровня.

Особенно высококвалифицированные специалисты требуются для проведения учебно-тренировочного процесса в детских спортивных школах. При работе с конкретным ребенком тренер вкладывает в него не только свои профессиональные знания, умения, навыки, но и цели, идеи, надежды. Именно он формирует подрастающую личность, необходимую и полезную обществу. Однако в доступной нам научно-методической литературе явно недостаточно рассмотрены компетенции, обеспечивающие эффективную работу тренера с детьми по чирлидингу. Это определяет актуальность выбранной нами темы.

Цель исследования заключается в определении уровня развития профессиональных компетенций у тренеров по чирлидингу различной спортивной квалификации.

Методы исследования

Для реализации сформулированной цели мы использовали следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный, ретроспективный анализ психолого-педагогической литературы, изучение педагогического опыта, наблюдение, тестирование, анкетирование. Тестирование осуществлялось с помощью шести методик определения уровня развития рефлексивности, волевой саморегуляции, эмпатийных тенденций, личностной агрессивности и конфликтности, диалогичности межличностных отношений, креативности и отдельных типов мышления.

Таблица 1

Характеристика методик для определения уровня развития компетенций

Методика	Ее характеристика	Автор	Год создания
Уровень развития рефлексивности	Определяет уровень умения человека анализировать, осмысливать, изучать, одним словом – рефлексировать	А. В. Карпов	2003
Уровень развития волевой саморегуляции	Отражает уровень произвольного контроля эмоциональных реакций и состояний, силу намерений человека	А. В. Зверьков, Е. В. Эйдман	1996
Уровень развития эмпатийных тенденций	Определяет уровень умения воспринимать и корректно трактовать свои эмоции, эмоции других людей	И. М. Юсупов	1996
Уровень развития личностной агрессивности и конфликтности	Выявляет склонность человека к конфликтности и агрессивности	Е. П. Ильин, П. А. Ковалев	2011
Уровень развития диалогичности межличностных отношений	Отражает стремление видеть и учитывать уникальность тех или иных отношений	С. В. Духновский	2010
Тип мышления и уровень развития креативности	Определяет уровень развития типов мышления и уровня развития креативности	Д. Брунер	1997

Понятие «компетенция» по-разному трактуется спортивными педагогами [2; 6; 7; 9]. Мы представляем его как динамическую совокупность знаний, умений, ценностей, необходимую для эффективной профессиональной деятельности и личностного развития тренера [10].

На основе теоретического анализа, наблюдения, опроса выявлены наиболее существенные (умения рефлексировать, произвольно контролировать эмоциональные реакции и состояния, воспринимать и трактовать свои и чужие эмоции) и менее значимые (умения держать под контролем свою агрессивность и конфликтность, учитывать индивидуальные особенности другого человека, пользоваться различными типами мышления и проявлять креативность) компетенции, которыми должен овладеть тренер по чирлидингу для эффективной профессиональной деятельности. Для определения уровня развития конкретной компетенции были использованы методики, представленные в таблице 1.

В исследовании принимали участие 12 тренеров с различным стажем работы, уровнем квалификации (городским, областным, региональным, всероссийским, европейским и мировым). Из них были выделены две группы: в первую группу вошли тренеры, стаж которых на момент исследования составлял менее трех лет; во вторую – тренеры со стажем работы более трех лет.

Результаты и обсуждение

После завершения тестирования по избранным методикам, были получены следующие результаты (табл. 2).

Сравнительный анализ данных показал, что в первой группе имеется дифференциация параметра «Рефлексивность», а у тренеров второй группы наблюдается только средний уровень развития этого показателя. Это свидетельствует о том, что более высокий уровень перехода в рефлексивную позицию позволяет видеть способы собственной деятельности в качестве отстраненного предмета, мыслительная работа становится независимой от цели и результата. Именно освобождение от этой предметной направленности задает движение мысли с ориентацией на свободное развитие [2; 4]. В этом случае появляется возможность выработки способов и средств рефлексии у всех тренеров второй группы.

Тренеры обеих групп имеют средний уровень развития показателя «Эмпатийные тенденции». Исследователями доказано, что выход за пределы среднего уровня не только для тренеров, но и для других людей является большой редкостью. Определена зависимость рассматриваемого показателя от тренерского опыта.

Анализ показателей «Волевая саморегуляция», «Диалогичность межличностных отношений» (Шкала конструктивности отношений) выявил наибольшее количество человек с высоким уровнем их развития в первой группе. Это характерно для эмоционального выгорания – состояния, характеризующегося умственным, эмоциональным и физическим истощением на фоне стресса, вызванного работой [1].

Таблица 2

**Оценка уровня развития компетенций у тренеров
по чирлидингу, %**

Параметры и его показатели		Группа	Уровни развития		
			Высокий	Средний	Низкий
Рефлексия		1	16,65	66,7	16,65
		2	0	100	0
Эмпатийные тенденции		1	0	100	0
		2	0	100	0
Диалогичность межличностных отношений	Шкала диалогичности отношений	1	16,7	83,3	0
		2	33,3	66,7	0
	Шкала самооценки отношений	1	33,3	50	16,7
		2	50	50	0
	Шкала конструктивности отношений	1	83,3	16,7	0
		2	50	50	0
Волевая саморегуляция	Индекс волевой саморегуляции	1	83,3	16,7	0
		2	50	33,3	16,7
	Индекс настойчивости	1	83,3	16,7	0
		2	66,7	16,65	16,65
	Индекс самообладания	1	83,3	16,7	0
		2	33,3	16,7	50
Личностная агрессивность и конфликтность	Позитивная агрессивность	1	0	50	50
		2	0	33,3	67,7
	Негативная агрессивность	1	0	67,7	33,3
		2	0	50	50
	Конфликтность	1	16,7	50	33,3
		2	16,7	33,3	50
Типы мышления и креативность	Предметное мышление	1	16,7	83,3	0
		2	0	66,7	33,3
	Символическое мышление	1	16,7	33,3	50
		2	0	50	50
	Знаковое мышление	1	66,7	16,65	16,65
		2	33,3	66,7	0
	Образное мышление	1	33,3	66,7	0
		2	50	50	0
Креативность	1	50	50	0	
	2	33,3	66,7	0	

Следует заметить, что тренеры с большим практическим опытом работы обладают и более высоким уровнем развития показателей «Шкала диалогичности отношений» и «Шкала самооценки отношений». По нашему мнению, на рассматриваемые показатели также оказывает влияние и система образования, сложившаяся во времена СССР.

У тренеров первой группы выявлен более высокий уровень развития различных типов мышления и креативности, что свидетельствует о влиянии стремительного развития информационного общества на познавательные процессы и качества личности.

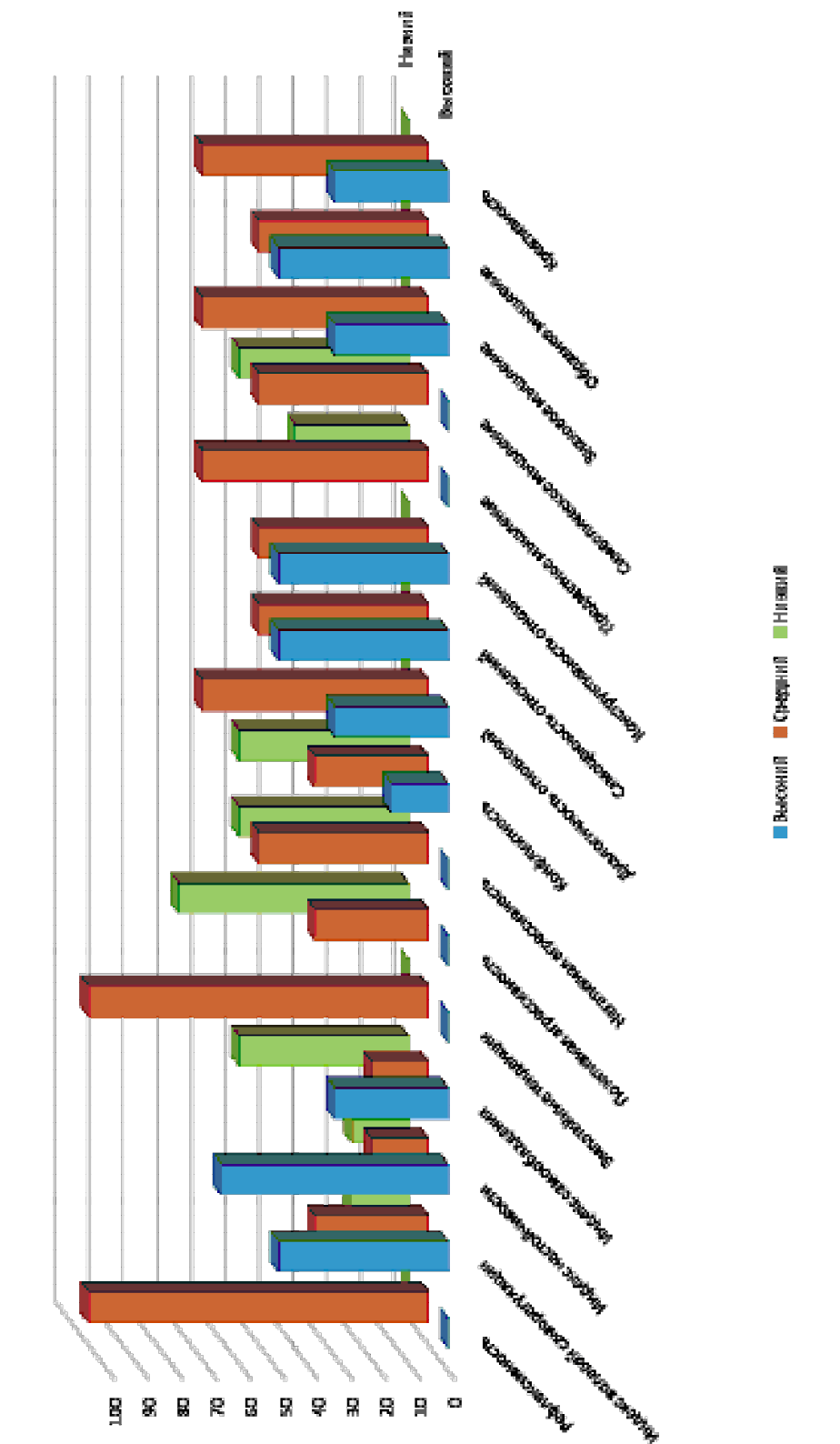

Рис. 2. Оценка уровня развития компетенций респондентов 2-й группы (%)

Таким образом, уровень развития компетенций, необходимых для эффективного профессионального становления тренера, в первую очередь зависит от наличия опыта и от структуры и содержания системы образования.

Информация об авторах

Галина Александровна Ямалетдинова, доктор педагогических наук, АНО ВО «Гуманитарный университет»; профессор кафедры теории физической культуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Степан Евгеньевич Семенов, студент 3-го курса, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт физической культуры, спорта и молодежной политики (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Galina A. Yamaletdinova, Dr. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Head of Department of Fitness Training, Professional and Applied Physical Training, Liberal Arts University – University for Humanities; Professor, Department of Physical Education Theory, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Stepan Ye. Semenov, Third-Year Student, Institute of Physical Culture, Sports and Youth Policy, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Борневассер М. Стресс в условиях труда // Психические состояния : хрестоматия. СПб. : Питер, 2000. 233 с.
2. Макеева В. С., Токарева К. Е. Методика коммуникативной подготовки в игровых видах спорта // Форсайт образования: ценности, модели и технологии дидактической коммуникации XXI века : колл. монография / под ред. М. Р. Арпентьевой и др. Торонто : Издательско-литературное агентство «Альта-сфера», 2018. С. 577–584.
3. Макеева В. С., Чернов С. В., Бруй К. Е., Сунь М. Формирование мотивов к спортивному совершенствованию и участию в физкультурно-спортивной деятельности обучающихся вузов спортивного профиля // Педагогика и просвещение. 2019. № 2. С. 77–83. DOI: 10.7256/2454-0676.2019.2.28899.
4. Неверкович С. Д., Мушаков А. А. Рефлексивная культура – как механизм совершенствования профессиональной деятельности физкультурных кадров // Спортивный психолог. 2008. № 3. С. 9–13.
5. Полиевский С. А., Раевский Р. Т., Ямалетдинова Г. А. Профессиональная и военно-прикладная физическая подготовка на основе экстремальных видов спорта : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. 392 с.
6. Потапов И. С., Чудиновских А. В. Формирование компетенций велосипедиста в шоссейных гонках у юношей 13–14 лет // Современные проблемы развития физической культуры и спорта : сборник материалов международной научно-практической конференции. Актобе : Актюбинский региональный гос. ун-т, 2018. С. 399–404.
7. Рыкова Б. В., Синяев С. С. Формирование коммуникативной компетенции как фактор успешной спортивной деятельности футболистов высокой квалификации // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 281–284.
8. Столяров В. И., Окуньков В. Н., Зюрин Э. А. Теоретико-методологические основания современной концепции массового спорта // Вестник спортивной науки. 2019. № 3. С. 58–64.
9. Хозяинов Г. И. Мастерство педагога в процессе образования и обучения. М. : Физическая культура, 2006. 224 с.

10. Ямалетдинова Г. А. Педагогика физической культуры и спорта. М. : Юрайт, 2017. 244 с.

Статья поступила в редакцию: 05.08.19
Принята к публикации: 19.09.19

References

1. Bornewasser M. Stress v usloviyakh truda [Stress in Work Conditions]. In: *Psikhicheskie sostoyaniya [Mental Conditions]: Anthology*. Saint Petersburg: Piter; 2000. 233 p. (In Russ.).
2. Makeyeva VS, Tokareva KE. Metodika kommunikativnoi podgotovki v igrovyykh vidakh sporta [Method of Communicative Training in Competitive Sports]. In: Arpentieva MR, et al. (eds.) *Forsait obrazovaniya: tsennosti, modeli i tekhnologii didakticheskoi kommunikatsii 21 veka [Educational Foresight: Values, Models and Technologies for 21st Century Didactic Communication]*. Toronto: Altasfera Publishing and Literary Agency; 2018. p. 577–584. (In Russ.).
3. Makeyeva VS, Chernov SV, Brui KE, Sun M. Formirovanie motivov k sportivnomu sovershenstvovaniyu i uchastiyu v fizkul'turno-sportivnoi deyatel'nosti obuchayushchikhsya vuzov sportivnogo profilya [Shaping Motives for Sports Improvement and Participation in Physical and Sports Activities in Sports-Profile College Students]. *Pedagogika i prosveshchenie = Pedagogy and Enlightenment*. 2019;2: 77–83. Available from: doi:10.7256/2454-0676.2019.2.28899. (In Russ.).
4. Neverkovich SD, Mushakov AA. Refleksivnaya kul'tura – kak mekhanizm sovershenstvovaniya professional'noi deyatel'nosti fizkul'turnykh kadrov [Reflection Culture as a Mechanism of Improving Professional Activity of Physical Education Professionals]. *Sportivnyi psikholog = Sports Psychologist*. 2008;3: 9–13. (In Russ.).
5. Poliyevskiy SA, Rayevskiy RT, Yamaletdinova GA. *Professional'naya i voenno-prikladnaya fizicheskaya podgotovka na osnove ekstremal'nykh vidov sporta [Professional and Applied Military Physical Training Based on Extreme Sports]*. Yekaterinburg: University for Humanities; 2013. 392 p. (In Russ.).
6. Potapov IS, Chudinovskikh AV. Formirovanie kompetentsii velosipedista v shosseinykh gonkakh u yunoshei 13–14 let [Building Cyclist's Skills in Road Racing for 13–14-Year-Old Boys]. In: *Sovremennye problemy razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta [Contemporary Problems of Physical Culture and Sport Development]: Proceedings of International Scientific and Practical Conference*. Aktobe: Aktobe regional state university; 2018. p. 399–404. (In Russ.).
7. Rykova BV, Sinyaev SS. Formirovanie kommunikativnoi kompetentsii kak faktor uspekhov sportivnoi deyatel'nosti futbolistov vysokoi kvalifikatsii [Building Communicative Competence as a Factor of Successful Sports Activities in Top-Qualification Soccer Players]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2012;4: 281–284. (In Russ.).
8. Stolyarov VI, Okunkov VN, Zyurin EA. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya sovremennoi kontseptsii massovogo sporta [Theoretical and Methodology Grounds for Contemporary Mass Sport Concept]. *Vestnik sportivnoi nauki = Sport Science Bulletin*. 2019;3: 58–64. (In Russ.).
9. Khozyainov GI. *Masterstvo pedagoga v protsesse obrazovaniya i obucheniya [Teacher's Craft During Educational and Training Process]*. Moscow: Physical Culture; 2006. 224 p. (In Russ.).
10. Yamaletdinova GA. *Pedagogika fizicheskoi kul'tury i sporta [Pedagogy of Physical Culture and Sport]*. Moscow: Urait; 2017. 244 p. (In Russ.).

Submitted 05.08.19 Accepted 19.09.19

Научное издание

**Российский человек и власть
в контексте радикальных изменений
в современном мире**

**Сборник научных трудов
XXI российской
научно-практической конференции
(с международным участием)**

12–13 апреля 2019 года

Редактор С. В. Фельдман
Компьютерная верстка В. В. Курьянович

Подписано к изданию 03.12.2019. Формат 60x90/16.
Уч. изд. л. 41,12. Усл. печ. л. 35,47.

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Scientific publication

**Russian Man and Power
in the Context of Dramatic Changes
in Today's World**

Collection of academic papers from the
21st Russian scientific-practical conference
(with international participation)
(Yekaterinburg, April 12–13, 2019)

Computer layout V.V. Kuryanovich
Signed for publication 03.12.2019.
Format 60 x 90/16

Liberal Arts University – University for Humanities
620041, Russia, Yekaterinburg,
Zheleznodorozhnikov street 3, off. 207.
E-mail: ektbriogu@mail.ru
URL: <https://gu-ural.ru/>